Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек,
Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская

БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКОВЕДА О. М. КОВАЛЕВСКОГО

БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКОВЕДА О. М. КОВАЛЕВСКОГО

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts
Kazan Federal University
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
State Budgetary Institution Kniga Pamyati Editorial Office

R. M. Valeyev, V. Y. Zhukov, I. V. Kulganek,
D. E. Martynov, O. N. Polyanskaya

BIOGRAPHY AND ACADEMIC LEGACY OF ORIENTALIST JÓZEF KOWALEWSKI

(*based on materials from archives and manuscript collections*)

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
Saint Petersburg — Kazan
2020

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский федеральный университет
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова
Государственное бюджетное учреждение «Редакция „Книга Памяти“»

Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек,
Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская

БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКОВЕДА О. М. КОВАЛЕВСКОГО

(*по материалам архивов и рукописных фондов*)

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург — Казань
2020

УДК 008(-11)Ковалевский
ББК Т3(5Мо)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (№ 17-01-00209-ОГН; № 20-09-00385а) и в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета

Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. — СПб.; Казань, 2020. — 440 с.: ил.

Б 63

Монография «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского» подготовлена научным коллективом востоковедов Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ и посвящена научной деятельности российского и польского востоковеда-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского (1800/01–1878), заслуги которого перед мировой наукой огромны. Являясь прекрасным знатоком монгольского языка, культуры и истории, он написал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку монгольских народов. Ему принадлежит французско-русско-монгольский словарь, востребованный специалистами до настоящего времени. При нем была открыта первая в мире кафедра монгольской словесности в Казанском университете, которую он возглавлял на протяжении более полутора десятилетий.

В монографии освещается период, предшествовавший расцвету монголоведения в России, дается характеристика развития этого направления в Казанском университете, предлагается очерк жизни О. М. Ковалевского, анализируется его научная деятельность и вклад в отечественное монголоведение.

Важное место уделено эпистолярному наследию ученого, его неизданным архивным материалам, хранящимся в архивах Казани и Санкт-Петербурга, в том числе впервые вводимым в научный оборот (письма, дневники, научные труды О. М. Ковалевского).

Издание рассчитано на всех интересующихся историей отечественного востоковедения.

The monograph "Biography and academic legacy of orientalist Józef Kowalewski" (1800/01–1878) has been prepared by a team of orientalists of Kazan, Saint Petersburg, Ulan-Ude. It is devoted to the academic work of the Russian and Polish Mongolian scholar Józef Kowalewski, whose scientific achievements are immense and have global significance. Being a wonderful expert on the Mongolian language, culture and history, he wrote quite a few fundamental works on Buddhism, literature and language of Mongolian peoples. Among those is a French-Russian-Mongolian dictionary, which has been highly regarded and widely used by experts even up until now. The first academic department of Mongolian philology was opened in Kazan University during the period of his work there, and he headed this department for over a decade and a half.

This monograph is devoted to the period that preceded the blossom of Mongolian studies in Russia, the development of this focus area in Kazan University is defined and described, a biographical profile of Józef Kowalewski is presented, his academic work and his contribution to Mongolian studies in Russia are analyzed.

Certain attention is given to the epistolary legacy of the scholar, his unpublished archival materials, which are stored in the archives of Kazan and Saint Petersburg, including ones that are introduced into the academic discourse for the first time. These include letters, diaries and academic works by Józef Kowalewski.

ISBN 978-5-85803-537-4
DOI 10.25882/s0mv-3n95

© Коллектив авторов, 2020
© Петербургское Востоковедение, 2020
© ИВР РАН, 2020
© Казанский федеральный университет, 2020

Оглавление

Вступительное слово (*И. Ф. Попова*) 6
Вступительное слово (*И. Р. Гафуров*) 8
Foreword (*Audrius Beinorius*) 11

Введение 13
Предисловие 15

Глава I. Биография О. М. Ковалевского 22

1. Юные годы, семья 22
2. Научная экспедиция в Восточную Сибирь (1828–1833) 27
3. Просветительская и педагогическая деятельность О. М. Ковалевского 46

Глава II. Научное и архивное наследие О. М. Ковалевского 75

1. Дневниковое наследие ученого 75
2. Эпистолярное наследие 82
3. Архивные материалы 93
4. Неизданные научные труды по монголоведению 107

Глава III. Документы 153

1. Востоковедение в законодательных актах России (XIX — нач. XX в.) 153
2. Деловая переписка О. М. Ковалевского 154
3. О преподавании языков 251
4. Путевые дневники О. М. Ковалевского 256

Summary 433
Список основных трудов О. М. Ковалевского 436
Список сокращений 437
Список использованных интернет-источников 438
Об авторах 439

Вступительное слово

Издание монографии «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов)», подготовленной научным коллективом исследователей Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, приурочено к 220-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, одного из основателей отечественной школы монголоведения Осипа Михайловича Ковалевского (1800/01–1878).

В России востоковедение всегда было не только научной дисциплиной, но и важным средством самопознания, составной частью собственной культуры и крупным общественно значимым фактором. На протяжении столетий Восток влиял на становление и развитие российской государственности, на нашу культуру и менталитет, что объяснялось в первую очередь непосредственным соседством с исконно проживавшими на территории России восточными народами, а также теснейшими исторически сложившимися контактами нашей страны с Азией. Но был и еще один фактор — интернационализм, который сделал российское востоковедение уникальной дисциплиной.

Созданная указом Петра Великого 28 января (8 февраля) 1724 г. Российская академия наук вобрала лучший опыт европейских академий, при этом отличаясь от них обширным «гуманитарным классом», к которому из первых двенадцати приглашенных академиков было отнесено пятеро. Все они были выпускниками лучших университетов Европы и внесли в российскую науку отточенный и расчетливый западный академизм. Российскую науку обогатили труды первого российского востоковеда, специалиста по древним и восточным языкам Т. З. Байера (1694–1738). Но российское востоковедение не было бы востоковедением, если бы помимо «ума» не имело «души».

Так получилось, что воспитанию этой «души» содействовала именно Казань, где сформировались как востоковеды Х. Д. Френ, О. М. Ковалевский, А. М. Казем-бек и многие другие ученые, составившие гордость нашей гуманитарной науки. Проведя годы в восточной губернии Российской империи, пообщавшись с представителями местной интеллигенции, впитав традиции местной учености, они развили уникальный «дух» отечественной востоковедной науки. Этот «дух» заключался в глубоком уважении к культуре восточных народов, в стремлении ее сохранить, в просветительской деятельности, желании включить изучаемые этносы и их религии в пространство российской государственности.

Осип Михайлович Ковалевский получил образование в Виленском университете, одном из старейших учебных заведений «западных окраин» Российской империи. В Вильне, наряду с Дерптом и Гельсингфорсом, преподавание восточных языков велось еще до издания Александром Первым в 1804 г. первого общего устава российских университетов. Здесь ощущалось влияние тра-

иций польских иезуитских школ с сильным преподаванием библейской экзегетики и классической филологии. О. М. Ковалевский в университете специализировался на античной греческой и латинской филологии и наверняка проявил бы себя и в этих областях, если бы не поворот судьбы, приведший его сначала в общество филоматов, а затем — к ссылке и переезду в Казань.

В Казанском университете востоковедение непрерывно развивалось с 1807 г. Вначале главными дисциплинами считались арабистика и восточная нумизматика, что было связано с научными интересами Х. Д. Френа (1782–1851). Важным направлением с момента основания университета была тюркология, представленная здесь в первую очередь изучением татарского языка. Впоследствии необходимость комплексного изучения обширных пространств Евразии привела к решению включить в университетские курсы монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритологию. О. М. Ковалевский и его коллега Александр Васильевич Попов (1808–1865) в 1828 г. направляются в Иркутск, где они изучают монгольский язык под руководством А. В. Игумнова (1761–1834) и откуда совершают поездки в бурятские и монгольские степи. За период научных экспедиций 1828–1833 гг. в Забайкалье, Монголию и Китай О. М. Ковалевский собрал уникальные материалы по письменной культуре, языку, религии, этнографии монгольских народов. Изданные позже на основе этих материалов работы, прежде всего Монгольско-русско-французский словарь (1846), вошли в классику мирового монголоведения, а в России определили развитие этой дисциплины на годы вперед.

Огромен вклад О. М. Ковалевского в университетское востоковедение. Он воспитал замечательную плеяду исследователей, в числе которых были Д. Банзаров, А. А. Бобровников, В. П. Васильев, Г. Гомбоев, В. Л. Котвич, А. М. Позднеев. Более двадцати лет О. М. Ковалевский возглавлял в Казанском университете кафедру монгольской словесности, избирался деканом, в течение восьми лет исполнял обязанности ректора.

Так случилось, что по возвращении в Польшу О. М. Ковалевский утратил значительную часть своего архива. Это повлияло на характер его исследований и преподавательской деятельности в Варшавском университете. Тем не менее он в прямом смысле «до последнего вздоха» оставался верным служителем и академической науки, и университетского преподавания.

В последние годы российские монголоведы многое сделали для того, чтобы найти и ввести в научный оборот научное наследие О. М. Ковалевского, восстановить факты его биографии. Для этого исследователями, к числу которых относятся авторы и составители данной монографии, проделана огромная архивная работа. Были проведены конференции памяти О. М. Ковалевского, опубликованы сборники статей о нем (2002; 2004). Предлагаемая читателю монография содержит новую и очень ценную информацию, позволяющую еще раз представить масштаб и значение Осипа Михайловича Ковалевского как гуманиста, гуманитария-энциклопедиста, подвижника науки.

И. Ф. Попова,
директор Института восточных рукописей РАН,
член-корреспондент Российской академии наук

Вступительное слово

На рубеже 2020 и 2021 гг. исполняется 220 лет со дня рождения Осипа Михайловича Ковалевского (польск. Józef Szczepan Kowalewski — Юзеф Щепан Ковалевски; род. 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г.), ум. 26 октября (7 ноября) 1878 г.) — известного российского ученого, педагога и просветителя польского и белорусского происхождения, филолога и антиковеда, востоковеда-монголоведа и буддолога, ректора Казанского университета, одного из основоположников научного университетского и академического монголоведения в России, Белоруссии и Польше.

Монография «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов)» подготовлена коллективом ученых из Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ и посвящена научной деятельности выдающегося гуманиста и востоковеда-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского, заслуги которого перед мировой наукой огромны. Являясь прекрасным знатоком монгольского языка, культуры и истории, он написал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку монгольских народов.

Судьба Осипа Михайловича Ковалевского стягивает воедино научное и гуманитарное наследие европейских стран, России, Поволжья, Забайкалья, Монголии и Китая. 220 лет назад появился на свет ученый, которому было суждено прославить российскую науку и Казань как центр мирового монголоведения. Наше время требует знания языков, работы на стыке специальностей, мобильности во всем, что подчас вызывает не только смену места работы, но изменение и образа жизни и культуры. Два века назад примером собственной жизни Ковалевский доказал возможность успешного осуществления всего перечисленного. Первым языком для него был польский: будучи польско-белорусского происхождения, он был воспитан в польской культуре, дружил с Адамом Мицкевичем. Получив образование в Вильнюсском университете, Ковалевский мог стать выдающимся антиковедом (за свои переводы он был удостоен премии российского Министерства народного просвещения), однако жизнь распорядилась иначе. Вследствие политических потрясений молодой ученый был вынужден перебраться в Казань, однако духом не пал: продолжал переводить с древнегреческого на польский и одновременно изучал новые языки (татарский, арабский и персидский).

Когда попечителем Казанского учебного округа стал М. Н. Мусин-Пушкин, а ректором был назначен Н. И. Лобачевский, Казань сделалась крупнейшим в России и Европе центром университетской ориенталистики. Университет не мог обойтись без специалиста по Монголии, и Ковалевский был предложен на эту роль. Без малого пять лет он прожил на необъятных просторах Восточной Сибири и Забайкалья, объехал множество монастырей Бурятии,

смог посетить Пекин — столицу самой закрытой тогда страны мира и даже прожил там 7 месяцев. С 1833 г. Ковалевский начал тридцатилетнюю карьеру академического ученого и государственного служащего. Он стал заведующим кафедрой монгольского языка (первой в Европе), многократно избирался деканом Восточного разряда, одновременно возглавляя кафедру педагогики и даже Вторую Казанскую гимназию. Он успевал всё: созданный им французско-русско-монгольский словарь в трех томах до сих пор является непревзойденным инструментом изучения и перевода старой монгольской литературы.

О. М. Ковалевский стоял также у истоков буддологии в России. В «Ученых записках Казанского университета» им был опубликован первый объемный труд по философии буддизма, основанный на первоисточниках. Его ученик В. П. Васильев длительное время возглавлял Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, сделался академиком и опубликовал первый русско-китайский словарь. Ковалевский руководил университетским музеем и государственной экзаменационной комиссией, ибо за что бы он ни брался, всё делалось основательно и прочно. И даже рожденные в Казани сыновья Ковалевского не оправдали известной пословицы, ибо один из них сам со временем возглавил Казанский университет, а второй удостоился звания академика живописи. Сам Осип Михайлович возглавлял Казанский университет в 1855–1860 гг.

Мы можем сказать, что Осип Михайлович Ковалевский прожил три или четыре разные жизни. Отголоски политических потрясений, закинувших ученого на максимальное расстояние от малой родины, вернули его в 1860-е гг. обратно в Польшу. Лишившись всего рукописного архива, он в очередной раз был вынужден начать жизнь заново и практически до самой смерти возглавлял историко-филологический факультет Варшавского университета, занимаясь всемирной историей и оставленным в молодости антиковедением. При этом он демонстративно сохранял верность Российской империи, понимая, что узкий местный национализм губительно сказывается не только на отдельной личности, но и на целых народах.

Ковалевский был замечательным полиглотом, владел основными европейскими старыми и новыми языками и многими восточными. Дневник его сложно читать неспециалисту: свои мысли и события он записывал на русском, польском, немецком, английском, татарско-турецком и монгольском языках — в зависимости от страны и предмета, и каждый новый язык добавлял новую грань восприятия мира. Осип Михайлович с одинаковой легкостью писал статьи в российскую и французские энциклопедии, состоял в научных обществах Дании, Франции и России. Ковалевский не просто посвятил свою жизнь большой науке — он стал творцом университетской науки о Востоке и университетского востоковедного образования, воспитав целую плеяду учеников, которых заряжал не только научными знаниями, но и навыками осмысления языков и культур народов Востока. Ковалевский был истинным гуманистом во всех смыслах этого слова и подлинным человеком мира, который умел, не отрываясь от своих корней, органично приживаться в той стране, куда его заносила судьба. Благодаря в том числе и Ковалевскому российская востоковедная наука вышла на ведущие позиции в мире. Его опыт — опыт человека, патриота, учителя и воспитателя! — остается востребованным ученой общественностью России, Белоруссии, Польши, Монголии и Китая.

Данная коллективная монография известных востоковедов из ведущих университетских и академических центров России — объективное подтверждение славных страниц летописи Казанского федерального университета, истории отечественного и европейского востоковедения и современного научного, культурного и гуманитарного сотрудничества.

И. Р. Гафуров,
ректор Казанского федерального университета

FOREWORD

It is my honour and pleasure to write a few introductory words for present volume dedicated to the world famous scholar Józef (Osip, Juzef, Juozapas) Kowalewski. I would like to mention briefly here an important early period of his life related to the studies and work at Vilnius University. Asian studies were commenced in Lithuania in the year 1810, at Vilnius university which was founded in 1579 by the King of Poland and Grand Duke of Lithuania Stepanus Batoreus and is the oldest academic institution in present days Lithuania.

Two hundred years is a comparatively short period, but these years have a wealthy history, especially keeping in mind that Asian or Oriental studies, as it was called at the beginning of this period, was a newly emerging academic field that has grown from a purely comparative and philological approach to recently discovered non-European cultures due to of the increasing implications of colonial aims and the imperative to manage properly those subjugated Asian counties and nations. Certainly, an integral part of this interest in Asian learning was European romantic fascination with the cultural and intellectual "otherness" of that area.

Lithuania was not excepted from this kind of intellectual involvement. The beginning of the 19th century was a politically complicated and turbulent period in Lithuanian history. After the third and last division of the Polish–Lithuanian Commonwealth, between Tsarist Russia and Prussia in year 1795, the Grand Duchy of Lithuania became an eastern province of the Russian Empire and formally disappeared from the world map for a more than a century. Notwithstanding, some academic institutions, including the principle one, Vilnius University, continued their activities, even though under the strict control and supervision of Russian officials.

Intellectuals of Vilnius university clearly understood in those days the importance and future prospects of developing Asian studies. And due to the activities of non-formal student societies (the Filarets, Filomats, and Shubravcy) and members of Free-masonic lodges, especially of the "Zealous Lithuanian" (*Gorliwy Litvin*) lodge that united many of University's professors, including the teacher of Kowalewski, professor of classical philology G. E. Groddek, the romantic fascination with the East developed into serious academic preoccupations.

The Department of Eastern Languages at Vilnius University was formally founded on 1 June 1810. There was no one, however, who was qualified to take the position of head of the department. In 1822 Kazimierz Kontrym, a famous Vilnius intellectual and university adjunct, handed a memorandum to Prince Adam Jerzy Czartoryski, the educational curator (governor) of Vilnius District, concerning the establishment of an *Institute of Oriental languages* at the University of Vilnius. The goal of the institute was teaching Mongolian, Armenian, Turkish, Arabic, and Persian. Moreover, to promote the learning of Bengalese, Sinhalese, Sanskrit, and other languages, Kontrym sought to send students to India and Ceylon for training.

It was a particularly notable endeavour, because departments of Oriental studies at other European universities of that period were still at the stage of inception. At the turn of the 19th century, the scientific study of the Orient had started in various Western European countries. To promote a more authentic understanding of the East in the West, translations of seminal works in religion, philosophy, and poetry by Arabic, Persian, Indian, and other Oriental writers were published.

Had Kontrym's idea of an institute of Oriental languages been accepted, Vilnius University would have been among the first European institutions to study the Orient and would currently have a notably rich research tradition. For unknown reasons however, the project was not accepted and the university's talented students were forced to scatter around the world.

Only in 1822 was the Arabic language incorporated into the curricula, to be followed by Persian 4 years later. This short-lived achievement was however interrupted by the closure of Vilnius university due to the participation of its members in the rebellion of 1830–31. Nevertheless, several of the university's alumni became specialists of world significance: Józef Kowalewski pioneered Mongol studies at Kazan University, Russia, and later became its rector and Józef Sękowski, famous specialist in arabic studies, headed the Department of arabic and turkish at St Petersburg University.

Professor Józef (Osip) Kowalewski (1800/01–1878) was a graduate of Vilnius University. He managed to became the first chair of Mongolian literature in Russia and Europe. Significant for the history of Oriental studies were his academic travel to Siberia, Buryatia, Mongolia and China (1828–1833) and his collection of unique books, manuscripts, and other rich ethnographic materials of the people of Central Asia. It was a really fascinating story of how Kowalewski became a world-renowned scholar of classical works in Mongolian research and Buddhism and discusses his investigation of the history, languages, literature, religions, folklore, and ethnography of the Mongolian people.

Still much early materials of O. M. Kowalewski are kept in library holdings of Vilnius University'. The famous diary that was written by Josef Kowalewski is stored in the Manuscript department of the Vilnius University Library. The document, entitled "Diary of Pursuits in 1832" is an important source of history and ethnography of Mongolian-speaking peoples and is an essential supplement to well-known materials about these peoples.

A great job of dealing with Kowalewski's archives, his scientific and cultural heritage was done by contemporary Russian sholars and present volume providing so much light on his life is an excellent example of those persistent endeavours. My humble task is just to remind about the place where O. M. Kowalewski got his education, where he studied and started his academic activities. Contemporary Institute of Asian and Transcultural Studies at Vilnius University would not be possible without impact of such devoted scholars as Kowalewski was. This is why the biggest classroom of the Asian Institute at Vilnius University is nowadays named as *J. Kowalewski's auditorium*. My congratulations to the authors and editors of the present volume.

Academic, Professor Audrius Beinorius,
Institute of Asian and Transcultural Studies, Vilnius University, Lithuania

Введение

Монография «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского», подготовленная коллективом востоковедов Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, посвящена научной деятельности российского и польского востоковеда-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского (1800/01–1878), заслуги которого перед мировой наукой огромны. Являясь прекрасным знатоком монгольского языка, культуры и истории, он написал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку монгольских народов. Ему принадлежит французско-русско-монгольский словарь, востребованный специалистами до настоящего времени. При нем была открыта первая в мире кафедра монгольской словесности в Казанском университете, которую он возглавлял на протяжении более полутора десятилетий.

В коллективной монографии освещается период, предшествовавший расцвету монголоведения в России, дается характеристика развития этого направления в Казанском университете, предлагается очерк жизни О. М. Ковалевского, анализируются его научная деятельность и вклад в отечественное монголоведение. Определенное место уделено эпистолярному наследию ученого, его неизданным архивным материалам, хранящимся в архивах Казани и Санкт-Петербурга, в том числе впервые вводимым в научный оборот. К ним относятся письма, дневники, научные труды О. М. Ковалевского.

В предлагаемой читателю книге невозможно выделить главы или разделы, написанные каким-либо одним из соавторов, поскольку все авторы работали над изучением творчества и биографии О. М. Ковалевского в течение многих лет, каждая глава является плодом коллективного труда, когда мысль одного автора дополняется сюжетом, фрагментами, материалами другого автора. Можно говорить лишь о приоритете какого-либо автора в написании той или иной части монографии. Так, например, проблемами востоковедения казанского периода специально занимался Р. М. Валеев, и эти фрагменты в книге написаны им; дневниковому наследию О. М. Ковалевского посвящен ряд изданных работ Р. М. Валеева, И. В. Кульганек, О. Н. Полянской, и в книге именно ими написан очерк о дневниках О. М. Ковалевского, которые он вел по дороге в Пекин и обратно, а также во время нахождения на протяжении семи месяцев в столице Китая. Д. Е. Мартынову наиболее близки сюжеты, связанные с китайской тематикой, им предоставлен материал о Н. И. Зоммере. Биографией О. М. Ковалевского занимались все авторы книги, изыскания относительно родных и близких ученого в большей степени принадлежат В. Ю. Жукову, комментарии к эпистолярному наследию востоковеда в основном написаны О. Н. Полянской, неизданный архивный материал, предложенный в книге, предоставили преимущественно И. В. Кульганек и В. Ю. Жуков.

Однако каждый автор принимал непосредственное участие в создании общего текста.

Книга рассчитана на специалистов по истории и культуре Центральной Азии и всех интересующихся историей Востока и России, историей ориенталистики.

Авторы выражают огромную благодарность сотрудникам российских архивов, Российскому фонду фундаментальных исследований, Российскому научному фонду, директору Института восточных рукописей РАН И. Ф. Поповой, ректору Казанского федерального университета И. Р. Гафурову и ректору Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова А. В. Тимирясовой, а также всем, кто оказал поддержку и помощь в подготовке этой работы к изданию.

Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек,
Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская

Предисловие

Осип (Иосиф) Михайлович Ковалевский (*польск*. Józef Szczepan Kowalewski — Юзеф Щепан Ковалевски; 28 декабря 1800 / 9 января 1801 — 26 октября / 7 ноября 1878) — российский ученый, педагог и просветитель польского происхождения, филолог и историк-антиковед, востоковед-монголовед и буддолог, один из основоположников научного университетского монголоведения в России и Польше. Он занимался изучением истории, языков, литературы и этнографии монгольских народов, является автором первых словарей, учебных пособий для научного изучения монгольского народа и научных трудов по буддизму. Первая научная работа «Сообщение о жизни и письмах Лонгина» опубликована в 1822 г.

О. М. Ковалевский был кандидатом Казанского университета (1820 или 1821 г.). Заведовал первой в России и Европе кафедрой монгольского языка Казанского университета (1833–1855). Профессор (1835–1860) и декан историко-филологического факультета (1837–1841, 1845, 1852–1855) этого университета, Варшавской главной школы (1862–1869) и Варшавского университета (1869–1878). Ректор Казанского университета (1855–1860). Член-корреспондент по разряду истории и словесности азиатских народов (с 22.12.1837), ординарный (штатный, занимающий кафедру) академик — действительный член по этому же разряду (с 4.12.1847) Петербургской академии наук (АН). По другим данным, в 1847 г. не был утвержден императором Николаем I. Почетный член Азиатского общества в Париже (1839), действительный член Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете (1840), Королевского датского общества северных антиквариев (1844) и Виленской археографической комиссии (1868).

Почетный член Казанского университета (1878). Лауреат Демидовской премии 1846 г. за трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (1844–1849). Тайный советник (1872). Перевел на польский язык «Историю» Геродота, «Жизнеописания» Плутарха и «Метаморфозы» Овидия (1823). Основатель монголоведной научной школы. Среди его учеников — востоковеды Д. Банзаров (ок. 1822–1855), А. А. Бобровников (1821 или 1822–1865; автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка», удостоенной Демидовской премии), будущий академик В. П. Васильев (1818–1900), Г. Гомбоев (1818 или 1822–1863), Н. И. Зоммер (1824–1847) и др.

Окончил Осип Михайлович Свислочскую (Гродненскую губернскую академическую) гимназию (1808–1817) — одно из лучших польских учебных заведений, находившееся под попечением Виленского университета.

В биографии Ковалевского выделяются три основных этапа — виленский (1817–1824), казанский (1824–1862) и варшавский (1862–1878).

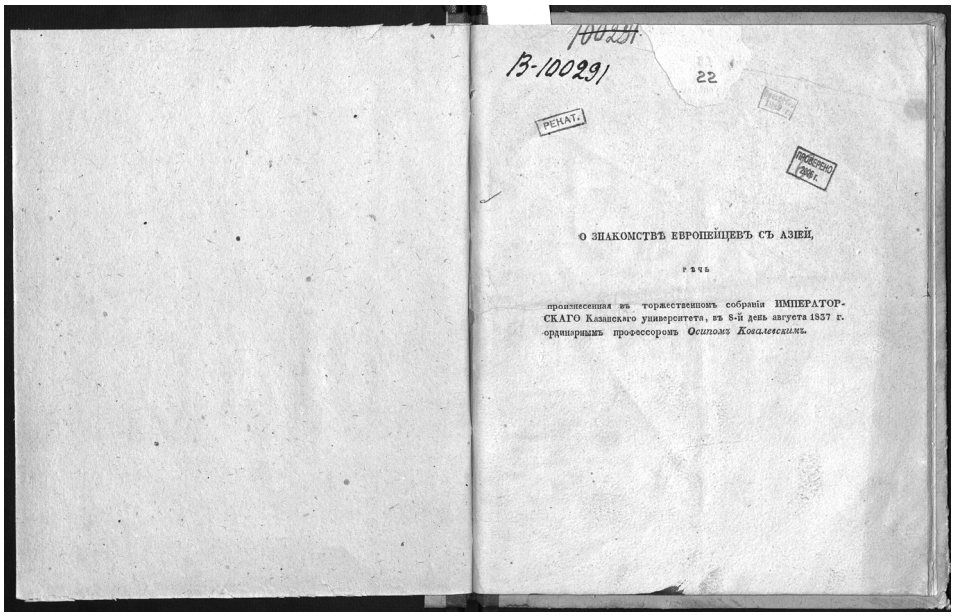
Виленский период (*1817–1824*). В 1817–1820 гг. учился на факультете литературы и свободных (изящных) искусств Виленского университета, специализировался на античной греческой и латинской филологии, со временем преимущественно греческой, под руководством филолога, специалиста по классической филологии профессора Г. Э. Гроддека (1762–1825 или 1826). Первые два года зарабатывал на жизнь, давая уроки. В 1819 г. вошел в семинар Гроддека и по его рекомендации поступил в штат Виленского педагогического института (при университете) с казенной стипендией и служебной квартирой. Окончил курс наук в университете с отличием в июне 1820 г. по специальности «древние языки и классическая литература». В 1820 или 1821 г. получил академическую степень кандидата Казанского университета. С 1820 г. преподавал польскую словесность, греческий и латинский языки в Виленской гимназии.

Во время учебы сдружился с Адамом Мицкевичем. По его рекомендации в ноябре 1817 г. вступил в тайное патриотическое и просветительское студенческое Общество филоматов (от *гр.* «любители знания»), с 1820 г. участвовал в деятельности его дочерних организаций — Союза друзей и Общества филаретов (от *гр.* «любители добродетели»). Был секретарем (в марте–ноябре 1821 г. — председателем) 1-го отделения (литературы и моральных наук) Общества филоматов (1820–1821).

16 ноября 1823 г. арестован по обвинению в принадлежности к тайным обществам и вместе с А. Мицкевичем заключен в базилианский монастырь при греко-католической церкви Святой Троицы в Вильне (Вильнюс). Выведен под собственным именем (Юзеф) в третьей части поэмы «Дзяды» Мицкевича. Освобожден из-под стражи под поручительство своих коллег в апреле 1824 г. По приговору, вынесенному изобличенным филаретам и филоматам и подписанному императором Александром I 14 августа 1824 г., сослан в Казань под особый надзор и приписан к штату Казанского университета для обучения восточным языкам. Покинул Вильну 24 октября и прибыл в Казань 25 декабря 1824 г.

Казанский период (*1824–1862*). В Казани заинтересовался востоковедением и радикально сменил род научной деятельности. В Казанском университете с 25 сентября 1825 г. исполнял обязанности комнатного надзирателя, с 29 января 1827 г. — помощник инспектора. С 1825 г. по 1828 г. — кандидат в Педагогическом институте Казанского университета, изучал татарский, арабский и персидский языки. Занимался античной филологией, составлением татарского словаря, собирал материалы по истории Казанского ханства. Первыми его учителями восточных языков в университете стали И. И. Хальфин (1778–1829), Ф. (Ф. И.) Эрдман (1793–1862) и А. К. (М. М. А.) Казем-Бек (1802–1870).

В связи с подготовкой к открытию по инициативе ректора Н. И. Лобачевского кафедры монгольской словесности Совет университета направил преподавателя Ковалевского и действительного студента (академическая степень окончившего университет без отличия) А. В. Попова (1808–1865), в будущем монголоведа и калмыковеда, на четыре года в научную командировку в Забайкалье с базированием в Иркутске для изучения монгольского языка и приобретения необходимой литературы для научной и учебной работы. 26 мая 1828 г. Ковалевский отправился в Сибирь, прибыв в Иркутск 15 июля. Здесь он изучал монгольский язык, письменность, эпическую поэзию, библиотеки

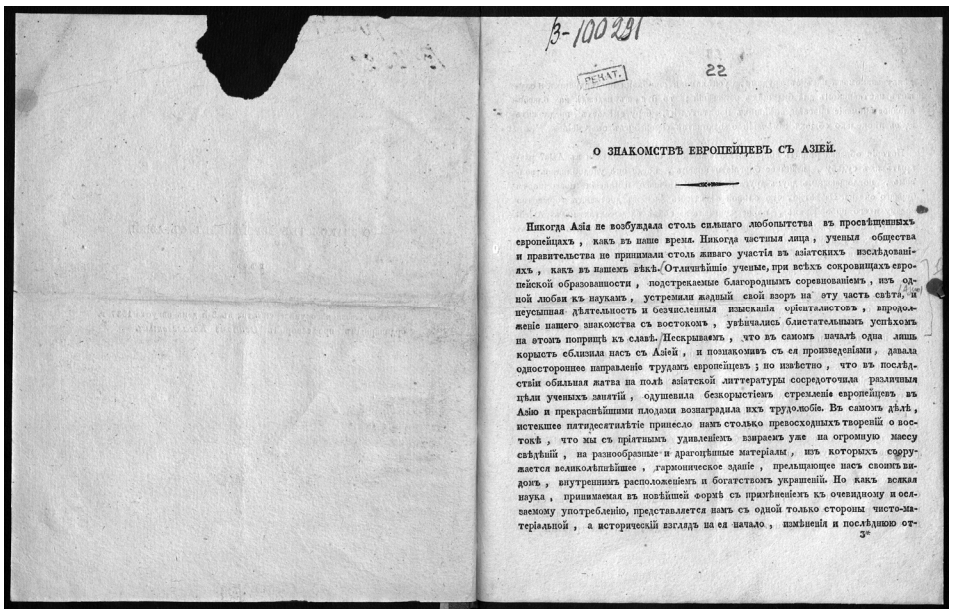

В-100291
22
РЕНАТ.

О ЗНАКОМСТВѢ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ СЪ АЗІЕЙ,

РѢЧЬ

произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго университета, въ 8-й день августа 1827 г. ординарнымъ профессоромъ *Осипомъ Ковалевскимъ*.

Титул брошюры с речью О. М. Ковалевского «О знакомстве европейцев с Азией», произнесенной на торжественном собрании Казанского университета 8 августа 1827


В-100291
РЕНАТ.
22

О ЗНАКОМСТВѢ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ СЪ АЗІЕЙ.

Никогда Азія не возбуждала столь сильнаго любопытства въ просвѣщенныхъ европейцахъ, какъ въ наше время. Никогда частныя лица, ученыя общества и правительства не принимали столь живаго участія въ азіатскихъ изслѣдованіяхъ, какъ въ нашемъ вѣкѣ. Отличнѣйшіе ученые, при всѣхъ сокровищахъ европейской образованности, подстрекаемые благороднымъ соревнованіемъ, изъ одной любви къ наукамъ, устремили жадный свой взоръ на эту часть свѣта, и неусыпная дѣятельность и безчисленныя изысканія оріенталистовъ, впродолженіе нашего знакомства съ востокомъ, увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ на этомъ поприщѣ къ славѣ. Нескрываемъ, что въ самомъ началѣ одна лишь корысть сблизила насъ съ Азіей, и познакомивъ съ ея произведеніями, давала односторонее направленіе трудамъ европейцевъ; но извѣстно, что въ послѣдствіи обильная жатва на полѣ азіатской литтературы сосредоточила различныя цѣли ученыхъ занятій, одушевила безкорыстіемъ стремленіе европейцевъ въ Азію и прекраснѣйшими плодами вознаградила ихъ трудолюбіе. Въ самомъ дѣлѣ, истекшее пятидесятилѣтіе принесло намъ столько превосходныхъ твореній о востокѣ, что мы съ пріятнымъ удивленіемъ взираемъ уже на огромную массу свѣдѣній, на разнообразные и драгоцѣнные матеріалы, изъ которыхъ сооружается великолѣпнѣйшее, гармоническое зданіе, прельщающее насъ своимъ видомъ, внутреннимъ расположеніемъ и богатствомъ украшеній. Но какъ всякая наука, принимаемая въ новѣйшей формѣ съ примѣненіемъ къ очевидному и ослѣпляющему употребленію, представляется намъ съ одной только стороны чисто-матеріальной, а историческій взглядъ на ея начало, измѣненія и послѣдующую от-

3*

Первая страница речи О. М. Ковалевского «О знакомстве европейцев с Азией»

Забайкальских дацанов. 18 января 1829 г. выехал из Иркутска в столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор) для встречи X Русской духовной миссии в Пекине (1821–1830). 21 января был в Троицкосавске (ныне Кяхта) в Бурятии на китайской границе. После возвращения в Иркутск, следуя инструкции ректора

Н. И. Лобачевского, 20 марта 1829 г. вместе с А. В. Поповым и своим иркутским учителем монгольского языка, переводчиком и востоковедом А. В. Игумновым (1761–1834) снова отправился в Бурятию, 23 марта прибыл в ее столицу Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ). Путешествовал по Забайкалью до глубокой осени, предпринимал поездки в кочевья бурят, посетил буддийские дацаны, где познакомился с бурятскими ламами, около месяца прожил в Гусиноозерском дацане (с 1809 г. по 1930-е гг. резиденция Пандито Хамбо-лам — глав буддийских организаций России). Вернувшись в Иркутск, Ковалевский зимой 1829/30 г. обрабатывал материалы летних путешествий. В начале 1830 г. познакомился и подружился с русским китаеведом и путешественником, членом-корреспондентом Петербургской АН о. Иакинфом (Н. Я. Бичурин, 1777–1853), готовился к поездке в Пекин, одобренной министром народного просвещения К. А. Ливеном. Был прикомандирован к конвою XI Русской духовной миссии в Пекине (1830–1840) в качестве запасного переводчика.

8 июля 1830 г. миссия выехала из Кяхты, 14 сентября прибыла в Ургу, в которой Ковалевский оказался во второй раз, 5 ноября вступила на территорию Китая. Проведя в Пекине семь месяцев, Ковалевский покинул его 6 июня 1831 г. и 3 сентября вернулся в Кяхту. Срок командировки Ковалевского и Попова истекал в мае 1832 г., когда им предстояло прибыть в Петербург для экзамена у первого российского академика-монголоведа Я. И. Шмидта (Jcaak Jacob Shmidt, 1779–1847). С разрешения ректора Лобачевского и попечителя Казанского учебного округа в 1829–1845 гг. М. Н. Мусина-Пушкина, неизменно поддерживавшего Лобачевского и заботившегося о преподавании восточных языков, Ковалевский продлил командировку и 4 апреля 1832 г. отправился в г. Селенгинск в Бурятии для углубленного изучения грамматики литературного монгольского языка и тибетского языка, необходимого для чтения буддийских богословских сочинений. 1 октября 1832 г. переехал в Троицкосавск для подготовки к открытию русско-монгольской войсковой школы для детей бурятских старшин (официально школа открылась в сентябре 1833 г.). Четверо ее лучших выпускников — Доржи Банзаров, Гырыл Будаев, Доржи Буянтуев и Цогто Чимитов — прибыли в Казань в 1835 г. и в начале 1836 г. впервые для бурятских детей были приняты в 1-ю Казанскую гимназию.

28 января 1833 г. Ковалевский прибыл в Иркутск, 14 марта — в Казань, где он представил отчет о результатах поездки: изучал монгольский язык и литературу, историю и культуру монголоязычных народов, в том числе буддизм; переписывал и переводил монгольские тексты, собирал монгольский и бурятский фольклор; осваивал основы китайского, тибетского, санскритского и маньчжурского языков; за период командировки были приобретены монгольские, китайские и тибетские рукописи и ксилографы для библиотеки университета (189 монгольских и тибетских трактатов в 1433 книгах, из них 48 рукописных) и 1272 предмета восточной культуры (собрание китайских, маньчжурских, монгольских и ламских костюмов, утварь и произведения искусств); подготовлены «Монгольская грамматика», большой «Монгольско-русский словарь», сделан перевод эпической поэмы «Гэсэр». Во время путешествия ученый встречался с сосланными декабристами.

О. М. Ковалевский с А. В. Поповым должны были прибыть в Петербургскую АН для экзамена, но как ссыльный Ковалевский не мог посетить столицу без личного распоряжения императора. Николай I разрешение дал, однако надзор над ним сохранил. Академик Шмидт экзамена монголоведам устраи-

вать не стал, ограничился научной беседой, которой остался очень доволен. Ознакомившись с рукописями трудов, дал им высокую оценку и рекомендовал Ковалевского и Попова для открывавшейся в Казанском университете кафедры монгольского языка. Решение об ее учреждении было принято 25 июля 1833 г. В июне того же года Ковалевский с одобрения Петербургской АН определен адъюнктом (помощник профессора) по кафедре монгольского языка Казанского университета и фактически возглавил ее. 11 сентября начались занятия по монгольскому языку со студентами (впервые в вузах Европы). 7 августа 1835 г. Ковалевский утвержден адъюнкт-профессором, или экстраординарным профессором (нештатный или еще не аттестованный комиссией), 1 августа 1837 г. — ординарным (полным, штатным) профессором. Кроме востоковедных дисциплин, преподавал с 7 августа 1835 г. латинский язык, в 1838/39 учебном году — также всеобщую историю.

Университетским уставом 1835 г. курсы арабского, турецкого, татарского, персидского и монгольского языков организационно были выделены в самостоятельный разряд восточной словесности (Восточный разряд) в структуре философского факультета. Ковалевский был деканом первого отделения (Восточного разряда) философского факультета в 1837–1841 гг., временно замещал ту же должность в 1845 г. в связи с выходом в отставку декана Ф. (Ф. И.) Эрдмана; исполняющим обязанности декана историко-филологического факультета **(**в связи с назначением декана К. К. Фойгта (1808–1873) ректором Харьковского университета**)** с 3 декабря 1852 г. вплоть до перевода Восточного разряда в Петербург и прекращения преподавания восточных языков в Казанском университете в 1855 г. по указу Николая I; членом Строительного комитета Казанского университета (с 1844 г.); председателем Комитета для испытания кандидатов университета в 1834–1854 гг. В эти же годы он был секретарем и членом редколлегии (издательского комитета) «Ученых записок Казанского университета»; а в 1835–1854 гг. — заведующим кабинетом редкостей (музей университета). В 1845 г. был также назначен директором 2-й Казанской гимназии и училищ Казанской губернии.

О. М. Ковалевский был назначен исполняющим обязанности ректора Казанского университета и исполнял эту должность в мае–ноябре 1854 г. в связи с болезнью ректора — члена-корреспондента Петербургской АН астронома И. М. Симонова (1794–1855). 3 января 1855 г. назначен и 3 мая утвержден ректором университета. В 1857 г. Министерство народного просвещения продлило его полномочия еще на пять лет. 9 февраля 1860 г. уволен от должности в связи со студенческими волнениями в Казанском университете по личному указанию императора Александра II и причислен к Министерству народного просвещения.

Вся деятельность О. М. Ковалевского в казанский период была направлена на изучение малоисследованных проблем истории и культуры монгольских народов, привлечение внимания научной общественности к этим проблемам. Основополагающие труды и учебные пособия в области монголоведения, буддологии и тибетологии, вошедшие в золотой фонд мирового и отечественного востоковедения, были разработаны на кафедре монгольского языка Казанского университета, первым заведующим которой был Ковалевский. После открытия в 1855 г. в Санкт-Петербургском университете Восточного факультета она стала кафедрой монгольского и калмыцкого языка этого университета и входила в Монголо-калмыцко-маньчжурский разряд. Первым ее заведующим в Петербурге был А. В. Попов (до этого профессор кафедры калмыц-

кой словесности Казанского университета). Ныне это кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, которая, таким образом, ведет свою историю от возглавлявшейся Ковалевским кафедры монгольского языка в Казанском университете.

Варшавский период (*1862–1878*). Вскоре после увольнения с поста ректора Ковалевский принял предложение властей Царства Польского занять место декана историко-филологического факультета Варшавской главной школы (заменившей упраздненный в 1831 г. университет). В 1862 г. переехал в Варшаву, взял всю свою библиотеку и архив, включавший шеститомное описание Бурятии, Монголии и Китая, намереваясь заняться изданием этих материалов. Предположительно, его сопровождали жена и дочь, старшие сыновья остались в Казани. С сентября 1862 г. назначен ординарным профессором и одновременно деканом историко-филологического факультета Главной школы, с ноября допущен к преподаванию истории Древнего Востока и Греции.

В 1863 г. вспыхнуло Польское, или Январское, восстание (22 января 1863 — осень 1864 г.). 19 сентября 1863 г. из дома, где жил Ковалевский (дворец Замойских), на последнего наместника Царства Польского Ф. Ф. Берга (1794–1874) было совершено покушение — в него произвели несколько выстрелов и метнули бомбу. Покушавшиеся были арестованы. Ковалевский находился в тот день вне дома. Но при обыске здания русские солдаты выбросили на улицу и сожгли значительную часть его вещей, особенно пострадал архив. Погибли 11 из 14 томов экспедиционного дневника 1829–1833 гг., пропали материалы по истории католических миссий в Китае, значительная часть личной переписки, лекции по истории Древнего Востока, переводы монгольских книг по истории буддизма и Чингис-хана. Вероятно, именно это стало причиной полного отказа Ковалевского от дальнейших занятий востоковедением.

Во время восстания декан Ковалевский демонстративно сохранил верность русским властям, за что был официально реабилитирован, а его филоматское прошлое было вычеркнуто из служебного формуляра. Это привело к хорошим отношениям с властями и к неприязненному отношению со стороны части польской интеллигенции. В Главной школе он читал лекции по истории Древнего Востока (в том числе Китая, Индии, Персии) и Греции, на старших курсах — по истории Нового времени.

В 1864–1869 гг. был членом Комитета по преобразованию Главной школы в университет. В июне 1869 г. императорским указом Варшавская главная школа была преобразована в Варшавский университет. В его штат не брали преподавателей Школы, не имевших докторской степени. Попечитель Варшавского учебного округа Ф. Ф. Витте (1822–1879) добился для Ковалевского, который был кандидатом университета, присвоения звания профессора в обход общепринятых правил именным царским указом от 4 октября 1869 г.

В Варшавском университете Осип Михайлович преподавал преимущественно курс всеобщей истории. Регулярно переизбирался деканом историко-филологического факультета (пока 3 октября 1878 г. он впервые не был переизбран), избирался университетским судьей, был постоянным помощником ректора и членом Совета попечителя Варшавского учебного округа. Востоковедением более не занимался. В 1878 г. Варшавский университет торжественно отметил 50-летие научной деятельности О. М. Ковалевского, считая ее начало от его поездки в Бурятию, Монголию и Китай, с вручением диплома о почетном членстве в Казанском университете.

О. М. Ковалевский был награжден бронзовой медалью «За усмирение Польского мятежа», орденами Св. Станислава I степени, Св. Анны I степени, Св. Владимира II степени (1877). В Варшаве жил на улице Новы Свят близ Главной школы, с 1865 г. — на Королевской улице.

Женился Ковалевский в Казани — на Анне Соколовой, русской, православного вероисповедания. Их дети считали себя русскими и православными. Двое старших сыновей получили известность: Николай Осипович (1840–1891) — физиолог, доктор медицины, профессор, ректор Казанского университета в 1880–1882 гг.; Павел Осипович (1843–1903) — художник-баталист, академик живописи, профессор Академии художеств. Кроме сыновей была дочь Мария. Ковалевский был полиглотом: кроме родного польского владел русским, латинским, древнегреческим, английским, французским, немецким, татарским, арабским, персидским и монгольским языками.

Скончался О. М. Ковалевский 26 октября (7 ноября) 1878 г. в Варшавском университете (Польша, в составе Российской империи), за несколько минут до начала лекции. Похороны состоялись 31 октября на кладбище Повонзки в Варшаве. Старшие сыновья на них не присутствовали. Через год сын Павел Осипович побывал на могиле отца и поставил ныне существующий памятник с надписью: «Здесь покоится светлой памяти Юзеф Ковалевский, тайный советник и бывший декан и профессор Императорского Варшавского университета, знаменитый востоковед».

В 1883 г. вдова передала оставшиеся от О. М. Ковалевского бумаги в библиотеку Виленского университета. Неопубликованное рукописное наследие ученого в основном сосредоточено в библиотеке Вильнюсского университета (Литва), Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук, архиве Института восточных рукописей (Санкт-Петербург) и Государственном архиве Республики Татарстан (Казань), а также в архивах Москвы, Иркутска и Варшавы. Большинство рукописных книг, привезенных Ковалевским из Бурятии, Монголии и Китая, хранится в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Крупнейшим неизданным трудом, сохранившимся в рукописи, является «История монголов». Опубликованный в середине XIX в. «Монгольско-русско-французский словарь» Ковалевского и в XXI в. остается наиболее полным и совершенным сводом монгольских слов и выражений и используется современными специалистами. Основным трудом Ковалевского по буддизму является «Буддийская космология» (1837).

Книги, ксилографы и рукописи народов Восточной Азии, собранные О. М. Ковалевским и А. В. Поповым во время путешествия, стали важной источниковой базой отечественного востоковедения в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. Составленный Ковалевским «Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям…» вошел в анналы мирового востоковедения.

Глава I

БИОГРАФИЯ О. М. КОВАЛЕВСКОГО

1. Юные годы, семья

О. М. Ковалевский родился 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г. по новому стилю). Отец его был униатским [1] священником польского (или белорусского) происхождения, из мелкопоместных дворян. Мать, вероятно, — польского происхождения и, как и сам Осип Михайлович, — католического вероисповедания. Родился будущий ученый в местечке Великая Берестовица (Бржестовица) Гродненского уезда Гродненской губернии (в составе Российской империи, ныне городской поселок Большая Берестовица Берестовицкого района Гродненской области Республики Беларусь). Существуют и другие версии относительно места рождения будущего ученого — Гродна (Гродно) [2], Гродненский уезд или с. Левково Подляского воеводства Польши (в составе Российской империи, ныне Левково-Старе [3]). Великую (ныне Большую) Берестовицу как его малую родину называют практически все польские публикации XIX в.

Скончался О. М. Ковалевский 26 октября (7 ноября) 1878 г. в Варшавском университете (Польша, в составе Российской империи), за несколько минут до начала лекции. Похоронен на кладбище Повонзки в Варшаве.

Отец О. М. Ковалевского — **Михаил Антониевич (Антонович) Ковалевский** (1759 — не ранее 1844 [4]) 3 апреля 1795 г. был назначен викарием (помощником настоятеля) Гольневской церкви Успения Богородицы (в д. Голь-

---

[1] Униатская (греко-католическая) церковь на территории Речи Посполитой (Польша) была образована после заключения Брестской унии в 1596 г. В 1839 г. на соборе в Полоцке решения Брестского собора были аннулированы.

[2] Так указано в статьях востоковеда Н. А. Веселовского (1848–1918) в Русском биографическом словаре А. А. Половцева и Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона **(**http://enc-dic.com/enc_biography/Kovalevski-osip-mihalovich-118677.html (дата обращения: 4.05.2018)**)**.

[3] Левково-Старе (*польск.* Lewkowo Stare) — деревня в составе гмины Наревка в Хайнувском повяте Подляского воеводства Польши. Примерно в 18 км к северо-востоку от центра г. Хайнувка. 1.01.2006 г. название деревни изменено со Старе-Левково на Левково-Старе.

[4] Годы жизни М. А. Ковалевского приведены по: *Румак Галіна*. Масаляны праз смугу стагоддзяў: старонкі гісторыі. Слонім: Слонімская друкарня (см.: *Румак Г.* Массоляны через дымку веков: страницы истории. Слоним [Беларусь]: Слонимская типография, 2014. С. 105).

ни), с 1800 по 1812 г. являлся администратором, а с 28 июля 1812 по 25 февраля 1835 г. — священником (настоятелем) Олекшицкой [5] деревянной Спасо-Преображенской церкви, которая, как и другие, в 1839 г. из униатской стала православной [6]. Его плебания [7] находилась недалеко от этой церкви. С 10 августа 1835 по 20 декабря 1844 г. М. А. Ковалевский служил в Массолянской [8] церкви Рождества Пресвятой Богородицы, заменяя отсутствующего настоятеля этой церкви, которым в 1827–1875 гг. был И. Ф. Качановский (1798 — не ранее 1877) [9].

У священника М. А. Ковалевского (отца будущего ученого) было шестеро детей — четыре сына и две дочери: Юлиан, Анеля, Юзеф (Иосиф = Осип Михайлович), Антоний, Теодозий, Константция.

Первенец священника, **Юлиан Михайлович**, впоследствии стал статским советником, первым директором училищ С.-Петербургской губернии (предположительно в конце 1836 г.) и первым директором вновь учрежденной Министерством народного просвещения С.-Петербургской Пятой гимназии (1845–1850) [10]. Интересно отметить, что и его брат, востоковед Осип Михайлович, примерно в те же годы (1845–1855) был директором 2-й Казанской гимназии и училищ Казанской губернии.

Анеля Михайловна Булгаровская (урожд. Ковалевская; 1788 или 1789 –?) вышла замуж за викария Массолянской церкви Рождества Пресвятой Богородицы (1812–1820 гг. и с 19 февраля по 14 марта 1839 г.) Стефана Михайловича Булгаровского (1788 или 1790–1854) из д. Гольни (в 7 км от Массолян и Олекшиц). С 1820 г. служил настоятелем Гольневской церкви Успения Пре-

---

[5] О л е к ш и ц ы (*белор.* Алекшыцы) — ныне агрогородок с населением 814 человек (2009) в Берестовицком районе Гродненской области Республики Беларусь, центр Олекшицкого сельсовета, в 16 км к северо-западу от райцентра — поселка Большая Берестовица.

[6] С 1872 г., после окончания строительства каменной Олекшицкой Свято-Покровской церкви (строилась в 1865–1871 гг.), Спасо-Преображенская церковь, в которой ранее служил М. А. Ковалевский, была преобразована из парафиальной (приходской) в кладбищенскую (бесприходную, при кладбище). См.: *Румак Г.* Указ. соч. С. 105.

[7] П л е б а н и я (*польск.* plebania, *белор.* плябанія) — двор священника католической, реформаторской или униатской церкви в Польше и Белоруссии в XVI–XX вв. Обычно располагался около храма, включал жилой дом и хозяйственные постройки. Деревянная жилая застройка выполнялась преимущественно в традициях народного зодчества.

[8] М а с с о л я н ы (*белор.* Масаляны) — ныне деревня с населением 570 человек (2009) в Берестовицком районе Гродненской области Республики Беларусь в составе Олекшицкого сельсовета, в 5 км к северо-востоку от агрогородка Олекшицы и в 17 км к северу от поселка Большая Берестовица.

[9] Сведения по материалам собственных разысканий на основе изучения исповедальной ведомости Олекшицкой Спасо-Преображенской церкви за 1843 г. (хранится в личном архиве историка и краеведа Л. Р. Колесника, дер. Жукевичи, Республика Беларусь), исповедальных ведомостей Гольневской церкви Успения Пресвятой Богородицы за 1854 и 1855 гг. (хранятся в архиве Массолянской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, Республика Беларусь) и других любезно предоставлены олекшицким краеведом Галиной Владимировной Румак (является автором указанной выше книги) 13.03.2018 г.

[10] *Иванов К. А.* Пятидесятилетие С.-Петербургской Пятой гимназии. 1845–1895. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1896. С. 6, 7, 9, 59. URL: http://personal-history.ru/papers/SPBgymn5.htm (дата обращения: 2.05.2018).

святой Богородицы, с 1842 г. был духовником Скидельского [11] благочиния Гродненской епархии [12].

В 1854 г. Анеля Михайловна овдовела. У четы Булгаровских была дочь (племянница востоковеда) **Франца Стефановна** (1823–?).

Антоний (Антон) Михайлович (1801–1872 [13]) — с 26 мая 1837 г. коадъютор [14] Олекшицкой церкви, на 19 декабря 1843 г. священник, на 19 декабря 1848 г. настоятель этой церкви, затем Гродненский вице-благочинный [15]. Младший брат-погодок Осипа Михайловича Ковалевского. Был женат на Магдалене Ивановне (1801–?).

Теодозий [16] **Михайлович** (1803?–1870) — младший брат О. М. Ковалевского [17].

Констанция Михайловна Ковалевская (1803 или 1804, или 1811–?) — младшая сестра Осипа Михайловича, названная в записи в исповедальной ведомости Гольневской церкви (в д. Гольни) в 1854 г. «сиротствующей священнической дочерью». Замужем не была. Данные (и разночтения в годах рождения, особенно Констанции) — из исповедальных ведомостей 1843, 1854 и 1855 гг. [18]

Около 1839 г. [19] Осип Михайлович женится в Казани на девице **Анне Соколовой** — русской, православного вероисповедания [20]. Кем была эта Анна, неизвестно. А пояснение Франтишека Малевского [21], который в письме к

---

[11] Ски́дель (*белор*. Скідзель) — ныне город с населением 10,5 тыс. жителей, расположенный в Гродненском районе Гродненской области Республики Беларусь на р. Скидлянка, в 25 км к востоку от Гродно.

[12] Сообщение Г. В. Румак. 19.03.2018 г.

[13] Даты жизни А. М. Ковалевского приведены по: *Румак Г.* Указ. соч. С. 106.

[14] Коадъютор (coadjutor) — в католической (и, вероятно, униатской) церкви помощник епископа, духовное лицо, назначаемое папой для помощи епископу в случае, если последний не в состоянии выполнять свои обязанности по старости или слабости здоровья. Обладает всей полнотой власти епископа.

[15] Вице-благочинный — заместитель благочинного. Благочинный — в православной церкви административная должность священника для надзора за порядком в церковном округе в составе епархии, называемом благочинием.

[16] Теодозий (Феодосий) — иногда встречается вариант Теодор (Феодор).

[17] Polski slovnik biograficzny (Польский биографический словарь). Вроцлав; Варшава; Краков, 1968–1969. Т. 14. С. 525.

[18] Собственные фотокопии интересующих нас страниц исповедальных ведомостей Олекшицкой (1843) и Гольневской (1854 и 1855) церквей любезно предоставлены Г. В. Румак 13.03.2018 г.

[19] *Гостев А. П.* Известные уроженцы Гродненской области. Гродно: ООО «ЮрСаПринт», 2016. С. 57 (Vive La Гродно, Vive La Принеманье).

[20] Polski slovnik biograficzny… T. 14. С. 527. В этом словаре она названа Anną Sokołow**n**ą. Суффикс -owną- указывает на то, что это девичья фамилия по отцу (дочь Соколова или Сокола). Если бы фамилия была по мужу, она писалась бы Sokołową (соавторы благодарны Г. В. Румак за это разъяснение от 28.04.2018 г.); Філаматы і філарэты: зборнік / Укладанне, пераклад з польскамоўных твораў, прадмова, біяграфічныя даведкі пра аўтараў і каментарыі К. Цвіркі. Мн.: Беларускі кнігазбор, 1998 (Филоматы и филареты: сб. / сост., пер. польскоязычных произведений, предисл., биографические справки об авторах и коммент. К. Цвирко). Минск: Белорусская библиотека, 1998. С. 329–330.

[21] Франтишек Малевский (1800–1870) — сын ректора Вильнюсского университета в 1816–1822 гг. С. А. Малевского, бывший ссыльный филомат, со

Мицкевичу от 12.10.1843 г. сообщал, что **«Юзаф женился в Казани на дочери ректора университета»** [22], ничего не объясняет, ибо он не указал, какого именно университета. А среди директоров (ректоров) восьми действовавших в то время в России императорских университетов **(**Александровский (Гельсингфорс, Финляндия), Виленский, Дерптский, Казанский, Московский, Санкт-Петербургский, Святого Владимира (Киев), Харьковский**)** с момента их основания не было ни одного Соколова.

А что если в этой фразе ошибка сознания или неосведомленность автора письма (Ф. Малевского)? Если предположить, что слово «университет» ошибочно и имелось в виду какое-либо другое учебное заведение с ректором во главе? Ректоры возглавляли духовные академии и духовные семинарии. Например, ректором Казанской духовной академии, существовавшей в Казани в 1797–1818 и 1842–1921 гг., был в 1800–1808 гг. Антоний Соколов, позднее (1819–1823) — архиепископ Подольский и Брацлавский Антоний (в миру Алексей Федорович Соколов; ок. 1767–1827). В ноябре 1797 г. он был рукоположен во священники, в 1798 г. овдовел и был пострижен в монашество [23]. Если предположить, что Анна Соколова — его дочь (Анна Алексеевна), то она родилась не позднее 1878 г., т. е. раньше О. М. Ковалевского и к предполагаемому времени их свадьбы (около 1839 г.) ей должен был быть по меньшей мере 41 год.

Был еще архиепископ Афанасий (в миру Андрей Григорьевич Соколов; 1801–1868), на полгода моложе О. М. Ковалевского, — ректор ряда духовных семинарий. Но в Казань он переехал только в 1856 г., а в 1825 г. (в возрасте 24 лет) постригся в монахи [24]. Значит, или не имел семьи, или к этому времени развелся с женой, или овдовел. Какими-либо сведениями о существовании у него семьи (и детей) до монашества мы не располагаем.

Таким образом, оба наших предположения оказываются маловероятными, а установить, чьей дочерью была на самом деле Анна Соколова, пока не представляется возможным. Известно только, что она пережила мужа как минимум на пять лет и упоминается в 1883 г. [25]

В браке у Ковалевских родились четверо детей: трое сыновей, один из которых (**Михаил**) умер в детстве, и дочь **Мария**. Дети считали себя русскими и православными [26]. Существует версия, что Михаил не умер, а стал

студенческих лет близкий друг Адама Мицкевича, его свояка (они были женаты на сестрах Шимановских), служившего в Петербурге во Втором отделении Собственной его императорского величества канцелярии и являвшегося в начале 1830-х гг. близким сотрудником М. М. Сперанского при составлении им Свода законов Российской империи.

[22] Філаматы і філарэты: зборнік (Филоматы и филареты: сборник). С. 266. Указание на источник и перевод этой фразы принадлежат Г. В. Румак. 7.04.2018 г.

[23] Казанская духовная академия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Казанская_духовная_академия#Ректоры; Антоний (епископ) // https://ru.wikipedia.org/wiki/Антоний_(епископ) (дата обращения: 9.05.2018).

[24] Афанасий (Соколов). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Афанасий_(Соколов). (дата обращения: 7.04.2018); Архипастыри: Афанасий, Антоний, Сергий. URL: http://www.tatmitropolia.ru/eparhia/kazanskie_arhipastyri/arhipast_10/ (дата обращения: 7.04.2018).

[25] Ковалевский, Осип Михайлович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковалевский,_Осип_Михайлович (дата обращения: 9.05.2018); *Гостев А. П.* Указ. соч. С. 57.

[26] *Гостев А. П.* Указ. соч. С. 57.

преподавателем истории в Казанской гимназии, автором ряда учебников [27]. Действительно, учебники по истории Древнего мира, Древней Греции и Рима, Средних веков историка М. О. Ковалевского (1871 [28]–?) издавались и переиздавались в Казани по меньшей мере с 1911 по 1918 г. Однако эта версия ошибочна: Михаил Осипович Ковалевский не поздний сын Осипа Михайловича (которому в год рождения этого Михаила был уже 71 год, а Анне, вероятно, порядка 50 лет), а его внучатый племянник. У младшего брата-погодка О. М. Ковалевского **Антония Осиповича** (1801–1872) было десять детей, в том числе сын (племянник ученого) Иосиф (1837–?). У Иосифа (Осипа) Антониевича в 1871 г. и родился сын Михаил Осипович Ковалевский — казанский историк [29].

О дочери Марии Осиповне известно только то, что в 1869 г. она вместе с матерью находилась на курорте в Риге [30].

Двое старших сыновей ученого получили известность.

Николай Осипович Ковалевский (8/20.05.1840–5/17.09.1891) — физиолог, доктор медицины (1865), ординарный профессор (1868), декан медицинского факультета (1878–1880) и ректор Императорского Казанского университета в 1880–1882 гг. Президент Общества естествоиспытателей при Казанском университете (1876–1879). Действительный статский советник (1877).

Руководил физиологической лабораторией при Казанском университете. Был строгим последователем физического направления в физиологии, точным в наблюдениях и осторожным в выводах. Автор свыше 70 научных работ, принесших ему известность, в том числе за границей. Основные труды Н. О. Ковалевского посвящены изучению физиологии дыхания и нервных механизмов регуляции кровообращения и дыхания, а также вопросам взаимодействия между этими системами. Награжден орденом Св. Станислава I степени (1886) [31].

Павел Осипович Ковалевский (4/16.08.1843–1903) — выпускник Академии художеств, художник-баталист, академик живописи (1876), профессор АХ (1881). Лауреат золотых медалей на международных художественных выставках. Считался одним из лучших анималистов, изображавших лошадей (например, картина «Переправа», 1889 г.).

В 1873–1876 гг. пенсионер (стипендиат) АХ за границей. Посетил Дрезден, Мюнхен и Вену, жил в Риме, где в 1876 г. написал картину «Раскопки в Риме (Нивелировка окрестностей Рима для постройки новых кварталов)». В том же году ездил в Париж. По возвращении в Россию путешествовал по Кавказу. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. был прикомандирован в качестве военного художника к штабу 12-го корпуса действующей армии, кото-

---

[27] ЖЗЛ (Зинаида Ковалевская. Как Самарканд стал второй родиной). URL: https://www.liveinternet.ru/users/2010239/post210417618; https://kolybanov.livejournal.com/1945476.html (дата обращения: 8.02.2018). На эту версию нам указала (и поделилась этими ссылками) директор Берестовицкой районной библиотеки им. О. М. Ковалевского Татьяна Дмитриевна Мартишевич (Республика Беларусь) 8.02.2018 г.

[28] РРФ. Михаил Осипович Ковалевский. URL: http://www.rgfond.ru/person/112809 (дата обращения: 8.02.2018).

[29] Сообщение Т. Д. Мартишевич. 8.02.2018 г.

[30] Ковалевский, Осип Михайлович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковалевский,_Осип_Михайлович (дата обращения: 9.05.2018); *Гостев А. П.* Указ. соч. С. 57.

[31] Ковалевский, Николай Осипович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковалевский,_Николай_Осипович; http://бмэ.орг/index.php/КОВАЛЕВСКИЙ_Николай_Осипович (дата обращения: 21.01.2018).

рый базировался в Болгарии, пребывал при великом князе Владимире Александровиче. Собрал богатый материал для своих батальных произведений, среди которых картина «Штаб 12-го корпуса, в Болгарии, в 1877 г.» (1878), приобретенная императором Александром III.

После войны уехал в Варшаву. В 1880-е гг. эскизы Балканской кампании были использованы художником при написании полотен для Военной галереи Зимнего дворца: «Сражение при реке Ломе 12 октября 1877 года», «Кавалерийское дело у Трестеника и Мечки 14 ноября 1877 года», «Ночной бой под Карагачем 4 января 1878 года».

Работал также в области книжной графики, создал ряд иллюстраций к роману Л. Н. Толстого «Война и мир». С 1897 г. до последних дней жизни руководил батальной мастерской АХ.

Произведения художника хранятся в музейных собраниях Третьяковской галереи и Музея коневодства в Москве, Государственного Русского музея и Научно-исследовательского музея Российской академии художеств в Санкт-Петербурге, в музеях Барнаула, Саратова, Севастополя, Минска (Республика Беларусь), Тбилиси (Грузия) и др. Некоторые его картины находятся в частных коллекциях [32].

2. Научная экспедиция в Восточную Сибирь (1828–1833)

С момента основания Казанского университета (1804), расположенного на востоке европейской части России, были заложены необходимые предпосылки для развития различных научных направлений. Одним из ключевых вопросов организации науки в России в первой половине XIX в. являлась подготовка отечественных ученых. Глобальной проблемой, стоящей перед ним, была нехватка научных кадров. Создание Восточного разряда в Казанском университете было связано с именем ректора (с 1827 г.) Н. И. Лобачевского, который много сил отдавал подготовке научных профессорско-преподавательских кадров университета и их научному росту, считая, что лучшим средством для этого являются научная командировка и экспедиция.

Именно в этот период появляется в Казани О. М. Ковалевский. Казанский университет и Казанская духовная академия к этому времени стали ведущими центрами ориенталистики [33] России. Государство успешно начало осваивать Восток, поэтому нуждалось в знатоках-практиках восточных языков и в ученых-исследователях культуры восточных стран. Ректор Казанского университета понимал, что основой долгосрочной восточной политики являются знания об азиатских народах.

---

[32] Ковалевский, Павел Осипович URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковалевский,_Павел_Осипович; http://www.artsait.ru/art/k/kovalevsky/main.htm; http://www.art-kartina.ru/jiv-kovalecskiy.html; http://www.brocgaus.ru/text/051/984.htm (дата обращения: 21.01.2018).

[33] Казанский университет был центром изучения восточных языков до открытия (1854/55 уч. г.) в Императорском Петербургском университете факультета восточных языков. После указа Сената о прекращении преподавания восточных языков в Казанском университете и Первой гимназии (22.10.1854) восточные кафедры с основной частью преподавателей, рукописей и библиотек были переведены в Петербургский университет.

Расцвету востоковедения в Казани [34] способствовала деятельность таких ученых, как Х. Д. Френ [35], И. Халфин [36], А. К. Казем-Бек [37], В. П. Васильев [38]. Возглавляемая О. М. Ковалевским кафедра монгольской словесности в Казанском университете приобрела статус ведущего в России центра монголоведения. Здесь велась большая научная работа и готовились научно-педагогические кадры. Среди известных ее студентов — Алексей Бобровников, Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев.

Было запланировано открытие кафедры монгольского языка в Казанском университете, соединяющем европейскую и восточную части России. Для осуществления этой цели в Сибирь были отправлены представители Казанского университета О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Их научная командировка в Восточную Сибирь, Забайкалье должна была решить проблему изучения монгольского языка и сбора фактического материала о народах, проживающих в этом регионе, что стало основой для создания российской школы монголоведения.

По предписанию попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина (с 1827 г.) О. М. Ковалевский и А. В. Попов в мае 1828 г. были отправлены в Восточную Сибирь и Забайкалье для изучения монгольского языка [39]. Это решение было принято Советом Казанского университета весной 1828 г., а в начале апреля этого же года министр народного просвещения утвердил представление Казанского университета об отправке Ковалевского и Попова в Иркутск сроком на четыре года [40].

---

[34] В 1769 г. в Первой Казанской гимназии было официально введено преподавание татарского языка, в 1807 г. при Казанском университете открылась кафедра восточных языков. В 1828 г. она была разделена на кафедры арабо-персидскую и турецко-татарскую, в 1833 г. появилась кафедра монгольской словесности, в 1837 г. была учреждена кафедра китайского языка и словесности, в 1841 г. началось преподавание маньчжурского языка, в 1842 г. — армянского языка и санскрита, в 1846 г. открылась кафедра калмыцкого языка, возглавляемая А. В. Поповым.

[35] Христиан Данилович Френ (настоящее имя Христиан Мартин Иоахим Фрэн, *нем*. Christian Martin Joachim Frähn; 1782–1851) — выдающийся немецкий и российский востоковед-арабист и нумизмат. Профессор Казанского университета, ординарный академик Петербургской академии наук (1817), Почетный член более 20 академий и ученых обществ мира, действительный статский советник. Приглашенный из Германии первый профессор кафедры восточных языков в Казанском университете. В 1815 г. переведен в Санкт-Петербург в Академию наук. В 1818 г. основал и до 1842 г. возглавлял Азиатский музей Академии наук. Заведование кафедрой было передано Францу Эрдману, проработавшему в университете до 1845 г.

[36] Ибрагим Халфин (1778–1829) — известный татарский просветитель, преподавал в Первой Казанской гимназии и Казанском университете татарский язык.

[37] Александр Касимович Казем-Бек (1802–1870) — крупнейший знаток филологии, истории, права и философии стран Ближнего и Среднего Востока, начал свою научно-педагогическую деятельность в Казанском университете с 1826 г. Наиболее известна его «Грамматика турецко-татарского языка».

[38] Василий Павлович Васильев (1818–1900) — известный российский ученый-китаист, буддолог, тибетолог, после возвращения из Китая назначен профессором по кафедре китайской и маньчжурской словесности, через год — заведующим этой кафедрой, где проработал до 1855 г. В 1855 г. переведен в Санкт-Петербургский университет.

[39] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 49.

[40] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 1.

Почти два месяца посланцы Казанского университета добирались до Иркутска, куда прибыли 15 июля 1828 г. [41] Согласно договоренности между Казанским университетом и директором Иркутских училищ, последний должен был предоставить воспитанникам университета квартиру, но по прибытии их в Иркутск не все было готово в плане быта, что значительно задержало начало изучения ими монгольского языка [42]. Иркутский губернатор И. Б. Цейдлер встретил их настороженно. Потребовал копии всех документов и писем, которые у них были, включая инструкцию, а также заявил, что желает иметь относительно их пребывания в Иркутске «обстоятельное известие от университета» [43]. Единственным человеком, кто встретил О. М. Ковалевского и А. В. Попова приветливо, оказался А. В. Игумнов [44].

> Не могу описать Ваше Превосходительство, как радушно нас принимает г. Игумнов, с нетерпением ожидавший нашего прибытия. Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает... Он неоднократно объявлял, что желает отдать нам все свои книги, составляющие предмет его занятий. Для нас единственно собирает правила монгольского языка, отыскивает книги и переписывает рукописи. Первый том монгольско-российского словаря набело уже переписан, а для составления прочих трех находятся материалы, им собранные. Г. Игумнов вменяет нам в обязанность, чтобы мы занялись оконча-

[41] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 53.

[42] Там же. Л. 57 об.

[43] Архив востоковедов ИВР РАН (далее: АВ ИВР РАН). Ф. 29. Д. 20. Л. 82.

[44] Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) — «большой знаток монгольского языка в Иркутске», который с самого детства начал знакомство с языком монголов. Собрал материалы по этнографии, истории, праву, религии монгольских народов. Написал несколько работ о буддийском духовенстве, его влиянии на монгольский и бурятский народ. Занимался переводами как с монгольского на русский, так и с русского на монгольский язык. Преподавал монгольский язык в своей русско-монгольской школе и духовной семинарии в Иркутске.

А. В. Игумнов был «составителем первого в России большого монгольско-русского словаря» («Монгольский словарь, расположенный по азбучному алфавиту с русским переводом»). Ему было чем поделиться со своими учениками Ковалевским и Поповым в плане истории, права, литературы, религии монгольских народов, а также грамматики и практики монгольского языка. С приездом в Иркутск О. М. Ковалевского и А. В. Попова осуществилась мечта А. В. Игумнова — поделиться своими знаниями, накопленным материалом. Игумнов сразу же согласился заниматься монгольским языком с командированными Казанским университетом. «Не токмо я соглашаюсь, но и еще прошу Вас... уведомить за меня г. попечителя Казанского учебного округа... (М. Н. Мусина-Пушкина. — *Авт*.), что я, находясь на окончании дней жизни моей, с большой охотою берусь обучить монгольскому двух предлагаемых студентов и с этим вместе постараюсь сделать их же и полными наследниками всего того, что по сей день приобрел, умею и знаю».

Мусин-Пушкин знал, что Игумнов владел монгольским языком: «...в Иркутске служит переводчик при Губернаторе Статский Советник Игумнов. Мне о нем говорили как о человеке, имеющем глубокие сведения в языках монгольском и маньчжурском», — и способствовал тому, чтобы Игумнов начал преподавание азов монгольского языка Ковалевскому и Попову. См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 2, 5; *Кузьмин Ю. В.* Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск, 1997. С. 54–55; *Пучковский А. С.* Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. Сб. 3. С. 166–195 (далее: Пучковский. 1960).

нием сего словаря, который он хочет подарить Отечеству и оставить памятник своего трудолюбия и глубокого знания монгольского языка... [45]

Под руководством А. В. Игумнова 24 июля 1828 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов приступили к изучению монгольского языка с самых азов. Занятия проводились три раза в неделю по три часа в день [46].

А. В. Игумнов предоставил в распоряжение учеников свои учебные пособия: 1) «Полную монгольскую азбуку», состоящую из «печатных букв светского шрифта», а также «букв, употребляемых монголами для выражения слов, взятых из иностранных языков, как то маньчжурского и тибетского»; 2) «так называемый скороучитель», где были представлены «Монгольские письмена, по порядку их азбуки, с объяснением происхождения и формы их в начале, середине и конце речений»; 3) двенадцатиглавую [состоящую из двенадцати глав] монгольскую азбуку (арбан хояр тологайту монкгол удзук); эту азбуку Ковалевский планировал напечатать в будущем «с прибавлением правописания», и она бы составила «введение в грамматику монгольского языка»; 4) «Три тетради правил монгольского правописания» (ок. 20 листов) [47]. Это учебное пособие Игумнова Ковалевский очень высоко оценивал: «Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил, касающихся не одного только правописания, но и основательного познания изменения имен, спряжений глаголов, частиц отдельных и вместе с именами изображаемых, наречий и пр. Сия грамматика, так сказать, энциклопедия еще, кажется, не скоро будет окончена почтеннейшим нашим учителем; но в приготовленных и нами уже списанных тетрадях находятся чрезвычайно важные материалы» [48].

Начав изучение монгольского языка, О. М. Ковалевский и А. В. Попов столкнулись с отсутствием словаря монгольского языка. И здесь использовали материалы А. В. Игумнова, которые он собирал с 1778 по 1824 г. для составления монгольско-российского словаря [49]. Материалы представляли собой собрание слов разговорных языков с примерами, с указанием на источник заимствования, в четырех томах. Слова были расположены не по алфавиту, а по родам вещей, что затрудняло работу [50]. Из четырех томов монгольско-российского словаря А. В. Игумнова до нас дошли три [51]. Из четырех томов только два были систематизированы по «родам вещей» (или по корням слов). Материалы словаря, «в двух огромных томах», Александр Васильевич преподнес О. М. Ковалевскому «в знак особого расположения». «...Сия рукопись содержит в себе одни монгольские слова (около 12 000) с указанием, откуда которое взято... почерпнутые не только из „Зерцала монгольского слова“, но и из

[45] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 58.
[46] Там же. Л. 70 об.
[47] Там же. Л. 70 об., 71.
[48] Там же. Л. 71 об.
[49] Там же. Л. 93.
[50] Каз. Вестник. 1829. Ч. 25, кн. 2, 3. С. 120, 121.
[51] *Хохлов А. Н.* А. В. Игумнов — составитель первого в России большого монгольско-русского словаря // VI Междунар. конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1992. Доклады российской делегации. М., 1992. Ч. 1. С. 222–225 (далее: Хохлов. 1992). Отметим, что у Г. Ф. Шамова говорится только о двух томах, в которых 12 тыс. слов. См.: *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. С. 32 (далее: *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский...)

других исторических, богословских, астрономических, медицинских и юридических сочинений, по большей части находящихся в богатом книгохранилище монгольском г. Игумнова. Сей драгоценный подарок, при настоящих моих занятиях, весьма полезен» [52], — писал О. М. Ковалевский.

А. В. Игумнов передал Осипу Михайловичу материалы для составления полного монгольского словаря. Чтобы составить подобный словарь, нужна научная, филологическая подготовка. Иркутский знаток монгольского языка был отличным практиком, но не владел общими правилами филологической науки. Александр Васильевич составлял словарь по собственной методике, подсказанной практикой языка и его филологическим чутьем, так как каких-либо методических пособий тогда не было.

Словарь А. В. Игумнова не мог в полной мере помочь востоковедам из Казани, они стали собирать, для начала, слова для карманного словаря.

> ...Собранные нами необходимо нужные для разговора слова и фразы русские, представив г. Игумнову, просили его перевести на монгольский с указанием разницы между книжным и разговорным языком... это служит нам не только для изучения слов монгольских, но и для филологических исследований, касательно изменений, коим разговорный, простонародный язык подвергся в течение времени [53].

Таким образом, будущие монголоведы сразу же начали создавать свои словари, сначала небольшие, карманные, ориентированные только на разговорный язык, а затем стали работать над солидными словарями, располагая слова в них по алфавиту, при этом используя материалы, накопленные за многие годы А. В. Игумновым. О. М. Ковалевский и А. В. Попов изучали с Александром Васильевичем «теорию монгольского языка, чтение, писание», но большие трудности испытывали они при переводе. Для начального перевода с монгольского на русский служили им «сокращенный Катехизис, переведенный г. Игумновым и литографированный в Омске; начало Евангелия от Святого Иоанна, переведенное Игумновым»; иркутский наставник также предложил им «басни, образцы коммерческих писем, долгового обязательства и разных расписок, три официальные бумаги», среди которых была «копия трактата на монгольском языке, заключенная российским посланником, графом Саввой Лукичом Владиславичем (Рагузинский-Владиславич. — *Авт.*) с китайскими чиновниками о назначении границ обеих империй и возобновлении торговли на Кяхте» [54].

Для практики правописания О. М. Ковалевский с А. В. Поповым переписывали различные монгольские рукописи, при этом достигали две цели — обучались навыкам монгольского письма и делали копии редких материалов: «переписали мы первую тетрадь монгольского уложения, утвержденного Богдыханом и напечатанного в Пекине в 1817 году...»

> Монгольское уложение, в трех тетрадях, 1817 г. ...считается у нас (в России. — *Авт.*) весьма редкой книгой, потому что китайское правительство запретило продавать оное иностранцам, а тем более вывозить за границу государства. В Иркутске один только экземпляр сего уложения хранится при Общем губернском правлении.

---

[52] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 93; Каз. Вестник. 1829. Ч. 25, кн. 2, 3. С. 123.
[53] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 71 об; Каз. Вестник. 1829. Ч. 25, кн. 2, 3. С. 121.
[54] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 72, 92, 92 об.

А. В. Игумнов получил уложение через одного монгольского чиновника, на которого он имел определенное влияние; чиновник тайно препроводил «Уложение...», «движимый одним дружеским расположением и уверенный в честности г. Игумнова». О. М. Ковалевский очень заинтересовался этим документом, особенно «тетрадями, в коих находятся обильные источники статистических сведений о Монголии... о ламах и все, касающееся отношений с русскими» [55].

Изучая монгольский язык в Иркутске, О. М. Ковалевский смотрел далеко в будущее, понимая, что ему предстоит продолжить дело своего наставника А. В. Игумнова — на высоком научном уровне составить словари, грамматику, хрестоматию монгольского языка. Для этого он с первых дней пребывания в Сибири стал собирать материал: «списали мы весьма редкую рукопись, около 1790 г., на китайской границе г. Игумновым случайно найденную у монгола Доржия, под заглавием „Чингисхановых наставлений“, которая, по своему нравственному содержанию, может войти в состав предполагаемой Монгольской хрестоматии и послужить образцом слога и философии кочующих народов». К переписке рукописей, сбору материала, нужно заметить, О. М. Ковалевский относился очень критически. Так, он сомневался в происхождении «Чингисхановых наставлений»: «нельзя решительно определить, переведены ли оные с китайского языка или подлинные монгольские» [56]. Переводили рукопись о Гэсэр-хане. Сделали первый полный перевод ее монгольской версии. «Посредством ее („Истории Гэсэр-хана“) привыкаем к простому языку», — писал Осип Михайлович [57].

Начав с азов языка, казанские востоковеды достаточно быстро набирали навыки письма и разговорного монгольского языка. «Без сомнения, наши успехи в монгольском языке, как первоначальные, должны считаться незначительными, но, судя по времени, довольно быстры и служат удивлением, как для почтейнейшего [почтеннейшего] нашего наставника, так и здешнего начальства». «Но в самом монгольском языке предстоят неисчислимые еще для меня препятствия», — так оценивал свои возможности О. М. Ковалевский [58].

Параллельно с изучением языка он приступил к выполнению данной Советом Казанского университета инструкции, которая касалась различных сторон деятельности командированных в Восточную Сибирь: «в исполнении Инструкции... старался я отыскать столь оспариваемую в Европе монгольскую летопись Саган Сэцэна [59] и приобрести для университетской библиотеки». Рукописная летопись в четырех тетрадях была приобретена в Пекине «между 1795–1807» годами сибирским переводчиком Василием Новоселовым. В 1816 г. буряты Номтуй Утаев и Бадма Моршунов отправились в Санкт-Петербург, чтобы сделать перевод «Священного писания» на монгольский язык под руководством академика Я. И. Шмидта. Получив в подлиннике от В. Новоселова летопись Саган Сэцэна, вместе с другими рукописями, они увезли ее в Санкт-Петербург. «По окончании перевода Я. И. Шмидт завладел всеми бу-

[55] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 73, 92, 92 об, 93 об.

[56] Там же. Л. 72.

[57] АВ ИВР РАН. Ф. 29. Д. 20. Л. 82; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 125.

[58] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 70, 93 об.

[59] С а г а н С э ц э н (Санан Сэцэн; полное имя и титул — Саган Эрхэ Сэцэн хунтайджи; 1604–?) — монгольский летописец, составитель летописи «Эрдэнийн тобчи (товчи)» (XVII в.).

рятскими книгами...» Еще до отъезда бурят А. В. Игумнов сделал точную копию, «сохраняя даже самые непристойные и явные ошибки», поэтому «сия летопись в копии будет собственностью библиотеки Казанского университета и, отчасти, уже переписана под личным наблюдением г. Игумнова», — писал О. М. Ковалевский попечителю Казанского учебного округа (1827–1845) М. Н. Мусину-Пушкину 1 сентября 1828 г. [60] Речь шла об историческом монгольском сочинении XVII в. «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), составленном монгольским летописцем Саган Сэцэном.

Подбирая рукописи и ксилографы для библиотеки Казанского университета, Осип Михайлович отправил письмо директору Кяхтинской таможни с просьбой покупать через китайских и монгольских купцов сочинения, посвященные истории Монголии, Тибета, Китая, литературе народов Центральной Азии, медицине, буддизму. «Реестр» произведений был составлен А. В. Игумновым по просьбе О. М. Ковалевского. В реестр были «помещены книги, по большей части касающиеся шигемонианской (буддийской. — *Авт.*) веры, тангутская грамматика и словарь с монгольским переводом и семь исторических сочинений, т. е. летопись Сэцэна и шесть книг, из которых Сэцэн почерпал сведения для своей летописи» [61].

А. В. Игумнов делал все возможное, чтобы тщательно подготовить исследователей к поездке за Байкал, в бурятские степи, «для практических упражнений» в монгольском языке. Осуществлению поездки к бурятам препятствовал ряд трудностей, которые нужно было решить. Эти трудности заключались, как явствует из обращения О. М. Ковалевского к М. Н. Мусину-Пушкину, в отсутствии «прогонных денег» и адресованного генерал-губернатору Иркутской губернии распоряжения от Совета университета с просьбой о выдаче «открытого листа, по которому бы все власти, в особенности бурятское духовенство, давали нам возможные пособия, дозволяли рассмотреть книги, хранящиеся при кумирнях...» [62]. По мнению Осипа Михайловича, «путешествие за Байкалом» должно было принести «истинную пользу, когда мы будем в состоянии совершенно понимать письменный язык и основательно знать его так, чтобы обращаться с природными знатоками монгольского языка, могли заниматься сличением простонародных наречий с знакомыми уже письменными, вместе собирать нужные сведения о забайкальских жителях».

Исследователи усердно продолжали заниматься монгольским языком, но чем глубже они постигали эту науку, тем больше трудностей встречалось на их пути:

> Наши в Иркутске занятия с некоторого времени довольно медленны, потому что для переводов требуется знание не одних только слов, но и правил грамматических, которых наш учитель, кажется, не может нам достаточно объяснить. Он сам учился по-русски, когда русской грамматики в училище не существовало. Проводя же почти всю свою молодость между бурятами и обращаясь с монголами, приобрел для себя знания монгольского языка. Со временем, по врожденному любопытству, старался вникать в свойства почти уже природного ему монгольского языка, а без знания других языков не был в состоянии подвести под общие правила.

[60] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 72, 72 об.
[61] Там же. Л. 72 об., 86 об., 93 об.
[62] Там же. Л. 58 об., 119.

О. М. Ковалевский как человек, знающий несколько языков, объяснил А. В. Игумнову новую методику обучения языкам («аналитическое чтение подлинно монгольских сочинений»), которая позволяет «узнать слова с их значениями», а также «грамматическую и логическую связь выражений». Ученый писал попечителю Казанского учебного округа, что А. В. Игумнов раньше «никогда не предполагал видеть таких учеников, каких нас нашел» [63]. Хотя Александр Васильевич предоставил «реестр наречий, предлогов, союзов и междометий, таблицы склонений и спряжений и, наконец, почти полный список монгольских глаголов, разделенных по двум главным спряжениям для скорейшего успеха в занятиях» и составления монгольской грамматики, этого было недостаточно, таблицы были неполными. Начиная с азов, О. М. Ковалевский был доволен материалами иркутского учителя. После тщательного же знакомства с монгольским языком сделал выводы о несовершенстве этих пособий. И все же пособия А. В. Игумнова, несмотря на их недостатки, активно использовались Осипом Михайловичем при составлении учебников и словарей: «в последствии [по прошествии] времени, при чтении книг, пополненные и исправленные» таблицы «могут послужить основанием для извлечения общих правил» [64].

В 1829 г. О. М. Ковалевскому представился случай побывать в Монголии. Огромное желание изучить язык монголов не покидало его ни на минуту, он не упускал ни одной возможности поближе познакомиться с монголами и бурятами. И такая возможность представилась ему раньше, чем они с А. В. Игумновым отправились к бурятам. Узнав о таком случае, как поездка в Ургу, он написал попечителю:

> Здешний губернатор никогда не посылал чиновника в Ургу по торговым делам, потому что русские купцы со своими товарами за границей, в китайской Монголии, не бывают. Но в белый месяц (цаган сара), т. е. в феврале, ежегодно из Иркутска отправляется чиновник в Маймачен с подарками для китайских чиновников. Признаюсь, Ваше Превосходительство, я весьма охотно бы принял на себя исполнить такое поручение, или, по крайней мере, сопутствовать посылаемому чиновнику, быть очевидцем... [65]

Кроме того, в 1830 г. истекал срок пребывания в Пекине Десятой Российской духовной миссии, которую Россия содержала в Китае на основании Кяхтинского договора 1727 г. для религиозного обслуживания православных. Поэтому необходимо было доставить в Ургу для пересылки в Палату внешних отношений письма из Сената и Синода об изменениях в составе новой Духовной миссии. Миссии отправлялись в Китай сроком на десять лет и состояли из духовных и светских людей, которые имели право изучать китайский, маньчжурский, тибетский и другие языки, а также приобретать в стране необходимую литературу. Местопребыванием миссии было так называемое Русское подворье, находящееся в Пекине. Иркутский губернатор предписал Фролову, служившему пограничным переводчиком монгольского и маньчжурского языков, и чиновнику «канцелярии общего губернского управления» Островскому отправиться в Ургу «для доставления бумаг и подарков к тамошним правителям Амбань Бэйсэю и Амбань Хэу». О. М. Ковалевскому было сдела-

[63] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 117, 117 об., 118, 118 об.
[64] Там же. Л. 86.
[65] Там же. Л. 119.

но предложение следовать вместе с Фроловым в Ургу, «дабы там ближе познакомиться с монгольским языком и воспользоваться замечаниями, нужными как для сего, так вообще и по другим особенно заслуживающим внимания предметам». «Быть в Монголии и собственными глазами видеть Монголию, при настоящих занятиях, было единственным моим желанием», — сообщал О. М. Ковалевский Совету Казанского университета [66].

15 января 1829 г. Иркутским губернатором И. Б. Цейдлером было сделано распоряжение относительно отправления О. М. Ковалевского за границу [67], и 18 января, вместе с чиновниками, ученый оставил Иркутск [68]. 21 января они были уже в Троицкосавске. В этот же день Осип Михайлович познакомился с директором таможни Голяховским. При следующем его посещении (23 января) «заметил у него 6 книг, присланных ему из Пекина от архимандрита Петра [69], заключающих в себе собрание употребительнейших слов на разных языках восточных...» [70].

Несмотря на зимнее время, не очень удобное для путешествия, а также «недостаточное еще знание местного языка», поездка в Монголию оказалась интересной и нужной. Этого не отрицал и сам О. М. Ковалевский:

> Впрочем, кратковременное сие путешествие принесло мне истинную пользу. Я изучил много слов монгольских и их настоящее произношение, узнал некоторые обыкновения, свойственные кочевому народу, был свидетелем буддийского богослужения в столице Богдо-гэгэна (титул главы ламаистской церкви в Монголии), приобрел в Урге одну древнюю богословскую книгу, весьма хорошего издания; отыскал отрывки трех монгольских рукописей, из коих один — исторического, прочие — нравственного содержания.

«Исполнилось мое желание, и я был в Урге. На каждом почти шагу встретились мне новые предметы, о которых я поныне имел совершенно другое понятие... Везде за границею замечал я удивительную осторожность и тонкость в разговоре наших соседей: краткие и лаконичные их ответы не удовлетворяли моего любопытства» [71], — писал О. М. Ковалевский. Возвратившись в Иркутск, Осип Михайлович написал отчет о своих дорожных наблюдениях и впечатлениях. Первая часть отчета была сразу же опубликована в «Казанском Вестнике» [72].

Пока О. М. Ковалевский был в Урге, положительно решился в Казани вопрос об их с А. В. Поповым и А. В. Игумновым путешествии по Забайкалью. В связи с пребыванием Осипа Михайловича в Монголии и предполагаемым длительным путешествием по Забайкалью ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский предписал Отделению словесных наук составить и отправить в Иркутск новую инструкцию, в которой отражалось бы, как и каким образом собирать статистические, географические и исторические сведения о

---

[66] *Ковалевский О. М.* Поездка из Иркутска в Ургу // Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5. С. 7, 8.

[67] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 133.

[68] Казанский вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5. С. 8.

[69] Архимандрит Петр — Петр Иванович Каменский (1783–1845), китаист, член-корреспондент АН с 1819 г.; начальник Российской духовной миссии в Пекине (1821–1830).

[70] Казанский вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5. С. 18, 19.

[71] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 107–108, 135, 135 об.

[72] Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5. С. 4–34.

посещаемых путешественниками странах. Новая инструкция, написанная профессором В. Я. Булыгиным, состояла из двух частей и требовала весьма глубокого, даже специального изучения географии, экономики и истории Сибири, Монголии, Китая и других стран Азии. Например, предполагалось изучить сибирские реки, земледелие, «провести наблюдение над всеми родами промышленности разных сибирских племен», но особенно тщательно предполагалось изучить Байкал, Нерчинские рудники и Кяхтинскую торговлю. Преподаватели Казанского университета должны были получить информацию из первоисточников в лице О. М. Ковалевского и А. В. Попова. Что касается истории, то нужно было основное внимание уделить происхождению и расселению племен и народов Сибири, выяснить причины образования и распада первых тюркских и монгольских государств. Тщательно изучить древнейшие памятники истории, особенно письменные, с помощью которых можно было бы «объяснить темные места в истории и определить степень образованности и обычаи живущих некогда в местах этих народов». Конечно, составляя инструкцию, профессор В. Я. Булыгин отдавал себе отчет в том, что невозможно будет собрать материал по всем указанным в ней вопросам, поэтому он сделал оговорку, что хотел лишь обратить их внимание на разные вопросы, особенно на те, «по которым у них могут быть мнения, отличные от их предшественников» [73].

Главная цель поездки в Забайкалье, писал О. М. Ковалевский в Казань, «будет состоять в практических упражнениях в монгольском языке» и сборе «сведений о народах, сим языком говорящих, и вообще о забайкальских жителях». Предполагалось, что они посетят Верхнеудинск, Селенгинск, Кяхту, Нерчинск, а продвигаясь вдоль рек Хилок, Онон, Шилка, преодолев Яблоновый хребет, встретятся с тунгусскими племенами. Передвигаться они будут «не по почтовому тракту, а по проселочным дорогам», «разъезжать по селениям и кочевьям бурятским, останавливаясь там на время, по мере надобности». В планах было продолжить путешествие «до конца августа или половины сентября 1829 г.» [74]. Осип Михайлович возлагал большие надежды на поездку за Байкал, чтобы подтвердить свою теоретическую подготовку в монгольском языке. «Остается нам прибегнуть к практике. Кажется, что нынешнее путешествие по Забайкальскому краю принесет нам удивительную пользу, тем более что заставит нас говорить не иначе как по-монгольски». Вообще он планировал это путешествие как приготовление к поездке в Пекин, через Монголию, с Российской духовной миссией в 1830 г.: «Приобретенное знание языка и собранные сведения о племенах монгольских, живущих в России, послужат материалом для сравнения их с языком и сведениями о собственной Монголии», — писал О. М. Ковалевский как человек, осознающий важность своего дела и беспокоящейся о его результатах. Обращаясь к попечителю Казанского учебного округа с просьбой о «дозволении начальства находиться в виде чиновника при приставе духовной миссии», указывал, что его поездка в Китай поможет «усовершенствовать себя в знании языка и собрать нужные по сему предмету сведения» [75].

20 марта 1829 г. О. М. Ковалевский, А. В. Попов и А. В. Игумнов отправились из Иркутска к бурятам по зимней дороге, через Байкал. 23-го числа

[73] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 40–42.
[74] АВ ИВР РАН. Ф. 29. Д. 20. Л. 94, 94 об; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 139 об.
[75] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 140 об. — 141.

прибыли в Верхнеудинск. «В Верхнеудинском округе в числе 63 000 жителей находится более 40 000 бурят [76]. Потому сию страну справедливо назвать можно Русскою Монголией, местом единственным для практических упражнений в языке», — сообщал О. М. Ковалевский из Верхнеудинска 26 марта попечителю М. Н. Мусину-Пушкину (письмо № 38) и в Совет Казанского университета (письмо № 39) [77]. С первых дней началось общение с бурятами, последние, узнав о приезде А. В. Игумнова в Верхнеудинск [78], стали приезжать к нему. «Верст за 20 и более стекаются буряты в Верхнеудинск посетить А. В. Игумнова, которого весьма почитают они и любят как коренного верхнеудинского жителя и знатока монгольского языка».

27 марта путешественники отправились к «Гусиноозерским кумирням», «где имеет свое местопребывание Хамбу Бандита Лама, главный бурятский лама, для которого везем две прекрасные раковины от имени Лавинского. В окрестностях сих кумирен предполагаем пробыть около месяца». «Осмотрев Чжагустайские, Атагайские, при реке Ауть, и Гусиноозерские кумирни, со 2-го по 19-й день апреля жили мы при Селенгинской Степной думе» [79]. Во время пребывания у Хамбо-ламы путешественники наблюдали за «торжественным духовным молебном бурятских лам». О. М. Ковалевский «подробно» описал увиденные им обряды, утварь и украшения буддийских храмов, «сверх сего, постоянно старался я исследовать степени духовенства, их различия и влияние на необразованных простолюдинов». Тема ламства интересовала исследователя, к ней он обращался постоянно, путешествуя среди монголов и бурят.

Собираясь в путешествие по Забайкалью, О. М. Ковалевский очень надеялся на встречу с английскими миссионерами, проживающими в Селенгинске уже продолжительное время: «Касательно монгольской грамматики, надеюсь найти много пособий у селенгинских миссионеров, которые во время 9-летнего своего между бурятами пребывания, неутомимо занимаясь изучением сего языка, составили и грамматику, и огромный словарь… по общему здешних переводчиков мнению знают основательно монгольский язык» [80]. Английские миссионеры Юилль, Сталлибрасс и Сван приехали в Бурятию еще в 1819 г. по поручению Лондонского библейского общества с целью христианизации местных народов [81]. Они поселились на берегу реки Селенги и стали заниматься проповедью католицизма среди бурят, переводили с латинского на монгольский язык католические книги, составляли грамматику монгольского языка, пытались обучать некоторых бурят грамоте, арифметике и европейским языкам, но, как писал О. М. Ковалевский, «между тем по сие время после столь-

---

[76] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 165.

[77] Там же. Л. 165–165 об.; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 55.

[78] Верхнеудинск (с 1934 г. Улан-Удэ) — уездный город, который для Забайкалья был уже значительным экономическим и торговым центром. По данным О. М. Ковалевского, на 1828 г. в нем проживало 2972 человека. В числе жителей города он не называет инородцев. См.: Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 7. С. 242–243.

[79] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 181.

[80] Там же. Л. 139, 139 об.

[81] В начале XIX в. Англия вела активную политику по отношению к Китаю. Пыталась установить дипломатические отношения с Китаем и вести торговлю без каких-либо ограничений, особенно торговлю опиумом. Китай мог стать определенным этапом для установления связей между Англией и государствами Центральной Азии. Английские миссионеры были своего рода проводниками дипломатической политики Англии в Центрально-Азиатском регионе, в частности в Забайкалье.

ких трудов ни один бурят не принял христианской веры (католической. — *Авт.*). Напротив, по влиянию Греко-Российских миссионеров, число новокрещеных в здешней стране значительно усиливается» [82].

Надежды Осипа Михайловича сбылись, знакомство с английскими миссионерами состоялось. Их встречи были неоднократны. О. М. Ковалевский путешествовал по Забайкалью до глубокой осени, несколько раз возвращался в Иркутск, в Верхнеудинск, снова продолжал поездки среди бурят, не раз он приезжал к селенгинским бурятам, где и встречался с Юиллем [83]. Впервые они встретились 19 апреля 1829 г. [84], во время пребывания вместе с А. В. Поповым и А. В. Игумновым при Селенгинской 18 родов Степной думе. «Английский миссионер Роберт Юелль (Yueille), живущий на правом берегу реки Селенги, весьма благосклонно нас принял, обрадовался, что наше правительство обратило свое внимание и на сию совершенно забытую отрасль восточной словесности», — писал О. М. Ковалевский попечителю [85]. Казанский ученый очень восторженно отзывался об Юилле [86]:

> Знает он превосходно монгольский язык и сделал изрядные успехи в маньчжурском и тибетском. Вместе со своими товарищами Сталибрассом и Сваном перевел уже почти все Священные писания; составил словарь монгольско-российский, российско-монгольский, монгольско-маньчжурский с кратким объяснением слов по-монгольски, начал словарь английско-монгольский, сочинил монгольскую грамматику на английском, а для бурят и на монгольском языке, перевел по-монгольски арифметику, геометрию, тригонометрию и практическую геометрию, собрал значительное число монгольских, маньчжурских и тибетских книг и неутомимо занимается толкованием Нового Завета для инородцев [87].

Для бурят Юилль преподавал «языки и основания начальных наук». «Сии миссионеры приобрели (в Санкт-Петербурге) уже и монгольскую типографию за 1500 рублей и намерены в конце сего (1829. — *Авт.*) г. начать печатать учебные монгольские книги» [88]. Главной же целью миссионеров считалось распространение Евангелия и приготовление бурят к принятию христианской (католической) веры. Ламы же «всеми способами стараются препятствовать их намерению, стремящемуся к искоренению, или, по крайней мере, к поколебанию Шигэмуниева учения... Хамбо-лама откровенно сказал англичанам, что если они, оставив изъяснения Евангелия, будут ограничиваться преподаванием светских только наук, то немедленно число учеников у них умножится».

---

[82] Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 2. С. 149. Греко-Российская церковь — то же, что и Русская православная церковь.

[83] Г. Ф. Шамов говорит только об одной встрече О. М. Ковалевского с английскими миссионерами, и то только о встрече с Юиллем (см.: *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский... С. 39). Ковалевский же встречался и со Сваном, и со Сталлибрассом.

[84] Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 2. С. 146.

[85] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 182.

[86] Встречаются разные варианты написания этой фамилии — Юилль, Юелль, Джуйль. Однако сам Роберт подписывался как Юилль**.** См.: Письма Юилля к О. М. Ковалевскому (ОРРК научной библиотеки Санкт-Петербургского университета. Фонд О. М. Ковалевского. Д. 568. Папка № 2. Л. 274).

[87] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 182.

[88] Там же. Л. 182, 182 об.

От селенгинских бурят 21 апреля О. М. Ковалевский, А. В. Попов и А. В. Игумнов поехали в Троицкосавскую крепость [89], где пробыли недолго, так как в планах было побывать у бурят, проживающих в долинах и ущельях рек Чикой и Хилок. Наступала весна, обещавшая разливы этих рек, поэтому путешественники торопились. «От выезда из Кяхты по сие время успели мы только осмотреть Цонгольские и Тугнуйские кумирни, при которых, упражняясь в разговоре, занимались мы приисканием книг и их перепискою», — сообщал О. М. Ковалевский 22 мая из Верхнеудинска [90].

28 мая О. М. Ковалевский и А. В. Попов вместе со своим наставником из Верхнеудинска отправились «по Уде-реке к хоринским бурятам» [91], где им довелось повстречаться с шаманскими жертвоприношениями. «Кроме обыкновенных кумирен в разных местах мы имели случай видеть шаманское жертвоприношение, беседовать с шаманами о их вере и обрядах». Здесь, у хоринцев, путешественники познакомились с английскими миссионерами Сваном и Сталлибрассом, проповедующими католическую веру хоринским бурятам. Востоковеды с А. В. Игумновым «провели некоторое время в весьма занимательных беседах о языке и вере здешних жителей». От Сталлибрасса Ковалевский получил «часть монгольской грамматики, на монгольском языке им составленной, о глаголах и синтаксисе, и Псалтырь, по-монгольски им переведенный» [92]. Сталлибрасс перевел на монгольский язык Ветхий Завет и работал над переводом, с монгольского на английский, богословской книги «Чихула хэрэглэкчи», которую намеревался издать в Англии вместе с монгольской грамматикой [93]. Осмотрев несколько хоринских кумирен, путешественники отправились «от Аги-реки... к Онону, с тем чтобы близ китайской границы воспользоваться чистым разговором монгольским». 7–8 июня 1829 г. они пересекли Яблоновый хребет, или Каменный пояс, преследуя цель побывать в Нерчинске [94].

Совершая поездку в Троицкосавск, Кяхту, вообще на китайскую границу, они руководствовались тем, что «цонголы и сартолы говорят чистейшим языком: но они кочуют близ Кяхты». «Потому, по мнению англичан, гораздо полезнее было бы для нас жить в Кяхте, при границе, где и природные монголы, и их единомышленники, цонголы и сартолы, со своими кумирнями и ламами в малом находятся расстоянии», — делился О. М. Ковалевский с М. Н. Мусиным-Пушкиным в письме из Иркутска в августе 1829 г. [95]

Все лето востоковеды провели среди бурят Чикоя и Хилка, поднимались на отроги Яблонового и Борщовочного хребтов, спускались в долины Ингоды и Онона, встречались с «лесными и степными» эвенками (тунгусами). Забайкалье поразило О. М. Ковалевского своей природой. «За Яблоновым хребтом земля поката к востоку. С севера же, защищенная длинною цепью гор, при благорастворенном воздухе, удивительно плодоносна», — писал Осип Михайлович в одном из отчетов [96]. Из-за разлива Онона путешественники выну-

[89] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 149.
[90] Там же. Л. 190.
[91] Там же. Л. 198.
[92] Там же. Л. 198 об.
[93] Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 2. С. 151.
[94] Там же. Кн. 3. С. 283.
[95] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 202 об.
[96] Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 2, 3. С. 149, 285.

ждены были повернуть «вниз в Тунгусскую степь... оттуда через Агу возвращались в Верхнеудинск». Таким образом, в Нерчинск на этот раз они не попали.

«Г[осподин] Игумнов, по причине болезни, не решился продолжить вместе с нами путешествие (он поехал в Иркутск), то мы, с согласия нашего наставника, еще раз в следующем июле месяце посетили английского миссионера Юелля близ Селенгинска и знакомых лам, по Хилку-реке кочующих» [97]. Юилль снабдил Ковалевского и Попова несколькими монгольскими книгами, таблицами глаголов, монгольско-российскими разговорами, а ламы принесли в дар для библиотеки Казанского университета весьма важный Тангутско-монгольский словарь, известный под заглавием: «Дакбарь Лоа» [98]. После этого О. М. Ковалевский с А. В. Поповым отправились в Иркутск. «В течение 4 с половиной месяцев, проехав 3201 версту, наконец 31-го июля... возвратились мы в Иркутск», — сообщал Осип Михайлович из Иркутска в Казань 4 августа 1829 г. [99]

Подводя итоги поездки по Забайкалью в 1829 г., О. М. Ковалевский достаточное внимание уделяет встречам с миссионерами: «Английские миссионеры... разрешали наши недоумения о правилах языка и значении многих монгольских слов, знакомили нас с верою бурят, наконец, доставили нам в рукописи часть своей грамматики». Между миссионерами и Игумновым начались «ученые прения», которые «кончились в пользу» англичан, «согласно с мнением лам». Англичане отмечали «чистое произношение и бурятский разговор г. Игумнова, но не одобряют его переводов, уличают в... незнании грамматики» [100]. Таким образом, миссионеры подтвердили замечания О. М. Ковалевского о том, что знания А. В. Игумнова в монгольском языке носили практический характер, а не научный. Однако ученый высоко оценивал вклад Александра Васильевича в изучение монгольского языка, называя его своим учителем.

Благодаря общению с А. В. Игумновым, английскими миссионерами, бурятами и монголами стал возможным сбор материала, который лег в основу трудов О. М. Ковалевского по монгольской филологии. Удачными были для молодых казанских востоковедов и поиски монгольских книг и рукописей. «При Селенгинской Степной думе списал я около 15 небольших монгольских книжек богословского содержания. В сем числе находятся и повести, из коих некоторые не уступают и арабским в силе вымысла и слога своих сочинений», — писал Осип Михайлович попечителю [101]. Этим он определял уровень развития монгольской литературы. «Сила вымысла и слога», отмеченная ученым, говорит о том, что в Монголии в начале XIX в. были уже зачатки светской литературы, представляющие особый интерес.

Главный тайша 18 Селенгинских родов Ломбоцэрэнов подарил О. М. Ковалевскому «прекрасную рукопись под заглавием Чихула хэрэглэхчи («Сущность всего необходимого»), которая представляет «Шигэмуния как восстановителя веры, вмещает в себе и краткую родословную историю тибетских и монгольских ханов». Автором ее был лама Гуши Цоржи, живший в конце

[97] Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 2, 3. С. 300, 301.
[98] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 199.
[99] Там же. Л. 199 об.
[100] Там же. Л. 202.
[101] Там же. Л. 181.

XVI — начале XVII в. [102] О. М. Ковалевский перевел ее на русский язык и положил в основу своего труда «Буддийская космология» (Казань, 1837). «На берегах Селенги и Темника, — писал далее востоковед, — отыскал я весьма любопытные монгольские сказки (Ушаяндари-хан, Гэсэр-хан и Шидиту кур)». Они находились в рукописи, и поэтому купить их было невозможно, но Осип Михайлович организовал переписку с помощью тайши Ломбоцэрэнова и билютаевского учителя Круглова. Нужно отметить, что эти рукописи сказок были переведены уже на немецкий язык Бергманом и «очень хорошо были приняты учеными ориенталистами, а особливо А. Ремюза» [103].

Поездка среди цонголов также оказалась полезной в плане сбора рукописей и книг. 22 мая 1829 г. из Верхнеудинска О. М. Ковалевский писал попечителю:

> Между цонголами открыл я более 20 рукописей, в числе которых находятся и весьма важные для познания Шигэмунианской веры и астрологии. … Ширету Лама Лопсан Дампил Дылыков пожертвовал университету одну богословскую на монгольском языке книгу, напечатанную в Пекине. Цзасак Лама Вантун Дугаров принес в дар университету 9 книг (3 печатные, а прочие рукописные) и обязался впредь доставлять книги, с тем условием, если университет удостоит его звания корреспондента.

Среди его книг особого внимания, по мнению О. М. Ковалевского, заслуживают «Тибетско-монгольский словарь», который он искал среди бурят по совету Юелля, а также «...Море повествований о Шигэмунии (о Будде. — *Авт.*)... Наука о лекарствах, переведенная с тангутского». В знак признательности за предоставленные библиотеке Казанского университета восточные книги О. М. Ковалевский разработал макет «благодарности» [104] и проект похвального листа [105] для бурятских помощников: «Буряты чрезвычайно честолюбивы: одобрение со стороны начальства университета может их поощрить к дальнейшим пожертвованиям» [106]. Кроме поиска и сбора рукописей, книг на монгольском и тибетском языках, у востоковеда была задача установления постоянных связей Казанского университета с передовыми представителями коренного населения, которые бы служили постоянным источником информации о своем крае, что было интересно как для правительства России, так и для отечественного востоковедения. Особо отличившимся присваивали звание «официальных корреспондентов» университета.

Все донесения, отчеты, которые отправлял Осип Михайлович из Восточной Сибири, Забайкалья попечителю Казанского учебного округа, ректору и Совету университета, по всей видимости, были интересны не только с научной точки зрения, но и с познавательной, информационной — о ситуации в далеком регионе.

О. М. Ковалевский и А. В. Попов были в числе первых собирателей и исследователей бурятского и монгольского фольклора. Они искали любую возможность послушать народных рассказчиков и записать их повести и сказки. Это были, по их мнению, лучшие образцы народных произведений и живого

---

[102] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 181 об.
[103] Там же.
[104] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет, Д. 1267. Л. 14, 15, 99, 100.
[105] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 610.
[106] Там же. Л. 190, 190 об.

народного языка, с помощью которых ученые приобщались к разговорному языку монголов и бурят.

Зиму 1829/30 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов провели в Иркутске, занимаясь обработкой собранного летом материала и дальнейшим изучением монгольского языка. С целью практических упражнений в монгольском языке они просили жандармского полковника Маслова и верхнеудинского окружного начальника Лосева подыскать бурята для поездки с ними в Иркутск на зимние месяцы. Маслов обещал им «доставить из Забайкальского края бурята, который несколько лет под руководством миссионеров занимался, с весьма хорошими успехами, не только монгольским и российским языком, но и еврейским, греческим, латинским и английским языками» [107]. Этим человеком был Ринчин Ванчиков, принадлежащий «к числу ученейших монголо-бурят», по оценке О. М. Ковалевского. Осип Михайлович надеялся, что до отъезда в Пекин (1830) с Российской духовной миссией он сможет усовершенствовать свой монгольский, занимаясь с Ванчиковым. Но Ванчиков пробыл в Иркутске, вместе с востоковедами, только две недели, так как «по Высочайшему повелению» был отправлен в Санкт-Петербург [108].

О. М. Ковалевскому предстояло еще одно путешествие среди бурятских кочевий — после возвращения из Китая. Зимние месяцы (1829/30) исследователь провел в Иркутске, готовился к поездке в Китай. Еще в июле 1829 г. Совет Казанского университета, согласовав с министром просвещения, дал согласие на командировку в Пекин в составе Российской духовной миссии. О. М. Ковалевский должен был находиться при приставе миссии в качестве письмоводителя. Цель его поездки — «для усовершенствования в монгольском языке» [109]. Семь месяцев Осип Михайлович провел в Пекине, зиму–весну 1830/31 г.

---

[107] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 202 об.

[108] Там же. Л. 202 об., 212, 225.

[109] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфак. Д. 147. Л. 1–2. В Иркутске в начале 1830 г. произошла встреча О. М. Ковалевского с Н. Я. Бичуриным, с которой началась их многолетняя дружба. Бичурин одобрил работу Ковалевского над монгольскими языками и посоветовал составить «сравнительную таблицу бурятских и монгольских наречий для показания сродства их по происхождению и языку», а также дал ряд советов в связи с его поездкой в Монголию и Китай. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 142.

О. М. Ковалевский и миссионеры Российской духовной миссии тщательно готовились к путешествию за границу. 8 июля 1830 г. они отправились «через Байкал» в Троицкосавск. В это время состоялась еще одна встреча О. М. Ковалевского с английским миссионером Юиллем. Ковалевский целенаправленно поехал в Селенгинск, чтобы показать Юиллю свою краткую монгольскую грамматику. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Т. 2. Л. 19.

«Миссионер Юелль с особенным удовольствием принял на себя труд рассмотрения краткой монгольской грамматики», сочиненной О. М. Ковалевским. «Знаток монгольской словесности», уважаемый казанским ученым, оценил его грамматику как «весьма полезную и достаточную для руководства учащихся». См.: Там же. Л. 609.

4 августа 1830 г. миссионеры прибыли в Кяхту, а 7 августа туда приехал барон Шиллинг. Азиатский департамент России направил в Кяхту научную экспедицию П. Л. Шиллинга для изучения состояния перспектив русско-китайской торговли. П. Л. Шиллинг, как ученый-изобретатель и востоковед, собирал коллекцию восточных рукописей и ксилографов. Вместе с ним из Иркутска приехал в Кяхту А. В. Попов. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 17, 17 об.

Вернувшись из-за границы, ученый остался в Забайкалье. А. В. Попов в это время находился в Иркутске, откуда 12 января 1832 г. выехал в «Цонгольские кумирни». При этом «г. Попов ни перед самым вызовом в Цонгольские кумирни, ни при однократном посещении Троицкосавска» с О. М. Ковалевским не встречался, в связи с чем последний очень беспокоился: «между тем приблизился срок возвращения нас в Казань и отправление тяжестей становится более и более затруднительным, а у Попова находится 12 монгольских книг» [110].

Срок пребывания О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Восточной Сибири истекал в мае 1832 г., но они понимали, что не успеют собрать еще недостающий материал и не смогут его, хотя бы предварительно, обработать, чтобы достойно выдержать предстоящий экзамен в Петербурге, у академика Я. И. Шмидта. Они обратились к ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому с просьбой о продлении срока командировки. Совет университета, согласовав вопрос с попечителем Казанского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным, разрешил «пробыть летнее время в кочевьях Цонгольских, Селенгинских с тем, чтобы возвратились в Казань не позже 1 декабря сего года». Последовало решение Совета университета о поездке востоковедов в кочевья Цонгольские и Селенгинские от 30 января 1832 г. [111]

В Иркутске Осип Михайлович получил подорожную для новой поездки по бурятским поселениям. 4 апреля он отправился из Иркутска в Троицкосавск, а оттуда «обратно в Селенгинск к английскому миссионеру Юеллю и близ кочующим монголо-бурятам по Темнику, Селенге и Хилку» — так распланировал ученый предстоящее путешествие [112]. Прибыв в Селенгинск, он принялся изучать тибетский язык, что было необходимо для основательного изучения монгольских богословских сочинений, «переведенных с тибетского подлинника». С Юиллем и ламами изучал правила грамматики монгольского языка, переписывал собранные рукописи для университетской библиотеки, «продолжал практические упражнения в монгольском языке посредством бесед с природными знатоками и чтения книг, приводил в порядок свой монгольский лексикон», — писал Осип Михайлович в очередном (8 июля 1832 г. из Селенгинска) отчете в Совет университета [113]. Путешествуя вновь среди бурят, О. М. Ковалевский совершенствовался в монгольском языке, собирал редкие монгольские сочинения, легенды, сказки, предания монголов и бурят, коллекционировал их обряды и традиции, встречался с интересными людьми

---

5 ноября 1830 г. Одиннадцатая Российская духовная миссия вступила на территорию Китая (Там же. Т. 2. Л. 48). О. М. Ковалевский прожил в Китае семь месяцев — зиму и весну 1830/31 г. 6 июня 1831 г. Ковалевский вместе с членами прежней, Десятой, миссии выехал из Китая (см.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 181). 3 сентября 1831 г. они прибыли в Кяхту. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 136–137.

[110] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 97; Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 213, 214–218.

[111] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 247, 270.

[112] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5069. Л. 83.

[113] Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Иркутск: Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. С. 240). Также О. М. Ковалевский сообщал сведения о всех членах Российской духовной миссии (см.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 306; Ф. 977. Оп. Истфак. Д. 147. Л. 4–5). В Иркутске, пока ждали всех членов миссии, О. М. Ковалевский и А. В. Попов преподавали монгольский язык уже прибывшим миссионерам. См.: Там же. Л. 244, 244 об., 258.

бурят-монгольского народа. В урочище Талайн Тологой, «у подножия хребта Харюха отыскал убежище отшельника... ламу Далсам Доржия» [114]. Главный Хамбо-лама Кулуннорского дацана Цорджи Чойван Дорджи Джамцуев принес в дар Ковалевскому медную статую Шигемуния (Будды), две флейты для богослужения, а для библиотеки — книги...»: одна — на тибетском и одна — на монгольском [115]. В знак благодарности исследователь составил проект похвального листа для бурят, которые дарили книги, помогали собирать и переписывать монгольские рукописи для университетской библиотеки [116]. 14 сентября 1832 г. отправил в Совет университета список лиц, которые преподнесли университету разные дары. Этот список в основном включал имена лам различных дацанов Забайкалья: кулуннорских, ацагатских, селенгинских. О. М. Ковалевский просил Совет университета «изъявить благодарность вышеупомянутым лицам от имени университета» [117]. Коллекция восточных рукописей, собранная путешественником только за 1830–1831 гг., насчитывала более 82 наименований [118].

1 октября 1832 г. О. М. Ковалевский по просьбе иркутского губернатора отправился в Троицкосавск (из Селенгинска), чтобы составить «Положение для вновь учреждающейся по Высочайшему повелению в Троицкосавске войсковой 4 бурятских полков школы» [119]. Эта школа учреждалась для того, «чтобы детям старшин четырех бурятских полков доставить средства к нравственному их образованию и к приобретению познаний, необходимых по их званию и назначению». При этом Осип Михайлович в «Положении...» особо подчеркивал, что «не возбраняется и другим ясачным бурятам посылать в сию школу своих детей, которые могут пользоваться учением, только вместе с первыми». В параграфе 8 «Положения...» об учителях говорится, что «кандидатов на звание учителя могут представлять и буряты из среды своих родовичей», но прошедших строгий экзамен: доказавших свои знания в предмете и хорошее поведение [120].

Буряты помогали ученому собирать рукописи, а он, со своей стороны, обучал русскому языку живущих рядом бурят, оказывал первую медицинскую помощь и нередко поддерживал продуктами. Гуманные поступки Осипа Михайловича не остались незамеченными. «Главные тайши и родоначальники» 18 монголо-бурятских родов объявили ему благодарность, где писали: «...Осип Михайлович... забыв о собственном спокойствии и удовольствиях, преисполнились совершенным знанием монгольских книг и искусством в переводе оных на российский язык... потому мы, нижеподписавшиеся... воздаем Вам сию нелицемерную похвалу за Вашу стойкую крепость, ласковость и ра-

---

[114] *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 191, 360 (далее: Скачков. 1977).

[115] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 286, 302.

[116] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 121.

[117] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 71, Д. 2237. Л. 303, 303 об.

[118] Там же. Л. 306.

[119] Там же. Л. 305, 313.

[120] Там же. Л. 308. Российская духовная миссия всегда следовала одним и тем же путем — Дарханской и Аргалинской дорогами**.** См.: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее: РО РНБ). Дневник О. М. Ковалевского. С. 3; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 302, 314 об.

душие в обращении с нами... Сентябрь 25 дня 1832 года» — и 15 подписей [121]. Эту благодарность они направили в Казанский университет.

22 января 1833 г. О. М. Ковалевский, отправив с обозом казанского купца Крупенникова книги и материалы, покинул Забайкалье. Буряты сопровождали ученого «от Темника до последнего горного хребта, простирающегося к Селенге» [122]. 28 января 1833 г. О. М. Ковалевский прибыл в Иркутск и оттуда сообщал Совету университета: «В первые числа февраля вместе с г. Поповым предпримем обратный путь в Казань» [123].

14 марта 1833 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов вернулись в Казань. Каждый из них представил Совету университета «Краткое обозрение занятий». Отчет О. М. Ковалевского состоял из двух частей: 1. «По части изучения языка и составления учебных пособий»; 2. «Что сделано по инструкциям?» Сообщив сначала о трудностях, с которыми пришлось столкнуться при изучении монгольского языка, особенно книжного, Осип Михайлович перечислил учебные пособия, подготовленные им в Забайкалье: «Краткая монгольская грамматика», состоящая из правил для чтения и письма, разделов этимологии, морфологии и синтаксиса книжного монгольского языка, «Монгольско-русские словари». Он подготовил два словаря — полный (40 000 слов) и краткий (5000 слов). Они охватывали основной словарный запас монгольского языка. Слова были расположены по монгольскому алфавиту с переводом на русский и с объяснением, по возможности, всего круга значений каждого слова и указанием источников, с помощью которых можно проверять перевод. Разговорники монгольского и бурятского языков. Пособия для первоначального изучения маньчжурского и тибетского языков, которые необходимы для разрешения многих трудностей, встречаемых при чтении религиозных и светских книг.

Относительно выполнения инструкций О. М. Ковалевский отмечал, что многие вопросы не касались непосредственно научных тем по востоковедению, но все же, по его мнению, ему удалось собрать интересный материал, который он в дальнейшем будет использовать при «составлении полной истории монголов и истории буддизма в Индии, Китае, Тибете и Монголии» [124].

Министр народного просвещения еще до возвращения О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Казань предписал ректору университета отправить их в Петербург для экзамена к академику Я. И. Шмидту. Однако поляк Ковалевский все еще находился под особым надзором и не мог покинуть Казань без особого разрешения самого царя. Николай I дал разрешение на поездку в Петербург, но особый надзор за ним сохранил [125].

Академик Я. И. Шмидт молодым монголоведам Казанского университета экзаменов не устраивал, ограничился беседой и просмотром их трудов, которым дал высокую оценку.

> Итак, я могу не только по доброй совести, но и с полным убеждением рекомендовать обоих, Ковалевского и Попова, на звание преподавателей монголь-

[121] РО РНБ. Дневник О. М. Ковалевского.
[122] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 388; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 129.
[123] РО РНБ. Дневник О. М. Ковалевского. С. 73.
[124] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 136–137.
[125] Каз. Вестник. 1831. Ч. 33, кн. 11–12. С. 171, 172.

ского языка в случае, если в Казанском университете учреждена будет для сего языка кафедра [126].

Решение об открытии кафедры монгольского языка было принято 25 июля 1833 г. Преподавателями были определены кандидат О. М. Ковалевский и студент-выпускник Казанского университета А. В. Попов [127].

Таким образом, пребывание О. М. Ковалевского в Восточной Сибири, Забайкалье, его общение с передовыми людьми края — А. В. Игумновым, Д. Давыдовым, с сибирской администрацией — Цейдлером, Лавинским, Фроловым, с представителем коренного населения Р. Ванчиковым, с буддийским духовенством — Ломбоцэрэновым и другими ламами способствовало успешному сбору разного рода материала, рукописей, ксилографов, книг, «из коих некоторые не уступают и арабским в силе вымысла и слога своих сочинений» [128].

Встреча и дальнейшее близкое знакомство с английскими миссионерами, которые также изучали монгольский язык, поездки в Монголию и Китай — все это дало возможность О. М. Ковалевскому за достаточно короткий срок собрать богатейший материал о духовной культуре, истории, филологии монгольских народов.

В Казани востоковед завершил работу над грамматикой и хрестоматией монгольского языка, составил монгольско-русско-французский словарь — все эти труды приобрели всемирное значение. Таким образом, вернувшись из научной командировки, О. М. Ковалевский был хорошо подготовлен, чтобы возглавить новую кафедру Восточного разряда Казанского университета — кафедру монгольского языка.

3. Просветительская и педагогическая деятельность О. М. Ковалевского

Научно-просветительская деятельность О. М. Ковалевского носила гуманистическую направленность. Он стремился прежде всего оказывать помощь коренным народам окраин России в приобщении их к европейским знаниям и культуре, в этом он видел основной смысл своей научно-педагогической деятельности, чем весьма отличался от многих представителей своего времени. Гуманистический подход в изучении культуры народов далеких окраин Российской империи, который неизменно отстаивал Осип Михайлович, в значительной степени отличался от подходов, диктовавшихся чиновниками царского правительства.

Научная командировка О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Восточную Сибирь (1828–1833) надолго связала их с далеким краем. О. М. Ковалевский сыграл важную роль в подготовке научных кадров из бурят. Находясь среди бурятского народа, он неоднократно подчеркивал превосходную память, острый ум, стремление к знаниям бурят и верил в будущее этого народа: «Природные же его (бурята) способности, в бездействии ныне находящиеся, ожи-

[126] Каз. Вестник. 1831. Ч. 33, кн. 11–12. С. 172, 173; ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1573. Л. 4.

[127] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 142.

[128] ГА РТ. Ф. 10. Д. 843. С. 113.

дают еще времени своего развития» [129]. Ученый предлагал расширить приходское училище при Селенгинской степной бурятской думе: «Весьма желательно, чтобы сие училище, в Селенгинских родах единственное, увеличилось и под руководством надежного наставника распространило более и более свое влияние на инородцев».

В каком бы месте ни находился О. М. Ковалевский, он везде старался дать начальные азы образования бурятам и просто был для них хорошим другом, делясь последним. Буряты и эвенки, в свою очередь, были очень признательны ему «за ласковость обращения с ними»: помогали собирать пословицы и поговорки, разыскивать буддийские книги, приносили в дар библиотеке Казанского университета рукописи на восточных языках, помогали постигать монгольский язык. В сентябре 1832 г. восемнадцать Селенгинских бурятских родов преподнесли ему письменную благодарность от имени всего народа [130].

В Сибири помощниками О. М. Ковалевского были многие из инородцев, о которых он с благодарностью сообщал в Совет Казанского университета. Впоследствии эти люди стали официальными корреспондентами Казанского университета, а многие из них отправляли различные материалы лично Осипу Михайловичу в продолжение их знакомства. В своих письмах в Совет университета ученый называл имена (так в тексте) главного 18 Селенгинских родов тайши Ломбо Цыренова (так имя тайши писал Ковалевский, сейчас принято писать — Юмдэлэк Ломбоцыренов). Главный тайша Селенгинских родов был известным бурятским летописцем, его перу принадлежат такие сочинения, как «Заметки о роде Хатагин» (1832), «История шаманки Асуйхан» (1832). По просьбе О. М. Ковалевского им была составлена «Бичихан запискэ» (1833) [131]. Ученый высказывал слова признательности в адрес цонгольских лам: Ширету лама Лопсан Дампил Дылыкова и Цзасак лама Вандун Дугарова; священнослужителей Кулуннорских кумирен: Гемпилова, Дзамбалова, Гомбоева; ламы Ацагатских кумирен — Вампилова; помощника тайши Селенгинских родов Няндак Вампилона, письма которого пронизаны наибольшей теплотой к О. М. Ковалевскому. Вампилон был очень деятельным ламой. Он организовал открытие школы при Селенгинской степной думе и строительство дацана, отправлял бурятских мальчиков на учебу в Казанский университет, среди них был и Доржи Банзаров; посылал в Казань рукописи, ксилографы и предметы буддийского религиозного культа для кабинета редкостей Казанского университета. Особо выделял Осип Михайлович цонгольского бурята Ринчина Ванчикова — образованнейшего человека среди бурят, знавшего русскую и монгольскую грамоту, обучавшегося у английских миссионеров. Интересным корреспондентом востоковеда был лама Долсом Доржи Гемпилов. С ним Осип Михайлович занимался чтением буддийских трактатов. Лама Гемпилов по просьбе исследователя написал заметки по истории своего рода — «Записки о Подгорном роде» [132].

---

[129] Каз. Вестник. 1829. Кн. 11–12. С. 91.

[130] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 619, 619 об.; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Т. 2. Л. 23, 23 об.

[131] *Тагаров З.* Заметки о бурят-монгольской летописи «Бичихан запискэ» // Зап. Бур.-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. Улан-Удэ, 1952. Т. 15. С. 84 (далее: Тагаров. 1952. Т. 15. С. 84).

[132] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 17, 17 об., 19, 102; Ф. 92, Оп. 1. Д. 4195. Л. 104; Д. 2237. Л. 212; Д. 5239; Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ).

По инициативе О. М. Ковалевского Казанский университет «изъявил свою благодарность», выразив тем самым особую признательность за пожертвование восточных рукописей библиотеке, главному тайше 18 Селенгинских родов Ломбоцыренову и ламе Кулуннорских кумирен Гемпилову, за подписью ректора Н. И. Лобачевского, скрепленной печатью Казанского университета [133].

Несмотря на отдаленность Казани от Забайкалья, О. М. Ковалевский продолжал поддерживать связи с представителями этого края — с бурятским тайшой Тугулдуром Тобоевым, историком-краеведом М. А. Зензиновым (1805–1873), его племянником И. А. Юренским (?–1868), поэтом Д. П. Давыдовым (1811–1888).

В 1843 г. в Казани побывал И. Юренский. Он встречался с профессором Ковалевским, обсуждали вопросы просвещения бурят. Осип Михайлович особо отмечал успехи на поприще востоковедения талантливого бурята, тогда еще студента Казанского университета, Д. Банзарова.

20 октября 1844 г. М. Зензинов послал О. М. Ковалевскому тунгусский словарь и писал при этом: «По желанию племянника (Ивана Александровича Юренского) посылаю вам тунгусского языка словарь, собранный его трудами». В этом же письме М. Зензинов благодарил профессора за ходатайство в обучении бурята Цыбика Онгодоева, а также просил Осипа Михайловича «похлопотать о 15-летнем сыне второго тайши агинских бурят Тугулдура Тобоева — Радне-Базаре Тугулдурове, который... обучается в Нерчинском уездном училище» [134].

О. М. Ковалевскому писал и сам Тугулдур Тобоев — бурятский общественный деятель, автор бурятской хроники, которая в советское время была опубликована в «Трудах Института востоковедения» [135]. Т. Тобоев просил ученого выслать учебные пособия по монгольскому языку, в частности «Монгольско-русско-французский словарь» в шести экземплярах. Тугулдур Тобоев был известным и авторитетным человеком «между бурятами в Нерчинском округе по уму, хорошему знанию законов и по правлению в Агинской думе», — писал М. Зензинов О. М. Ковалевскому 20 декабря 1844 г. [136]

Просвещение инородцев Забайкалья — одно из главных направлений деятельности О. М. Ковалевского. Начав обучение бурят во время научной командировки по Забайкалью (1828–1833), он продолжил эту деятельность и в Казани. М. Зензинов благодарил Осипа Михайловича за содействие в просвещении бурят: «В особенности трогает меня ваше благородное, патриотическое содействие в отношении образования детей кочующих. Я не могу приискать даже слов, чтобы достойным образом благодарить вас за это» [137].

Ф. 2. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–2 (благодарности на имя лам Гемпилова и Вампилова от Совета Казанского университета).

[133] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 14–15, 99–100.

[134] Отдел редких книг Библиотеки СПбГУ (далее: ОРК СПбГУ). Архив Ковалевского. Д. 122. Папка № 1.

[135] Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Попе // Труды Ин-та востоковедения. Т. 33. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 108 с.

[136] ОРК СПбГУ. Архив Ковалевского. Папки № 1 и 2 (письмо М. Зензинова от 20 декабря 1844 г.)

[137] Там же. Д. 122. Папка № 1. Л. 196 об.

Ярко отражена провинциальная жизнь Сибири середины XIX в. в письмах учителя и поэта Д. П. Давыдова. О. М. Ковалевский познакомился с Д. П. Давыдовым в 1832 г. в Троицкосавске, где последний был учителем уездного училища. Бóльшую часть своей жизни посвятил он учительству. Однако их переписка началась лишь спустя восемнадцать лет после знакомства — в 1850 г., когда Д. Давыдов в первом своем письме к Осипу Михайловичу сообщал, что «учреждает училище при Кударинской степной думе». Ковалевский поощрял учительство своего сибирского знакомого, выполняя его просьбу — выслать учебники по монгольскому языку. Книги высылались, как правило, безвозмездно или за невысокую плату [138].

О. Ковалевского и Д. Давыдова связывали монголоведческие интересы. Хотя последний и не знал в совершенстве монгольского языка, все же использовал в своих сочинениях бурятские и монгольские темы и сюжеты. По просьбе профессора Д. П. Давыдов собирал монгольские пословицы, привлекая к этому бурят. Например, Сахар Хамнаев, бывший помощник баргузинского тайши, прислал ему «пословицы и афоризмы» [139]. В письме от 6 сентября 1855 г. Д. П. Давыдов сообщал О. М. Ковалевскому об «обрусевшем инородце» Мошанове, у которого «есть тетрадка с изречениями», но «он ее из рук не выпускает». Д. П. Давыдов обещал ее приобрести с помощью «преданного ему человека» Гантимурова [140].

Среди корреспондентов О. М. Ковалевского был и протоиерей, «миссионер у хоринцев», Константин Стуков — образованный человек, самостоятельно изучивший монгольский язык. В письме к профессору (от 2 февраля 1845 г.) он обратился с просьбой выслать ему «по одному экземпляру Монгольской хрестоматии и Космологии», что стало бы для него «драгоценностью». В этом же письме благодарил Осипа Михайловича за его труды на поле монголоведения: «Русские только Вам обязаны тем, что они знают о буддийской вере, Вам одним обязаны... точными... наставлениями для монгольского языкознания» [141]. Сохранились и письма к О. М. Ковалевскому на монгольском языке (90 экз.) [142]. Содержание писем очень разнообразно. Некоторые из них представляют собой коротенькие записочки с расчетами по уплате за книги или с извещениями о получении книг, или с просьбой о высылке книг. В некоторых письмах содержится информация о переписке книг по просьбе О. М. Ковалевского.

Несколько писем было получено к моменту отъезда ученого из Сибири. В них содержатся благопожелания и похвальные слова, слова восторга и благодарности. Буряты продолжали писать Осипу Михайловичу и после его отъезда в Казань. Много писем, датированных после 1833 г. (в январе 1833 г. Ковалевский и Попов покинули Сибирь).

---

[138] ОРК СПбГУ. Архив Ковалевского. Д. 122. Папка № 1. Л. 26, 30 об., 31 (письмо Д. П. Давыдова из Верхнеудинска от 23 августа 1854 г.).

[139] Там же. Л. 27, 27 об. (письмо Д. П. Давыдова из Верхнеудинска от 20 июня 1853 г.).

[140] ОРК СПбГУ. Архив Ковалевского. Папки № 1 и 2. Л. 28, 29 об. (письмо Д. П. Давыдова из Верхнеудинска от 6 сентября 1855 г.).

[141] ОРК СПбГУ. Архив Ковалевского. Ф. 568. Папка № 2. Л. 343–346.

[142] *Шастина Н. П.* Из переписки О. М. Ковалевского с бурятскими друзьями // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. 1965. Вып. 2. С. 210–221.

О. М. Ковалевский всем сердцем вошел в жизнь бурятских улусов, и представители бурятского народа платили ему за это любовью и уважением. В письмах высказывается чувство признательности к человеку науки, прожившему несколько лет одной жизнью с бурятским народом. Заслуживают внимания разные эпитеты, которыми награждают О. М. Ковалевского его корреспонденты. Вместо официального «милостивый государь», называют его «драгоценностью сердца, украшенной отменной ученостью», или «незабываемой драгоценностью моей», или «цветком лотоса» и другими нежными именами, в которых чувствуется теплота и привязанность к нему.

Находясь в Забайкалье в 1828–1833 гг., О. М. Ковалевский претворил в жизнь проект создания русско-монгольской войсковой школы в Троицкосавске. В ней, по его мнению, могли обучаться «дети старших четырех бурятских полков», а также «не возбраняется и другим ясачным бурятам посылать в сию школу своих детей...» [143]. О. М. Ковалевский очень надеялся на то, что учащиеся этой школы будут получать качественные знания, которые станут основой для их дальнейшего обучения. Предъявлялись соответствующие требования к учителям. Школа была открыта в сентябре 1833 г. [144] Это была специальная трехлетняя школа по подготовке детей бурятских казаков к службе писарями, переводчиками и урядниками в Троицкосавском пограничном правлении и в четырех бурятских полках, сформированных еще в XVIII в. для охраны, совместно с русскими казаками, государственной границы в Забайкалье.

Учителями школы были образованные люди своего времени [145]. Так, богословие преподавал Галсан Никитуев, ранее служивший ламой в Бултомурском дацане. Это он в 1835 г. сопровождал четырех бурятских мальчиков: Доржи Банзарова, Цокто Чимитова, Гырыл Будаева, Доржи Буянтуева в Казань для обучения в Первой гимназии [146]. Выпускникам русско-монгольской войсковой школы были выданы свидетельства об окончании этого учебного заведения. В них говорилось, что по всем предметам, преподаваемым в школе, каждый из них имел «хорошие успехи». В свидетельстве, выданном Доржи Банзарову, отмечалось, что он «ученик третьего класса, сын отставного пятидесятника Банзара Боргонова, 14 лет. В русско-монгольскую школу поступил в 1833 году, 23 сентября, где обучался чтению и письму по-русски и по-монгольски, российской и монгольской грамматике... арифметике первой и второй части и российскому землеописанию... Сверх сего слушал закон „ламской веры“ и упражнялся в воинской „экзерциции“. Во всех сих предметах оказал весьма хорошие успехи. Во время пребывания в сей школе вел себя...

---

[143] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 20; АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 22. Л. 8 (бумаги о войсковой бурятской школе).

[144] АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

[145] Первыми учителями были: Н. А. Устюшанинов — почетный смотритель, В. П. Паршин — учитель русского языка, географии и истории, А. М. Крюков — инспектор этой школы и учитель рисования, Иринчен-Нима Ванчиков — учитель монгольского языка, Галсан Никитуев — учитель богословия и Николай Бадмаев — есаул, учитель по воинским упражнениям. Все эти люди были видными представителями своего времени и края, образованными людьми. Иринчен-Нима Ванчиков помогал в определенной мере изучать монгольский язык О. М. Ковалевскому и А. В. Попову. См.: *Ким Н. В.* Доржи Банзаров. Биографический очерк. Улан-Удэ, 1992. С. 8; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 90, 90 об.

[146] Все четверо мальчиков были одного возраста — 14 лет (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340).

хорошо и всегда оказывал охоту к учению...» [147] «Свидетельство» было выдано и на имя ламы Галсана Никитуева в подтверждение того, что он обучался монгольской и тибетской грамоте и чистописанию, мог свободно переводить с тибетского на монгольский, читал русские печатные книги, приобрел достаточные сведения по тибетской медицине и астрономии, «имел способность к своей религии (буддизму. — *Авт.*)» [148].

Документы свидетельствуют, что попечитель Казанского учебного округа в 1827–1845 гг. М. Н. Мусин-Пушкин ходатайствовал перед министром просвещения С. С. Уваровым о направлении в Казань для продолжения обучения наиболее способных к наукам выпускников русско-монгольской войсковой школы.

О. М. Ковалевский был сторонником внедрения европейской научной системы образования для коренного населения Забайкалья. Составив положение о русско-монгольской войсковой школе (1832), он понимал, что этим заложено только начало европейского образования среди бурят. Вернувшись в Казань, он обращается к попечителю с предложением принять несколько подростков из бурят в Казанскую гимназию, мотивируя это тем, что носители языка будут хорошим «средством» для практики в монгольском языке гимназистам, изучающим этот язык. Кроме того, это будет полезным для всего бурятского народа, среди которого появятся первые европейски образованные его представители. После этого, судя по всему, и последовало ходатайство М. Н. Мусина-Пушкина к графу С. С. Уварову. Находясь в Забайкалье, О. М. Ковалевский познакомился со многими родовыми старшинами и ламами. Одному из них, Вампилону, он подсказал идею отправить бурят продолжить обучение в Казанской гимназии.

Второй тайша 18 Селенгинских родов 14-го класса Ниндак Вампилон согласился отправить «в Казанскую гимназию нескольких бурят для обучения российскому языку» (письмо от 5 марта 1835 г.) [149], поблагодарил М. Н. Мусина-Пушкина за ходатайство «перед начальством о принятии в Казанскую гимназию для обучения нескольких мальчиков на казенное содержание» и просил, «стараясь об общей пользе... единородцев... о помещении пяти молодых бурят...», после чего попечитель сообщил о желании бурят учиться в гимназии министру народного просвещения (1833–1849) С. С. Уварову, который дал согласие «на помещение в число положенных на казенное содержание воспитанников Казанской гимназии пяти способных мальчиков из бурят, в том числе одного ламы» [150].

Благодаря содействию профессора О. М. Ковалевского четверо талантливых бурятских мальчиков были направлены для обучения в европейскую гимназию. 28 февраля 1836 г. директор Первой Казанской гимназии сообщил М. Н. Мусину-Пушкину: «Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 25 минувшего января за № 200, Совет Первой Казанской гимназии имеет честь донести, что четыре бурятских мальчика помещены в первый класс оной и что Совет полагает обучать их истории, географии, российской грамматике, арифметике, языкам: монгольскому, татарскому, турецкому и

[147] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 33.
[148] Там же. Л. 37.
[149] Там же. Л. 1.
[150] Там же. Л. 5 (письмо министра просвещения С. С. Уварова попечителю М. Н. Мусину-Пушкину от 3 июля 1835 г.).

спрашивает, в каких предметах они должны быть более усовершенствованы?» [151] Можно предположить, что попечитель планировал способствовать их поступлению в Казанский университет. Во всяком случае, вопрос о зачислении их в первый класс гимназии обсуждался на заседании Совета университета [152]. 13 апреля 1836 г. М. Н. Мусин-Пушкин сообщил министру народного просвещения о зачислении бурят в гимназию, на что министр дает согласие, но оговаривает: «...разрешаю иметь в Первой Казанской гимназии в числе 80 казенных воспитанников четырех из русских для обучения монгольскому, турецко-татарскому языкам, сверх — четырех бурят, находящихся в оной для усовершенствования в науках и русском языке» [153]. Эта оговорка «сверх» плана, еще раз подтверждает особое положение бурят в гимназии, так как подобная практика привлечения инородцев к обучению имела единичные случаи. Правительство надеялось, что «при поддержании сего первого порыва можно ожидать многочисленный прилив азиатцев в наши учебные заведения» [154].

Ламу Галсана Никитуева определили «надзирателем» при воспитанниках гимназии, изучающих монгольский язык, для проведения практических с ними упражнений, а преподавателем монгольского языка был назначен А. В. Попов [155].

Гимназия, в которой предстояло учиться бурятским мальчикам, была старейшей в России, она открылась еще в 1758 г. в составе Московского университета. Оттуда она получила свой устав, первых учителей, денежные средства. В ее стенах учились крупные представители русской науки и культуры: поэт Державин, писатель Аксаков, профессора Казанского университета Лобачевский, Симонов, Бутлеров, ориенталисты Попов, Фойгт и другие. С открытием Казанского университета в 1804 г. гимназия перешла в его ведение. В 1835 г. гимназия была преобразована по новому уставу; в Казани была открыта Вторая гимназия, где должны были обучаться «своекоштные» ученики (платившие за свое обучение), в то время как Первая гимназия предназначалась для казенных воспитанников. Состав учителей Первой гимназии назначался попечителем Казанского учебного округа, главным образом из лучших кандидатов Казанского университета. Еще одно преимущество Первой Казанской гимназии перед прочими учебными заведениями этого округа заключалось в преподавании восточных языков [156]. Преподавание монгольского языка в гимназии шло по программе, составленной О. М. Ковалевским, а учебными пособиями были его грамматика и хрестоматия. Он тщательно следил за преподаванием в гимназии монгольского языка, старался, чтобы изучение его было тесно связано с изучением истории монгольского народа. В этой связи умело подбирались источники для переводов и комментирования. Так, из протоколов Совета гимназии известно, что обсуждалось заявление профессо-

---

[151] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 48; Д. 3833. Л. 109, 110, 111, 111 об., 113.

[152] ГА РТ. Ф. 977. Истфак. Д. 261. Л. 1.

[153] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 382. Л. 115.

[154] Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1836. Т. 10. С. 15.

[155] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 382. Л. 120.

[156] *Пинегин М.* Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890; ЖМНП. 1874. Май–июнь. С. 23; Казанские губернские ведомости. 1843. № 15.

ра О. М. Ковалевского о необходимости приобретения для учеников, занимающихся монгольским языком, сочинений на этом языке [157].

Первый год обучения буряты закончили успешно, лучшим среди них был Банзаров. Климат, новые условия, питание не могли не отразиться на здоровье, поведении гимназистов из Забайкалья. 1837 и 1838 гг. оказались трагичными. В 1837 г. умер Доржи Буянтуев, в 1838 г. — Цокто Чимитов, от чахотки [158]. Будаев был отчислен из гимназии за «непристойное» поведение и отправлен в Сибирский корпус рядовым в январе 1841 г. [159] Таким образом, из четырех бурятских мальчиков, приехавших на учебу в Казань, остался один Банзаров.

Когда весть о смерти Буянтуева и болезни Чимитова дошла до Забайкалья, отец Никитуева обратился к попечителю М. Н. Мусину-Пушкину с прошением отпустить сына домой, объяснив просьбу своей старостью, требующей поддержки кормильца [160]. Однако попечитель не отпустил Никитуева, так как помимо занятий с Банзаровым и Будаевым следовало продолжать обучение студентов университета и гимназистов разговорному монгольскому языку и тибетской грамоте. О. М. Ковалевский также был очень заинтересован в работе Г. Никитуева. В январе 1839 г. он писал попечителю, что «Г. Никитуев не может быть уволен от должности до замещения его другим», и предложил М. Н. Мусину-Пушкину обратиться в Селенгинскую думу с просьбой найти новую кандидатуру [161]. Никитуеву пришлось надолго еще остаться в Казани из-за поиска ему замены. А сделать это мог только Осип Михайлович, который лично был знаком с Хамбо-ламой Забайкальских дацанов. Как свидетельствуют документы, О. М. Ковалевский не сразу узнал, что Никитуева вызывает отец [162]. Можно предположить, что Никитуев сам долгое время не знал о письме своего отца [163].

Никитуев был образованным и талантливым педагогом, хорошо владел монгольским и тибетским языками. Интересно, что Галсан Никитуев помимо педагогической деятельности в гимназии занимался составлением тибетско-монгольско-калмыцкого словаря под непосредственным руководством О. М. Ковалевского. Его словарь насчитывал «около тридцати тысяч слов» «на отдельных листах» [164]. Профессор всячески поддерживал его работу по созданию полноценного тибетско-монгольско-калмыцкого словаря. Чтобы пополнить словарь калмыцкими словами и выражениями, нужно было поехать к калмыкам. Поэтому Галсан Никитуев просил у М. Н. Мусина-Пушкина разрешения

---

[157] ГА РТ. Ф. 86, Д. 9556а. Л. 68.

[158] ГА РТ. Ф. 87. Д. 9230. Л. 1; Д. 3445. Л. 1.

[159] ГА РТ. Ф. 87. Д. 4279. Л. 1. Первая Казанская гимназия отличалась жесточайшим надзором за студентами. Особенно в надзирательстве за гимназистами усердствовал инспектор Скорняков. Против него гимназистами был организован заговор, в котором и участвовал Будаев. Учащиеся гимназии избили инспектора. Будаев был отчислен.

[160] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 76.

[161] Там же. Л. 87.

[162] Там же. Л. 76–77.

[163] Там же. Л. 56 (Донесение О. М. Ковалевского попечителю: «Приняты мною из канцелярии Вашего Превосходительства полученные из Иркутска на имя Ламы Никитуева два ящика в коже, 4 письма и одно письмо на имя мое, полученное мною исправно передал Никитуеву, по принадлежности. 26 июня 1836 года»).

[164] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4960. Л. 1.

выехать в Астрахань, чтобы собрать дополнительный материал и заняться перепиской составленного им словаря «набело» с помощью лам среди калмыков [165]. Несколько позже (11 апреля 1839 г.) О. М. Ковалевский обратился к попечителю, чтобы определить сроки пребывания ламы среди калмыков. Поездка была рассчитана на четыре месяца, ориентировочно май–август, поскольку летнее время более удобно для путешествий подобного рода. За четыре месяца Г. Никитуеву предстояло сделать большую по объему работу. Кроме того, О. М. Ковалевский подчеркивал важность составления Г. Никитуевым тибетско-монгольско-калмыцкого словаря. «...Составление тибетско-монгольско-калмыцкого словаря, по моему мнению, — писал он, — принесет несомненную пользу и самому сочинителю, и студентам нашего университета, которые, изучая монгольский язык, желают познакомиться и с тибетским, столь богатым религиозными и историческими творениями... издание подобного словаря будет полезно и для ориенталистов» [166].

В ноябре 1840 г. О. М. Ковалевский, по поручению попечителя Казанского учебного округа, отправляет письмо Хамбо-ламе Забайкальских дацанов с просьбой подыскать подходящую кандидатуру ламы, знающего монгольский и тибетский языки, отличного поведения, взамен Галсана Никитуева, изъявившего желание вернуться на родину [167]. Через некоторое время Бандида-хамбо-лама Забайкальских дацанов Данжин-Чойвандоржи Иши-Жамсуев отправил ответное письмо. В нем он рекомендовал кандидатуру гецул-ламы Кулуннорского дацана Галсана Гомбоева [168]. 19 марта 1841 г. О. М. Ковалевский отправил Хамбо-ламе второе письмо, в котором выразил признательность ему за «готовность к пользам народного просвещения» и сообщил, что 16 марта сделал представление по этому вопросу попечителю М. Н. Мусину-Пушкину для дальнейшего распоряжения с его стороны [169]. Попечитель Казанского учебного округа, в свою очередь, уведомил (22 марта 1841 г.) иркутского гражданского губернатора о том, что «находящийся в должности комнатного надзирателя Первой Казанской гимназии лама Галсан Никитуев, по домашним обстоятельствам и по воле престарелого отца, просит увольнения от этой должности, которую, по предварительному сношению ординарного профессора О. М. Ковалевского с Вами, изъявил желание занять гецул Кулун-Норского дацана... Галсан Гомбоев» [170]. Так был решен вопрос о назначении ламы Галсана Гомбоева «надзирателем» Первой Казанской гимназии. В решении данного вопроса самое активное участие принимал Ковалевский. Эта переписка убедительно свидетельствует о заинтересованности О. М. Ковалевского в обучении бурят.

О. М. Ковалевский умело направлял деятельность Галсана Гомбоева и оказывал ему, так же как и Банзарову, всемерную поддержку на протяжении всего периода его пребывания в Казани.

Галсан Гомбоев родился в 1818 г. в Селенгинске. Происходил он из казачьих детей пятой сотни Атагатова полка. В 1829 г. был посвящен в хувара-

---

[165] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4960. Л. 1–2.
[166] Там же. Л. 5.
[167] ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 503. Л. 1, 1 об.
[168] Там же. Л. 19, 19 об.
[169] Там же. Л. 5.
[170] ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 503. Л. 17.

ки [171], прошел некоторые ступени ламской иерархической лестницы до 1841 г., когда был включен в число комплектных лам. Кроме того, в 1834 г. назначен писарем Хамбо-ламы как грамотный человек, умеющий читать и писать по-монгольски и по-тибетски [172].

5 июня 1842 г. директор Первой Казанской гимназии дает согласие на увольнение Никитуева. Предварительно, в сентябре 1841 г., Никитуев был награжден золотой медалью на Александровской ленте и ему был присвоен чин второго класса [173].

В апреле 1842 г. Галсан Гомбоев был отправлен в Казань, а поскольку он не знал русского языка, его сопровождал крещеный инородец Яков Бочаров. В начале июня 1842 г. Гомбоев прибыл в Казань [174]. Уже в июне Галсан Гомбоев был утвержден в должности «надзирателя» Первой Казанской гимназии. В гимназии для практического обучения студентов «живым» восточным языкам по уставу полагались «комнатные надзиратели» из инородцев, знающих эти языки. Их деятельность определялась программами и инструкциями, которые составлялись старшими учителями восточных языков. Инструкцию для проведения практических занятий по монгольскому языку Галсану Гомбоеву составил профессор А. В. Попов. Согласно этой инструкции, Гомбоев должен был ежедневно давать уроки практических занятий, два урока посвящались чтению и письму по-монгольски и два урока отводились чтению и письму по-тибетски [175]. Научным консультантом Галсана Гомбоева был профессор О. М. Ковалевский. Ему было поручено наблюдать и руководить практическими занятиями по монгольскому языку надзирателя Г. Гомбоева со студентами. Следует отметить, что профессор высоко ценил работу ламы. По его предложению Г. Гомбоев был награжден медалью «за отличное усердие и полезную деятельность» [176].

В 1842 г. Д. Банзаров закончил обучение в гимназии со свидетельством за № 878 от 24 июня 1842 г. [177] Аттестата ему не выдали из-за принадлежности к казачьему сословию. За отличное окончание полного гимназического курса Д. Банзаровым его отец был награжден денежной премией в размере 142 руб. серебром «в поощрении похвальных усилий за образование сына» от Министерства народного просвещения [178].

Окончив блестяще гимназию, Д. Банзаров не имел права поступать на гражданскую службу. Однако, несмотря на все сложности, у него за спиной было десять лет учебы, сначала в русско-монгольской школе, затем в гимназии. Бурят с гимназическим образованием для того времени — явление редчайшее. Д. Банзаров решил поступить в Казанский университет.

---

[171] Хуварак (ховарак) — ученик ламы, послушник в буддийском монастыре, монах.

[172] ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 503. Л. 13–14, 49, 55.

[173] ГА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4340. Л. 50. Согласно Табели о рангах, чин второго класса соответствовал гражданскому чину действительного тайного советника. Выше был только гражданский чин канцлера.

[174] ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 503. Л. 42, 42 об., 54.

[175] ГА РТ. Ф. 87. Д. 1844. Л. 1, 2, 3.

[176] Там же. Д. 73. Л. 3.

[177] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5200. Л. 613, 201, 201 об.

[178] Там же. Д. 4240. Л. 133 (3 июля 1842 г.).

Еще одним из бурят, оказавшимся в Казани в 40-е гг. XIX в., был Алексей Бобровников. Он был уроженцем Иркутской губернии. Родился в 1822 г. в семье сельского дьячка Александра Бобровникова, который позднее стал протоиереем Иркутской епархии. Отец и мать Алексея Бобровникова были из крещеных бурят [179]. Алексей рано остался сиротой. Как сирота он был помещен в бурсу (общежитие) Иркутской семинарии, где изучал монгольский язык, с которым был знаком с самого раннего детства. В становлении Алексея Бобровникова как личности большую роль сыграл его крестный отец, иркутский купец Саламатов, контролирующий поведение и учебу мальчика в семинарии. Из преподавателей Иркутской семинарии огромное влияние оказал на А. Бобровникова учитель философии и логики А. М. Благовидов, приехавший из Петербургской академии. Окончив в 1842 г. курс Иркутской семинарии «первым учеником», А. Бобровников приезжает в Казанскую духовную академию, чтобы продолжить религиозное образование [180].

С отцом Алексея Бобровникова был знаком О. М. Ковалевский, который считал своим долгом помочь сыну сибирского знакомого. Отец Алексея — Александр Бобровников — в совершенстве владел бурятским языком, с помощью лам изучил монгольскую грамоту и монгольский книжный язык, служил преподавателем монгольского языка в Иркутской семинарии. Составил монгольскую грамматику, сделал переводы христианских книг на монгольский язык [181].

В Казани Алексей Александрович Бобровников усердно занимался. В 1843 г. он просит академическое правление приобрести монгольскую грамматику и хрестоматию О. М. Ковалевского и Я. И. Шмидта для продолжения изучения языка. Правление Академии также обратилось к Осипу Михайловичу с просьбой разрешить студенту А. Бобровникову посещать лекции по монгольскому языку. А. Бобровников с рекомендательным письмом явился к О. М. Ковалевскому. Последний принял А. Бобровникова приветливо, на первый раз дал ему книгу на монгольском языке «Море притч» и обещал вопрос о посещении им лекций решить с попечителем [182]. М. Н. Мусин-Пушкин дал согласие на «допущение студентов Духовной академии к слушанию в университете языков: татарского, монгольского и калмыцкого» [183].

С этого момента началось сотрудничество студента Духовной академии А. Бобровникова и профессора Казанского университета О. М. Ковалевского. Профессор снабжал Алексея книгами на монгольском языке, давал разъяснения по буддийской религии, совершенствовал его знания в монгольском языке. Общаясь с О. М. Ковалевским, А. Бобровников стал интересоваться буддизмом. В монгольских книгах его больше всего интересовала буддийская

---

[179] Мать Алексея Бобровникова была из крещеных бурят. Происхождение отца — Александра Бобровникова — несколько сложное. Дед Алексея (отец Александра) Илья Бобровников был родом из Черниговской губернии. Он приехал в Сибирь приблизительно в конце XVIII в. за лучшей долей. Здесь женился на ясашной крещеной девице. Таким образом, происхождение Алексея Бобровникова не вызывает сомнений — из бурят. См.: *Шаракшинова Н.* Монголовед Алексей Бобровников // Байкал. 1988. № 3. С. 131.

[180] *Ильминский Н. И.* Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Учен. зап. Каз. ун-та. 1865. Т. 1. С. 418–420.

[181] *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 417.

[182] Там же. С. 422.

[183] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 243. Л. 8, 9.

философия. Осип Михайлович особо относился к религии, справедливо полагая, что религиозное мировоззрение помогает лучше разобраться в истории интересующего народа.

А. А. Бобровников усердно посещал университетские лекции О. М. Ковалевского по языку и монгольской литературе. За год он весьма прилично изучил монгольский язык и обнаружил лингвистические способности. Нужно отметить, что Алексей Бобровников был способным молодым человеком, он практически самостоятельно занимался монгольским языком, за исключением посещения занятий О. М. Ковалевского. Книги на монгольском языке повсюду сопровождали его, даже на занятиях в Академии, не говоря уже о послеурочном времени.

В 1844 г. и в Казанской духовной академии стали преподавать восточные языки. Занятия по монгольскому, татарскому и арабскому языкам вели преподаватели университета А. К. Казем-Бек и А. В. Попов. Для людей духовного звания знание восточных языков было необходимо для понимания многочисленных «монголо-калмыков — буддистов и татар — магометан» [184].

Монгольский язык преподавал в Академии А. В. Попов. По настоянию ректора А. Бобровников должен был посещать его занятия, которые представляли собой «элементарные уроки в языке, необходимые для начинающих». А. А. Бобровников уже познал основы языка монголов и поэтому продолжил занятия по монгольскому языку в университете, у О. М. Ковалевского.

В стенах Казанского университета А. Бобровников познакомился с Д. Банзаровым, который в 1842 г. поступил на Восточное отделение университета. Они вместе посещали занятия профессора О. М. Ковалевского по монгольскому языку и монгольской литературе. Ковалевский вел занятия на старших курсах университета, а на первых двух читал А. В. Попов. По настоянию О. М. Ковалевского практические занятия по монгольскому языку вел надзиратель Первой Казанской гимназии Галсан Гомбоев. Так земляки-буряты познакомились в стенах Казанского университета, изучая монгольский язык, историю и религию монгольских народов. Их деятельность, связанная с учебой или с преподаванием монгольского языка, находилась под покровительством О. М. Ковалевского. Он всячески содействовал разностороннему образованию юношей, поощряя стремление к знаниям. Так, Доржи Банзаров обратился к О. М. Ковалевскому с просьбой о ходатайстве перед начальством посещать занятия по санскриту, необходимому для изучения буддийских сочинений. Профессор написал М. Н. Мусину-Пушкину 13 сентября 1842 г.:

> Студент первого курса по разряду монгольской словесности Банзаров просит... дозволения ему вместо турецко-татарского языка заниматься санскритским языком. Принимая в уважение, что Банзаров исповедует буддийскую религию, коей коренные книги были составлены на санскритском языке, и Банзаров, по окончании университетского курса, возвратясь на родину свою, может содействовать между монголо-бурятским духовенством распространению знаний санскрита [185].

О. М. Ковалевский достаточно высоко оценивал способности своего воспитанника и просил попечителя пойти навстречу «пламенному желанию сего молодого человека, подающего прекрасные надежды на отличные успехи в

[184] *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 424.
[185] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 137.

священном языке индусов» [186]. Попечитель вскоре удовлетворил ходатайства О. М. Ковалевского и Д. Банзарова относительно изучения последним санскрита и сообщил об этом первому отделению философского факультета университета.

Кроме санскрита и монгольского языка, одним из основных предметов, изучаемых Д. Банзаровым и А. Бобровниковым вместе с другими студентами Восточного отделения философского факультета Казанского университета, стал курс истории монголов с XIII в. по Новое время, разработанный и преподаваемый О. М. Ковалевским.

Под непосредственным наблюдением ученого Д. Банзаров еще в студенчестве стал заниматься научной работой. Он перевел с французского на монгольский язык «Странствия китайского буддиста IV века по имени Фа Сян» [187].

Д. Банзаров написал на монгольском языке научно-популярные работы: «Всеобщая география» и «Монгольская грамматика». Перевел с маньчжурского языка «Путешествия Тулишеня», совершившего в 1711 г. поездку через Сибирь, и с ойратского — известную поэму об «Убаши-хун Тайджи». Рукописи этих работ долгое время находились у О. М. Ковалевского и, к сожалению, погибли с его архивом во время пожара в Варшаве в 1863 г.

В 1843 г. состоялось знакомство Доржи Банзарова, Алексея Бобровникова и Галсана Гомбоева, положившее начало их многолетней дружбе и научному сотрудничеству. Г. Гомбоеву для дальнейшей педагогической деятельности необходимо было высшее образование. По ходатайству О. М. Ковалевского, он стал слушателем Казанского университета. В 1843 г. Г. Гомбоев обратился к ректору Н. И. Лобачевскому с просьбой разрешить ему слушать лекции по санскриту. Получив разрешение, он начинает занятия у П. Я. Петрова (1814–1875), у которого занимался и Д. Банзаров [188]. Между этими молодыми людьми было много общего. Более всего их объединял интерес к монголоведению.

О. М. Ковалевский с августа 1844 г. становится директором Второй Казанской гимназии и управляющим училищами и школами Казанской губернии [189] с сохранением должности профессора университета; кроме того, он являлся бессменным (с 1834 по 1854 г.) секретарем и членом издательского комитета «Ученых записок» [190]. Несмотря на свою занятость, Осип Михайлович много времени посвящал занятиям с бурятами — Гомбоевым, Бобровниковым, Банзаровым.

С весны 1845 г. студент Духовной академии А. Бобровников приступил к написанию «окончательного, для получения ученой степени» сочинения по буддизму. После длительных размышлений А. Бобровников выбрал тему сво-

---

[186] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 137.

[187] Тибетский перевод путевых заметок Фа-Сяня был осуществлен Зава Дамдином (1867–1937) с рукописи монгольского перевода, которая хранится в государственной библиотеке в Улан-Баторе. Эта монгольская рукопись является копией монгольского перевода Д. Банзарова. См.: *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения: Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1994. С. 56 (далее: *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения...).

[188] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 21. Л. 6.

[189] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2667.

[190] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6826. Л. 1; Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3523. «Ученые записки» — периодическое издание Казанского университета. Стали выходить с 1834 г. по инициативе ректора Н. И. Лобачевского.

его сочинения по буддизму: «О христианской любви и буддийском самоутверждении как нравственных началах той и другой религии» [191]. Сочинение было написано на ученую богословскую степень. Оно состояло из трех отделов: 1) Исторические замечания о буддизме; 2) Философия буддизма; 3) Религиозные элементы в буддизме [192]. А. А. Бобровников «старался проникнуть в смысл темных буддийских положений, разрозненные мысли соединить в одно целое, развить это целое синтетически из одного положения», — писал однокурсник А. Бобровникова востоковед Н. И. Ильминский, подчеркивая особую ценность этой работы: индийскую философию автор изучал по тибетским источникам, переводя их на монгольский язык [193].

На основе этого можно сделать заключение, что первая работа А. А. Бобровникова имела научную ценность хотя бы в том смысле, что он выявил новые источники на тибетском языке и перевел их, не говоря уже о том, что постарался на их основе создать систему взглядов по философии буддизма.

В 1846 г. к нему поступила просьба от ректора Казанской духовной академии о создании грамматики калмыцкого языка. В этом была тогда острая необходимость: в астраханской семинарии преподавали калмыцкий язык, а учебников не было [194]. А. Бобровников согласился, но при условии, что он поедет в научную командировку в калмыцкие степи для изучения калмыцкого языка. Он утверждал, что между монгольским и калмыцким языками есть значительное сходство.

По окончании полного курса Академии А. Бобровников был «откомандирован в Царицын и Астрахань сроком на три месяца с целью большего усовершенствования в калмыцком языке», что должно было помочь составлению «Грамматики Калмыцкой» [195]. Для него была составлена инструкция, суть которой заключалась в следующем: «Г[осподин] Бобровников во время пребывания своего в кочевьях приволжских калмыков должен преимущественно обратить внимание на язык, нравы, обычаи и религию калмыцкого народа» [196]. Среди калмыков А. Бобровников находился четыре месяца, с 12 июня по 12 октября 1846 г. По окончании командировки предоставил отчет руководству Казанской духовной академии [197] и продолжил работу над составлением грамматики калмыцкого языка.

Работая над грамматикой, он одновременно занимался преподавательской деятельностью в Духовной академии Казани, куда был «определен учителем... по классу математических наук и монгольско-калмыцкого языка» 10 октября 1846 г. В степень магистра возведен 28 июня 1847 г. и «посему переименован бакалавром» 16 сентября 1847 г. А. А. Бобровникова уволили из духовного звания 5 декабря 1847 г. по собственному его прошению [198].

---

[191] *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 425.

[192] Там же. С. 427.

[193] Там же. С. 435.

[194] Сначала ректор Казанской духовной академии обратился к профессору А. В. Попову с просьбой составить грамматику калмыцкого языка. А. В. Попов согласился, но при условии, что грамматика будет напечатана за счет духовного ведомства. Видимо, сумма затрат на публикацию не устраивала ректора, и он обратился с этим вопросом к А. А. Бобровникову.

[195] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 1, 3 (дорожный билет А. Бобровникова).

[196] Там же. Л. 4–5.

[197] Там же. Л. 12–35.

[198] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12; Д. 1170. Л. 42 об., 43. А. Бобровников был назначен преподавателем и математики, и восточных языков одновременно, потому

А. А. Бобровников усердно учительствовал, любимому своему предмету уделял много времени. При подготовке к занятиям пользовался библиотекой Казанского университета, так как в библиотеке Академии книг на монгольском языке было недостаточно. Заниматься в библиотеке университета ему было разрешено ректором Н. И. Лобачевским [199]. «За усердное и успешное прохождение должности бакалавра» Алексею Александровичу Бобровникову в феврале 1849 г. было объявлено «благословение Святейшего Синода» [200].

Составляя монгольско-калмыцкую грамматику [201], А. А. Бобровников, видимо, для ее расширения хотел использовать рукописи отца, а также «исправить и дополнить» их. По его предположению, рукописи должны были находиться в Иркутской семинарии. Он обратился в правление Казанской духовной академии, чтобы оно отправило запрос [202]. В ответе Иркутской духовной консистории в октябре 1849 г. сообщалось, что рукописей Александра Бобровникова у них нет, а есть «книги на монгольском языке числом 22, но все они не рукописные, а печатанные...» [203]

Постепенно решился вопрос о напечатании монгольско-калмыцкой грамматики А. А. Бобровникова в типографии Казанского университета. Правление Казанской духовной академии 18 октября 1848 г. постановило напечатать это учебное пособие в количестве 1200 экземпляров и либо наградить А. А. Бобровникова единовременной денежной премией не менее 1500 руб. серебром, либо назначить его на должность экстраординарного профессора с постоянным жалованьем в размере 415 руб. серебром в год, с первого января 1849 г. [204] Было решено выдать Бобровникову премию в размере 1200 руб. серебром, которую он получил 1 апреля 1850 г. [205] Правлением Академии было также решено поручить А. А. Бобровникову составить хрестоматию калмыц-

---

что в первоначальный штат Казанской академии восточные языки не вошли — они были введены позже. За преподавание восточных языков жалованье не выплачивалось, поэтому было необходимо привязать их к другим штатным предметам. Бобровников преподавал математику, способность к которой у него проявилась еще в Иркутской семинарии, однако любимым предметом был монгольский язык (см.: ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 1). Бобровников был назначен преподавателем монгольского языка в Академии вместо А. В. Попова. Сохранилась клятва Бобровникова при вступлении на государственную службу. 21 октября 1846 г. См.: Там же. Л. 3–3 об.

[199] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Ректорат. Д. 923. Л. 1. Н. И. Лобачевский (1792–1856) — русский математик. В 1827–1846 гг. был бессменным ректором Императорского Казанского университета (основан в 1804 г., до 1814 г. существовал как отделение Первой Казанской гимназии). Годы его ректорства были периодом фактического создания Казанского университета и превращения его в передовой научный центр России.

[200] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12.

[201] Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Сочинение бакалавра Казанской духовной академии Алексея Бобровникова. См.: ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 871. 148 л.

[202] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.

[203] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 676. Л. 3, 3 об. Бобровников, видимо, поддерживал связи с Иркутской семинарией. Позже, в 1855 г., он обратится с прошением отправить ему книги на монгольском и русском языках по буддийской религии и по христианству соответственно. Всего восемь наименований. По-видимому, они понадобились ему при работе над переводом краткой Священной истории, который он выполнял по поручению Правления Казанской духовной академии.

[204] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 692. Л. 1–3 об.

[205] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12.

кого языка после завершения работы над грамматикой и выхода ее в свет [206]. Грамматика монгольско-калмыцкого языка была тепло встречена в кругах научной общественности и удостоена Демидовской премии [207] 1 мая 1851 г. [208]

В составлении грамматики А. А. Бобровникову помогали Доржи Банзаров и Галсан Гомбоев. Гомбоев «каллиграфически вписывал» «монгольские и калмыцкие примеры», кроме того, оказывал помощь пособиями и предоставил в его распоряжение очень нужные калмыцкие рукописи, о чем позднее писал сам Бобровников: «что касается оказанных мне Г. Гомбоевым пособий при составлении ученой книжки, то я ему обязан несколькими калмыцкими рукописями, которые он сообщил мне, предназначая их для пожертвования в библиотеку Академии». С Доржи Банзаровым Алексей Бобровников встречался каждый день, раскрывая ему законы родного языка [209].

Общепризнанным авторитетом по монголоведению был профессор О. М. Ковалевский. Он написал рецензию на монгольско-калмыцкую грамматику А. А. Бобровникова, предварительно тщательно изучив ее в течение двух месяцев. Указав на отдельные недостатки, О. М. Ковалевский отметил, что «эти недостатки выкупаются блистательными достоинствами всего сочинения, хорошо обдуманного, разрешившего много спорных доселе вопросов. Потому автор... приобрел полное право на внимание и поощрение со стороны просвещенного своего начальства, а его добросовестный труд, если будет напечатан, должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии» [210].

Для присуждения Бобровникову Демидовской премии за грамматику О. М. Ковалевскому было поручено написать еще один отзыв на его труд, который был более сдержанным. В нем Осип Михайлович последовательно в каждой части грамматики указывал на допущенные автором неточности. Некоторые выводы ученый называл «смелыми предположениями» и указывал на то, что автору следует еще поработать над монгольско-калмыцкой грамматикой, чтобы довести ее «до значительного совершенства». Эта рецензия Ковалевского на грамматику была более обстоятельной, чем первая. Однако, несмотря на подробные замечания, востоковед сделал следующее заключение:

> ...Грамматика Бобровникова... плод самостоятельных изысканий, труд добросовестный, заслуживает поощрения со стороны Академии наук, при раздаче Демидовских премий [211].

Приведенные факты говорят о том, что О. М. Ковалевский был не просто наставником и учителем науки, но и строгим критиком трудов своих воспитанников. Критикуя корректно, он умело направлял их научную деятельность. А. А. Бобровников никак не ответил на замечания профессора, возможно, согласился с ними.

---

[206] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 692. Л. 1, 1 об.

[207] Демидовская премия присуждались Петербургской академией наук в 1832–1865 гг. за опубликованные труды по науке, технике, искусству. Считалась высшей научной наградой России. Учредителем премии был Павел Николаевич Демидов (1798–1840).

[208] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12.

[209] *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 440, 441; ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175. Л. 15–17.

[210] *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 440.

[211] Там же. С. 444.

В научном мире грамматика А. А. Бобровникова получила широкий отклик, произвела «большую сенсацию», как писал С. А. Венгеров [212]. Санскритолог О. Н. Бетлинг (1815–1904) на заседаниях Академии наук назвал книгу А. А. Бобровникова замечательнейшим явлением в филологии. Известный востоковед П. С. Савельев (1814–1859) писал: «...Грамматика монгольско-калмыцкого языка... труд обширный и добросовестный, новый шаг в монгольской филологии» [213]. Все это несмотря на то, что до Бобровникова были созданы грамматики монгольского языка Я. И. Шмидта [214], О. М. Ковалевского и грамматика калмыцкого языка А. В. Попова.

«Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова была составлена с учетом основных положений этих работ. В предисловии к своей работе автор справедливо отмечал, что монгольский язык является живым разговорным языком многих племен и «не мог распасться на значительно отличные друг от друга наречия...» «Различие наречий состоит в различном произношении некоторых звуков, при тождестве лексическом и грамматическом» [215].

Г. Гомбоев и Д. Банзаров, друзья и помощники А. Бобровникова, не только участвовали в составлении его грамматики, но и сами активно продвигались в научной и преподавательской деятельности.

Доржи Банзаров в 1846 г. успешно окончил Казанский университет. Получил за представленную работу «„Черная вера“, или шаманство у монголов» диплом кандидата наук. Диссертация, как одна из лучших, по решению Совета университета, в том же году была напечатана в Ученых записках Казанского университета [216]. Выбрать эту тему Д. Банзарову посоветовал его наставник профессор О. М. Ковалевский, который интересовался истоками происхождения шаманских верований. Находясь в Забайкалье во время научной командировки (1828–1833), Осип Михайлович описал множество шаманских обрядов. Однако оставалось много вопросов, на которые надо было дать ответ. Он понимал, что никто не сделает это лучше, чем природный бурят.

Д. Банзаров формировался под влиянием научных и общественных взглядов своих учителей, одним из которых был О. М. Ковалевский. Их увлечен-

---

[212] Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — русский историк литературы, библиограф. Труды о К. С. Аксакове, В. Г. Белинском, И. А. Гончарове, Н. В. Гоголе.

[213] *Шаракшинова Н.* Указ соч. С. 135.

[214] Яков Иванович Шмидт (*нем*. Isaak Jakob Schmidt; 1779–1847) — русский и немецкий востоковед (монголист, тибетолог, буддолог). Доктор наук, сотрудник АН с 1827 г., член АН с 1829 г. Один из основоположников монголоведения.

Немец по происхождению, приехал в Россию из Голландии в 19-летнем возрасте по делам торговой компании. Принадлежал к общине протестантских миссионеров-гернгутеров в Сарепте (в Астраханской губ.) «Моравские братья». Он пробыл три года среди калмыков, изучил их быт и язык, а в дальнейшем посвятил себя изучению Монголии. Важным событием в истории монголоведения стали опубликованные Я. И. Шмидтом грамматика монгольского языка (в 1831 г. — на немецком, 1832 г. — на русском языке) и словарь «Монгольско-немецко-русский» (1835). Перевел Новый Завет на монгольский и калмыцкий языки, Библию на монгольский язык. Был первым, кто ввел монгольскую филологию и историю в число научных, академических дисциплин.

[215] Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Сочинение Алексея Бобровникова. Казань, 1849. С. 3–4.

[216] Ученые записки Казанского университета. 1846. Кн. 3. С. 53–120.

ность историей и культурой Востока, идеей о достойном вкладе народов Центральной Азии в мировую цивилизацию переходила и к студентам Восточного разряда Казанского университета. 22 июля 1846 г. на страницах газеты «Казанские губернские ведомости» появилась научная публикация Д. Банзарова — статья «„Белый месяц“. Празднование нового года у монголов» [217]. Д. Банзаров собирался написать еще несколько статей историко-этнографического и лингвистического плана, однако этого не произошло из-за неустройства его жизни.

Не решался вопрос о назначении его переводчиком и учителем в Астраханском калмыцком управлении, хотя, по мнению О. М. Ковалевского и А. В. Попова, из всех претендентов на это место он являлся наиболее достойным кандидатом [218]. Ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский и О. М. Ковалевский полагали оставить Д. Банзарова учителем истории при Казанской гимназии. Осуществление этого плана дало бы Банзарову возможность посвятить себя науке. Но и этого не случилось.

Д. Банзаров по происхождению был из казаков, поэтому, по законам Российской империи, не имел права поступать на гражданскую службу, а был обязан 25 лет прослужить в пограничных войсках. Об этом канцелярия Иркутского общего губернского управления не замедлила напомнить попечителю Казанского учебного округа и дополнительно сообщила, что «никаких должностей пока нет, на которые мог бы поступить Банзаров, но со временем он может быть определен на должность инспектора Троицкосавской русско-монгольской войсковой школы или учителем монгольского языка» [219]. Началась переписка попечителя с Министерством народного просвещения, длившаяся год, об исключении Доржи Банзарова из казачьего сословия. Пока решался этот вопрос, его наставники не оставались в стороне. Они пытались каким-либо способом повлиять на решение проблемы. Профессор О. М. Ковалевский летом 1847 г. отправился в Петербург, где встретился с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа (1845–1856) М. Н. Мусиным-Пушкиным (до этого — попечитель Казанского учебного округа в 1827–1845 гг.) и с ним обсуждал дальнейшую судьбу Д. Банзарова, особо подчеркивая способности и эрудицию своего воспитанника. М. Н. Мусин-Пушкин, ссылаясь на профессора Ковалевского, уведомил министра просвещения графа С. С. Уварова о том, что Д. Банзаров окончил Казанский университет «с отличным успехом» и что «кроме главных предметов словесного отделения и природного своего языка монгольского, как свидетельствовал прибывший сюда ученый профессор монгольского языка Казанского университета Ковалевский, изучил языки маньчжурский, отчасти тибетский, а из языков европейских — русский, латинский, французский, немецкий и английский». И высказал свои соображения по поводу дальнейшей судьбы Д. Банзарова. Он просил министра о ходатайстве для Банзарова места чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири [220]. 19 декабря 1847 г. Министерство известило попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова (попечитель в

---

[217] Казанские губернские ведомости. 1846. № 30.

[218] *Ким Н. В.* Указ. соч. С. 27.

[219] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 148; Там же. Л. 149 (Свидетельство происхождения Д. Банзарова из казаков).

[220] *Асалханов И. А.* Новые данные о Д. Банзарове // Зап. Бур.-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. Улан-Удэ, 1956. Ч. 21. С. 175.

1847–1857 гг.), что Банзарову разрешено ехать в Петербург «...для узнавания ближе его познаний и качеств. Его Императорское Величество предположение сие высочайше утвердить соизволил». Банзаров 18 января 1848 г. отправился в столицу [221]. В Петербурге он жил до июня 1848 г. в ожидании результатов своей просьбы, занимался в Публичной библиотеке и Азиатском музее Академии наук: делал описи «буддийских вещей и книг на маньчжурском языке» [222]. Подружился с востоковедами В. В. Григорьевым и П. С. Савельевым, при их содействии были опубликованы его статьи по филологии. В спорах с учеными по вопросам востоковедения Доржи Банзаров показал себя эрудированным человеком, глубоким знатоком многих вопросов ориенталистики.

1848 г. стал определяющим в судьбе Д. Банзарова. Его не уволили из казаков, но, в порядке исключения, разрешили поступить на службу в Главное управление Восточной Сибири в Иркутске. 13 января 1850 г. он был назначен чиновником особых поручений [223]. До отъезда в Сибирь Банзаров добился разрешения о прикомандировании его к Казанскому губернскому правлению для подготовки к роли чиновника. Одновременно много работал, занимался расшифровкой текста надписи на «Чингисовом камне», начатой еще в Петербурге, заканчивал работу над статьей «Пайцзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов», также начатой в Петербурге. К казанскому периоду относятся еще четыре небольшие статьи, помещенные в изданной тюркологом И. Н. Березиным (1818–1896) татарской летописи Шейбини-наме. Это статьи: «О происхождении имени „монгол“», «О происхождении имени Чингис», «О названии Эргене-хон» и «Об ойратах и уйгурах». В Казани, после возвращения из столицы, Банзаров продолжал поддерживать связь с петербургскими востоковедами и со своими учителями О. М. Ковалевским, А. В. Поповым, И. Н. Березиным и друзьями А. А. Бобровниковым и Г. Гомбоевым. Банзаров, как указывалось выше, помогал А. Бобровникову в составлении монгольско-калмыцкой грамматики. После выхода ее в свет автор попросил Банзарова как авторитетного знатока монгольского языка написать рецензию на свой труд. Однако Д. Банзаров не стал писать рецензию на работу из-за своей занятости в Казанском губернском правлении, а грамматика А. А. Бобровникова заслуживала особого внимания и исследования. Рецензия, о которой говорят исследователи работ Банзарова, была написана Н. И. Ильминским от имени Д. Банзарова [224]. Это опубликованная рецензия. Однако была и другая, неопубликованная, рецензия на грамматику А. А. Бобровникова, написанная самим Д. Банзаровым в письме к востоковеду В. В. Григорь-

[221] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 152, 157.

[222] *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955. С. 210, 214.

[223] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 205.

[224] Н. И. И л ь м и н с к и й — востоковед, преподаватель татарского языка, был в курсе результатов исследований, проводимых А. Бобровниковым в области монгольского языка, и написал одобрительную рецензию на грамматику А. А. Бобровникова. Банзаров препроводил эту рецензию в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» через своего знакомого, который прибавил к ней предисловие, где раскритиковал профессора А. В. Попова и монгольский лексикон О. М. Ковалевского. Последний воспринял это как критику самого А. А. Бобровникова. См.: *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 441–442.

еву, которое не было предназначено для печати и в котором Д. Банзаров дает достаточно высокую оценку труду А. А. Бобровникова [225].

12 апреля 1850 г. Д. Банзаров уехал в Сибирь, 15 июня прибыл в Иркутск [226], где приступил к обязанностям чиновника, так чуждым ему как ученому.

Период 1847–1850 гг. в жизни профессора О. М. Ковалевского был ответственным. 1 ноября 1847 г. монголовед О. М. Ковалевский был избран ординарным профессором Академии наук по части восточной словесности. Это была высокая оценка его деятельности в области монголоведения. Однако вскоре он был вычеркнут из списка академиков самим императором Николаем I «по политическим соображениям» [227].

В сентябре 1850 г. исполнилось 25 лет службы Осипа Михайловича в Казанском университете с момента занятия первой должности — «комнатного надзирателя». За 25-летнюю «беспорочную» службу он был награжден знаком отличия [228], но положенной пенсии ему не назначали, и вопрос о его дальнейшем пребывании в университете долгое время не решался. Эта неопределенность порождала неуверенность и сомнение относительно будущего, мешала работе. Все решилось только в 1852 г., когда ему была начислена пенсия «сверх жалованья с оставлением его на двух должностях» — заведующего кафедрой монгольского языка в Казанском университете и директора Второй гимназии [229].

В этот период произошло еще одно событие в жизни О. М. Ковалевского и Казанского университета. На заседании Совета университета 4 декабря 1850 г. в Казанском университете была учреждена кафедра педагогики с целью подготовки преподавателей для гимназии. Возглавить ее было поручено профессору О. М. Ковалевскому [230]. Возможно, вопрос о назначении пенсии и назначении заведующего кафедрой монгольского языка оставался долгое время нерешенным именно в связи с созданием кафедры педагогики. Сначала было предложено оставить на кафедре монгольского языка только одного профессора А. В. Попова, этого было бы достаточно «при небольшом числе слушателей в этом разряде». Окончательным решением Совета за О. М. Ковалевским были закреплены две кафедры.

На новую кафедру педагогики возлагались большие задачи по подготовке педагогических кадров, поэтому нужно было «приобрести такого профессора, который бы обладал основательными познаниями... преимущественно в языках древних и новых и науках исторических, который бы сам прошел через разные ступени гимназического и университетского преподавания и сам читал разные отрасли наук и разные языки от первых начал до высших их частей».

---

[225] *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения... С. 88–89.

[226] Там же. С. 58; *Ким Н. В.* Указ. соч. С. 36.

[227] *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский... С. 93. Ковалевский уже был членом-корреспондентом Академии наук с февраля 1838 г. (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2215). Император вычеркнул фамилию О. М. Ковалевского из списка академиков по «по политическим соображениям», поскольку ученый находился под надзором с момента приезда в Казань как сосланный за участие в тайном обществе «Филоматов и филаретов» (Вильна).

[228] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. (без номера).

[229] Там же. Д. 3266.

[230] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфак. Д. 1850. Л. 22–23 об.

С учетом соответствия всем этим требованиям большинство членов Совета высказались за кандидатуру О. М. Ковалевского. Он подходил как никто другой [231]. Этот факт в биографии О. М. Ковалевского еще раз подтверждает его значимость в просветительской деятельности.

После того как Доржи Банзаров покинул Казань весной 1850 г., Галсан Гомбоев и Алексей Бобровников еще более сдружились. Их связывала научная и преподавательская деятельность в Казанской духовной академии. Нужно отметить, что Галсан Гомбоев одновременно преподавал монгольский язык и в Первой Казанской гимназии, и в Академии. В Академии его преподавательская деятельность началась в 1850 г. Кроме того, по предписанию попечителя ему было поручено вести занятия в гимназии по маньчжурскому языку с 19 июля 1851 г. [232] В 1850 г. лама Гомбоев предложил свои услуги по преподаванию монгольского разговорного языка для студентов Академии без назначения ему жалованья. О назначении его преподавателем в Академию ходатайствовал перед руководством Алексей Бобровников, аргументируя это тем, что преподавательская деятельность Гомбоева будет полезной как для воспитанников Академии, так и для самого Бобровникова [233]. Гомбоев обязан был заниматься со студентами раз в неделю по монгольскому и калмыцкому языкам [234]. Кроме того, Правление Академии поручило ему с А. Бобровниковым перевести на калмыцкий язык «Краткий Катехизис» и «Краткую Священную историю», объясняя эту необходимость «целью узаконить богословскую терминологию и дать образец перевода» [235], а также составить «Монгольско-калмыцкую учебную книжку» [236]. Под «учебной книжкой» подразумевалась монгольско-калмыцкая хрестоматия, которую должен был начать составлять Бобровников после выхода в свет его одноименной грамматики. Теперь А. А. Бобровников продолжал над ней работу, а Г. Гомбоев должен был ему в этом помогать, предоставить несколько калмыцких рукописей [237]. Нужно заметить, что все эти труды остались незаконченными [238].

В начале 1853 г. Г. Гомбоев подает прошение о своем увольнении из Академии: «...по случаю новых возложенных на меня обязанностей по службе моей при Казанской 1-й гимназии, я не могу с должным успехом проходить службу при Академии. А потому прошу... меня уволить» [239]. «Новые обязанности» — это преподавание маньчжурского языка, помимо монгольского. Его часы в Академии были поручены «по-прежнему» бакалавру А. Бобровникову. Весной 1853 г. правление Академии «признало труды Гомбоева по Академии полезными и предположило ходатайствовать... о награде его за сии труды 170 рублями серебром», так как «за свое трехлетнее занятие в Академии Гомбоев не получил никакого вознаграждения» [240].

---

[231] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфак. Д. 1850. Л. 22 об., 23.

[232] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175. Л. 15 об. — 17 (Формулярный список о службе Гомбоева).

[233] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 4.

[234] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175. Л. 1 об.

[235] Там же. Л. 9 об.

[236] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 4 об.

[237] Там же. Л. 5; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175. Л. 10.

[238] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 4 об. – 6 об.

[239] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175. Л. 1.

[240] Там же. Л. 10; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 4 об., 150 (1853 г.). Учениками Гомбоева были известные впоследствии люди — М. Загоскин (он также был учеником А. А. Бобровникова) и Родионов (Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 6).

Г. Гомбоев и А. Бобровников составляли и так называемые «разговоры». Гомбоев их называл «монгольско-русские разговоры», Н. И. Ильминский — «калмыцкие», указывая на то, что монголоведы преследовали цель в сжатом объеме собрать «по возможности все житейские обычаи и поверья, а равно религиозные верования калмыков» [241]. Можно предположить, что эти «разговоры» могли включать в себя и монгольские, и калмыцкие слова, описывающие особенности традиций двух народов, что представляло огромную трудность в плане как лингвистическом, так и этнографическом. Возможно, по этой причине «разговоры» не были закончены. «...Этот труд остался не оконченным по независящим от меня причинам», — писал Г. Гомбоев [242]. Дальнейшая судьба этой работы осталась неизвестной.

По поручению управления Астраханской семинарии А. А. Бобровников работал над составлением русско-калмыцкого словаря с целью «пересмотра, поверки и исправления» [243]. За эту работу ему объявили благодарность с занесением в послужной список [244]. Также он перевел с монгольского языка книгу «Устные наставления Манджушрия». Этот перевод остался ненапечатанным. В 1854 г. А. А. Бобровников, по поручению Императорского этнографического общества, перевел на русский язык калмыцкую поэму «Джангар». В декабре 1854 г. он был избран членом-корреспондентом этого общества [245]. Писал отзывы и на труды Галсана Гомбоева, точнее, на его переводы с монгольского на русский язык, находя их «созданными со знанием дела и надлежащим вниманием» [246].

Вся деятельность А. А. Бобровникова в Академии отмечалась положительно, к своим служебным обязанностям он относился исключительно серьезно. Об его успешной работе свидетельствует и продвижение по служебной лестнице. Весной 1852 г. был произведен в коллежские асессоры со старшинством, а через год стал надворным советником со старшинством.

С открытием миссионерских курсов при Казанской духовной академии Г. Гомбоев и А. Бобровников были приглашены преподавать в монгольско-калмыцкое отделение, где Бобровников читал «все науки и языки монгольский и калмыцкий с освобождением его от преподавания геометрии в низшем отделении» [247]. Гомбоев был приглашен в качестве «практиканта», чтобы руководить занятиями в разговорном монгольском и калмыцком языках. Ректор Академии объяснял подобные назначения следующим образом: «...должны быть обучены студенты... разговорному татарскому, монгольскому, чувашскому... языкам... Для достижения сего необходимо иметь при студентах гувернеров из природных татар, монголов и чуваш...» [248]

На миссионерских курсах Г. Гомбоев не только вел практические занятия по языкам, он преподавал историю Монголии по первоисточникам, в частности, по монгольским летописям Саган Сэцэна и «Алтан Тобчи». Суть препо-

---

[241] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 6.

[242] Там же. Л. 6 об.

[243] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1170. Л. 1.

[244] Там же. Л. 2; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12 об.

[245] *Бобровников А. А.* Джангар. Народная калмыцкая сказка. Казань, 1854; *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 448.

[246] *Шаракшинова Н.* Указ. соч. С. 135.

[247] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12 об.

[248] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1301. Л. 1, 9.

давания им истории заключалась «в переводе этих летописей с пояснениями, где нужно, обычаев и суеверий монголов, как древних, так и нынешних» [249]. Т. е. и в преподавании истории по летописям он делал упор на язык, но подробно останавливался на обычаях, которые необходимо знать христианским миссионерам. Основным научным трудом Галсана Гомбоева является полный перевод анонимной монгольской летописи «Алтан Тобчи» и его публикация. Эта работа была опубликована в Санкт-Петербурге в 1858 г. Ее перевод пытался сделать Д. Банзаров, но не успел. Работая над текстом летописи, Банзаров отмечал сложность его перевода. Дело своего земляка продолжил Гомбоев.

В 1855 г. Г. Гомбоеву и А. Бобровникову пришлось расстаться. Приказом по гражданскому ведомству от 21 июля 1855 г. за № 142 Бобровников был переведен в ведомство Оренбургской пограничной комиссии на должность попечителя оренбургских прилинейных киргизов. Гомбоев же оставался в Казани и снова был приглашен в Духовную академию преподавать монгольский и калмыцкий языки, теперь уже вместо Бобровникова [250].

Судьба А. А. Бобровникова была в этом схожа с судьбой Д. Банзарова: они вынуждены были заниматься неинтересной для них работой, служить чиновниками. Однако, находясь далеко от центра науки, которым была Казань в первой половине XIX в., они не потеряли интереса к научным исследованиям. А. А. Бобровников, будучи членом Императорского этнографического общества, получал его «Известия», через которые поддерживал связь с научным миром России, писал статьи. В Оренбурге Бобровников написал «монографию с общими выводами об историческом значении монгольского квадратного письма». В основу этой работы он положил ярлык Дарма-Балы, писанный квадратными буквами. Ярлык был подарен Бобровникову Банзаровым [251]. Оренбург оказался последним местом, где побывал А. А. Бобровников. 8 марта 1865 г. Алексей Александрович умер от болезни в крайней нищете.

Судьба Г. Гомбоева также была схожа с жизнью Д. Банзарова, только в другом аспекте. Гомбоев, как и Банзаров, принадлежал к казачьему сословию [252], и это мешало ему в его научной и преподавательской деятельности.

В 1855 г. Восточный разряд Казанского университета был переведен в Петербург. Преследовалась цель создания центра по изучению стран Востока. Этим центром должен был стать Петербургский университет. Преподавание восточных языков, за исключением татарского языка, прекращалось как в Казанском университете, так и в гимназии.

Ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский позаботился о дальнейшей судьбе преподавателей Восточного разряда. Г. Гомбоев в 1856 г. был определен преподавателем практических занятий по монгольскому языку со студентами Петербургского университета. Однако на пути преподавательской деятельности Гомбоева было много трудностей. Нужно было решить вопрос об исключении его из казачьего сословия. Этот процесс длился четыре года — с конца 1856 г., с момента прошения Гомбоева, до 1 мая 1860 г., когда воен-

---

[249] *Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения... С. 76.

[250] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1388. Л. 1, 11, 12 об.

[251] *Ильминский Н. И.* Указ. соч. С. 449, 450.

[252] После введения «Положения о ламаистском духовенстве в Восточной Сибири» (1853), сокращающего число штатных лам, Г. Гомбоев был причислен к казачьему сословию. См.: *Улымжиев Д. Б.* Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863). Улан-Удэ, 1993. С. 23.

ный министр известил Министерство просвещения, что, по решению императора, Галсан Гомбоев исключен из Забайкальского казачьего войска [253].

Г. Гомбоев удачно сочетал свою педагогическую деятельность с научно-исследовательской. В стенах казанского университета он получил высшее европейское образование, прилично овладел русским языком, усовершенствовал свои знания по монгольскому и тибетскому языкам, изучал санскрит. Под руководством ведущего монголоведа первой половины XIX в. О. М. Ковалевского он получил хорошую школу исследовательской работы на поле монголоведения. В Петербурге им были написаны и напечатаны его работы: «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини» (1859), перевод монгольской повести «Арджи-Буджи» (1858), «О древнемонгольском гадании по кости лопатки „Дулуну-Чуга“» (1862), «Шидди-кур». Собрание монгольских сказок (перевод с монгольского на русский язык) было опубликовано в 1864 г., уже после смерти Г. Гомбоева. В Петербурге Галсан Гомбоев работал над переводом монгольской летописи «Алтан Тобчи», который закончил в 1857 г. В 1858 г. был опубликован текст и полный перевод анонимной монгольской летописи «Алтан Тобчи» [254].

Галсан Гомбоев был известным ученым, внесшим значительный вклад в развитие монголоведения в России в середине XIX в. Хотя он не имел официально присужденной ученой степени, его труды получили высокую оценку. Пройдя хорошую школу исследователя и педагога в стенах Казанского университета под непосредственным руководством профессора О. М. Ковалевского, Галсан Гомбоев реализовал свой потенциал в петербургский период научной деятельности (1856–1863), когда им было создано большинство трудов по монголоведению. Его деятельность педагога была по достоинству отмечена — в октябре 1844 г., еще в Казани, он был удостоен золотой медали «За отличную службу» [255].

Еще один воспитанник Казанского университета и профессора О. М. Ковалевского — А. А. Бобровников — стал известен созданием монгольско-калмыцкой грамматики. Духовно-учебное правление при Священном Синоде постановило «ввести в классическое употребление в тех духовных учебных заведениях, в которых преподаются языки монгольский и калмыцкий», грамматику бакалавра А. А. Бобровникова [256]. Его грамматика использовалась одинаково с трудами О. М. Ковалевского — монгольской грамматикой и хрестоматией. Их труды служили учебными пособиями в Казанской духовной академии, Иркутской семинарии, Иркутском духовном училище, в Нерчинском духовном училище. Преподавателями монгольского, калмыцкого, бурятского языков в уездных училищах были воспитанники Казанской духовной академии, а также студенты А. А. Бобровникова и Г. Гомбоева — Александр Орлов и Иван Родионов в Иркутске, Алексей Казанцев в Нерчинске [257]. Цель обучения монгольскому языку в Казанской духовной академии заключалась в том, «чтобы будущие наставники готовили воспитанников семинарий такого знания в этом языке, при котором ученики, сделавшись священниками, могли бы

---

[253] *Улымжиев Д. Б.* Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818–1863). С. 22, 23.

[254] Там же. С. 25, 26.

[255] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1175.

[256] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3677.

[257] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3702. Л. 8, 47, 48, 48 об., 49 об., 53, 54; Д. 4086. Л. 47–50.

распространять свет христианства между племенами этим языком говорящих» [258]. Грамматика А. А. Бобровникова пользовалась постоянным спросом как в духовных училищах Иркутской губернии [259], так и в учебных заведениях Казанского учебного округа [260].

А. А. Бобровников был хорошим преподавателем. Внимательно относился к воспитанникам Академии, тщательно проверял их работы. Свидетельством этого являются курсовые сочинения Михаила Загоскина «О переводе святого писания на монгольско-калмыцкий язык» (1852), Дмитрия Ацетова «О шаманских обрядах и суевериях, вошедших в народные обычаи монголов» (1854), проверенные А. А. Бобровниковым. О каждой работе он писал небольшой отзыв [261]. Как видно из названий, студенты Бобровникова работали над актуальными для того времени темами.

А. А. Бобровников был специалистом широкого профиля, что способствовало его успешным исследованиям в области филологии и культуры монгольских народов. Он занимался изучением буддийской философии и проявлял неподдельный интерес к народному поэтическому творчеству. В этом также наблюдается влияние О. М. Ковалевского, который отдавал приоритет религии для понимания истории народа. К сожалению, Бобровников вынужден был перейти на службу в Оренбургское пограничное ведомство, где, естественно, не было условий для творческой научной работы.

Как и А. А. Бобровников, Доржи Банзаров закончил свой жизненный путь, работая чиновником, что было совершенно посторонним для исследователя. Поступление Д. Банзарова в Казанский университет имело политическое значение — чтобы оказать «весьма благоприятное влияние на его соплеменников» [262]. Ректор университета Н. И. Лобачевский и профессор О. М. Ковалевский смотрели на эту проблему иначе. Еще в 1837 г. Н. И. Лобачевский обратился к министру народного просвещения С. С. Уварову с письмом о порядке приема в Казанский университет «лиц податного состояния». Это мероприятие по демократизации условий приема в высшие учебные заведения не получило поддержки в лице министра. Можно предположить, что к подобному поступку побудил Н. И. Лобачевского О. М. Ковалевский, который побывал среди забайкальских бурят, способных от природы, но совершенно безграмотных. По возвращении из Восточной Сибири О. М. Ковалевский стал проводить просветительскую политику по отношению к коренному населению окраин Российской империи. По мнению Ковалевского, уровень коренных народов Сибири, Поволжья и других регионов должен был подняться до уровня европейски образованных людей, нужно было сделать все, чтобы привлечь их к обучению, повернуться к ним лицом. Тем самым он способствовал развитию гуманистического подхода в политике просвещения. Осип Михайлович всячески содействовал образованию представителей из бурят — Доржи Банзарова, Галсана Гомбоева, Алексея Бобровникова, участвовал в их жизни.

---

[258] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1297. Л. 1, 1 об.

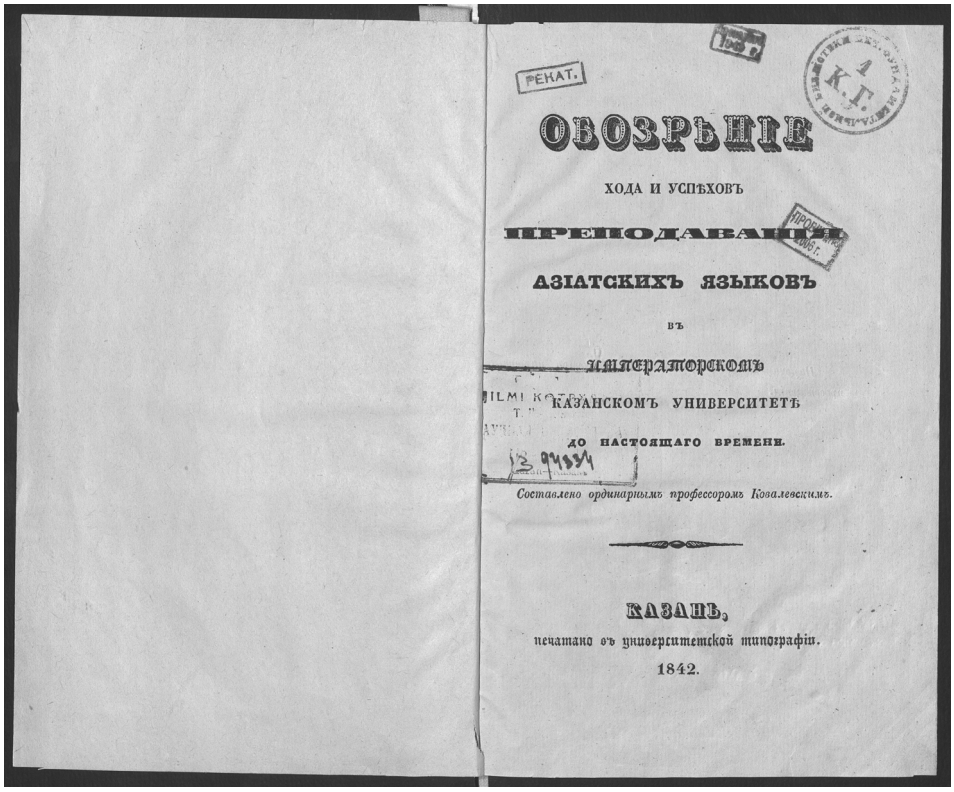
[259] В 1855 и 1856 гг. грамматика Бобровникова высылается в Иркутск — для продажи 5 экз., для неимущих учащихся — 10 экз. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1389. Л. 9 об., 10, 21.

[260] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 904. Л. 1–6 (О рассылке грамматики Бобровникова по Казанскому учебному округу).

[261] ГА РТ. Ф. 10, Оп. 2. Д. 1132. Л. 64; Д. 498. Л. 1–45; Д. 1045. Л. 181–221.

[262] ЖМНП. 1843. Ч. 48. С. 53.

Помогал им как своим коллегам, чувствовал ответственность за них. Старания Ковалевского не прошли бесследно, каждый из них оставил заметный след в науке, в монголоведении. После смерти в 1855 г. Доржи Банзарова ориенталист П. С. Савельев опубликовал брошюру «О жизни и трудах Доржи Банзарова», в которой отмечал, что «как исследователь среднеазиатской древности он заслужил себе место между европейскими ориенталистами; как бурят показал, что дарования и просвещение могут быть уделом и этого поколения, которое с гордостью может приводить его имя как представителя своего в области науки». Самое главное в оценке П. С. Савельева — это то, что «блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров» [263].


РЕНАТ.

ОБОЗРѢНІЕ

ХОДА И УСПѢХОВЪ

ПРЕПОДАВАНІЯ

АЗІАТСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Составлено ординарнымъ профессоромъ Ковалевскимъ.

КАЗАНЬ,

печатано въ университетской типографіи.

1842.

Титул брошюры О. М. Ковалевского о преподавании восточных языков в Казанском университете. 1842

1855 г. стал поворотным в судьбе и бурятских ученых, и О. М. Ковалевского, и Восточного разряда Казанского университета, который был переведен в Санкт-Петербург. После упразднения Восточного разряда Ковалевский был утвержден ректором Казанского университета 3 мая 1855 г. [264], 28 марта

[263] *Улымжиев Д. Б.* Подвиг ученого. К 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова (1822–1855) // Байкал. 1992. № 1. С. 139, 140.

[264] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6902. Л. 148.

1857 г. вновь «оставлен... на должности ректора еще на пять лет» [265]. На этом посту ему приходилось расформировывать Восточный разряд Казанского университета и отправлять книги, рукописи, часть которых он сам собрал, в Санкт-Петербург [266], по поводу чего, естественно, Осип Михайлович сильно переживал. Преподаватели Восточного разряда Казанского университета переводились в университет Санкт-Петербурга.

О деятельности О. М. Ковалевского на посту ректора Казанского университета остались противоречивые оценки. Однако не нужно забывать, что период его ректорства (1855–1860) характеризовался в России подъемом общественного движения, нарастанием революционной ситуации (1859–1861). Университеты — это центры революционной, демократической молодежи. В феврале 1860 г. О. М. Ковалевский как не сумевший предотвратить волнения студентов университета был отстранен от должности ректора. Можно сделать предположение, что он был на стороне студентов, отстаивающих права личности, о чем свидетельствуют и некоторые примеры [267]. Все же большинство высказываний современников о деятельности О. М. Ковалевского в бытность его во главе университета — в его пользу.

Особенно ценили его как педагога студенты и ученики гимназий. В результате назначения его ректором он вынужден был уйти с должности директора Второй Казанской гимназии, воспитанники которой написали ему письмо-благодарность, характеризующее его с самой лучшей стороны:

> С сожалением узнали мы, что Ты, добрый наш начальник, оставляешь нас; мы видим, с каким отеческим попечением, с какою любовью заботился Ты о нашем воспитании... Мы не в состоянии выразить перед Тобою чувство нашей благодарности, но будь уверен, что сердца наши навсегда останутся Тебе благодарными и признательными [268].

Таким образом, прибытие группы молодых бурят из далекого Забайкалья для обучения в Казанской гимназии, а затем и в университете было первым шагом в освоении европейского образования коренными народами окраин России. Европейская наука в XIX в. занимала передовые позиции в мире. Приобщение молодых людей из бурят к европейскому знанию было очень важным для бурятского народа. Тем самым О. М. Ковалевский подготовил проникновение европейского образования в Забайкалье. В результате просветительской деятельности Осипа Михайловича Д. Банзаров закончил Казанский университет и представил работу «„Черная вера“, или шаманство у монголов», которая стала значительным вкладом в мировую ориенталистику. Подготовка Доржи Банзарова — ученого с мировым именем из числа коренного населения Центральной Азии — является доказательством правоты гуманистической позиции ученого-просветителя О. М. Ковалевского.

Немаловажным фактором дальнейшего развития гуманистического направления в образовании являются успехи А. Бобровникова и Г. Гомбоева.

---

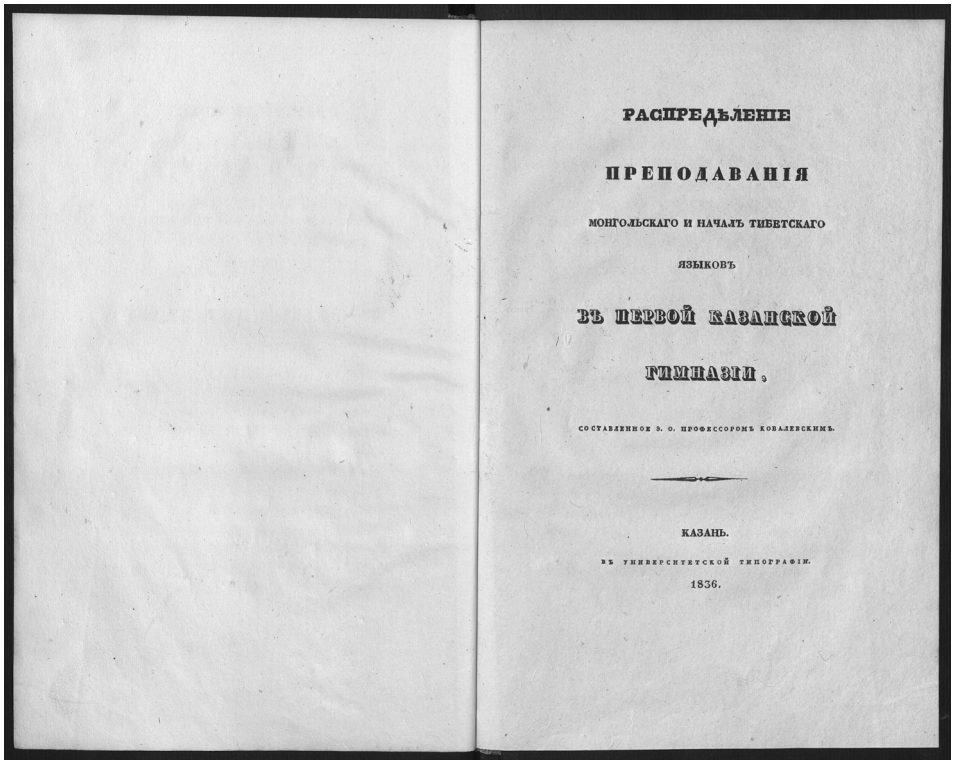
[265] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7287.

[266] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6902. Л. 154.

[267] *Шамов Г. Ф.* Профессор О. М. Ковалевский... С. 97. Бывший студент юридического факультета В. Лебедев вспоминал, что в январе 1857 г. было собрание студентов университета, где они требовали отставки инспектора Ланге, установившего систему слежки за студентами. О. М. Ковалевский дал согласие на замену инспектора.

[268] ОРК СПбГУ. Фонд О. М. Ковалевского. Д. 567. Папка № 1. Л. 22.

Бобровников подготовил «Монгольско-калмыцкую грамматику», ставшую одним из основных учебных пособий по изучению монгольского языка. Не менее интересны оригинальные работы Гомбоева, которые до сих пор используются учеными как источник для освещения исторических явлений. Галсаном Гомбоевым была проделана огромная работа по изданию текста и перевода летописи «Алтан Тобчи». Благодаря его трудам памятник древнемонгольской письменности стал известен широким научным кругам. Несмотря на неточности перевода, указываемые востоковедами, публикация летописи Г. Гомбоевым была значительным событием в изучении истории монголов.



РАСПРЕДѢЛЕНІЕ

ПРЕПОДАВАНІЯ

МОНГОЛЬСКАГО И НАЧАЛЪ ТИБЕТСКАГО

ЯЗЫКОВЪ

ВЪ ПЕРВОЙ КАЗАНСКОЙ

ГИМНАЗІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ Э. О. ПРОФЕССОРОМЪ КОВАЛЕВСКИМЪ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

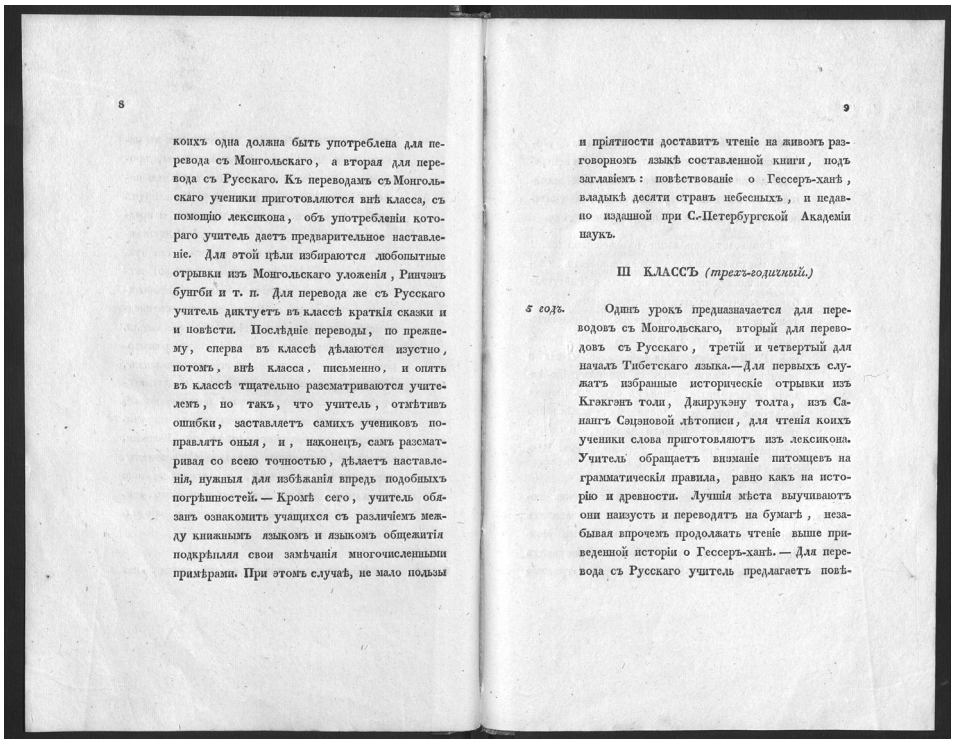
1836.

Титул брошюры О. М. Ковалевского о преподавании монгольского языка и «начал тибетского» языка в Первой Казанской гимназии. Казань, 1835

Труды О. М. Ковалевского стали фундаментальной базой монголоведных исследований, основой которых служили гуманистические позиции выдающегося ученого. В противовес господствующей политике классового антагонизма и национального угнетения Ковалевский заложил в своих работах идею миролюбия и сотрудничества. В конечном итоге это не могло не сказаться на политике, проводимой российским правительством в далеком крае.

При подготовке к публикации текстов документов, дневникового, эпистолярного, научного и архивного наследия О. М. Ковалевского орфография и в ряде мест пунктуация были приведены к современной норме, но с сохранением стилистических особенностей и специфических выражений, личные имена, названия народов, сочинений и географических мест, названий об-

ществ и органов власти воспроизведены в написании оригинала с сохранением разночтений в написании имен, названий, терминов. При публикации воспроизведено авторское подчеркивание. В квадратных скобках ([]) публикаторами расшифрованы авторские сокращения и вставлены некоторые необходимые для правильного понимания текста слова и поясняющие знаки (например: [§], [—]). Тексты, написанные рукой автора на полях оригинала в качестве последующих вставок в основной текст, помещены в скобках с пояснением «*Вставка*». Примечания О. М. Ковалевского к собственному тексту помещены внизу соответствующих страниц с пометой (*Примеч. авт.*). Знаки ударения поставлены автором.



8

коихъ одна должна быть употреблена для перевода съ Монгольскаго, а вторая для перевода съ Русскаго. Къ переводамъ съ Монгольскаго ученики приготовляются внѣ класса, съ помощію лексикона, объ употребленіи котораго учитель даетъ предварительное наставленіе. Для этой цѣли избираются любопытные отрывки изъ Монгольскаго уложенія, Ринчэнъ бунгби и т. п. Для перевода же съ Русскаго учитель диктуетъ въ классѣ краткія сказки и и повѣсти. Послѣдніе переводы, по прежнему, сперва въ классѣ дѣлаются изустно, потомъ, внѣ класса, письменно, и опять въ классѣ тщательно разсматриваются учителемъ, но такъ, что учитель, отмѣтивъ ошибки, заставляетъ самихъ учениковъ поправлять оныя, и, наконецъ, самъ разсматривая со всею точностію, дѣлаетъ наставленія, нужныя для избѣжанія впредь подобныхъ погрѣшностей. — Кромѣ сего, учитель обязанъ ознакомить учащихся съ различіемъ между книжнымъ языкомъ и языкомъ общежитія подкрѣпляя свои замѣчанія многочисленными примѣрами. При этомъ случаѣ, не мало пользы

9

и пріятности доставитъ чтеніе на живомъ разговорномъ языкѣ составленной книги, подъ заглавіемъ: повѣствованіе о Гесеръ-ханѣ, владыкѣ десяти странъ небесныхъ, и недавно изданной при С.-Петербургской Академіи наукъ.

III КЛАССЪ *(трехъ-годичный.)*

3 годъ. Одинъ урокъ предназначается для переводовъ съ Монгольскаго, вторый для переводовъ съ Русскаго, третій и четвертый для началъ Тибетскаго языка.—Для первыхъ служатъ избранные историческіе отрывки изъ Кгэкгэнъ толи, Джирукэну толта, изъ Санангъ Сэцэновой лѣтописи, для чтенія коихъ ученики слова приготовляютъ изъ лексикона. Учитель обращаетъ вниманіе питомцевъ на грамматическія правила, равно какъ на исторію и древности. Лучшія мѣста выучиваютъ они наизусть и переводятъ на бумагѣ, незабывая впрочемъ продолжать чтеніе выше приведенной исторіи о Гесеръ-ханѣ. — Для перевода съ Русскаго учитель предлагаетъ повѣ-

Страницы 8 и 9 брошюры О. М. Ковалевского о преподавании монгольского языка и «начал тибетского» языка в Первой Казанской гимназии. Казань, 1835

Глава II

НАУЧНОЕ И АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ О. М. КОВАЛЕВСКОГО

1. Дневниковое наследие ученого

На сегодняшний день известно местонахождение трех дневников монголоведа О. М. Ковалевского, в которых отражена его научная командировка в Восточную Сибирь, Забайкалье, Монголию и Китай (1828–1833). Они рассредоточены по разным архивохранилищам — в Вильнюсе (Литва), Казани и Санкт-Петербурге. Во второй главе данной работы мы впервые представляем текст «Дневника занятий за 1832 год», оригинал рукописи которого находится в библиотеке Вильнюсского университета.

Первый из известных дневников, датированный 1830 г., Осип Михайлович начал вести во время поездки в Пекин с Российской духовной миссией, путь которой лежал через монгольские степи. О. М. Ковалевский сообщал попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о начатом им дневнике: «…донести... о цели моего дневника, который ныне по обилию предметов, встречающихся на пути, распространяясь, начинает принимать более разнообразия. Краткое описание дороги, по коей миссия следует в Пекин, собрание статистических и исторических сведений о стране столь любопытной...» [1] Дневник содержит подробные сведения об этих странах: географические, этнографические, исторические, много сведений о религии, обычаях, есть материал об архитектуре, сословиях монгольского и китайского общества, сравнительные характеристики этих народов, особенности менталитета каждого из них.

Вернулся дневник в Россию спустя сто лет после окончания научной командировки О. М. Ковалевского в Восточную Сибирь, Монголию, Китай. В реестре поступлений в Российскую национальную библиотеку в Санкт-Петербурге (тогда Государственная публичная библиотека в Ленинграде) дневник значился как рукопись неизвестного, а дата поступления — 1929 г. Можно предположить, что документ в свое время не стали ввозить в Россию из-за его содержания, он остался в Китае. Пересечение границы с таким материалом могло негативно сказаться как на российско-китайских отношениях, так и на судьбе самого ученого. О. М. Ковалевский приехал в Китай в качестве письмоводителя XI Российской духовной миссии, не афишируя свои исследовательские намерения. И только во время конфликта на КВЖД произвели срочн-

[1] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 314.

ную переправку в Россию всей документации, которая могла бы усугубить сложную ситуацию в этом регионе.

Дневник О. М. Ковалевского за 1830 г. представляет собой записную книжку в сером переплете форматом 13×22 см, исписанную мелким почерком. Документ содержит 76 листов [2].

Наиболее благоприятным временем для перехода через Монголию считалась ранняя осень. Пекинская духовная миссия, при которой находился О. М. Ковалевский, 30 августа 1830 г. из Троицкосавска отправилась за границу. 14 сентября миссия благополучно прибыла в Ургу, где миссионеров встретили «3 чиновника от 3 разных ведомств...». Все события О. М. Ковалевский записывал в дневник, который он стал вести с 9 октября 1830 г. Половина документа посвящена описанию пути из Монголии, о которой он говорил как о

[2] Дневник 1830 г. является лишь частью целой серии дневниковых записей ученого, составленных во время научной командировки 1828–1833 гг. в Восточную Сибирь и поездок в Монголию и Китай. Документ был опубликован в 2006 и 2008 гг. по тексту рукописи, хранящейся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (см.: Ф. 1000. Оп. 2. № 612 — Собрание отдельных поступлений). Отдельные части дневника были опубликованы одним из авторов в 1999–2004 гг. **(**См.: *Полянская О. Н.:* 1) О поездке востоковеда О. М. Ковалевского в Китай // Исторические и политические науки. Литература: сб. тр. молодых ученых Байкальского региона. Улан-Удэ, 1999; 2) Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). Улан-Удэ, 2001; 3) Дневниковые записи монголоведа О. М. Ковалевского (1800/01–1878) как исторический источник // Гуманитарный ежегодник: сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2002. Вып. 3; 4) Дневниковые записи О. М. Ковалевского о Китае (I-я половина XIX века) // Материалы Междунар. науч. конф. «Мир Центральной Азии». Улан-Удэ, 2002; 5) Дневниковые записи монголоведа О. М. Ковалевского об Урге, Маймачене, Кяхте, Верхнеудинске первой половины XIX века // Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона: Материалы первой региональн. науч. конф., посвящ. 340-летию г. Улан-Удэ: в 2 ч. Улан-Удэ, 2006. Ч. 2; 6) Экспедиция О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Забайкалье. О вкладе бурятской интеллигенции в становление научной школы монголоведения в России в XIX веке // Чингисхан и судьбы народов Евразии. 2: Материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2007**)**.

В 2006 г. этот дневник был опубликован с еще одним дневником О. М. Ковалевского, который он вел на обратном пути из Китая в составе X Российской православной духовной миссии. Эти два документа авторы Р. М. Валеев и И. В. Кульганек объединили под названием «Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг.» (Казань, 2006). В 2008 г. О. Н. Полянская предложила свое ви́дение значимости дневниковых записей, прежде всего как свидетельство о нелегком пути становления научного монголоведения. В связи с этим в комментариях к дневнику акцент сделан на деятельности людей, которые способствовали успеху научного путешествия казанского ориенталиста: переводчиков, миссионеров, буддийского духовенства, сибирской интеллигенции, а также на просветительской деятельности О. М. Ковалевского, изучении им монгольского языка, сборе рукописей и восточных книг. См.: Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833) / подгот. к изд., предисл., коммент. и указ. О. Н. Полянской. Улан-Удэ, 2008.

Таким образом, дневник 1830 г. и письма-отчеты периода пребывания ученого в Забайкалье (1828–1833) дают возможность объективно оценить деятельность научной экспедиции О. М. Ковалевского и осознать все сложности первых шагов научного монголоведения. Все документы в работе расположены в хронологическом порядке, что дает возможность показать динамику событий, в которые была вовлечена экспедиция.

«…столь любопытной стране...». Политическое и экономическое положение этого государства, завоеванного в XVII в. маньчжурами, и политика маньчжуро-китайских властей в этой стране были в центре внимания О. М. Ковалевского. «Под влиянием маньчжурской династии Монголия приняла совершенно другой вид» [3].

Прежде всего завоеватели объявили землю в Монголии собственностью своей династии и запретили монголам распоряжаться ею по собственному усмотрению. В стране была введена новая административная система, разделяющая ее на аймаки (княжества) и хошуны (знамена), во главе которых формально стояли представители монгольской аристократии, а фактически — цинские чиновники. Реформа предусматривала уничтожение старого племенного деления и формирования ее войск и полное подчинение монгольской знати новым властям.

Монгольские раздробленные племена были поставлены в неравное положение, что отрицательно сказалось на их взаимоотношениях и на экономическом развитии каждого из племен. Особо привилегированное положение занимало монгольское племя цахаров. Они были вовлечены в хозяйство Богдыхана, пасли его многочисленные стада, получая жалованье, и были освобождены «от... повинностей казенных». Видный, важный, красивый цахар отвечает на вопросы скоро и резко и как союзник маньчжуров гордится своим преимуществом перед прочими монголами. «По духу это уже совершенный маньчжур» [4]. Их привилегии в какой-то мере можно объяснить отменной воинской службой. Цахары XIX в. как потомки своих предков, помогавших маньчжурам в завоевании Китая в 1644 г., «пользуются большой доверенностью у нынешних своих повелителей» [5]. Так, цахары за свою службу у Богдыхана — и хозяйственную и военную — получали жалованье, а другие монгольские племена служили безвозмездно. «Это обстоятельство, — отмечал О. М. Ковалевский, — также немало подействовало на несогласование между отдельными монгольскими племенами». Цахары — ближайшие соседи Китая, влияние которого, по наблюдениям Ковалевского, было сильным.

Халхасцы — северные монголы, в противовес цахарам очень самобытные, сумели сохранить простоту своих нравов. Сунниты расположились территориально между ними — «хребет Аргали отделяет халхаские кочевья от суннитских», — отмечал в дневнике О. М. Ковалевский.

Сунниты разделялись на восточных (цзун) и западных (барун), составляя два хошуна. В одном из них было 20 эскадронов, во втором — 13, итого 33 эскадрона военных монголов, или 4950 военных семейств [6]. Сунниты были крайне зависимы от природы, от окружавшей их пустыни Гоби. Во время засухи испытывали недостаток в воде, поэтому вынуждены были откочевывать в места, выгодные для своего скотоводства. Гоби, изобилующая солью и некоторыми растениями, прокармливала скот. Однако Гоби от продолжительной засухи, лишенная воды и травы, угрожала совершенным истреблением

[3] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 314 об., 472–504.

[4] РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 612. Собрание отдельных поступлений. *Ковалевский О. М.* Дневник, веденный во время путешествия с XI Миссией в Китай 9 окт. — 11 дек. 1830 г. С. 55–57 (далее: РНБ. Ф. 1000, Оп. 2. № 612). Номера страниц указаны по оригиналу.

[5] Там же. С. 62, 63.

[6] Там же. С. 19–21.

местного суннитского скотоводства. Независимо от материального состояния, сунниты должны были платить подати [7].

Единственный источник материального достатка для монгола — это скотоводство, наиболее приспособленный к природным условиям Азии вид хозяйства. «...На земле песчаной, лишенной рек, не может расти обильная трава», поэтому скотоводы вынуждены кочевать по степи в поисках травянистых пастбищ. В противном случае они будут обречены на голод, а «хлебопашество здесь никогда не укоренится», — писал О. М. Ковалевский [8].

Избытки продукции своего скотоводческого хозяйства монголы продавали. Скот, шерсть, лошадей монголы доставляли в Ургу, Долоннор, Калган, где продажа товара осуществлялась за серебро, на вырученные деньги покупали у китайцев вещи, необходимые «в кочевом состоянии». Самыми активными в торговле среди монгольских племен были сунниты, что объяснялось их более выгодным экономическим положением по сравнению с другими племенами. Самыми зажиточными были цахары, но они получали достаточное постоянное жалованье за военную службу у Богдыхана, поэтому у них не было большой необходимости торговать.

Центром монгольской торговли О. М. Ковалевский называет город Долоннор, который был также одним из пунктов русско-китайской торговли. Дорога от Долоннора до Кяхты была более приспособлена к поездкам, чем дорога от Кяхты до Калгана — путь следования Российской духовной миссии в Китай. Осип Михайлович писал, что по первой из этих дорог, Долоннор — Кяхта, «очень много обозов с китайскими товарами проходит к русской границе». Не последнюю роль в русско-китайской торговле играли монголы, они несли караул на пути следования грузов [9].

В достатке жили лишь немногие племена Внутренней Монголии, с которыми правителям Цинского Китая приходилось сотрудничать с целью защиты своей власти. Остальное население жило в нищете и бесправии.

Северная Монголия — Халха — являлась заслоном Цинского государства с севера. Природа сделала ее неприступной, с севера — горы, а с юга — пески и пустыня Гоби. Еще во второй половине XVII в. Халха была разделена на 60 знамен, что подразумевало автоматическое превращение халхасцев в воинов китайского правителя. Однако непроходимая пустыня Гоби не способствовала укреплению каких-либо экономических связей между Внешней и Внутренней Монголией. Поэтому войска шестидесяти северных знамен были обречены на самовыживание, они не получали, как цахары, жалованье за свою военную службу. Но у северной окраины была другая особенность — она являлась основным источником сбора податей и резервом для выполнения повинностей.

Халхасцы, так же как и другие племена монголов, были скотоводами. Природно-климатические условия Северной Монголии благоприятствовали разведению скота. Однако богатые травой и водными ресурсами земли — это

---

[7] РНБ. Ф. 1000, Оп. 2. № 612. С. 44.

[8] Там же. С. 64.

[9] «С российской же стороны съезжих караулов не было и постоянно на них живущих казаков не было. Высланные навстречу друг другу казаки должны были встретиться и обменяться печатями в знак осмотра участка и снова вернуться каждый на свой караул. На наших караулах, начиная от Амура, жили по 10 казаков, в их числе 5 тунгусов». См.: Там же. С. 13.

прерогатива «пограничных правителей», и никто из монголов не смеет здесь охотиться и пасти свои стада [10].

Препятствием в экономическом развитии Монголии была политика Цинского Китая. Маньчжурское правительство ничего не предпринимало, чтобы как-то улучшить экономическое положение монгольского народа, а точнее, старалось не замечать его удручающего положения. Хотя влияние китайской культуры было значительным, монгольский народ не утратил своих традиций и обычаев в тех областях, где были свободные ниши для деятельности, например в архитектуре.

Простолюдины еще следовали шаманской вере, основанной на поклонении и приношении жертв онгонам — духам-хранителям, владеющим стихиями, и покровителям душ человеческих. «Во всяком несчастье чернь обращается к ним с молитвами и жертвами», — отмечал О. М. Ковалевский. Поклонение онгонам значительно укоренилось в сознании монголов и впоследствии перешло в буддизм, что способствовало быстрому его распространению среди монгольских племен. В честь онгонов набожные монголы сооружали каменные обо на высоких горах. Тибетские надписи вокруг обо свидетельствуют о распространении среди монголов буддизма.

Так новая религия, которая начала свое распространение в Монголии еще в XVI в., постепенно внедрялась в жизнь монгольского народа, принося с собой новые традиции, знания, ценности.

Центрами культуры и просвещения становились дацаны — буддийские храмы. «В Урге, при кумирнях печатается много книг тибетских и монгольских не токмо богословского содержания, но и медицинского и повествовательного», — записывал Осип Михайлович в дневник. Архитектура дацанов по-новому украшала монгольский пейзаж. Это было новшеством в строительном деле монголов. Дацаны строились по тибетскому и китайскому образцу мастерами, выписанными из этих же стран. «...На каменном фундаменте из кирпича построены кумирни по правилам Тибетской архитектуры мастеровыми из Долоннора... обнесенные каменной стеной, оштукатуренной, в виде четырехугольника» [11].

Больше всего О. М. Ковалевский восхищался храмами, построенными в китайском стиле. «Капица с красивою архитектурою, опрятностью и размещением внутренних принадлежностей превосходящая все прочие до сего времени нами виденные в Монголии», — записывал Осип Михайлович. «В томной степи мы нашли прекрасный памятник китайского зодчества, достойный внимания путешественника» [12].

Как следует из описания О. М. Ковалевского, дацаны в Монголии представляли собой стационарные поселки. Их центральную часть занимал храмовый комплекс, а за его пределами размещались усадьбы лам с различными строениями, жилыми и хозяйственными постройками.

Развитие сети дацанов и усложнение храмовой обрядности создали необходимость снабжения духовенства и верующих предметами культа — инвентарем, изображением богов и особенно богословской литературой. Как правило, это дорогостоящие вещи, необходимое количество их невозможно было

[10] Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5. С. 28–29.
[11] РНБ. Ф. 1000, Оп. 2. № 612. С. 32–34.
[12] Там же. С. 45–49.

постоянно завозить из Тибета и Китая, поэтому при дацанах стало развиваться книгопечатание, о чем говорит в своих дневниках Ковалевский.

Влияние Китая на монголов было заметно во многом, но оно не подлежит однозначной оценке. Так, цахары — ближайшие соседи Китая — изучали маньчжурский и китайский языки; женщины их подражали китаянкам в моде. В юртах цахаров приметны опрятность, чистота и достаток. «Словом, следы некоторого образования... здешних жителей совершенно противоположны закостенелости халхасцев, которые, впрочем, умеют еще сохранять в целости простоту своих нравов, чего вовсе нет у цахаров, ближайших соседей Китая...» — отмечал О. М. Ковалевский [13].

Таким образом, влияние маньчжурской политики на монголов нельзя рассматривать односторонне. В большинстве своем монголы были безграмотны и воспринимали только то, что давало материальное благо, — торговлю, обмен... Преследуя эти цели, цахары теряли свои самобытные черты характера: скромность, приветливость, дружелюбие. Другие же племена, в силу своей отдаленности от Китая, сохраняли «простоту своих нравов», но при этом их положение было удручающим.

«В непродолжительное время народ, заброшенный и диким называемый, явит новое доказательство, что от природы он не лишен способностей и что ожидает с нетерпением образования, свойственного другим просвещенным нациям» [14], — с надеждой утверждал О. М. Ковалевский. Свидетельством способностей монголов к образованию, цивилизованному общению были их обычаи, передаваемые через века.

Монголы, «любопытствующий» народ, задавали путешественникам много разных вопросов. «Просвещение еще не озарило своими лучами пустынных земель монгольских, а монгол, знающий свои письмена, уважается единоплеменниками как человек весьма ученый...» О. М. Ковалевский отмечал, что даже духовенство не совсем хорошо владеет тибетским языком, языком буддийских книг, а о монгольском письме тем более «мало радеет». Монгол же, с большим трудом освоивший грамоту, становится чиновником какой-либо канцелярии. «Степной житель не находит ни побуждения, ни средств для дальнейшего образования: униженный слуга маньчжуров» обучается для того, чтобы хоть как-то «оградить свое спокойствие и улучшить состояние». Монголы очень честолюбивы, отмечал Ковалевский, — и маньчжуры умели этим воспользоваться в своих интересах [15].

5 ноября 1830 г. XI Духовная миссия, перевалив через горный хребет, по вершине которого проходил искусственный каменный вал, являющийся частью Великой Китайской стены, вступила на территорию Китая. С этого момента начинается вторая половина дневника, посвященная описанию китайских обычаев, знакомству с жителями этой загадочной страны. В Китае О. М. Ковалевский сразу обратил внимание на социальные контрасты. Он увидел, можно сказать, два Китая: один — это страна крестьян и ремесленников, скромных и честных тружеников, которые пески и глиноземы превратили в плодородные нивы, сквозь непроходимые горы проложили дороги, каналы, построили великолепные каменные мосты, а жили в страшной, беспросветной нищете; другой — это государство во главе с Богдыханом и его многочислен-

[13] РНБ. Ф. 1000, Оп. 2. № 612. С. 66, 67.
[14] ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 243. С. 235.
[15] РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 612. С. 84, 85.

ными придворными, это землевладельцы и военачальники, купцы и ростовщики, чиновники всех рангов, возглавляемые маньчжурской династией.

О. М. Ковалевский прожил в Пекине семь месяцев — зиму и весну 1830/31 г. С Пекином познакомился достаточно хорошо, однако за пределы города не выезжал, так как для этого требовалось специальное разрешение китайских властей. Сначала Осип Михайлович вел поденные записи о своем пребывании в Китае, затем перешел к тематическим, интересуясь практически всем, что помогло бы изучить историю, традиции, религию этого государства.

Собирать материалы помогали ему многие сотрудники прежней, X Духовной миссии: врач Осип Павлович Войцеховский (1793–1850), в дальнейшем — преподаватель китайского и маньчжурского языков в Казанском университете; Павел Иванович Каменский (архимандрит Петр, 1773–1845) — начальник Десятой миссии; Конрад Григорьевич Крымский (?–1861) — студент миссии в 1821–1830 гг., Дмитрий Петрович Сивиллов (архимандрит Даниил, 1798–1871) — также преподаватель китайского языка в Казанском университете в 1837–1844 гг.; Алексей Иванович Сосницкий (1792–1843) — каллиграф и переводчик, причетник Десятой миссии, преподаватель Казанского университета в 1840–1843 гг. Все они сделали приношения для библиотеки Казанского университета: П. И. Каменский передал О. М. Ковалевскому один том из Монгольского Ганжура на 316 больших листах, «Истинное учение о Боге» на маньчжурском языке в двух тетрадях, «разговоры» на монгольском и китайском языках в двух тетрадях и др., О. П. Войцеховский — «Тибетско-Монгольский словарь», «Собрание всего наилучшего из учений Конфуция с пространным толкованием по воле Канси», «Маньчжуро-монгольско-китайский словарь» и др. [16].

После семимесячного пребывания в Пекине О. М. Ковалевский вернулся в Россию в составе X Российской духовной миссии. На протяжении всего обратного пути, с 6 июня до 3 сентября 1831 г., Осип Михайлович также вел дневник. Он представляет собой толстый том, озаглавленный О. М. Ковалевским по-польски: «Dziennik zatrudnien, 1830–1831» («Дневник занятий»), составной частью его являются путевые заметки. В настоящее время дневник хранится в Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а) в переплете формата 20,5×16,5 см. Описание путешествия из Пекина в Кяхту занимает в дневнике страницы 133—225, как указывают авторы-составители [17]. Это автограф на польском, русском, французском, английском, немецком и старомонгольском языках, объединяющий разнородные материалы, среди которых, кроме путевых заметок, предлагаемых в данном издании, имеются записи периода пребывания ученого в Пекине, дневниковые наброски, хронологически охватывающие период с сентября 1831 до января 1832 г., т. е. до возвращения в Забайкалье. «Dziennik zatrudnien, 1830–1831», который вел Осип Михайлович на пути из Китая в Россию, по своему содержанию более краткий, чем дневник 1830 г., который он вел по дороге в Китай через Монголию. Таким образом, «Dziennik zatrudnien» носит характер дополнений, уточнений, рассуждений об увиденном, так как путь из России в Пекин и обратно пролегал по одной и той же Дарханско-Аргалинской дороге. Все эти сведения легли в основу публикаций по истории и этнографии наро-

[16] Каз. Вестник. 1831. Ч. 37, кн. 11–12. С. 170–172.

[17] Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. / подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указ. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. Казань, 2006. С. 9.

дов Внутренней Азии — региона, территориальные рамки которого сегодня определяются географическими и историко-культурными границами; в таком понимании Внутренняя Азия — ареал от Саяно-Алтая на севере до Тибетского нагорья на юге и от Большого Хингана на востоке до Центрального Казахстана на западе. В пределах этого историко-культурного региона на протяжении периодов древней и средневековой истории происходило становление и развитие кочевой цивилизации, наследниками которой являются сегодня современные иранские и монгольские народы [18].

В основе исторических взглядов О. М. Ковалевского лежало представление об истории как о процессе. «Помнить надобно, — говорил он, — что всякое достопримечательное явление в сфере человеческой деятельности имеет свое начало, имеет и эпохи своего возрастания». Задачу историка он видел в том, «чтобы, исследовав различие деяний народов и характер оных, представить все прошедшее в одной неразрывной связи». О. М. Ковалевский выступал против разделения и противопоставления Европы и Азии. Он считал, что каждый народ, независимо от того, является ли он большим или малым, вносит свой вклад в общий труд человечества и содействует успехам других [19].

Окружающая среда, по мнению О. М. Ковалевского, была решающим фактором в жизни и истории народов. Она определяла направление развития хозяйства, быта и была основным моментом в формировании национального характера. Местность разнообразна, поэтому разнообразны и жизнь, и характеры народов даже в пределах одной страны, ярким примером чего являются монгольские племена. Однако народ, со своей стороны, также оставляет след на местности, где живет. «Земля, лишенная вод и леса, покрытая песками, — писал он в своей неопубликованной рукописи „Истории монголов“, — редко способна к возделыванию, призывает человека к скотоводству...» Такой образ жизни содействовал сохранению патриархального быта и отношений, построенных на кровнородственных связях.

Зачастую, обращаясь к бытовой, духовной или религиозной обрядности народов, О. М. Ковалевский очень точно, в деталях рисует их этнографические особенности. Причем исследователь очень внимателен к характерным национальным чертам и к изменению их под влиянием китайской культуры. Весьма серьезно относился исследователь к социальному расслоению в обществе, что свидетельствует о его передовых научных воззрениях. Нужно отметить, что рассмотрению этих тем способствовало обращение к духовной жизни кочевников и в первую очередь к религии; глубокое проникновение в сущность буддийской философии помогало ученому дать объективную оценку социальных процессов. Перечень вопросов, поднятых О. М. Ковалевским, свидетельствует о высоком теоретическом уровне его трудов.

2. Эпистолярное наследие

Эпистолярное наследие О. М. Ковалевского достаточно велико. Оно включает объемную переписку ученого с администраций Казанского учебного округа, главным образом с его попечителем, М. Н. Мусиным-Пушкиным, и Со-

[18] *Худяков Ю. С.* Понятие «Внутренней Азии» в историко-культурном и рекреационном аспектах // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2008. № 2–3. С. 9.

[19] *Ковалевский О. М.* О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Казанского университета, в 8-й день августа 1837 года. Казань, 1837. С. 23–25.

ветом Казанского университета во время его командировки на Восток. В архивах отложились его письма из Сибири. Интерес представляет переписка на русском, английском, польском, французском языках с коллегами и иностранными учеными различных научных центров. Можно предположить, что сохранилась лишь незначительная часть переписки, оставшейся в архиве ученого. Однако и она показывает широту и глубину увлечений и занятий монголоведа. Эпистолярное наследие О. М. Ковалевского хранится в Государственном архиве Республики Татарстан, в Отделе редких книг и документов библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Среди них есть несколько уникальных и необычных писем. Связаны они с английскими миссионерами. Именно на них хотелось бы остановиться более подробно в данной книге.

Для монголоведов несомненный интерес представляют отношения О. М. Ковалевского во время его пребывания в Забайкалье (1828–1832) с английскими миссионерами-протестантами Эдвардом Сталлибрассом, Уильямом Сваном и Робертом Юиллем [20], посланными Лондонским миссионерским обществом [21] (далее: ЛМО) в качестве проводников дипломатической политики Англии в Центрально-Азиатском регионе. Основной целью Англии в то время было установление выгодной торговли с Китаем. Одной из задач в достижении этой цели являлась христианизация местного населения и перевод на бурятский язык (точнее, на старомонгольскую письменность, которой пользовались буряты вплоть до тридцатых годов XX в.) книг Священного Писания. Миссионеры сыграли определенную роль в изучении О. М. Ковалевским монгольского языка и приобретении им письменных монгольских, тибетских, китайских, маньчжурских памятников. Молодой ученый не раз встречался с ними, о чем в его дневниках и отчетах остались записи [22].

---

[20] Edward Stallybrass (1794–1884), William Swan (1791–?), Robert Yuille (1768–1866).

[21] Лондонское миссионерское общество (London Missionary Society) возникло в 1795 г., имело целью через бурят и монголов распространить свое влияние на Китай, что диктовалось прежде всего политическими установками Англии. На протяжении всего XIX в. в Сибири, Забайкалье, Монголии работали миссионеры этого Общества. Ими были переведены весь Ветхий Завет (издан в Селенгинске) и Новый Завет (издан в Лондоне). Отдельные книги печатались в типографии миссии в Селенгинске. Среди четырех английских миссионеров англичанином был лишь Э. Сталлибрасс, К. Рамн был шведом, У. Сван — шотландцем, Р. Юилль — ирландцем шотландского происхождения.

О ЛМО см.: *Lovett R.* The History of the London Missionary Society, 1795–1895. London, 1899; *Вагин В. И.* Английские миссионеры в Сибири // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1871. № 1, 4, 5; *Жмакин В.* Английская миссия за Байкалом 1817–1840 // Христианское чтение. 1991. № 9, 10; *Рыбаков Г. С.* Английские миссионеры в Забайкальской области // Исторический вестник. 1905. № 99.

[22] Так, в «Отчете о поездке в Пекин через Монголию» Ковалевский, перечисляя цели и задачи своей многолетней командировки, сообщает о большой помощи, оказанной ему английскими миссионерами Сталлибрассом и Юиллем в Селенгинске. См.: АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп 1. № 23; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237.

Первый раз О. М. Ковалевский встретился с английскими миссионерами 19 апреля 1829 г. [23], перед своей поездкой в Китай с XI Духовной миссией [24]. В ту весну они вместе с А. В. Игумновым [25] и А. В. Поповым [26] путешествовали между Иркутском и Верхнеудинском. Это была встреча с Юиллем, который жил тогда на правом берегу реки Селенги.

---

[23] *Полянская О. Н*. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I-я половина XIX века). Улан-Удэ, 2001. С. 22.

[24] Россия содержала в Пекине Русскую духовную миссию на основании Кяхтинского договора 1727 г. для религиозного обслуживания православных, являющихся главным образом потомками албазинцев, которые были в 1685–1688 гг. увезены в плен маньчжурами во время осады русского острога Албазина и поселены в Пекине. Миссии отправлялись сроком на 10 лет, состояли из 10 человек, духовных и светских, которые могли изучать китайский, маньчжурский, тибетский и другие языки, а также приобретать в стране необходимую литературу. О. М. Ковалевский находился в составе одиннадцатой миссии в должности письмоводителя при начальнике миссии М. В. Ладыженском (1803–1875) — участнике Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В сентябре 1829 г. он был произведен в чин подполковника. Путешествие заняло время с августа 1830 по сентябрь 1831 г. Он провел в Пекине 7 месяцев, в течение которых изучал монгольский, тибетский языки, приобрел большое количество монгольских, тибетских, китайских, маньчжурских рукописей для Казанской библиотеки. После открытия в Санкт-Петербурге Восточного факультета многие из них были переданы в университет, другие — в рукописный фонд ИВР РАН (современное название), где находятся по сей день. См. об этом: *Успенский В. Л* Коллекция О. М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность. Доклады и сообщения Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2002. С. 88–108; *Сазыкин А. С.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. М., 1982.

[25] Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) — знаток монгольского и бурятского языков, собиратель рукописей, составитель первых монгольско-русских словарей, грамматик (оставшихся в рукописях), автор нескольких статей о политическом, хозяйственном положении Монголии. Первый переводчик монгольского языка. Работал в Кяхтинской пограничной канцелярии, сопровождал Российскую духовную миссию в Пекин (1781), работал в посольстве графа Ю. А. Головкина, занимал пост главного смотрителя забайкальских поселений, открыл школу монгольского языка в Иркутске (1813), был переводчиком монгольского языка при Общем губернском правлении. Много помогал О. М. Ковалевскому во время его пребывания в Забайкалье, о чем остались документальные записи в АВ ИВР РАН, в фонде О. М. Ковалевского: «Пользуясь наставлениями и неутомимыми трудами г. Игумнова, научились мы читать и писать по-монгольски». Цит. по: *Чимитдоржиев Ш.* И. А. Игумнов (1761–1834) // Российские монголоведы (XVIII — начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 3–9.

[26] Александр Васильевич Попов (1808–1880) — крупный монголовед, знаток монгольского, бурятского, калмыцкого языков, был послан вместе с О. М. Ковалевским от Казанского университета в Забайкалье для изучения языка и культуры бурят, первый профессор-монголовед Санкт-Петербургского университета, первый заведующий кафедрой монгольской и калмыцкой словесности этого университета (1855–1860), главный инспектор училищ Западной Сибири. Автор «Грамматики калмыцкого языка» (Казань, 1848), «Монгольской хрестоматии для начинающих обучаться монгольскому языку (Казань,1836). См. о нем: *Чимитдоржиев Ш., Улымжиев Ш.* А. В. Попов (1808–1880) // Российские монголоведы (XVIII — начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 32–35.

Со Сталлибрассом и Сваном он встретился 28 мая 1829 г. [27] От первого была получена «часть монгольской грамматики, им составленной, Псалтирь, на монгольский язык им переведенный» [28]. Сталлибрасс в это время переводил на монгольский язык Ветхий Завет и работал над переводом на английский язык «Чихула хэрэглэгчи». Летом того же года состоялась еще одна встреча с Юиллем. Тот подарил ему монгольско-российский разговорник.

8 июля 1830 г. при очередной встрече с Юиллем Ковалевский показал ему краткую грамматику монгольского языка. Английский знаток просмотрел ее в рукописи и оценил как «весьма полезную и достаточную для руководства учащихся» [29].

После возвращения из Китая О. М. Ковалевский жил в Селенгинске (с 4 апреля 1832 по июль 1832 г.), изучал с Юиллем тибетский и монгольский языки. Молодой ученый знал всех миссионеров, и обо всех них им были сказаны добрые слова, но именно с Юиллем сложились дружеские отношения.

О. М. Ковалевский так писал о нем попечителю М. Н. Мусину-Пушкину: «Знает превосходно монгольский язык и сделал изрядные успехи в маньчжурском и тибетском» [30]. В другом письме были о нем такие строки: «Вместе со своими товарищами он перевел уже все Священное писание, составил словарь монгольско-российский, англо-монгольский, сочинил монгольскую грамматику на английском языке и для бурят на монгольском языке, перевел на монгольский арифметику, геометрию, тригонометрию. Собрал значительное количество монгольских, маньчжурских, тибетских книг, неутомимо занимается толкованием НЗ для инородцев» [31].

Английские миссионеры помогли О. М. Ковалевскому в освоении грамматики монгольского языка, так как сами буряты и русские, которые владели монгольским языком в то время, например, даже непосредственно его учитель А. Н. Игумнов, часто не могли объяснить систему монгольского языка. Они говорили на монгольском языке как носители, т. е. без анализа структуры. Иное дело было с англичанами: будучи направлены в Сибирь Лондонским миссионерским обществом в 1818 г., они в короткий срок выучили бурятский язык и монгольскую письменность настолько, что смогли организовать перевод Священного Писания, построили для местного населения школу с преподаванием монгольского языка, больницу, оказывали населению всяческую помощь, чем завоевали его большое уважение, открыли типографию.

Среди них — Роберт Юилль, ирландец шотландского происхождения, — сложная, неоднозначная и скандальная фигура в истории ЛМО. Вся его жизнь представляла собой постоянную борьбу: сначала — с администрацией миссионерской семинарии, затем, во время его пребывания в Сибири, по очереди с каждым из миссионеров — Сваном, Сталлибрассом, затем — с дирекцией ЛМО [32]. Сохранились письма миссионеров, в которых вырисовывается непри-

---

[27] *Полянская.* Профессор О. М. Ковалевский… С. 24.

[28] ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 198 об. Цит. по: *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский… С. 36.

[29] ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Т. 2. Л. 609. Цит. по: *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский… С. 36.

[30] Там же. С. 22.

[31] Там же. С. 36.

[32] *Bawden C. R.* Shamans, Lamas and Evangelicals. The English Missionaries in Siberia, London, 1985. P. 88–98.

глядный портрет Юилля — малообразованного недоучки-скандалиста, присваивавшего переводы своих учеников, узурпировавшего печатный станок в Селенгинске. До сих пор его биография досибирского периода полна необъяснимых лакун, касающихся его образования до поступления в миссионерскую семинарию. Сохранившаяся переписка с администрацией семинарии, документы, связанные с выбором кандидатуры для поездки в Сибирь, переписка, связанная с этапами оформления кандидата, «говорят о амбициозности его личности» [33].

Сохранились письма его коллег. В них звучат слова о его плохом образовании, «склочности» характера, «буйстве», «неуправляемости». В одном письме есть такие строки: «У него отсутствовали систематическое образование и формально все основы школьных предметов» [34], в другом написано следующее: «Он делал перевод Исаи на монгольский, но не представил предыдущий вариант. Сделал сразу беловой» [35]. Его коллеги, Эдвард Сталлибрасс и Уильям Свен, были убеждены, что перевод выполнен его учениками: «Невежественный и некомпетентный, он проник нечестно в Лондонское миссионерское общество и лишил своих коллег трудоспособности» [36]. Но для автора книги «Шаманы, ламы и евангелисты: английские миссионеры в Сибири» профессора Ч. Р. Бодена это так и осталось вопросом: «Наговоры ли это?» — спрашивает он в своей книге.

И действительно, если это так, то непонятно, как он мог столь успешно руководить своей школой в Селенгинске. Известно, что одним из его учеников был Ринчин Ванчиков — «один из образованнейших бурят-монголов, владевший российским, монгольским, еврейским, греческим, латинским, английским языками, с весьма хорошими успехами» [37], как оценил его О. М. Ковалевский, который встречался с ним зимой 1828/29 г. в Иркутске, намереваясь заниматься с ним монгольским языком. Боден вынужден признать, что: «Роберт Юилл до сих пор остается загадкой».

В Сибири он потерял жену, оставшись с сыном Самуилом на руках. Однако домой не вернулся. Боден пишет: «Как он продержался еще там 7 лет, как он зарабатывал себе на жизнь — больше похоже на тайну» [38]. В последние годы жизни (он уехал из Селенгинска в 1846 г.) Юилль переселился в Нижнеудинск, ведя преподавательскую работу, занимаясь печатанием книг. Затем вернулся в Лондон, провел несколько тяжб с ЛМО, дела не выиграл, умер в 1861 г. в Глазго [39].

В мае 2003 г. одному из авторов удалось побывать в Селенгинске, на месте ставки английских миссионеров, где те провели более 20 лет, осуществили перевод Ветхого Завета и Нового Завета. О пребывании английских миссионеров напоминает стела с памятной доской на месте захоронения жены Юилля — Марты, на месте типографии разбиты огороды местных жителей. Зимой этого же года им найдено в архиве СПбГУ, в Отделе редких документов, в

[33] *Bawden C. R.* Shamans, Lamas and Evangelicals. P. 72, 73, 83, 86.
[34] Ibid. P. 89.
[35] Ibid. P. 293, 294, 183, 184.
[36] Ibid. P. 300–305, 310–311.
[37] Ibid. P. 179, 180.
[38] Ibid. P. 92.
[39] Ibid. P. 353.

фонде О. М. Ковалевского, представляющем собой две папки (№ 567 и 568), два письма от 1836 и 1837 гг., адресованные Юиллем О. М. Ковалевскому.

1. Первый документ (папка 567, ед. хр. 159, с. 274), представляет собой письмо, написанное по-русски, и магтал — хвалу. Юилль, обращаясь к Ковалевскому, пишет о притеснениях со стороны его товарищей: «Товарищи притесняют меня до крайности. И дела наши от их стараний дошли до Вашего Российского правительства. Посему мне будет нужно просить их защищения, исследования и правосудия. Я не имею от Общества нашего ни одной копейки. Деньги за прошедших четырех годов 16 115 руб. Эти деньги в руках моих товарищей». Он не называет имен, но это могли быть только Сталлибрасс, Сван или Акромби. Юилль просит заступиться за него перед Санкт-Петербургскими властями. Пишет о нежелании покидать Сибирь. Письмо имеет три подписи. Одно имя удалось прочитать как Самуил — это сын Юилля. Конец второй подписи напоминает «савич», третьей — «ташин». Юилль пишет, что получил книгу «Правила учащегося в Училищах» через Якова Болдонова [40], что он «рад видеть от сторонних старание для образования и просвещения бурят». Далее он пишет: «Я буду послать Вам несколько экземпляров „Sayin bilig“ на месяц». Однако он не уверен, что ему удастся остаться в России, в конце письма он добавляет: «Если мои товарищи успеют выслать меня из Сибири, то увидеться не скоро. С истинным почтением и уважением честь имею быть Ваш покорный слуга Р». На 2-м листе этого письма (25,7×20,5 см) имеется магтал из 28 строф. Написано ореховыми чернилами, пером. Сочинил магтал Роберт Юилль в «первом месяце зимы нового года 1836 г.». Молитва нами была транслитерирована и переведена.

2. Второе письмо относится к 11 марта 1836 г., написано из Селенгинска, когда полным ходом шла работа над изданием Ветхого Завета и переводом Нового Завета. Это деловое письмо, в нем он пишет: «Ваше письмо с посылкою 64 руб. получил. Теперь посылаю 125 руб. на книги: 1. „Монгольскую грамматику“, 2. Ученые записки Казанского университета за 1836 г. 3. Хрестоматию. Посылаю „Жизнеописания Шикьямуни“ на тиб. языке на 1 месяц. Сталлибрасс сильно продолжает против меня гонение, так что мне приказано от наших директоров оставить Сибирь. А зачем именно, истинно, что я ничего не знаю. Бог видит тайное и злое дело их. Боже меня сохрани. Я получил следующее письмо от Намдака вчера. Но „Шигемуни“ был готов для отсылки Вам, и потому я не имею исполнить его желания». К этому письму действительно приложено письмо Шарава Намдака от 11 марта 1836 г. с просьбою прислать ему «Sigemuni-yin cadiγ» [41], составленный ламой Галсаном Мике-

[40] Яков Афанасьевич Болдонов (1808–1849) — один из первых учителей-бурят в улусе Зукулей нынешнего Нукутского района Иркутской области. Окончил Иркутское уездное училище в 1833 г. (до этого учился грамоте у ссыльного С. С. Галковского), с 1836 г. стал учителем «с правом обучать в частных домах русскому, монгольскому и грамматике», затем организовал училище для желающих продолжить свое образование бывших учеников. В 1839 г. перевел на бурятский язык «Правила для учащихся в народных училищах», которые были изданы в Казани, «Золотую Азбуку» (не издана). Собирал фольклор и издавал под псевдонимом Харабсаров. Относится к числу деятелей бурятского просвещения XIX в., чья подвижническая деятельность оставила заметный след в самосознании коренных народов Сибири.

[41] Жизнеописания Будды Шакьямуни — один из популярных жанров буддийской монгольской и тибетской литературы.

туевым. В письмах Юилля нет ни напора, ни кипучей энергии, только недоумение по поводу несправедливости и притеснения со стороны более молодых и сильных его товарищей — Сталлибрасса и Свана. Довольно обрывочные сведения о большом авторитете Юилля, о его хороших учениках, о приятельски-добрых взаимоотношениях с учеными, представителями бурятской интеллигенции, позволяют предположить, что причины притеснения были не только в особенностях характера Юилля, они лежали в области психологии самих английских миссионеров, которые, возможно, болезненно воспринимали профессиональное признание Юилля местным населением. Однако эти соображения носят лишь предварительный характер, сейчас можно с полной уверенностью сказать лишь то, что Юилль не был недоучкой, не знающим монгольского языка, каким его представляли Сталлибрасс и Сван в письмах в ЛМО. Гимн-хвала, написанный Юиллем на монгольском языке, свидетельствует о действительно хорошем знании Юиллем монгольского языка, дает основание пересмотреть место этой неоднозначной фигуры в Лондонском миссионерском обществе и иначе оценить уровень знания им монгольского языка, характер взаимоотношений О. М. Ковалевского с английскими миссионерами.

Ниже мы предлагаем транслитерацию и перевод молитвы богу Яхве, сочиненной Робертом Юиллем на старомонгольском языке и названной им «Гимном единственно праведному преподобному богу Яхве».

Основной художественный прием, используемый в произведении, — параллелизм (как синтаксический, так и смысловой), как известно, очень широко используемый в фольклоре монголоязычных народов. Аллитерация не выдержана, используются приемы, характерные для фольклора: примерная равносложность и равнословность строки — 3 слова в строке.

Хвала-молитва

Транслитерация

Ilangγu-a degedü γaγca ünen Yaγova burqan-dur maγtaγal anu

1. Aya minu sünesün-e
   Silüglekü-yi boltuγai
   γaγca kü tonilγaγci-dur
   Maγtaγal-i ergütügei
2. Tonilγaγci eribesü
   Moon Iisus Kristos tere bui
   Degedü-yin ür-e bolbacu
   über-ün bey-e-yi takibai
3. A-ya minu sünesün-e
   Silegleküi-yi boltuγai
   γaγca Yaγova burqan-dur
   Maγtaγal-i ergütügei
4. Yaγova burqan medebesü
   Qamuγ-un degedü tere bui
   Ekin ügei adaγ ügei
   Oober iyer-iyen amidu bui
5. Aya minu sünesün-e
   Silegleküi-yi boltuγai
   Qamuγ-un ecilegci-dür
   Maγtaγal-i ergütügei

6. Ejilegci medebesü
Mün Iisus Kristos tere bui
Qamuγ-un tula takil bolγan
Qamuγ-i ejilegci bolbai
7. Ay-a minü sünesün-e
Silegleküi-yi boltuγai
Qamuγ-i egüsgegcü-dür
Maγtaγal-i ergütügei
8. Egüs gegci ecibesü
Burqan-i jarliγ mün amui
Aiγ-a degedü bolbacu
Burqan-i jarliγ mün amui
Auγ-a degedü bolbacu
Burqan-u ür-e Kristos bui
9. Egüsgecü bütügegci
Iisus Kristos bui ajuu
Qamuγ-i sakin bariiγci
Iisus Kristos mün ajuu
Mün Iisus Kristos bisiyu
10. Oγtarγui-yin qamuγ gegen
Delekei-yin tümed tümeten
Dalai-yin siγ-a-ud sayatan
Iisus Kristos ejelenem
11. Ay-a minü sünesün-e
Silqgleküi-yi bostuγai
Gegen degedü ejen-dür
Maγtaγal-i erkütügei
12. Ay-a minü sünesün-e
Silegüküi-yi sidtuγai
Ab ariγun dotodqan -dur
Maγtaγal-i ekgütügei
13.Tegün-ü ucir medebesü
Yaγova-yin dotodqan anu
Tegün-ü bayidal medebesü
Yaγova-yin dotor-a sagumui
14. Jirüken-ü geyigülügci
Iregel-i türügülci
Jirüken-ü arilγaγci
Tegün-ü üiles teyimü bui
15. Müngke-ece müngke amin
Yaγova metü kürcü bui
Coγ gegen Yaγova-yin cinar
Gegen todotqan-dur edlemüi
16. γurban cinar γaγca burqan
Manu Yaγova teyimü bui
Ecige ür-e dotodqan
γaγca burqan mün amui
17. Minü bühüli kücün-e
Silegleküi-yi bostuγai
γurban cinar-tu burqan-dur
Maγtaγal-i ergütügei
18. Egüsgegci ecige-yi
Tonilγaγci koobegün-i
Geyigülügci totodqal-i
Maγtaqui-yi sanatuγai

19. Ay-a qayir-tu ejen-e
    Namayi aburatuγai
    Koobegün-cü türül-üd-i cu
    Sayin-yar amuraγultiγai
20. Minu butyad nügüüd-i
    Iregen-i türügsün
    Jüb ünen tonilγaγci-dur
    Kündülel-i erkügtün
21. Tan-u amin amisqal-i
    Tegün-üqayiralaγsan bui
    Tan-u oobor-ün türül-i
    Tere mün tonilba
22. Tan-u qubcasu itegen
    Teden-ü beledügsen bui
    Uy-e on caγ-un uliral
    Ekin tere ciγlabai
23. Kümün-ü cinar qamuγ bayidal
    Tegün-ü bayiγuluγsan bayidal
    Tegün-ü bayiγuluγsan bui
    Kümün-u saγun yabudal
    Tegün-ü toγtalaγsan bui
24. Ay-a üngsigcid-e
    Itegel-i türügdehüi
    Teyin-kü burqan-u amilan
    Tügered tan-dur bolqu bui
25. Amilan-i medebesü
    Burqan-u nom-dur eyimu bui
    Burqan-u qayir-a abubasu
    Angqan kereg sonostuγai
26. Min` oron-a ken erigci
    Job ünen cu badariγci
    Minu jarliγ-iyar yabugci
    (tegün inaγlamui)
    Nasun-a tügüreg sayin-i
    bi tegün-e oonggümüi
27. Nigül-tü türülgeten-e
    Maγtaqui-yi sanaγtun
    Coγ ünen tonilγaγci dur
    Joob kündülen-i ergütün
28. Dalasi-yin saγuγcid-e
    Silegleküi-yi bosoγtun
    Iisus Tonilγaγci-dur
    Maγtaγal-i ergügtün
    Rodert Juille jokiyaγsan anu ebül ekin sara-yin sin-e jil

Молитва единственно праведному преподобному Богу Яхве

Перевод

1. Подвигни меня на мои стихи
   В душе моей.
   Пусть возвысится славословие
   Единственно ради избавления.

2. Только Иисус Христос
Способен избавление принести,
Собственное тело принеся в жертву
Ради высшей пользы.
3. Подвигни меня на стихи
В душе моей.
Да воспою я славословие
Единственному Богу Яхве.
4. Лишь один Бог Яхве
Был наивысшим,
Был он существом,
Не имеющим начала, не имеющим конца.
5. Подвигни меня на стихи
В душе моей.
Воспою славословие я
Давшему начало всему.
6. Давший начало всему
Иисус Христос,
Ставший началом всего,
Ставший жертвой ради всех.
7. Подвигни меня в душе моей
На стихи мои.
Воспою славословие
Создателю всего.
8. Милость создателя —
Это закон божий.
Христос, божий потомок
Всевышнего.
9. Иисус Христос
Есть создатель начала.
Иисус Христос —
Хранитель всего.
А разве не Иисус Христос.
10. Иисус Христос владеет
Просторными морями,
Многочисленными мирами,
Воздушными пространствами.
11. Пусть сподоблюсь я
Написать стихи в душе моей.
Подниму славословие
Великому светлому Господу.
12. Да пусть отважусь я сочинить стихи
В душе моей,
Поднесу славословие
Чистейшему внутренне.
13. Суть Яхве
Это знание причины,
Глубина Яхве
Есть знание
Их проявлений.
14. Его дела —
Душу очищать,
Его стремления —
Души освещать.

15. Подобно Яхве
Существует из вечности в вечность.
Метод Пресветлого Яхве
Использует в светлой ясности.
16. Триединый Бог —
Это наш Яхве.
Единственный Бог —
Отец, Сын и Святой Дух (внутренняя сущность).
17. Пусть сочиню я стихи
Всеми своими силами.
Преподнесу славословие
Богу триединому (обладающему тремя качествами).
18. Да создам славословие
Создателю-Отцу,
Спасителю-Сыну,
Освещающему Святому Духу.
19. Пусть спасет меня
Любимый Господь,
Пусть утешит меня по доброй воле
Рожденный им сын.
20. Да возвратится почтение
Действительному избавителю,
Который создал живых
Бурятов и других.
21. Твое живое дыхание
Окружает их любовью.
Твоим собственным рождением
Ты избавляешь.
22. Твоя одежда, еда,
Им — благодеяние,
Периоды и времена года.
Вначале установил.
23. Все многообразие человечества
Ты им установил,
Добро человеческое
Ты им утвердил.
24. Ты родил веру
В высшие силы.
Пусть для тебя родится
Божественное Воскресение.
25. Знание Воскресения
Это учение Бога.
Пусть будет первым делом
Любовь к Богу.
26. В своей родине живя,
Справедливо, правильно действую.
Живу по своим законам.
Прекрасен круг жизни
Я ему отдаю.
27. Рожденный в грехе, я
Молитву посвящаю
Справедливо спасающему,
Уважительно преподношу.

28. Живущему без изъяна
Сочинение преподношу.
Спасителю Иисусу
Молитву посвящаю.

3. Архивные материалы

Архивные материалы О. М. Ковалевского заслуживают самого пристального внимания. И дело не только в том, что они буквально разбросаны по коллекциям в разных городах и странах и создают немалые трудности для исследователей биографии и научного творчества ученого, самое главное состоит в их большой значимости для истории науки. В них собраны материалы, представляющие интерес для современного монголоведения, музееведения, культурологии. Основными хранилищами архивного научного наследия монголоведа являются Государственный архив Республики Татарстан, в котором хранится богатый архив, связанный с командировкой ученого на Восток, и Редкий фонд библиотеки Вильнюсского университета — в нем имеются дневник 1832 г. и так называемые «Записные книжки», а также большое количество материалов на монгольском языке, которые пока не исследовались монголоведами.

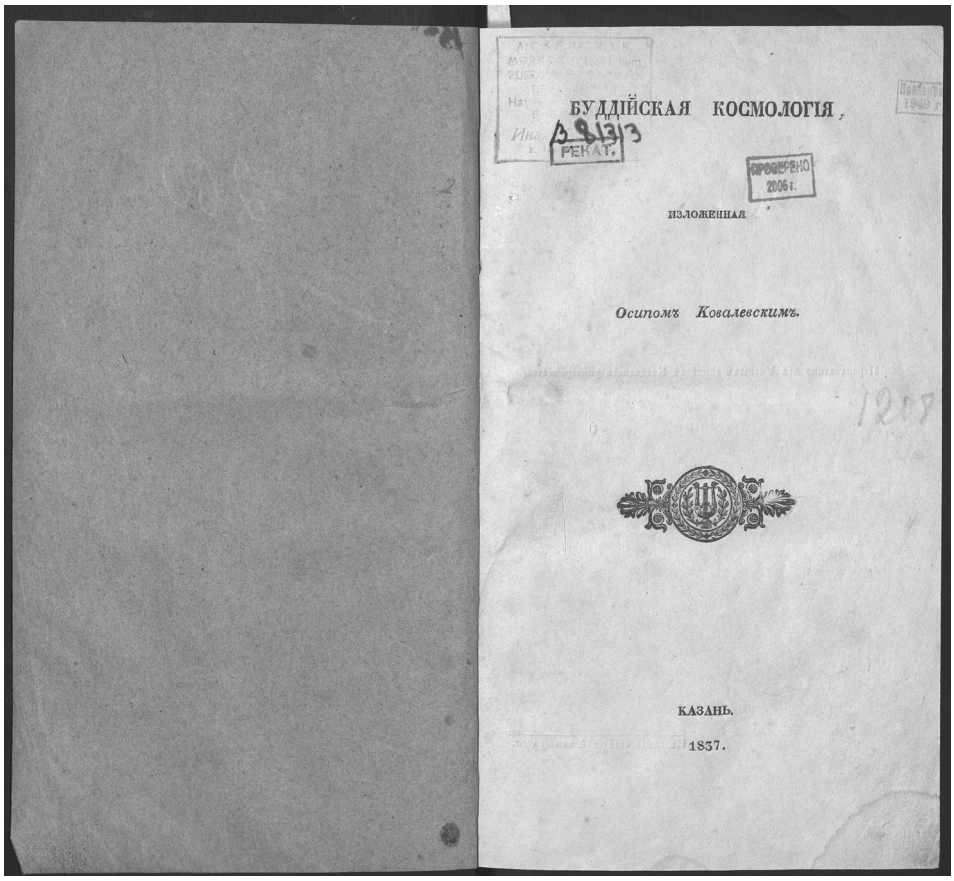
В Санкт-Петербурге имеются четыре архива, содержащие рукописные материалы О. М. Ковалевского и документы, имеющие отношение к нему. Это Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Отдел рукописей библиотеки СПбГУ, СПбФ АРАН и Архив востоковедов ИВР РАН.

Ни один фонд О. М. Ковалевского не описан полностью, не сделан обзор документов, хранящихся в нем. Издавались лишь выбранные материалы из различных фондов.

Ниже впервые предлагается обзор материалов, хранящихся в одном из фондов ученого — в фонде О. М. Ковалевского (ф. 29) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Он содержит наибольшее количество материалов и насчитывает 29 единиц хранения. В фонде находятся документы 1827–1848 гг. — периода изучения монгольского языка, сбора рукописей, преподавательской деятельности в Казанском университете. Именно в это время им был сделан перевод «Гэсэра», написаны «Грамматика монгольского языка», «Монгольская хрестоматия», «Буддийская космология», «Монгольско-русско-французский словарь». Некоторые материалы Архива отражают его поездки в Бурятию, Монголию, Китай; среди них отчеты, планы, записки, списки приобретенных этнографических и культовых предметов. Другие материалы: статьи, наброски, готовые научные труды, письма, прошения, извещения, дипломы — относятся к научно-преподавательской деятельности.

Несомненный интерес представляют находящиеся здесь до сих пор не изданные труды О. М. Ковалевского, в первую очередь его монография «История монголов» (ед. хр. 1а, 16.) (о ней см. в следующем разделе монографии), а также его статьи «О распространении мусульманства» (ед. хр. 5), «Рассуждения о пользе философии применительно к христианской вере» (ед. хр. 6). В фонде хранятся также материалы, названные «Лист с именами 7 монгольских первосвященников» (ед. хр. 7), «Перевод послания Далай-ламы от 1753 г.» (ед. хр. 8), «Изображения будды» (ед. хр. 14), «Собрание монгольских, маньчжурских ламских костюмов» (ед. хр. 25), приобретенных им во время поезд-

ки по Монголии, Бурятии и Китаю, «Обряды, употребляемые при китайских свадьбах в Пекине» (ед. хр. 17). Кроме того, здесь находятся копии писем, отражающих работу над «Монгольско-русско-французским словарем», отзывы о некоторых работах, например, о труде Н. Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (ед. хр. 16), отзыв о В. П. Васильеве, тогдашнем магистранте Казанского университета (ед. хр. 27), вырезки из различных газет на русском и немецком языках, содержащие статьи О. М. Ковалевского.


БУДДІЙСКАЯ КОСМОЛОГІЯ,

ИЗЛОЖЕННАЯ

Осипомъ Ковалевскимъ.

КАЗАНЬ.

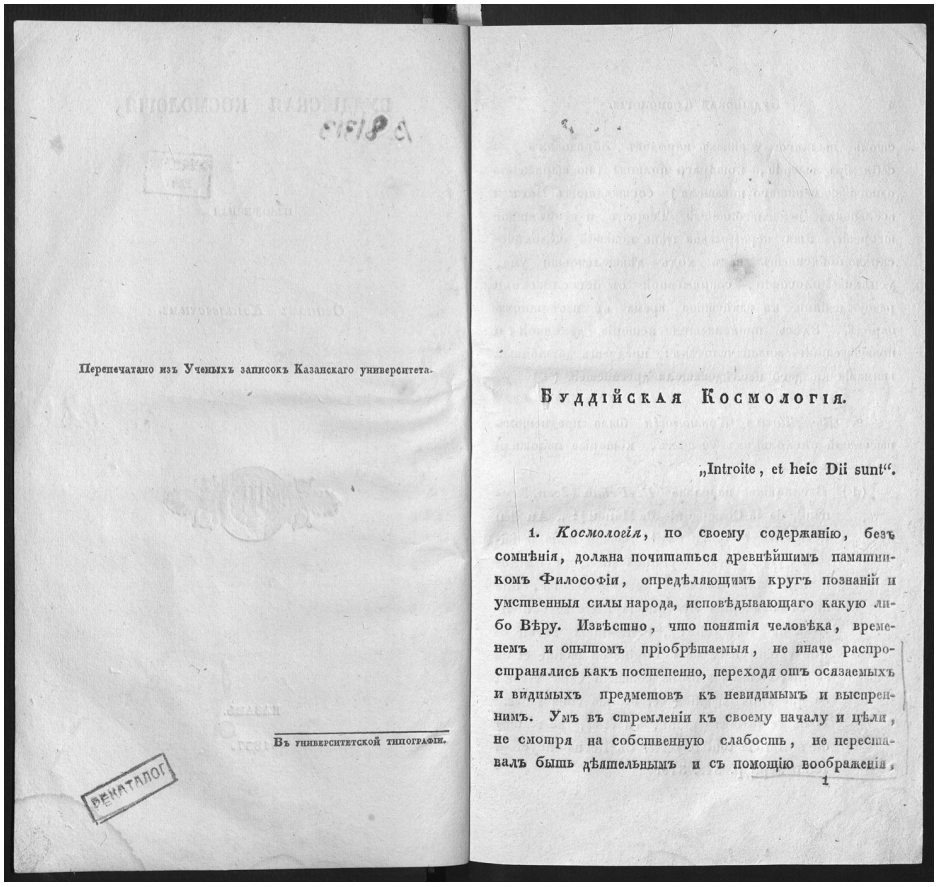
1837.

Титул монографии О. М. Ковалевского «Буддийская космология». Казань, 1837

Кроме автографов О. М. Ковалевского, в фонде хранится несколько работ, принадлежащих другим лицам, например, работа Петрова «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в АМ Имп. СПб. АН» (ед. хр. 11). «Вступление в тибетскую часть монгольского словаря „Тог-парлоб-па“».

В фонде имеется несколько исторических документов, которые, возможно, ученый предполагал ввести в научный оборот и использовать в своих исторических трудах. Это «Копии с русских и переводы с монгольских и китайских исторических документов XVI–XIX вв.» (ед. хр. 4), они представляют собой 19 разрозненных листов разного формата — от А4 до четвертей тетрад-

ных листов. В папке собраны интереснейшие исторические документы: грамоты, договоры, прошения, донесения (главным образом времени царствования Анны Иоанновны [42]), рассказывающие о взаимоотношениях российского правительства с представителями верхних слоев приграничного населения России, о результатах и ходе официальных переговоров в приграничных с Монголией и Китаем районах, об обстановке в этих регионах в разное историческое время. Так, есть некий «императорского величества патент» от 1731 г., подписанный канцлером графом Головиным, данный селенгинскому зайсану Амуру Андыхаеву за «верную и усердную свою службу». На листе гармоникой из шести изгибов рукой Ковалевского переписан выполненный Г. Вознесенским [43] перевод докладной записки владельца «Западного княжества Джуанья» к «хуанди» от 1528 г., в которой князь жалуется на притеснения соседнего великого государства и просит защиты в обмен на обязательство с его стороны исправно платить дань.



Перепечатано изъ Ученыхъ записокъ Казанскаго университета.

Въ университетской типографіи.

Буддійская Космологія.

„Introite, et heic Dii sunt".

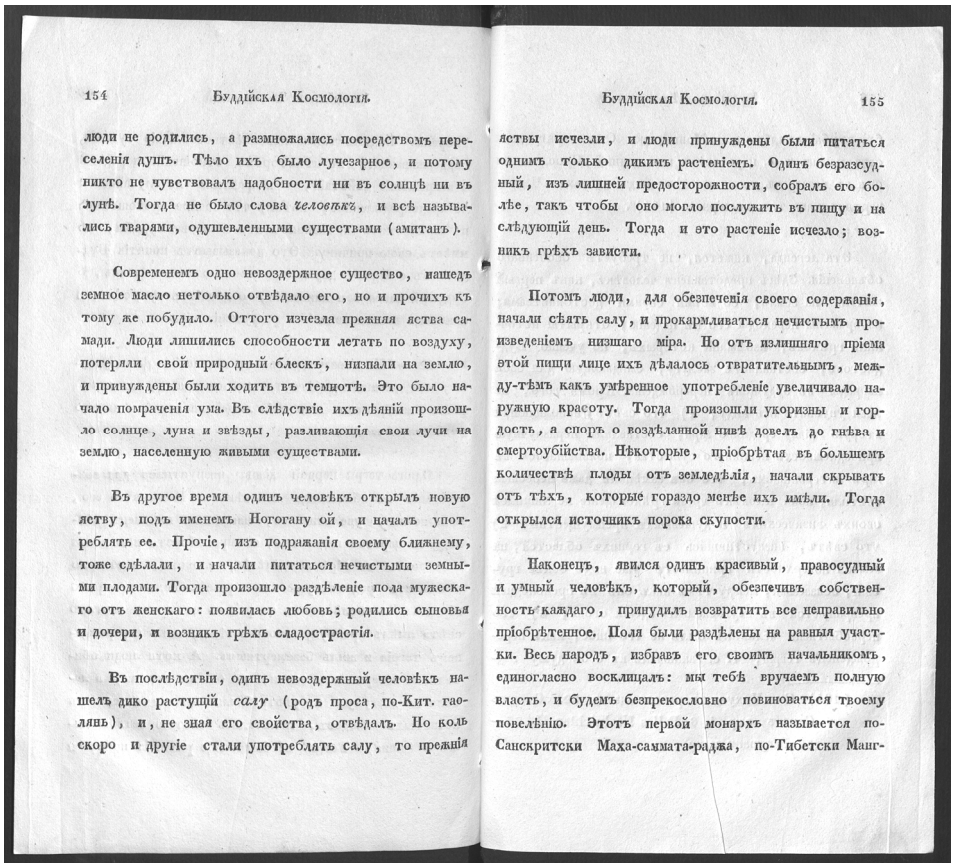
1. *Космологія*, по своему содержанію, безъ сомнѣнія, должна почитаться древнѣйшимъ памятникомъ Философіи, опредѣляющимъ кругъ познаній и умственныя силы народа, исповѣдывающаго какую либо Вѣру. Извѣстно, что понятія человѣка, временемъ и опытомъ пріобрѣтаемыя, не иначе распространялись какъ постепенно, переходя отъ осязаемыхъ и видимыхъ предметовъ къ невидимымъ и выспреннимъ. Умъ въ стремленіи къ своему началу и цѣли, не смотря на собственную слабость, не переставалъ быть дѣятельнымъ и съ помощію воображенія,

1

Первая страница «Буддийской космологии» О. М. Ковалевского. Казань, 1837

[42] Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица (с 1730 г.), племянница Петра I.

[43] Вознесенский Г. — переводчик в Иркутске, с которым общался О. М. Ковалевский в 1829 г.–1830-х гг., будучи в Забайкалье.



154 Буддійская Космологія.

люди не родились, а размножались посредствомъ переселенія душъ. Тѣло ихъ было лучезарное, и потому никто не чувствовалъ надобности ни въ солнцѣ ни въ лунѣ. Тогда не было слова *человѣкъ*, и всѣ назывались тварями, одушевленными существами (амитанъ).

Современемъ одно невоздержное существо, нашедъ земное масло нетолько отвѣдало его, но и прочихъ къ тому же побудило. Оттого изчезла прежняя яства самади. Люди лишились способности летать по воздуху, потеряли свой природный блескъ, низпали на землю, и принуждены были ходить въ темнотѣ. Это было начало помраченія ума. Въ слѣдствіе ихъ дѣяній произошло солнце, луна и звѣзды, разливающія свои лучи на землю, населенную живыми существами.

Въ другое время одинъ человѣкъ открылъ новую яству, подъ именемъ Ногогану ой, и началъ употреблять ее. Прочіе, изъ подражанія своему ближнему, тоже сдѣлали, и начали питаться нечистыми земными плодами. Тогда произошло раздѣленіе пола мужескаго отъ женскаго: появилась любовь; родились сыновья и дочери, и возникъ грѣхъ сладострастія.

Въ послѣдствіи, одинъ невоздержный человѣкъ нашелъ дико растущій *салу* (родъ проса, по-Кит. гаолянь), и, не зная его свойства, отвѣдалъ. Но коль скоро и другіе стали употреблять салу, то прежнія

Буддійская Космологія. 155

яствы исчезли, и люди принуждены были питаться однимъ только дикимъ растеніемъ. Одинъ безразсудный, изъ лишней предосторожности, собралъ его болѣе, такъ чтобы оно могло послужить въ пищу и на слѣдующій день. Тогда и это растеніе исчезло; возникъ грѣхъ зависти.

Потомъ люди, для обезпеченія своего содержанія, начали сѣять салу, и прокармливаться нечистымъ произведеніемъ низшаго міра. Но отъ излишняго пріема этой пищи лице ихъ дѣлалось отвратительнымъ, между-тѣмъ какъ умѣренное употребленіе увеличивало наружную красоту. Тогда произошли укоризны и гордость, а споръ о воздѣланной нивѣ довелъ до гнѣва и смертоубійства. Нѣкоторые, пріобрѣтая въ большемъ количествѣ плоды отъ земледѣлія, начали скрывать отъ тѣхъ, которые гораздо менѣе ихъ имѣли. Тогда открылся источникъ порока скупости.

Наконецъ, явился одинъ красивый, правосудный и умный человѣкъ, который, обезпечивъ собственность каждаго, принудилъ возвратить все неправильно пріобрѣтенное. Поля были раздѣлены на равныя участки. Весь народъ, избравъ его своимъ начальникомъ, единогласно восклицалъ: мы тебѣ вручаемъ полную власть, и будемъ безпрекословно повиноваться твоему повелѣнію. Этотъ первой монархъ называется по-Санскритски Маха-саммата-раджа, по-Тибетски Манг-

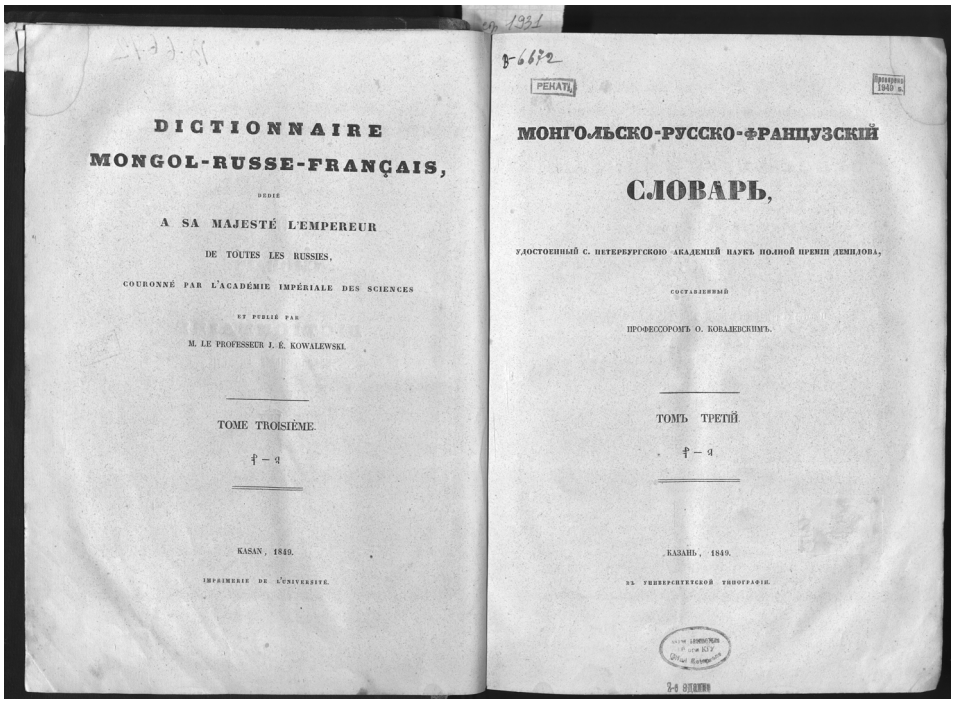
Страницы 154 и 155 «Буддийской космологии» О. М. Ковалевского. Казань, 1837

Несомненный интерес для историков, изучающих отношения Цинского Китая и России, представляет имеющийся в данной единице хранения документ от 20 августа 1727 г. об учреждении границ между Россией и Китаем при Селенгинске на реке Буре, подписанный «чрезвычайным посланником, полномочным министром, тайным советником Иллирийским графом Саввой Владиславичем [44] с секретарем посольства Иваном Глазуновым», с одной стороны, и «китайским министром, генералом, правителем государственным, ханским деятелем Цырен ваном» — с другой.

В фонде имеется ряд документов, относящихся ко времени пребывания О. М. Ковалевского в Китае, например, его автограф — «Китайско-русский словарь» (ед. хр. 2), содержащий 7 листов формата А4, на каждом листе по 18 слов — всего 144 слова. Слова представлены в китайском иероглифиче-

[44] Сава (Савва) Лукич Владиславич-Рагузинский (Рагузинский-Владиславич), граф (ок. 1670–1738) — серб на русской службе, торговый и финансовый агент России на Балканском полуострове, чрезвычайный и полномочный посол России в Китае 1725–1728 гг., заключивший Буринский и Кяхтинский договоры о разграничении территорий и торговле между двумя странами. Иллирийским его называют, видимо, из-за его сербского происхождения (иллирийцы — древние индоевропейские племена на северо-западе Балканского полуострова).

ском написании, в русской транскрипции и в русском переводе. Словарь включает названия зверей, животных, птиц (курица, корова, белка, забайкальская волчья норка, черная лисица, хорек, норка...) и частей их тел (хвост, лапки, чешуйки), предметов ремесел (мездра, клей, тик, олово), бытовых предметов (зеркало, гребень, мыло, чулки, головные уборы, сапоги, леденец). Как видно, в Китае молодой стажер изучал не только монгольский язык — с сановником буддийского духовенства Минджи гегеном и тибетский — с тибетцем Баданом, но сверх плана занимался китайским языком.



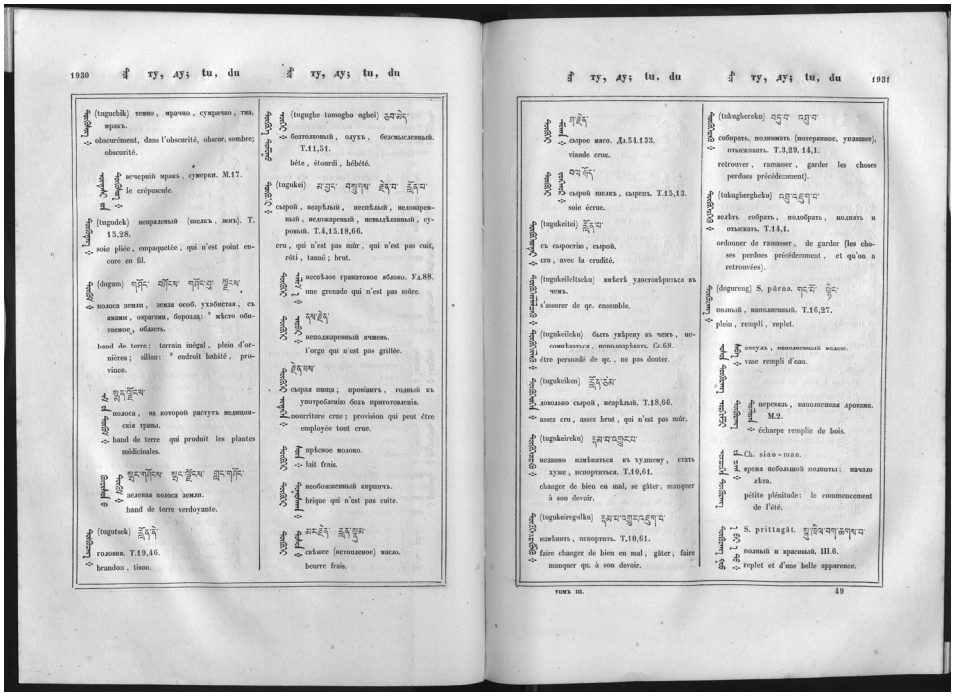
DICTIONNAIRE
MONGOL-RUSSE-FRANÇAIS,
DEDIÉ
A SA MAJESTÉ L'EMPEREUR
DE TOUTES LES RUSSIES,
COURONNÉ PAR L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES
ET PUBLIÉ PAR
M. LE PROFESSEUR I. É. KOWALEWSKI.
TOME TROISIÈME.
KASAN, 1849.
IMPRIMERIE DE L'UNIVERSITÉ.

МОНГОЛЬСКО-РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ
СЛОВАРЬ,
УДОСТОЕННЫЙ С. ПЕТЕРБУРГСКОЮ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ ПОЛНОЙ ПРЕМІИ ДЕМИДОВА,
СОСТАВЛЕННЫЙ
ПРОФЕССОРОМЪ О. КОВАЛЕВСКІЙМЪ.
ТОМЪ ТРЕТІЙ.
КАЗАНЬ, 1849.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Титул «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского. Т. III. Казань, 1848

Можно предполагать, что во время пребывания в Китае Ковалевским было задумано составление, помимо «Монгольско-русско-французского словаря», еще и «Тибетско-немецкого» и «Тибетско-монгольского» словарей. Об этом говорит имеющееся «Вступление в тибетскую часть монгольского словаря» (ед. хр. 3) **(**или: «Erste Abteilung der Vonde zum Tibetisch Mongolischen Vorterbuche genannt aus dem Mongolischen ubersetzt Von der Anatkakschen Schrift Sandsa und den tibetischen Schriftarten Dsab und Schar genennt und von ihren Erfindungung wird in dem Buche Aghoi Gsang-gaksan (weit tonend) folgendes gelehrt» («Первая часть для составления тибетско-монгольского словаря на основе изучения монгольских переводов анатхакского текста „Сандза“ и тибетских сочинений „Дзаб“ и „Зхар“, а также книги „Агуй Гсанг гаксан“»**)**. «Вступление» состоит из 6 листов русской толстой бумаги формата А4, представляет собой небольшую статью на немецком языке, написанную крупным, несколько небрежным почерком, отличным от бисерно-мелкого, почти каллиграфического почерка Ковалевского. В ней рассказывается о тибетском

шрифте времени правления царя Сронцангамбо, приводятся различные варианты написания тибетских букв и слов, латинская транскрипция тибетских слов, транслитерация имен собственных.



Страницы 1930 и 1931 «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского

К пекинскому периоду относится и «Лист с именами 7 монгольских первосвященников. 2 генваря 1831. Пекин» (ед. хр. 7). Документ представляет собой один лист с названиями высших чинов буддийской церкви. Он имеет сопроводительную записку от «А. И-у-ва», в которой автор, обращаясь к «господину Иосифу Михайловичу», сообщает, что, «нашедши среди шпаргалок неизвестно как к нему попавшую», решил препроводить ее к Ковалевскому «как знатоку монгольского языка». В «листе» названы чины: 1) Bancin bogdo; 2) Dalai lama; 3) Kuriyenu gegen; 4) Janja gegen; 5) Kuken kutugtu; 6) Alagsi gegen; 7) Minci lama.

О широте интересов молодого Ковалевского свидетельствует его неизданная статья «О распространении мусульманства» (ед. хр. 5), которая содержит сведения о начале распространения ислама среди кочевников Центральной Азии. Фрагмент, приведенный ниже, чрезвычайно информативен. Автор высказывает мнение, что распространению религии способствовала в первую очередь торговля.

> Неутомимые аравитяне силою оружия и народного своего духа раздвинули далеко на восток пределы своего владычества, пришли наконец в соприкосновение с среднеазиатскими номадами. Мусульманские купцы за громадными горами Белура познакомились с восточными турецкими племенами, а не имея возможности проникнуть прямо во внутренность Индии, стали довольствовать-

ся некоторою торговлей с городами, расположенными на берегах Инда. Восемь кровавых походов Махмуда познакомили арабов с Лагором, Дегли, Кашмиром, и вслед за ними ислам достиг берегов Ганга. Бесстрашные приверженцы Мухаммеда еще в царствование Велида [45] (в первой половине VIII века) с Кораном приходили в Среднюю Азию с 651 г. Политический союз Отомана с Китаем приносил пользу обеим державам. Китайский двор потому не хотел внимать просьбам и жалобам западных турецких владельцев на притеснения со стороны аравитян, оттого-то арабы почти беспрепятственно расширили там свои границы. Между тем неизмеримые среднеазиатские равнины, обитаемые кочевыми жителями, по необходимости должны были поддерживать торговые отношения с берегами Хуан-хо, несмотря на препятствия, сопровождавшие оных при каждом движении номадов к пределам империи.

В фонде О. М. Ковалевского сохранилась одна страница (ед. хр. 14) из журнала «Royal Asiatic Society» с прорисовками 7 будд, расположенными в два ряда. В верхнем ряду находятся прорисовки изображений скульптурных портретов двух будд — из вихары Видьядари и вихары Итум в Катманду, выполненные непальским художником, специализировавшимся на изображении будд. В нижнем ряду изображены пять будд, относящиеся к дхъяни: Ratna Sambhava, Akshobhya, Vairo Chana, Amitabha, Amogha Siddha.

Представляют интерес таблицы из журнала Neveau Journal Asiatic (ед. хр. 14) с образцами шрифтов разных алфавитов, среди них санскритский, тибетский, латинский, некоторые из них имеют транскрипцию и варианты написаний букв в начале, середине, конце слова.

Ценным материалом в фонде О. М. Ковалевского является «Отчет о поездке в Пекин через Монголию» (ед. хр. 23). Он содержит на 10 страницах краткое обозрение представлявшихся ученым в течение пяти лет отчетов о пребывании в Иркутске, Бурятии, Монголии и Китае. Ковалевский называет цели и задачи своей многолетней командировки, организованной Казанским университетом, который, «предполагая умножить число восточных кафедр», отправил его «сперва в Иркутск, к служащему там переводчику статскому советнику г. Игумнову, потом — к племенам монголо-бурятским, населяющим Забайкальский край, и наконец — при духовной миссии через Монголию в Пекин для изучения монгольского языка и, по отеческой заботливости об успехах на сем поприще своего воспитанника, снабдил наставлениями, касающимися не токмо изучения самого языка, но и предметов, заслуживающих внимания по части истории, географии, статистики и религии столь отдаленных народов в пределах России или смежных с оною».

В этом «кратком обозрении» Ковалевский сообщает о помощи, оказанной ему английскими миссионерами Сталлибрассом и Юиллем в Селенгинске, о том, что он взял у Игумнова 8 тыс. слов для «Монгольско-русско-французского словаря», о том, что одновременно он готовил сокращенный вариант этого словаря. В обозрении есть интересное замечание о том, что «по возвращении он написал работу о Монголии в отношении политическом, нравственном, хозяйственном, религиозном, сравнил ее с русской Монголией — забайкальскими бурятами» (эта работа О. М. Ковалевского пока не найдена). По-

[45] В е л и д (Валид, Абд-ал-Валиди) — правитель Омейядского (Умейядского) халифата (705–715). При нем и его отце Абд-аль Малике были завоеваны земли между Сырдарьей и Амударьей, Фергана и Ташкентский оазис. В результате его реформ арабский язык стал государственным, введена единая денежная система.

следняя часть отчета посвящена рекомендациям по составлению учебного плана подготовки ученого-монголоведа.

Одной из задач, поставленных перед Осипом Михайловичем Ковалевским во время его научной командировки в Забайкалье [46], являлось, наряду с изучением языка и быта монгольских народов, собирание письменных памятников [47] и предметов материальной и духовной культуры бурят, монголов и китайцев.

Особый интерес проявлял ученый к буддизму как к доминирующей религии среди бурят. Признавая прогрессивное влияние буддизма на мировоззрение бурятского народа, культурными центрами которого являлись дацаны, О. М. Ковалевский, посетив Джагустайскую, Атагайскую, Цонгольскую, Салангинскую кумирни, описал в своих отчетах утварь, убранство этих храмов и церемонии, проводимые в них. Во время своей командировки в Забайкалье он собрал богатую коллекцию «китайских, монгольских, маньчжурских, ламаистских костюмов и других редкостей» для кабинета редких вещей университета, для доставки которых он вынужден был воспользоваться обозом казанского купца Крупенникова [48]. Список «всех приобретений Ковалевского за Байкалом, составленный им самим» находится в Казани, в Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. Л. 6–14).

В Архиве востоковедов ИВР РАН нами также обнаружен документ с перечнем буддийских культовых предметов и вещевого материала, привезенного О. М. Ковалевским из путешествий по Забайкалью и Китаю. Он насчитывает 144 наименования буддийских атрибутов и предметов быта. В реестре имеется 5 рубрик, которые включают 24 наименования «ламского одеяния и буддийских риз», 12 наименований «живописных изображений», 58 наименований «костюмов», 48 наименований «смеси». Эти рубрики, введенные в реестр самим О. М. Ковалевским, можно считать условными, так как тематически они не выдержаны. В первый раздел наряду с одеждой лам попали буддийские атрибуты и скульптурные изображения будд и бодисаттв. Точнее, из 24 наименований 7 относятся непосредственно к предметам одежды лам, 8 — к буддийским атрибутам, 9 — к скульптурным изображениям будд и бодисаттв. Предметы буддийской тематики составляют всю вторую рубрику, за исключением изображений Гэсэра, являющегося прежде всего персонажем героического эпоса тюркских и монгольских народов, лишь в XIX в. ассоциированного с буддийским божеством войны — Джамцараном; Цаган Овгона, имеющего сильный шаманский и — глубже — дошаманский контекст, и Охин тенгри, божества с древнейшей мифологической нагрузкой. В разделе «Костюмы», в котором собраны названия предметов, имеющих отношение не только непосредственно к одежде, но и ко всему оформлению костюма, имеется лишь несколько предметов, которые могли бы употребляться монахами (бумага, кошелек), но не являются предметами сугубо буддийской тематики. В разделе «Смесь» «вид монастыря Ван-су-сы на горе Пань» представляет со-

[46] Из Забайкалья он совершил путешествие в Китай в составе XI Российской духовной миссии в качестве письмоводителя при приставе М. В. Ладыженском.

[47] О книгах, доставленных О. М. Ковалевским, см.: *Успенский В. Л.* Коллекция О. М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность. Казань, 2002. С. 88–107.

[48] Там же. С. 31.

бой единственное изображение на буддийскую тему. Публикация данного списка может представлять интерес для исследователей буддийской материальной культуры монгольских народов, музейных работников, историков науки, занимающихся изучением деятельности О. М. Ковалевского.

Документ находится в фонде О. М. Ковалевского (Ф. 29. Оп. 1. № 25). Рукопись содержит 7 листов тетрадного формата русской бумаги, пожелтевшей от времени. Чернила черные. Последний лист отрезан. При издании данного документа в современной орфографии мы сохраняем принцип написания О. М. Ковалевским монгольских слов.

«Собрание китайских, маньчжурских, монгольских и ламских костюмов, изображений, буддийских божеств и других богослужебных вещей, картин, книг и прочих редкостей, приобретенных адъюнктом Осипом Ковалевским во время путешествия в Китай и между монголо-бурятами»

Ламское одеяние и буддийские ризы

1. Ламский кафтан из желтой шелковой канчи [49] с черными бархатными каймами на китайской голубой подкладке.
2. Ламская юбка, красная.
3. Ламская перевязь из красной шелковой канчи.
4. Покрывала для ламских подушек.
5. Намчир [50] из нанки [51].
6. Лагой [52] из нанки.
7. Дынва [53] из нанки.
8. Ламские душистые четки, покрытые голубыми перьями ремезка [54], с желтыми шелковыми кистями. Изображения буддийских божеств и богослужебные вещи.
9. Медная статуя Шакьямуни [55], пекинской работы.
10. Медная статуя Шакьямуни, монгольской работы.
11. Медная статуя Аюши Будды [56].

---

[49] К а н ч а (камча) — китайская шелковая ткань.

[50] Н а м ч и р (намжир) — род мантии, накидка духовного лица.

[51] Н а н к а — бумажная ткань, изначально — китайская. Другое название: китайка. Чаще — желтого цвета.

[52] Л а г о й (лагай) — верхнее платье буддийского монаха, состоящее из длинного куска материи, перекидываемого через левое плечо и пропускаемого под правую руку. Часть учебной одежды монаха, называемой чой-гой, ее составляют три отдельных предмета — лагай, намжир и динва, изготовленные, как правило, из дорогой материи, нередко они заменяются тремя кусками материи красного и желтого цвета. См. об одежде лам: *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. Т. 1. Новосибирск, 1991. С. 154–155.

[53] Д ы н в а (динва) — часть монашеского учебного одеяния.

[54] Р е м е з — вид синицы, водящейся в Европе и в Азии.

[55] Ш а к ь я м у н и (*санскр*. Sakya-muni, букв.: Шакьяский мудрец) — одно из имен Будды настоящего периода.

[56] А ю ш и Б у д д а — монгольское название бодисаттвы долголетия — Амитаюса = Цэбаг-мэд (букв.: Неизмеримая жизнь), одной из форм Амитабхи (букв.: Неизме-

12. Позолоченные лепные статуи Ваджрапани [57].

13. Медная статуя Цаган Дара-эхэ [58] (древней тибетской работы).

14. Позолоченная статуя Аюши (тибетской работы).

15. Железные позолоченные статуи, изображающие двух главнейших учеников Шакьямуни Будды.

16. Позолоченная статуя Цаган Дара-эхэ.

17. Позолоченная статуя Санжа-Будды [59].

18. Медная форма священной пирамиды [60], покрытой изображениями двести [двухсот] будд нынешней эпохи мироздания.

19. 3 деревянных ящичка, из коих в одном — налепные позолоченные изображения 9 буддийских божеств, а в последних — божественные обиталища, окруженные изображениями божеств.

20. Камень с изображением таинственной молитвы: «Ом ма ни падмэ хум» [61].

21. Ламский колокольчик [62].

22. Ламский медный жезл [63].

23. 2 ручных бубенчика, употребляемых при богослужении.

24. Молитвенное колесо из серебра с изображением таинственной молитвы: «Ом мани» и пр.

Живописные изображения

25. Цаган Дара-эхэ.

26. Ногоган Дара-эхэ [64].

римый свет) — владыки чистых райских земель Сукхавади и Абхирати или небесных миров.

[57] В а д ж р а п а н и (*санскр.:* vajra-pani, букв.: Держащий ваджру) — один из главных бодисаттв в буддизме, символизирующий духовную силу, способную усмирять мрак сознания, незнание, заблуждения. Изображается в угрожающей позе, синего цвета, с ваджрой в руке.

[58] Ц а г а н Д а р а - э х э (Сита Тара) — женское буддийское божество, символизирует материнский аспект сострадания бодисаттвы Авалокитешвары, дарует долгую жизнь, предупреждает об опасности. Имеет атрибут — лотос.

[59] С а н д и б у д д а (Сандуй; букв. с *тиб.*: Тайный, Защитник религии) — буддийское божество, относится к классу докшитов вместе с двумя другими божествами — Дэмчок, что означает Блаженный, и Чжигчжэд — Страшный, все трое бывают покровителями буддийских монастырей.

[60] Очевидно, речь идет о с у б у р г а н е (ступе) — буддийском архитектурно-скульптурном сооружении, символизирующем вертикальную модель Вселенной, восходящем к могильным курганам, затем ставшем памятником, возводившимся в честь какого-либо события, и реликварием останков высоких буддийских духовных лиц, священных книг и атрибутов.

[61] «О м м а н и п а д м е х у м» — магическая тантра, в которую вкладывается глубокий сакральный смысл. Связывается с проповедями Будды. Один из ее многочисленных переводов: «Ом, ты сокровище на лотосе».

[62] Л а м с к и й к о л о к о л ь ч и к — буддийский атрибут, символизирует женское начало Вселенной, запредельную мудрость, ипостась энергии, воплощенной в божестве.

[63] Л а м с к и й м е д н ы й ж е з л. — Очевидно, имеется в виду ваджра (*санскр.* vajra — ‘громовой топор Индры’), позже стал символом божественной истины буддийского учения, просветления, мгновенного, как вспышка молнии, мужской духовности, нерушимости закона. Изображается в виде двустороннего пучка молний.

[64] Н о г о г а н Д а р а - э х э (Ногон Дара-эхэ; букв.: Зеленая Тара) — женское божество северного буддизма, является шакти (т. е. персонификацией божественной

27. Джинджид [65].
28. Шакьямуни.
29. Оточи [66].
30. Хоншим бодисатва [67].
31. Хаягрива [68].
32. Цаган Эбуген [69].
33. Гэсэр-хан [70].
34. Окин Тегри [71].
35. Махакала [72].
36. Аюши.

Костюмы

37. Китайская мужская рубаха из белой дабы [73] и крепа.
38. Голубой бархатный воротник.
39. Кафтан из голубой шелковой материи с кругами, на шелковой голубой подкладке.
40. Мужское верхнее платье (курмэ) из вишневой шелковой материи с шелковыми на груди и спине нашивками по гражданскому чину на голубой шелковой из линдзы [74] подкладке.

энергии просветленных сущностей и страдания) бодисаттвы Ваджрапани. Спасает от восьми бед этого мира. Изображается сидящей на лотосовом троне, с голубым лотосом в левой руке.

[65] Джинджид (Чжигжэд, Чжигчжид) — буддийское божество, относится к классу идамов, т. е. охранителей, редкая ипостась Ямантаки. Имеет устрашающий вид. Изображается шестируким, с кинжалом, мангустой, ваджрой и чашей. Известно, что такое имя носил тайджи, пристав Русского подворья в Урге в 30-е гг. XIX в., т. е. во время путешествия О. М. Ковалевского в Монголию и в Китай.

[66] Оточи — буддийское божество, покровитель медицины.

[67] Хоншим бодисаттва (Хонгшим бодисаттва) — один из главных бодисаттв в буддизме, олицетворение сострадания, один из образов Авалокитешвары.

[68] Хаягрива (букв. с *тиб.*: Лошадиная Шея) — буддийское божество, покровитель лошадей, разгоняющий демонов ржанием, относится к классу идамов. Обычно изображается светло-коричневым, держащим скипетр, петлю, колесо и меч.

[69] Цаган Эбуген (Цаган Овгон; букв. с *монг.*: Белый Старец) — покровитель скота, охраняет от 16 зол, перешел в буддийский пантеон из шаманской мифологии, где он входил в разряд хозяев земли, являлся хозяином дома.

[70] Гэсэр-хан — персонаж тибетского и монгольского эпоса, истребитель демонов и чудовищ. Выступает как покровитель воинов, защитник стад, податель счастливой судьбы. В буддийской мифологии отождествляется с Джамцараном — богом войны.

[71] Окин тенгри (Охин тенгри) — в мифах монгольских народов небесное божество, идентичное тантрическому божеству Лхамо, гневное воплощение Цаган Дараэхэ, супруга Эрлика-хана, главы подземного царства. Всеобщая прародительница.

[72] Махакала (букв. с *санскр.*: Великий Черный) — буддийское божество, относится к классу идамов, глава дхармапал. Принял на себя обет защищать дхарму устрашением в тех случаях, когда сострадание не помогает. Изображается двуруким, шестируким, двенадцатируким, синего цвета, устрашающего вида.

[73] Даба — китайская хлопчатобумажная ткань.

[74] Слово не удалось идентифицировать.

41. Монгольский кафтан из голубой нанки с черными бархатными каймами на китайской подкладке.

42. Шелковый черный пояс с литиновой [75] пряжкой.

43. Дамская из белой дабы рубаха с черной нашивкой на воротнике.

44. Нижнее платье из зеленой фанзы [76] с шелковой нашивкой внизу.

45. Телогрейка женская шелковая с нашитыми цветами и другими украшениями на голубой шелковой подкладке.

46. Женский голубой шелковый кушачок с черными нашивками и шелковыми кистями.

47. Женская юбка из голубой шелковой материи с нашитыми шелковыми черными цветами.

48. Женский воротничок из зеленой шелковой материи с нашитыми шелковыми же цветами на подкладке шелковой розового цвета с разноцветными шелковыми цветами.

49. Дамское шелковое платье красного цвета с вышитыми разными цветами, отвороты белые шелковые с нашитыми цветами.

50. Дамский воротничок из разноцветных шелковых материй с нашитыми разными цветами и шелковыми кистями.

51. Пара китайских сапог из черной канфы [77].

52. Пара дамских маньчжурских башмаков из красной канчи с нашитыми разными цветами.

53. 2 пары дамских китайских башмаков из красной канчи с вышитыми цветами.

54. Китайская шапка с бархатным черным околышем, красной кистью наверху и голубым шариком на медном пьедестале.

55. Китайская шапка без шарика.

56. Монгольская шапка с черным бархатным околышем, красной кистью и алыми суконными лентами.

57. Обыкновенная домашняя китайская шапочка из канчи с бархатным околышем и шелковыми шнурочками.

58. Пара чулок мужских из дабы.

59. Пара обверток для дамских ног из черной канфы с нашитыми внизу цветами на шелковой подкладке.

60. Пара онуч [78] женских из белой дабы.

61. Дамское зеркальце с картиною на обороте и с шелковой кистью.

62. Шпильки дамские головные из чистого серебра.

63. Душистый кошелек шелковый с нашитыми шелковыми и серебряными цветами с зелеными шелковыми кистями и пр. в коробочке.

64. Душистые четки в шелковой коробочке.

65. Душистый кошелек в виде бабочки с нашитыми шелковыми цветами и кистями в коробочке.

66. Пара литиновых серег с позолоченными украшениями и налепными перьями в коробочке.

67. Нашивки с изображениями зверей для военного чиновника.

---

[75] Л и т и н о в ы й — изготовленный из литины — щелочи, окиси металла лития.

[76] Ф а н з а — китайская шелковая ткань, китайский штоф, из разряда фуляра.

[77] К а н ф а (канф) — плотный, толстый китайский атлас.

[78] О н у ч и — куски материи, которыми обертывают ноги вместо чулок перед тем, как надеть сапоги.

68. 3 листа китайской бумаги.
69. Зеленый шелковый дамский платок шейный с нашитыми цветами.
70. Железные щипчики для выдергивания волос.
71. Кошельков разных для табакерки курительного табаку и пр.
72. Зеркальце с картинками в деревянной оправе. Свадебный подарок.
73. Мужской веер из пальмового листа.
74. Дамский веер из зеленой шелковой материи с нашитыми цветами.
75. Дамский веер из белой шелковой материи с нашитыми цветами.
76. Мужской веер из корейской рифленой бумаги с изображением разных лиц.
77. Мужской веер из белой корейской бумаги с картинкою.
78. Футляр для веера из шелковой материи.
79. Дамская медная трубка с длинным черного дерева чубуком и костяным наконечником.
80. Мужская медная трубка с чубуком черного дерева и медным наконечником.
81. Китайская мужская коса.
82. Китайская табакерка агатовая с костяной ложечкой.
83. Литиновая табакерка.
84. Красный серебряный для табакерки кошелек.
85. Четки, употребляемые чиновниками при парадном наряде.
86. 2 китайских ножа с костяными вилками и зубочисткой в хорошей оправе.
87. 22 искусственных цветка для головного дамского убора.
88. 11 гребешков.
89. 8 щеточек.
90. 2 палочки для румян.
91. 2 языкочистки.
92. 2 вилки костяные для волос.
93. 2 пары лент для убора дамских ног.
94. Шелковая цепочка для часов.
95. Дамский кошелек.

Смесь

96. Образцовая доска с вырезанной тибетской молитвой, употребляемая при книгопечатании.
97. 2 аспидные [79] китайские чернильницы, из коих одна в лакированном ящичке.
98. 2 китайские прописи.
99. 10 кистей, употребляемых китайцами для письма.
100. Медная монгольская чернильница.
101. 2 пера из камыша для монгольского письма.
102. Сахарная трость.
103. Деревянная форма ноги 14-летней китаянки.
104. Кусок японской туши.

[79] А с п и д н ы е — сделанные из аспида (черного сланца). Иногда аспидной называли яшму.

105. Китайский веер.
106. Медная фигура, употребляемая китайскими ворожеями.
107. Коробочки с китайской черной тушью.
108. 2 куска красной туши.
109. 790 медных китайских монет, чеканенных при разных династиях до нынешнего времени.
110. 10 кусков чайного экстракта.
111. 3 чайных шарика.

Картины

112. 14 картин, изображающих военных и гражданских чиновников семи разрядов в парадном платье.
113. Чиновник 1 класса в летнем парадном платье.
114. Чиновник 1 класса в придворном зимнем платье.
115. Ван (князь).
116. Водонос.
117. Продавец капусты.
118. Маньчжурская девица в простом платье.
119. 8 изображений пытки и казни в Китае.
120. 2 изображения китайских солдат во время императорского осмотра войск.
121. Лама.
122. Дао-сы [80].
123. Хэ-шань [81].
124. Маньчжурка в простом платье.
125. Китаянка в простом платье.
126. Китайская девица в простом платье.
127. Маньчжурка в придворном наряде.
128. Китаянка в парадном платье.
129. Китайская торговка.
130. 2 вида с мраморного моста в Пекинском дворце.
131. 4 картины с изображением свадебных нарядов, китайских и маньчжурских.
132. Картина допросов в китайском судилище.
133. Изображение ездока, стреляющего из лука.
134. Вид монастыря Ван-су-сы [82] на горе Пань.
135. Изображения стрелков из лука.
136. Изображение маньчжурского великого князя, несомого в портшезах [83] людьми.
137. Китаец в крытом экипаже.
138. Корейский посланник, едущий во дворец.

---

[80] Д а о - с ы — очевидно, речь идет о даосах — последователях религиозного учения китайского философа VI в. до н. э. Лао Цзы.
[81] Слово не удалось идентифицировать.
[82] В а н - с у - с ы — буддийский монастырь в Центральном Китае.
[83] П о р т ш е з — паланкин в виде легкого переносного кресла, в котором можно сидеть полулежа.

139. Вид китайской аптеки.

140. 26 картин, изображающих людей разных наций в одной книге.

141. 6 картин, изображающих разные театральные сцены.

142. 6 дуйдз [84] китайских.

143. Картина на канче, шитая шелками, представляющая праздник цветов.

144. Снимок с надписи на памятнике, воздвигнутом в Пекине в посольском доме [85] Великим князем.

Интересно, что часть самих вещей сохранилась в Казани и находится в настоящее время в фондах Этнографического музея Казанского федерального государственного университета. Представляется необходимым сравнить опись с имеющимся в музее вещевым материалом. Опись материалов дает представление о широте научных взглядов ученого в то время, его задачах, интересе к монгольской культуре.

4. Неизданные научные труды по монголоведению

Архивные материалы О. М. Ковалевского — записные книжки, письма, дневники, отчеты, отзывы — постоянно привлекают к себе внимание исследователей. Особый интерес вызывают неизданные работы. В данную монографию включен ряд изданных ранее архивных документов (в том числе и авторами этой монографии) с новыми комментариями. Так, по-новому переработано дневниковое наследие О. М. Ковалевского, его переписка с Советом Казанского университета, с английским миссионером Робертом Юиллем.

Самым значительным неизданным научным трудом О. М. Ковалевского является его «История монголов». Работа по введению этого труда в научный оборот чрезвычайно сложна из-за его большого объема, трудности прочтения и комментирования, требующего знания монгольских, китайских рукописных источников, знакомства с мировой востоковедной исторической наукой XIX в., современных знаний по китайской и монгольской истории.

Монголоведам и источниковедам, несомненно, будет интересен этот двухтомный неопубликованный труд О. М. Ковалевского, уже привлекший внимание ряда историков науки. Ниже впервые предлагается подробный обзор этого труда О. М. Ковалевского.

Работа состоит из двух частей. Первая часть работы, названная «Введение в историю монголов», представляет собой историю изучения монголов российскими учеными и европейцами, среди них Абель-Ремюза [86], Клапрот [87],

---

[84] Дуйдзы — надписи, обычно благожелательной символики, выполненные каллиграфическим почерком на длинных листах бумаги, развешиваемые в жилищах, присутственных местах, храмах.

[85] Посольский дом — находился в Пекине, на территории Российской духовной миссии в Китае, которая функционировала постоянно с 1727 г. после заключения с Китаем Буринского трактата, по которому на миссию возлагалось дипломатическое представительство.

[86] Жан-Пьер Абель-Ремюза (*фр.* Jean-Pierre Abel-Rémusat; 1788–1832) — французский востоковед-синолог, один из основоположников современного западного китаеведения. Интересовался историей тюрок и монголов в освещении китайских источников, а также Японией. Возглавлял кафедру китайского языка в Кол-

францисканцы. Автор анализирует арабские, армянские, монгольские источники по истории монголов, излагает раннюю историю до периода создания империи в 1206 г. Начало работы четко определяет позицию Ковалевского-историка относительно монголов, которых он считал народом, не имеющим развитой философии, искусства и игравшим скромную роль в мировом историческом процессе. Он пишет:

> Каждый народ имеет свое прошлое, свою историю. Не одни греки и римляне, индийцы и китайцы внесены в скрижали бытописания, монголы и тунгусы занимают в них приличное место, сообразно с путем, который они совершили на предначертанном им поприще. Известно, что не все человеческие общества успели ознаменовать свою жизнь высоким развитием понятий о религии, философии и искусстве, не все успели пройти разные пути гражданственности: некоторые до сего времени остаются звероловами или пастухами. К последнему разряду принадлежат монголы…

Во второй части рассматривается период с 1206 по 1368 г. Работа имеет подзаголовок «Монголы владеют Средней Азией и Восточной Европой. Династия монголов». К работе приложены несколько генеалогических таблиц, названных: «Генеалогии Тегон Темур хана, Торболота — старшего сына Даян хана (1484–1523), Барсаболота — ордоского джинона — (ум. 1512), Арцаболота — пятого сына Даян хана (ум. 1490), Хабуту Хасара, Чингисова брата в 13 колене».

Несомненно, в распоряжении современных историков имеется значительно большее, в сравнении с О. М. Ковалевским, количество оригинальных и переводных сочинений, содержащих материалы по монгольской истории. Однако работа Ковалевского является первой большой обобщающей работой по истории монголов в отечественном востоковедении, она ценна историческими сведениями, присутствующими в ней, верным остается также ряд теоретических выводов исследователя, и, несомненно, она должна быть введена в научный оборот. Содержательная и объемная, до сих пор не изданная 900-страничная рукопись известного востоковеда Осипа Михайловича Ковалевского, являющаяся важным и информативным источником по истории Монголии и монголоведной науки, заслуживает «приведения в известность».

Рукопись автором не подписана и не датирована. Однако содержание, местонахождение в личном фонде О. М. Ковалевского, а также сходство почерка этой рукописи с почерком других его текстов в этом же фонде подтверждает авторство Ковалевского. Судя по датировке упоминаемых в рукописи сочинений, основной текст написан между 1843 и 1851 гг., некоторые более поздние вставки делались автором после 1858 г.

Почерк, бумага и штемпели. «История монголов» написана чернилами (тушью?) цвета сепии на нелинованных плотных листах бумаги, скрепленных в тетрадки нитками. Почерк ровный, мелкий, разборчивый. Автор прибегал к подчеркиванию некоторых слов.

леж де Франс. Действительный член Академии надписей и изящной словесности, инициатор создания и первый ученый секретарь Азиатского общества во Франции. Основные труды: «Melanges asiatiques» (1825), «Elements de la grammaire» (1822), «Observations sur l'histoire des Mongoles» (1832), «Histoire du Bouddhisme» (1836).

[87] Генрих Юлий (Юлиус) Клапрот (1783–1835) — немецкий востоковед, путешественник и полиглот. Член Петербургской АН в 1804–1812 гг.

Бумага машинного отлива произведена в России. Имеет штемпели (штампы) слепого тиснения (без добавления краски) с изображением императорской короны и монограммы «Н I» (Николай I) под ней. Они обрамлены двумя ветвями с листьями, ниже — четыре буквы: «И. П. Г. Ф.». Вероятно, это штемпель Императорской Петергофской бумажной фабрики (во всяком случае, штемпель на рукописи похож на штемпель этой фабрики). В России подобные штемпели на бумаге применялись с 20-х гг. XIX в., а особенно в 1840–1880-х гг. Один штемпель ставили на партии из шести типографских листов, поэтому отчетливо рисунок штемпеля читается только на том листе, который был в этой партии первым.

Первая часть рукописи О. М. Ковалевского после 40-х листов архивного дела штемпелей не имеет, вторая часть целиком написана на бумаге с этим штемпелем. В первой части вложен дополнительный узкий листок (Л. 27а) на английской бумаге высшего качества с короной (это означало, что фабрикант имел королевскую привилегию на изготовление бумаги) и маркировкой латиницей BATH. Такая бумага производилась с 20-х гг. XIX в. в г. Бате (*англ.* Bath) графства Сомерсет, на реке Эйвон [88]. Такой штемпель и такая бумага встречаются в рукописи О. М. Ковалевского лишь однажды.

Структура рукописи. Рукопись состоит из двух частей (хотя сам автор не называет их так). Первая часть насчитывает 8 тетрадей (188 архивных листов, 148 параграфов), вторая — 7 тетрадей (264 листа, 227 параграфов). Архивная нумерация листов — сквозная (но для понимания мы подсчитаем здесь листы и страницы *раздельно* для каждой части). В *первой части* (Л. 1–188 об.) — 376 страниц (из них заполнены 372 стр.), текст завершается на 372-й странице (Л. 186 об.), 4 страницы пустые (стр. 373–376; Л. 187–188 об.). Во *второй части* (Л. 189–452 об.) — 528 страниц (заполнены 523 стр.), текст прерывается на 517-й странице (Л. 447), возобновляется на 520-й стр. (Л. 448 об.) и завершается на 525-й стр. (Л. 451), 5 страниц пустые (стр. 518, 519, 526–528; Л. 447 об., 448, 451 об. – 452 об.). Всего в обеих частях — 452 архивных листа (с оборотами) = 904 страницы, из которых заполнены текстом 895 страниц (9 страниц пустые).

Размеры страниц и текста рукописи. На каждой странице рукописи, не с самого верха и не до самого низа (за минусом верхнего и нижнего полей), остро отточенным твердым карандашом аккуратно прочерчены две тонкие параллельные вертикальные линии, ограничивающие с краев поле для письма. В *первой части* размеры страниц — 16,3×20,0 см (S = 326 см^2), их верхнее поле — 1,8 см, нижнее — 1,9 см (если написаны все строки), внутреннее (у линии скрепления страниц) — 1,5 см, наружное — 5,3 см, поле для письма — 9,5×16,3 см (S = 154,85 см^2), т. е. занимает почти половину площади всей страницы (47,5 %). Во *второй части* страницы крупнее: 17,6×21,7 см (S = 381,92 см^2), верхнее поле — 2,0 см, нижнее — 2,5 см, внутреннее — 2,0 см, наружное — 5,6 см, поле для письма — 10,0×17,2 см (S = 172 см^2 или 45,03 % от площади всей страницы).

[88] Сведения о штемпелях см.: *Цыпкин Д. О.* Штемпельная маркировка образцов и краткие сведения о производителях бумаги. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/shtempelnaya-markirovka-obraztsov-i-kratkie-svedeniya-o-proizvoditelyah-bumagi (дата обращения: 04.04.2020); Краеведение Татарстана. URL: http://kraeved-16.livejournal.com/5838.html (дата обращения: 04.04.2020).

Таким образом, если считать только заполненные страницы и не учитывать вставки на полях, текст в *первой части* (372 стр. × 154,85 см^2 = 57 604,2 см^2) занимает площадь 5,76 м^2, во *второй части* (523 стр. × 172 см^2 = 89 956 см^2) — 9 м^2, а в сумме площадь основного текста двух частей рукописи составляет 14,76 м^2. Со вставками-маргиналиями на полях она значительно больше. Чтобы представить, сколь колоссален объем этого рукописного труда О. М. Ковалевского, скажем, что площадь его текста без вставок на полях (14,76 м^2) превышает половину (51,83 %) площади романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (28,46 м^2) [89].

Вставки-маргиналии на полях или отдельных листках. Широкие наружные поля (левое — на левой странице и правое — на правой) в большинстве случаев оставлены пустыми, но в 135 случаях (35 страниц в *первой части* и 99 — во *второй*) использованы для позднейших авторских вставок — дополнений к основному тексту. Вставки изредка (в 5 случаях) помещались автором и на отдельных вложенных листках, чаще узких. В *первой части* рукописи таких листков 4 (Л. 11а, 27а, 27б – 27б об., 135а), во *второй части* — один (Л. 211а). Вставки на полях занимают от одной строки до полностью заполненного широкого бокового поля, иногда текст вставки не умещается на боковом поле и выходит на верхнее и/или нижнее поле страницы.

Число строк на странице. Каждая страница рукописи вмещает 26–28 строк основного текста (будем условно считать 27 строк) и (без вставок на полях) содержит в среднем 1200 (в *первой части*) и 1700 (во *второй части*) знаков с пробелами. Таким образом, в *первой части* (372 стр. × 1200 зн. с пробелами) примерно 446 400 знаков с пробелами, во второй части (523 стр. × 1700 зн. с пробелами) таких знаков примерно 889 100. Вся рукопись содержит 1 335 500 знаков с пробелами, т. е. порядка 33,4 авторского листа только основного текста, а со вставками на полях и на отдельных листках — значительно больше.

В настоящее время авторами ведется работа по подготовке к изданию «Истории монголов». Ниже приводятся фрагменты из этого неизданного труда О. М. Ковалевского, хранящегося в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН.

АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1а, 1б.
Ковалевский О. М. История монголов.
Д. 1а. [Ч. 1]: Введение в историю монголов. Л. 1–188

Л. 1

[§] 1. Каждый народ имеет свое прошлое, свою историю. Не одни греки и римляне, индийцы и китайцы внесены в скрижали бытописания; монголы и тунгусы занимают в них приличное место, сообразно с путем, который они совершили на предначертанном им поприще. Известно, что не все человеческие общества успели ознаменовать свою жизнь высоким развитием понятий о религии, философии, политике и искусствах; не все успели пройти разные

[89] Для сопоставимости подсчет велся по четырехтомному изданию 1903 г., с «ерами» (твердый знак в конце слова, оканчивающегося на согласную букву). См.: *Толстой Л. Н.* Война и мир // Сочинения графа Л. Н. Толстого. Ч. [Т.] 5–8. 11-е изд. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1903.

пути гражданственности; некоторые до сего времени остаются звероловами или пастухами. К последнему разряду принадлежат монголы, которые после многих переворотов судьбы при значительной образованности соседей и теперь питаются избытками от стад своих и служат важным оплотом для китайской империи, а по особенному стечению обстоятельств эти вооруженные пастухи вместе

Л. 1 об.

с иноземной религией получили богатую литературу, которая далеко превышает настоящую их потребность.

2. Непрерывная борьба с природой и соседями доставила монгольскому племени особенный, почти неизгладимый тип материальности, которая, прививаясь к другим элементам жизни инородных оседлых врагов, принесла им чистую пользу взамен неисчислимых бедствий, причиненных от меча и варварства чад степных. Между тем монголы в своих родных пустынях, почти не смешиваясь с посторонними группами рода человеческого, с течением времени слились в одну массу, простую, неподвижную, прозябающую от недостатка питательного соку, пережившую свое величие как развалины вокруг своего памятника. Но это громадное среднеазиатское племя ожидает еще животворной силы, которая воскресит его и поведет неведомым для нас путем! Впрочем, перед нами раскрывается одно прошедшее, и мы обязаны рассмотреть минувшие судьбы монгольского народа, который в свое время играл важную роль в исторической драме.

Л. 2

3. Историю монголов разделить можно на три периода. В первом из них, за два столетия (220) до нашей эры по XIII век (1206) по Р. Х., часть Средней Азии, почти погруженная в дикость, волнуемая от внутреннего неустройства, как горнило огнедышащей горы, растопляла массы отдельных родов и ватагами хищных орд забрасывала в особенности Северный Китай. Извилистая и медленная политика владыки Подсолнечной империи истощала все свои силы на укрощение бездомного и быстрого, как молния, с места на место перелетавшего врага. Система мира и родства, придуманная китайцами, не в состоянии была остепенить номадов: семена цивилизации, занесенные из Китая и Индии, не могли окрепнуть в сыпучих песках Средней Азии, где в нищете рос и мужался гигант, будущий завоеватель Азии и части Европы.

Во втором периоде является предприимчивый герой под именем Чингис-хан, который, сплотив всю массу монгольских родов, опустошил Северный Китай, покорил Среднюю Азию, на развалинах богатых и людных царств положил основание обширной монархии, обхватившей и Восточную Европу. Эта монархия распалась

Л. 2 об.

потом на четыре части, из коих одна (Китай, Тибет и Монголия до Алтайских гор), сделавшись достоянием непосредственных преемников Чингис-хана, имевших пребывание в Пекине, раздавала престолы в остальных трех ханствах, а именно: чагатаидам в странах от Алтая до Джейхуна, джучидам на севере Каспийского и Черного морей, тулуидам в Персии. Но, несмотря на все усилия императоров упрочить политическое и религиозное единство в этом гигантском государстве, случайно образованном из многих царств, из разно-

родных стихий, с пресечением завоеваний чрезвычайно быстро созрели семена разрушения. Обладание отдельными престолами сопряжено было с неумолкаемой борьбой соискателей их, Чингисхановых потомков, особенно между чагатаидами и джучидами, между тем как подданные их постепенно теряли воинственный дух, религию и весь свой родовой характер. Владычество чагатаидов прекратилось в половине XIV в., джучиды перестали царствовать в конце XV столетия; около 1336 года судороги безначалия обрушили могущество монголов

Л. 3

в Персии, а в 1368 г. династия монгольская Юань принуждена была бежать из Пекина в прежние свои среднеазийские пустыни и там ожидать новых ударов, новых бедствий со стороны своих беспокойных родовичей. Изнеженные и развращенные в богатом Китае монголы возвратились в обнаженные степи нищими, порочными, лишенными правильной гражданственности. Оставленные пронырливыми своими руководителями — ламами, они забыли даже буддизм, сильно обуздывавший кипучие страсти номадов. Итак, в 162 года (1206–1368) отжила свой век монгольская монархия, не умевшая отыскать точку опоры для своего могущества.

В третьем периоде (1368–1691) раздробленная Монголия в родных своих кочевьях увидела новое брожение орд, из которого проистекли разные союзы, боровшиеся то между собой, то с Китаем, пока хитрая политика маньчжуров во время войны с Китаем не вовлекла в свои сети монголов и потом не поработила их совершенно. С сего времени открылось новое поприще для деятельности императоров (богдыханов) из династии Цин в устройстве

Л. 3 об.

новых их подданных, монголов, которые под иноземным игом все приняли буддизм с его литературой, стали жить мирно и сделались немаловажным оплотом для китайской империи.

В таком размере желаем пересказать минувшую жизнь монголов, не скрывая, однако, трудности нашего предприятия от неполноты сведений, нужных и необходимых для историка.

4. Откуда же станем почерпать сведения об истекшей жизни монголов? Откуда наберем фактов в основание историческому рассказу? — От разоренных соседей и народов, завоеванных монголами. От них-то мы [и] получили обильные материалы для составления понятия о страшных происшествиях, которыми ознаменовался кровавый путь, проложенный монголами через иноплеменные государства. Нет сомнения, что сего рода сведения могли быть иногда преувеличены хвастливыми писателями или изуродованы народной ненавистью. Поэтому для исторической критики открывается здесь обширное поле, едва приготовленное к возделыванию.

Л. 4

Источники и пособия для изучения истории монголов разделить можно по народам, доставившим нам весьма разнообразные подробности о судьбе сего племени. Начнем с азиатцев, и прежде всего с китайцев.

При частых внутренних переворотах в империи китайцы не переменяли своего образа писать историю: они излагают прошедшее сухо, без прикрас и философского взгляда; смотрят на человека как на существо постороннее, по-

добно натуралистам, не проникая во внутреннюю жизнь его; хвалят или осуждают исполнение или пренебрежение моральными обязанностями, рассказывают события в хронологическом порядке без прагматической связи, иногда пристрастно, неверно, всегда хладнокровно. Скрижали китайского бытописания покрываются как бы сеткой, которой однообразные и правильные ячейки наполнены условленными выражениями для описания известного происшествия, отрезанного от прошедшего и не связанного со следующим. Это просто дневные заметки под сильным влиянием местного взгляда на человека и природу. И несмотря на эти общие недостатки, китайские летописи любопытны в высокой степени, потому что носят на себе характер современности событиям

Л. 4 об.

и заключают драгоценные и единственные сведения о смежных народах.

Для истории монголов преимущественно полезны: а) китайская всеобщая история, известная под заглавием «Тун-дзянь-ган-му» [90], или, сокращенно, «Ган-му». Здесь описаны деяния китайских императоров, начиная с первого Фуси до изгнания монгольской царственной династии Юань из Китая в 1368 г. Этот пространный сборник летописей разделен на три части, из коих каждая принадлежит особому автору. Первый из них, Сы-ма-гуан, изложил историю с 425 г. до Р. Х. по 960 г. нашей хронологии и окончил свой труд около 1084 г. Но [так] как древнейшие времена Китая были им пропущены, то Дзинь-лу-сян, живший с конца XIII в., решил пополнить летопись, составив «Цянь-бянь», т. е. древнюю хронику, вошедшую в первую часть сборника. Вторая часть называется «Джен-бянь», или собственная хроника, которая принадлежит Сы-ма-гуану; третья, «Сю-бянь», дополнительная, заключает историю дома Сунн и Юань по 1368 г. Сначала это сочинение носило название «Тун-дзянь» (общее зеркало, т. е. история); но знаменитый Чу-си, издатель его, прибавил перечень главных фактов, а к заглавию присовокупил

Л. 5

слова ган-му, из коих первое, ган, означ[ает] (собств[енно] канат у невода) главный текст, а последнее, му (собств[енно] петли в неводе, привязываемые к канату), цитаты и исторические примечания.

«Тун-дзянь ган-му», в маньджурском переводе, с предисловием китайского императора, напечатанная в Пекине, в 30-е лето царствования Кан-си (1692), приобрела некоторые любопытные прибавления и важные географические замечания о среднеазийских странах. С сего перевода о[тец] Малья (Moyriac de Maillac [91], 1669–1748), иезуит, перевел упомянутую историю на французский язык под заглавием: «Histoire générale de la Chine, ou annalès de cet empire, haduites du Fong-kien-kang-mou par le P. Joseph-Anne-Marie de Moy-

[90] Т у н - д з я н ь - г а н - м у (полное название: «Юйпи цзы чжу тун цзянь ган-му») — труд по истории Китая, составленный в конце XII в. под руководством Чжу Си. Написан на основе «Цзы чжи тун цзянь» Сыма Гуана. Состоит из 59 глав, охватывает исторические события с 403 г. до н. э. до 960 г. н. э. В 1476 г. дополнен 27 главами, посвященными истории династий Сун и Юань. Полное сочинение в 104 главах издано в начале XVIII в. Известен перевод французского миссионера и синолога Мойрияка де Майя в 1778–1785 гг. Частично переведен на русский язык и издан в 1829 г. Н. Я. Бичуриным (о. Иакинф).

[91] Буква «с» в конце фамилии (вероятно, по аналогии с именем) поставлена автором ошибочно.

riac de Mailla, missionaire à Pékin». Нам известно издание его Грозье (l'abbé Grosier) в Париже, 1777– 1785, 4° [92], 13 томов. Но, по мнению знатоков китайского языка, это не перевод, а извлечение, со многими изменениями и дополнениями из восточных писателей и сведений, присланных католическими миссионерами из Китая во Францию. Издатель, аббат Грозье, позволял себе часто сглаживать даже слог переводчика, которого подлинник хранится в королевско-парижской библиотеке, а четыре фолианта, писанные рукой о. Малья,

Л. 5 об.

вывезены мною из Пекина и теперь у меня находятся. Отрывки из «Тун-дзянь ган-му» переведены по-русски о. Иакинфом и помещены в изданной им «Истории первых четырех ханств из дома Чингисова» (СПб., 1829, 8° [93]). Без сомнения, для европейца гораздо приятнее читать выглаженный французский перевод, чем сухой перечень фактов в подлиннике; но слова китайских летописцев, без иноземных прикрас, имеют более весу в глазах историка-критика, который для своих изысканий обязан почерпать материалы неподдельные.

<…> Sse-ma-tsirn почитается великим историком, китайским Геродотом, который родился около 145 г. до Р. Х., от

Л. 6

известного историографа Сы-ма-тань (Sse-ma-Han). Он составил исторические записки, Сы-дзи (Ssé-ki), в 130 книгах, из коих 12 заключают в себе императорскую хронику, 10 — хронологические таблицы, 8 посвящены истории наук и литературы, 30 — истории важнейших фамилий и 70 наполнены рассуждениями о разных географических и исторических предметах. По смерти автора эти записки изданы были в свет в правление Сюань-ди (73–49 гг. до Р. Х.) и заняли почетное место между классическими сочинениями. Подробности о них собраны у Abel Rémusat [94]

Л. 6 об.

b) «Су-хун-дзянь-лу, Юань сы-луй-бянь», история династии Юань (т. е. монгольской, владычествовавшей в Китае), служащая дополнением истории «Хун-дзянь-лу», в 42 книгах. Автор ее, Джао-юань-бин, с большим тщанием описывает деяния императоров, жизнь знаменитых сановников, ученых и т. д. в хронологическом порядке. Это сочинение окончено в 1693, представлено императору в 1699 и издано в свет на 45-м году правления Кан-си (1706).

c) Есть еще частная история трех царственных домов: Ляо́ [95], Гинь (Дзянь) и Юань. Из истории дома Юань о. Иакинф перевел биографии четырех государей, присовокупив к ним объяснение происшествий из Ган-му.

---

[92] *4°* — краткое обозначение ин-кварто (*лат*. in quarto: в четвертую долю листа) — размер страницы в 1/4 типографского листа, а также печатные издания такого формата, когда на одном типографском листе помещаются 4 страницы книги (при двусторонней печати — 8 страниц).

[93] *8°* — краткое обозначение ин-октаво (*лат*. in octavo: в восьмую долю листа, в «восьмушку») — размер страницы в 1/8 типографского листа, а также печатные издания такого формата, когда на одном типографском листе помещается 8 страниц книги (при двусторонней печати — 16 страниц).

[94] Abel Rémusat — Жан-Пьер Абель-Ремюза (*фр.* Jean-Pierre Abel-Rémusat; 1788–1832).

[95] Ударение поставлено автором.

Маньджурский перевод под заглавием «Дай Юань Гуруни судури битхэ», в 15 тетрадях, издан в Пекине в 1646 г. Монгольский перевод, в рукописи, находится в моей библиотеке. Имена сочинителей: Хифэ, Чампа, Чабухай и Ванвынь-куй. Но [так] как в китайском подлиннике собственные имена обезображены знаками, имеющими смысл какой-то язвительной насмешки, которая проистекает из гордости и презрения китайцев к иностранцам, то при нынешней (маньджурской) династии Цин составлен в правление Цянь лун и в правление Дао-гуан

Л. 7

(1824) в Пекине издан особый исторический словарь (16 тетрадей в 4 томах) под названием «Гинь, Ляо́, Юань сань-ши юй-дзе» (изъяснение слов в трех историях домов Гинь, Ляо, Юань). В нем все иноземные собственные имена исправлены и снова переложены на китайский язык иероглифами, ближайшими к подлинному их произношению.

d) «Сун-Юань-тун-дзянь дзи-ши бэ нь лю», история династии Сун (960–1280 по Р. Х.) в связи с историей тунгусов, тангутов и монголов. 24 книги в 4 томах.

e) «Ляо-ши», история монгольского дома Ляо, царствовавшего в Северном Китае с 916 по 1115 г. по Р. Х. Вновь издана в правление Дао-гуан, с поправками особого комитета. Пекин, 1824, 28 книг в 4 томах.

f) «Дзинь-ши», история тунгусского дома Гинь (Дзинь), государствовавшего в Северном Китае с 1115 до 1234 г. Новое издание, в Пекине, 1824, 52 книги в 8 томах.

g) «Юань-ши», история монгольского дома Юань (1206–1368); в Пекине изд[ана в] 1824, 84 тетради в 14 томах.

h) Для поверки названий мест, гор, рек, озер и важнейших лиц в странах, смежных с небесными горами (Тянь-шань), в

Л. 7 об.

Монголии, Кукэноре и Тибете (Си-фань) служит географическо-исторический словарь, составленный Да-сио-ши-фу-хэн, под заглавием: «Цинь-дин-си-юй тун-вын-джи», на шести языках (маньдж[урском], китайск[ом], монгольск[ом], тибетск[ом], калмыцк[ом] и турецком), и изданный, по высочайшему повелению, в 28-е лето правления Цянь-лун (1764), в 8 тетрадях (24 главы).

См[отри] статью об. Иакинфе в 9-й кн[иге] Московского телеграфа за 1831 год.

Мусульманские летописи своей формой разительно противоположны китайским, как блестки витийства [—] сухому рассказу. Они мало-помалу поступают уже во владение европейской любознательности и, при свете строгой критики, увеличивают массу нашего знания. Мы, следуя за д'Оссоном [96], укажем здесь на важнейших только авторов.

---

[96] Абрахам Константин Оссон (д'Оссон, d'Ohsson; 1779 — после 1851) — шведский дипломат, историк и востоковед армянского происхождения. Увлекался также биологией и химией. Посланник Швеции в Гааге и Берлине. Член Академии наук Швеции (1817). Опубликовал 4-томную «Историю монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана» (2 изд., 1834–1835) — одну из наиболее значительных работ своего времени по истории Монголии. Издавалась на русском (т. 1, Иркутск, 1937), японском и китайском языках.

a) Ali ibn-ul-Ethir (р. 1160 в Джезире, на берегах Тигра, ск[ончался] в Массуле 1223), который в 12-м томе своей всеобщей истории («Ка́миль эт-тарих», рукоп[ись]), на арабск[ом] языке, под 1220 и сл[едующими] год[ами] упоминает об опустошениях, сделанных монголами в Персии и других странах.

b) Мухаммед, Ахмедов сын, из Нессы, написал в 1241 г. биографию султана Джелал-уд-дина, владевшего Трансоксианой и Персией во время Чингисханова похода.

Л. 8

c) Алай-эд-дин атта мелик (сконч[ался] 1282) в своей истории (рукоп[ись] персидск[ая]) покорителя вселенной (Тарих джиган кутай) описал последнее десятилетие Чингис-хана, царствование Угэтэя и Гуюка, поход Хулагу в Персию и пр, но слишком льстиво, в пользу монголов, нашествие которых считал он необходимым, выгодным даже для мусульманских владений.

d) Абдуллаг, Фазль-уллагов сын, написал на персидском языке китаб тэджиет ул-эмсар вэ тэджиет ул-а'ссар, т. е. разделение стран и происхождение языков. В этом сочинении помещена им и история монголов с 1257 по 1327 год, а именно главнейшие деяния персиян под монгольским игом, некоторые сведения о монгольских императорах в Китае и Чингисидах в Тюркестане и Трансоксиане, с присовокуплением истории Чингиса и его преемников, почерпнутой из Тарих джиган кутай. Повествование автора начинается с похода Хулагу на Багдад. Слог слишком обременен риторическими фигурами и изысканными выражениями, так что иногда трудно в них открыть настоящий смысл. Впрочем, пять частей сего сочинения вмещают в себя весьма драгоценные материалы для истории монголов, владевших Персией.

e) Фазл уллаг Решид[97], Абдулханов сын, родился,

Л. 8 об.

по сведениям Катрмера [98], 1247 (645 гиджуры) г. в Гамадане (древн[ем] Экбатане), следовательно, через 20 лет по смерти Чингис-хана (*вставка*: когда еще живы были дети сподвижников великого завоевателя и изустно передавали своим современникам рассказы об его деяниях). Будучи искусным врачом, Решид получил право на вход ко двору персидских султанов, сперва при Абака-хане и его преемниках, и, наконец, при Газане, который возвел его в достоинство визиря (1297/98). Теми же милостями он пользовался при Газановом брате и наследнике престола Улдзэйту-хане (Ходабэндэ) и чрез то нажил себе вражду. В царствование Абу-саида, по происках своего товарища Алишаха, Решид лишился визирского звания и был казнен вместе с 16-летним сыном

[97] Р е ш и д — Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани (Рашид ад-Доулэ; Рашид ат-Табиб — «врач Рашид»; ок. 1247–1318) — персидский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист. Составил исторический труд на персидском языке «Джами ат-таварих» («Сборник летописей», 1300–1311) по истории Монгольской империи и Ирана Хулагуидов (монгольская династия). Большую источниковедческую ценность представляет также переписка Рашид ад-Дина. Казнен по ложному обвинению.

[98] Э т ь е н н - М а р к К а т р м е р (*фр.* Etienne Marc Quatremère; 1782–1857) — французский востоковед, знаток восточных и западных языков. Опубликовал историю монголов Рашида ад-Дина в «Collection orientale» (1837).

(1320), на 73[-м] году возраста, близ Тебриза. Многотрудные и разнообразные занятия не воспрепятствовали ему изучить богословие, метафизику, сельское хозяйство, географию и историю. При знании языков персидского, арабского, монгольского, турецкого, еврейского, китайского даже, Решид досужное время посвящал чтению сочинений, посредством которых расширялся круг его знаний. (*Вставка:* Кроме того, как министр и историограф династии Хулагуидов, Решид-эддин имел влияние на государственные дела и знакомство с учеными разнородными и монгольской аристократией. От его такта и степени образованности зависело средство узнать истину и из подлинных письменных памятников и достоверных преданий извлекать все необходимое для своего творения). А [так] как в архиве персидских ханов хранились многие летописи и исторические отрывки на монгольском языке, то султан Махмуд Газан велел своему ученому визирю привести их в порядок и дополнить с помощью китайцев (Litatohi, Maksoun), индийцев, уйгуров, капчаков и др[угих], живших

Л. 9

при дворе. Но это предположение совершилось не прежде царствования Улдзейту-хана, который из любви к науке принял на себя труд прочитать и переправить Решидово сочинение и потом повелел продолжать столь удачно начатую историю. Таким образом произошло сочинение, известное под названием «Джамиут-теварих» («Собрание летописей»), в котором Решид довел повествование до смерти Газана. Кто-то другой, по приказанию Шахруха, Тамерланова сына и преемника, решился продлить летопись до конца владычества Абу-саида (1335), последнего из Чингисова дома, царствовавшего в Персии. Первый том этого творения посвящен истории монголов: здесь исчислены кочевые племена Чингисовых времен, описано немало их и их местопребывание, собраны предания о происхождении монголов, рассказана история Чингис-хана и его наследников, в Китае до Тимура, в Персии до Улдзейту-ханов, следовательно, по XIV столетие. Разнообразное богатство материалов, множество собранных подробностей, равно как беспристрастие самого сочинителя доставили Решидовой

Л. 9 об.

летописи почетное место в числе важнейших творений для истории монголов.

Недавно издана великолепно часть этой летописи… в Уч[еных] зап[исках] Казанск[ого] унив[ерситета,] 1841, 1, 35–92. Введение: О турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского, с введением и приложениями И. Березина в XIV-м томе Записок Имп[ераторского] археолог[ического] общества, СПб., 1858 [99].

f) Моа'иен-уд-дин, придворный сановник султана Гуссейн багадур-хана, Тамерланова внука, около половины XV ст[олетия], составил на персидск[ом] языке книгу: «Райские сады, китаб раузаб ул-дженнат фи эусаф мэдинэт ул-Герат», т. е. описание провинции Герат со времени покорения ее арабами, заключающее в себе подробности об опустошении Хорасана Чингисхановыми полчищами и о судьбе этой провинции под монгольским владычеством.

g) Григорий Абуль-фарадж, называемый также Бар-Гебреем (Bar Hebraeus), знаменитый

[99] Последние два предложения (от «Введение» до «1858»), написанные мелким почерком более темными чернилами, приписаны позднее — не ранее 1858 г.

Л. 10

врач и историк арабский, христианин секты якобитов, родился в Малатии, или Мелитине, в Малой Азии (1226). На 20-м году возраста он посвящен был в епископы Губы (Gobos), а сорока лет сделался матраном, или митрополитом, восточных якобитов и в этом звании умер в Мераге (1286), что в Адербаеджане (так в тексте). Абуль-фарадж написал по-сирийски всеобщую историю от сотворения мира и сам перевел ее на арабский язык. В ней говорится и о владычестве монголов в Персии. Но это не что иное, как краткое извлечение из сочинения Джувейни. События, ближайшие к эпохе автора, описаны гораздо пространнее. В особенности любопытны для нас сведения о восточных христианах. Какой-то аноним продолжал Абуль-фараджеву летопись с 1286 по 1297 год с подробным описанием царствования Гайхату-хана и Бойду-хана.

В 1650 г. Покок издал извлечение из этой летописи, а в 1665 г. напечатал полный латинский перевод всего сочинения в 2 частях в 4-ю д[олю] л[иста]. <…>

Л. 10 об.

h) Можно упомянуть Мухаммед ибн эмир хавенд шаха (около 1471), называемого Мирхондом, который в пятом томе «Раусат-уссаф» («Сад удовольствия») поместил историю монголов, почерпнутую из сочинений, выше нами указанных; также сына его

i) Хондемира (около 1508), автора летописи на персидском языке «Хуляcет-уль-ахбар», которой пользовался ученый Эрбело во всех статьях своей восточной библиотеки (bibliothèque orientale), касающихся до монголов. Девятое отделение этой летописи переведено по-русски Вас[илием] Григорьевым под заглавием: «История монголов от древнейших времен до Тамерлана» (СПб., 1834, 8°).

k) Остается нам еще сказать несколько слов об Абульгази-Мухаммед-багадур-хане, одном из ханов хорезмских (хивинских) из рода Шейбанидов, поколения Узбеков (род[ился] 1605, ум[ер] 1664). Во время пребывания своего в Персии он собрал много редких рукописей и, будучи уже ханом Хорезма, с их помощью сочинил «Китаби-шаджере-и-турки» («Книгу древа турецкого») на джагатайском наречии. Творение персидского историка Фазлулага-Рашида было обильным у него источником

Л. 11

сведений о монголах. После родословной Чингис-хана описаны там подробно походы сего известного разрушителя царств. Потом автор рассказывает о разделе Монгольской империи на улусы Джучиев (Золотой орды), Чагатаев (Бухария, Хива и пр.), Чгэтэев и Тулиев (Монголия, Китай и пр.), но преимущественно занимается турецкой отраслью монгольского народа, к которой принадлежали наши татары, нынешние узбеки, тюркмены, киргизы, каракалпаки и др[угие].

Абульгазиево творение в первый раз было открыто в Тобольске пленным шведом (Штроленбергом) и словесно переведено по-русски одним бухарским ахуном. С русского рукописного перевода Шенетрем швед сделал немецкий перевод, с которого список перешел в Брюсову библиотеку, а потом в Азиатский музеум Академии наук. С немецкой рукописи Абульгази переведен был по-французски Варенном (Varenne de Mondasse) под заглавием: Histoire généalogique des Tartares, traduite des manuscript Tartare d'Abulgasi-Baγadur-Chan, et

enriche d'un grand nombre de remarques authentiques et curieuses sur l'estat présent de l'Asie septentrionnale, avec des cartes necessaires. Par D***. Bruxelles, 1726. Примечания к этому переводу прибавлены Бентинком. Наконец, с франц[узского] перевел по-русски Тредиаковский «Родословную

Л. 11 об.

историю о татарах» (СПб., 1770, 2 части), а кто-то другой [—] по-английски, (1780). Между тем Мессершмидова копия с немец[кого] перевода вместе с подлинником Абульгазия перешла в библиотеку Геттингенского университета и профессором Гаттерером была помещена в его «Historisches Journal», и впоследствии явилась еще одна книжка: «Abulgazi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalischen Chanen, aus einer türkischen Handschrift übersetzt von D[r]. Messerschmid» (1780). Наконец, знаменитый русский меценат канцлер граф Румянцев напечатал чагатайский подлинник в Казани с латинским предисловием академика Френа под заглавием «Abulgasi Bahadur Chani Historia Mongolorum et Tartarorum, nunc primum tartarice edita auctoritate et munificencia de Romanzoff» etc. (Casani, 1825, in folio). Но до сего времени мы не имеем еще ни верного перевода этого важного сочинения, ни критического его издания. Ожидаемые переводы Ярцова и Демезона будут ли когда-либо напечатаны? Совершится ли мысль о. Иакинфа об издании Абульгазия с примечаниями и разысканиями с помощью других азиатских источников? — не знаем. См[отри] упомянутое предисловие Френа и Энцикл[опедический] лекс[икон], 1, 49–50.

Вообще о пособиях для изучения истории монголов из мусульманских сочинений см[отри] две прекрасные статьи Катрмера в 1-м и 5-м томах Mines de l'Orient и введение барона [нрзб].

Л. 12

Теперь перейдем к монголам. Не достигнув еще сознания собственной самобытности, они не могли приступить к составлению истории своего народа. Но нельзя утверждать, что монголы не имели и не имеют никаких исторических записок, потому что: 1. Самолюбие, гордость и азиатское обыкновение заставляли важнейшие семейства вести свою родословную с величайшим тщанием и вкратце отмечать современные события. Решид-уд-дин не без причины в генеалогии Чингисова дома сказал, что монголы имеют обыкновение сохранять генеалогию своих праотцев и каждому из новорожденных передавать ее: потому у них нет никого, несведущего в своей родословной [100]. 2. По уверению мусульманских писателей, в разных архивах хранились летописи на монгольском языке, напр[имер] в Персии [101]. 3. Известно, что и ныне в некоторых аймаках (напр[имер] у ордосцев) [102] и в частных домах находятся летописи и записки, о которых достоинстве может судить тот только, кому судьба дозволит рассмотреть оные [103].

---

[100] См[отри] журн[ал] Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения], 1843, часть 38, ст[раница] 29. (*Примеч. авт. на л. 12*).

[101] Вот сведения из Решид-уд-дина, т. 1, с. 74, изд[ание] Катрмера. (*Примеч. авт. на л. 12 об.*).

[102] См[отри] мою монг[ольскую] хрест[оматию,] 1, 502. (*Примеч. авт. на л. 12 об.*).

[103] В пекинском дворце хранится монгольская летопись, на монгольском языке, в 32 тетрадях. См[отри] мою хрест[оматию,] 2, 331, пр. (*Примеч. авт. на л. 12 об.*).

Л. 11а [104]

Шейбаниада, История монголо-тюрков, изд[ал] Березин, Казань, 1849. Рецензия Сенковским [105] напис[ана] в Библ[иотеке] для чтен[ия,] 1851. Это родословная потомков Шейбани-хана, внука Чингис-хана и меньшего брата Батыева, написанная дурным языком.

Л. 12 об.

Европа знает одну только монгольскую летопись, на монгольском языке, составленную Сананг-Сэцэном [106], вскоре после завоевания Китая маньджурами, следовательно, около половины XVII столетия (1662). Неизвестны нам обстоятельства автора жизни ее [жизни ее автора], но известны заглавия семи сутр, которыми он пользовался при сочинении довольно обширной хроники, обогащенной преданиями и современными событиями. Вот названия этих книг: 1) «Хадун ундусуну эрдени-йн тобчия» («Краткая история ханских династий»); 2) «Утхату чихула кэрэглэкчи» («Изъяснение истинного смысла»); 3) «Гайкамшига удзэгдэкуй

Л. 13

цэцэгун цоморлик» («Прекраснейшая цветочная чашечка»); 4) «Чинар шилтаган октоксан ухачулукчи улаган дэбтэр» («Красная книга, излагающая причины и последствия»); 5) «Сарва хутукту йн дзокьяксан эрдэмтэну сэткили кгэйкгулкуй цэцэглик» (на китайск[ом] яз[ыке]) («Цветник, составленный сарва хутуктой, для просвещения добродетельного сердца»); 6) «Эрким дэкгэду чакраварун хагану байгулуксан номун цаган тэкгукэ» («Белая история закона, установленного знаменитым вселенским царем») и 7) «Эртэну монголун хадун ундусуну йэкэ шара тогоджи» («Пространная желтая история древних монгольских ханов»). Первые две книги у нас находятся.

В книге Сананг Сэцэна не ищите прагматической истории, не ищите хода политики описываемых им народов: это не составляло цели монгольского историка, ордосского хунтайджия, и превосходило его силы. Как усердный поклонник Будды Сананг Сэцэн обращал особенное внимание на судьбу своей религии в разных странах Азии, а именно в Индии, Тибете, Китае и Монголии, и с религиозной точки взирал на все прочие деяния сих народов. И в этом отношении он показал большую начитанность и знание своего предмета; в чем можно удостовериться из многих других сочинений об истории буддизма,

Л. 13 об.

остальные же сведения его надо дополнять сведениями, которые нам доставили китайские и мусульманские писатели. Но нельзя умолчать, что С[ананг] С[эцэн] в историческом рассказе о своем отечестве старался сохранить характер степных происшествий, что краткий перечень фактов со времени изгнания

---

[104] Лист 11а представляет собой последующую запись, сделанную рукой автора на отдельно вложенном листе бумаги меньшего размера и другого качества.

[105] Осип-Юлиан Иванович Сенковский (*польск.* Józef Julian Sękowski; наиболее известный псевдоним — Барон Брамбеус; 1800–1858) — русский и польский востоковед, писатель, редактор и полиглот. Основатель первого русского массового «толстого журнала» «Библиотека для чтения». Статский советник, заслуженный профессор (1847), член-корреспондент Петербургской академии наук (1828).

[106] Имеется в виду монгольский летописец Саган (Санан) Сэцэн (1604–?).

монголов из Китая, при скудости наших материалов для сего периода, должен почитаться весьма драгоценным.

Вот мнение издателя Решид-уд-диновой летописи о нашем историке: Quatremèmere [107] в предисл[овии] к Решид-уддину [108], т[ом] 1, ст[раница] CIV. Подлинник Сананг Сэцэновой истории случайно куплен был в Пекине студентом Духовной миссии Вас[илием] Новоселовым между 1795–1807 гг., в 4 тетрадях, и в 1816 г. привезен в С.-Петербург хоринскими

Л. 14

бурятами, вызванными в столицу для перевода Евангелия на монгольский язык. Там Я. И. Шмидт занялся переводом и изъяснением столь любопытной летописи, но до издания ее в свет решился поместить небольшую свою статью в VI т[оме] «Mines de l'Orient», а потом гораздо пространнее изложил свои мнения в известной книге… 1824, 8º, которую рассматривал знаменитый парижский ориенталист Сильвестр де Саси [109] в «Journal des savans» (1825), и, наконец, в примечаниях на Сананг Сэцэнову летопись, изданную… 1829, 4º. Появление этого, давно ожидаемого, сочинения обратило на себя взоры ориенталистов и неориенталистов, из коих каждый по-своему оценивал плод досужного степного князя. Из критиков того времени известный синолог Абель-Ремюза в «Азиатск[ом] журн[але]» (1832) представил свои замечания… восставая то на монгольского историка, то на переводчика и комментатора. Решительное мнение критика заключалось в том, что Сананг Сэцэн не есть историк,

Л. 14 об.

а комментатор легенд и родословных; что в его книге не найдешь ни правильной хронологии, ни малейшей определительности в географических показаниях, ни связи в происшествиях; что его история не что иное, как хроника сухая, наполненная сказками; что генеалогия некоторых отраслей Чингисова дома, царствовавших в Восточной Монголии, довольно полна; что у Сананг Сэцэна находим полезные сведения о начале ламайских учреждений, а в прочем [—] одни сбивчивые воспоминания, множество религиозных преданий, неправдоподобных анекдотов, занимательных только по своей нелепости, — многие черты монгольского характера, образовавшегося под трехвековым влиянием буддийского духовенства; наконец, что сия летопись, с одной стороны, не показывает ничего нового, чего бы мы не знали уже из китайских и персидских авторов, а с другой — обнаруживает целый ряд фактов, почерпнутых из недоступных нам источников, и поэтому она может занять место после Шао-юань-бин, Решид-уддина, Абульгазия и пр. Это образчик взыскательной критики европейской, которая, нередко руководствуясь духом партии, силится все человеческие произведения подвергнуть одинаковым правилам, у себя дома созданным. Мы не станем здесь

---

[107] Quatremère — Этьенн-Марк Катрмер (*фр.* Etienne Marc Quatremère; 1782–1857).

[108] Здесь это имя написано без второго дефиса.

[109] Антуан Исаак, барон Сильвестр де Саси́ (*фр.* Antoine Isaac, Baron Silvestre de Sacy [sasi]; 1758–1838) — французский лингвист, ориенталист и полиглот. Ректор Парижского университета с 1815 г. Пэр Франции с 1832 г.

Л. 15

касаться исторического искусства Сананг Сэцэнова, для которого азиатцы имеют свои собственные законы, а будем прибегать к этой летописи за сведениями, которые исключительно в ней сохранились или которые ведут нас прямее к истине.

При изучении последних времен Монголии весьма важным пособием служит сочинение: «Дзарлик йер токтагаксан гадагаду Монгол, хотон аймагун ван гунг-удун илеткэл шастир», т. е. «Родословная ванов и гунов (разностепенных князей монгольских и турецких внешних поколений с их историей)», изданная по высочайшему повелению, начатая в 44 году правления Цянь-лун (1778) и доведенная до 60 года того же правления (1794), в шести томах (120 тетрадей). В начальных 16 тетрадях представлен список поколений с названиями начальников их в генеалогическом порядке, с означением времени присоединения их к маньджурам и с показанием происхождения от самого Чингис-хана или его братьев. Эта часть сочинения имеет заглавие Илеткэл. Вторая же, под названием Шастир (Шастра), в 104 тетрадях, заключает в себе историческое обозрение каждого поколения, княжеских домов, главных сановников, равно как и географическое положение аймаков (уделов).

Л. 15 об.

Из предисловия видно, что китайский император в воздаяние заслуг, оказанных монголами дому Цинн, повелел Пекинской палате внешних сношений собрать исторические записки о монгольских поколениях и родословные владетельных князей и с их помощью составить это сочинение. Но, к сожалению, редакторы столь обширного описания силились более хвалить династию, царствующую ныне в Китае, чем начертать заслуги и подвиги монголов в ее пользу. Относительно слога можем сказать, что Сананг Сэцэн писал языком местным, который носит на себе глубокий отпечаток языка св[ятых] книг буддийских, а составители родословной употребили язык, искаженный уже под влиянием китайского и маньджурского.

И с этим сочинением познакомил Европу академик Шмидт в своей статье… t. 2, 1834, p. 409–477.

(*Вставка:* Из армянских летописцев XIII века упомянем здесь Иоанна Vanacan, или Монаха, его учеников Кирияка, Cyracos de Kantrag, Malachia, называемого Abégha, и знаменитого Vardan'a de Bardzevbierd…)

Теперь следовало бы исчислить прочих азиатских и европейских авторов, которые доставили нам разного рода материалы для монгольской истории, биографии примечательных лиц или сведения о кровопролитных походах среднеазийских

Л. 16

номадов. Летописи русские, польские и венгерские, современные нашествию монголов и вскоре потом писанные, передают нам ужасные происшествия, которыми ознаменован был весь путь пришельцев. Они-то дополняют значительный промежуток времени в истории, неизвестный азиатцам. Далее, европейцы, в XIII в. посещавшие Среднюю Азию, сообщили нам многие подробности о виденных ими народах, о нравах, обычаях, религии кочевых жителей. Некоторые их записки уцелели и долго служили единственными источниками

наших географических познаний о Монголии, а прочие истребились уже или истлевают в библиотеках. Здесь укажем только на имена Иоанна де Плано Карпини [110] [—] итальянского францисканца, Асцелина (Анселма) [111] [—] монаха доминиканского ордена, Рубруквиса (Ruysbrocck) [112], Марко Поло, Клавихо (Clavijo) [113], Гайтона армянского [114] и мн[огих] др[угих], с которыми историк принужден неоднократно справляться и часто основываться на их словах.

В заключение приведем заглавия важнейших сочинений, к которым надобно обращаться для изображения судьбы монгольского народа. <…>

Л. 16 об.

Это богатое собрание материалов, почерпнутых из разнородных источников, со всеми своими недосмотрами, ошибками, ипотезами [гипотезами], которых значительная часть устранена уже разысканиями ориенталистов, служит более девяноста лет драгоценнейшим рудником сведений о среднеазийских народах и, кажется, еще долго будет пользоваться заслуженным уважением. К нему издал дополнение О. Сенковский <…>

Л. 18 об.

<…> Но после всех усилий ориенталистов привести в ясность и точность факты, касающиеся монгольских племен, остается еще множество неразрешенных вопросов, недоумение, несколько ипотез [гипотез], несовершенно доказанных, и значительные подробности еще нетронуты.

---

[110] Джованни Плано Карпини (Иоанн из Пьян дель Карпине, *итал.* Giovanni da Pian del Carpine, *лат.* Iohannes de Plano Carpini; ок. 1182–1252) — итальянский францисканец, первым из европейцев посетивший Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия. Архиепископ Бара (Черногория) (Иван II) в 1248–1252 гг. Возможно, был отравлен.

[111] Монаха доминиканского ордена Асцелина папа Иннокентий IV посылал в Монголию в 1247 г.

[112] Гильом (Виллем) де Рубрук (Guillaume de Rubrouck, Roebroeck, букв.: Гильом из Рубрука; ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253–1255 гг. по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам, которых он называет моалами. Путешествовал также по Палестине и Кавказу. Автор книги «Путешествие в восточные страны». Его вклад в средневековую географическую литературу сопоставим с вкладом Марко Поло.

[113] Рюи Гонзалес де Клавихо (*исп.* Clavijo) — испанский путешественник на Восток, направленный в 1403 г. королем Кастилии Генрихом III во главе посольства к Тамерлану. В течение трех лет своего путешествия вел подробный дневник, опубликованный под заглавием «Vida y hazanas del gran Tamorlan» (Севилья, 1582; Мадрид, 1783). Русский перевод под редакцией И. И. Срезневского напечатан под заглавием: «Р. Г. де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг.» (СПб., 1881).

[114] Гайтон армянский — Хетум I (Гетум, Гайтон, Хайтон; 1213–1270), царь Киликийской Армении в 1226–1270 гг., основатель династии Хетумидов. В 1253 г. отправился в Монголию. 13 сентября 1254 г. достиг Каракорума и вскоре был принят четвертым великим каганом Монгольской империи, внуком Чингис-хана, Мунке (Мункэ, Менгу), который дал ему «ярлык, воспрещавший притеснять Хетума и его царство, и грамоту, даровавшую повсеместную свободу церквам».

Л. 19

Взгляд на географическое положение Азии, особенно Средней, или Внутренней. — Исторический характер народов. — Исчисление династий, владевших нынешней Монголией

5. В истории монгольских племен почти весь материк Азии принимает участие, но в разной степени, смотря по силе физической или нравственной народов, населяющих его. Там на севере пролегает обширнейшая равнина, вдоль Ледовитого моря, от Уральского хребта до Восточного океана, без разнообразия, почти мертвая в своем устройстве, по суровости климата, большей частью безлюдная. На юге упирается она в Алтайский хребет, из которого вытекают четыре речные системы: Амур (3850 верст) в Восточный океан; Иртыш, из Зайсан-нора, вместе с Обью и Тоболом (3000 в[ерст]); Енисей с Ангарой и двумя Тунгусками (3750) и Лена с Витимом (3000 в[ерст]) в Северный океан. Замечательное в южной полосе углубление изобилует соляными озерами и вообще

Л. 19 об.

по этой линии почва способна к возделанию. Местами только возвышаются сопки или группы гор над равниной, которой покатость значительная к Северному океану имеет большое влияние на климат всей Верхней Азии. Недавно открытые кости огромных тропических животных в золотоносных слоях Уральского хребта доказывают, что возвышение его образовалось не в самое древнее время. Мы не знаем, откуда и когда населилась эта полумертвая земля. Может быть, и очень вероятно, часть среднеазиатских племен от внутренних раздоров или других необыкновенных происшествий, двинувшись со своих стойбищ, искала для себя пристанища на снежном севере, оспаривая друг у друга владения, особенно в южной полосе, где, как известно из истории, подслушавшей (так в тексте) предания, сталкивались кэргизы, тунгуты, буряты, торки, финны. И эта горсть жителей в дремучих лесах и на берегах рек принуждена была пропитываться звериной и рыбной ловлей. Бродячая их жизнь, весьма мрачная, почти не знает своего прошедшего, почти не имеет своих преданий. Домашние там беседы по необходимости ограничиваются рассказами и анекдотами, относящимися к дневному пропитанию. Олень, лучший товарищ человека, доставляет ему пищу и одеяние, перевозит каждого утра весь его скарб с одного урочища на

Л. 20

другое по неизмеримому пространству снегов. Там и религиозные понятия столь же ограниченны, как и круг идей самого учителя: грубое суеверие едва прикрыто формами шаманства. Среди спокойного пиршества над тушей сохатого или перед звериным промыслом вопрошают жреца о своем жребии, о новых затеях, а в вечном блаженстве едва предполагают безмятежную тишину и легко приобретаемую пищу. При таком телесном и умственном направлении бродячего племени почти незаметно различие между ним и окружающими его животными, и это зависит от самой природы, которая нигде не перестает действовать мощной своей силой, невзирая на разные попытки предприимчивого человека.

6. Западная Азия имеет свою плоскую возвышенность, иранскую, содержащую в себе Афганистан, Персию и некоторые турецкие владения. Там степи у Кавказского перешейка на севере, значительное углубление Каспийского и Аральского морей, пустыни арабские и персидские, залив Персидский, Средиземное море, Архипелаг и Черное море составляют пределы ее. Там из двух точек выходят шесть горных цепей, от которых проистекло разнообразие местности, более способной к возделанию, заманчивой для промышленного

Л. 20 об

человека. Сколько там процветало царств и городов! сколько осталось следов прохода врагов (македонян, аравитян, турок, монголов)! сколько примечательных развалин! Богатство жителей привлекало жадность соседей. Здесь и монголы долго имели свои владения, о которых в свое время расскажем. Смежные южные оконечности азиатского материка; полуострова, вдавшиеся в окружные моря, своей благотворной природой составляют противоположность северной полосе этой части света. Там и человек делал большие успехи в собственном образовании, силой мнения овладел отдаленными странами, в особенности сообщил Средней Азии религию, укротившую дикость ее и давшую новое направление просвещению ее.

7. Между тем внутренняя масса азийского материка, поднимаясь на чрезвычайную высоту над уровнем моря, образует исполинский горб, или так называемую плоскую возвышенность в самом центре материка, **(***вставка*: которая, пробегая вкось от Алтайского до Хималайского хребта, пересекает хребты Тянь-шань и Гуань-лунь (Куль-кун). (*Вставка в этой вставке*. С запада отделяют ее от Ирана Белур-таг (Биллоур-таг, от монг[ольского] болор, Хрустальные горы, иначе Булут-таг (Облачные горы) и Мус-таг (Ледяные горы); с востока Инь-шань, Сюе-шань (Снежный) и высокие снежные Кукэнорские горы)**)**. Высота ее постепенно увеличивается, по мере удаления от севера на юг. Недавно замечено, Байкальская терраса возвышается на 1600 ф[утов] над уровнем моря. Кэктинская [—] на 25–30, перешеек гор Джиргаланту, за Ургой, [—] на 5000 с лишком футов, а кряж гор, по которым вьется Великая стена, [—] на 5525, и сама пустыня представляется долиной, которой дно, обильное солью, простирается в вышину на 2600 до 3000 футов. Около ней расстилаются площади различной высоты, или уступы, [—] переходы к окружающим их равнинам. Эта плоская возвышенность, восточная, которая нас будет преимущественно занимать, обозначается на севере Алтайским хребтом и Альпами

Л. 21

Даурии; на востоке [—] горами, проходящими чрез Китай от Великой стены до Тонкинского залива; на юге [—] Хималайским хребтом. **(***Вставка:* С высот Средней Азии вытекают огромнейшие реки: Оксус и Джейхун (Амударья) к западу; Обь (Иртыш), Енисей с Ангарой и двумя Тунгусками и Лена с большой речкой Витимом к северу; Амур, Хуан-хо и Янь-дзе-дзян к востоку; Камбоджа, Брахмапутра, Ганг и Инд к югу.**)** Вся она изрезана цепями гор, разделяющими ее на многие бассейны, и заселена племенами монгольского и тибетского происхождения. На этой выпуклости, между хребтами Алтайским и Тянь-шань (Небесными горами), на большой площади расположены Джунгария с Монголией; на восточном скате ее находится Маньджурия; между хребтами Тянь-шань и Гуань-лунь, на второй площади [—] Бухария с Кашгаром,

Яркендом, Хотоном, Турфань, Хамиль (Комул), Тангут с пустыней Гоби (Шамо); наконец, на третьей площади, между хребтами Гуань-лунь и Гималайским [—] Тибет. Каждая из сих трех ступеней имеет свое озеро: Балкашноор, Лоб-ноор и Тенгри-ноор. На первой площади земля постепенно понижается к озерам Байкалу, Зайсану и Аралу, так что Байкал только [на] 1600 футов выше моря, Зайсан [— на] 1800, а Арал ниже его 156 футами. Вторая площадь поднимается до 10 т[ысяч] футов над поверхностью моря; третья (где Тибет), наконец, [—] до 14 т[ысяч] ф[утов]. Один из китайских писателей прошедшего столетия уверяет, что среднеазийская пустыня составляла некогда морское дно от Кашгара до северных пределов Тибета. «Эта печальная страна представляет обширную пустыню, изрезанную то́пями, горами, торчащими из земли скалами, реками, часто

Л. 21 об.

изменяющими свое течение, озерами и подвижными песками, которые нечувствительно поглощают окрестные плодоносные поля. На этих сухих равнинах ныне пасется дикий верблюд».

Алтайский хребет, собственно, так называемый, тянется около истоков Иртыша и Енисея; далее принимает название Танну, потом, между Хосоголом и Байкалом, [—] Саянские горы, потом [—] Даурские горы; наконец на северо-востоке соединяется с Хинганом и Алданом и оттуда поворачивает к северу вдоль Охотского моря. Он получил свое название от золота, в нем находимого. У южного отрога Алтая, около Дзайсан-ноора, там же находятся источники Оби, Енисея и Иртыша, встречаем родину тюркских и финских племен.

Тянь-шань (Небесные горы) (*вставка*: иначе Сюе-шань — Снежные горы; Бай-шань — Белые горы) начинаются на севере Бухары и мимо Коканда идут на восток. Самая возвышенная их точка, на с[еверо-]з[ападе] от Турфана (Си-джеу), известна под именем Богдо-у́ла (Священная гора). Потом, миновав Комул, этот хребет сливается с пустыней Гоби, а еще далее соединяется с цепью гор Инь-шань, которая упирается в Хинган, который через Халху стремится на север к Алтаю. На западной стороне, от Коканда на юге до Кабула, хребет Болор, связывающий Тянь-шань, Гуань-лунь и Гималай. Между рекой Или и городом Куча встречаем вулканическую гору Бай-шань (Mont-blanc). Там добывают нашатырь в изобилии, серу, находят лаву. Около Турфана ночью приметен столб дыма в виде факела.

Л. 22

От узла, соединяющего Болор с Гималаем, недалеко [от] Кабула, по северной грани Тангута тянется Цун-лин (Голубые, или Луковые, горы), который, продолжаясь на востоке мимо Хотона, сливается с Гуань-луньской цепью гор и за истоками Желтой реки (Хуан-хо) со своими снежными вершинами проникает в китайскую провинцию Шеньси.

Наконец, Гималайский хребет составляет южную границу Тангута и Тибета. Его общее направление с с[еверо-]з[апада] на ю[го-]в[осток], где он проходит китайскую провинцию Юнь-нань.

Пустыня Гоби, пролегающая между Небесными и Луковыми горами с ю[го-]з[апада] на с[еверо-]в[осток], есть не что иное, как продолжение подобных же пустынь, которые через центр Африки, Арабию, Персию, Кандагар тянутся по Средней Азии. Местами виднеются там малочисленные озера, пропитанные солью, и небольшие кустарники. Пески с ковылем и колючими

растениями, долины с дресвой [115], обнаженные гряды гранита, редкая былинка не могут своим видом усладить любознательного странника в земле, палимой солнцем или леденеющей от чрезвычайно холодных ветров. Там струистые холмы издали кажутся плавающими по горизонту песчаного океана. Отсутствие рек, бедное и малочисленное народонаселение под

Л. 22 об.

окоптевшими от аргала [116] войлочными кибитками и однообразие всей страны наводят неизъяснимую тоску на местного даже номада. Там верблюд и лошадь, корова, овца и коза, чикитай [117] и серна [—] едва ли не единственные животные, которые встречаются (*вставка*: около бедных кочевий). Но столь угрюмая и молчаливая природа Гобийская, не слыхавшая птичьего пения, убийственная для духа и тела иноземца, представляет разительную противоположность с природой полосы, которая пролегает между р[екой] Тóлой и пределами России, где земля, покрытая ковром зелени, обильная водой и лесом, приятна и удобна для земледельца, лишь бы пробудилась в нем охота к хлебопашеству и промышленности.

8. На юг от этой песчаной степи, на склоне Азии к Южному океану расстилается Китай, предназначенный природой к особенному развитию его гражданственности. (*Вставка:* В горной окраине, составляющей северную границу Срединного царства, лежит резкая черта между холодным, суровым нагорьем и теплой, роскошной низменностью. На юге от нее издревле обитали китайцы, знакомые с оседлостью, земледелием, гражданственностью и промышленностью под влиянием физического устройства занимаемой ими земли, между тем как обширные суровые нагорья заняты были дикими племенами, которые сама природа предназначила к номадной жизни или еще к дикому состоянию звероловов и рыболовов. Поэтому упомянутая граничная черта должна была сделаться театром важных событий и борьбы цивилизованного юга с диким севером. Здесь-то необузданные ватаги дикарей, от природы привычных к опасностям, охоте, грабежам и войнам, устремлялись на цивилизованные [118] и стройные, но часто расслабленные китайские владения. Не останавливал их самый хребет окраины, пробитый только немногими горными проходами в низменности Китая.) Окруженный с юга и востока бурным морем, на севере сопредельный безжизненным пустыням, с запада прилегающий к высоким цепям гор, он был всегда отторгнут от остальной части Земного шара. Две огромные судоходные реки, Хуан-хо и Дзян, из тибетских гор разрезывают Китай по отлогости к Желтому морю, а многочисленные горные хребты дробят на многочисленные мелкие части, в которых встречаем явственное влияние всех широт места,

---

[115] Дресва́ — рыхлая осадочная горная порода (гравий, мелкий щебень, крупный песок), образовавшаяся в результате естественного разрушения горных пород вследствие постоянного перепада температур и выветривания.

[116] Аргал (*монг.*) — сухой помет скота, употребляемый в качестве топлива в безлесных районах Азии.

[117] Чикитай (*забайкальск., монг., центральноазиатск.*), джигитай, джигетай, чигитай, чикичей — Equus hemionus, дикий осляк (полуосел) буланой масти, с длинными ушами, то же, что кулан — вид семейства лошадиных. Внешне напоминает осла, но имеет немало общих признаков с лошадью.

[118] Последующий текст этой вставки написан на поле л. 23.

Л. 23

произведение почти всех климатов и огромные геологические сокровища. Там житель мог пропитываться собственными трудами, не имея надобности прибегать к помощи соседей и у них выменивать что-либо нужное для собственного содержания, между тем как устроенные внутри государства [пути] сообщения способствовали успехам торговли и промышленности. Все пространство Китая можем, в физическом отношении, разделить на три части: a) нагорную, где находятся провинции Шеньси (западная граница), Шаньси (гористый запад), Сы-чуань (четырехречие) и Юнь-нань (облачный, или мрачный, юг). Здесь протекают знаменитые две реки Хуан-хо и Дзян; здесь Юньнаньские горы досягают океана в виде высокой террасы, отторгая Китай от Тонкина; в них один только проход, защищаемый стеной. Сюда китайцы, как увидим ниже, прежде всего проникли с[о] своей образованностью; b) низменную, обтекаемую упомянутыми реками, весьма плодородную, но подверженную частым наводнениям. К ней принадлежат часть провинции Джили, часть Шаньси, Шаньдун, Хонань, Дзян-нань, часть Джедзяна и Хугуана; c) южную, покрытую высокими горами и глубокими долинами, где некогда обитало независимое племя, темнее северного, и за 200 лет до Р. Х. покоренное китайским оружием.

Л. 23 об.

9. Из такого взгляда на поверхность Азии нетрудно составить себе понятие о характере народов, там обитающих. На восточной выпуклости азиатского материка находится коренное жилище монгольских племен, которые в бесплодных, однообразных степях попеременно то дробились на мелкие орды, то сливались в бурную массу народа под предводительством предприимчивого вождя, спускались на площади, окружающие исполинский горб, или перелетали на западную выпуклость и оттуда делали нападения на остальные части Азии, вторгались даже в Европу. Протоптанные ими в разных направлениях тропинки избороздили лучшую страну, которая процветала промышленностью, торговлей и просвещением и, подвергшись нашествию варваров, пала жертвой ненасытной их жадности и дикости. Степной житель, как гость на своей родине, по местным и случайным причинам непрерывно передвигался с одного места на другое и, быстро расточая легко приобретаемое имущество, часто без дальних планов, необдуманно, вдруг наводнял чужие государства и вдруг, как молния, возвращался в угрюмое свое отечество для новых затей. Это

Л. 24

свойственно было более жителям восточной выпуклости Азии, чем китайцам и индусам, которые, по другим совершенно причинам, никогда не оставляли своей родины и на родной земле получили самобытный, постоянный характер, самый прочный оплот для всех внешних покушений. Впрочем, одни и другие чрезвычайно упорно отстаивали свои нравы и обычаи, силой отражали всякое иноземное на них покушение. Монголы владели и до сего времени обладают плоской возвышенностью; последние [китайцы и индусы] заселяют обширные равнины. У первых земля, лишенная вод и леса, покрытая песками, редко способная к возделанию [возделыванию], призывает человека к скотоводству, склоняет его к гостеприимству и разбоям; у последних китайская равнина на берегу Желтого моря от Пекина до провинции Дзян-си пользуется

умеренным климатом и плодородной почвой, изрыта каналами, отлично обработана, многолюдна и очень богата; и Индостанская равнина, окруженная реками (Индом и Гангом) и тремя высокими плоскостями (тибетской, иранской и деканской), превосходит все прочие азийские равнины богатством и разнообразием природы. Мудрено ли, что голодный

Л. 24 об.

дикарь, невзирая ни на какие опасности, беспрерывно делал набеги на эти благодатные равнины для собственного пропитания? Мудрено ли, что области, цветущие земледелием, народонаселением и богатством, старались передать свою образованность номадам и убедить их в пользе оседлой жизни как для собственного счастья, так и для спокойствия соседей? Губительные толпы грабителей, подобно горному потоку ниспадающие на возделанные равнины, не могли ничего другого там произвести, кроме опустошения **(***вставка*: по двум главным путям: чрез горную страну Инь-нань по восточному изгибу Хуанхэ и чрез Лаос[с]кую альпийскую страну (витт[?] 1, 393 и д[алее]**)**, между тем как мирный житель равнин вслед за мстительным оружием приносил семена оседлости, трудолюбия и благоденствия **(***вставка*: чрез нынешнюю провинцию Гань-су или чрез прибрежье Желтого моря (Ляо-си). Эти пути вторжения варваров и отпора им, делаемого [со] стороны Китая, устроены были самой природой местности**)**. Впрочем, вся разница между ними состояла в противоположности понятия об истинном счастье. Для одних тишина, труд и закон, для других бурная свобода, праздность и беззаконие были как бы необходимыми условиями существования. Первые из них приобретают полную самостоятельность; последние, по переселении на чужбину, теряют весь свой характер и гибнут среди иноземцев.

Л. 25

10. Исторический характер Китая и Монголии преимущественно основывается на патриархализме; но Китай успел развить стройную у себя систему светской государственной жизни, а монголы под чужим влиянием с принятием буддизма стали стремиться к духовно-религиозному единству. У китайцев монарх почитается патриархом; законы опираются на правосудие, нравственность, но проистекают от воли Хуан-дия, величаемого «Сыном Неба», т[о] е[сть] живой и разумной Природы: потому [что] закон у них есть чистое выражение разума природы, и император не что иное, как посредник между природой и государством или народом. Государственная (Конфуциева) философия, лишенная идеи о Всемогущем Боге, не могла устоять перед силой буддийского идеализма; но она глубоко внедрилась в местные законы, облеклась в жизнь внешнюю и внутреннюю китайцев, доставила государю и религиозную святость, и светское полновластие. В Монголии, напротив, с введением буддизма ламы всячески силились светское правление подчинить духовному влиянию Тибета и чрез то ввергли ее в борьбу с противоположным элементом Китая — борьбу, решившуюся порабощением монголов.

Л. 25 об.

Индия не знала единства в государственном устройстве: там возникали отдельные владения, упрочены различные касты, разрозненные [119] религией;

[119] Над словом «разрозненные», по-видимому позднее, рукой автора надписано карандашом: «освященные» (но первоначальное слово не зачеркнуто).

там личная самостоятельность подавлена, и если проявилось какое-либо единство, то не иное, как религиозное, в теократической аристократии и деспотизме. Кроме того, обнаружилась там разница духовного чувства от светского состояния, а религия представила две крайности в идеях [—] отвлеченное понятие о едином Боге и о чувственных силах природы, презрение к плоти и миру: там самоотвержение, заповеданное буддизмом, должно было произвести переворот в умах слепо преданных этому учению.

11. Вообще история азиатских народов встречает у них необыкновенное постоянство в образе жизни, в политических формах, просвещении. Житель Востока, одаренный кипучими страстями, сокрытыми в величавой осанке, предается охотнее созерцанию прежнего, чем открытию чего-либо нового. Находим в нем впечатления сосредоточенные, глубокие, но простые и однообразные. Он всегда доволен всеми старинными

Л. 26

обыкновениями и привычками; для него древний мир вечно цветет. Те же песни восхищают его, та же вера возвышает и услаждает его душу, которыми забавлялись и пользовались его предки. Деспотическое даже правление, основанное духовной кастой или завоевателем, почитается там лучшим. Там теократия покоится на духовенстве, которое, в свою очередь, управляет народом и охраняет его с помощью какого-нибудь мнения, политическим законам сообщает характер религии и нравственности или превращает оные в догматы. Между тем как военное правление, наводя страх на простой народ, силится поддержать неограниченную власть монарха. Но и теократия, и военное правление в Азии препятствуют умственному и материальному прогрессу государств, опасаются поминутно за свою неприкосновенность. Как сила мнения угрожает теократии, так сила оружия может положить конец военной администрации. Под сенью теократии государства, наслаждаясь миром, очень естественно неспособны подвигаться к пределам совершенства: там принятые формы переживают целые столетия в одинаковом виде и жизнь политическая постепенно исчезает,

Л. 26 об.

и само правительство, оставаясь упорно на первой своей точке, по необходимости подвергается искажению. Там и законодательство никогда не возвысилось до идеи личности, на которой зиждется идея права. Там право лица на имущество исчезало в фамилии, фамилия [—] в государстве, государство [—] в одном верховном повелителе, от достоинств которого зависит судьба подвластного ему народа. То, что мы здесь сказали вообще об азиатцах, легко каждый может применить к монголам, с некоторым, впрочем, ограничением, как к племени, не успевшему созреть и выдвинуться в чреду первостепенных народов, история их покажет нам всю силу завоевательной системы вместе с теократией. Быстро образовавшаяся монархия посредством удачных набегов быстро и разрушилась от недостатка моральной связи и моральной крепости, которую теократия не могла заменить.

12. Достопримечательно здесь, как в течение многих столетий среди внутренней борьбы подвижных орд сильнейшее поколение, достигая явного перевеса над прочими, распространяло свое владычество в покоряемых областях и старалось укоренить между [н]ими название нового царственного дома, пока не пало под

Л. 27

ударами другого поколения, которое, в свою очередь, свое наименование сообщит остальным. В этой перемене династий заключается источник названий, под которыми монголы делались известными в Азии. Вот и ряд царственных домов: 1) Ху́нну (Гу́нну), 2) Сяньби, 3) Ду́лга, или Ту́лга (Тугю, у кит[айцев]), 4) Сеяньто, 5) Хойхор (Ойхор, Уйгур), 6) Кидань, под китайским названием Ля́о, и, наконец, 7) Монгол, сперва под китайским именем Юань, потом под тунгусским (маньджурским) Татань (означ[ает] постоялый двор, гостиницу). Эти семь домов в продолжение двух тысяч лет по очереди обладали всей Монголией, а происходили, исключая династию Юань, от двух древнейших в Монголии домов (Янь-юнь и Дун-ху). Увидим, как одни лишь династии исчезали с[о] страниц летописей, а народ оставался бессменным деятелем, под другим только именем и, вероятно, с примесью новых поколений по мере расширения владений главного.

Л. 27 об.

Три поколения в Средней Азии. — Элементы их жизни

13. Вся полоса Средней Азии, от Каспийского моря до Японского, на севере отрезанная от Сибири цепью гор, на юге смежная с Кореей, Китаем, Тибетом и рекой Сейхуном (Sihoun, Jaxavles[?], Сырдарья), с незапамятных времен была обитаема кочевыми народами, принадлежащими к трем поколениям: тюркскому (турецкому), монгольскому и тунгусскому (чурчэ, джурчэ, джурчит, у Марко Поло — Giovza[?]), которые говорят особыми языками, но, по внутреннему своему устройству, составляют одну семью. Без сомнения, эти названия поколений не могут почитаться очень древними. Китайцы тюрков называли си-юй-го (западным краем), монголов — бэй-ди (северными), тунгусов — дун-и (восточными). <…>

Л. 28

Эти поколения исповедовали одну общую веру (шаманство) и, судя по их наружности, произошли, может быть, от одного корня, впрочем, нам неизвестного и, может быть, переселившегося с юга, из стран теплых, изобилующих средствами пропитания жителей.

Тюрки занимали места на западе от Дунь-хуан, между Южными и Небесными горами до Каспийского моря, северную даже страну от Небесных гор, от Енисея до Урала, часть нынешних губерний Енисейской, Тобольской и Оренбургской. В настоящее время они раздроблены на мелкие владения, говорят по-турецки, исповедывают [исповедуют] ислам, называются общим именем тюрков (татар), а страна их — Тюркестаном, которого восточная половина (Малая Бухария) у китайцев именуется хой-хой-бу, т[о] е[сть] владениями магометан.

На северо-востоке от Тюркестана до рек Аргуни и Сунгари-у́лы (иначе Гиринь-у́ла) занимает обширные кочевья другой народ, который говорит помонгольски, исповедует буддийскую религию. Это монголы. Их кочевья простирались от Аргуни до Енисея, в южной части губернии Иркутской и Енисейской; на юге граничили с Китаем за развалинами Великой стены; отделялись песчаной степью на юге — от Тюркестана, на северной стороне — от Небесных гор; на западе примыкали к цепи гор, которые

Л. 28 об.

тянутся от Иртыша до Бадакшана под разными названиями.

Далее, за монголами, до Восточного океана живут тунгусы, имеющие собственный язык и преданные по-прежнему шаманству.

Китайцы, по уверению о. Иакинфа, еще во 2-м веке до нашей эры заметили характеристическое различие этих трех народов, которые даже до сего времени, в продолжение 2000 лет, не изменили своих границ. Редкое и удивительное явление в истории!

14. Соединение стихий человечества в одной форме составляет жизнь человеческую, которая в разных народах от разных причин принимает различные видоизменения, тесно с собой связанные, как в благоустроенном государстве, так и у номадов. Чувство религиозное, чувство законности и чувство нравственности облекаются неодинаковой наружностью и своими оттенками образуют характер народный.

Почти везде религия была первым учреждением людей, соединенных в общество, служила основанием многим народностям, вдыхала и развертывала знание, управляла идеями, укрощала страсти, связывала человека с небом и землей, сливалась с системами народной политики.

Л. 29

К числу древних азиатских религий относится и так называемое шаманство, т[о] е[сть] натурализм, обозрение природы, вместе с верованием в разных гениев, или духов. Натурализм был усвояем и другими древними религиями, но только с преобладающим в нем сабеизмом [120], или фетишизмом [121]. В шаманстве он обнимает всю природу, видимый мир со всеми его явлениями превращает в божества, между которыми первое место предоставлено небу, а с течением времени, с развитием человеческой жизни, с понятием о бессмертии души породнился и двинулся рядом с боготворением духов, т[о] е[сть] покровителей или врагов человека, и существ фантастических, явившихся вследствие темных понятий о будущей жизни. Монгольские поколения боготворили небо с солнцем, луной, звездами (Большую Медведицу, Дологан эбугэн, в особенности) и воздушными явлениями (напр[имер] молнией), почитали землю с горами (Бурхан-халдун, Гэтэй хан, Хангай хан…), реками (Кэрулэн, Онон, Селенга…). Под именем онгонов [122] скрывались у них обоготворенные души умерших людей, между тем как тегрии [123] имели свое определенное назначение. Итак, небо как тегрий считалось высочайшим божеством, вечным, всемогущим, правосудным, правителем мира; оно удовлетворяло мо-

---

[120] Сабеизм — одно из течений астролатрии (звездный культ), поклонение звездам, обоготворение небесных светил в древности в Вавилонии, Ассирии, Аравии, Сирии, Малой Азии и др.

[121] Фетишизм — (*здесь*) культ неодушевленных вещей, наделяемых магическими свойствами, обожествление и/или слепое поклонение им.

[122] Онгоны — духи предков семьи или рода (и их культовые изображения) в культуре монгольских и тюркских народов.

[123] Тегрии (по Н. А. Морозову) — охраняющие людей добрые гении, невидимые высшие органические существа, представители первого (высшего) из шести разрядов одушевленных существ Нижнего мира. См.: *Морозов Н. А.* Азиатские Христы. URL: https://royallib.com/book/morozov_nikolay/aziatskie_hristi.html (дата обращения: 18.03.2020).

лениям человека, иногда выражало свой гнев в явлениях природы, не терпело злых духов и всякую нечистоту. К нему

Л. 29 об.

из Персии присоединилось огнепочитание, и огонь как хозяин юрты сделался домашней святыней, источником чистоты, которому подобают поклонения, вино, масло и жир. Каждое там поклонение имело свое священное место (обо [124]), пользующееся особым уважением. Эти шаманские идеи, мало развитые монголами-скотоводцами, подвергались некоторому изменению среди китайцев — народа оседлого. Монгол как скотоводец знал покровителя стад своих (Дзаягачи [125]), знал и покровительницу детей (эмэгэлбджи дзаягачи), ежедневно подносил пищу и питье изображению Дзол-дзаягачи, сделанному из овчинки, страшился злых духов (Ада, Албин, Кульчин, Элье…), а как рожденный к войне, т[о] е[сть] для набегов, поклонялся Багатур-тегрию, подателю мужества, главе храбрых, хранителю ханов, источнику сокровищ; в сражении с неприятелем призывал Дайчин-тегрия, возносил молитву о победе к Кисаган тегрию, верил, что души злобные блуждают на земле и преследуют человека.

При таком настроении религиозного чувства у номадов религиозная каста не могла осуществиться, потому что шаманские жрецы никогда не посягали на высокое значение в кочевом обществе, а обрядная часть шаманства осталась в первобытной своей простоте. Не было там ни

Л. 30

общих капищ, ни общих празднеств, ослепительных для зрения, сильно волнующих душу; не было и фанатизма религиозного, могущего увлекать толпу к достижению единой, общей цели. Напротив, скромное шаманство, отчасти и слегка только укрощая степных чад, делало их равнодушными к другим верованиям, приготовляло пустынного жителя к восприятию новой религии, более возвышенной, более поражающей чувства, воображение и ум.

Чувство законности проистекало из мысли о патриархализме, на котором основывался образ правления, душа народного общества, не обремененного ни внешними сношениями, ни внутренними потребностями. Когда семейства, управляемые отцом или старшим, начали переливаться в роды, верховная патриархальная власть естественно сделалась достоянием родоначальника, который по своей воле распоряжался новым обществом, скрепленным узами родства, а не гражданскими положениями; потому что законы тогда были не что иное, как обычаи, освященные временем и силой старшего. В этом периоде раб почитался вещью, родоначальник превратился во владельца-патриарха, который среди попечения

Л. 30 об.

о целом подведомственном обществе обязан был разделять с ним добычу и претерпевать общее горе, в мирное же время заменять судью, а в военное —

---

[124] О б о́ — то же, что овоо (*монг.*), обоо (*бурят.*), обаа (*хакас.*): ‘куча, груда, насыпь’ — культовые места (кучи из камней или деревья), украшенные ленточками и флажками, в культуре монголов, бурят, тувинцев, хакасов и других тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

[125] Д з а я г а ч и — то же, что дзаячи, дзаян, заян (*бурят., калм.*), заягша (*бурят.*), заягч, или заяч (*калм.*) — небесное божество в мифологии монгольских народов.

быть вождем ополчения, и пользовался неограниченной властью. Эти родоначальники от бессилия, обнаруживавшегося в ничтожной ссоре, после изнурительной внутренней борьбы покорялись посторонним предводителям, малопомалу образовывали орды, коих глава, избранный ли прочими родоначальниками или достигший своего звания насилием, хитростью, очень легко из патриарха превращался в деспота и, в виде главы целого племени, вождя страшных полчищ, бывал завоевателем богатых государств. При таком положении общества право личности не существовало, вся масса вооруженных номадов составляла ополчение без имени, двигающееся по мановению своего повелителя, живущее преданиями старины, неспособное мечтать о лучшей будущности. Железная воля предводителя почиталась и действительно была коренным законом народа, привыкшего с малолетства ко всем лишениям и невзгодам, без оглядки устремлявшегося на добычу. Ему незнакомы холодное мужество и самоотвержение нашего образованного воина для пользы и славы отечества. Само собою разумеется,

Л. 31

что вся политика такого разрушительного племени утверждалась на праве сильного, которое подкреплялось мечом, а лукавство было единственным средством обмануть оплошного врага. И все это совершалось открыто, но с непостижимой быстротой так, что противники не могли ни подготовиться к защите, ни преследовать отступавших наездников.

В таком порядке правления, равно как и в кочевом образе жизни, надобно искать источник добродетелей и пороков, т[о] е[сть] чувства нравственности среднеазийских племен. Степные жители, питаясь избытками от стад своих, звериной охотой, иногда и рыбным промыслом, принуждены вечно скитаться с места на место; вольные, как ветер в пустынях, с[о] своими конями, верблюдами и овцами должны переселяться на новые пастбища по берегам рек. Летом приятные им перебегать равнины, орошаемые водой, если засуха не истребила травы, зимой на междугорных долинах укрываться от снегов и разорительной бури. Молоко и мясо служат им пищей, кожа и шерсть употребляются на платье и юрты, тростник с берегов рек и озер идет на луки и стрелы. Зверолов и пастух по необходимости делался стрелком и воином для собственной безопасности, для защиты

Л. 31 об.

себя и своего имущества от хищных зверей и жадных соседей. Вместе с ним растут все его добродетели и пороки. По гостеприимству он принадлежит к разряду добрых существ, а по хищничеству он остается по-прежнему дикарем необузданным. Посреди пастухов радушие к родному и страннику получило довольно резкие черты от взаимных сношений между членами одного семейства и между поколениями, приняло характер обязанности, переменившейся в обыкновение, закон. Бедный номад последним куском охотно делится с гостем и неимущим. От обращения с кроткими домашними животными он заимствовал чувство сострадания. Нравы его постепенно смягчаются, у него женщина из-под ига рабства выходит на свободу, делается помощницей мужа в степном хозяйстве. Но ненависть и мщение врагам не менее того составляли добродетель в глазах необразованного пастуха, поэтому коварство и хитрость, первые орудия действия, перешли в разряд лучших свойств пустынного героя, отличного наездника и грабителя. Номад с самого детства привыкает к верхо-

вой езде; бесчисленные табуны доставляют лошадей для степной кавалерии, быстрой в нападении и бегстве, а

Л. 32

страсть к грабежу учит стратегическим движениям. При бродячем образе жизни и недостатке народных сношений угрюмость пустыни, нетерпеливость и раздражительность обитателей неплодородной страны, привычка к скитанию, засуха, отдаленность морей, естественной преграды для затей необузданного дикаря, приманка в богатстве соседей, частые у них политические перевороты, иногда самые ничтожные внутренние распри или просто уклонение от кочевой дороги [—] вот главнейшие причины движения азиатских орд, решавших судьбу чужих народов. И как трудно оседлому народу отстаивать свою независимость при внезапном вторжении номадов! Там по большей части одна только молодежь поспешает навстречу неприятелю; там глава семейства заботится о доме, собственности, жене и детях; здесь, напротив, все мужчины выступают в поход, не опасаясь потерять свое имущество, влечет [влекут] за собой всю свою семью на чужбину в надежде грабежом приобрести там богатство. И как легко грабить номаду! Его окружают оседлые, миролюбивые соседи, которые только молят о том, чтобы жить спокойно, и готовы свое спокойствие выкупить дорогой ценой, готовы все для него пожертвовать;

Л. 32 об.

а номад — вечно вооруженный, закоренелый враг покоя, мчится в дальние страны за верной добычей, и после каждого удачного набега он приобретает новую опытность для будущих предприятий.

С таким внутренним расположением азиатских орд к набегам, кровопролитию и хищничеству номады, ведомые каким-то фатализмом, сделались весьма опасными соседями оседлому народу, особенно Китаю, к которому мы теперь обратимся.

В западных горах Китая и Тангута до поворота Желтой реки у Ин-шаня издревле обитали мяо (сань-мяо), потомки которых до сего времени рассеянно живут по всей юго-западной нагорной части Китая под именем мяо-дзы. Из Шеньси и Шаньси вытеснили их вновь прибывшие сюда китайцы к югу от снежных гор Нань-шань и Сюэ-шань. Эти дикари, сделавшись заклятыми врагами пришельцев, получили от них в Восточном Тибете название Цян (Khinng), а страна их наименовалась Си-жун (владение западных варваров), или Гуй-фан. Они-то гордились своим происхождением от рода обезьян. Этот народ, впоследствии оседлый, сделался известным под названием Ту-фань (с VII в.), тибетцев и тунгутов (с начала X в.).

Л. 33

Обозрение истории Китая с древнейших времен до III столетия. 15–7. — [126] *Сведения о степных ордах. 18. — Ханства Дун-ху, Юэджи и Хунну. 19. — Усиление хуннов и разделение их по управлению на три части. 29–22. — Нашествие хуннов на Китай и последствия, выразившиеся в китайской системе дружбы и родства. 23–8.*

15. В продолжение 40 с лишком столетий, под правлением 22 царственных домов, Китай медленно раздвигал свои начальные пределы, своеобразно

[126] Авторское тире отделяет в содержании раздела одну его часть от другой.

устраивался и просвещался. Сперва на равнине, от Пекина до реки Ян-дзы-дзян, по берегам рек жили китайцы рассеянно, в дикости. Нескоро там, у Желтой реки, составились небольшие семейства, управляемые старшинами, из коих один, избранный прочими, почитался главой всех патриархом соединенных обществ. При династии Ся достоинство главы сделалось наследственным уже и переходило к старшему по рождению, хотя и не всегда способному к управлению государством, которого ядро находилось на северной стороне Желтой реки, скрепленное единством происхождения жителей и единством языка.

Л. 33 об.

Посреди китайцев между тем являлись чудные лица, поныне воспеваемые благодарным потомством. Фу-си первый научил их домостроительству, издал закон о супружестве, изобрел письмо. Шень-нун учил народ земледелию, ввел меновую торговлю. Хуа́н-ди размежевал земли и разделил на участки между поселян с условием, чтобы они девятую часть обрабатывали в пользу правительства. Около 10 т[ыс.] удельных владений наполняли Китай, тогда простиравшийся от моря Восточного до Кукэнора и от Ян-дзы-дзяна до гор, на которых ныне возвышается великая страна. Таким образом развивалось государство, которому суждено было вскоре пострадать от разлива Желтой реки, наводнившей всю населенную равнину. Многолетние трудные гидравлические работы едва спасли бедствующий народ. Вслед за сим земля была снова размежевана и, по качеству почвы и местным произведениям, обложена податью. Государство было разделено на 9 округов, округи на уделы: в с[е]редине его четырехугольный участок земли принадлежал главе государства, прочие отданы придворным князьям, далее за ними предназначены на содержание чиновников, пограничных гарнизонов, ссыльных и т[ак] д[алее]. Там нужны были уже и уголовные законы, и придворные обряды, чтобы поддержать благонравие в народе и величие царственной особы в глазах подданных.

Л. 34

Но от бездарности, беспечности и бестолковой расточительности царей (хэ́у) из дома Ся народная нравственность ослабела, возникло безначалие, так что удельные князья, для пресечения зла, решились верховную власть вручить владетелю удела Шан, который, с титулом великого князя (ван), возвеличил свой дом под именем Шан (1766 г. до Р. Х.), преобразовал государство, (*вставка*: на востоке простиравшееся до океана, на северо-западе [—] до Гоби, на юге [—] не далее горного хребта Мэй (Мэйлин)), умножил придворный церемониал, распределил княжеское достоинство (гун, хэ́у, бо, дзы, нань) и чиновников, назначив им, смотря по степени, количество земли, окружился министрами и грандами, принял меры к наблюдению за действиями правителей (фан-бо). Князья в главном округе получали уделы в пожизненное владение, внешние же удельные князья были наследственны. На них лежала обязанность отправлять посольство в известное время к великому князю, а в пятый год лично являться к его двору: получив от него лук со стрелами, они имели право войны, а со знаком чекана и бердыша могли казнить преступников. При таких учреждениях великокняжеская особа приобрела значительный вес, которого, впрочем, не умели сохранить цари дома Шан.

С 1122 г. пал дом Шан, и последний его государь Джеу-синь, побежденный своими противниками, князьями 800 уделов, в собственном дворце предал себя пламени вместе со своими сокровищами. Храбрый князь Вэ́-ван

Л. 34 об.

(воинственный князь) из династии Джеу, удержав прежнее разделение земель на 9 округов, основал в них только 1800 уделов, часть которых раздал своим братьям и родственникам, потомкам древних царей, а прочие предоставил своим друзьям и сподвижникам, помогавшим ему в достижении достоинства главы государства. Итак, система феодального правления, смешанного с удельным, была упрочена в Китае. Сподвижники в своих участках земли действовали самостоятельно, а в отношении к своему вану были не что иное, как вассалы [по отношению] к королю. Частные владельцы назывались гунами, во внутреннее управление которых ван не смел вмешиваться. Степень их зависимости от вана незначительная определялась личным характером главы государства. Пока ванами были сильный Вý (1122–1115) и сын его Чен († 1078), до тех пор и гуны находились в страхе и с уважением смотрели на вана; но при слабых их преемниках вассалы стали действовать сильнее, решительнее; каждый хотел увеличить свои владения за счет другого, ваны потеряли свой вес, и титул их сделался пустым. Набеги номадов тревожили Китай: тангуты (770), призванные одним мятежным

Л. 35

князем, разорили столичный город Фын-хао (близ Си-ань-фу), и когда китайский двор переселился далее на восток в Ло-ян (близ Хэ-нань-фу), они исподволь овладели землями от Си-нин-фу на востоке до Желтой реки. Кровавые междоусобия, совершенный упадок нравственности, внутреннее расстройство сил и опустошительные набеги диких орд (Цюань-жун, Бэй-жун, Шань-жун и др[угие]) составляют характеристические черты этого периода китайской истории, известного в летописях под именем сперва Разноцарствие (Ле-го), потом Брань царств (Джань-го). Уменьшилось число уделов, постепенно поглощаемых сильными князьями. Для прекращения внутренних беспорядков сильнейший из князей стал первенствовать на сеймах, в качестве наместника управлять государством и редко относиться к вану. Родственники владетеля Ву удалились в Японию и ввели там язык, письмена, религию и законы китайские. Между тем в Китае возникали заговоры, пробивалось низкое мщение и вероломство, лилась кровь мирных и трудолюбивых граждан, а государь перестал разъезжать по уделам для суда и правды. Наконец все уделы слились в семь независимых царств (Цынь, Чу, Ци, Янь, Хань, Джао, Вэй), которых владетели приняли титул великих князей и около двух столетий боролись между собой, пока дом Цынь не успел изгнать тангутов

Л. 35 об.

из пределов Китая (444 [г. до н. э.]), покорить 6 царств и уничтожить династию Джеу (221 [г. до н. э.]).

16. Таким образом совершались великие перевороты в правлении Китая, среди ужасных бедствий народа, рожденного для труда и спокойствия, получившего стремление к тихой, практической жизни, пока не развилась идея империи в полном ее смысле. Во время безначалия, политического и нравственного распутства Китая, когда и иноземные мысли западали в душу китайцев, голос правды и мудрости начал изливаться от двух народных преобразователей, совершивших свое призвание с пользой для государства. В VI веке до Р. Х. Лао-дзы и Кун-дзы (Конфуций), чтобы уврачевать раны своих современников, с разных точек взирали на общество и дошли до различных идей —

первый путем созерцания, напоминающим индийскую школу Санхья, примененную к духу китайской народности, достиг какого-то религиозного необщественного уединения; последний практическим светлым умом постиг общественную практическую идею, основанную на преданиях, на исторической жизни народа. Кун-дзыево учение превратилось в верование правительства и образованного класса, сделалось душой империи, между тем как Лао-дзыева философия, возвышая моральное чувство человека, поселяла презрение к земным благам, призывала к духовному созерцанию в монастырях и внушала бедным и страждущим

Л. 36

бесчувствие ко всей внешности [ко всему внешнему].

Лао-дзы, род[ился в] 604 г. до нашей эры, в царстве Цу, занимал должность историографа и архивариуса царя из династии Джеу и там, вероятно, познакомился не токмо с древними китайскими сочинениями, но и [с] индийскими, которые, впрочем, давно уже проникли разными путями в Китай. Нам известна книга его Дао-дэ-дзин (книга разума и добродетели), чрезвычайно сжато излагающая главные идеи философа и впоследствии обогащенная толкованиями приверженцев школы Дао-сы (учеников разума). Дао, т[о] е[сть] верховный разум, имеет два способа существовать: духовный и материальный. Духовная его природа почитается совершенной, источником всего существующего, след[овательно], и человека, который, получив от него свое начало, к нему должен возвратиться, освобождая себя от материальных уз тела: уничтожение всех страстей, отчуждение себя от всех удовольствий мира и созерцание духовной божеской природы — это лучшие средства соединиться с разумом и восстановить прежнюю гармонию сил духовных, перейти в блаженство, которое дух теряет под грубой оболочкой плоти, — которое имеет только место в лоне Разума, чистого, вечного, составляющего невыразимую единицу. Но Дао в откровении получает определенную форму, название, делится на части, считается отцом существ. По мнению Лао-дзы, мудрец

Л. 36 об.

возносится выше всех видимых различий, собственно несуществующих; не знает страстей, волнующих душу; наслаждается только созерцанием дао, поддается только совершенному квиетизму [127], который поглощает в себе волю, уничтожает познание и нравственность. Последний кряж его совершенства состоит в бездействии.

Впрочем, это отвлеченное Лао-дзыево учение не было расторгнуто с печальной современностью китайцев. Отвращаясь от образованности своих сограждан, философ восхваляет возвращение к простоте первобытных обычаев, к состоянию человека еще непросвещенного, но и не испорченного обществом. Причиной нищеты народной он почитает непомерные налоги, неповиновение производит от излишества работ и сурового обращения правителей с подданными, а равнодушие человека к смерти приписывает бедственной его жизни. Кроме того, свое учение [—] выражение верховного разума [—] он предлагает в руководство царям и народу, отвергает всякое насилие в военном

[127] К в и е т и́ з м (*фр.* quietisme, от *лат.* quietus ‘спокойный, безмятежный’, quies ‘покой’) — мистико-аскетическое направление в католицизме XVI–XVIII вв., отрицающее человеческую активность, ответственность и любые усилия.

правлении как начало всех несчастий. Наконец, заметим, что Лао-дзы никогда не ссылался на древних китайских государей, нигде не называл их образцовыми, нигде не придерживался старины своей родины; напротив, его учение проистекло из глубокого созерцания человеческой природы, вне всяких отношений к Китаю.

Л. 37

Еще при жизни Лао-дзы явился другой философ [—] Кун-дзы (Конфуций, род[ился] в 551 [году] до Р. Х., в гунстве Лу, что ныне провинция Шань-дун), в самом раннем возрасте оказывавший совершеннейшее равнодушие ко всем детским забавам. Сын правителя одного города, по бедности своей принужден был исправлять разные должности и, обходя разные гунства, проповедовал необходимость возвратиться к прежним правилам добродетели, подражать доблестным предкам; но голос его замирал среди толпы искаженного народа. «Пусть уверяют, [—] говорил он, [—] что мудрец должен жить отшельником: я не хочу следовать такому совету: как человек я обязан жить с людьми и вселять в них любовь к добродетели. Как ожидать порядка, когда царя окружают лицемеры и корыстолюбцы и когда нет около него ни одного мудреца, который бы занялся восстановлением мира между гунами, их министрами и подданными». В самом деле, изучив отечественные древности, он старался всеми мерами коротко познакомиться с настоящим бытом раздробленного Китая и из сравнения этих двух периодов народной жизни извлечь прочные правила для грядущих поколений, предлагая им добрую старину в образец. Это не был мечтатель причудливый, а истинный практик, олицетворенная

Л. 37 об.

старина, отголосок забытой песни среди человечества, зараженного эгоизмом, поглощаемого дневными своими интересами. Одаренный величавой наружностью, он обращался ко всем сословиям и всем давал наставления, верные своему началу, всех призывал к благонравию, миру и трудолюбию, строгий в отношении к себе, не умел оказывать снисхождение к другим, не оставляя ни малейшего случая к поучению. Кун-дзы постоянно прибегал к прошедшему, к авторитету древних китайских мудрецов, отвергал идею об откровении и религии, крепко связывая отдаленные времена, тогда как его предшественник, Лао-дзы, давал перевес вере в Разум, разрушавшей начала китайской народности.

На родине своей философ, богатый редкой отзывчивостью и наблюдательностью, невзирая на неудачи и препятствия, решился всем и каждому показывать путь к добродетели. Там дом его превратился в школу, доступную юношам и старцам, бедным и богачам, чиновникам и воинам, которые стекались со всех концов государства учиться правилам поведения на разных ступенях общественной жизни, чтобы сделаться полезными членами многочисленной [большой] семьи.

Л. 38

Кун-дзы повторял, что он в своем учении ничего нового не выводит, а восстанавливает правила древних мудрецов, чтобы воскресить благословенные времена счастья и мира взамен пороков и преступлений, потрясавших Китай и угрожавших ему падением. В нравственном отношении внушал он детям безусловное повиновение родителям при жизни и обожание их по смер-

ти. На этом краеугольном камне основывается почитание старших, государя и поставленных от него правителей. Вслед за тем любовь к ближнему и исполнение обязанностей состояния дополняют круг нравственности человека, которая ограничивалась соблюдением отношений между государем и подданными, между отцом и сыном, между мужем и женой; 2) соблюдением пяти коренных добродетелей: человеколюбия, правосудия, порядливости (*вставка*: в исполнении древних обыкновений), честности или прямоты и чистосердечности.

В философском отношении то же учение представляет нам человека добрым, с чистой душой, в которой скрыт естественный закон (*вставка*: заключающийся в средине, т[о] е[сть в] благоразумии, прямоте, любви и справедливости), долженствующий быть руководителем поведения. Но как, с одной стороны, воспитание, воля, различные качества телосложения совращают человека с прямого пути и помрачают его душу, так, с другой стороны, по временам являются люди добрые, [нрзб] хранители чистоты душевной и ее закона, люди святые, по своей сущности однозначащие с Небом, образцовые по своему поведению, наставники

Л. 38 об.

уклонившихся от закона. Возвращение к первобытному совершенству есть не что иное, как святость.

Это простое учение, названное святым, основание школы ученых (жу-дзя́о), восстановленное Кун-дзыем и разлитое в Китае посредством его слушателей, может быть именовано нравственным или практическим по преимуществу как сознание общей потребности объяснить настоящее прошедшим, как плод времени и обстоятельств, как стремящееся к упрочению народной жизни и нравственных обязанностей каждого гражданина. Но в нем находим и политическую цель Китая, раздираемого тогда внутренними смутами и требующего воспоминанием лучшей старины исцелить настоящее; находим в нем и отголосок теократических идей, хранящих в себе начала китайского деспотизма. Оно, проистекая из почтения к Небу (тянь), избегало богословских вопросов и стремилось к нравственности и политике.

Мы не говорим здесь, как переродились эти два важных учения впоследствии, когда они стали внедряться в народную жизнь Китая, когда дао-сы в I столетии по Р. Х. составили систему религии, а в V веке снискали расположение правительства и стали искажать мысли своего законодателя. Увидим ниже, как и школа ученых наложила тяжкие оковы на ум китайцев и положила преграду к дальнейшему его

Л. 39

развитию. Оба они сходны между собой в своих основных мыслях; оба враги войны [—] прославляют мир — черта древних положений нравственных и политических, описанных в дзинах [128]; оба первобытную человеческую природу считают доброй, для достижения морального совершенства советуют возвратиться к старинной простоте и природной невинности, но объяснение их у каждого соглашается с его идеями. Учение Лао-дзы было гораздо разруши-

[128] Д з и н ы — Дао дэ дзин (Дао дэ цзин), древний мистический даосский текст. Согласно традиции, написан основоположником даосизма Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.). По другой версии, создан позднее — в IV–III вв. до н. э.

тельнее для практического Китая, чем буддизм в Индии, потому что оно в Китае не могло встретить противоборства каст, которых учреждение в Индии пережило нравственную и религиозную ничтожность происшедшего. Между тем школа ученых не заменила индийских брахманов в непоэтическом Китае во время борьбы с фоизмом, который в новом своем отечестве предавался квиетизму. Как бы то ни было, оба учения были нужны и полезны в сложное время Китая: пущенные в ход идеи не могли остановиться, не могли исчезнуть в расторгнутом, расстроенном государстве. Там блеснула уже мысль об улучшениях, хотя не новых, [а] основанных на первобытной доброте природы человека, на старине патриархальной, и чем она ближе касалась элементов китайской жизни, тем она делалась плодотворнее последствиями.

Л. 39 об.

Феодальные цари перестали уже покорствовать царственному дому Джеу, а избираемые ими пожизненные начальники, наподобие палатных мэров, не могли охранить внутреннее спокойствие. Чернь, обремененная разными налогами, пришла в изнеможение. Удручаемые голодом лишали себя жизни, молодежь выселялась в соседние страны, дети убивали своих родителей, подданные — князей. Для обуздания преступников Кун-дзы изданием хроники «Чун-цю» («Весна и лето») надеялся остановить злоупотребления властей и чрез то спасти страдальческую чернь, напоминал о прежнем поземельном сборе, о древнем посемейном разделе семей, словом, советовал возвратиться к патриархальной старине. Но легко ли было примирить обе стороны! Земледелец сделался уже мызником [129]; земли уже перешли в руки важнейших семейств. Во время голода переводили колонистов из уезда в уезд, открывали житницы, но требовали денег за съестное. Рабство стало увеличиваться; философы, уединившись вдали от царей, противоречили друг другу. Знаменитый Мэн-дзы (406–314 [гг. до н. э.]) силился смелее учить правителей и подчиненных взаимным отношениям, восставал на притеснителей, обнаруживал злоупотребления. Беседуя вроде Сократа и Платона, он сильной диалектикой своей или иронией поражал противников. По его мнению, тот действует хорошо, кто следует

Л. 40

внушению своего сердца, и тогда природа почитается доброю; но, если кто худо поступает, не должно порицать разумную способность, ниспосылаемую нам с неба. Из Мендзыева сочинения узнаем, что в Китае находилось уже много мнений о важнейших вопросах человечества! Некоторые даже философы дерзали проповедовать мнения, совершенно противоположные мысли Кун-дзыевой: одни даже ставили эгоизм в основание всем человеческим действиям, другие доказывали необходимость любить всех своих ближних без различия, иные составляли планы о соединении всех частей Китая в одну массу. И в самом деле, обстоятельства времени увлекали уже народ к совершению такого подвига.

17. С упадком нравственности в Китае удельные цари силились оружием приобресть себе верховную власть в государстве, а внешние дикари не переставали своими набегами опустошать его до крайности. Среди кровавого

[129] М ы з н и к — здесь: арендатор или управляющий мызой (мыза — хутор, усадьба с хозяйством).

междоусобия царство Цинь, заключая в себя пятую долю пространства всего Китая, в частых стычках с варварами образовывало свои войска и готовило их для унижения беспокойных соседей и, чтобы за собой упрочить первенство, не щадило расстроенных удельным игом владетелей, [стремясь] к уничтожению династии Джеу, быстро клонившейся уже к концу. Владетель этого царства Джао-сян, разгромив в открытом поле своих соперников,

Л. 40 об.

торжественно принес жертву Небу, след[овательно], присвоил себе привилегию царственного дома и, по разрушении феодального правления, на развалинах династии провозгласил самодержавие, получил наименование Шы́-хуан-ди, т[о] е[сть] первого императора, свою столицу основал в городе Сян-ян (недалеко от Си-ань-фу) и, поселив там всех своих сподвижников, старался придворным великолепием ослепить новых подданных. Палаты его наполнились сокровищами, похищенными в других царствах. Китай разделен был на 36 округов и стал управляться по новому гражданскому уложению. Повелитель, осматривая лично обширные провинции, неутомимо трудился над приведением в порядок империи; он, естественно, вооружил против себя ниспроверженных царей, которые, со своей стороны, не переставали внушать народу, что изменение системы правления несогласно с древними постановлениями, хранящимися в истории и стихотворениях. Но Шы́-хуан-ди желал быть основателем, а не восстановителем монархии, презирал предрассудки и действовал как самодержавный государь. 27 ученых, осмелившихся в деле об изгнании вдовствующей императрицы выйти к нему с докладом, основанным на дзинах, он велел предать смертной казни и изуродованные их тела выставить на позорище народу. А когда школа ученых продолжала порицать административные меры государя,

Л. 41 [130]

могучий и предприимчивый император, любитель учения Дао-сы, представитель духа политики, повелел строжайше (213 [г. до н. э.]) сжечь книги («Шу-дзин», книгу древностей, представлявшую картину золотого века у китайцев; «Ли-дзи», книгу образов; «Ши-дзин», книгу стихотворений), напоминавшие старину; велел зарыть в землю 460 ученых, дерзнувших воспротивиться этому распоряжению; своего даже сына удалил от двора за его ропот и таким образом решил борьбу двух великих начал в политике, борьбу света с тьмою, знания с невежеством, духа независимости или деятельности со страдательной материей, из коих каждое имело своих поборников в Китае.

18. После обозрения столь важного переворота в империи пора нам обратиться на север, где совершались другого рода происшествия, современные и отчасти находящиеся в связи с китайскими. Мы упоминали уже о движении степных орд, которых начало теряется во мраке бессознательной древности. Из сказаний китайских только летописцев узнаем, что в 27 столетии до Р. Х. китайцы прогнали на север какой-то народ Хунь-юй, что с 18 века [до н. э.] некоторые китайские князья выселялись к номадам; и так удельный князь

[130] В конце правого свободного поля этого листа без какой-либо отсылки к основному тексту (по-видимому, не вставка в текст) содержится запись-маргиналия: «Нип, лук, чеснок, и [нрзб], кормиться, питаться».

Гун-лю (1797 [г. до н. э.]), перейдя в Би́нь-джеу (в губ[ернии] Шаньси), сделался соседом

Л. 41 об.

поколения Жун-ди; Шу́нь-вэй из династии Ся (1764 [г. до н. э.]) также поселился в пустынях, и оба там стали жить по-кочевому. Это было время смут и семилетнего неурожая в Китае. Но поколение Жун-ди (1367 [г. до н. э.]) начало теснить Шань-фу, потомка князя Гунн-лю, так что сперва он принужден был о[т]купаться подарками, потом возвратиться в Китай.

Впоследствии (1293 [г. до н. э.]) народ Гуй-фан (Страна демонов) с запада начал тревожить пределы империи, и великий князь китайский Ву́-дин, истощив все миролюбивые средства для успокоения его, поднял оружие и три года вел войну, пока не преодолел надменного соседа.

Далее упоминаются поколения Янь-юнь (с 1168 [г. до н. э.]), Цюань-жун (с 1140 [г. до н. э.]), Бэй-жун ([с] 708 [г. до н. э.]), Шань-жун (с 664 [г. до н. э.]) [131], которые по временам производили набеги на Китай, иногда, приглашаемые великими князьями, приходили поддерживать их в частных даже спорах и грабили княжеские столицы. Очень легко можем себе представить, как обременительно было для Китая содержать многочисленную армию на всем протяжении границы для охраны своей собственности от внезапного вторжения степных дикарей. По главным путям расставленные

Л. 42

стражи, зажигая костры на возвышенных местах, грохотом бубна так часто тревожили мирных жителей и призывали отряды вооруженных к защите злосчастного государства! Китайские друзья соглашались посылать подарки номадам для отвращения их жадности от своих пределов, особенно со времен царственного дома Ся. Известно также, что впоследствии ваны при заключении договоров с дикарями для упрочения дружеских с ними отношений употребляли клятву и давали заложников. Вот почти все, что нам летописцы сообщили о связях Китая с северными поколениями, которых названия, очевидно, созданы китайцами или изуродованы ими. Еще этот период не представляет нам никакого единства в действиях обеих сторон, что [так как] внутреннее брожение лишало народы силы и решительности на общее какое-либо предприятие.

В начале IV века [до н. э.] северные номады постоянно делали набеги на Китай, раздираемый междоусобием (*вставка*: на страну теплую, плодородную и образованную, предоставляющую верную поживу для налетных хищных птиц, тогда как необозримые северные степи составляли для них не стройное государство, а огромный лагерь, разделенный на орды и племена, готовые всегда подняться и двинуться на юг. Хищнический взор, постоянно обращенный к богатому югу, всегда с левой стороны видел восток, а с правой — запад, между тем как жители юга, обращая взор на восход солнца, левую сторону земли именовали севером, переднюю — восток, а правую — юг.

[131] В кит[айском] языке словом жун означаются воин, алебардщик и варвары с пиками, нападавшие на Китай. Шань-жун (горные жуны), занимавшие, по свидетельству Сы-мацана, китайского летописца, жившего в конце 2 в. до Р. Х., нагорную ланскую (?) страну. Зависели же они от Мунту (?), [нрзб] настоящие жуны. Принадлежали к корейскому [нрзб]: [несколько слов нрзб] Сямби и Ухуань (*примеч. автора*).

Этот взгляд их оставил следы и в самом языке). Владетель царства Джáо (занимавшего северную половину нынешней губернии Шáнь-си), по своему положению, пытался всеми мерами остановить грабителей. Переодевшись по образцу кочевых племен, он неутомимо упражнял своих воинов в искусстве стрелять из лука и успел, наконец, исторгнуть у них находившиеся земли возле Джи́ли (Чахар), изгнал их из Шáнь-си (Ордоса), и, усилившись на се-

Л. 42 об.

верных пределах, решился оградить себя земляным валом, названным Длинной (Чан-чен, т[о] е[сть] Великой, по-монг[ольски] Цаган кэрэм, Белой) стеной. Эта стена проходила от (Корейского) залива Ляодуна до западной черты государства у Желтой реки, от Ордоса поворачивала она прямо на юго-запад на город Ми́нь-джеу. Равным образом и другие два северных царства: Янь (северная половина губ[ернии] Джи́ли и Ляодун) и Цинь (Eivxi, Sina, Geivxi) (в северо-западном углу Китая, южная половина губернии Ше́нь-си [132] и Гàнь-су [133]) старались закрыть себя от вражеских набегов. Известно, что впоследствии (*вставка*: после вторичного изгнания варваров из Ордоса и Тумэта) длинное звено Великой стены (3 т[ыс.] ли [134]) от Желтой реки до Желтого моря было построено императором Шы́-хуан[ом] [135] и что в продолжение пяти лет каждый третий мужчина обязан был там работать. Сверх сего, тот же государь на северной стороне Ордоса, по левому берегу Желтой реки, провел укрепленную линию 44 городов, населенных китайцами и снабженных сильными гарнизонами, велел оберегать узкие проходы и входы (*вставка*: вероятно, у Хэ-лань-шань и до Су-джеу). Как ни велика была эта стена, извивающаяся по вершинам гор, через равнины и реки, и как ни важны были эти города, но они не могли сделаться надежной защитой от напора диких неприятелей, которые, подстерегая всякое внутреннее брожение в империи, неожиданно вторгались в нее для обогащения себя грабежом.

Описание великой стены найдешь у J. B. du-

Л. 43 [136]

Halde [137], Rostock, 1747, 1 Th., p. 47–51. О[тца] Иакинфа записки о Монголии, 1 [138], [с.] 46–56. Статист[ическое] опис[ание] Китая [139], 1, [с.] 175. 2, [с.] 69, 169, 293.

---

[132] Надо отличать от дважды встречающегося в конце предыдущего листа (42) названия Шáнь-си.

[133] Здесь у автора ударение в другую сторону.

[134] Л и — единица длины, равнялась в разное время 300–400 м.

[135] В этом месте над строкой имеется неразборчивая приписка автора из нескольких слов в скобках.

[136] На поле справа от основного текста имеются четыре непрочитываемые строки, вероятно, указывающие на литературу (нечто вроде ссылки).

[137] J. B. d u - H a l d e — имеется в виду Жан-Батист Дюальд, в старых изданиях пишется Дю Гальд или Дюгальд (*фр.* Jean-Baptiste Du Halde; 1674–1743), французский историк-востоковед, монах Ордена иезуитов. Один из наиболее влиятельных и авторитетных китаеведов XVIII в., редактор и составитель фундаментального «Описания Китайской империи» (Description de l’empire de la Chine).

[138] Имеется в виду сочинение: *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии. Т. 1. СПб., 1828.

19. В IV и III веках [до н. э.], когда Китай волновался ужасами междоусобия, степные поколения почти незаметно сливались в сильные ханства, от причин, нам неизвестных, и грозные для соседей. Таких ханств китайские летописи считают три: Дун-ху (восточные ху, т[о] е[сть] варвары) в восточной Монголии, от Маньджурии до Чахара; Юэджи (*вставка*: потомки Мяо, тибетское племя, жившее на гористой страте от Нань-шаня до верховья Хуанхэ, питавшееся своими стадами и отчасти хлебопашеством), от Ордоса на западе и Хунну (Хун-ну, или Сюн-ну, монгольское [140] название владетельного дома, переложенное тонически китайскими знаками, означающими: злой невольник) на севере, в нынешнем Ордосе и Халхе. Внутренние ли причины дали начало этому перевороту в степях или необходимость уравновеситься с силами Китая? — по недостатку материалов не можем сказать ничего положительного.

20. По китайским летописям, Шунь-вэй (§ 18), сын последнего государя династии Ся, был родоначальником дома Сянь-Юнь, которого потомки в течение V, IV и III столетий до Р. Х. занимали Чахар и Ордос и своими набегами нередко тревожили китайские области. Незадолго до построения

Л. 43 об.

Великой стены, оттолкнутые китайцами, они перешли на северную сторону монгольской степи и там переименовались Хунну (по пекинск[ому] произн[ошению] Сюн-ну). Ханство их на востоке граничило с Ву-лян-хд [или хò?] (Урянхай аймак, впоследствии Хорчин), или нынешней Маньджурией, на западе [—] с владением Чсунь (калмыцким [141]), на севере простиралось до нынешней Сибири, на юге [—] до Великой стены, пролегающей по северной черте губерний Джи́-ли, Шань-си и Шень-си. Жители его, известные своей грубой простотой, обыкновенно питались мясом и молоком, одевались кожами. Пастушеская жизнь нравилась им так, как земледелие китайскому поселенцу. Каменная ограда казалась для них гробом. Звероловство вместе с[о] скотоводством составляли важнейшее их занятие. Военнопленные пахали там землю и имели надзор за стадами. Чуждые всякой образованности, хунны были жестоки, кровожадны, падки на добычу. Главная их сила составляла [состояла в] коннице и искусстве стрелять из лука. Кроме стрел, они употребляли еще в сражении меч и аркан. С пронзительным криком нападали на своих врагов: встретив сильное сопротивление, они тотчас рассеивались и с чрезвычайной быстротой опять прилетали, истребляя все по дороге. Ни горы, ни реки их не останавливали. От таких легкоподвижных орд не могли защи-

Л. 44

щаться ни укрепления, ни военная того времени тактика. С самого нежного возраста хунны приучались к перенесению холода, голода и жажды. В достатке, не зная никаких забот, они охотно предавались увеселениям и разгулу. За-

---

[139] Имеется в виду работа Н. Я. Бичурина. Переизд.: *Бичурин Н. Я.* Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002. (Классика отечественного и зарубежного востоковедения).

[140] Над словом «монгольское» автором поставлен вопросительный знак, по-видимому, он не был уверен в принадлежности этого названия монголам.

[141] Над словом «калмыцким» автором поставлен вопросительный знак, по-видимому, он не был в этом уверен.

коны у них были малочисленны, ограничивались обычаями, но исполнялись весьма строго. Этикет и обряды, высоко ценимые китайцами, неизвестны были степному жителю. Кто мог спасти с поля сражения труп своего товарища, тот приобретал в наследство его имение. Допускалось там многоженство, невзирая даже на степени родства, так что, из опасения пресечения какого-либо рода, по смерти отца сын мог жениться на своей мачехе, брат мог взять за себя жену по смерти своего брата. Это обыкновение до сего времени существует во всей силе в монгольских поколениях, где свято сохраняется различие родов, родни (турул). Вот краткий очерк нравов хуннов, которых легкая конница неоднократно топтала китайские поля, часто ненаказанно! Китайцы все их вторжения [считали], по обыкновению, небесной карой, постигавшей империю за отступление государя от прямого пути добродетели; но внутренние раздоры и перевороты в правлении не дали им возможности

Л. 44 об.

положить конец неистовству варваров. При бессильных и развратных правителях у южных соседей хунны не переставали делать набеги на северные их области (Шеньси, Шаньси, Джили [142]), разорять жителей и с добычей покойно возвращаться в родные глухие пустыни.

21. Около 225 г. до Р. Х. Тумэн-хан (Шань-юй)[(а) 143] их, теснимый китайскими отрядами, принужден был отступить на север и ставку свою перенести в Халху, где он прожил около десяти лет. Между тем в Китае умер Шы-хуанди (210 [г. до н. э.]) во время своего путешествия по южным провинциям, не назначив преемника престола. Быстрые и крутые перевороты в государстве, хотя и полезные для его массы, не успели еще окрепнуть в общем мнении и подавить собой частные притязания на власть и неудовольствия тех, которые лишились ч[е]рез это личных выгод. И соперники, униженные великим императором, и подпоры китайского феодализма, обрушенные до основания, не могли оставаться равнодушными зрителями единодержавия. Борьба партий решила вопрос о престоле в то самое время, когда некоторые мечтали уже о разделе империи на 20 провинций, управляемых разными полководцами. После ужасного кровопролития крестьянин Лю-бан овладел империей, принял титул Хуан-ди (202 [г. до н. э.]), возвел на престол династию хань, знаменитую по мно-

Л. 45

гим причинам в летописях, более двухсот лет обладавшую Китаем (206 [г.] до Р. Х. — 22 [г.] после Р. Х. = 228 л[ет]). Меры кроткие, употребленные победоносным государем, не были в состоянии искоренить зло, терзавшее империю.

В то же время у хуннов шло дело о назначении преемника престола. Старший Тумэнов сын, Модо (Mao-tun, Me-the, Mê-hé), имея полное право на

---

[142] Здесь автор пишет эти топонимы без дефиса.

[143] [(а)] Ш а н ь - ю й (*кит*. Tchen-yu, по мнению Нейманна, не что иное, как испорченное Тэнгэри (Небо). О[тец] Иак[инф] в стат[ье] «Опис[ание] Китая» **(**имеется в виду работа Н. Я. Бичурина «Статистическое описание Китайской империи (в двух частях)»**)**, 11, 71, говорит, что монг[ольские] Тэнгри-кубэгун (губунь?), т[о] е[сть] сын Неба, на кит[айский] переложены тонически Чен-ли гу-ту (*примеч. автора*).

Н е й м а н н — имеется в виду немецкий востоковед, историк и педагог Карл Фридрих Нейманн (*нем*. Karl Friedrich Neumann; 1793–1870).

ханство, жил покойно при дворе отца своего, пока одна из ханш не вздумала доставить верховную власть своему сыну. Слабый Тумэн, из любви к ней, отправил Модо в качестве заложника в соседнее ханство Юэджи и, чтобы ускорить гибель своего старшего сына, объявил войну сему племени. В самом деле, разбитые и рассеянные Тумэном юэджи уже готовились умертвить заложника, когда он, узнав их намерение, успел убежать на родину и там своей храбростью привлечь к себе до 10 т[ысяч] конницы. И этот герой, пылая неукротимым мщением, для достижения своей цели принял все меры к улучшению войска и к испытанию его верности. Сперва птиц, потом хороших лошадей, наконец, любимых жен назначал он вместо цели для стрельбы из лука, и воинов, исполнивших с точностью данное им приказание, принял в число своих приближенных телохранителей, а прочих велел умертвить.

Л. 45 об.

С толпой избранных таким образом воинов Модо бросился на Тумэна, убил его, равно как и ханшу с младшим сыном и непокорных вельмож, и овладел ханством.

В то же время на севере от Ляодуна восточное ханство Дун-ху, пользуясь смутами у хуннов, равно как и нерасположением многих лиц к жестокому их хану, вздумало обращаться к Модо-шаньюю [144] с наглыми требованиями то отличного коня, то одной из жен. Миролюбивый Модо, вопреки мнению важнейших лиц, удовлетворил оба желания; но, когда дун-ху вторглись уже в одну из пограничных областей с намерением удержать ее за собой, хан немедленно с отборной своей конницей поскакал на врагов, умертвил их хана, полонил много народа. Остальная часть восточных варваров укрылась в горах, в нынешних аймаках Аохан, Найман, Хорчин, где они разделились на два поколения, Чхуань и Сяньби, названные так от гор соседственных [145].

Потом шаньюй обратил свое победоносное оружие на народ Юэджи, занимавший тогда земли в северо-западном углу губернии Га́нь-су, и, рассеяв их, со всеми силами поспешил на юг, отнял у китайцев владения, потерянные отцом его, Чахар и Ордос. Таким образом, из

Л. 46

трех отдельных ханств составилось одно ханство, одна обширная монархия хуннов, которой границы мы уже видели (§ 20), страшная для смежных китайцев.

22. Но странно, что основатель мощного ханства разделил его снова на три части [146]: 1) левую, или восточную, простиравшуюся до пределов Кореи, вверенную управлению преемника престола; 2) правую, или западную, заключавшую Ордос с западными землями, под управлением второго шаньюева сына, и 3) среднюю с Халхой [147], под непосредственным управлением самого

[144] Ш а н ь ю й — титул главы хунну.

[145] Горы С я н ь - б и [здесь написано через дефис], ныне называемые Мункэ-у́ла, находятся недалеко от правого Хоргинского крыла, при большем изгибе р[еки] Ляо-хэ (Жао-лэ-шуй). (Авторская приписка на полях без знака вставки в тексте.)

[146] Ср[авни?] § 18. (Авторская приписка между строк без знака вставки.)

[147] Х а л х а (*монг.* Халх — ‘щит’) — историческая область Монголии. Термин появился в Монголии в XV–XVI вв. и обозначал земли, расположенные к северу от пустыни Гоби.

хана, который иногда имел пребывание в Юнь-джун (что ныне Да-тун-фу, в Ша́ньси, у Великой стены). Северные даже части провинций Шеньси, Ша́ньси и Джи́ли вошли в состав хуннских владений. Восточный и западный правители назывались Туци (Tou-chi; по-кит[айски] Сянь-ван); достоинство их считалось наследственным. Каждый из них имел по одному гули-вану (koli-wang), или помощнику, по одному полководцу и по девяти дивизионных начальников. Двадцать четыре главных начальника имели в своем ведении по 10 т[ысяч] конницы, управляемой тысячниками, сотниками и десятниками. Посреди хуннов три или четыре семейства приобрели некоторый вес, так что самовластный шаньюй с ними только роднился. Ежегодно в

Л. 46 об.

первом месяце все чиновники являлись ко двору хана (которого главная ставка находилась у горы Инь-шань, на севере от Ляодуна) на съезд, или сейм; в пятом месяце приносили жертву Солнцу, Земле, гениям и предкам в Лун-чан, а осенью, в Дай-линь, считали народонаселение и стада. Но шаньюй ежедневно выходил из своей ставки для поклонения Солнцу, а вечером [—] Луне.

23. Кочевые хунны продолжение завоеваний считали уже необходимым условием своего существования. Динлины, Ли-гунь, Синь-ли и многие другие поколения, обитавшие по рекам Селенге, Оби и Ангаре, принуждены были покориться им. Ободренный удачными походами, Модо решился возобновить свои предприятия на Китай, где император Га́о-ди из дома Хань заботился об исцелении ран, нанесенных междоусобиями. В то время охрана провинции Дай или Да-тун-фу в Шаньси вверена была Синь, имевшему пребывание в городе Ма́-и (что ныне Ма́-и-сянь в Шо-пин-фу), но без достаточных средств защищаться против 300 т[ысяч] хуннской кавалерии, которая (202 [г. до н. э.]), перешагнув Великую стену через 10 лет от ее основания, окружила его неожиданно в упомянутом городе. Тогда Синь поспешнее отправил к императору просьбу о помощи. Но, получив неблагоприятный ответ,

Л. 47

он, подозреваемый двором в тайных сношениях с неприятелем, в досаде велел умертвить посланцев, прибывших с указом, сам с[о] своей резиденцией сдался хуннам. Не теряя времени, хунны, вместе с Синь, двинулись далее на юг; встретили сильное сопротивление со стороны китайцев, которых 400 т[ысяч] вел сам император, много пострадали от глубоких снегов и холоду. И потому они принуждены были остановиться лагерем на долине, около Да-тун-фу. Несмотря на изворотливость китайских лазутчиков, желавших разведать настоящее положение врагов, осмотрительный Модо обманул их: оставив больных воинов с изнуренными верблюдами и стадами в лагере, сам с отборными отрядами скрылся в засаде. Но более опытный воин Лю-дзинь, проникнув хитрости хуннского хана, поспешил предварить о том императора и стал отклонять его от сражения. Га́о-ди, из недоверчивости к такому советнику, велел заковать его в цепи, с отрядом приблизился к Да-тун-фу, отдав приказание остальному войску следовать за ним. Между тем многочисленные толпы хуннов из засады напали на императора, окружили его в одной крепостце и, не допуская к нему в течение семи дней съестных припасов, отрезали его от главной армии.

Л. 47 об.

Га́о-ди, при предстоящей опасности, прибегнул к ханше, которая убедила своего супруга в несбыточности намерения его овладеть Китаем, богатым средствами отстаивать свою независимость. Оттого шаньюй пришел в раздумье, слабо смотрел за осажденными, и китайцы, воспользовавшись туманом, убежали из крепостцы. На свободе Га́о-ди, сняв оковы со своего верного Людзина, примерно наградил его страдания, а лазутчиков предал строгому наказанию. Таким образом кончился поход, угрожавший падением одному из двух государств, недавно еще возникших. Впрочем, мир не был заключен, и хунны в том же году сделали нападение на окрестности Да-тун-фу. Но это было только началом вековой борьбы хуннов с Китаем, которая, истощив обе стороны, дала перевес китайцам и прославила их в отдаленных краях древнего мира.

24. Император желал отомстить номадам войною за последние их набеги и, без сомнения, исполнил бы свое намерение, если бы благоразумный министр Лю-дзинь не обратил внимание его на то, что с наглецом и варваром, отцеубийцей и тираном, чуждым правосудия и сострадания шаньюем должно поступать так хитро, чтобы без кровопролития заставить его покорствовать, затем предло-

Л. 48

жил выдать за него одну из китайских царевен (гунь-джу), которая, вероятно, успеет смягчить дикий нрав хунна; а если родит сына, то потомок императорского дома станет управлять номадами; советовал даже воспитать его в Китае, в китайских правилах, и чрез то положить прочное основание будущим мирным сношениям с севером. Предложение принято; но императрица вместо своей дочери отпустила дочь невольницы, с титулом царевны, к степному повелителю, который тотчас и заключил с Китаем мирный договор. Сын пустыни, презиравший своих женщин, которые занимались низкою только работою в домашнем быту, страстно взирал на красивых дев Китая. Слабое правительство империи не в состоянии было сопротивляться требованиям шаньюя. И несчастные царевны неохотно, с сего времени, отправлялись в пустыни охранять скудное хозяйство своих супругов, питаться там мясом и молоком; а китайский двор, для собственной безопасности, вынужден был хуннского хана считать равным себе и ежегодно посылать ему условленное количество подарков. В дипломатическом языке эта мера, унизительная для империи, получила название системы мира или дружбы и родства (хо-цинь), которая при небольших изменениях осталась за-

Л. 48 об.

коном для следующих династий.

25. Трудно было поручиться за долговременное спокойствие на черте, разделявшей два государства, из коих одно, при воинственном императоре, начало уже обращаться к мирным трудам, к отыскиванию своих дзинов [148] в гробах и развалинах домов, к восстановлению наук, художеств, земледелия, торговли, а другое, по своему составу, не могло изменить свой дух завоевательный. Кроме того, хуннские владения в Ордосе примыкали к Китаю, так что шаньюй при первой мысли о походе мог скорее перелететь 700 ли до Си-

[148] Д з и н (*тибет.*) — мудрость, божественное знание (?).

ан-фу, чем успеет собраться китайская армия для отражения ее. Верный и преданный своему государю, Лю-дзинь, осматривая пограничные области, представил ему проект[, как] оградить северные пределы империи поселением там храбрых китайцев. И Хуан-ди тотчас около миллиона семейств перевел на жительство к самой граничной черте. По этой ли причине или по другим обстоятельствам, хунны некоторое время жили мирно, не хотели даже вмешиваться во внутренние дела Китая, хотя и были приглашаемы крамольниками при перемене там царственных лиц.

<…>

Ч. 2: (Л. 189–452)
Л. 189. Период второй 1206–1368 = 162 г.
Монголы владеют Средней Азией и Восточной Европой.
Династия монголов

[§] 1. В течение полутора столетий одно ничтожное поколение, явившись внутри Восточной Азии, успело, среди кровавой борьбы со своими врагами, возмужать, поглотить множество мелких владений и царств, наложить иго на значительную массу человечества и наконец одряхлеть под тяжестью покоренных им народов. Преодолевая эгоизм посторонних поколений, как бы увлекаемое непостижимым роком, оно, по дымящимся развалинам частностей, через потоки крови человеческой, быстро мчалось к незнакомым ему пределам. Правда, это поколение вполне не воспользовалось плодами своих неслыханных подвигов. Разрушитель чужих элементов народной жизни пал жертвой собственной беспечности, нерасчетливости, внутреннего бессилия. Но явление его в азийском мире было необходимо и увековечилось чрезвычайно важными последствиями в летописях Азии и Европы.

2. Начальная история сего поколения скрывается в глубоком мраке прошедших времен. Древние о нем предания еще

Л. 189 об.

не скоро будут критикой превращены в историческую достоверность по причине разногласия старинных сказаний, часто запутанных догадками наших исследователей. Жители нынешней Монголии издревле разделялись на роды и поколения, которые то враждовали друг с другом, то мирились, бросались на общую добычу или, изнурившись от внутренних раздоров, преклоняли колено перед сильнейшим. В последнем случае повелитель номадов, своей властью подавляя частные их притязания на первенство, обыкновенно название своего рода или поколения распространял на всех своих подданных. Таким образом, в течение веков неоднократно здесь возникали огромные массы народа, отмеченные в летописях различными наименованиями, и опять дробились на мелкие части, которые, в свою очередь, или возобновляли прежнее свое родовое название, или, смешавшись с более могучими соседями, теряли оное безвозвратно. В настоящее время часть этих родовых названий сохранились в официальных сведениях о монголах, часть еще существуют в народных преданиях, остальные, внесенные в книги, напр[имер] Рашид-уд-дина, Абулгат багадур-хана, изощряют остроумие критиков и историков. Но точное их распределение по коренным элементам едва ли когда-либо с надлежащей точностью будет исполнено. Мы сомневаемся даже в том, чтобы трудолюбивые и

добросовестные ориенталисты успели разграничить разнородные клочки и распознать оные в канве современного нам монгольского народонаселения.

См.: *Hammer-Purgstall* [149] в Jahbucher der Litteratur. Wien, 1834. Bd. 67; 1837. Bd. 77. Nouveau journal asiatique. Paris, 1832. June. P. 512.

Л. 443

226. Со времени владычества России в Сибири водворение христианства между инородцами составляло один из важных предметов забот правительственных. Мы упомянули об основании монастырей в Забайкальских степях как о рассаднике слова евангельского: труды усердных пастырей не остались там без успеха. Еще в 1681 г., по указу Феодора Алексеевича [150] и по грамоте Сибирского приказа, отправлен был из Москвы на Селенгу для обращения инородцев в христианство темникова Сретенского монастыря игумен Феодосий с иеромонахом Макарием и 10 монахами, которые сперва жили в Селенгинском Троицком монастыре, а потом на мысу у Байкала начали строить монастырь Посольский.

Далее Тобольский митрополит Филофей Лещинский (1702–[17]21), исполнитель воли Петра В[еликого], имея в виду распространение

Л. 443 об.

слова жизни и в сердце монголов, для разведания об их вере посылал к Джебцун-дамбе своих ученых, присоединив к ним молодых людей для изучения монгольского языка. Эти ученые в Урге беседовали с хутухтой при стечении 2 т[ысяч] лам, познакомились с обрядами буддийскими; но ученики, от невнимательности к ним, скоро возвратились в Сибирь без ожидаемых успехов. Потом же иерарх, осматривая свою паству в Иркутске, заглянул и за Байкал. История умолчала о плодах духовных того времени. Зна[е]м только, что христианское рвение ополчало многих из черного и белого духовенства, частных даже светских людей на подвиг в новой стране. А когда буряты, особенно их ламы, заяблонных [151] тунгусов превращали в монголов и буддистов, с котомкой за плечами пришел к ним в Даурию мещанин Кирилл Суханов (род. В Яренске в 1741, умер нерчинским протоиереем в 1810 г.) возвестить веру Христову. Выучась по-тунгусски, он крестил сотни тунгусов, населял ими деревни, строил храмы, писал иконы, заводил училища для образования причетников, диаконов, священников, иконописцев, писарей, каменщиков и пр. и обессмертил свое имя в памяти признательных бывших номадов. Потом труды Библейского общества, питомцы Иркутской семинарии, изучившие мон-

---

[149] Йозеф фон Гаммер-Пургшталь, барон (*нем.* Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall; 1774–1856) — австрийский историк, востоковед и дипломат, исследователь и переводчик восточных литератур. Один из основателей и первый президент Австрийской академии наук, иностранный член Французской академии надписей и изящной словесности, иностранный почетный член Петербургской АН.

[150] Федор III Алексеевич Романов (1661–1682) — русский царь (1676–1682), сын царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны (урожд. Милославская), старший брат царей Ивана V (родной) и Петра I (единокровный).

[151] Заяблонные тунгусы — жившие за Яблонным хребтом, в Заяблонной части Забайкальской области Российской империи. Яблоновый, или Яблонный, хребет (длина 650 км, максимальная высота 1706 м) — горный хребет в центральной части Забайкалья, главным образом на территории Забайкальского края.

гольскую грамоту, основание английской миссии на Селенге и Кудуне [152] заронили кроткое учение Иисуса. С каждым годом число крещеных бурят и тунгусов умножается. «Там особые небеса, особые стихии жизни даже животной, свои заблуждения, утвержденные тысячами времен и миллионами отживших поколений, следственно, для возрождения поколений живых требуется время благоприятное, когда бы народная образованность возвысилась над тысячелетними верованиями, [поняла тщету их] [153] и ощутила жажду к идеям высшего духовного

Л. 444

порядка. В такое время воссияет с неба день спасения, лишь бы от севера явились души безмездные, души, водимые духом апостольства» (П. Словцов) [154].

227. В Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинском уездах 1839 г., по официальным сведениям, находилось буддийского исповедания 61 605 д[уш] м[ужского] п[ола] и 59 628 ж[енского]. Всего 121 233 души. Сверх того, значительное число бурят и тунгусов, приведенных в христианство, отчасти в зависимости от Степных дум, а более живущих в деревнях, на общих правах государственного крестьянина.

Училища при Степных двух думах (Селенгинской и Хоринской), в Троицкосавске и Нерчинске, доставляют возможность обитателям Забайкалья почерпать начала образованности при содействии правительства.

[152] К у д у н — ныне Худан (Кодун, Худун), река на юге Восточной Сибири, в Бурятии; левый приток р. Уды (бассейн Селенги).

[153] Эти три слова О. М. Ковалевским пропущены.

[154] Цитата из книги «История Сибири. Книга первая с 1585 по 1742 год. Период 3 с половины 1709 по 1742 год» историка Сибири и поэта Петра Андреевича Словцова (Слопцов) (1767–1843).

ГЛАВА III

ДОКУМЕНТЫ

1. Востоковедение в законодательных актах России (XIX — нач. XX в.)

Указ императора Николая I Сенату о сосредоточении преподавания восточных языков при Санкт-Петербургском университете

22 октября 1854 г.

Признав полезным для успешнейшего изучения восточных языков, вместо обучения оным в разных заведениях Министерства народного просвещения, сосредоточить преподавание их в С.-Петербурге, где соединяется больше средств для развития этой обширной отрасли знания и больше учебных пособий, чем в других местах Империи, повелеваем:

1. Существующее ныне отделение восточных языков при С.-Петербургском университете преобразовать в факультет по прилагаемому при сем штату, с следующими кафедрами языков: 1) арабского, 2) персидского, 3) турецко-татарского, 4) монгольского и калмыцкого, 5) китайского, 6) еврейского, 7) армянского, 8) грузинского и 9) манджурского с предоставлением Министерству народного просвещения, согласно Общему уставу университетов и смотря по надобности и обстоятельствам, назначать на сии кафедры ординарных и экстраординарных профессоров. Полагаемые по штату три адъюнкта предназначаются для преподавания языков арабского, турецко-татарского и калмыцкого в помощь профессорам, а три лектора — для практических упражнений с учащимися.

2. К обучению в факультете, кроме стипендиатов, назначаемых по штату, допускать своекоштных студентов на общем основании и стипендиатов разных ведомств, по усмотрению сих последних.

3. Для доставления стипендиатам средств приобрести знание восточных языков в возможной полноте, и особенно в видах практического в оных усовершенствования, прибавить в учрежденном факультете к четырем годам университетского курса еще один год, с тем чтобы этот прибавочный год, в течение которого стипендиаты продолжают полу-

чать прежнее содержание, не препятствовал им держать окончательный экзамен и получать звание действительного студента или же степень кандидата, если того будут удостоены по истечении четырехлетнего курса.

4. Преподавание восточных языков в Казанском университете, Ришельевском лицее с состоящею при нем гимназиею и в Первой Казанской гимназии прекратить, оставив в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавание татарского языка и для обучения сему языку четырех воспитанников, из числа определенных положением 2 января 1836 года…; суммы же, отпускаемые в помянутые заведения на преподавание восточных языков, обратить на штатное содержание факультета, которому предоставить и учебные пособия на восточных языках, принадлежащие Казанским университету и гимназии, и Ришельевскому лицею с состоящею при нем гимназиею, за исключением в казанской гимназии того, что предоставлено собственно для преподавания татарского языка.

5. Все дальнейшие распоряжения о приведении в действие меры, в сем указе изъявленной, возложить на министра народного просвещения.

Правительствующий Сенат не оставит сделать по сему надлежащие распоряжения.

(*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. 29. Отд. 1-е. № 28659. С. 875–876*).

2. Деловая переписка О. М. Ковалевского

Из копии письма А. В. Игумнова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

Милостивый государь Михаил Николаевич!

После донесения к Вам от 21-го минувшего июля, мною чрез здешнего г. директора училищ отправленного, имею честь и особенное удовольствие донести Вам, как истинному ревнителю и первому творцу кафедры знаменитого и поныне соседственного нам монгольского языка, занимающего все пространство с запада от Дона до Алгура, а с севера от вершин Лены, Енисея и Оби до внутренностей Тибета и самого Китая, многолюднейшего и древнейшего во всем свете государства.

Начав преподавать сотрудникам моим гг. Ковалевскому и Попову монгольские письмена в первый раз, в 24-е минувшего июля, и поныне, совершив пятнадцать только кратких уроков, имею я восхитительное удовольствие уже видеть и слышать удивительные их успехи как в чистописании, так и в чтении монгольской письменности. Не себялюбие и не шарлатанское хвастовство побуждают меня так решительно

пред Вами похвалить сих образованных юношей; но здешние публичные отзывы то свидетельствуют, как местные и потому верные телеграфы наших назидательных упражнений. И вот уже по нескольку строк опытов их своеручного чистописания, Вам, милостивый государь! ими представляются прежде истечения первого месяца, считая с первоначального их свидания с монгольскими буквами. Их понятливость, неутомимое назидание и счастливое пристрастие к коренному сему языку обольщают мою надежду, что мы не замедлим приступить, с помощью Божиею, и к самим переводам, при дальнейшем продолжении местного начальнического благоприятства, Вашею любовью к познаниям в пользу любезнейшего Отечества. <...>

По предложению г. Ковалевского, пользуясь особенным знакомством Его превосходительства Петра Андреевича, высокопочтеннейшего визитатора Сибирских училищ, имел я честь отнестись ныне же к г. директору Кяхтинской таможни, с приложением реестра двадцати монгольским книгам, и просить его о покупке оных известными ему способами.

Путешествие по забайкальским монгольским племенам отлагаем мы до довольного нашего ознакомления с монгольским языком, дабы тем успешнее совершенствоваться в оном. А как наилучшее для обращения с нашими бурятами время есть летнее, то наступающая зима, кажется, удержит нас и от непосредственного с ним обхождения.

Прося о продолжении Вашего покровительства, имею честь быть с глубоким к Вашей особе высокопочитанием и совершеннейшею преданностью навсегда и проч.

31 августа 1828 г.

Иркутск

ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 25–26.

Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

Ваше превосходительство!

Казанский университет, по Вашему ходатайству, имеет ныне в своей библиотеке богатое собрание монгольских, маньчжурских, тибетских и китайских книг, отчасти способствующих изучению языков, отчасти объясняющих степень образованности народов Восточной Азии. Столь драгоценное, с неимоверным трудом сделанное приобретение должно быть предметом не одного только любопытства, но и ученых исследований. Укажу здесь на монгольские сочинения с их подлинными… в коих сокрыты сведения, весьма немногим еще доступные по причине незнания языков, сведения, могущие раскрыть нам веру, философию и историю приверженцев буддизма в древней Индии, Китае, Тибете и Монголии.

Европеец, оком любопытства окидывая вселенную, не упускал случая заглядывать в Азийский Восток, призрак нередко принимал за неоспоримую истину, из частных замечаний делал заключения о целом, собственными идеями затмевал чужие понятия, отрывистые известия приводил в систематический порядок, покрывая своими догадками нищету достоверных и критически рассмотренных подробных сведений. Возможно ли исчислить все наши погрешности и противоречия пользующихся неопределенным званием ориенталистов? Высказать нелепости, поддерживаемые из одного самолюбия или упрямства и закоснелости в старых предрассудках? Не говоря уже о мелочных спорах исторических, вспомните только буддизм и разнообразные о нем мнения европейцев. Одним показался он расколом (сектою) православной (orthodoxe) браминской веры; другие почитают его ровесником и соперником браманизма, полагая, что оба произошли от одной древнейшей религии индийцев. Некоторые думали, что буддизм состоит в грубейшем суеверии, наносит жесточайший вред человечеству, проповедывает многобожие или идолопоклонство с пагубными правилами; другие, напротив, доказывают, что он в самом начале был не что иное, как одна из многих философских сект индийских, которая, после заменившись в религию, вырвала азиатцев из лона зверского невежества и, облагородив их чувства и мысли, содействовала успехам образованности. Многие уверяли нас, что буддийские учреждения древностью своею восходят за несколько столетий до Р[ождества] Х[ристова], между тем как некоторые относили не далее как до VII века нашей хронологии, дабы подвергнуть оные несомненному влиянию христианства. Нужно ли упоминать, как перехваченные, нехорошо понятые идеи (фоевские [1]) или цейлонских буддистов насильно прилепляются к древнему индийскому буддизму? Est modus in rebus... Забыто, что в подобных исследованиях надобно тщательнее обращать внимание на место и время.

Впрочем, недостаток надлежащих пособий и материалов, равно как и неумеренное стремление ученых к составлению общих понятий о целости, без предварительного рассмотрения и соображения подробностей, могут [почесться] источником и причиною многочисленных ошибок в изложении столь обширного предмета.

Желая, по силам и возможности, знакомить наших читателей с сокровищами монгольской литературы, так мало еще известной, предпринял я представить им содержание собранных мною печатных и рукописных книг, отказываясь от всяких предположений и догадок собственных. Никто, думаю, не потребует от меня предварительного плана, как будто единственной формы, в которую должны быть переливаемы все сочинения, столь разнообразные по своей сущности и наружному виду. Космология, история и догматика буддистов составляют цель моих трудов, посвященных чтению и описанию монгольских

[1] Ф о е в с к и е — т. е. буддийские (от *кит*. фо-цзяо ‘буддизм’).

книг, коих одна часть имеет явиться в переводе с нужнейшими объяснениями. А иные в виде обозрений или извлечений.

Для образца на первый раз осмеливаюсь представить Вашему превосходительству краткое извлечение из любимой и весьма уважаемой буддистами книги, которая, по моему мнению, может служить начальным руководством для исследователей оснований веры, столь далеко распространившейся между азийскими народами. Не найдете здесь ни системы, в которую можно б было привести религиозные положения, ни опровержений оных, но заметить изволите простое только указание порядка древних легенд, из коих явствует цель и средства, для достижения оной употребляемые приверженцами буддизма. Здесь пересказаны деяния Будд разных времен, правила, ими преподанные слушателям своим; здесь при удобном случае помещены краткие известия о царях индийских, сопряженные с судьбою буддизма.

Лаская себя приятнейшею надеждою, что Ваше Превосходительство, среди постоянного попечения о благе и успехах нашего университета, обратит снисходительное внимание и на сей слабый труд мой, честь имею быть с глубочайшим почтением и вечной преданностью Вашего Превосходительства, Милостивого Государя покорнейший слуга *Осип Ковалевский*.

3 января 1834 г.

г. Казань

ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4198. Л. 1–2 об.

Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

Господину попечителю Казанского учебного округа!

Известно Вашему превосходительству, что во время пребывания моего среди монгольских племен занимался я составлением основных правил книжного их языка для руководства учащихся и что мой опыт, представленный в Императорскую С.-Петербургскую Академию наук, удостоился лестного отзыва со стороны знаменитого нашего ориенталиста Г. Шмидта. В продолжение преподавания монгольского языка в здешнем университете старался я, по возможности, пополнить и исправить мою рукопись. Надеясь, что сей труд послужит к облегчению изучения языка, осмеливаюсь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства пред Высшим начальством о разрешении на напечатание в университетской типографии на казенный счет Краткой грамматики книжного монгольского языка, мною составленной.

При сем честь имею донести Вашему превосходительству, что по рассмотрении собранных мною материалов для монгольской хрестоматии не замедлю окончить план, по которому она будет приноровлена

к Грамматике моей, сообразно требованию нашего времени и будущему (научению) учащихся сему языку.

Адъюнкт *Осип Ковалевский*.

14 декабря 1834 г.

г. Казань.

ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 1.

Донесение О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о ламе Никитуеве

13 апреля 1839 г.

г. Казань

Господину попечителю Казанского учебного округа!

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 11 апреля за № 1647, об отправлении комнатного надзирателя 1-й Казанской гимназии ламы Галсан Никитуева в Астрахань к калмыкам для переписки набело тибетского словаря, честь имею донести, что сокращение четырехмесячного срока, просимого Никитуевым, может зависеть единственно от предварительного его сношения с калмыцкими степями, так, чтобы, по прибытии в Астрахань, он нашел готовых уже писцов для себя; в противном случае его предприятие едва ли может с успехом совершиться в продолжение трех месяцев, потому что Никитуев должен употребить некоторое время на проезд в астраханские степи и обратно в Казань и, кроме того, на прибавление калмыцкого перевода к тибетским словам, им уже собранным и приготовленным к переписке набело.

Впрочем, составление тибетско-монголо-калмыцкого словаря, по моему мнению, принесет несомненную пользу и самому сочинителю, и студентам нашего университета, которые, изучая монгольский язык, желают познакомиться и с тибетским, столь богатым религиозными и историческими творениями. Я думаю, что издание подобного словаря будет полезно и для ориенталистов, и для монгольских племен, послужит им к новым соображениям и разработке столь мало известных драгоценных рудников тибетской литературы.

Отправление Никитуева в калмыцкие степи представляет удобный случай студентам нашего университета, учащимся с успехом монгольскому языку, особенно Навроцкому и Позерну, познакомиться с одною отраслью монгольского народа, языком ея, нравами, обычаями, религией, историческими преданиями. Если благоугодно будет Вашему превосходительству изъявить согласие на отправление упомянутых студентов вместе с ламою Никитуевым, то осмеливаюсь покорнейше просить Вас вменить Навроцкому и Позерну в непременную обязанность, кроме практических занятий калмыцким наречием в степях, вес-

ти дневные записки всем их наблюдениям по части языковедения и жизни калмыцкого народа так, чтобы по возвращении студентов в Казань из их дневника можно было судить о их прилежании, способностях и полезном употреблении времени, сообразно отеческому попечению начальства об успехах этих молодых людей. Навроцкий, как оканчивающий уже курс учения, останется при ламе Никитуеве до самого возвращения его в Казань, а Позерн должен прибыть в Казань не позже 15 августа или приехать вместе с воспитанниками гимназии калмыками, которые будут отпущены в степи на вакационное время, о чем честь имею представить на благоусмотрение Вашего превосходительства.

ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4960. Л. 5, 5об.

Донесение О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о кандидате Васильеве

27 ноября 1839 г.
г. Казань
Господину попечителю Казанского учебного округа!

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 23 ноября за № 5249, честь имею донести, 1) что я имел уже счастье представлять Вашему превосходительству записку о книгах, необходимо нужных кандидату Васильеву на время пребывания его в Пекине, и что эти книги уже выписываются г. библиотекарем университета, 2) что для открытия входа г. Васильеву к важнейшим пекинским ламам, особенно к Минджул хутукту, я намерен снабдить его письмами рекомендательными, при которых, по азиатскому обыкновению, должны находиться и подарки. По собрании сведений о вещах, для того предназначаемых, и об их цене я буду иметь честь представить Вашему превосходительству особую записку. Г[осподин] Васильев, со своей стороны, приготовлен к путешествию, желает запастись некоторыми вещами в подарок будущим своим учителям и потому просит покорнейше, не благоугодно ли будет Вашему превосходительству сделать распоряжение о выдаче ему из университетского казначейства, заимообразно, до тысячи руб. [ассигнациями], в счет сумм, которые имеют быть ему высланы от Министерства иностранных дел? 3) По моему мнению, при отправлении г. Васильева в Пекин незаменимо будет поручить ему: а) приобрести там семена разных растений для ботанического нашего сада, с кратким их описанием и наставлением, как их можно разводить; в) поручить ему обратить особенное внимание на китайское земледелие и промышленность, заказать для университета модели разных орудий земледельческих и других, употребляемых китайцами, и вообще при-

обретать вещи и изделия, в которых более или менее проявляется художническое искусство китайцев. Потому г. Васильев должен подробно рассмотреть собрание вещей, хранящихся в университетском кабинете редкостей, для избежания излишней покупки. Кроме того, покорнейше прошу Ваше превосходительство разрешить г. Васильеву право употребления на то суммы, предназначенной уже для приобретения книг, дабы за отдаленностью места не встретилось какое-либо препятствие в последствии [по прошествии] времени.

ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 53, 53 об.

Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

Господину попечителю Казанского учебного округа!

Известно Вашему превосходительству, что в продолжение двенадцати лет одним из главных предметов моих занятий было составление, по возможности, полного монгольско-русско-французского словаря с надлежащею фразеологией. Это сочинение, стоившее много времени, трудов и издержек, теперь, благодаря Бога, окончено. Представляя у сего начальную букву моего словаря, покорнейше прошу Ваше превосходительство передать ее на рассмотрение Санкт-Петербургской Академии наук, и, если этот опыт удостоится лестного внимания ученых и будет признан удовлетворяющим своей цели и требованиям нынешней лексикографии, исходатайствовать разрешения: 1) напечатать все сочинение на казенный счет, 2) этот многолетний и посильный мой труд посвятить августейшему имени Его императорского величества.

20 сентября 1841 г.

г. Казань

ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5210. Л. 1.

Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

Ваше превосходительство, милостивый государь Михаил Николаевич!

По приказанию Вашему честь имею донести, что в моем лексиконе теперь находится слов и фраз около 40 000 и что во время печатания прибавится до 8000 фраз из тибетско-монгольского словаря рукописного, которого часть вчера мною получена.

С глубочайшим почтением и вечною преданностью честь имею быть Вашего превосходительства, милостивого государя покорнейший слуга *Осип Ковалевский*.

29 сентября 1841 г.

г. Казань

ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5210. Л. 2.

Студент Казанского университета и будущий адъюнкт Академии наук Н. И. Зоммер (1823–1847)

№ 1
Распоряжение № 692 от 8 февраля 1845 г. «О студенте Зоммере» [2]

Совету Казанского университета. С.-Петербургская Академия наук в 1843 году просила меня чрез Академика Френа уведомить, не имею ли я в виду между Студентами вверенного мне Университета молодого человека, посвятившего себя с успехом изучению Китайского языка и могущего со временем с честию занять место Адъюнкта [3] в Академии наук. Я рекомендовал для этой цели Студента Зоммера, известного мне по неоднократным отличным засвидетельствованиям Архимандрита Даниила, Ординарного профессора Ковалевского и Экстраординарного профессора Попова, с весьма хорошей стороны по своим прекрасным способностям, примерным успехам в языках Китайском и Монгольском и наконец по неутомимому трудолюбию. О желании Академии я сообщил Архимандриту Даниилу и Профессору Ковалевскому, поручал им составить план занятия Студенту Зоммеру для окончательного его усовершенствования, прочитал этот план Зоммеру и отобрал от него согласие следовать ему во всех отношениях.

Чтобы дать этому делу надлежащее правильное течение, я доводил до сведения г. Министра Народного просвещения [4] о предложении Академии Наук, делающем столь много чести Восточному отделению вверенного мне Университета и представлял бы на благосклонное Его Превосходительства усмотрение план о будущих занятиях Зоммера, составленный вследствие означенного моего поручения Архимандритом Даниилом и г. Ковалевским.

Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук, возложив на Академика Френа, Шмидта и Броссе [5] рассмотрение

---

[2] Печатается по: Дело о приготовлении студента Зоммера в китайском языке… чтобы он со временем с честию мог бы занять место Адъюнкта С.-Петербургской Академии наук. 3-го марта 1845. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2799. Л. 1–2 об.

[3] В Российской империи адъюнкт был помощником академика Академии наук. Изначально такие лица назывались просто помощниками из студентов, в обязанности которых входило преподавание в Академической гимназии. Впоследствии адъюнкты представляли собой одну из категорий академиков. Адъюнктом, или адъюнкт-профессором, назывался заместитель или помощник профессора при кафедре, второй заместитель его как руководителя научной кафедры, обязанность его состояла преимущественно в том, чтобы помогать главному ее представителю (профессору) и замещать его. Должность существовала до общего университетского устава 1863 г., этим уставом адъюнкты были упразднены, а вместо них введены штатные доценты.

[4] Тогда эту должность занимал граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855), известный своей формулой «православие, самодержавие, народность» (из Циркуляра попечителям учебных округов от 21 марта 1833 г.).

[5] Марий Иванович Броссе (*Marie-Félicité Brosset*, 1802–1880) — французский востоковед, преимущественно занимавшийся историей Грузии и Армении. С 1838 г. — академик Императорской АН, с 1864 г. — директор Нумизматического

предоставленного мною плана занятий Зоммера, представляло отзыв этих Академиков г. Министру и Его Высокопревосходительству, одобрив его, от 4-го декабря 1844 года за № 1641-м.…

Составленная мною ныне вновь по распоряжению моему ординарным Профессором Ковалевским, на основании замечаний поименованным выше Академиком, инструкций для занятий Студента Зоммера, мною рассмотрена и утверждена 29-го минувшего Января.

Давая знать о всем этом Совету Казанского Университета и препровождая у сего один экземпляр инструкции, нужным считаю присовокупить, что вместе с сим я представил таковой же экземпляр г. Министру и препроводил для надлежащего руководства Словесному отделению Профессорам Ковалевскому, Войцеховскому, Попову и Студенту Зоммеру.

Попечитель Казанского Учебного округа
Тайный советник М. Мусин-Пушкин

№ 2

Инструкция Казанского университета казеннокоштному студенту Зоммеру, на основании замечаний Императорской С.-Петербургской Академии Наук, одобренных г. Министром народного просвещения, 4 декабря 1844 г. № 1641, составленная ординарным профессором Ковалевским и утвержденная г. Попечителем Казанского учебного округа 29 января 1845 года [6]

Казанского Университета казеннокоштный студент, по разряду Китайской и Монгольской словесности, Николай Зоммер, отличающийся успехами в преподаваемых ему предметах и одаренный прекрасными способностями к продолжению с пользою занятий на ученом поприще, предназначается начальством на место адъюнкта при Императорской С.-Петербургской Академии Наук, по части Китайской литературы.

Столь высокое и лестное назначение для сего молодого человека не может быть иначе достигнуто, как посредством твердой и непоколебимой с его стороны воли совершенно предаться изучению избранного предмета и приобрести самостоятельное о нем суждение.

Университетское начальство своему питомцу вменяет в непременную обязанность:

С окончанием курса, для получения степени кандидата, представить сочинение по главному предмету, а именно на тему из обширной области Китайской литературы, которое, как первый опыт настоящих

кабинета Эрмитажа. С 1830-х гг. жил в России. Умер во Франции, куда отправился в отпуск на лечение.

[6] Несброшюрованный печатный текст на 7 страницах без указания места и года издания. Приплетен к делу: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2799. Л. 3.

его познаний, по одобрении университетом, чрез Попечителя округа препроводится в Академию наук.

По окончании курса Зоммер останется при Казанском университете на один год с тем, чтобы в это время приготовиться к испытанию на степень магистра и раздвинуть пределы своих знаний как в языке, так и в истории Китая. Здесь предстоит ему важный труд познакомиться не токмо со всем, что знаменитые Европейские синологи сделали уже для познания Китая, но и вникнуть самому в то, что сами Китайцы передали ученому свету о себе и о своих соседях, по части бытописания, географии, статистики и по другим отраслям образованности в отношении к наукам и искусствам. Здесь никакое, мелочное даже, по-видимому, сведение не должно ускользнуть от внимания Зоммера. Все, что только имеет посредственную или непосредственную связь с изучаемым предметом, необходимо должно быть им замечаемо и обсуживаемо с разных сторон. Потому наш молодой синолог обязан всякое сведение, почерпнутое из Китайских источников, неутомимо сличать с прежними розысканиями ориенталистов и, для изощрения собственной критической способности, направить ее к исследованию предметов, вовсе нам неизвестных или неточно и неправильно другими описанных и таким образом приготовить себя к строгой ученой разработке богатых Азиатских литературных рудников. Частые беседы с профессором Китайского языка, ежедневные непрерывные занятия в Университетском книгохранилище и собственное размышление, подкрепленное приобретенным навыком к труду, послужат руководством в этом деле. Нередко одно замечание очевидца, прожившего десять лет в центре Китая, может заменить ему предлинные толки самих Китайских писателей.

С особенным усердием заниматься языком Маньджурским, познание которого необходимо каждому, кто только основательно изучает Китайский, когда, при чтении Китайских текстов, в сомнительных случаях, для собственного убеждения, нужно прибегать к Маньджурским переводам, сделанным учеными Маньчжурами или под руководством Китайцев, хорошо постигавших смысл древних священных книг [7]. Библиотека Казанского университета и в дополнение к ней предложенные С.-Петербургскою академией наук сочинения доставляют лучшие для этой цели пособия, не упоминая уже о том, что преподаватель Китайского языка в университете вместе преподает и маньчжурский язык, следственно, во всякое время может быть полезным советоподателем для Зоммера, имеющего весьма хорошие познания в Монгольском языке, сродном маньчжурскому.

---

[7] Известное заблуждение старой европейской синологии, вероятно, связанное с убеждением, что маньчжурский язык легче в изучении, чем китайский «с его громоздкими иероглифами» (выражение Дж. МакГована). О действительном положении дел см. в отчете Н. И. Зоммера ниже.

Продолжать занятия монгольским языком, прибегая к чтению книг, относящихся к главному его предмету.

Не упуская из виду и языков европейских: латинского, немецкого, французского и английского как вспомогательных и необходимых при ученых исследованиях по китайской словесности.

Само собою разумеется, что тема для рассуждения на тему магистра будет им избрана из главного предмета занятий, и разрешение ее должно доказать и ученость, и критические способности Зоммера. Диссертация эта, по одобрении университетом, имеет быть напечатана и чрез Попечителя препровождена в Академию наук.

Но, чтобы местное начальство могло неупустительно следить за ходом занятий Зоммера, он обязан доставлять своим профессорам за каждое полугодие самый подробный отчет о своих занятиях и ученых наблюдениях. Отчеты эти, по рассмотрении профессорами, представляются Попечителю, а чрез него сообщаются Академии наук.

Удостоившись степени магистра, Зоммер на один год отправится в С.-Петербург, где ожидают его труды в библиотеках публичной, академической и Азиатского департамента, известных сокровищами китайской словесности. Свободные часы он посвятит там назидательным беседам с членами бывшей Пекинской духовной миссии, которые, как живые свидетели разнообразной китайской жизни, могут ему предать свои сведения, собранные на месте и имеющие тесную связь с будущим назначением Зоммера.

Потом Зоммер совершит ученое путешествие в Париж, где, в продолжение года или более, по особой инструкции постарается: 1-е) приобрести знакомство с тамошними синологами и с их ученой деятельностью; 2-е) вникнуть в собрание китайских сочинений, как в королевской библиотеке, так и в частных книгохранилищах; 3-е) посвятит часть времени на изучение языка японского, который, как отрасль китайского, не представит Зоммеру больших трудностей к узнанию его [8]. В Парижских библиотеках наш синолог найдет богатые материалы для японской литературы, столь важной и столь мало известной еще европейцам. Отчеты о пребывании своем в Париже Зоммер будет представлять Академии наук.

Подлинную подписал:
Попечитель Казанского учебного округа,
Тайный Советник *М. Мусин-Пушкин*.

[8] Характерное заблуждение старой европейской синологии. Не учитывалось, что практически вся японская литература до второй половины XIX в. печаталась на так называемом *камбуне,* тексты записывались китайскими иероглифами в соответствии с китайской грамматикой, но снабжались разметкой, позволяющей читать их на японском языке, который грамматически не имеет ничего общего с китайским.

№ 3
Отчет Н. И. Зоммера [9]

В первом отчете я имел честь представить ход моих занятий в течение первой половины 1845/46 Акад[емического] года, в настоящем же имею честь представить ход моих занятий в продолжение второй половины 1845/46 Ак[адемического] года и первых трех месяцев текущего Ак[адемического] года (т. е. 1846/47 г. — *Авт.*).

Следуя данной мне Инструкции, я должен был при этом отчете представить и диссертацию на степень Магистра Китайско-Маньджурской Словесности; но ниже изложенные причины лишили меня возможности исполнить это требование Инструкции. При избрании темы для диссертации на степень Магистра множество вопросов представилось мне, вопросов, удовлетворительное решение которых могло бы принести пользу изучаемому мною предмету. Но рассматривая эти темы, я должен был отказаться от большей части оных, по недостатку или совершенному неимению материалов, необходимых для удовлетворительного решения каждой темы. Из оставшихся тем, на обработку коих надеялся я иметь большее число материалов, нашел я самую любопытную — «*Взгляд на развитие цивилизации Китая с древнейших времен до настоящего времени*». Целью моею было: показать элементы, из коих сложена цивилизация Китая, представить развитие их с древнейших времен до настоящего времени, начертать, таким образом, весь срез развития цивилизации Китая, охарактеризовав во всех подробностях каждую из этих фаз, раскрыть тайную причину, которая управляет жизнью Китая в течение четырех тысячелетий, и открыть чрез это ту идею, которую развивает Китай своим долговременным существованием. Сюда по необходимости должно было войти решение нескольких второстепенных, но не лишенных занимательности вопросов, напр[имер] отношение Китая к другим народам, в особенности к соседям-номадам [10], и т. п. В заключение я желал решить вопрос: какое значение имеет история Китая в истории Азийских народов и какое место должна занимать история Китая в истории всего человечества. Вот вопросы, решение коих намеревался представить в своей диссертации. Прежде всего я обратил все свое внимание на подробное и критическое, по возможности, изучение Политической Истории Китая. В первом отчете я имел честь объяснить, по каким источникам исследована мною история Китая до династии Сун [11]. При исследовании политиче-

[9] Печатается по материалам: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5463. Л. 74–88 об. Единственный сохранившийся отчет Зоммера. Ввиду технических сложностей опущено иероглифическое написание китайских и японских терминов и заглавий, использованное Зоммером. Транскрипция приведена к современному виду. Разбивка на абзацы в ряде случаев сделана нами. Особенности стилистики и синтаксиса по возможности сохранены.

[10] Н о м а д ы — кочевники.

[11] Китайская династия, правившая в 960–1279 гг.

ской истории Китая от дома Сун до настоящего времени я не имел недостатка в источниках, из коих некоторые довольно замечательны.

Они суть:

1) Известная уже в Европе история трех домов, под названием *Лао-Цзинь-Юань сань ши*, т. е. история трех династий: Лао [12], Цзинь [13] и Юань [14];

2) *Мин цюань*, история дома Мин [15], изданная по высочайшему повелению в 16-е лето правления Цзя-цина [16]. 2 тома, 16 книг. Начинаясь царствованием Тай-цзу [17], она оканчивается воцарением дома Цин [18]. На первых страницах первой книги помещена генеалогическая таблица дома Мин. Не отличаясь особенною полнотою, она все-таки может считаться в числе лучших историй дома Мин.

Издание весьма хорошее: 3) *Кай го фан ло.* Это есть история первых Маньджурских государей до завоевания Китая. Издана в правление Цянь-луна [19], 2 тома, 16 больших книг. Это сочинение доставило мне много новых сведений о состоянии Маньджуров до завоевания ими Китая.

4) *Дунь хуа лу*, Chronique de la fleur d'Orient [20]. Издана в 1836 году. 2 тома, 12 книг. Это сочинение, изданное ученым провинции Цзяннань [21] Цзян Лянь-ци, составляет единственный прекрасный источник, из коего можно почерпать сведения о настоящей династии. Она оканчивается правлением Цянь-луна. Синологи уже не раз пользовались этой хроникою при изложении событий дома Цин.

5) *Мань нань Мин чэн чжуань.* Биографии знаменитых Маньджурских и Китайских чиновников, служивших при настоящей династии до времени правления Юнь-чжэна (1723). 12 томов, 90 маленьких книжек. Я повлек отсюда биографии самых замечательных мужей династии Цин. Кроме исчисленных и некоторых других источников я постоянно

---

[12] Правильнее — Ляо. Государство и династия народа киданей, существовавшие в 925–1211 гг. на территории Северного Китая.

[13] Государство и династия тунгусского народа чжурчжэней, существовавшие в Северном Китае в 1115–1211 гг. (формально до 1236 г.).

[14] Название династии Чингис-хана по прямой линии, правившей в Улусе великого хана в 1271–1368 гг. (т. е. в период подчинения всего Китая монголам).

[15] Национальная китайская династия, правившая в 1368–1644 гг. (на Юге страны до 1662 г.).

[16] Т. е. 1812 г. Ц з я - ц и н — девиз правления императора Юн-яня, правившего в 1796–1820 гг.

[17] Посмертный титул Чжу Юань-чжана, основателя династии Мин. Правил в 1368–1399 гг.

[18] Маньчжурская династия, последняя династия монархического Китая. Основана в 1636 г., в Китае правила в 1644–1912 гг.

[19] 1736–1796 гг.

[20] «Хроника восточного цветка» (*фр.*).

[21] Историческая область Китая, включающая правый берег нижнего течения Янцзы, т. е. провинции Аньхуй, Цзянсу и Северный Чжэцзян с городами Шанхай, Ханчжоу, Нанкин, Сучжоу и Нинбо.

пользовался Всеобщей историей Китая *Тун Цзян ган му* [22] и *Тун Цзян цзи лань*, а также и сочинениями ориенталистов, служащими к объяснению Истории Китая: замечательная компиляция Plath'a (название неразборчиво. — *Авт.*).

Не считаю нужным объяснять, что для решения избранной мною темы необходимы, кроме исчисленных, много исторических источников, многие другие материалы. Но их-то я и не нашел в нашей университетской библиотеке. Я знал это при первом избрании мною темы и заявил об этом гг. профессорам О. М. Ковалевскому и О. П. Войцеховскому. Г[осподин] профессор Ковалевский стал заботиться о выписке мне из библиотеки Азиятского департамента превосходного творения Ма Дуань-линя [23] *Вэнь сянь тун као*, без коего почти невозможно (пропущено [слово] «обойтись». — *Авт.*) при решении взятой темы, относящейся к Истории и Литературе Китая. Для решения же множества вопросов, входящих в мою диссертацию, оно необходимо. Также необходимы: *Сюй тун дянь*, *Сюй тун као,* и *Хуан чао тун дянь — тун као* [24] и др. Ожидая *Вэнь сянь тун као* из библиотеки Азиятского департамента, я, не теряя времени, воспользовался всеми средствами, кои представила мне наша библиотека, надеясь с помощью их сам [если] не совсем удовлетворительно, то хотя кратко решить вопросы, выше изложенные. Но и этого я не смог исполнить, потому что вся наша библиотека ограничивается следующими китайскими сочинениями: 1) довольно большим числом сочинений, относящихся к Христианской религии, писанных Католическими миссионерами. Но эти сочинения мне не нужны, 2) несколькими экземплярами *цзинов* и *Сы-шу* [25], 3) несколькими романами, повестями и другими мелкими сочинениями [26], 4) двумя экземплярами *Дай Цин хуй дянь* [27], которыми воспользовался я для познаний в законодательстве Китая в настоящее время, 5) экземпляром *Дай Цин и тун чжи* [28], служащим мне источником сведений о Стати-

[22] Очень популярная всеобщая история Китая, начинающаяся с 403 г. до н. э., впервые составленная Сыма Гуаном (1019–1086) и дополненная рубрикацией Чжу Си (1130–1200). С тех пор неоднократно переиздавалась, дополнялась и переводилась на дальневосточные языки.

[23] Ма Дуань-лин (1245–1325) — выдающийся китайский энциклопедист и историк. Сочинение «Вэньсянь тункао» опубликовал в 1317 г., работая над ним с 1273 г. Формально это обозрение развития китайского законодательства с древнейших времен, но фактически получилась энциклопедия, охватывающая все стороны жизни китайской цивилизации в ее развитии.

[24] Энциклопедические труды.

[25] Цзин — конфуцианский канон. Сы шу — «Четверокнижие», четыре наиболее почитаемых в конфуцианстве канона: «Да-сюэ», «Чжун юн», «Лунь юй» и «Мэнцзы».

[26] Китайские ученые того времени считали сюжетную прозу «низкой», или «простонародной», не заслуживающей рассмотрения. Такие же взгляды демонстрировали и некоторые синологи того времени, сильно зависящие от китайской традиции.

[27] «Полное собрание законов и постановлений Цинской империи».

[28] «Описание Цинской империи»: экономический и статистический справочник.

стике и географии Китая, 6) теми историческими сочинениями, кои служили мне единственным источником для моей диссертации и кои поименованы в моих отчетах, и 7) Несколькими сочинениями, относящимися к медицине и естественным наукам. Вот все богатство нашей библиотеки. Мог ли я кончить мою диссертацию при этих средствах? Я пытался было, с согласия и одобрения г. профессора О. П. Войцеховского, писать на другие темы, но для решения их также не нашел материалов.

Эти темы: 1) Положение истоков философии в Китае с древних времен до настоящего времени; мне бы хотелось начертать историю философских систем в Китае, один отдел коей — новая философия мною уже исследована [29]. Рассмотрев с новым вниманием *Сы-шу,* я тем и должен был ограничиться, потому что кроме *Сы-шу*, *Даодэцзина* (*Лао-цзы*) и *Наньхуа цзина* (*Чжуан-цзы*) [30] ничего не нашел в библиотеке. Та же участь была и с другими темами, мною, с одобрения О. П. Войцеховского, избираемыми. Отдавая себя на суд моего начальства, я с тем вместе не могу не высказать, что я считаю для себя несчастием, что не мог выполнить требований Инструкции, но я был бы недостоин попечения о себе Начальства, его ко мне внимания, если бы не исполнил требований Инструкции по собственной небрежности и недеятельности, а не от независящих от меня причин, кои мною здесь представлены.

Я мог бы из собранных мною о Китае сведений написать диссертацию на какую-нибудь незначительную тему: но писать на тему маловажную или уже избитую я не могу решиться.

Если Академии Наук, вследствие неисполнения мною требований Инструкции, неблагоугодно будет вызвать меня в Петербург для окончания приготовления меня на степень Магистра, то осмеливаюсь обратиться к Академии Наук с некоторой просьбой.

Давно уже я имею желание взглянуть на Китай, посмотреть собственными глазами тот край, изучение коего уже девятый год составляет главный предмет моих занятий, всмотреться в жизнь того народа, язык коего сделался для меня вторым после моего родного — русского. Возрастая во мне более и более, это желание сделалось теперь самым главным из всех моих желаний, основываясь на следующих убеждениях.

Хотя многие из европейских Синологов довольно хорошо изучили язык Китая, его Историю и Литературу, а некоторые даже весьма основательно и глубоко постигли эти предметы, не видавши Китая; но как увеличились бы познания их в этих предметах, если бы им случилось побывать в Китае! Можно представить несколько примеров, что отличные Синологи делают иногда самые странные ошибки в своих суждениях о Китае, и это именно оттого, что они не видали Китая.

---

[29] Для новой философии находятся у нас весьма хорошие материалы, и я употребил их для кандидатского рассуждения. *Примечание Н. И. Зоммера.*

[30] Основные каноны даосизма, созданные в V–III вв. до н. э.

Где удобнее вполне, в совершенстве узнать язык, постичь гений его, как не в стране, где весь народ говорит этим языком? Где лучше изучать историю народа, как не в стране, где совершаются все события истории этого народа? Можно ли определенно судить о духе народа, о его нравах, обычаях, верованиях, предрассудках, основываясь на одних показаниях путешественников, часто весьма противоречивых? Мне кажется, что самая история народа тогда лишь будет вполне ясна изучающему ее, когда он всмотрится в настоящую жизнь этого народа. А это тем более можно сказать о Китае, потому что его опыт чрезвычайно различен от опыта Европейского; и не видавшему Китай многие страницы истории Китайской будут казаться весьма темными, непонятными. Притом что [где], как не в самом Китае, можно обозреть все умственные богатства китайцев? Эти-то убеждения, и к тому же особенное сильное желание быть в Китае заставляют меня обратиться к Академии Наук с покорнейшею просьбой: исходатайствовать мне место студента в будущей Пекинской миссии. Не взглянуть на Китай желаю я, а прожить в нем полный период миссии — 10 лет, чтобы в это время воспользоваться теми огромными средствами, кои представит Пекин изучающему жизнь Китая во всех его отношениях, и чрез то быть полезным предмету, на изучение коего я посвятил всю свою жизнь. Но как до отправления новой миссии в Пекин остается еще два года, то мне желательно было бы занимать в это время место в Казани или на Кяхте, которое давало бы мне средства к существованию и не лишило бы меня возможности продолжать мои занятия словесностью китайской.

Имею честь продолжить отчет мой.

Язык Китайский [31]. В прошлом отчете я объяснял методу, которой следую я при занятиях языком Китайским. Этой методы я и теперь держусь постоянно. Главное мое внимание обращено было в это время на важную часть грамматики китайской — на частицы. Несмотря на превосходные изыскания об этом предмете Премара, Ремюзы и Жюльена [32], употребление многих частиц до сих пор объяснено еще не во всех подробностях и иногда неточно. Возьму для примера частицу *чжи*, играющую весьма важную роль в языке китайском. Объяснены ли все ея употребления? Нет. Поэтому я слежу употребление каждой частицы, не упускаю ни одной фразы, где находится частица, не давши себе полного отчета о значении встретившейся частицы в читаемой фразе. Этим способом я отыскал несколько таких употреблений частиц, о которых еще не было помянуто синологами, между тем как неточное знание роли, занимаемой частицею, ведет к неправильному или неясному уразумению смысла. Весьма занимательно различие употребления частиц в языках древних классических книг, в новом книжном языке (*вэнь хуа*) [33] и в

[31] Здесь и далее подчеркнуто Н. И. Зоммером.

[32] Станислас-Эньян Жюльен (1797–1873). Выдающийся французский синолог, дал полный перевод «Мэн-цзы» на латинский язык (1824).

[33] Вэнь-хуа — язык ученый. Лучше всего называть его книгарным. *Примечание Н. И. Зоммера.*

языке разговорном (*гуань-хуа*) [34]. В языке древних классических книг редко встречаются частицы, в *вэнь-хуа* чаще, а в *гуань-хуа* — еще чаще. Употребление частиц в языках *гуань-хуа* и простонародном необходимо, но зато роли, занимаемые частицами в разговорных языках, не так разнообразны, определеннее, чем в языке *вэнь-хуа*, где употребление частиц весьма обширно.

Литература. Составление истории литературы китайской весьма затрудняет меня по малочисленности пособий. Если бы мне, как я надеялся, было прислано 76 книг от энциклопедии Ма Дуань-лина, в коих заключается «véritable histoire litterarie», то я мог бы, с помощию их, приобрести подробные сведения в истории китайской литературы. Но не получив их, я должен был ограничиться выборкою из тех сочинений, о коих я упоминал в первом отчете, но эти пособия недостаточны… О многих предметах истории китайской литературы вовсе неоткуда черпать сведения, в течение университетского моего курса нам не была читана история китайской литературы. Это-то отсутствие пособий не дало мне возможности приготовиться в этом предмете столько, сколько нужно для испытания на степень Магистра.

Странно, что до сего времени никто из Синологов не занялся составлением хотя краткой истории китайской литературы, а издание такого сочинения необходимо. На количество же хороших синологов пожаловаться нельзя, их довольно. Молодые синологи, являющиеся в Париж, вероятно, ученики знаменитого Жюльена, и без сомнения — владеющие основательными познаниями в языке китайском, обращаются часто к таким предметам, кои не приносят никакой пользы ученому миру. Так, T. Pavie [35] подал в 1839 г. Choix de contes et nouvelles, trad. de Chinois [36], а теперь подает перевод героической повести *Сань го чжи* [37]. Какую пользу принесут эти переводы? Между тем из этих же переводов видно, что переводчик весьма хорошо знаком с языком китайским. Не укорительно ли заниматься такими предметами тогда, когда ученый мир нуждается еще во многих необходимых для него свидетелях о Китае? Употреби же г-н Пави свои прекрасные познания в языке китайском на труды более важные, более для ученого мира интересные, он заслужил бы благодарность ориенталистов и вообще ученого мира. Невольно вспомнишь при этом нашего почтенного синолога

---

[34] Не совсем точно: г у а н ь - х у а — это искусственный язык общения чиновников, который позволял преодолевать диалектные различия, но при этом был непонятен простонародью.

[35] Т е о д о р М а р и П а в и (Théodore-Marie Pavie; 1811–1896) — французский синолог, более известный как исследователь североамериканских индейцев.

[36] «Исторические извлечения и новости / пер. с кит.» (*фр.*).

[37] Один из первых китайских романов, написанный Ло Гуань-чжуном (1330–1400), который заложил основу этого жанра в Китае, до сих пор очень популярен во всем мире.

о. Иакинфа [38]. Каждая статья его — суть драгоценность для ученого мира!

Цин и тун чжи. Сличая географические и статистические описания Китайской Империи, составленные европейцами, со страницами *Дай Цин и тун чжи*, я нашел, что самым лучшим из этих описаний можно считать «Статическое описание Китайской империи» о. Иакинфа, 1842 г., 2 ч.; описание Дюгальда [39] и Гросье [40] уступает сочинению нашего славного синолога. И несмотря на это, творения о. Иакинфа до сих пор не оценены еще надлежащим образом, тогда как они требуют того по их [полноте [41]], разнообразию и достоинству. — Хвалят описание Китая д-ра Ло на английском языке, но мне, к сожалению, не удалось еще видеть это творение; в Казани еще никто не выписывал его.

Среди занятий моих, я успел сделать еще следующее:

1) *Синь Цзян ши люэ*, «Исторические и географические записки о Новой границе», т. е. Туркестане и Чжуньгарии, соч[иненные] Сунь Цзюнем. В скором времени я надеюсь из выписок, мною отсюда сделанных, представить отдельную статью [42].

2) Делал извлечения из замечательной мифологии китайской *Ли дай шэнь син тун чжи*.

3) С особенным любопытством прочитал *Цин ган цзин*, т. е. *Дордон допотба*, помещенную в *Лао фо у цзин* (5 канонических сочинений сект Лао и Фо), где находятся *Дао-дэ цзин* и 4 фоевские книги. 1 том, 1807 г., Пекин. В прошлый отчет я полагал содержание *Дордон допотба*, тогда мною прочитанной на монгольском, теперь читал ее на китайском, я сличал китайский перевод с монгольским текстом. Китайский перевод весьма нехорош, во многих местах темен и неточен. К тексту прибавлены комментарии, они-то и послужили мне доказательством мысли, как много буддийская философия поменяла в Китае. Главный недостаток перевода происходит от философских терминов: многие из них переложены тонически [43], а другие переданы словами, вовсе не выражающими идеи философского буддийского термина. Только с помощью толкований, и то, впрочем, не всегда, можно понять значение термина. Здесь я нашел совершенное подтверждение моему мнению о значении слова *фа*, приложенному к моему рассуждению на

---

[38] В миру Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), основоположник отечественной синологии. Первый русский китаевед мирового уровня.

[39] Описание Дюгальда. — Имеется в виду четырехтомное сочинение Дюгальда «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise», 1736 г. («Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайской»). Переведено и издано в России в двух частях в 1774 и 1777 гг.

[40] Имеется в виду сочинение «Histoire generale de la Chine» аббата Майя, изданное Гросье в 1777–1783 гг.

[41] Добавлено по смыслу, в оригинале — неразборчиво.

[42] Материалы по этой работе утрачены.

[43] Т. е. фонетически, передавая звучание монгольского термина, но не его смысл.

степень кандидата [44]. Достойно замечания, как предостерегает комментатор, чтобы не ошибиться в значении слова *фа*. Когда *фа* употреблено в значении внешности, предметов, то комментатор прибавляет *фа* к слову *шэн*, которое имеет значение «тело», «внешность». Когда же *фа* употреблено в значении духовности, сокровенности, то прибавляет слово *сань*, которое имеет эти значения. Напр., на с. 14 и т. д.

4) По прочтении *Дордон допотба* я читал *Амито цзин*. Это перевод буддийской книги «Сукаватиюха», [описание] райских жилищ Амида Будды. На двадцати трех страницах тянется предисловие, объясняющее общую мысль всего сочинения. Частое повторение одной и той же мысли делает чтение этого предисловия неприятным. Комментарии на тексте весьма кратки и не объясняют текста. Чтение этой книги после *Дорджи допотба* было для меня весьма легко.

5) Начал чтение *Баопоболо до син цоин.* Содержание ея — объяснение сущности Праджня-Парамиты. Цель, с коей я занимаюсь чтением фоевских сочинений, состоит в том, дабы уразуметь фоевскую терминологию и чрез [это] быть в состоянии читать буддийские сочинения на языке китайском.

6) Рассматривал сборник образцовых сочинений — *Гу вэнь юань цзин* [45] (24 кн[ижки]-*бэнь*), но не нашел там ничего особенно замечательного. Статьи философского содержания.

7) В часы отдыха перебирал страницы *Хун лоу мэн* [46] (4 т., 24 книги), нравственно-сатирического романа. Интересный по содержанию, он завлекает читателя своим превосходным слогом. Жаль, что этот занимательный роман не переведен на какой-нибудь из языков европейских [47]. Он, по моему мнению, стоит гораздо выше *Нао цю чжуань* («Прекрасная чета», или «Счастливый брак»), неоднократно переведенного на разные европейские языки. Можно сказать, что роман у китайцев стоит на высокой ступени.

8) Для наблюдений над языком простонародным я читал комментарий на *Лунь-юй* [48], писанный этим языком. Высокие мысли нравст-

---

[44] Рукопись кандидатской работы Н. И. Зоммера не сохранилась, в печатном тексте эти приложения не были учтены.

[45] Собрание бессюжетных литературных произведений, написанных в подражание древнему стилю авторами XIV–XVI вв. Пользовались большой популярностью в старом Китае.

[46] «Сон в красном тереме» — классический китайский роман Цао Сюэ-циня (1724–1764) и Гао Э (дописал 40 последних глав), впервые вышедший в 1791 г. Считается национальным достоянием китайского народа и образцом литературного китайского языка.

[47] Ученик Русской духовной миссии А. И. Кованько, возвратившись из Китая в 1836 г., опубликовал под псевдонимом Дэ Мин очерки под названием «Поездка в Китай» (журнал «Отечественные записки» за 1841–1843 гг.). К заключительной части он приложил перевод вступления к первой главе «Сна в красном тереме». Это был первый его перевод на европейские языки, как видим, оставшийся неизвестным Н. И. Зоммеру. Полный русский перевод В. А. Панасюка (в 2 т.) увидел свет в 1958 г.

[48] «Беседы и суждения» — основной источник сведений о личности и учении Конфуция. 20 глав канона состоят из разрозненных афоризмов и историй.

венной философии Кун-цзы [49] толкуются здесь самым простым, понятным для всякого простолюдина языком. Не мешало бы и нам, европейцам, подражать в этом случае китайцам: китайские ученые составили прекраснейшие пособия для образования ума и сердца простолюдинов. В этом смысле китайские ученые — благодетели народа!

9) Сделал несколько переводов с русского языка на китайский и давал их на рассмотрение г-ну проф. О. П. Войцеховскому.

Язык Манджурский. 1) Прочел несколько глав из *Чунь-цю* [50] и *Ли-цзи* [51]. Манджурским переводам китайских классических книг нельзя приписывать больших достоинств: они слишком буквальны. Редко случается, чтобы маньчжурский перевод объяснял темное место китайского текста: гораздо лучше маньчжурского перевода объясняют текст китайские комментарии, писанные китайским же языком [52]. Для не знающего китайского языка маньчжурский язык весьма полезен: он заменит ему язык китайский. По моему мнению, изучение языка маньчжурского гораздо важнее в дипломатическом, нежели в ученом отношении.

2) Читал указы и манифесты государей дома Цин. Многие из манифестов написаны напыщенным слогом, весьма нелегким для передачи на другой язык.

3) Прочел историю дома Цин, Юань и Мин из *Тун цзянь ган му* и 4) несколько статей, откуда беру сведения для истории маньчжурской письменности, входящей в состав испытания на степень магистра. Это прекрасное сочинение взял я из библиотеки г. проф. Войцеховского, в коей находятся несколько примечательных сочинений на китайском и маньчжурском языке.

Язык монгольский. 1) Читал историю Саган-Сэцэна, отрывки из коей в 1843 г. были мне объяснены г. проф. Ковалевским на лекции.

2) Прочел несколько статей из *Алтан-гэрэла* и разбирал монгольские разговоры, помещенные в *Саньхэ юйлу* для упражнений в разговорном языке.

Язык японский был также в числе предметов занятий моих. Грамматика Родриго дала мне средство получить главные понятия о синтаксисе японского языка. Рассматривал грамматику Колладо [53] «Ars Grammaticae Japonicae linguae», Romae, MDCXXXII, но не нашел в ней ничего полезного. Весь синтаксис помещен на пяти страницах (61–66). К руководству Резанова приложены японские разговоры, писанные русскими буквами с русским переводом. Вероятно, г-н Резанов писал

---

[49] Китайский оригинал имени Конфуция.

[50] Конфуцианский канон — летопись «Вёсен и осеней», по преданию, составленная Конфуцием, охватывает события 722–479 гг. до н. э.

[51] «Канон церемоний». Конфуцианский канон, описывающий особенности этикетного ритуала древнего Китая.

[52] Эти комментарии переведены и на язык маньчжурский. *Примечание Н. И. Зоммера.*

[53] Испанский миссионер ордена доминиканцев, живший в Японии в 1619–1638 гг.

их со слов японцев, а потому можно полагать, что они верны. Я стараюсь разбирать эти разговоры грамматически.

На иероглифическом японском языке разбираю два сочинения. 1) Сочинение *Кокин какинон* [54] в 12 книгах содержит весьма любопытное описание древних и новых японских и китайских монет, также [описаны] несколько монет с надписями квадратными монгольскими буквами, изобретенными Пагба-ламою [55] (это монеты дин[астии] Юань), несколько корейских, персидских, турецких и др[угих] монет. В описании говорится, какого государства монета, какого года, сколько весит и т. д. Снимки [56] с монет весьма хороши. Я почерпнул отсюда несколько любопытных фактов для китайской и японской нумизматики.

2) *Сэйе сэнфу*. Это есть описание европейских монет и медалей, изданное в 1788 г. при *Тэнме* (*тянь мин*). Более монет португальских и голландских, русских две: Петра 1 и Екатерины 2-й. Описания такого же рода, как и в предыдущем сочинении. Любопытно то, что в конце приложена карта Европы с описанием на 5 страницах. Взглянув на карту, тотчас видно, что это Европа. Для японца и этого довольно. Снимки с монет весьма верные.

Занятия европейскими языками состояли в чтении книг, относимых к изучаемым предметам, и в чтении новейших журналов.

Кроме этого, занимался вспомогательными предметами, входящими в состав испытаний на степень магистра.

Кандидат *Ник. Зоммер*.

Письма, донесения и отчеты О. М. Ковалевского о научном путешествии в Иркутск, Забайкалье, Ургу, Пекин, о работе в Казанском университете в 1828–1857 гг.

Документ № 1. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 53

[Дата получения] 18 августа 1833 г.

Господину Исправляющему
должность Попечителя
Казанского учебного округа
О прибытии гг. Ковалевского и Попова

Согласно предписанию Вашего высокородия от 25 мая за № 864, имею честь донести, что отправленные из Казанского университета в Иркутск для изучения Монгольского языка г. кандидат Ковалевский и

[54] Указано современное чтение по иероглифам, приведенным у Н. И. Зоммера.

[55] П а г б а - л а м а (1235–1280) — духовный наставник Хубилай-хана, основателя династии Юань, первый теократический монарх Тибета. Изобретатель универсальной письменности для всех восточных языков, бывшей в употреблении более 100 лет и ставшей основой для корейской национальной письменности.

[56] С н и м к и — имеются в виду гравированные изображения.

студент Попов прибыли сюда 15-го июля и, несмотря на тесноту дома, помещены мною в Гимназии, согласно их желанию. Исполняя волю Вашего Высокородия, я не премину оказывать им все возможное от меня содействие и во всех других нуждах их.

Директор *Василий Антропов*

Документ № 2. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 57 об. – 58 об.

Ваше Превосходительство!
Милостивый государь
Михаил Николаевич! [57]

Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать, кому следует, доставить подробное об нас известие г. губернатору [58], тем более что его содействие для нас, во всех отношениях, будет нужное и даже необходимое.

В Иркутске, у сирот Парышевых, находится собрание книг маньчжурских, которое продается за 300 рублей. Здешнее начальство относилось в Азиатский департамент о покупке оной библиотеки; но, как уже сии книги имеются в С.-Петербурге, то г. губернатор, предложив нам приобрести оныя за умеренную цену, приказал доставить каталог сих книг. Г[осподин] Игумнов [59] сказывал нам, что между оными есть важные сочинения, в особенности Лексикон, и что можно приобрести оныя и дешевле у помянутых сирот. По получении каталога и сов[нрзб]ании с г. Игумновым, я буду иметь честь донести Вашему Превосходительству о сем обстоятельно. К сожалению, мы не имеем

[57] Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) — чиновник, Почетный член АН (с 1837 г.). Попечитель Казанского учебного округа (КУО) (1827–1845) и Петербургского учебного округа (1845–1856). Содействовал преподаванию восточных дисциплин в учебных заведениях вверенных им округов. Например, по его указанию были утверждены «правила для выпускников Казанского университета, оставленных при университете для усовершенствования в восточных языках». 24 апреля 1828 г. М. Н. Мусин-Пушкин как попечитель КУО подписал приказ о командировании выпускников Казанского университета Ковалевского и Попова в Иркутск для изучения монгольского языка. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 357. Л. 2–3; Оп. Совет. Д. 5059. Л. 1.

[58] Иван Богданович Цейдлер (1780–1853) — иркутский гражданский губернатор в 1821–1835 гг. О. М. Ковалевский сообщал попечителю КУО, что иркутский губернатор встретил их настороженно, «потребовав обстоятельного известия от университета» (АВ ИВР РАН. Ф. 29. Д. 20. Л. 82). Однако в дальнейшем всячески содействовал казанским ученым.

[59] Александр Васильевич Игумнов (1761–1834) — переводчик, преподаватель монгольского языка в Иркутске. Собрал материалы по этнографии, истории, праву, религии монгольских народов. Написал несколько работ о буддийском духовенстве, его влиянии на монгольский и бурятский народ. Занимался переводами — как с монгольского на русский, так и с русского на монгольский язык. Преподавал монгольский язык в своей русско-монгольской школе и в духовной семинарии в Иркутске. А. В. Игумнов был составителем «Монгольского словаря, расположенного по азбучному алфавиту с русским переводом». См.: Хохлов. 1992. С. 222–225.

описаний восточных библиотек, а именно петербургской г. Шмидта и берлинской г. Клапрота [60], которыми бы могли руководствоваться при покупке монгольских и маньчжурских книг.

Г[осподин] директор иркутских училищ [61] отвел нам квартиру в гимназическом здании. Но как квартира сия не очищена, то мы на время поместились в классах, а потому еще не можем приступить к нашим занятиям. Впрочем, надеемся на будущей неделе заняться изучением монгольского языка [62].

---

[60] Генрих Юлий (Юлиус) Клапрот (1783–1835) — немецкий востоковед, путешественник и полиглот. Член АН в 1804–1812 гг. В 1812 г. «исключен из членов АН» (Указ Александра I об утверждении решения конференции АН от 12 августа 1812 г. о лишении Клапрота, командированного в Берлин в 1810 г. на шесть месяцев, с целью «изготовления… на дереве… китайских и маньчжурских слов в числе около 9000» и не вернувшегося в Россию, звания экстраординарного академика АН и об исключении его «из сословия Академии»). Видимо, он увез в Берлин и коллекцию восточных (монгольских, китайских, тибетских) рукописей и книг, которую собрал в Сибири в 1805–1806 гг. по поручению АН (*Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). См.: СПб., 1994. С. 102, 113, 404 (далее: Куликова. 1994).

[61] Директор иркутских училищ — Петр Андреевич Словцов (1767–1843), известный публицист, историк, основоположник буржуазной историографии Сибири (основной труд: «Историческое обозрение Сибири»: в 2 т.). Деятель народного образования в Сибири: директором иркутских училищ был назначен 21 июня 1815 г. с сохранением звания советного судьи, а с 30 января 1821 г. высочайше определен визитатором сибирских училищ. Должность эта требовала вечного странствования по пустыням Сибири. С 1828 г. на пенсии в Тобольске, т. к. должность визитатора была упразднена 8 декабря 1828 г. От предложений переехать на службу в Петербург, а также стать директором Ришельевского лицея в Одессе отказался, просил назначить ему лишь пенсию по старости. Содействовали в назначении ему пенсии по должности визитатора граф М. М. Сперанский, его друг и однокашник, и князь Ливен, бывший тогда (1828) министром просвещения (см.: *Калашников И. Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 255–396). В 1828 г. директором иркутской гимназии стал выпускник физико-математического отделения Казанского университета Василий Ионович Антропов (1800–1856).

[62] Монгольский язык относится к монгольской группе языков, которая, по мнению сторонников так называемой «алтайской теории», входит в состав алтайской семьи вместе с тюркскими, тунгусо-маньчжурскими, японским и корейским языками. До введения современного алфавита в 1945 г. монголы пользовались старомонгольским алфавитом, заимствованным в XIII в. у уйгуров и восходящим через согдийский к арамейскому алфавиту. История монгольского языка подразделяется на следующие периоды: 1) *общемонгольский* (древнемонгольский) — до начала XVI в.; 2) *среднемонгольский* — нач. XIV — кон. XVI в.; 3) *классический* — с нач. XVII до кон. XIX в.; 4) *современный* — с нач. XX в. по настоящее время. См.: *Яхонтова Н. С.* Монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 108.

С XIII по XVII в. все монгольские этнические группы обслуживались старописьменным монгольским языком. С середины XVII в., когда ойратские и бурятские племена консолидировались в самостоятельные народности, старописьменный монгольский язык становится средством письменного общения монголов на территории Халхи (ныне Монгольская Республика) и Внутренней Монголии (КНР). За многовековую историю существования в него проникали и проникают элементы разговорной речи.

Не могу описать, Ваше Превосходительство, как радушно принимает нас г. Игумнов, с нетерпением ожидавший нашего прибытия. Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает. Знакомые г. Игумнова замечают, что сей почтенный старец одушевился нашим приездом.

Он неоднократно объявлял, что желает отдать нам все свое имение — (книги), составляющие предмет его знаний. Для нас единственно собирает правила монгольского языка, отыскивает книги и переписывает рукописи. Первый том Монгольско-Российского словаря набело уже переписан; а для составления прочих трех находятся материалы, им собранные. Г[осподин] Игумнов вменяет нам в обязанность, чтобы мы занялись окончанием сего словаря, которым он хочет подарить Отечество и оставить памятник своего трудолюбия и глубокого знания монгольского языка. Почему сии обстоятельства заставляют меня прибегнуть к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою: дабы для облегчения наших занятий Совет Университета уволил меня и г. Попова, по крайней мере, на полтора года, от доставления оному полугодичных наших дневниковых записок; тем более что, как по многим занятиям, в самом начале весьма затруднительным, так и по недостаточному еще моему знанию русского языка, записки, требуемые Советом Университета, отнимут много времени, которое, по моему мнению, теперь мы должны совершенно посвятить изучению монгольского языка. О самих же занятиях с г. Игумновым доносить Вашему Превосходительству считаю первейшим моим делом.

Г[осподин] Игумнов желает приготовить нас так, чтобы в марте месяце следующего года могли отправиться вместе с ним за Байкал для практических упражнений. По предположенному нашему путешествию между народами, говорящими монгольским языком, еще, кажется, не сделано никакого распоряжения. Между тем г. губернатор объявил мне, что Иркутская казенная палата не получила ни малейшего отношения от Казанского университета о выдаче нам прогонных денег. Верх сего, г. Игумнов оставляет свой дом в Иркутске и, удаляясь для нашей пользы за Байкал, по своей бедности, не будет в состоянии содержать себя прилично, без обиды семейства, и также не может путе-

---

Старописьменный монгольский язык зафиксирован историей как язык стандартизированный, с установившейся орфографией и литературными стилями, которые претерпели лишь некоторые изменения к XVII в. Первый литературный памятник — высеченная на камне надпись («Чингисов камень») — относится к началу XIII в. За более чем 700-летнюю историю на старописьменном монгольском языке создана огромная и разнообразная по жанрам литература, начиная с надписей на камнях, грамот, писем и небольших сочинений дипломатического, административного или экономического содержания, до больших исторических, религиозных, художественных и других сочинений**.** См.: *Орловская М. Н.* Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 18–19 (далее: Орловская. 1997).

шествовать с нами на свой счет. В самом деле, что он, желая посвятить для нас все свое время, просил уже здешнее Начальство уволить его от должностей гражданских. Сие обстоятельство, без сомнения, обратит особенное на себя внимание Вашего Превосходительства как покровителя наук и личного нашего благодетеля.

Имею счастье пребыть с наиглубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью

Вашего Превосходительства
Милостивого Государя
покорнейшим слугою
Осип Ковалевский.
№ 4. Иркутск. 21 июля 1828 года

Документ № 3. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 70–73 об.

[Дата получения] 25 сентября 1828 г.

Ваше превосходительство,
Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Протекло уже полтора месяца [63], как мы живем в Иркутске. Среди многочисленных и любимых наших занятий монгольским языком время проходит совершенно неприметным образом. Исполняя предписания Вашего Превосходительства, честь имею довести до Вашего сведения о порядке и предметах наших занятий.

Без сомнения, наши успехи в монгольском языке, как первоначальные, должны считаться незначительными, но, судя по времени, довольно быстры и служат удовольствием как для почтеннейшего нашего наставника [64], так и [для] здешнего начальства. Г[осподин] генерал-губернатор [65] публично нас похвалил, а иркутский городничий, полков-

[63] О. М. Ковалевский и А. В. Попов приехали в Иркутск 15 июля 1828 г. (см.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 53, 57 об.).

[64] Наставник. — Имеется в виду Александр Васильевич Игумнов. Также О. М. Ковалевский называет его своим учителем.

[65] Генерал-губернатор Восточной Сибири в 1822–1833 гг. — Александр Степанович Лавинский (1776–1844). Он был первым назначен на эту должность после реформы М. М. Сперанского 1822 г., когда Сибирь была разделена на две части, два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, административными центрами которых стали Тобольск и Иркутск соответственно. А. С. Лавинский единственный из генерал-губернаторов имел гражданский чин действительного тайного советника, все остальные были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала. См.: *Дамешек Л. М.* М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского). Иркутск, 2003. С. 139, 163 (далее: Дамешек. 2003).

ник гвардии г. Муравьев [66] с своею супругою объявили желание начать учиться по-монгольски в следующем месяце. Таким образом, с нами в Иркутске являются обожатели монгольского языка, которым поныне, говорят, пренебрегали как грубым и варварским!

Дабы г. Игумнов мог посвятить довольное время приготовлению для нас нужных тетрадей, мы с ним занимаемся только три раза в неделю, по три часа в день. 24-е число истекшего июля было назначено для открытия нашего монгольского класса, и мы, обыкновенным порядком, сперва приступили к монгольской азбуке. Г[осподин] Игумнов, со своей стороны, предложил нам следующие учебные пособия: 1. Полную монгольскую азбуку печатных букв светского шрифта с прибавлением букв, употребляемых монголами для выражения слов, взятых из иностранных языков, как то: маньчжурского и тибетского. 2. Так называемый Скороучитель, в котором представляются монгольские письмена, по порядку их азбуки, с происхождением и форм их в начале, средине и конце речений. Касательно происхождения монгольских букв г. Игумнов [сообщил], что он еще в 1804 году, в Верхнеудинске, читая монгольскую летопись, случайно заметил сходство их с греческими, латинскими и славянскими и, основываясь на догадке, начал доказывать непосредственное их происхождение от сих последних. Вероятно, говорит он, что христиане, жившие при Мункэ Хане [67] и его сыне Хубилай Хане [68], составили монгольскую азбуку, которой изобретение монголы приписывают ламе Чойдж Отоыру, во время Хайсын-Кулуг-хана [69], родственника Чингисханова [70] в 7-м колене и племянника Хубилай-ханова. Для подкрепления своего мнения ссылается на путешествие французского монаха Рюисбрука [71], в половине XIII столетия бывшего в Монголии, который, между прочим, говорит, что там нашел россиян, французов, немцев, в особенности же русского архитектора и Диякона. Сей последний, по предположению г. Игумнова, вероятно, имел влияние на составление монгольской азбуки. Сия статья, тесно сопряженная

---

[66] Александр Николаевич Муравьев (1792–1863) принадлежит к числу наиболее видных деятелей раннего периода движения декабристов. 11 июля 1831 г. Муравьев был назначен председателем Иркутского губернского правления и оставался в этой должности до осени 1832 г.

[67] Мункэ (Мунх)-хан (Мунхэ-хан) (1208–1259) — четвертый хан с 1251 г. Монгольской империи, внук Чингисхана. Завоевал Иран и начал покорение Южного Китая.

[68] Хубилай-хан (1215–1294) — 5-й монгольский великий хан с 1260 г. В 1279 г. завершил завоевание Китая. Образовал Юаньскую империю, в которой объединялись Монголия, Китай и Тибет.

[69] Хайсын-Кулуг-хан (Хайсан кулег-хан; 1281–1311) — в 1308 г. вступил на трон Большого хана Юаньской империи.

[70] Чингис-хан (Тэмуджин, Темучин; ок. 1155–1227) — основатель Единого монгольского государства (с 1206 г.).

[71] Имеется в виду Гильом (Виллем) де Рубрук (ок. 1220 – ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник по Монголии, Палестине, Кавказу.

с введением шигемонианского [72] исповедания в Монголии, с началом образования монголов и историею об уйгурах [73], столь беспокоившими европейских ученых ориенталистов, требующими глубокого познания исторических источников, и отчасти указанная нам в Инструкции [74], по своей важности заслуживает обратить на себя особенное наше внимание. Я, с моей стороны, сколько успею воспользоваться собранными сведениями, по моим слабым силам, постараюсь со временем представить Вашему Превосходительству мое сочинение о сем предмете, теперь меня занимающем. 3. Двенадцатиглавую [состоящую из двенадцати глав] монгольскую азбуку (арбан хояр тологайту Монкгол узбук), которую, в последствии [по прошествии] времени надобно будет напечатать с прибавлением правописания, что составит введение в Грамматику монгольского языка. 4. Три тетради правил монгольского правописания, около 20 листов. Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил, касающихся не одного только правописания, но и основательного познания изменений имен, спряжений глаголов, частиц отдельных и вместе с именами изображаемых, наречий и пр. Сия грамматика, так сказать, энциклопедия еще, кажется, не скоро будет окончена почтеннейшим нашим Учителем; но в приготовленных и нами уже списанных тетрадях находятся чрезвычайно важные материалы, которые со временем послужат как для дополнения сочинения известнейшего в Европе ориенталиста А. Ремюза, так и [для] опровержения многих его статей. Приведение же в порядок, распространение и усовершенствование сей Грамматики г. Игумнов, не полагаясь уже на свои силы, нам предоставляет.

В заключение сего нужным считаю прибавить, что мы, при недостатке монгольского словаря, собранные нами необходимо нужные для разговора слова и фразы русские, представив г. Игумнову, просим его перевести по-монгольски, с указанием разницы между книжным и раз-

---

[72] Шигемонианцы (шигемуниан цы) — здесь: последователи учения Будды Шакьямуни.

[73] Уйгуры — народ, который после падения Уйгурского каганата (ныне территория современной Монголии) двинулся на восток и расселился на обширных территориях. Уйгуры ныне населяют автономный район (современное название Синьцзянь-Уйгурский (1983)) Китая, также проживают в Казахстане. Создатели уйгурской письменности (восходящей через согдийское к семитскому (арамейскому) письму), которую, как полагают, приспособили к своему языку найманы или кереиты, возможно, кидани — первые носители монгольского языка. См.: Орловская. 1997. С. 18.

[74] Профессорами Казанского университета В. Я. Булыгиным и Ф. Эрдманом была составлена для Ковалевского и Попова инструкция, в которой подробно расписывалось, какая информация прежде всего интересна и что необходимо сделать во время экспедиции (см.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 26–37). Это была первая инструкция, составленная для путешествующих, затем будет еще несколько дополняющих, одна из которых предназначена для путешествия за Байкалом среди бурят, другая — определяет цели поездки О. М. Ковалевского в Пекин. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 40–42.

говорным языком. Потому сии тетради служат нам не только для изучения слов монгольских, но и для филологических исследований, касательно изменений, коим разговорный, простонародный язык подвергнулся в течение времени.

Сверх теории языка, чтения, писания и переводы немало нас затрудняли. К тому служил нам сокращенный Катехизис, переведенный г. Игумновым и литографированный в Омске; начало Евангелия от О. Иоанна. Перев[од] г. Игумнова и пр. Списали мы весьма редкую рукопись, около 1790 года, на китайской границе г. Игумновым случайно открытую у монгола Джорджия, под заглавием Чингисхановых наставлений, которые, по своему нравственному содержанию, могут войти в состав предполагаемой Монгольской хрестоматии и послужат образцом слога и философии кочующих народов. Впрочем, теперь еще нельзя решительно определить, переведены ли оныя из китайского языка или подлинные монгольские.

В исполнение Инструкции, данной нам от Совета Университета, старался я отыскать столь оспариваемую в Европе монгольскую летопись Сэнэна [75] (которого г. Шмидт несправедливо называет Jjanangом) и приобрести для университетской библиотеки. От г. Игумнова узнал я, что он купленную в Пекине (между 1795–1807 год[ами]) покойным здешним переводчиком Василием Новоселовым [76] рукописную летопись Сэнэна, в 4 тетрадях, со всевозможною точностью списал для себя, сохраняя даже самые непростительные и явные ошибки ея; что в 1816 году отправляющиеся по Высочайшему повелению в С.-Петербург для перевода Священного Писания на монгольский, или, лучше сказать, хоринский язык, под руководством г. Шмита, буряты Номтой Утаев и Бадма Моршунов, сверх других пособий по сему предмету, пожертвованных им единоверцами, получили от Новоселова и оную летопись в подлиннике. По окончании переводов Священного Писания

[75] Имеется в виду С а г а н С э ц э н — автор монгольской летописи «Эрдэнийн Тобчи» XVII в., широко известной благодаря опубликованному тексту, переводу, комментариям, выполненным Я. И. Шмидтом. По времени составления первой из летописей XVII в. следует считать анонимную «Алтан Тобчи», отдельные списки которой можно датировать 1604 и 1627 гг. Текст одного из этих списков был опубликован Г. Гомбоевым (см.: Шара туджи: монгольская летопись XVII в. / сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной. М.; Л., 1957. С. 4). «Эрдэнийн Тобчи», как и летопись «Алтан Тобчи», «…дают то, что могут дать лишь национальные произведения, — картину внутреннего быта, понятий, верования и суеверия народа. В этом отношении обе монгольские летописи и представляют любопытный материал для бытописателя, этнографа и археолога» (*Улымжиев Д. Б.* Страницы отечественного монголоведения... С. 80).

[76] В а с и л и й Н о в о с е л о в в начале 20-х гг. XIX в. работал переводчиком монгольского языка при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Участник 8-й Духовной миссии в Пекине. К 1820 г. В. Новоселов перевел монгольскую часть трехъязычного словаря «Сань хэ бянь лань» («Удобный обзор трех языков»). См.: *Кузьмин Ю. В.* История сибирского монголоведения: учеб. пособие. Иркутск, 2002. С. 6 (далее: Кузьмин. 2002).

г. Шмит завладел всеми бурятскими книгами, а между прочими и Сэнэновой летописью. Между тем сия летопись будет в библиотеке Казанского университета, и отчасти уже переписана, под личным наблюдением г. Игумнова. В последствии [по прошествии] времени, при выписке монгольских книг из Пекина или Урги [77], прибегну к директору Кяхтинской [78] таможни г. Голяховскому [79], дабы он посредством своих сношений с китайскими и монгольскими купцами отыскал еще один экземпляр сей драгоценной летописи, вместе с авторами, которыми пользовался и Сэнэн, о которых список, по моей просьбе, уже составлен г. Игумновым.

При сем честь имею представить Вашему Превосходительству опыты нашего монгольского писания, т. е. отрывок вышеупомянутых Чингисхановых наставлений и копию письма к г. Игумнову.

В 1791 году нужно было иметь четыре последние части Монгольских законов, в Пекине составленных. Китайские законы строжайше наказывают не только того, который бы дерзнул оныя выдать постороннему человеку, но даже и потомков его. Удалось г. Игумнову столько иметь влияния на одного Монгольского чиновника, что сей последний, несмотря на запрещения, движимый одним дружеским расположением и уверенный в честности г. Игумнова, потаенно списав упомянутые части Монгольских законов, препроводил оныя к нему при письме, которого копия с переводом здесь прилагается. Из сего, Ваше Превосходительство, извольте усмотреть, какую доверенность монголы имели к г. Игумнову, и какое сокровище хранится в Иркутске, и которое будет собственностью нашей библиотеки.

Имею честь быть с глубочайшим высокопочитанием и совершеннейшей преданностью Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, всепокорнейшим слугою *Осип Ковалевский*.

№ 6. Иркутск. 1 сентября 1828 года.

Документ № 4. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 86–86 об.

[Дата получения] 31 октября 1828 г.

Господину Исправляющему должность Попечителя
Казанского учебного округа
Кандидата Осипа Ковалевского
Донесение.

По недостатку грамматики и словаря, мы не могли еще приступить к переводам с монгольского на русский язык. Для скорейшего успеха в

[77] У р г а — город, русское название г. Улан-Батор до 1924 г.

[78] К я х т а — город у границы России и Монголии, возник в начале XVIII в. как слобода; центр русской торговли с Китаем.

[79] П е т р Ф и л и п п о в и ч Г о л я х о в с к и й — директор кяхтинской таможни, всячески способствовал приобретению восточных рукописей казанскими ориенталистами.

наших занятиях г. Игумнов из своего собрания материалов для составления монгольской грамматики сообщил нам реестр наречий, предлогов, союзов и междометий, таблицы склонений и спряжений и, наконец, почти полный список монгольских глаголов, разделенных по двум главным спряжениям. Упомянутые таблицы, в последствии [по прошествии] времени, при чтении книг пополненные и исправленные, могут послужить основанием извлечения общих правил, касающихся изменений слов, которых изучение весьма затрудняет даже и знатоков монгольского языка. Оканчивая этимологию, мы занялись составлением ручного словаря.

По повелению китайского императора Кансия [80] Комитет, учрежденный из ученейших монголов и маньчжуров [81], издал в Пекине 1709 года: Монгольско-Маньчжурский [82] словарь в 20 частях, под заглавием «Хакчан-у бичиксэн манчжу укгэн-у толи бичик», с изъяснениями, определениями, и во многих местах обогащенный примерами употребления тех слов на обоих языках, единственный руководитель к познанию оных, но в том только неудобный, что расположен не по алфавиту, а главами по материям, родам и видам вещей. По сей причине мы предприняли труд выбрать из него монгольские слова, перевести по-русски и привести в алфавитный порядок. По сие время мы успели выбрать около 6000 Монгольских слов из 18 частей упомянутого словаря и, при помощи г. Игумнова, подписать русский перевод. Остается нам труд привести оныя в порядок, свойственный Европейским словарям.

По совету г. Словцова [83], просил я г. Игумнова составить реестр нужнейшим монгольским книгам и отнести к директору кяхтинской таможни Петру Филипповичу Голяховскому о выписке оных, известными ему средствами. В реестре, при сем прилагаемом, помещены книги, по большей части касающиеся Шигемонианской веры, тангутская [84] грамматика и словарь с монгольским переводом, и семь исторических сочинений, т. е. летопись Сэнэна и шесть книг, из которых Сэ-

---

[80] К а н с и (1654–1722) — император с 1662 г. династии Цин (династия Цин существовала с 1644 г.) в Китае. При Канси было завершено завоевание Китая маньчжурами.

[81] М а н ь ч ж у р ы — коренное население Северо-Восточного Китая.

[82] Маньчжурский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам. Первые памятники известны с начала XVII в. в записи монгольским письмом, которое затем преобразовалось в маньчжурское письмо.

[83] П е т р А н д р е е в и ч С л о в ц о в (1767–1843) — директор иркутских училищ, с 1821 г. по декабрь 1828 г. визитатор сибирских училищ.

[84] Т а н г у т ы — народ тибето-бирманской группы. В X в. создали государство Си-Ся на Севере Китая. После разгрома государства монголами ассимилированы, часть тангутов вошла в состав тибетцев провинции Цинхай. Тангутский язык (Си-Ся) — язык, на котором говорило большинство населения государства Си-Ся (982–1227). Относится к сино-тибетской семье языков. Словесно-слоговое иероглифическое тангутское письмо введено в 1036 г.

нэн почерпал сведения для своей летописи. На сие еще никакого ответа от г. Голяховского не получено.

№ 7. Иркутск. 3-го октября 1828 года.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 5. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 89–90 об.

[Дата получения] 31 октября 1828 года.

Ваше превосходительство,
Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Доля [Для] дополнения моего рапорта за № 7 [85], долгом поставляю донести Вашему Превосходительству, что я, пользуясь временем, переписал: 1). Весьма любопытное сочинение г. Игумнова о шигемонианской религии, извлеченное из монгольских богословских книг и других достоверных сведений, в котором заключается ведомость о начале и распространении шигемонианской (обыкновенно, но неправильно Далай-Ламской называемой) религии, о Шигемонии, Хутуктах, Ламах и других духовных степенях, о богослужении и правилах веры, наконец, понятия монголов о бытии миров и роде человеческом. 2). Ответы на 37 вопросов, данных от г. бывшего сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского [86], забайкальских бурят и тунгусов [87] главному Ла-

[85] Рапорт за № 7 от 3 октября 1828 г. (здесь документ № 4).

[86] Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — граф, русский государственный деятель. С 1808 г. ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований. В 1812–1816 гг. в ссылке, в 1819–1821 гг. — генерал-губернатор Сибири, составил план административных реформ Сибири — «Сибирское учреждение», в которое вошли десять законов, утвержденных императором 22 июля 1822 г., среди них «Учреждение для управления сибирских губерний [сибирскими губерниями]», «Устав об управлении инородцев[инородцами]». «Устав об управлении инородцев» — самый широкий законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX в. См.: Дамешек. 2003. С. 137–146.

[87] Тунгусы — устаревшее название эвенков. О. М. Ковалевский в своих исследованиях значительное внимание уделил тунгусам. Сведения об эвенках мы находим в очерке ученого «О забайкальских бурятах». Обращаясь к их истории, он сообщал, что «тунгусы издревле занимали обширную страну от Байкала к Востоку». Тунгусы (на берегах Онона), с которыми встречался Ковалевский во время своего путешествия по Забайкалью в 1829 г., были потомками князя Гантимура. В 1667 г. князь Гантимур, приближенный чиновник Богдыхана, был направлен на берега Амура «действовать противу россиян». Но Гантимур вместе со своими «единомышленниками» в Нерчинске признал себя подданным России. «Внукам князя Гантимура» было пожаловано Московское дворянство и отведены земли близ Нерчинска. В Забайкалье, главным образом в междуречье Аргуни и Онона, кочевало пятнадцать тунгусских родов, которые вместе с «бродячими орончанами» в 1829 г. насчитывали 5804 человека мужского населения и 5175 женщин, итого — 10 979 человек. Среди тунгусов в равной степени

ме Банди Хамбо [88]. 3). Ответы на 6 вопросов о шаратском законе [89]. Все сии сочинения, изъясняющие веру и обряды шигемонианцев, написанные знатоками и очевидцами, показались для меня очень важными, тем более что служат дополнением сведений, собранных учеными трудами Палласа [90] и Бергмана [91].

Известно Вашему Превосходительству, что после бывших тобольских наместников [92] иркутские гражданские губернаторы имеют довольно обширные сношения с китайскою империей, на маньчжурском и монгольском языках. В библиотеке здешней Гимназии хранится в рукописи несколько маньчжурских официальных бумаг, а в Иркутском Казенном архиве, как говорят, находятся, кроме официальных бумаг на вышеупомянутых языках, и посольские журналы. Любители филологии и истории посредством таких документов могли бы познакомиться не токмо с дипломатическим языком, но и с историей наших сношений с Китаем. Без особенного дозволения г. генерал-губернатора Восточной Сибири [93] никто не сможет пользоваться сим сокровищем.

получила распространение религия как христианская, так и буддийская. Шаманство также играло значительную роль в их жизни. Так, по данным О. М. Ковалевского, христианского вероисповедания было 4436 человек (мужчин и женщин), буддийского учения придерживались 4009 человек и шаманскую веру исповедовали 2534 человека. См.: *Полянская О. Н.* О. М. Ковалевский об эвенках Забайкалья первой половины XIX века // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования. Улан-Удэ, 2001. Ч. 1. С. 108–115.

[88] Хамбо-лама — глава буддистов Восточной Сибири. В то время хамболамой был Чойван-Доржо Еши-Жамцуев.

Хамбо — настоятель крупного монастыря.

Лама (с *тибет*., букв.: ‘высший’) — буддийский священнослужитель.

[89] Шаратский закон. Согласно объяснению О. М. Ковалевского, «…Шаратским [от «шара», письм. «шира» — ‘желтый’] называется шигемонианский или Далай-ламский закон». См.: Извлечения из дневниковых записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, по 15-е число ноября 1828 г. // Каз. Вестник. 1829. Ч. 25, кн. 2, 3. С. 135–136, 152.

[90] Петр Симон (Петр Симонович) Паллас (1741–1811) — востоковед, этнограф. Профессор АН (1767). Во время экспедиции АН в Сибирь, Поволжье, на Кавказ (1768–1773) собирал разнообразные материалы, в том числе и по истории монголов.

[91] Бергман — Вениамин Бергман (Bergmann) (1772–1856), лифляндский уроженец, получил образование в Лейпцигском и Иенском университетах. В 1802–1803 гг. предпринял путешествие по изучению быта калмыков, составил записки о калмыках «Nomadische Streitereien unter d. Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803» (Riga, 1804. III. Th. 121. u. f. s.) — «Споры среди калмыков-кочевников» (Рига, 1804. III. Th. 121. u. f. s.). Книга была переведена на французский язык (О. М. Ковалевский приводит цитату из этой работы — здесь в документе № 9). Перевел на немецкий язык монгольские сказки «Ушаяндари-хан», «Гэсэр-хан» и «Шидиту кур», которые получили положительный отзыв европейских ориенталистов.

[92] До разработанной под руководством М. М. Сперанского сибирской реформы 1822 г. была единая Сибирская губерния с административным центром в Тобольске, с 1822 г. — Западно- и Восточно-Сибирская губернии с центрами в Тобольске и в Иркутске соответственно.

[93] Генерал-губернатор Восточной Сибири — А. С. Лавинский (1822–1833 гг.).

Удалось мне случайно переписать русский старинный перевод двух трактатов [94], Иллирийским Графом Саввою Владиславичем [95] заключенных, по которым открылась торговля на Кяхте. Надеюсь иметь оные и на Монгольском языке.

В реестр книг, выписываемых через г. Голяховского, кроме богословских и исторических, одной медицинской («Четыре корня лекарств») поместил я грамматику и словарь тангутского языка с монгольским переводом, необходимо нам нужные. Монгольские же словари нарочно мною пропущены, потому что иркутская гимназия, сверх других четырех- и трехъязычных словарей, имеет еще в двух экземплярах Монгольско-маньчжурский словарь, о котором упомянуто в моем рапорте за № 7, и надеюсь, что оные, по ходатайству Вашего Превосходительства, перейдут в библиотеку Казанского университета. У нашего почтеннейшего Учителя находится новейшее издание того же Словаря, которое, по обещанию г. Игумнова, также будет собственностью нашего Университета. Между богословскими книгами помещено дорогое сочинение Юм в 16 частях, извлеченное из Тангутского Гаджура [96] (заключающегося в 108 томах), коего один только экземпляр, с дозволения Богдохана [97], выписан для забайкальских бурят.

Что же касается до г. Игумнова, он желает только от Университета получить прогонные деньги на разъезды вместе с нами по Забайкальскому краю, а для нас ходатайствовать пред Вашим Превосходительством о прибавке жалованья, и на первый раз для г. Попова. В самом деле, дороговизна необходимо нужных вещей, покупаемых в Иркутске, заставляет меня утруждать Ваше Превосходительство покорнейшею просьбою войти в его положение и представить Вашему Начальству [прошение] о назначении ему до 800 рублей жалованья в год.

---

[94] Трактаты. — Имеются в виду договоры между Россией и Китаем: Буринский (назван по р. Бура, притоку р. Аргунь, подписан 20 августа 1727 г., определял русско-китайскую границу от перевала Шабин-Дабата (Западные Саяны) до р. Аргунь (район сопки Абагатуй)) и Кяхтинский (подписан 21 октября 1727 г. в Кяхте, устанавливал русско-китайскую границу и условия русско-китайской торговли и мирного разрешения местных пограничных споров).

[95] Сава (Савва) Лукич Владиславич-Рагузинский (Рагузинский-Владиславич), граф (ок. 1670–1738) — серб на русской службе, торговый и финансовый агент России на Балканском полуострове, чрезвычайный и полномочный посол России в Китае 1725–1728 гг., заключивший Буринский и Кяхтинский договоры о разграничении территорий и торговле между двумя странами.

[96] Ганжур (Ганчжур, Ганджур; *монг.* Ганжуур, букв.: «Переводы сказанного Буддой») — собрание канонических буддийских текстов, переведенных с санскрита и составляющих буддийский канон. «Издания Ганжура различаются количеством томов (92, 100, 109) и составом» (см.: Буддизм: словарь / Абаева Л. Л., Андросов В. П., Бакаева Э. Л. и др.; под общ. ред Жуковской Н. Л. и др. М., 1992. С. 97). Переведен на монгольский язык в XVII в.

[97] Богдо-хан. — Так называли китайских императоров династии Мин и ранней Цин. После национальной революции в Монголии (1911) этот титул принял глава монгольской буддийской церкви Богдо-гэгэн VIII.

С началом будущего года надобно отыскать надежного бурята, который мог бы короче познакомить с разговорным языком монгольским. Бобровников [98], о котором директор Иркутских училищ доносил Вашему Превосходительству, по причине бурного поведения и ограниченного знания простонародного языка, не может для нас принести никакой пользы.

Честь имею пребыть с наиглубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью

Вашего Превосходительства, Милостивого Государя, всепокорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.

Иркутск. 5-го сентября 1828 года.

Документ № 6. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 92–93 об.

Л. 92, 92 об.
[Дата получения] 26 ноября 1828

Господину Исправляющему должность Попечителя
Казанского учебного округа
Кандидата Осипа Ковалевского
Донесение.

Я имел честь, от 3-го октября, донести Вашему Превосходительству о наших приготовлениях к переводам с монгольского на российский язык. А в течение прошедшего месяца продолжали мы ручной

[98] Бобровников — речь идет об Александре Ильиче Бобровникове (1793–1832), отце будущего известного монголоведа-калмыковеда Алексея Бобровникова. Александр Бобровников был из крещеных бурят, от сельского дьячка дослужился до протоиерея Иркутской епархии, видимо, благодаря хорошему знанию монгольского языка, столь важного для миссионерской деятельности — распространения христианства среди бурят. Занимался переводами на монгольский язык священных книг, которыми в епархии пользовались долгое время, подтверждением этому служит обращенная к правлению Казанской духовной академии просьба Алексея Бобровникова «испросить» из Иркутской консистории две рукописи отца: «Служебник на монгольском языке» и «перевод четырех Евангелистов», кроме того, он предполагал заняться «исправлением и окончанием трудов» своего «покойного родителя» (см.: ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 676. Л. 1. Письмо от 24 марта 1848 г.). На запрос Казанской духовной академии Иркутская консистория ответила, что «означенных книг в хранении Консистории не имеется», в описи же, принадлежавшей покойному протоиерею Бобровникову, «хотя и значатся книги на монгольском языке числом 22, но все они не рукописные, а печатные и хранятся в Опеке» (ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 676. Л. 3–3 об. Письмо от 27 октября 1849 г.). Тот факт, что работы протоиерея Бобровникова были напечатаны, говорит о значимости их для деятельности Консистории и об основательном знании монгольского языка.

Протоиерей Александр Бобровников был учителем монгольского языка в иркутской семинарии и написал первую монгольскую грамматику (ок. 1826 г.). См.: *Загоскин М.* Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Сибирский Вестник. 1865. № 42/43.

монгольский словарь. Выбранные нами вокабулы из Зерцала монгольского слова (Толи-бичик) [99] отданы нашему Учителю для исправления и перевода по-русски. Надеемся вскоре начать пользоваться нашими собственными трудами. Для начальных упражнений в переводах г. Игумнов предложил нам: басни, образцы коммерческих писем, долгового обязательства и разных расписок, три официальные бумаги и три обыкновенных монгольских разговорника. Сверх сего переписали мы первую тетрадь Монгольского уложения [100], утвержденного Богдоханом и напечатанного в Пекине 1817-го года, заключающую в себе Комиссии составления законов всеподданнейший доклад. Наконец, полученная мною копия с трактата на Монгольском языке, заключенная Российским Посланником, Иллирийским Графом Саввою Лукичом Владиславичем с Китайскими чиновниками о назначении границ обеих империй и возобновлении торговли на Кяхте, будет предметом наших занятий в следующем месяце, о чем честь имею сим донести Вашему Превосходительству.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

№ 10. Иркутск. 1-го ноября 1828 года.

Л. 93, 93 об.

[Дата получения] 26 ноября 1828
Ваше Превосходительство!
Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Г[осподин] Игумнов не мог равнодушно читать последнее письмо Вашего Превосходительства. Со слезами благодарил он Бога за доставление случая обратить внимание Начальства на свои труды. Преисполненный радости, в знак особенного расположения, подарил мне Мон-

[99] Зерцалом монгольского слова (Толи-бичик) называют маньчжуро-монгольское «Зерцало». О. М. Ковалевский упоминает это произведение как «Собрание богословских слов» — «старый Пекинский Манчжурско-Монгольский лексикон, в 21 тетради изданный», «монголами употребляемый».

[100] Имеется в виду «Монгольское уложение» в трех частях, утвержденное Богдыханом в Пекине (1817), затем принятое в Монголии, по регулированию числа лам, а также их поведения. О. М. Ковалевский вслед за А. В. Игумновым утверждал необходимость введения этого «Уложения» и среди забайкальских лам. В качестве действенного средства борьбы с ростом числа лам и вытекающими из этого последствиями О. М. Ковалевский считал необходимым применять к ламству соответствующие статьи «Монгольского уложения» (1817). Рост числа лам, злоупотребление их своим положением перед простолюдинами Осип Михайлович наблюдал и в Монголии, но в значительной мере все проступки лам пресекались законом («Монгольским уложением»), заключающим в себе постановления о ламаистском духовенстве. Действие последнего, однако, не было распространено среди бурятских лам (см.: Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 1. С. 79).

«Положение о ламском духовенстве в Восточной Сибири» было утверждено в 1853 г., хотя не было включено в Свод законов.

гольский словарь, или, лучше сказать, материалы для составления его, тщательно им собранные с 1778 по 1824 год, в двух огромных томах. Сия рукопись содержит в себе одни Монгольские слова (около 12.000), с указанием, откуда которое взято, и с объяснением труднейших выражений, почерпнутых не только из Зерцала Монгольского слова (Толибичика, которым мы поныне занимались), но и из других исторических, богословских, астрономических, медицинских и юридических сочинений, по большей части находящихся в богатом книгохранилище монгольском г. Игумнова. Сей драгоценный подарок, при настоящих моих занятиях, весьма полезен. Нетрудно из готовых уже тетрадей подписать русский перевод и присовокуплять вновь найденные монгольские слова.

Монгольское уложение, в 3 тетрадях, 1817 года в Пекине напечатанное, считается у нас весьма редкою книгою; потому что китайское правительство запретило продавать оное иностранцам, а тем более вывозить за границу государства. В Иркутске один только экземпляр сего положения хранится при Общем губернском управлении. Желал бы я, в свободное время, списать занимательнейшие статьи, а особливо те тетради, в коих находятся обильные источники статистических сведений о Монголии, и на первый раз пять тетрадей (LVI–LX) о ламах, и все касающиеся отношений с русскими.

Душевно желаю приступить к решению вопроса, изложенного в предписании Вашего Превосходительства от 25 мая за № 865, о нынешнем состоянии ламайской веры [101], о степенях и власти духовных особ: но в самом монгольском языке предстоят неисчислимые еще для меня препятствия…

Документ № 7. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 96, 96 об.

Ваше Превосходительство!
Милостивый государь
Михаил Николаевич!

…я уже имел честь доносить Вашему Превосходительству, на сей же конец, теперь из официальных документов, извлек я таблицу, показывающую число Бурят [102], с разделением их по ведомствам или окру-

[101] Ламайская вера. — Имеется в виду тибето-монгольская форма буддизма. Распространена в автономных районах КНР (Тибет, Внутренняя Монголия), Монголии, на территории России — в Бурятии, Калмыкии, Тыве.

[102] О. М. Ковалевский ставил перед собой вопрос и о происхождении бурят. Он пришел к верному выводу, что буряты и их предки — древнейшие жители Прибайкалья, что «они уже славились во времена чингисхановых опустошительных походов». Бурятские роды, по его предположению, долгое время кочевали вместе с монгольскими по горам и долинам рек Южной Сибири и Монголии, главным образом в районе Байкала, но с ними не смешивались, «хотя язык и вера у них были общими». См.: Каз. Вестник. 1829. Ч. 27, кн. 11, 12.

гам и родам, число крещеных и некрещеных, число кумирен, лам, ховаракоов [103], или монахов [104], как утвержденных, так и неутвержденных здешним Губернским Советом, и пр. Новейшее Монгольское уложение доставит сведения о Ламах, на каком они находятся основании и какими пользуются преимуществами вне России. Сверх сего, необходимо нужно знать меры, принятые нашим Правительством в управлении Ламами. Наконец, путешествие за Байкалом [105], без сомнения, доставит не один удобный случай короче познакомиться с сими последними и примечать обстоятельно местное их влияние на бурят. В самом Иркутске, при настоящих моих занятиях, весьма трудно получать подобные сведения о забайкальских жителях [106]. Редкие здесь занимаются ими, частные же об них рассказать [рассказы], без связи и основания повторяемые, кажутся невероятными и чрезвычайно поверхностными. По сей причине я не смел утруждать внимание Вашего Превосходительства моими замечаниями, или, лучше сказать, повторением чужих суждений.

---

[103] Х о в а р а к (*монг.* хувраг) — ученик ламы, послушник в буддийском монастыре, монах.

[104] В Забайкалье О. М. Ковалевский отмечал значительный рост числа лам. По его подсчетам, 1118 человек имели духовное звание. А в 18 родах Селенгинской степной думы, по данным казанского ученого, находилось в 1829 г. «около 8.509 ревизских душ мужского пола». «Следовательно, здешнее духовенство составляет 6-ю часть народонаселения», — делал вывод О. М. Ковалевский.

По инструкции царского правительства России 1728 г., число штатных лам должно было составлять для всех бурят и тунгусов не более 150 человек и 88 хувараков для 18 Селенгинских, 11 Хоринских и 15 Тунгусских родов. На самом же деле, как видно из ведомости О. М. Ковалевского, численность лам только Селенгинских родов превосходила установленные пределы. См.: Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 1. С. 84, 85.

[105] 20 марта 1829 г. О. М. Ковалевский, А. В. Попов и А. В. Игумнов отправились из Иркутска к бурятам по зимней дороге, через Байкал. 23-го числа прибыли в Верхнеудинск. См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 165.

[106] В связи с предполагаемым длительным путешествием О. М. Ковалевского и А. В. Попова по Забайкалью Н. И. Лобачевский предписал Отделению словесных наук как можно быстрее составить и отправить им новую инструкцию. Новая инструкция, написанная профессором В. Я. Булыгиным, состояла из двух частей и требовала весьма глубокого, даже специального изучения географии, экономики и истории Сибири, Монголии, Китая и других стран Азии. Преподаватели Казанского университета должны были получить информацию из первоисточников в лице О. М. Ковалевского и А. В. Попова. Что касается истории, то нужно было основное внимание уделить происхождению и расселению племен и народов Сибири, выяснить причины образования и распада первых тюркских и монгольских государств. Тщательно изучить древнейшие памятники истории, особенно письменные, с помощью которых можно было бы «объяснить темные места в истории и определить степень образованности и обычаи живущих некогда в местах этих народов». Конечно, составляя инструкцию, профессор В. Я. Булыгин отдавал себе отчет в том, что невозможно будет собрать материал по всем вопросам инструкции, поэтому он сделал оговорку, что хотел лишь обратить их внимание на разные вопросы, особенно на те, по которым у них могут быть мнения, отличные от их предшественников. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 40–42.

С некоторого времени глазная болезнь меня одолевает, так что уже по вечерам очень редко могу заниматься чтением. Г[осподин] Попов болен грудью. Ангарские туманы несносны для приезжих!

Мое собрание трактатов обогатилось еще копией с разменного листа, отданного от губернатора [107] амбаням [108] 1792 г. февраля 8-го дня на Кяхте, об открытии торга и об отмене наказания и казни преступникам на границе, списанного с официального документа, на монгольском и российском языках. Посему немного уже остается приобрести для дополнения сего небольшого, но весьма важного собрания документов для нашей истории и дипломатического монгольского языка.

Повергаясь в милостивое Ваше покровительство, имею счастье прибыть с наиглубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства, Милостивого Государя,
покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.
Иркутск. 3 ноября 1828 года.

Документ № 8. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 44

Николаю Ивановичу Лобачевскому

Кроме Игумнова, ни один из здешних переводчиков никогда ученым образом не упражнялся в монгольском языке и никогда не думал собирать ученые сведения о Монголии и монголах или, по крайней мере, о наших монголо-бурятах. Знают они язык только по долговременному обращению с монголами. Сверх монгольского языка, по сие время, не имеют ни малейших учебных пособий, ни Грамматики, ни Словаря…

25 ноября 1828 г. *Осип Ковалевский*

Документ № 9. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 107–108 об.

[Дата получения] 5 января 1829

Ваше Превосходительство!
Милостивый государь
Михаил Николаевич!

В течение ноября месяца занимались мы переводом монгольского романа под заглавием «История Кгэсэр Хана» (*Кгэсэр — ун тооджи*) [109].

---

[107] В 1792 г. иркутским генерал-губернатором (1788–1794) был генерал-поручик Пиль Иван Алферович (?–1801). См.: *Куликаускене Н. В.* Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 298.

[108] Амбань (*монг*. амбан) — представитель маньчжурского правительства в Монголии, вельможа, сановник, губернатор, министр, генерал.

[109] История Кгэсэр Хана (История о Гэсэр-хане, Гэсэриада) — национальный эпос народов Центральной Азии и Тибета. О. М. Ковалевский стал одним из

Чтение сего сочинения (неоднократно печатанного в Пекине, а в рукописи только находящегося у г. Игумнова), служит самым приятнейшим развлечением для монголов. Знатнейшие из них всеми способами стараются приобрести оное и хранить в своих юртах. Во время досуга, окруженные семейством и толпою любопытных соседов, восхищаются воспоминанием чудесных приключений сего известного на Востоке витязя.

Г[осподин] Бергман, в своих ученых записках о калмыках (Nomadische Streitereien unter d. Kalmücken. Riga. 1804. III. Th. 121 u. f. s.) говорит: Der Jässär Bokdochar darf niemals im Winter gelesen werden, damit nicht der Zorn dieses Burchans erwache, und entweder nasse Witterung oder strenge Kälte hervorbringe. Fremde, welche in der gefährlichen Zeit solche Bücher lesen, werden freundschaftlich gebeten, düs zu unter und, wenn sie auf ihrem Vorsatze bestehen, so wendet man ein: «Ereignet sich auch jetzt kein Sturmwind, fällt auch jetzt kein Schnee, so wird dies in einigen Jagen geschehen !» n. s. w. [110]

Г[осподин] Тимковский [111], в своем путешествии в Китай через Монголию, без дальнейших исследований, перевел только по-русски выше переведенные [приведенные] слова Бергмана.

Потому неизвестно, все ли монгольские племена руководствуются сим предрассудком. По крайней мере, наши монголо-буряты, не опасаясь подвергнуться гневу Кгэсэр Хана, во всякое время читают его Историю. Небезызвестно Вашему Превосходительству, что Ламы, побуждаемые одним корыстолюбием, усилуя [силясь] увеличить важность своего сана, всеми средствами стараются держать своих прихожан в основах суеверия, предрассудков и невежества. Посему и Монголы, безусловно повинуясь внушениям духовенства, никогда бы не смели заниматься чтением кгэсэр-хановой истории, если бы оно (по их мне-

---

первых переводчиков на русский язык и исследователем Гэсэриады — устных и письменных сказаний монголов и бурят о Гэсэр-хане. Монгольские и тибетские версии Гэсэриады создавались прозой, а бурятские — стихами. О. М. Ковалевский вместе с А. В. Поповым переводили рукопись о Гэсэр-хане, имеющуюся у А. В. Игумнова. К концу 1829 г. они ее полностью переписали и перевели, но судьба перевода остается неизвестной (см.: АВ ИВР РАН. Ф. 29. Д. 20. Л. 103). Это был первый полный перевод одной из монгольских версий, сделанный казанскими востоковедами еще в 1828–1829 гг. В последующие годы, поселившись среди бурят, О. М. Ковалевский часто слушал Гэсэра, делал записи и сравнения. «Чтение сего сочинения… служит самым приятным развлечением для монголов...» (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 107, 108).

[110] «Споры среди калмыков-кочевников» (Рига, 1804. III. Th. 121 u. f. s.). В этой работе Г. Бергман говорит: «Гэсэра Богдохана нельзя читать зимой с тем, чтобы не вызвать гнев этого бурхана, иначе он принесет влажную погоду или сильный холод. Чужестранцев, которые читали такие книги в опасное время, следует просить оставить это, но если они на этом настаивают, то следует обратиться: „Пусть не случится ни штормовой ветер, не пойдет снег, и это произойдет через несколько дней“».

[111] Егор Федорович Тимковский (1790–1875) — историк-описатель, чиновник. Выпускник Императорского Московского университета. Пристав Российской духовной миссии в Пекине (1820–1821), собиратель восточных книг. Начальник отдела драгоманов МИД. См.: Куликова. 1994. С. 428.

нию) могло произвести какую либо перемену в воздухе. Некоторые из здешних жителей, знающие Монгольский язык, не только слышали бурят, читающих упомянутую историю, но и сами для них читали, беспрекословно, в зимнее время и осеннее время.

Как бы то ни было, История Кгэсэр-Хана, написанная легким и полуразговорным слогом, приносит нам большую пользу. Посредством оной привыкаем к простому языку, столь нужному для нас и во время предполагаемого путешествия между народами, говорящими Монгольским языком.

Продолжительная болезнь г. Игумнова прекратила наши занятия. Свободное время посвятил я извлечению из дневных записок, веденных мною в Иркутске (которые я имел честь представить уже на рассмотрение Совету Университета, от 24-го Ноября), и приведению в порядок материалов, собранных для ручного Монгольско-российского словаря.

Повергаясь в милостивое Ваше покровительство, честь имею пребыть с глубочайшим высокопочитанием к Особе Вашей и совершенною преданностью Вашего Превосходительства Милостивого Государя всепокорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский.*

№ 15. Иркутск. 1-го Декабря 1828 года.

Документ № 10. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 125

[Дата получения] 4 февраля 1829 г.

Господину Исправляющему должность Попечителя
Казанского учебного округа
Кандидата Осипа Ковалевского
Донесение.

В исполнение предписания Вашего Превосходительства честь имею сим донести, что в течение Декабря месяца продолжали мы чтение Монгольской Кгэсэр-Хановой истории (Кгэсэр тоджи). Сверх сего переписали мы г. Игумнова два сочинения, из коих первое под заглавием: О существовании бурятского народа [112], заключает в себе некото-

[112] А. В. Игумнов написал следующие работы: «О существовании бурятского народа», «Записки о ламах Забайкальской губернии», «Краткая выписка из Уложения монгольских законов, заключающихся в 63 статьях, из которых особо о ламах 5 частей (глав)», «Перевод с монгольского языка Клятвенного обещания». Кроме переводов с монгольского языка на русский, Александр Васильевич переводил с русского на монгольский: «Устав об управлении инородцев», «Положение об исках в Сибири, Предписания сибирских генерал-губернаторов хоринскому главному тайше, трем аймачным тайшам и Аннинской конторе от 5 марта 1820 г.». На основе личных наблюдений и сведений, собранных во время поездки в Пекин в 1781 г., А. В. Игумнов написал две статьи под общим заголовком «Обозрение Монголии», которые были опубликованы в «Сибирском Вестнике» (1819. Ч. 5. С. 1–45).

рые исторические сведения и местные предания о происхождении бурят и присоединении их к России, а последнее о Ламах, с краткою выпискою из Монгольского Уложения (1817-го Богдоханом утвержденного и в Пекине в 3 частях напечатанного) о Шигемунианском духовенстве. Сочинение сие, по своей важности, служит дополнением материалов о Ламской Вере, о которых я имел уже честь донести Вашему Превосходительству…

Иркутск. 1-го января 1829 года. Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 11. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 117–119

[Дата получения] 25 января 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Начальству Азиатского Департамента
№ 6
Прикомандирование
к Приставу Пекинской Миссии

Узнав, что г. Игумнов просил уже Вашего Превосходительства сделать распоряжение о выдаче ему и нам прогонных денег для путешествия за Байкалом, осмеливаюсь представить на рассмотрение Вашему Превосходительству следующие обстоятельства:

По моему мнению, путешествие принесет нам истинную пользу, когда мы будем в состоянии понимать язык и основательно знать свойства его, так, чтобы, обращаясь к природным знатокам монгольского языка, могли заниматься сочинением простонародных наречий с знакомым уже письменным и вместе собирать нужные сведения о забайкальских жителях.

За Байкалом же, по словам г. Игумнова, кроме гусиноозерских бурят, все говорят совершенно испорченным и едва понятным языком [113].

О. М. Ковалевский в своих письмах-отчетах называет еще две работы А. В. Игумнова по буддизму: «Ответы на 37 вопросов, данных от бывшего Сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского забайкальских бурят и тунгусов главному ламе Банди[да] Хамбе» и «Ответы на 6 вопросов о Шаратском законе», а также «Монгольский словарь, расположенный по азбучному алфавиту с русским переводом», рукопись которого находится в библиотеке Кяхтинского музея, еще такой же экземпляр находится в Улан-Удэ в Отделе рукописей БНЦ БФ СО АН, инв. № 354. См.: Пучковский. 1960. С. 166–195.

[113] Верхнеудинский уезд О. М. Ковалевский называл «русской Монголией» — по числу проживающих здесь бурят, что явилось благоприятным обстоятельством для изучения монгольского языка. Однако он отмечал, что «Монгольский язык, употребляемый различными племенами, подвергнулся некоторым изменениям в произноше-

Наши в Иркутске занятия с некоторого времени довольно медленны, потому что [для] переводов требуется знание не одних слов, но и правил грамматических, которых наш Учитель [114], кажется, не может нам достаточно объяснить. Он сам учился по-русски, когда русская грамматика в училищах не существовала. Проводя же почти всю свою молодость между бурятами и обращаясь с монголами, приобрел для себя знания монгольского языка. Со временем, по врожденному любопытству, старался вникать в свойства почти уже природного ему Монгольского языка, а без знания других языков не был в состоянии подвести оныя под общие правила. Доказательством сему может послужить и то, что поныне не имеем еще порядочных таблиц склонений и спряжений. Оттого же произошло, что он, следуя старинной методе, хотел заставить нас учить механически монгольские слова, для практических упражнений в языке ежегодно с нами отправляться за Байкал, а для переводов предложить нам свои сочинения на монгольском языке. Предвидя сие, старался я всеми средствами уверить г. Игумнова, что по нынешней методе аналитическое чтение подлинных монгольских сочинений доставит нам способ не только узнать слова с их значениями, но и разные обороты, грамматическую и логическую связь выражений и мыслей автора, познакомит нас с гением языка и с истинною для нас пользою займет все наши умственные способности, а не одну память. Наконец, приступили мы к переводам. Вдруг открываются перед нами многие трудности, которых не может разрешить Грамматика г. Игумнова. Не смею, Ваше Превосходительство, более утруждать Ваше вни-

---

нии слов, что составляет так называемые наречия…» (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 119).

Бурятский язык относится к северной ветви монгольских языков. Подразделяется на три диалекта: западный, восточный, южный. Принцип дифференциации диалектов основан прежде всего на различиях лексики и, частично, фонетики. Между западным и восточным диалектами больше различий, чем между восточным и южным. Буряты до революции 1917 г. не имели единого бурятского письменного языка. Восточные буряты с конца XVII в. пользовались старописьменным монгольским языком. С момента вхождения бурят в состав России в XVII в. делопроизводство велось на старомонгольской графике; записывались исторические хроники, улигеры, песни и другие произведения устного творчества. Старомонгольское письмо изучалось в дацанах, на нем издавались религиозные сочинения. Старописьменный монгольский язык имел существенные отличия от народно-разговорного языка бурят на всех уровнях, особенно в лексике и грамматике. Западные буряты до революции пользовались русским письменным языком, им не был знаком старописьменный монгольский язык. См.: *Дарбеева А. А.* Бурятский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 37, 38.

[114] У ч и т е л ь — так О. М. Ковалевский называл Александра Васильевича Игумнова, который родился в 1761 г. в Кударинской крепости, на границе с Китаем. Его отец был переводчиком с монгольского и маньчжурского языков. Его детство прошло среди бурят и монголов, поэтому он хорошо говорил на их языках. В 1771 г. отец отдал его в только что учрежденную школу монгольского языка в Селенгинске, которую тот окончил в 1777 г. Затем Игумнов служил толмачом в Кяхтинской пограничной канцелярии, в 1781–1782 гг. в качестве переводчика сопровождал в Китай Российскую духовную миссию. См.: Кузьмин. 2002. С. 7.

мание подробным исчислением средств, нами употребляемых для облегчения в наших занятиях. Остается еще получить краткое начертание Монгольской грамматики, сочиненное селенгинскими английскими миссионерами [115]. Впрочем, г. Игумнов (как сам сознается) никогда не предполагал видеть таких учеников, каких нас нашел. По сие время учил он монгольской грамоте или бурят, или русских, предварительно знающих разговорный монгольский язык. Итак, составление Грамматики требует еще долговременного упражнения в письменном языке.

Г[осподин] Игумнов желает, кажется, ежегодно в летнее время, вместе с нами, отправляться за Байкал и там нас знакомить с разными монгольскими племенами. Без сомнения, такие разъезды по Забайкальскому краю влекут за собою значительные издержки. Потому, если прогоны ежегодно не будут нам отпускаемы, покорнейше прошу Ваше Превосходительство и нынешнее наше путешествие отложить до того времени, когда будем в состоянии вполне им воспользоваться. Во время же нашего путешествия необходимо нам нужен от г. генерал-губернатора открытый лист, по которому бы все власти, в особенности бурятское духовенство, давали нам возможныя пособия, дозволили рассмотреть книги, хранящиеся при кумирнях [116], и пр.

Здешний губернатор никогда не посылал чиновника в Ургу по торговым делам, потому что русские купцы с своими товарами за границею в китайской Монголии не бывают. Но (как сказывают) в белом месяце [117] (Цаган Сар), т. е. в феврале, ежегодно из Иркутска отправляется чиновник в Маймачин [118] с подарками для китайских чиновников. Признаюсь, Ваше Превосходительство, я весьма охотно принял бы на себя

---

[115] Знакомство О. М. Ковалевского с английскими миссионерами состоялось. Их встречи были неоднократны. Ковалевский путешествовал по Забайкалью до глубокой осени 1829 г., несколько раз возвращался в Иркутск, в Верхнеудинск, снова продолжал поездки среди бурят, не раз он приезжал к селенгинским бурятам, где и встречался с Юиллем. Впервые они встретились 19 апреля 1829 г. во время их пребывания при Селенгинской 18 родов Степной думе вместе с А. В. Поповым и А. В. Игумновым. См.: *Полянская.* Профессор О. М. Ковалевский… С. 21, 22.

[116] К у м и р н и — здесь О. М. Ковалевский называет так буддийские храмы.

[117] Б е л ы й м е с я ц — (*монг*. Цагаан сар), праздник по случаю наступления Нового года по лунно-солнечному календарю у монгольских и некоторых тюркских народов. Изначально считался праздником молочных продуктов и отмечался осенью. Перенесен на конец зимы под влиянием китайской астрологии при Хубилай-хане, внуке Чиингис-хана. См. о нем: *Д. Банзаров*. Белый месяц. Празднование нового года у монголов / Казанские губернские ведомости, 1846. № 30.

[118] М а й м а ч и н (М а й м а ч е н) (от *монг*. найма ‘торговля’) — населенная китайцами торговая слобода на территории Монголии, близ русско-монгольской границы, имела второе название «Монгольская Кяхта», находилась на месте современного Алтан-Булага на территории Монголии. См.: *Полянская О. Н.* Дневниковые записи монголоведа О. М. Ковалевского об Урге, Маймачене, Кяхте, Верхнеудинске первой половины XIX века // Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона: Материалы первой региональной науч. конф., посвящ. 340-летию г. Улан-Удэ: в 2 ч. Улан-Удэ, 2006. Ч. 2. С. 112.

исполнить такое поручение, или, по крайней мере, сопутствовать посылаемому чиновнику, быть очевидцем…

Повергаясь в милостивое Ваше покровительство, имею счастье пребыть с наиглубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства, Милостивого Государя,

покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.

Иркутск. 20-го декабря 1828 года.

Документ № 12. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 38

В Совет Казанского университета

По представлению г. Гражданского Иркутского губернатора предложили мне сопровождать пограничного переводчика Фролова до Урги. Так как едут еще 4 казака, то я намереваюсь просить г. губернатора, дабы дозволено было г. Попову в виде казачьего старшины вместе с нами съездить.

Иркутск. 5 января 1829 г. *Осип Ковалевский*.

Документ № 13. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 133

Милостивый государь мой Осип Михайлович!

При отправлении ныне переводчика Пограничного управления Фролова в китайский город Ургу для доставления следующих от меня к тамошним пограничным правителям писем, находя полезным доставить Вам случай ближе познакомиться с монгольским языком и воспользоваться замечаниями, нужными как для сего, так и вообще по особенно заслуживающим внимания предметам, предлагаю Вам, М. Г., следовать с г. Фроловым, находясь при нем в виде чиновника моей канцелярии. На проезд Вам до Кяхты и обратно до Иркутска Вы получите в канцелярии моей прогонные деньги.

Я надеюсь, что Вы во время нахождения Вашего за границей, в обращении с заграничными, постараетесь соблюсти все приличие, свойственное обычаям сих народов, следуя, впрочем, в непременной точности наставлению г. Фролова как опытного и старшего чиновника.

Имею честь быть и пр.

№ 193. 15-го января 1829 года. Иркутск. *Иван Цейдлер*

Документ № 14. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 139–142

[Дата получения] 18 марта 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Все пособия, доставленные нам г. Игумновым для изучения монгольского языка, еще весьма недостаточны. Ибо он, равно как и все

здешние Переводчики, зная по-монгольски из одной практики, не может объяснить всех трудностей сего языка: в каждом случае ссылается на разговорные наречия, в котором не нашел постоянных правил; читая же с нами книги, в одних не одобряет простого слога, а в других, по его мнению, правильно написанных, встречает непреодолимые препятствия. Касательно монгольской Грамматики, надеюсь найти много пособий у селенгинских миссионеров, которые, во время 9-летнего своего между бурятами пребывания, неутомимо занимаясь изучением сего языка, составили (сколько мне известно) и Грамматику, и огромный Словарь; а всего удивительнее то, что, по общему здешних Переводчиков, мнению, знают основательно и Монгольский язык. Обучают они бурят русской грамматике, Катехизису, начальной математике и истории, а некоторых и английскому языку.

Остается и нам прибегнуть к практике. Кажется, что нынешнее путешествие по Забайкальскому краю принесет нам удивительную пользу, тем более, заставит нас говорить не иначе, как по-монгольски.

По предложению г. Игумнова отправимся из Иркутска в половине или конце марта месяца, сперва через Верхнеудинск, Селенгинск [119] к Гусиноозерским кумирням [120], оттуда через Кяхту, Кудару [121] к Чикойским [122] и будем разъезжать по селениям и кочевьям бурятским, останавливаясь там на время, по мере надобности. Сие путешествие продолжится до конца августа или половины сентября. Главная же цель его будет состоять в практических упражнениях на монгольском языке. Сверх сего, я предполагаю собирать по возможности нужные сведения о народах, сим языком говорящих, и вообще о забайкальских жителях. Надеюсь получить от г. исправляющего должность губернатора И. С. Зеркалеева: 1) открытое предписание местным начальствам о содействии нам с их стороны, 2) казака, знающего монгольский язык. Весьма желательно, чтобы и учебные забайкальские заведения не оставили нас без пособий.

Не имея ни казенной печати, ни других средств во время путешествия, я должен прибегнуть к смотрителям уездных училищ с просьбою об отправлении моих писем к Вашему Превосходительству. Но, как весьма редко и на самое короткое время будем останавливаться в городах, то и переписка моя, по необходимости, должна сократиться. Впрочем, первою обязанностью поставлю, сколько возможно, чаще дово-

---

[119] С е л е н г и н с к — один из старейших городов Забайкалья. Селенгинский острог был основан 27 сентября 1665 г. енисейским пятидесятником Г. Ловцовым. Перестроен и укреплен томским сыном боярским И. Поршенинниковым в марте—мае 1686 г. Построен острог по течению р. Селенги, по правой ее стороне.

[120] Г у с и н о о з е р с к и е к у м и р н и — Гусиноозерский дацан, центр буддизма бурят Восточной Сибири в XIX в.

[121] К у д а р а — селение, ныне с. Кудара-Самон Кяхтинского района Республики Бурятии.

[122] Ч и к о й — река в Забайкалье (частью по границе с Монголией), правый приток Селенги, вдоль берегов которой располагались бурятские кочевья.

дить до сведения Вашего Превосходительства о наших занятиях. Письма же Вашего Превосходительства на мое имя, по-прежнему, адресованные в Иркутск, могут быть мне доставлены через директора училищ [123]. По сей же причине, я намерен просить Совет Университета, о дозволении мне представить дневные записки вместе за целый год в половине уже ноября месяца.

Вообще сие путешествие, по моему мнению, будет приготовлением к поездке в Пекин. Приобретенное знание языка и собранные сведения о племенах монгольских, живущих в России, послужат материалом для сравнения их с языком и сведениями о собственной Монголии. Потому осмеливаюсь еще раз утруждать Ваше Превосходительство моею покорнейшею просьбою об исходатайствовании мне дозволения Начальства находиться в виде чиновника при приставе духовной Миссии [124]. Это единственное средство для усовершенствования себя в знании языка и собрания нужных по сему предмету сведений. В последнем письме от 18-го января Ваше Превосходительство изволили раскрыть самую важную цель, к которой в продолжение предполагаемого путешествия я должен стремиться. В самом Пекине при тамошних студентах могу заняться изучением начал маньчжурского языка и продолжать монгольские упражнения. Все мои силы употреблю, дабы приобретением нужных преподавателю сведений принести пользу Отечеству, а ревностною моею службою оправдать выбор и заслужить внимание Вашего Превосходительства.

---

[123] Директор сибирских училищ по долгу службы совершал поездки и за Байкал, поэтому их встречи с О. М. Ковалевским были возможны.

[124] В 1830 г. истекал срок пребывания в Пекине X Российской духовной миссии, которую Россия содержала в Китае на основании Кяхтинского договора 1727 г. для религиозного обслуживания православных. Миссии отправлялись в Китай сроком на десять лет и состояли из духовных и светских людей, которые имели право изучать китайский, маньчжурский, тибетский и другие языки, а также приобретать в стране необходимую литературу.

О. М. Ковалевский просил разрешения находиться при приставе следующей, XI (1830–1840) Российской духовной миссии. Приставом был назначен полковник генерального штаба Михаил Васильевич Ладыженский, впоследствии ставший генерал-губернатором Западной Сибири (Тобольск). Начальник миссии — Вениамин Морачевич; иеромонахи: Аввакум Честной, Феофилант Киселевский; иеродиакон — Поликарп Тугаринов. Студенты: Г. М. Розов, Курлянцев, А. И. Кованько, Е. И. Сычевский. Врач — П. Е. Кириллов. Художник — А. М. Легашов. Прикомандированные: ботаник А. А. Бунге, астроном Е. Н. Фус, монголист О. М. Ковалевский. Состав Одиннадцатой миссии был необычен. Ее возглавил В. Морачевич, член предыдущей, Десятой миссии, знавший китайский язык. Вместо полковника Ладыженского сначала был назначен чиновник Министерства иностранных дел. А. А. Бунге, Е. Н. Фус и О. М. Ковалевский были отправлены под видом казаков, сопровождающих миссию. Можно предположить, что на нее возлагались важные государственные задачи по изучению Китайской империи, сбору достоверной информации, которая способствовала бы установлению дипломатических отношений между двумя государствами. См.: Скачков. 1977. С. 360.

Есть, кажется, положение, что чиновники, отправляемые за границу, получают полное свое жалованье серебром. Г. Фролов [125], находившийся переводчиком при прежней Миссии, уверяет меня, что ему (кроме запаса, приготовленного в Кяхте) ежедневное умеренное содержание за границею стоило 2 руб. серебром и что г. Тимковский получал в день на содержание по 5 р. серебром. Потому смею ласкать себя надеждою, что Ваше Превосходительство и в сем случае не оставит меня без надлежащего распоряжения насчет моего содержания за границею, где от Китайского Правительства, кроме провожатых чиновников, ничего более не получим. Нынешняя моя поездка в Ургу, несмотря на то, что монголы были обязаны нас содержать, весьма дорого стоила и несоразмерно с моим настоящим жалованьем.

Вчера посетил меня доктор Эрман [126], находящийся при норвежском проф. астрономии Ганстене, путешествующем по России, и вручил мне письмо от г. Брашмана [127]. С удивительным любопытством расспрашивал меня о Монголии, осматривал редкости, взял у меня некоторые книги и, по-видимому, остался мною доволен. Наконец уведомил меня, что г. Ганстен желает со мною познакомиться и поручить сделать некоторые наблюдения за Байкалом, а при случае и в самом Пекине. На сих днях постараюсь непременно побывать у сего ученого путешественника и воспользоваться его наставлениями. Многие здесь завидуют, что мне удалось быть и собственными глазами видеть часть Монголии [128], так редко русскими посещаемую.

---

[125] Ф р о л о в — переводчик монгольского языка пограничного управления, ездил в Ургу по поручению канцелярии иркутского губернатора Ивана Цейдлера. По характеристике И. Цейдлера, Г. Фролов — «опытный и старший Чиновник» (ГА РТ. Д. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 133. Письмо И. Цейдлера О. М. Ковалевскому от 15 января 1829 г.). В этом же письме И. Цейдлер дает разрешение О. М. Ковалевскому «следовать с Г. Фроловым в Китайский город Ургу, находясь при нем в виде Чиновника моей Канцелярии». С Фроловым Осип Михайлович впервые посетил Монголию в 1829 г. Фролов служил переводчиком (1820–1821) при Десятой Духовной миссии в Пекине в то время, когда Тимковский был там приставом.

[126] Э р м а н (Федор Иванович (Фридрих Франц) Эрдман**,** *нем*. Friedrich Franz Ludwig Erdmann; 1793–1862) — российский востоковед немецкого происхождения. Выпускник университетов в Ростоке и Геттингене. Доктор, преподаватель восточных языков в Казанском университете (1818–1845) и в гимназии Казани (с 1825 г.).

[127] Б р а ш м а н — возможно, Николай Дмитриевич Брашман (1796–1866), русский математик и механик, член-корреспондент Петербургской АН (1855). Основные труды по математическому анализу и гидромеханике (отсюда его интерес к водным ресурсам региона оз. Байкал).

[128] Несмотря на зимнее время (февраль 1829 г.), не очень удобное для путешествия, а также «недостаточное еще знание местного языка», поездка в Монголию оказалась интересной и нужной. Этого не отрицал и сам О. М. Ковалевский. «Впрочем, кратковременное сие путешествие принесло мне истинную пользу. Я изучил много слов монгольских и их настоящее произношение, узнал некоторые обыкновения, свойственные кочевому народу, был свидетелем буддийского богослужения...» (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 107–108, 135–135 об.). Возвратившись в Иркутск, О. М. Ковалевский написал отчет о своих дорожных наблюдениях и впечатлениях. Первая

С будущею почтою буду иметь честь представить первую часть моих записок путевых на рассмотрение Вашего Превосходительства.

Имею счастье пребыть с наиглубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства, Милостивого Государя,

покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский.*

Иркутск. 15 февраля 1829 года.

Документ № 15. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 135–136 об.

[Дата получения] 11 марта 1829 г.

Ваше превосходительство Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Исполнилось мое желание, и я был в Урге. На каждом почти шагу встречались мне новые предметы, о которых я поныне имел совершенно другое понятие. По расстроенному моему здоровью, путевые записки, веденные мною за границей, находятся еще в беспорядке. Почему беру смелость утруждать Ваше превосходительство покорнейшею моей просьбой о дозволении мне представлять оные отправками на Ваше рассмотрение.

Зимнее время, невыгодные путешествия в горах Монголии и недостаточное еще знание местного языка препятствовали собиранию обширных сведений. Окружающие нас чиновники, при всей своей вежливости в обращении, не могли или не хотели много нам сообщать. Откровенная же простота черни монгольской не была в состоянии раскрыть того, в чем я нуждался. Везде за границей я замечал удивительную осторожность и тонкость в разговоре наших соседей: краткие и лаконичные их ответы не удовлетворяли моего любопытства. По сей причине в моих записках, наскоро и украдкой веденных, ограничивался я тем только, что я сам имел случай видеть или слышать от других, не увлекаясь обманчивыми догадками или мечтаниями. Впрочем, кратковременное сие путешествие принесло мне истинную пользу, что я изучил много слов монгольских и их настоящее произношение, узнал некоторые обыкновения, свойственные кочевому народу, был свидетелем Шигемонианского богослужения в столице боготворимого Гэгэна (Хутухты), приобрел в Урге одну древнюю богословскую книгу, весьма хорошего издания; отыскал отрывки трех монгольских рукописей, из коих один исторического, а прочие нравственного содержания; наконец, как чиновник, отправленный по казенному делу от Иркутского губернатора к пограничным правителям амбань-бейсе и амбань-хугэ в славный монгольский город Курень, я имел случай видеть много лю-

---

часть отчета была сразу же опубликована в «Казанском Вестнике» (1829. Ч. 26, кн. 5. С. 4–34).

бопытного для европейца, о чем буду иметь честь подробно донести Вашему превосходительству.

К крайнему моему прискорбию, в Иркутске дошли до меня известия, коих, по долгу совести, не могу умолчать пред лицом Вашего превосходительства. С самого нашего прибытия в Иркутск Попов роптал на начальство за недостаточное жалованье и умолк тогда уже, когда Ваше превосходительство изволили известить г. Игумнова о том, что уже представлено г. министру о умножении суммы на содержание. Со временем обнаружил он страсть к игре в карты; но, по моему увещеванию, оставил оную. Пользуясь же моим отсутствием, познакомился с людьми дурного поведения и снова занимался игрою в карты. В течение четырех недель один только раз был у г. Игумнова. Наконец, по сие время не завел еще тетради, в которой, по предписанию Совета, должен описывать свои занятия. Почему не благоугодно ли будет Вашему превосходительству, 1) не указывая на источник, из коего почерпнуты сии известия, сделать замечание Попову за дурное поведение и неисполнение начальнических распоряжений, 2) предписать ему: немедленно завести дневные записки и через меня ежемесячно представлять оные Вашему превосходительству, а по истечении каждого полугода — в Совет университета, 3) подтвердить мне неослабный надзор за поведением Попова и о каждом предосудительном его поступке немедленно доносить начальству.

Доводя о сем до сведения Вашего превосходительства, честь имею пребыть с глубочайшим высокопочитанием к особе Вашей и вечною преданностью, Вашего Превосходительства Милостивого государя

покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.

Иркутск. 16 февраля 1829 г.

Документ № 16. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 150

[Дата получения] 1 апреля 1829 г.

Господину исправляющему должность Попечителя
Казанского учебного округа

Возвратившись из Урги в Иркутск, занимался я постоянно перепискою набело краткого Монгольско-российского словаря и окончил уже шесть начальных букв, на 42 листах, вмещающих в себя до 4000 слов и фраз монгольских. В том числе находятся все коренные слова, выписанные из полного словаря, сочиняемого г. Игумновым [129]. На сих

[129] Имеется в виду «Монгольский словарь, расположенный по азбучному алфавиту с русским переводом», рукопись которого находится в библиотеке Кяхтинского музея, еще такой же экземпляр находится в Улан-Удэ, в Отделе рукописей БНЦ БФ СО АН, инв. № 354. На титульном листе первого тома (первая часть) стоит водяной знак 1819 г., на титуле второй части — водяной знак 1818 г., ему предшествует лист со

же днях получил я рукописную краткую монгольскую грамматику, на английском языке [130], составленную селенгинскими миссионерами. Сие сочинение, основанное на глубоком познании языка, весьма облегчит наши занятия и ускорит успехи.

№ 35. Иркутск. 6-го Марта 1829 года. Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 17. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 165, 165 об.

[Дата получения] 23 апреля 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

20-го Марта отправились из Иркутска через Байкал, 23-го прибыли мы в Верхнеудинск. По предписанию Общего губернского управления здешний окружной начальник Н. С. Лосев сделал с своей стороны все возможные пособия для нашего по сему уезду путешествия. В Верхнеудинской округе, в числе 63.000 жителей, находится более 40.000 бурят. Потому сию страну справедливо назвать можно русскою Монголиею, местом единственным для практических упражнений в языке. Верст за 20 и более стекаются буряты в Верхнеудинск посетить А. В. Игумнова. Которого весьма почитают они и любят как коренного Верхнеудинского жителя и знатока монгольского языка. 27-го Марта отправимся к Гусиноозерским кумирням, где имеет свое местопребывание Хамбу Бандида Лама, главный Бурятский Лама, для которого везем две прекрасные раковины в подарок от имени А. С. Лавинского. В окрестностях сих кумирен предполагаем пробыть около месяца.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, честь имею пребыть с истинным высокопочитанием к Особе Вашей и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства Милостивого Государя
покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.
№ 38. Верхнеудинск. 26-го Марта 1829 года.

знаком 1833 г., что указывает на дату окончания работы над вторым томом. Словарь был составлен в 4 частях, сохранились до наших дней только три части. См.: Пучковский. 1960. С. 166–195; Хохлов. 1992. С. 222–225.

[130] О. М. Ковалевский восторженно отзывался об английских миссионерах Юилле, Сталлибрассе и Сване в плане знания ими монгольского языка. Главной же целью миссионеров было распространение Евангелия и приготовление бурят к принятию христианской веры. Ламы же «всеми способами стараются препятствовать их намерению, стремящемуся к искоренению, или, по крайней мере, к поколебанию Шигэмуниева учения... Хамбо-лама откровенно сказал англичанам, что если они, оставив изъяснения Евангелия, будут ограничиваться преподаванием светских только наук, то немедленно число учеников у них умножится», — отмечал О. М. Ковалевский. См.: *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский... С. 22, 23.

Документ № 18. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 181, 181 об.

[Дата получения] 2 июня 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Осмотрев Чжагасутайския [131], Атагайския [132] при р. Ауть и Гусиноозерские кумирни, с 2-го по 19-й день апреля жили мы при Селенгинской 18 родов Степной Думе [133].

Во время нашего пребывания у Хамбу-Ламы видели мы торжественное двухдневное молебствие бурятских Лам. Но как никто не мог нам с точностью объяснить Шигемунианского богослужения, то я ограничился только подробным описанием виденных мною обрядов, утвари и украшений кумирен. Сверх сего, постоянно старался я исследовать степени духовенства, их различие и влияние на необразованных простолюдинов. Последняя статья обогащается еще новыми замечаниями, делаемыми в других местах пребывания наших монголо-бурят.

При Селенгинской степной думе списал я около 15 небольших Монгольских книжек, богословского содержания. В сем числе находятся и повести, из коих некоторые не уступают и Арабским в силе вымысла и слога своих сочинителей. В них можно видеть дух народа, а иногда находить и исторические его происшествия. Подаренная мне Главным 18 Селенгинских родов Тайшею Лонбоцыреновичем [134] прекрасная рукопись (которую я намерен поднести Казанскому Университету), под заглавием Чихула Кэрэглэкчи, представляя нам Шигемуния

---

[131] Чжагустайские кумирни. — Имеется в виду Загустайский дацан.

[132] Атагайские кумирни — Ацагатский дацан.

[133] Селенгинская 18 родов Степная Дума. — Общественный строй бурят был сложным. Основной общественной единицей считался у бурят род, но это была уже не столько кровная, сколько административная единица. В 20–30-е годы XIX в. в Забайкалье было, по подсчетам О. М. Ковалевского, 38 бурятских родов, которые входили в состав четырех административно-территориальных округов (Баргузинского, Селенгинского, Хоринского и Кударинского), созданных в 1822 г. для удобства управления и взимания податей. Наиболее крупным из них был Селенгинский, на территории которого кочевало 18 родов и насчитывалось около 20 тыс. человек. Во главе каждого округа находилась Степная дума, состоящая из заседателей, избираемых родами, и чиновников — тайшей (тайша — глава Степной думы), шуленгов и зайсанов. Осип Михайлович писал: «С древнейших времен буряты между собою различаются по родам, ведущим свое начало и название от предков или родоначальников. Некоторые из сих родов, как малочисленные, русскими соединены в один под общим названием Сборного, Подгорного и других...» (*Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский... С. 48).

[134] Лонбоцыренович — Юм-дэлэк-ламбо Цыренов Ломбоцэрэнов, главный тайша Селенгинских родов, был известным бурятским летописцем, его перу принадлежат «Заметки о роде Хатагин» (1832), «История шаманки Асуйхан» (1832). По просьбе О. М. Ковалевского им была составлена «Бичихан записка» (1833) (Тагаров. 1952. Т. 15. С. 84).

как восстановителя веры, вмещает в себе и краткую родословную Историю Тибетских и Монгольских Ханов.

На берегах Селенги [135] и Темника [136] отыскал я весьма любопытные Монгольские сказки (Ушаяндари-хан, Гэсэр-хан и Шидиту кур), коих немецкий перевод Г. Бергмана очень хорошо был принят учеными ориенталистами, а особливо г-м А. Ремюза. Но сии драгоценные книги, в рукописях хранящиеся, не могли быть приобретены покупкою. При помощи упомянутого тайши и билютуевского учителя Круглова, я успел только списать оныя.

Английский Миссионер Роберт Юилль (Yueille), живущий на правом берегу р. Селенги, весьма благосклонно нас принял, обрадовался, что наше Правительство обратило свое внимание и на сию совершенно забытую отрасль восточной словесности, предлагал нам свои услуги и пособия, показывал всю свою библиотеку, свои переводы и сочинения. Знает он превосходно монгольский язык и сделал изрядные успехи в маньчжурском и тибетском. Вместе с своими товарищами Сталлибрасом и Сваном перевел уже почти все Священное Писание, составил словарь монгольско-российский, российско-монгольский, монгольско-маньчжурский с кратким объяснением слов по-Монгольски, начал словарь английско-монгольский, сочинил монгольскую грамматику на английском, а для бурят и на монгольском языке, перевел по-монгольски арифметику, геометрию, тригонометрию и практическую геометрию, собрал значительное число монгольских, маньчжурских и тибетских книг и неутомимо занимается толкованием Нового Завета для инородцев. Собираются к нему буряты, коим он ежедневно преподает языки и основания начальных наук. При мне пришло к нему 6 человек: один из них читал по-монгольски 2-ю главу Св. Евангелия от Св. Иоанна. Потом миссионер пространно объяснил им содержание сей главы и наконец произнес приличное поучение на монгольском языке.

Сии миссионеры приобрели уже и монгольскую типографию за 1500 рублей и намерены в конце сего года печатать учебные монгольские книги. По их предположению, огромный монгольско-маньчжурский Словарь с монгольскими изъяснениями будет стоить от 20 до 25 рублей.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, честь имею пребыть с истинным высокопочитанием к Особе Вашей и вечною преданностью

Вашего Превосходительства
Милостивого Государя
покорнейшим и усерднейшим слугою
Осип Ковалевский.
Верхнеудинск. 26-го Апреля 1829 года.

---

[135] С е л е н г а — река в Монголии и России (на территории Республики Бурятия), впадает в оз. Байкал.

[136] Т е м н и к — река в Забайкалье.

Документ № 19. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 190–191

[Дата получения] 1 июля 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

От выезда нашего из Кяхты по сие время успели мы только осмотреть Цонгольские и Тугнуйские кумирни, при которых, упражняясь в разговоре, занимались мы приисканием книг и их перепискою. Между Цонголами [137] открыл я более 20 рукописей, в числе коих находятся и весьма важныя для познания Шигэмунианской веры и астрологии. Одно космологическое сочинение, несколько повестей, история изобретения монгольских письмен [слово нрзб] занимают не последнее место в моем собрании. Две монгольские книги, напечатанные на деревянных досках Ламами при Цонгольских кумирнях, как образец искусства наших бурят, сегодня я имел честь представить Совету для помещения их в университетской библиотеке. По моему ходатайству, Ширету Лама Лопсан Дампил Дылыков [138] пожертвовал Университету одну богословскую на монгольском языке книгу, в Пекине напечатанную. Цзасак Лама Вантун Дугаров [139] принес в дар Университету 9 книг (3 печатныя, а прочие рукописныя). И обязался впредь доставлять книги, с тем, однако ж, если Университет удостоит его звания корреспондента [140]. Буряты чрезвычайно честолюбивы: одобрение со стороны На-

---

[137] Ц о н г о л ы — бурятские роды, кочующие на границе с Монголией, близ Кяхты. По утверждению О. М. Ковалевского и английских миссионеров, говорили на чистейшем монгольском языке (Б. Я. Владимирцов относил цонгольский диалект к южно-бурят-забайкальскому наречию).

[138] Ш и р е т у Л а м а Л о п с а н Д а м п и л Д ы л ы к о в — священнослужитель Цонгольского дацана.

[139] Ц з а с а к Л а м а В а н т у н Д у г а р о в — священнослужитель Цонгольского дацана.

[140] Звания корреспондента Императорского Казанского университета были удостоены все, кто содействовал О. М. Ковалевскому и А. В. Попову в изучении монгольского языка и сборе восточных рукописей. Бурятским ламам: главному тайше 18 Селенгинских родов Юму Дылык Лонбоцэрэнову и дзакирокчию Кулуннорского дацана Долсам Дорджию Гемпилову Совет университета объявил благодарность (см.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 14–15, 99–100).

Проект похвального листа, составленный О. М. Ковалевским для лиц, которые дарили книги библиотеке Казанского университета:

(Здесь вписывается звание и имя жертвователя).

По донесению кандидата Ковалевского о похвальном Вашем усердии к учебным заведениям и принесении Вами в дар библиотеке университета (здесь вписываются названия книг) _____

Императорский Казанский университет, основываясь на предложении Его Превосходительства Господина Попечителя Казанского учебного округа, по разрешению Господина Министра Народного Просвещения, изъявляет Вам торжественно сим актом свою признательность, в полной уверенности, что сие послужит Вам поощрением

чальства Университета может их поощрить к дальнейшим пожертвованиям. Между книгами, присланными ко мне Цзасак Ламою, заслуживают особенное внимание: Тибетско-Монгольский Словарь, которого, по совету Юеля, долго искал я у бурят; Улигэрун далай, море повествований о Шигемунии; Хлантаб, наука о лекарствах, переведенная с тангутского.

Сберегая казенные деньги на покупку книг в самом Пекине, предпринял я списать все мелкие Монгольские сочинения, находящиеся в рукописях между бурятами. Потому я не решаюсь покупать библиотеки у г. Игумнова, который мне оную неоднократно предлагал, но за цену чрезвычайно дорогую. Напр., Словарь монгольско-маньчжурский (Толи-бичик), покупаемый в Пекине по 50 р., продается нашим наставником за 300 р.!!

Для практических в языке упражнений и переписки книг приглашал я одного цонгольского зайсана [141] на четыре зимних месяца в Иркутск жить вместе с нами, на что и получил уже его согласие.

Попов ведет себя хорошо и прилежно занимается [142].

Повергаясь в милостивое Ваше покровительство, честь имею быть с глубочайшим к Вашей Особе высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства Милостивого государя покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.

№ 45. Верхнеудинск. 22-го мая 1829 года.

Документ № 20. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 198–199 об.

[Дата получения] 8 сентября 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

28-го мая из Верхнеудинска вместе с нашим наставником отправились мы по Уде-реке [143] к хоринским бурятам. Кроме обыкновенных кумирен в разных местах мы имели случай видеть рассеянные древних

к углублению стараний и неослабному содействию в пользу образованности Ваших единоверцев для достижения общего блага. (Подпись ректора университета) (Место печати университета) См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 610.

[141] Д з а й с а н (зайсанг; *монг*. зайсан) — наследный владетель улуса, титул, известный со времени Юаньской империи.

[142] Между О. М. Ковалевским и А. В. Поповым возникали некоторые разногласия по поводу ответственности за выполнение порученных им занятий. Осип Михайлович, назначенный старшим в этой научной командировке, отвечал и за ее результаты. В некоторых его письмах к попечителю встречается изъявление беспокойства за поведение студента А. В. Попова.

[143] У д а — река, правый приток Селенги.

здешних обитателей кладбища, шаманское жертвоприношение, беседовать с шаманами о их вере и обрядах [144].

Хитрая шигемунианских жрецов политика [145] не щадит никаких средств для разрушения и совершенного истребления сей древнейшей, в северной и юго-восточной Азии весьма распространенной, но поддерживаемой одними только преданиями веры. По большей части сожжены уже изображения шаманских онгонов, и место их заняли ламские бурханы. Несмотря на сие усилие шигемунианского духовенства, у хоринских бурят и тунгусов остались еще по сие время и шаманы и жертвоприношения со всеми обрядами, им свойственными.

Хоринцам проповедуют христианскую веру английские миссионеры Сван и Сталлибрасс, с коими и мы имели удовольствие познакомиться и провести некоторое время в весьма занимательных и полезных беседах о языке и вере здешних жителей. От Сталлибрасса получил я часть Монгольской грамматики, на монгольском же языке им составленной, о глаголах, и синтаксис, и Псалтырь, по-монгольски им переведенный.

Осмотрев несколько Хоринских кумирен, от Аги-реки [146] отправились мы к Онону [147], с тем чтобы близ китайской границы воспользоваться чистым разговором монгольским. Но, по причине необыкновенного разлития Онона, мы вынуждены были повернуть вниз в Тунгусскую степь, где, между прочим, удалось видеть освящение обо. Оттуда через Агу возвратились мы в Верхнеудинск.

Г[осподин] Игумнов, по слабости здоровья, решился ехать в Иркутск. Я же вошел с просьбою к г[осподину] верхнеудинскому окружному начальнику Лосеву об увольнении цонгольского зайсана Сундупа Тулусунова ко мне в Иркутск на несколько месяцев [148], для практиче-

---

[144] Шаманизму О. М. Ковалевский уделял немало внимания. Шаманская вера продолжала играть существенную роль среди бурят и монголов и после распространения среди них буддизма. «Шаманская вера, одна из древнейших и наиболее распространенных на Востоке и Севере Азии, — писал он, — основывается на <...> поклонении и приношении жертв Онгонам, т. е. духам-хранителям, владеющим стихиями, и покровителям душ человеческих, которые, по мнению жрецов-шаманов, почитаются бессмертными». Горы, реки, долины, леса, озера имеют своих онгонов, в честь которых сооружают каменные обо на высоких горах. См.: *Ковалевский О. М.* Поездка из Иркутска в Ургу // Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5.

[145] О. М. Ковалевский ставил перед собой вопрос: «Какими средствами ламы успевают столь скоро распространять свое учение?» Отвечая на этот вопрос, он писал: «У бурят и тунгусов <...> одно шаманство было всем прежде общее, и никто, не вникая в основание сего учения, не веровал так, как и предки его веровали. Здешние ламы, удержав старинные обряды, присоединили оные к новым Шигэмунианским правилам». Таким образом, Осип Михайлович делал вывод, что «обе веры в некоторых отношениях, с собою соединены». «Могущество новых жрецов и их хитрая политика помогают скорому распространению Шигэмунианского учения» (Казанский Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 3. С. 295, 296).

[146] А г а — река, приток р. Онона.

[147] О н о н — река на территории Монголии и России, правый приток р. Шилки.

[148] Сундуп Тулусунов не ездил в Иркутск для занятий монгольским языком с О. М. Ковалевским и А. Игумновым, видимо, Селенгинская степная дума не дала на

ских с ним упражнений в языке. Г[осподин] Лосев изъявил на сие свое согласие, но с тем, если Селенгинская Степная Дума не найдет каких-либо законных препятствий.

Для [нрзб] в языке успеха, я с Поповым посетил еще раз Селенгинского миссионера Юеля и знакомых цонгольских лам, кочующих по Хилку-реке. Первый снабдил нас несколькими монгольскими книгами, таблицами глаголов, монгольско-российскими разговорами, а последние принесли в дар для библиотеки Казанского университета весьма важный тангутско-монгольский словарь, известный под заглавием: Дакбарь Лоа.

В течение 4½ месяца проехав 3201 версту, наконец 31-го июля, благодаря Всевышнего, возвратились мы в Иркутск.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, честь имею быть с глубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший и усерднейший слуга *Осип Ковалевский.*

№ 54. Иркутск. 4-го Августа 1829 года.

Документ № 21. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 202–203

[Дата получения] 8 сентября 1829 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Английские миссионеры приняли нас весьма ласково, показывали нам свои сочинения, разрешали наши недоумения о правилах языка и значение многих Монгольских слов, знакомили нас с верою бурят, наконец доставили нам в рукописи часть своей Грамматики.

Откровенность и глубокие познания англичан не понравились г. Игумнову, который постоянно уверял нас, что они имеют весьма слабое понятие о самом даже языке. Между тем почти все ученые прения нашего наставника с миссионерами кончились в пользу сих последних, согласно с мнением лам.

Вообще хвалят они чистое произношение и бурятский разговор г. Игумнова, но не одобряют его переводов, уличают в неправильном означении многих слов монгольских и незнании грамматики.

В самом Иркутске являются, зимою только, самые грубые, необразованные буряты, не знающие ни языка своего, ни письмен, ни веры, и потому не могут нам принести ни малейшей пользы. Цонголы и сартолы говорят чистейшим языком, но они кочуют близ Кяхты. Поэтому, по мнению англичан, гораздо полезнее было бы для нас жить в Кяхте,

---

это согласия. Вместо С. Тулусунова поехал Ринчин Ванчиков, однако на непродолжительное время.

при границе, где и природные монголы, и их единоплеменники, цонголы и сартолы со своими кумирнями и ламами, в малом находятся расстоянии; где живет и г. Фролов, основательно знающий монгольский и маньчжурский языки, и который легко согласится быть нашим руководителем, тем более что г. Игумнов жалуется на истощение своих материалов.

Вчера жандармский полковник Александр Петрович г. Маслов [149] обещал нам доставить из Забайкальского края бурята, который несколько лет под руководством миссионеров занимался с весьма хорошими успехами не только монгольским и российским, но еврейским, греческим, латинским и английским языками. Сей дорогой человек может жить со мною в Иркутске до самого выезда в Пекин. Я твердо уверен, что обещание г. Маслова непременно будет исполнено. Об упомянутом буряте я весьма много хорошего слыхал за Байкалом, как от англичан, так и самих бурят; но предвидя много препятствий со стороны пограничного правления, не смел я беспокоить начальство моею просьбою. Нынешнее ходатайство г. Маслова увольняет меня от всех забот по сему делу.

От несчастной нашей десятидневной через Байкал переправы получил я сильную простуду, но благодаря Бога, выздоравливаю. Г[осподин] директор отвел нам квартиру в Гимназии и на следующий год.

Честь имею быть с глубочайшим к особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью, Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший и усерднейший слуга *Осип Ковалевский*.

Иркутск. 4 августа 1829 года.

Документ № 22. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 212

Из письма О. М. Ковалевского
Попечителю Казанского учебного округа
М. Н. Мусину-Пушкину

…Бурят Цонгольского рода Ринчин Ванчиков… в продолжение трех с половиной месяцев, а именно с 15 ноября 1829 г. по 1 марта

[149] Александр Петрович Маслов — жандармский подполковник. В 1828 г. отправился в Сибирь с секретной миссией — проверить условия содержания декабристов. Кроме этого, пристальное внимание он уделил состоянию сибирской администрации. Позже (видимо, в 1833 г.) становится начальником Сибирского жандармского округа. Согласно положению от 28 апреля 1827 г., вся территория Российской империи разделялась на жандармские округа и отделения. В 1833 г. был создан VII Сибирский жандармский округ с центром в Тобольске. В каждой губернии появился штаб-офицер с довольно широкими полномочиями (см.: *Дамешек Л. М., Кодан С. В., Шавров А. В.* Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 118–126). Речь идет о Ринчине Ванчикове. Подробно о нем О. М. Ковалевский писал М. Н. Мусину-Пушкину (см. документ № 24).

1830 г. будет с нами заниматься, как практически, так и переводом книг… За труды свои будет получать от нас по 32 рубля в месяц.

№ 61. Иркутск. 28 сентября 1829 г.

Документ № 23. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 224

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Окончили чтение ключа 84 тысяч Св. Писания. Мы начали уже переводить большое Монгольское сочинение под заглавием Элдэн улигэрун далай (Море различных повествований), по своему содержанию весьма полезное для познания шигэмуниева учения.

Кандидат *Осип Ковалевский.*

№ 71. Иркутск. 23 ноября 1829 г.

Документ № 24. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 225, 225 об.

[Дата получения] 2 января 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Монгол Ринцзин Ванчиков, прожив две недели вместе с нами, ныне по Высочайшему Повелению отправляется в С.-Петербург. Кратковременное его пребывание в Иркутске и занятия по случаю выезда не дозволили нам вполне воспользоваться монгольским его разговором.

Ванчиков, без сомнения, принадлежит к числу ученейших монголо-бурят. Английские миссионеры, заметив в нем способности и прилежание к наукам, употребляли все средства для образования его и склонения к принятию христианской веры, дабы со временем приобрести в нем самого надежного помощника английской миссии за Байкалом. И потому преподавали ему, кроме Евангелия, начала тангутского, греческого, латинского, русского и английского языков, географию, математику и пр. Но хитрая политика [150] шигемуниевых жрецов вырвала из рук англичан сего молодого человека. Все старания и труды миссионеров остались тщетными. Ванчиков, помещенный в канцелярии атамана цонгольского пограничного казачьего полка, лишился всех средств продолжить начатое учение. Наконец жандармский полковник г. Маслов, узнав все сии обстоятельства, предложил нам принять Ван-

[150] Хитрая политика. — Здесь О. М. Ковалевский имеет в виду все возможные меры, которые ламы применяли, чтобы не допустить распространения христианства среди бурят. Они неоднократно настаивали на том, чтобы английские миссионеры прекратили христианские проповеди, а преподавание наук продолжали, тогда и число учеников у них значительно увеличилось бы.

чикова к себе с тем, дабы, пользуясь монгольским разговором, приложить старание к образованию упомянутого бурята. Между тем его императорское величество соизволило Высочайше повелеть отправить Ванчикова в С.-Петербург… [151]

Честь имею быть с глубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью, Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший и усерднейший слуга *Осип Ковалевский.*

Иркутск. 1 Декабря 1829 года.

Документ № 25. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 227–227 об.

[Дата получения]. 2 января 1830 г.

Ваше превосходительство
Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Пользуясь отеческою Вашею попечительностью о моем состоянии и успехах, принимаю смелость представить на благосклонное рассмотрение Вашему превосходительству некоторые средства к скорому достижению предположенной нам цели и ласкаю себя приятнейшею надеждой, что Ваше превосходительство обратит взор на наше нынешнее положение.

После выезда Ринчина Ванчикова остались мы опять без пособий, необходимых для успехов в монгольском языке. При наших настоящих познаниях обращение только с природными знатоками сего языка есть единственное средство для распространения круга занятий и усовершенствования себя в нужных университетскому преподавателю сведениях. Забайкальская поездка принесла уже нам неимоверную пользу. Приобрели мы много слов, определили значение их и для монгольской грамматики собрали довольно важные материалы, так что теперь при чтении легких сочинений встречаем мало трудностей и понимаем обыкновенный разговор. Во время моей бытности за границею, и даже от начала весны, для г. Попова постоянное пребывание за Байкалом, без сомнения, принесет много пользы, особенно между бурятами Селенгинского и Цонгольского родов, говорящими чистым языком и более образованными. Цзасак лама Дугаров, как Ваше превосходительство изволите заметить в прилагаемом при сем письме, отдает дом свой (от Селенгинска и от английского миссионера Юеля в 30 в[ерстах] по р[еке] Хилку) на жительство г. Попову и изъявляет готовность вспо-

[151] Можно предположить, что Ринчин Ванчиков как образованный из бурят, прекрасно знавший и восточные языки, был вызван в Санкт-Петербург в Академию наук к Я. И. Шмидту. Как известно и из писем О. М. Ковалевского, буряты приезжали к академику, по его приглашению, переводили восточные рукописи, привозили книги.

моществовать его своими сведениями. Следовательно, г. Попов, практически упражняясь между бурятами, для поверки, так сказать, приобретенных познаний может относиться к г. Юелю. Вместо прогонных денег на выезде из Иркутска и нужные за Байкалом разъезды, кажется, гораздо лучше было бы выхлопотать ему прибавку жалованья, тем более что он при настоящем своем положении много претерпевает.

Если прибытие Миссии не сделает каких-либо препятствий, я сам желал бы, по крайней мере, на один месяц переселиться к бурятам. По возвращении из Пекина чрезвычайно полезно было бы для меня жить в Кяхте, на границе, пользоваться беседами природных монголов, а под руководством г. Фролова упражняться в переводах с русского на монгольский язык…

Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга *Осип Ковалевский*.

Документ № 26. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 242, 242 об.

[Дата получения] 1 апреля 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Долгом считаю донести Вашему Превосходительству, что я окончил уже сличение Монгольского Лексикона, составленного покойным Новоселовым, которое принесло ту очевидную пользу, что кроме приобретения многих новых коренных слов, мой Словарь обогатился фразами, касающимися гражданского и военного управления монголов, почерпнутыми отчасти из маньчжурско-китайско-монгольского словаря в 12 тетрадях, в Пекине напечатанного, под заглавием Губан цзуилун укгэ хадамэл уцзэкуй дур килбэр болгаксэн бичик, отчасти же из монгольских законов, в 1817 году обнародованных. Прежде я имел только случай пользоваться собранием слов в старом пекинском маньчжурско-монгольском лексиконе, в 21 тетради изданном, и включал слова, в богословском смысле монголами употребляемые. Остается теперь объяснить обширный разряд слов по естественной истории, которых я не мог с точностью определить по скудным моим познаниям в сей науке и по недостатку нужных пособий. Поездка в Пекин, кажется, отчасти вознаградит мои труды. Для усовершенствования же моего Словаря необходимым считаю приобретение маньчжурско-монгольского лексикона, недавно в Париже напечатанного.

С г. Игумновым мы постоянно занимались чтением введения в словарь, написанного Канси доклада комиссии, наряженной для составления сего же Словаря, и, наконец, монгольских законов.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, честь имею пребыть с глубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший и усерднейший слуга *Осип Ковалевский*.

№ 5. Иркутск. 10-го Марта 1830 года.

Документ № 27. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 244

[Дата получения] 15 апреля 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Мое собрание монгольских сочинений недавно обогатилось несколькими рукописями, довольно важными и редкими, в числе коих первое место занимают путевые заметки китайского посланника Тулишана к Аюк-хану калмыцкому через южные губернии России (на 36 листах). 1). Копия с последнего отношения ургинских правителей, по которому Российское посольство в 1806 году вынуждено было возвратиться из Урги в Россию. 2). Копия с отношения пограничных ургинских правителей к г. иркутскому губернатору о пойманных Русских преступниках в пределах китайской Империи. 3). Копия с писем г. иркутскому губернатору к ургинским амбаням при посылке обыкновенных на новый год подарков и о новой Духовной Пекинской Миссии, ныне отправляемой. Надеюсь, что отрывки из [слово нрзб] Тулишана, касающиеся России, украсят нашу монгольскую хрестоматию.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, честь имею пребыть с глубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью,

Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший и усерднейший слуга *Осип Ковалевский*.

№ 8. Иркутск. 22-го Марта 1830 года.

Документ № 28. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 224

Господину Попечителю Казанского учебного округа

…Господин Иркутский губернатор от 3 апреля за № 1312 просил меня и студента Попова принять на себя труд преподавания начал монгольского языка членам Миссии. На чье предложение мы, со своей стороны, изъявили согласие.

Кандидат *Осип Ковалевский.*

№ 15. Иркутск. 5 апреля 1830 г.

Документ № 29. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 286

[Дата получения] 2 августа 1830 г.

Господину Попечителю Казанского учебного округа

По распоряжению местного начальства, 8-го числа сего месяца я отправляюсь через Байкал в Троицкосавск [152] для дальнейших приготовлений к выезду за границу [153]. Близ Селенгинска я намерен пробыть несколько дней у английских миссионеров г. Юеля, с тем чтобы вместе с ним пересмотреть в рукописи краткую монгольскую Грамматику, мною сочиненную. О чем честь имею сим донести Вашему Превосходительству. Кандидат *Осип Ковалевский.*

№ 33. Иркутск. 5-го июля 1830 года.

Документ № 30. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 305

Попечителю Казанского учебного округа
Донесение.

Студент Попов по распоряжению г[осподина] Иркутского гражданского губернатора при переводчике Фролове будет сопровождать Миссию до Урги.

Троицкосавск. *Осип Ковалевский*.

№ 46. 16 августа 1830 г.

Документ № 31. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 307

Попечителю Казанского учебного округа

Приобрел у переводчика Фролова словарь Маньчжурско-китайско-монгольский в 12 тетрадях за 30 рублей ассигнациями под названием Сянь хе бянь лянь.

На время своего отсутствия оставил на хранение смотрителю Троицкосавского училища г. Устюжанинову. *Осип Ковалевский*.

№ 52. Троицкосавск. 30 августа 1830 г.

Документ № 32. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 121, 121 об.

[Дата получения] 6 сентября 1830 г.

В Совет Императорского Казанского Университета

(*Вставка:* Определено сообщить
в Отделение Словесных наук далее (слово нрзб) № 185.)

---

[152] Троицкосавск — город в Забайкалье с торговой слободой Кяхтой, на границе с Монголией. Ныне г. Кяхта в Республике Бурятии.

[153] За границу. — Имеется в виду поездка в Китай в составе XI Российской духовной миссии в Пекине.

Я имел честь довести до сведения Совета Университета, что пребывающий близ Селенгинска английский миссионер г. Юиль с особенным удовольствием принял на себя труд рассмотрения краткой монгольской Грамматики, мною сочиненной [154]. Знаток сей монгольской словесности считал мое сочинение весьма полезным и достаточным для руководства учащихся, изъявил наконец желание видеть оное немедленно напечатанным. Не решаясь в таком скором времени приступить к изданию в свет моей рукописи, я приложу свое старание и все мои силы к дополнению и, по возможности, к усовершенствованию оной, дабы и сей плод двухлетних моих занятий монгольским языком мог удостоиться внимания начальства Университета.

Между тем осмеливаюсь донести Совету, что упомянутая Грамматика заключает в себе краткое руководство к правильному произношению и чтению; объяснение частей речи, образование и свойства форм Грамматических; значение и употребление падежей, подложений (предлогов), наклонений и времен; наконец, порядок слов в монгольских предложениях.

Таким образом, изложение грамматических правил, по моему мнению, будет достаточным для руководства учеников к полезному и успешному чтению книг. Для облегчения сей трудности могут быть еще приложены в конце Грамматики и примеры, извлеченные из лучших монгольских сочинений с подробным и строгим разбором.

Но как монгольский язык, употребляемый различными племенами, подвергся некоторым изменениям в произношении слов, что составляет так называемые наречия, а разговорный язык во многих отношениях удивительно удалился от письменного; то и не излишним будет в прибавлениях к Грамматике объяснить различие диалектов и отступление разговорного языка от письменного.

Наконец, собрание употребительнейших слов и разговоров может служить руководством к практическому упражнению в монгольском языке.

№ 39. Троицкосавск. 1 августа 1830 года. Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 33. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 244

[Дата получения] 4 сентября 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

[154] *Ковалевский О. М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835. Работу над этим учебником Ковалевский начал еще в Сибири, там же собирал материалы для своего «Монгольско-русско-французского словаря» (Казань, 1844. Т. 1; 1846. Т. 2; 1849. Т. 3). Осип Михайлович планировал сделать словарь двуязычным, монгольско-русским, но, по настоянию европейских ориенталистов, составил трехъязычный словарь.

29-го июля присланный от ургинских амбаней курьер с бумагами к здешнему маймаченскому цзаргучею [155] Ци и г. иркутскому губернатору привез приятнейшие известия, что приставы, назначенные от пекинского трибунала внешних сношений для сопровождения Духовной Миссии, находятся уже в Урге и около 5-го августа прибудут на Кяхту, что по распоряжению начальства предлагается нам новая дорога [156], очень выгодная для телег, обильная травою и водой. Из сей заботливости китайского правительства заметно особенное его к нам расположение, каким прежние наши миссионеры не пользовались. Цзаргучей посетил г. пристава, и с неизъяснимым удовольствием осматривал свой портрет, написанный, по его желанию, нашим живописцем г. Легашовым [157]. Мы, вероятно, между 10-м и 15-м августа двинемся за пределы Отечества.

---

[155] Ц з а р г у ч е й (*монг.* дзаргачи) — судебный исполнитель, судья.

[156] Российская духовная миссия всегда следовала одним и тем же путем — Дарханской и Аргалинской дорогами. См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 303, 314 об.

[157] Л е г а ш о в — Антон Михайлович Легашов был первым русским живописцем, который посетил Китай в составе XI миссии. Он родился в 1798 г. в с. Линовка Мокшанского уезда Пензенской губ. Его отец был крепостным, сам он получил свободу от крепостной зависимости в возрасте двадцати лет.

Определяя задачи, которые будут стоять перед художником, министр иностранных дел России назвал одной из важнейших изучение китайского языка, что позволит провести исследование китайской живописи, узнать секрет изготовления красок, славящихся своей прочностью и яркостью. Но, конечно, в первую очередь кандидаты должны были в совершенстве владеть живописным искусством. «Преимущественно им нужно знание писать портреты и пейзажи с натуры, ибо во время пребывания своего в Пекине они встретят более случаев заниматься сими родами искусства».

Начальник миссии рассматривал художника как человека, необходимого для заведения знакомств и поддержания связей со знатными людьми, имеющими возможность влиять на политику императорского двора. Искусство Легашова привлекало на Русское подворье людей не только среднего, но и высшего круга, даже министры и князья царской крови удостаивали его своим посещением. Одним из самых замечательных лиц, приезжавших в подворье позировать Легашову, был первый министр Чан-линь.

Среди тех, кого писал Легашов, был китайский пристав миссии Сун Ши-е. По его просьбе пристав был изображен в богатом собольем платье, хотя это было и не по сезону. Русскому художнику позировали также председатель палаты внешних сношений Си Энь, вельможа Юй, чиновник Вань Бао, внук министра Го, пекинский полицмейстер, корейские министр и генерал, португальский епископ Пирейра, очень заботившийся, чтобы на портрете были видны его епископские знаки: крест и перстень. Портрет епископа высоко оценил его знакомый китаец Хой Бэй-ле — племянник императора, имевший почетный титул князя 3-й степени.

В 1836–1837 гг. Легашов был занят огромной работой, отнявшей у него много времени и сил, — созданием иконостаса для Успенского храма, заново отстроенного на территории Северного подворья в 1820-х гг. албазинцами и манчьжурами. Украшение храма не входило в обязанности Легашова, предписанные ему Азиатским департаментом, однако строительство православной церкви, незадолго до приезда в Пекин XI миссии, внесло корректировку в деятельность художника. Легашовым было написано 16 образов.

А. М. Легашов оказался первым, но не последним русским живописцем, на длительное время (10 лет — время пребывания миссии) приехавшим в Китай. Его пример

Честь имею быть с глубочайшим к Особе Вашей высокопочитанием и вечною преданностью, Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший и усерднейший слуга *Осип Ковалевский.*

№ 41. Троицкосавск. 1-го Августа 1830 года.

Документ № 34. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 303, 303 об.

[Дата получения] 15 сентября 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

4-го августа прибыли наконец в кяхтинский Маймачен [158] и ожидаем пристава из пекинского трибунала внешних сношений, для сопровождения Духовной Миссии назначенные битхеши, фуин и бошко фусинга. Через день г. пристав со мною, обозным начальником, переводчиком и 7 казаками ездил в Маймачен для предварительных переговоров с ними. В доме цзаргучея увидели мы наших провожатых битхешия лет 56, имеющего на летней соломенной шляпе белый непрозрачный шарик, и бошка, лет 30, с медным шариком. При них находятся 3 служителя (нербы), сверх сего от ургинских амбаней командированный, знакомый мне, тусулакчи, помощник пограничного цзасака и надзиратель почтовых станций по Кяхтинскому тракту до Урги. После обыкновенных приветствий битхеши упомянул о невыгодах своей дороги и сколько они претерпели от скорой верховой езды и потом через цзаргучея просил, чтобы ему дать повозку на обратный путь: спрашивал о числе людей, с нами отправляемых и, заметив, что оно превышает число людей, находившихся при прежней Миссии, объявил, что, по предписанию начальства, они не могут принять за границу столь значительного конвоя. Но когда ему с нашей стороны объяснено, что наше правительство сообщило о том уже трибуналу пекинскому, тогда битхеши отвечал, что нельзя принять за границу только свыше 49 человек, составляющих нынешнюю Миссию и казачью при ней команду. На вопрос г. пристава: сколько дней они провели в Урге, Битхеши отвечал, что они вовсе там не останавливались. Это, кажется,

---

воодушевил других. Вплоть до 1864 г., когда по приказу Александра II все духовные члены миссии перешли в распоряжение духовного ведомства, а светские были отозваны в Азиатский департамент, при Российской миссии в Пекине находился художник. В 1840-е гг. туда приехал К. И. Корсалин, в 1850-е — И. И. Чмутов, в 1860-е — Л. С. Игорев, в 1870-е — П. Я. Песецкий. См.: *Нестерова Е. В.* Из истории российской духовной миссии в Пекине: художник А. М. Легашов // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб, 1994. Вып. 4. С. 134, 135, 143, 144, 146, 159.

[158] К я х т и н с к и й М а й м а ч е н (от *монг.* найма ‘торговля’) — торговый город, находившийся на территории Монголии, напротив Кяхтинской торговой слободы. В настоящее время монгольский г. Алтан-Булак.

уловка для показания пред нами своей независимости от ургинских амбаней. Цзаргучей откровенно сказал нам, что пекинские чиновники пробыли два дня в Урге. Вчера г. пристав отправил значительные подарки для цзаргучея, битхешия, бошка, тусулакчия и 3 служителей, но гораздо умеренные против прежних примеров.

С нашей стороны все уже приготовлено к выезду за границу. Необыкновенное только разлитие Селенги препятствует переправе нашего табуна, который оставлен на пастбище между Чжидой [159] и Селенгой.

7-го августа прибыл в Кяхту Барон Шиллинг [160] и при нем Попов [161].

С глубочайшим высокопочитанием и вечною преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский.*

№ 42. Троицкосавск. 9-го Августа 1830 года.

Документ № 35. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 306

[Дата получения] 22 сентября 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Миссия по непредвиденным обстоятельствам по сие время находится еще на кяхтинском рубеже. Необыкновенное в здешней стране разлитие рек прежде лишало нас возможности переправить казенный табун через Селенгу, а теперь в 25 верстах от Байкала удерживает двух наших ученых спутников гг. Фусса [162] и Бунге [163], которые в виде ка-

---

[159] Ч ж и д а (Джида) — река в Забайкалье, левый приток р. Селенги.

[160] Ш и л л и н г — барон Канштадт Пауль (Павел Львович) Шиллинг, фон (1785–1837), физик, изобретатель электромагнитного телефона, китаист, создатель восточной литографии, собиратель восточных рукописей. Член-корреспондент АН (с 1827 г.). Служащий МИД.

4 августа 1830 г. О. М. Ковалевский с миссией приехали в Кяхту, а 7 августа туда прибыла научная экспедиция П. Л. Шиллинга для изучения состояния перспектив русско-китайской торговли. Барон Шиллинг сообщил О. М. Ковалевскому инструкцию, составленную в Петербурге акад. Я. И. Шмидтом, «весьма важную для путешествующего в Китай по части языковедения, истории и литературы китайской, маньчжурской, тибетской и монгольской...» (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 303, 303 об., 306).

[161] Вместе с Шиллингом приехал в Кяхту и А. В. Попов. Студент Попов должен был сопровождать миссию до Урги. Проводив миссионеров, А. В. Попов вернулся в Кяхту 29 сентября 1830 г. См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 305, 313.

[162] Г е о р г А л ь б е р т Ф у с (1806–1854) — российский астроном, прикомандированный к XI Российской духовной миссии.

[163] А л е к с а н д р А н д р е е в и ч Б у н г е (1803–1890) — ботаник, прикомандированный к XI Российской духовной миссии. Член-корреспондент АН с 1833 г. См.: Куликова. 1994. С. 345, 388, 430.

зачьих урядников должны сопровождать Миссию. Впрочем, мы совершенно уже приготовились к выезду за границу.

Барон Шиллинг сообщил мне инструкцию [164], составленную в С.-Петербурге академиком Шмитом, весьма важную для путешествующего в Китае по части языковедения, истории и литературы китайской, маньчжурской, тибетской и монгольской, ибо в ней объяснено все то, что по оным уже сделано в Европе, и вкратце указаны предметы, мало еще известные нашим ориенталистам. Если время и средства будут соответствовать моему желанию, все мои силы употреблю для приискания оных.

С глубочайшим высокопочитанием и вечною преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский*.

№ 43. Троицкосавск. 12-го Августа 1830 года.

Документ № 36. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 129

[Дата получения] 4 ноября 1830 г.

В Совет Императорского Казанского Университета
От Кандидата Ковалевского.

Город Урга. 20-го Сентября1830 года.
(*Вставка:* Определено: принять к сведению)
Донесение.

Пользуясь нынешним случаем долгом считаю довести до сведения Совета, что Пекинская Духовная Миссия, при которой я имею счастье находиться, 14-го числа сего месяца благополучно прибыла в город Ургу. По распоряжению здешних пограничных правителей амбань бейсея и амбань хеу, встретили оную 30 монгольских всадников, вооруженных в луки и стрелы [луками и стрелами], 3 чиновника от 3 разных ведомств Цецен-хана [165], Тушету-хана [166] и Хутукту-гегена [167]. 15-го

[164] Кроме инструкции, составленной академиком Я. И. Шмидтом, для О. М. Ковалевского была составлена еще одна инструкция профессором Казанского университета Баженовым относительно его поездки в Китай, определявшая «главнейшую цель»: «чтобы он усовершенствовал себя в монгольском языке и приобрел основательные сведения о языке маньчжурском» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 97).

Особые рекомендации Осипу Михайловичу дал синолог Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), в монашестве отец Иакинф, начальник Российской духовной миссии в Пекине в 1807–1821 гг., член-корреспондент АН с 1828 г. В Иркутске в начале 1830 г. произошла их встреча. Н. Я. Бичурин одобрил работу О. М. Ковалевского над монгольскими языками, посоветовал составить «сравнительную таблицу бурятских и монгольских наречий для показания сродства их по происхождению и языку» и дал ряд советов в связи с его поездкой в Монголию и Китай. См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 247, 270.

[165] Ц е ц е н - х а н — монгольский князь.

Сентября амбани приняли нас в [слово нрзб] весьма благосклонно, в следующие дни дозволили нам посетить ургинский Маймачен [168], капицу Гэсэра и купеческие лавки; кумирни, находящиеся в столице хутукту-гегена, и самого шанцзабу [169], управляющего духовенством, подвластным Куреньскому [170] гегену. В посещении сего последнего нам отказано; но надеемся, что шанцзаба, по своему к нам расположению, на обратном пути доставит случай увидеть и сего монголами обожаемого первосвященника. Подробности и сделанные мною замечания в Монголии со временем я буду иметь честь представить Совету в дневнике [171], в котором заключается краткое описание нашего пути, собрав статистические сведения о столь любопытной стране, сколько дозволяет стесненное положение каждого путешественника в пределах Дайцинского государства.

Документ № 37. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 314, 314 об.

[Дата получения] 4 ноября 1830 г.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаил Николаевич!

Отдаленность страны, где я теперь нахожусь, и почти невозможные сношения с Россией не дозволяют мне доводить до сведения Вашего Превосходительства о всех путевых приобретениях так часто, как бы я желал. Сие письмо, кажется, будет последним из степей монгольских.

С берегов р. Иро [172] я имел счастье донести Вашему Превосходительству о цели моего дневника, который ныне, по обилию предметов, встречающихся на пути, распространяясь, начинает принимать более разнообразия. Краткое описание дороги, по коей Миссия следует в Пекин, собрание статистических и исторических сведений о стране столь любопытной и практическое упражнение в разговоре составляют единственное мое занятие, прерываемое иногда обязанностью письмоводителя.

---

[166] Тушету-хан — монгольский князь.

[167] Хутукту-Геген, Хутукта (*монг.*, букв.: ‘исполненный святости’) — высший сан буддийского духовенства, который давался перерождениям. На начальном этапе распространения буддизма в Монголии этот титул могли получать и светские феодалы.

Геген (*монг.*) — светлый, святой, святейший, один из высших титулов буддийского духовенства.

[168] Ургинский Маймачен (китайский Маймачен) — город на территории китайской империи, в состав которой входила и Монголия (столица — Урга, отсюда название «ургинский Маймачен»), напротив Кяхты.

[169] Шанцзабу (шанзадба, *монг.* шанзав) — должность казначея в монастыре.

[170] Куреньский (от *монг.* хурээ ‘курень’) — монастырский.

[171] См. об этом дневнике в гл. III.

[172] Иро — река на территории Монголии.

От Иро до самой Урги на берегах рек и покатостях гор, наполняющих Северную Монголию, находил я чрезвычайно много могил, точно таких, о коих я упоминал в своем Забайкальском Дневнике [173]. Местные предания о пребывании некогда здесь кэргисов ведут к заключению о походах сего воинственного издревле народа и движении его к северу Азии. Без сомнения, догадки не должны иметь места в истории, посвященной истине; но догадки, основанные на преданиях и некоторых происшествиях, замеченных летописцами, могут открыть новую точку зрения для исследователя древностей и действий человеческих в Средней и Северной Азии, еще столь мало известной и, по-видимому, Китайскими писателями не всегда верно изображенной. Прекрасные сочинения г. Ранкена [174] и в сем случае пригодятся для желающего короче познакомиться с историей монголов и народов, им соплеменных, и критически оную рассмотреть.

В виденной мною части Монголии обитают халхасцы, хитрою политикою маньчжурского дома, обладавшего Китаем, соединенные под одною властью. Князья их унижены, несут дань Богдо-хану за большие подарки, а связанные земскими повинностями на общем Сейме оканчивают свои дела. Посреди владений Цецен-хана и Тушету-хана развернулась сильная иерархия Ургинского Хутукту Гегена, обожаемого всеми монголами. Геген сей, зависящий прямо от воли Богдо-хана, покоряет ему Монголов и тесно связывает их с Тибетом, где имеет свою столицу Далай Лама, глава буддийского духовенства. Обозрение сих обстоятельств, равно как и взаимных отношений между упомянутыми княжествами и зависимости оных от пекинского двора, есть важный предмет моих исследований.

Г[осподин] пристав делает подробную карту нашей дороги. Для сего занятия необходимо было избегать взора наших провожатых и уединяться на высотах гор. Подозрительные китайцы пытались воспрепятствовать сему предприятию. Сперва монгольский чиновник тусулакчи [175] (управляющий почтовыми станциями от Кяхты до Урги) хотел

---

[173] «З а б а й к а л ь с к и й д н е в н и к» — так О. М. Ковалевский называет свои материалы о Забайкальском крае, которые он собирал во время своего путешествия с А. В. Поповым и А. В. Игумновым среди забайкальских бурят весной—осенью 1829 г.

Отдельными частями он отправлял этот материал в Казанский университет: «Честь имею предоставить извлечения из дневника, веденного мной за Байкалом в марте 1829 г.», — писал Осип Михайлович в Совет Казанского университета из Иркутска 9 ноября 1829 г., письмо № 65 (см.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 73); «…извлечения из дневника, веденного мной за Байкалом в апреле 1829 г., письмо № 70 от 23 ноября 1829 г.» (Там же. Л. 74); письмо за № 74 от 28 декабря 1829 г. (Там же. Л. 80). Все эти материалы опубликованы в «Казанском Вестнике». См.: *Ковалевский О. М.* О забайкальских бурятах // Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 1. С. 66–88; кн. 2. С. 146–157; кн. 3. С. 283–301.

[174] Р а н к е н — Леопольд Ранке, фон (*нем.* Leopold von Ranke; 1795–1886), немецкий историк, основатель объективной исторической школы, с 1825 г. профессор в Берлине.

[175] Т у с у л а к ч и (от *монг.* туслагч) — помощник.

сам неотступно находиться при Михаиле Васильевиче, но не мог исполнить своего намерения, вежливо во время беседы упоминал о чрезвычайном его любопытстве, повторяя монгольскую пословицу: хорошая лошадь всегда вверх смотрит.

С глубочайшим высокопочитанием и вечною преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейшим и усерднейшим слугою *Осип Ковалевский.*

Урга. 20-го Сентября 1830 года.

Документ № 38. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 142

[Дата получения] 3 ноября 1831 г.

В Совет Императорского Казанского Университета
Кандидата Ковалевского
Донесение.
№ 78-й. Троицкосавск. 3-го Октября 1831 года.

Находясь в виде письмоводителя под непосредственным начальством пристава Миссии г. подполковника Ладыженского, я все свободное от занятий при оном время посвящал изучению монгольского языка в проезде нашем как через Монголию, так и в столицу Китая.

(*Вставка:* Определено: Просить разрешения г. попечителя дозволить гг. Ковалевскому и Попову продлить [слово нрзб] время в кочевьях цонгольских, селенгинских [с] тем, чтобы возвратились в Казань не позже 1 декабря сего года. Слушали 30 января 1832 года.) [176]

Минджул Гэгэн*, один из придворных хутукт, по знакомству с нашими Миссионерами, присылал ко мне одного из приближенных своих Лам, знающего китайский, маньчжурский, тибетский и монгольский языки, Балдана, под руководством коего в продолжение трех месяцев я говорил, писал и переводил по-монгольски и сделал столько успеха, что на обратном пути через Монголию служил уже переводчиком при г[осподине] приставе.

Живя 7 месяцев в Пекине, я имел средства обогатить Грамматику новыми правилами и примерами, а Словарь пополнить коренными словами и выражениями. Для имеющих учиться по-монгольски сделано мною извлечение из российско-монгольского словаря, вмещающее в себя более 5000 употребительнейших слов в разговоре и письме.

[176] Срок пребывания О. М. Ковалевского и А. В. Попова в Сибири истекал в мае 1832 г., однако он был продлен ввиду необходимости собрать недостающий материал и подготовиться к предстоящему экзамену в Петербурге у академика Я. И. Шмидта. Они обратились к ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому с просьбой о продлении срока командировки. Последовало решение Совета университета от 30 января 1832 г. о поездке Ковалевского и Попова в Цонгольские и Селенгинские кочевья. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 142.

[*] Гэгэн, по своей ко мне благосклонности, нарочно для меня перевел одно маньчжурское сочинение на тибетский язык и, собственною рукою переписав, подарил мне в память! [177]

Документ № 39. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 388

Господину Попечителю Казанского учебного округа
Донесение кандидата Ковалевского

Российская Императорская духовная миссия, при которой я имел честь находиться, 3 сентября благополучно достигла пределов Отечества…

Кандидат *Осип Ковалевский*.

№ 70. Трооицкосавск. 4 сентября 1831 г.

Документ № 40. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 164, 164 об.

Императорского Казанского университета
г. действительному студенту Попову
от кандидата Ковалевского
№ 131. Иркутск. 17 марта 1832 года.

Совет Казанского университета на представление мое от 29 ноября 1831 г. за № 93 об отзыве Вашем за № 52 предписанием своим от 16 февраля текущего года за № 173 уведомил меня, что я в отношении к представлению отчетов о Ваших занятиях должен руководствоваться предписанием Совета от 2 января 1830 г. за № 65 и данной мне инструкцией, что Вы обязаны к исполнению всего, что от Вас, на сем основании, требуется.

Совет университета предписал, чтобы Вы отчеты представляли чрез меня, вменил мне [в] обязанность наблюдение, требовать от Вас отчета [нрзб], рассматривать и с приложением своего мнения представлять Совету. Сверх сего университет поручил мне понуждать Вас в случае каких-либо опущений и доносить Совету, если увещания мои оставались безуспешны. Но Вы, милостивый государь, нарушили установленный порядок, под различными предлогами удаляясь от точного исполнения требований начальства, и, вопреки предписанию Совета, мимо меня доносили о невозможности доставления ваших новых записок. Заметив Вам сие упущение, ожидаю от Вас в непродолжительном времени написанного, основанного на инструкциях отчета о занятиях и наблюдениях для представления оных начальству и извещаю Вас, что, в силу ныне мною полученного приказания Совета, впредь никакие отзывы, не основанные на предписаниях Совета, от Вас мною не будут принимаемы.

[177] Здесь и далее звездочкой отмечены примечания автора.

Сверх сего, известно мне, что Вы в Иркутске и в Троицкосавске продолжали игру в карты и некоторым лицам не уплатили денег. Сей незаконный, вопреки частным увещаниям, неоднократно Вами возобновляемый и несообразный с целью, для которой Вы сюда посланы университетом, поступок при первом случае будет представлен благоусмотрению начальства.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 41. ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 198. Л. 2–11 об.

Обозрение занятий с 15-го ноября 1831 по 15 мая 1832 года [178].

Из донесения моего от 29 ноября 1831 года за № 92 небезызвестно Совету Университета, что я, желая по возможности вникнуть в историю и догматику буддизма, предположил, между прочим, перевести с монгольского: «Джу адиша Энэткэк эцэ кэркиджу шашин дэлгэксэн ба, алтан тиб тур одоксэну тогоджи» — повествование о Джу Адише, знаменитом проповеднике XI столетия, вызванном из Энэткэка (Индия) в Тибет для возобновления упадшего буддизма. Сочинение сие исторически-догматическое, показывающее нам царское происхождение проповедника, первоначальное его воспитание, духовную образованность, затруднения, с которыми Джу Адиша боролся при оставлении наследственного престола и во время путешествия в Тибет, наконец, чудесные ниспровержения возникших там сектаторов и славу победителя, — сочинение образцовое в повествовательном роде, богатое сведениями, коих летописец Саган Сэцэн слегка коснулся только или вовсе нам не передал, ныне много вполне переведено, с присовокуплением необходимо нужных объяснений, почерпнутых из других книг и из устного толкования [слово нрзб] ученых лам.

Во введении к упомянутой биографии желал я изложить вкратце судьбу Буддизма с V по XI столетие включительно. Но как предмет сей по своей внутренней важности и по обилию письменных источников, собранных мною во время путешествия в Китай и пребывания между бурятами, достойным показался обширного сочинения, то я предпри-

[178] Во время научной командировки в Восточную Сибирь О. М. Ковалевский обязан был отправлять ежемесячные отчеты о своих занятиях из Иркутска на имя попечителя КУО М. Н. Мусина-Пушкина и в Совет Казанского университета. Так как востоковеды из Казани отправлялись в Иркутск и первоначально их поездки к забайкальским бурятам и тем более за границу — в Монголию и Китай — не были запланированы, то ежемесячные отчеты были возможны. Однако длительные по времени путешествия О. М. Ковалевского затрудняли составление своевременных и подробных сообщений. Поэтому перед первой своей поездкой в Забайкалье, вместе с А. В. Игумновым и А. В. Поповым, О. М. Ковалевский просил у попечителя разрешения отправлять свои «дневные записи» в Совет университета через полгода, а самому М. Н. Мусину-Пушкину — по-прежнему каждый месяц, о чем свидетельствуют письма-отчеты ученого, представленные в данной работе. Этот же документ — обозрение занятий, адресованное в Совет университета.

нял употребить всевозможные средства к распространению и пополнению нужных для сего сведений, так, дабы оно составило историю и догматику буддизма в Индии, Китае, Тибете и Монголии.

Восточная половина Азии, еще по многим частям малоизвестная страна, издревле была предметом изысканий любознательной Европы и источником совершенно противоположных мнений. При всех усилиях ориенталистов, география и история, в пространном своем значении, еще не обработана так, чтобы могла присоединиться к истории вообще, нами называемой, между тем как взгляд на оную представляет нам ход человечества, медленно, но теми же путями подвигающегося в успехах, что и в других частях света. Борьба страстей, политика, тесными узами связанная с религией, действие царей и духовенства на подданных и образованность во многом сходствуют с происшествиями, обнаружившимися в других отдаленных странах. После деятельной жизни род человеческий на востоке находится в каком-то усыплении, довольствуясь прежними своими приобретениями. Поражает он жителя Европы своею гордостью и раболепством, холодною наружностью и пылкостью страстей, мудростью и детскими понятиями. Здесь противоположные крайности слишком близки к себе.

Буддийская религия, столь далеко распространившаяся между азиатскими народами, под пером европейцев являлась в различных видах: достойном призрения и утешительном для исследователя судьбы человечества в минувшие времена. Не говоря здесь о сведениях, сообщенных в самом начале знакомства Европы с Азией, по необходимости отрывистых, неполных и неудовлетворительных, перемешанных даже с понятиями древней религии, известной у нас под именем шаманской. С течением времени иезуиты [179], получив сильное влияние на разные части управления Китая, воздвигнув храм христианский возле палат царя-идолопоклонника, имели уже полную надежду вскоре обратить здесь всех в христианство. Они-то и предположили, исследовав догматы сект, здесь существующих, решительным ударом опрокинуть все преграждающее им путь к дальнейшим успехам. Они-то и провозгласили Буддизм самою вреднейшею сектою для рода человеческого, проповедующею одно дикое идолопоклонничество! Между тем другие три взгляда на некоторые догматы Буддизма были поражены (так в тексте) сходством оных с христианскими. Далай-Ламу сравнивали с Папою, в Тибете видели патриархов, управляющих духовными делами по провинциям, находили собрание высших лам, составляющих Совет (наподобие Conclave) для избрания духовного жреца, имеющих даже состояние, подобное кардинальскому, приметили, что последователи будды молятся об усопших, веруют [в] представительство святых угодников, соблюдают пост, употребляют св[ятую] воду, совершают церковные

[179] И е з у и т ы — католический орден («Общество Иисуса»), созданный в 1534 г. Деятельность ордена была направлена на упрочение папства и католицизма, борьбу с Реформацией и народными ересями. Мораль иезуитов: «цель оправдывает средство».

ходы, имеют монастыри мужские и женские и проч.; начали утверждать, что все эти обряды древностью своею не могут восходить выше XIII столетия и произошли не иначе, как от христиан, которые в XIII веке проповедовали Слово Божье народам, населяющим Среднюю Азию.

Такая противоположность мнений проистекла, кажется, от одностороннего взгляда на предмет и цели, для которой авторы произносили свои безотчетные приговоры. Спор, разгоревшийся между иезуитами и доминиканцами [180] о почести, воздаваемой Конфуцию (Кун-дзы), и первыми из них одобренный и дозволенный новокрещеным китайцам, принес, между прочим, ту очевидную пользу, что миссионеры, защищая свое мнение, раскрыли нам очень ясно местную философию. Но Буддизм оставался в стороне, и католические веропроводники, без побудительной причины, не вникли в его сущность и довольствовались своими начальными поверхностными замечаниями. Нельзя не удивиться, что иезуиты, по ревности к успехам религии, искали в догматах так называемой в Китае ученой секты (Жу-дзяо), имеющей неразрывную связь с правлением и исполнением гражданских обязанностей, искали сходство с христианством и на сем основании сильно действовали на поколебание народа, представляя ему, что промысел Божий начертал на сердце всех человеков одни религиозные чувства, ведущие к познанию истинного, единосущного, от которого китайцы по своему заблуждению уклонились только, и что ныне должны опять к нему обратиться, — и нельзя, говорю, не удивляться, что иезуиты не воспользовались сходством Буддизма с христианством для просвещения приверженцев Ши-дзя-фо. Знаменитый Матвей Рикчи (род. 1552), со всем своим искусством в красноречии и диалектике, восставал против нескольких догматов Будды, но без успеха, ибо влияние [слово нрзб] Лам, многотомные сочинения о вере и укоренившиеся правила оной между народом были сильнее возражений миссионерских. Буддисты не отвечали иезуитам, состоящим под покровительством Хуан-дия [181], из видов политики, свойственной тогдашнему духу времени. Они сохранили свои мнения, свою веру. Между тем знаем, что наши проповедники [182] гораздо более успевали между последователями шаманства, чем среди буддистов. Первые, без книг, основываясь на преданиях и неясных понятиях, наследственно к ним перешедших, не могли устоять против искусных и ученых миссионеров; вторые же, кроме деятельности многочисленного духовенства, почерпая сведения из своих св[я-

[180] Доминиканцы — католический нищенствующий монашеский орден, основанный в XIII в. испанским монахом Домиником для борьбы с ересью.

[181] Хуан-дия (от *кит*. хуанди) — император.

[182] «Наши проповедники». — Миссионеры Российской православной церкви (О. М. Ковалевский: греко-российские миссионеры) более преуспели среди бурят-шаманистов, нежели, например, английские миссионеры — Юилль, Сван, Сталлибрасс, с которыми был знаком О. М. Ковалевский. См.: Каз. Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 2. С. 149.

тых] книг, противились выдворяемой религии и собственным примером доказали, сколь легко им было поколебать и искоренить шаманство в Тибете, Монголии и даже у наших монголо-бурят.

Минджул Хутукту [183], с коим я имел удовольствие неоднократно беседовать в Пекине, прочитав Св[ятое] Евангелие в маньчжурском и монгольском переводе и много христианских комментариев, увидев божественную литургию в нашем Сретенском монастыре: «Нахожу я, — сказал он, — совершенное сходство между вашею и нашею верою». Ошибка простительна жрецу Шигемуния, оказывающему, впрочем, особенное уважение к европейскому просвещению и жаждущему знакомства с русскими!

Несмотря на сии мнения, судьба веры, из глубины Индии проникшей в отдаленные страны Северной Азии и укоренившейся между оседлыми жителями и кочевыми народами, представляет утешительную картину для любителей востока, которые поныне читали только в летописях о внезапных и кровопролитных нашествиях варваров, вторгшихся в пределы образованных государств и в развалинах городов оставивших памятник своего дикого некогда существования [184]. Буддизм поражает нас своими правилами, ведущими к распространению добродетелей и уничтожению гнусных поступков. Религиозные его сочинения удивляют то простотою исторического рассказа о деяниях святителей, то глубокомыслием метафизического о догматах веры. Сострадание к живым существам и безусловное радение об их пользе, умерщвление плоти как источника грехов, возвышение духа при созерцании божества, внушаемое буддизмом, дает ему право на видное место в числе религий, способствовавших укрощению диких нравов и развитию умственных сил.

Труды Палласа и Бергмана открывают более наружность буддизма, обряды при молитвословии, состояние духовенства и даже часть догматическую. Они по сие время не оценены. Одни, из уважения к славе естествоиспытателя, не смели не верить его собранию сведений о монгольских племенах; другие без знания языка и нужных пособий не решались восставать на погрешности; прочие же, очень немногие, при знании языка и с нужными пособиями, промолчали. Как бы то ни было, мы имеем ламские обрядники и некоторые молитвы; но тяжелые и с ошибками переводы оных Ерихом, доставленные Палласу, не удовлетворяют нашему любопытству и не дают полного понятия о буддийском богослужении; мы имеем и часть догматов, знаем, что ламы веруют в переселение душ, вычисляем их добродетели и грехи, но мы еще мало вникли в сущность сей веры и истории оной. Г[осподин]

---

[183] Минджул (Минджур) хутухта — пекинский хутухта, один из высших сановников буддийского духовенства.

[184] О. М. Ковалевский в своих работах по буддизму постоянно отмечал благотворное влияние этой религии на «чад степных».

Тимковский [185] второю половиною 3-го тома своего путешествия познакомил читателей с творениями Бергмана.

Беседы с ламами без предварительных сведений и запаса материалов не дают нам ясного и определенного понятия о сущности каждого обряда и его начал в историческом духе. Подобного рода вопросы покажутся для них странными. Отрывистые же объяснения знающим только историю могут быть отнесены ко времени, им свойственному. Систематики ввели смешение понятий, принадлежащих к разным эпохам и местам, которые, впрочем, при стечении обстоятельств изменились или вовсе исчезли. Для изображения таких неудобств, кажется, историческое изложение буддизма может вполне удовлетворить желанию любителей востока. Вместо рамок системы догматов отразятся в нем главные точки, начало новых понятий. Учение Будды (Шигэмуния) в Индии, Хоншим Бодисадвы [186], Бадма Самбавы, Джу Адиши и других в Тибете покажет отношение одной религии в разных местах: текст догматов отделится от комментариев, первобытная простота от метафизики, возникшей в поздние времена, книжные изъяснения от толкования наших лам, ибо везде виден отпечаток времени и усилий человеческих. После исследования хода религии и постепенного характера происшествий легче представить одну неразрывную связь историческую. Без сомнения, сочинение такого рода сопряжено со многими трудностями, требует много времени и терпения; и в случае неудачи можно утешать себя мыслью: In magnis et voluisse sat est! [187]

С.-Петербургский академик г. Шмидт, с помощью малого количества открытых книг, проложил дорогу к основательному познанию буддизма, в догматическом и историческом отношении, почерпая свои сведения из письменных источников. Повторный его взгляд может служить надежным руководителем при дальнейших исследованиях. Но мы дожили до того времени, когда монгольская литература начинает иметь поборников и покровителей, когда книги, отысканные в пределах России между инородцами и в недрах китайской столицы, недоступной для прочих европейских держав, считаются украшением и богатством наших библиотек, когда являются уже учебные пособия и перепечатываются монгольские книги с переводом и комментариями. При таком стремлении к сей забытой части Востока нельзя не ожидать новых сведений для распространения прежнего круга ограниченных познаний. И если не получим вдруг чего-либо полного по сему предмету, то, по крайней мере, имеем право надеяться на отрывки, из коих время составит стройную целость. По буддийскому выражению, не

---

[185] Егор Федорович Тимковский (1790–1875) в 1824 г. опубликовал три тома своего путешествия через Монголию в 1820–1821 гг. под названием «Путешествие в Китай через Монголию».

[186] Хоншим бодисатва (Хоншим бодхисаттва, Арья Бало) — Авалокитешвара, бодхисаттва милосердия.

[187] In magnis et voluisse sat est! (*лат.*) — В великих делах достаточно и (доброй) воли.

имея средств исчерпать моря святых деяний, да принесем из оного по нескольку капель!

Напрасно некоторые обвиняют буддийскую литературу в недостатке исторических сочинений. В ответ им скажем, что как некогда здесь правление светское тесно соединено было с духовным, так и ученые произведения сей части Азии представляют нам светские данные вместе с ходом религии. Цари, окруженные сонмом духовенства, с помощью его управляли народом по всем частям и гордились наименованием царя духовного (номун-хан). Ламы, пользуясь их уважением, действовали на подданных, укореняли веру, распространяли книги и пр.

Большая часть лучших проповедников вышла из царских фамилий, воспитывалась под влиянием духовенства и готовилась со временем сделаться надежными оного подпорами. Духовенство, приметив сопротивление со стороны царя, принимало сторону угнетенной черни и с нею вместе низвергало упрямого, возводило на престол избранного.

Оно, имея в своих руках все современное просвещение, уделяло его народу, смотря по надобности. При таком положении духовного класса мудрено ли, что и сочинения их носят на себе отпечаток их действий? Медицина здесь есть не что иное, как откровение Будды, который знает все недуги человека и средства отвращения оных. Врач тела есть вместе врач души; предлагает лекарство вместе с молитвою и заклинаниями. Составление календаря связано с темными вычислениями астрологии, основанной на богословии. Живописец руководствуется правилами, свыше преподанными. Историк, повествуя сведения замечательного лица, никогда не теряет из виду хода своей веры. По сей причине желающий по нынешним понятиям об истории представить нам сведения востока должен вооружиться терпением, собрать происшествия из буддийских книг, очищать с критикою и потом привести в порядок. С такой точки смотреть надобно на все монгольские тогоджи [188], намтар [189], домок [190], на летопись Санан Сэцэна, сколок с многих других. Буддизм, кроме смягчения нравов и пробуждения благородных чувств в своих последователях, дал новое направление образу их мыслей и новый характер произведениям. Он есть душа и мощная жизнь, бьющая ровным пульсом по всем жилам!

С такими понятиями, при помощи монгольских книг, занимался я историею буддизма в Тибете с V–XI столетия. Введение или, лучше, возобновление буддизма в Тибете около 407 года после рожд[ения] Хр[иста] составляет блестящую его эпоху. До сего времени мы не имеем подробных сведений о действии буддийских апостолов в снежном царстве. Мрак невежества, подобный ночной темноте, покрывал здешних жителей, коих тибетские и монгольские летописцы представляют нам не людьми, а обезьянами. Между тем Тибету предназначено быть

[188] Тогоджи (от *монг*. тууж) — история.
[189] Намтар (от *монг*. намтар) — биография.
[190] Домок (от *монг*. домог) — легенда.

сокровищницею учения Будды и рассадником знаменитых проповедников. Высшие существа, за свои прежние добродетели удостоившиеся совершенства и святости бога, для блага шести разрядов творений, посредством воплощения в мире разливают свет веры на дикарей и малопомалу возводят их к образованности. Один из таких святителей, глава Бодисадв, Хутукту нидубэр удзэкчи (иначе: Хоншим Бодисадва, Арія Балу, Авалокита Исвари [191], Пакба Джан райсиг), почитается первым распространителем Св[ятого] учения в Тибете, изобретателем таинственной молитвы «Ом-ма-ни-бад-мэ-хум» [192].

В VII веке раздробленные царства слились в одну стройную целость, имеющую свои законы, свою веру, свои письмена, под главным начальством единодержавного Сронцзан Гамбу Царя, разделяющего заботы правления с министрами и особыми комитетами, которые производят внутренние и внешние государственные дела, торговлю с Индией, Китаем, Монголией, Уйгурами и пр. Родственные связи с китайским императором и Ханом Балбуским, обогащая Тибет, доставили много проповедников, святых книг и статуй. Ламы, употребляемые при посольствах, сильно действуют в пользу единого царя, преданного буддизму. Пределы царства простирались до берегов Желтой реки (Хуанхэ) и заключали в себе Туркестан (малую Бухарию). В столь обширном государстве буддизм делает чрезвычайные успехи: воздвигнуты великолепные храмы, вызванные из Индии Бандиды проповедуют веру, приготовленные знатоки санскритского языка перелагают Св[ятые] книги на тибетский. Царь, окруженный духовенством, с подданными торжествует победу над черною верою и общее благоденствие. Во всем снежном царстве, по словам одной летописи, не было ни одного жителя, который не имел своего коня и не вкушал плодов из собственного сада.

Блистательные успехи буддизма от начала VII до IX столетия при Тисрон Дэдзан-хане явно прекращаются, так что [под] влиянием западных народов и многих лиц из Самарканда и Китая при Хлассинском дворе неоднократно являлись неприятельские действия, и статуи бурханов, некогда привезенных в Тибет, возвращены в Китай и другие места. Но государство не теряет еще своего величия. По содействию китайских Хэ-шанов и высшего местного духовенства раздоры и ненависть, давно волновавшие Китай и Тибет, прекращены заключением мирного трактата, и границы с обеих сторон приведены в известность. Ламы успели еще законного наследника престола Дарму устранить от правления за неуважение к буддизму, и хотя приобрели они покрови-

[191] А в а л о к и т а И с в а р и — чрезвычайно измененное имя, обычно оно пишется как Авалокитешвара.

[192] «О м - м а н и - п а - д м э - х у м» — молитва «О сокровище лотоса». Лотос, по индийской мифологии, служит творцу мира и является символом земли, счастья, благоденствия и знания.

теля в лице Тидзон Дэдзана (с 878 г.), но в народе возник ропот, подстрекаемый изгнанным Дармою, против царя и его двух министров.

Царь пал жертвою непримиримых врагов, собственных подданных. С кончиною его начинается падение могущества Тибета и буддизма.

Возведенный на престол Дарма (901) преследует лам и их веру. Многие индийские Бандиды вынуждены были удалиться из Тибета. Переводы Святых книг остановлены. Все царство страдает от голода и свирепствующей болезни. Храмы разрушены до основания или засыпаны камнями. Статуи брошены в воду, книги сожжены, кроме некоторой части, сохраненной усердными Буддистами. Духовенство искало убежище в далеких провинциях, особенно в Каме, где отшельники в скалах, занимаясь проповедью, приготовляли учеников, залог будущих успехов. В 925 году один фанатик умерщвляет царя и дает новую жизнь вере. Отшельники из горных пещер являются на политической сцене и, обратившись к Индии, вызывают миссионеров, в числе которых находится Джу Адиша, в XI столетии.

Это есть краткое обозрение довольно пространно мною изложенной истории буддизма в Тибете. С нетерпением ожидаю выхода в свет истории Тибета, с Китайского о. Иакинфом [193] переведенной, для сличения оной с моими сведениями. Из тибето-монгольского словаря Хайби джунай историческое введение о буддизме в Индии, Китае, Тибете и Монголии также мною переведено.

Кто желает знать буддизм со всеми подробностями и видеть его оттенки в разных местах, тот легко согласится со мною в важности исследований о прежних перерождениях Хоншим Бодисадвы, водворившего веру в Тибет, откуда после [она] и монгольскими племенами была заимствована. Сей буддийский Хубилган, некогда один из учеников Шегемуния, потом в Индии, Кашмире, Тибете, являясь в различных видах, преподавал веру и наконец, около 300 лет уже постоянно пребывая в особе Далай-Ламы, управляет Тибетом. Г. Шмит примечаниями своими и прибавлением к истории Санан Сэцэна [194] возбудил любо-

---

[193] О т е ц И а к и н ф — Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), синолог, преподаватель. Член-корреспондент АН с 1828 г. Начальник Российской духовной миссии в Пекине (1807–1821), первым ввел в научный оборот китайские письменные источники по истории монголов. В начале 30-х годов XIX в. Н. Я. Бичурин завершил работу над своими трудами «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» и «История Тибета и Хухунора», о которой и писал О. М. Ковалевский. Два исследователя встретились в Сибири в 1830 г., когда Н. Я. Бичурин приехал в Иркутск в составе экспедиции П. Л. Шиллинга. К этому времени Бичурин как ученый-востоковед получил уже мировую известность.

Также Н. Я. Бичурин подготовил и опубликовал работы: «Ответы на вопросы о Китае», «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (1828) и «Записки о Монголии» в двух томах (1828), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем их состоянии» (1829), «Описание Пекина» (1829), «История первых четырех ханов из дома Чингисхана» (1829).

[194] Речь идет о летописи Саган Сэцэна «Эрдэнийн Тобчи», которую Я. И. Шмидт в 1829 г. перевел с монгольского на немецкий язык.

пытство наше и охоту к дальнейшим исследованиям. К числу редкостей, вывезенных мною из Пекина, принадлежит биография Мидра Дзоги Индийца, из города Варанаси (Бенаресь), перерожденца Хоншим Бодисадвы, жившего в самом начале первого столетия; следовательно, в такое время, когда буддаисты не токмо словом, но и оружием защищали свое учение от [слово нрзб] и, побежденные, наконец рассеялись в разные страны, с истинною пользою для веры, проповедовать ее правила. Сочинение сие также переведено по-русски и будет объяснено комментариями, необходимо нужными. Немало также употребил я времени для перевода: 1) книги, заключающей в себе буддийскую космологию и хронологию тибетских, монгольских ханов, книги, служившей некогда одним из источников летописца Саган Сэцэна, 2) Чандана джуйн домок — о живописных и ваятельных изображениях Шигемуния, полученной буддистами из Индии, 3) Саин цагудун номлалга — наставления о праздничных буддайских днях, вместе с историей оных.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 42. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 12, 12 об.

[Дата получения] 9 августа 1832 г.

В Совет Императорского Казанского Университета
Кандидата Ковалевского
Донесение.
№ 179. Селенгинск. 8 июля 1832 года.
О занятиях и выезде из Селенгинска.

С самого пребывания в Селенгинске все мое старание устремлял я к познанию начал тибетского языка, необходимо нужного для основательного уразумения монгольских богословских сочинений, рабски переведенных с тибетского подлинника. (*Вставка:* Определено: Сообщить о сем Отделению словесных наук. Исполнено: Словесному отделению от 17 октября за № 1473. Слушали 8 октября 1832.) При помощи посещавших меня лам и английских миссионеров г. Юйля, узнав главнейшие грамматическия правила, занялся я извлечением из находящихся при мне словарей для своего монгольско-российского лексикона, для дополнения сего последнего словами и фразами, а именно из 1) Дакбарь Лоа, 2) Санскритско-Тибетско-Монгольского Словаря, перепечатанного здесь под руководством Барона Шиллинга, 3) Минги Джямцу и 4) Хайби джу най, коего по сие время три только отделения просмотрены мною. Для объединения же извлекаемых выражений служили мне личные беседы с ламами и тибетско-английский словарь, изданный Мариманом в Серампуре. Сверх сего переписал я девять монгольских книг.

Сегодня отправляюсь я в Степную 18 Селенгинских родов Думу, где надеюсь найти нескольких бурят, с коими приступлю к переписке

собранных мною рукописей для университетской библиотеки и, продолжая практические упражнения в языке, посредством бесед с природными знатоками и чтения книг начну приводить в порядок свой монгольский лексикон. О чем долгом считаю довести до сведения Совета.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 43. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 17, 17 об.

[Дата получения] 17 октября 1832 г.

В Совет Императорского Казанского Университета
Кандидата Ковалевского
Донесение.
№ 211. Урочище Талайн тологой. 14 сентября 1832 года.
О пожертвованиях для библиотеки университета.

Честь имею донести сим Совету о вновь поступивших ко мне книгах, пожертвованных разными лицами для библиотеки университета, а именно:

1). Кулуннорских капиц [195] дзакирокчи [196] Ноин Тоин Данца Дулсам Дорджи Гэмпилов пожертвовал монгольскую рукопись под заглавием Алтан гэрэлту судур.

2). Тех же капиц шандзаба [197] Лама Ринчин Чойдор Дзамбалов книгу на тибетском и монгольском языках: Пакба ширабджи паралбу чимба дорджи джомба.

3). Тех же капиц Цорджи дзасак [198] Биликту Гомбоев тибетскую книгу Дончинму рабду джомба.

4). Атагатских капиц Цорджи Лама Чакдурджап Вампилов восемь тибетских книг: а) Пакба джамбальджи цан яндакбар джотба, б) Санамджи Юм, в) Гармай юм шиджяби сум, г) Пакба чокджю мунсэл, д) Нима гунсэл, е) Дакба серджи дотик, ж) Намса нанджат, з) Даши дзэкба.

5). Бабай Хормашиева рода Ринчин Цэбэн Лонбо Цырэнов тибетскую рукопись Санджя джи цан нгадун шибджя нгаджу дза сумба.

6). Помощник тайши Селенгинских родов Няндак Вампилов две монгольские книги: а) Хутукту алтан гэрэлту судур, б) Арбан дзугун эдзэн Гэсэр хагану тогоджи.

---

[195] К а п и ц а (*с польск.* капищца) — часовня, здесь: буддийский храм, дацан (это слово вошло в русский язык и обозначает языческое культовое сооружение).

[196] Д з а к и р о к ч и (*с монг.* захирагч) — управляющий, распорядитель, один из пяти главных хошунных чиновников после помощника управляющего хошуном, командующий в войсках (*монг.* туслагч).

[197] Ш а н д з а б а (*монг.* шандзодба, шанзав) — казначей, одна из высших должностей в монастыре.

[198] Д з а с а к (*монг.* засаг) — здесь: владетельный князь, правитель хошуна. Хошун — административно-территориальная единица в Монголии.

Доводя о сем до сведения Совета, осмеливаюсь покорнейше просить изъявить вышеупомянутым лицам от имени Университета благодарность.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

(*Вставка:* Определено 1) уполномочить здесь лицам, пожертвовавшим книги для университетской библиотеки, от Совета благодарность через главного тайшу Селенгинских родов; 2) г. Ковалевского о сем уведомить.

3) Названия книг сообщить г. Библиотекарю университета с тем, чтобы по приезде г. Ковалевского в Казань принял от него сии книги и донес Совету).

Слушали 12 ноября 1832.

29 ноября
Г[осподину] Ковалевскому № 1734.
Г[осподину] Главному Тайше № 1735
Г[осподину] Библиотекарю № 1736 [199].

Документ № 44. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 20

[Дата получения] 3 ноября 1832 г.

В Совет Императорского Казанского Университета
Кандидата Ковалевского
Донесение.
№ 217. 28-го сентября 1832 года. Урочище Талайн тологой.
О выезде в Троицкосавск.

Получив вызов от г[осподина] иркутского гражданского губернатора от 8-го сентября за № 3272-м о принятии на себя труда составления положения для вновь учреждающейся по Высочайшему повелению в Троицкосавске войсковой 4 бурятских полков школы [200], долгом счи-

[199] 29 ноября 1832 г. были разосланы письма (благодарность) О. М. Ковалевскому, библиотекарю и главному тайше Селенгинских родов. Здесь указаны исходящие номера, под которыми письма были зарегистрированы.

[200] Находясь в Забайкалье в 1828–1833 гг., О. М. Ковалевский претворил в жизнь проект создания русско-монгольской войсковой школы в Троицкосавске. Это была специальная трехлетняя школа по подготовке детей бурятских казаков к службе писарями, переводчиками и урядниками в Троицкосавском пограничном правлении и в четырех бурятских полках, сформированных еще в XVIII в. для охраны, совместно с русскими казаками, государственной границы в Забайкалье. Школа была открыта в сентябре 1833 г. О. М. Ковалевский надеялся на то, что учащиеся этой школы будут получать качественные знания, которые станут основой для их дальнейшего обучения. Предъявлялись соответствующие требования к учителям.

Галсан Никитуев — учитель богословия, ранее служивший ламой в Бултомурском дацане, в 1835 г. сопровождал четырех бурятских мальчиков — Доржи Банзарова, Цокто Чимитова, Гырыл Будаева, Доржи Буянтуева, выпускников этой школы, —

таю довести до сведения Совета, что я, оканчивая главнейшие мои занятия в кочевьях селенгинских бурят, 1-го сентября отправляюсь в Троицкосавск.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

(*Вставка:* Определено: принять к сведению.

Слушали 12 декабря 1832.)

Документ № 45. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 619, 619 об.

Перевод с монгольского

Милостивый Государь

Осип Михайлович

Восемнадцати Монголо-бурятских родов мы — Главный Тайша и родоначальники с подчиненными родовичами, движимые искренними чувствами сердца нашего, приносим Вам нашу глубочайшую благодарность. Вы, Милостивый Государь Осип Михайлович, прибыв из Великой Российской Империи в здешнюю Сибирскую страну для изучения закона Высочайшего Бога Шигемуния и монголо-бурятских книг.

Начиная с 1828 года посещали обиталище нашего Главного Ламы Бандиды Хамбы, Селенгинскую Степную Думу и кочевья, в ведомстве оной находящиеся, и, забыв о собственном спокойствии и удовольствиях, преисполнились совершенным знанием монгольских книг и искусством в переводе оных на российский язык, и в нашем даже разговорном, высшем и низшем наречии, оказали отличные успехи; потому мы, нижеподписавшиеся от имени 18 родов, ныне для будущего времени рады свидетельствовать о Вас пред Вашим начальством, воздаем Вам сию нелицемерную похвалу, а за Вашу отменную кротость, ласковость и радушие в обращении с нами, ни с чем не сравнимые.

За Ваше благородное поведение и познание нашей монголо-бурятской религии, от полноты чувств приносим Вам... нашу благодарность. Сентября 25-го дня 1832 года.

в Казань для обучения в Первой гимназии, по окончании которой Д. Банзаров поступил в Казанский университет, стал известным востоковедом (см.: *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский… С. 70).

Бумаги о войсковой бурятской школе (а именно Положение, составленное О. М. Ковалевским) сейчас хранятся в АВ ИВР РАН в Санкт-Петербурге (см.: Ф. 29. Оп. 1. Д. 22). В них, в частности, говорится: «Цель учреждения Троицкосавской войсковой школы состоит в том, чтобы детям старших четырех Бурятских полков доставить средства к нравственному их образованию и к приобретению познаний, необходимых по их званию и назначению.

Примечание. Не возбраняется и другим ясачным бурятам посылать в сию школу своих детей, которые могут пользоваться учением только вместе с первыми» (Л. 8); «Параграф 8. Кандидатов на звание учителей могут представлять и буряты из среды своих родовичей» (Л. 9).

На подлинном подписали: Главный Тайша Юм Дылык Ломбоцыренов, Тайша 12-го класса Вампил Ринчинов, 2-го тайши помощник 14-го класса Нендак Вампилов, 3-го Табангутского рода помощник Цыбык Юмов, Ашебагатского рода Зайсан Тулскуй Тоболов, Подгорного рода Голова Замбалаев...

Документ № 47. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 610

Проект похвального листа, составленный О. М. Ковалевским для лиц, которые дарили книги библиотеке Казанского университета

(Здесь вписывается звание и имя жертвователя).

По донесению кандидата Ковалевского о похвальном Вашем усердии к учебным заведениям и принесении Вами в дар библиотеке университета (здесь вписываются названия книг).

Императорский Казанский университет, основываясь на предложении Его Превосходительства Господина Попечителя Казанского учебного округа, по разрешению Господина Министра Народного Просвещения, изъявляет Вам торжественно сим актом свою признательность в полной уверенности, что сие послужит Вам поощрением к углублению стараний и неослабному содействию в пользу образованности Ваших единоверцев для достижения общего блага.

(Подпись ректора университета)

(Место печати университета).

Документ № 48. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 99–100

С о в е т
Императорского Казанского университета
изъявляет сим свою благодарность кулуннорских капищ дзакирокчию лам Долсам Дорджию Гемпилову за принесение в дар Казанскому Университету двух важных книг на монгольском языке и за содействие ко многим подобным приношениям от других
1833 года

Ректор Императорского Казанского университета, Коллежский Советник и Кавалер (подпись Н. И. Лобачевского)

М.П.

Секретарь Совета Ординарный Профессор, Доктор Медицины (Подпись: И. Ерохов)

№ 826 [201]

[201] Такая же благодарность была объявлена Советом Казанского университета Главному тайше 18 Селенгинских родов Юму Дылык Лонбо Цыренову. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 14–15.

Документ № 49. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 20

Донесение О. М. Ковалевского в Совет Казанского университета о поездке в Троицкосавск для составления Положения новой школы 4 казачьих бурятских полков

Кандидата Ковалевского
Донесение
№ 217-й. 28-го сентября 1832 года. Урочище Тайлан тологой
О выезде в Троицкосавск.
В Совет Императорского Казанского Университета.

Получив вызов от г. Иркутского Гражданского Губернатора от 8 сентября за № 3272 о принятии на себя труда составить положение для вновь учреждающейся по Высочайшему повелению в Троицкосавске войсковой 4 Бурятских полков школы, долгом считаю довести до сведения Совета, что я, оканчивая главнейшие мои занятия в кочевьях Селенгинских Бурят, 1-го октября отправляюсь в Троицкосавск.

Кандидат *Осип Ковалевский*.

Документ № 50. АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 22

Бумаги о войсковой бурятской школе (фрагменты «Положения...», составленного О. М. Ковалевским. Л. 8, 9).

Цель учреждения Троицкосавской войсковой школы состоит в том, чтобы детям старшин четырех Бурятских полков доставить средства к нравственному их образованию и приобрести познания, необходимые по их званию и назначению.

Примечание. Не возбраняется и другим ясачным бурятам посылать в сию школу своих детей, которые могут пользоваться учением только вместе с первыми.

Параграф 8. Кандидатов на звание учителей могут представлять и буряты из среды своих родовичей... (но должны доказать свои познания в предмете, [при] хорошем поведении).

Документ № 51. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 48

В Совет университета
Донесение.

Честь имею довести до сведения Совета, что я сегодня прибыл в Иркутск и в первые числа февраля вместе с г. Поповым предпримем обратный путь в Казань. Кандидат *Осип Ковалевский*.

Иркутск. 28 января 1833 г.

Документ № 52. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфак. Д. 209. Л. 3

[Дата получения] 29 сентября 1833 г.

В Отделение словесных наук.

На требование Отделения словесных наук честь имею донести, что, приступая к преподаванию монгольского языка, намереваюсь сначала занять своих слушателей чтением и письмом монгольского, а потом изложить вкратце основные правила упомянутого языка, руководствуясь мною составленной Грамматикой, известной уже Отделению; остальное же время посвятить грамматическому разбору и переводу повестей из книг Уликгэрун далай и Уликгэрун ном, переходя от легких к труднейшим. Пособием к сему послужит мой Монгольско-Российский словарь и собрание сведений о буддийской вере, также известное Отделению словесных наук. Наконец, сообщу студентам важнейшие слова и краткие разговоры. Преподавание монгольского языка началось уже с 11-го сентября и продолжается по вторникам, четвергам и субботам в 12-м часу, а по средам в 9-м часу. О чем долгом считаю сим донести. Адъюнкт *Осип Ковалевский*.

29 сентября 1833 года.

Документ № 53. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 152

[Дата получения] 4 января 1834 г.

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Ваше превосходительство!

Казанский университет, по Вашему ходатайству, имеет ныне в своей библиотеке богатое собрание монгольских, маньчжурских, тибетских и китайских книг, отчасти способствующих изучению языков, отчасти объясняющих степень образованности городов Восточной Азии. Столь драгоценное, с неимоверным трудом сделанное приобретение должно быть предметом не одного только любопытства, но и ученых исследований. Укажу здесь на монгольские сочинения с их подлинниками, в коих скрыты сведения, весьма немногим еще доступные по причине незнания языков, — сведения, могущие раскрыть нам веру, философию и историю приверженцев буддизма в древней Индии, Китае, Тибете и Монголии.

Европеец, оком любопытства окидывая вселенную, не упускал случая заглядывать в азиатский Восток, призрак нередко воспринимал за неоспоримую истину, из частных замечаний делал заключения о целом, собственными идеями затмевал чужие понятия, отрывистые известия приводил в систематический порядок, покрывая своими догад-

ками нищету достоверных и критически рассмотренных подробных сведений. Возможно ли исчислить все наши погрешности и противоречия пользующихся неопределенным званием ориенталистов? Высказать нелепости, поддерживаемые из одного самолюбия или упрямства и закостенелости в старых предрассудках? Не говоря уже о мелочных спорах исторических, вспомните только буддизм и разнообразные о нем мнения европейцев. Одним показался он расколом (сектою) православной (orthodoxe) браминской веры; другие почитают его ровесником и соперником брахманизма, полагая, что оба произошли от одной древней религии индийцев. Некоторые думали, что буддизм состоит в грубейшем суеверии, наносит жесточайший вред человечеству, проповедует многобожие или идолопоклонство с пагубными правилами; другие, напротив, доказывают, что он в самом начале был не что иное, как одна из многих философских сект индийских, которая после, заменившись в религию, вырвала азиатцев из лона зверского невежества и, облагородив их чувства и мысли, содействовала успехам образованности. Многие уверяли нас, что буддийские учреждения древностью своею восходят за несколько столетий до Р. Х., между тем как некоторые относили не далее как до VII века нашей хронологии, дабы подвергнуть оные несомненному влиянию христианства. Нужно ли упоминать, как перехваченные, нехорошо понятые идеи [нрзб] или цейлонских буддистов насильно преломляются к древнему индийскому буддизму?

Est modus in rebus [202]… Забыто, что в подобных исследованиях надобно тщательно обращать внимание на место и время.

Впрочем, недостаток надлежащих пособий и материалов, равно как и неумеренное стремление ученых к составлению общих понятий о целости, без предварительного рассмотрения и соображения подробностей могут почесться источником и причиною многочисленных ошибок в изложении столь обширного предмета.

Желая, по силам и возможности, знакомить наших читателей с сокровищами монгольской литературы, так мало еще известной, предпринял я представить им содержание собранных мною печатных и рукописных книг, отказываясь от всяких предположений и догадок собственных. Никто, думаю, не потребует от меня предварительного плана, как будто предварительной формы, в которую должны быть переливаемы все сочинения, столь разнообразные по своей сущности и наружному виду. Космология, история и догматика буддистов составляют цель моих трудов, посвященных чтению и описанию монгольских книг, коих одна часть имеет явиться в переводе с нужнейшими объяснениями, а иные в виде обозрений или извлечений.

Для образца на первый раз осмеливаюсь представить Вашему превосходительству краткое извлечение из любимой и весьма уважаемой буддистами книги, которая, по моему мнению, может служить началь-

[202] Est modus in rebus (*лат.*) — Всему есть предел; все имеет свою меру (*Гораций*).

ным руководством для исследователей основной веры, столь далеко распространившейся между азиатскими народами. Не найдете здесь ни системы, в которую можно б было привести религиозные положения, ни опровержений оных, но заметить изволите простое только указание порядка древних легенд, из каких явствуют цель и средства для достижения оной, употребляемые приверженцами буддизма. Пересказаны деяния будд разных времен, правила, ими преподанные слушателям своим; здесь при удобном случае помещены краткие известия о царях индийских, сопряженные с судьбой буддизма.

Лаская себя приятнейшею надеждою, что Ваше превосходительство, среди постоянного попечения о благе и успехах нашего университета, обратите снисходительное внимание на сей слабый труд мой, честь имею быть с глубочайшим почтением и вечною преданностью,

Казань. Вашего Превосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга *Осип Ковалевский.*
3 января 1834 г.

Документ № 54. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 1

Господину Попечителю Казанского учебного округа
О напечатании Грамматики монгольского языка,
составленной адъюнктом Ковалевским,
а также Арифметики на монгольском языке,
составленной Поповым

Известно Вашему превосходительству, что во время пребывания моего среди монгольских племен занимался я составлением основных правил книжного их языка для руководства учащихся и что мой опыт удостоился лестного отзыва Санкт-Петербургской Академии наук со стороны знаменитого нашего ориенталиста г. Шмидта… Надеюсь, что сей труд послужит и обличению изучения языка, осмеливаюсь покорнейше просить ходатайства Вашего превосходительства пред высшим начальством о разрешении [печатать] на казенный счет Краткой грамматики книжного монгольского языка, мною составленной…
Осип Ковалевский.
14 декабря 1834 г.

Документ № 55. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 31–32 об.

[Дата получения] 7 октября 1835 г.

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Сообразившись с замечаниями ученого академика г. Шмидта, полученными мною при предписании Вашего превосходительства от

15 июня за № 1935, употребил я все досужное время на скорейшее окончание Монгольской хрестоматии, тем более что списывание тетрадей, сопряженное с потерей времени, замедляет и успехи наших студентов, занимающихся изучением монгольского языка.

На этот раз решаюсь представить к изданию два начальных тома, которые, по моему мнению, послужат руководством к практическому познанию механизма языка и вместе с тем познакомят читателей с духом и свойствами довольно разнообразных сочинений, составляющих столь богатую литературу. Впоследствии могут быть изданы в свет и остальные два тома Хрестоматии моей, заключающие в себе немалое количество статей из истории монголов и бурятских племен, равно как и отрывки, чисто догматические буддийские, с присовокуплением разговоров, писем, стихотворений и пр., о которых я буду иметь счастье в свое время представить на благоусмотрение Вашему превосходительству.

Из следующего расписания статей, помещенных в первых 2 томах Хрестоматии, Ваше превосходительство изволите заметить самое содержание, порядок сочинения и источники, из коих оные почерпнуты.

Том первый.

I. Изречения, из лучших книг выбранные, для начального упражнения в грамматическом чтении.

II. Повести и сказки:

1. Беседа морского гения с Убашием о возмездии за прежние деяния органических существ.
2. Из деяния Шакямуния, пример беспредельной почтительности сына к родителям и сострадательности к одушевленным тварям.
3. Вражда Девадаты с Шакямунием: снисхождение последнего, показанное в притче о златоцветном звере.
4. О женщине чистейшего усердия, поднесшей лампадку Будде (из Уликгэрун далай).
5. Похвала исполнителям духовных обязанностей с присовокуплением кратких притч, объясняющих причины будущей награды и наказания людей (из Уликгэрун ном).
6. Сказка о семи чародеях.
7. Изгнанный гордец.
8. Живописец и плотник.
9. Испытание хитреца.
10. Странствующий сын Брамина (из рукописей).
11. Встреча Цокту Кгэрэлту-хана с ламою, который возражает против звериной ловли и уговаривает Царевича предаться богомыслям (из Норву пренгва).

III. Отрывки из китайских законов относительно управления Тибетом (из Уложения Пекинской палаты внешних сношений).

IV. Два указа китайского императора о пособиях народу, пострадавшему от неурожая (из рукописи).
V. Завещание китайского императора, в правление Дзяцин (из рукописи).

Том второй.

I. Отрывки из истории Буддизма.
1. Легенды о деяниях Шакямуния.
2. Составление буддийских книг.
3. Введение буддизма в Китай.
4. Предприятие Хонгшим Бодисатвы просветить верою Тибет.
5. О начальных тибетских царях, способствовавших распространению буддизма.
6. Сронгдзам Кгамбу посылает в Индию вельмож учиться языку. Его законы. Первые статуи божеств. Сношения с Китаем и Балбо (Непалом).
7. Прибытие Падма Самбавы. Построение храмов. Переводы св[ященных] книг.
8. Прибытие Джу Адиши в Тибет и действия его в пользу буддизма.
9. Введение и распространение буддизма в Монголии. Монгольские переводы буддийских книг. Заслуги китайских императоров из маньчжурской династии.
10. Сведения об изображениях Шакямуния.
II. Отрывки из поучений китайского императора в правление Юньджень.
1. О почтительности детей к родителям.
2. О занятиях земледелием и шелководством.
3. Об умеренности.
III. Катехизис буддийский, излагающий главнейшие догматы сей веры.
IV. Беседа Митра Дзоги царевича с отцом о преимуществах жизни светской и духовной.
V. Отрывки из философии Мэндзыя.

Источниками для сего тома послужили: 1) Мани Кгамбо, 2) Гайби джу най, 3) Летопись Сананг Сэцэна, 4) Житие Падма Самбавы, 5) Житие Джу Адиши, 6) Джанджа Кгэкгэна, 7) описание горы Утай шань, 8) Джу ин домок, 9) Кгэкгэн толи, 10) Ринчэн бумби и другие, отчасти печатные, отчасти рукописные.

Представляя вниманию Вашего превосходительства сей краткий обзор моей Хрестоматии, долгом почитаю прибавить еще, что, во-первых, статьи были выбираемы мною назидательные и разнообразием

своим завлекающие к чтению; во-вторых, соблюдена, по возможности, постепенность в переходе от легкого к труднейшему, и наконец, что выбором предполагаемых статей желал я познакомить со слогом сочинений, различающихся временем и содержанием своим, способствовать развитию сведений о буддизме, с помощью коих учащиеся могут скорее и успешнее продолжать чтение полных сочинений для ученой разработки столь обширного и трудного предмета.

Согласно с мнением г. Шмидта составил я русские объяснения ко всем приведенным отрывкам, избегая, впрочем, излишнего обилия и повторений, но и не пропуская необходимо нужных предметов. Грамматические замечания соединены с филологическими и историческими. Вместо русского перевода монгольских отрывков в комментариях своих старался я объяснять или одни лишь грамматические трудности, указывая вернейшее средство к постижению смысла подлинника, или, метафизируя содержание текста, подавал способ к практическому упражнению в правилах грамматики и к раскрытию основания, на котором зиждется мысль, выражаемая в переводе. Таким образом, не обременяя одной только памяти моих слушателей, желал я и другие умственные их способности приводить в движение. Изредка сделаны и критические замечания к исправлению текста, с помощью рукописей и познания духа языка.

Оканчивая вчерне сии объяснения, дабы не потерять лишнего времени на переписку оных и двойное пересматривание текстов для ссылок на оные, осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить печатание Хрестоматии. Имея перед глазами напечатанный текст, гораздо легче мне будет тотчас переписывать и объяснения, которые поместятся в конце каждого тома. В последней части сделан будет указатель слов и выражений, объясненных мною в целом сочинении.

По совещанию с г. Управляющим университетской типографией оказалось, что два тома Хрестоматии составят 50 печатных листов, в 8-ю долю листа, средней величины. Набор и печатание оных, полагая по 18 руб[лей] асс[игнациями] за лист, стоит 900 руб[лей]. Бумаги на 300 экземпляров потребуется 15 000 листов, на 50 руб[лей] 88 коп[еек]. Следовательно, все издание оценивается в 1408 р[ублей] 88 к[опеек]. Если же благоугодно будет приказать 500 экземпляров Хрестоматии напечатать, то для сего потребуется 52 тонны бумаги на 823 руб[ля] 80 коп[еек], к коим прибавив 900 р[ублей] за набор и печатание, выходит итог 1723 руб[ля] 80 коп[еек]. В первом случае каждый экземпляр оной обойдется типографии в 4 руб[ля] 69 коп[еек], а в последнем — 3 руб[ля] 45 коп[еек] (без переплета). О чем честь имею сим представить благоусмотрению Вашего превосходительства

Казанского университета экстраординарный профессор *Осип Ковалевский.*

Казань. 7 октября 1835 г.

Документ № 56. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 40

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Из полученных мною сведений видно, что Троицкосавская Войсковая Русско-монгольская школа требует 30 экземпляров изданной мною Монгольской грамматики; из Иркутска — Статский советник Игумнов — 12 экземпляров; из Селенгинска — английский миссионер Юйль — 3 экземпляра. Доводя о сем до сведения Вашего превосходительства, осмеливаюсь покорнейше просить разрешить выпуск упомянутого сочинения из университетской типографии.

Экстраординарный профессор *Осип Ковалевский.*

Казань. 6 ноября 1835 г.

Документ № 57. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 57

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Представляя изданную мною Монгольскую хрестоматию, осмеливаюсь покорнейше просить представительства Вашего превосходительства пред господином министром народного просвещения, дабы этот труд, первый в своем роде, был повергнут на высочайшее его императорского величества воззрение.

Экстраординарный профессор *Осип Ковалевский*

Казань. 14 июня 1836 г.

Документ № 58. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 60

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Намереваюсь в нынешнем полугодии читать со студентами Казанского университета отрывки из лучших сочинений, помещенных мною в Монгольской хрестоматии, осмеливаюсь просить Ваше превосходительство предложить кому следует выдать из университетской типографии нужное количество экземпляров первого тома Хрестоматии.

Экстраординарный профессор *Осип Ковалевский*

Казань. 25 августа 1836 г.

Документ № 59. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 73

[Дата получения] 29 сентября 1836 г.

Из письма Министра Народного просвещения
Попечителю Казанского учебного округа

…Государь Император удостоил благосклонно принять в 21-й день сего сентября, соизволил пожаловать г. Ковалевскому с уважением от-

личных трудов по части монгольской словесности кавалером (так в тексте) ордена Святой Анны 3-й степени.

Прошу препроводить при сем грамоту и знаки сего ордена г. Ковалевскому.

Записка об учреждении кафедры монгольского языка при Казанском университете, составленная экстраординарным профессором Ковалевским

Начальство Казанского университета, обращая внимание на пользу, какую это высшее учебное заведение может доставить отечеству и ученому свету распространением знания восточных языков, исходатайствовало в 1828 г. разрешение отправить гг. Ковалевского и Попова в Восточную Сибирь как для изучения монгольского языка среди природных знатоков его, так и для приобретения учебных пособий для будущей кафедры. Четырехлетнее пребывание их в Сибири и разъезды по забайкальским степям, населенным монголо-бурятскими и тунгусскими племенами, доставили средства к достижению цели, предложенной правительством. Перемена Пекинской духовной миссии в 1830 г. дала возможность г. Ковалевскому посетить Китай и обогатить многими, весьма редкими, любопытными сочинениями университетскую библиотеку, так что она теперь заключает в себе на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках в 189 нумерах 1433 книги и, в том числе, 48 рукописей. В 1833 г., с высочайшего соизволения, эти ученые вызваны были в Санкт-Петербург для испытания в приобретенных ими познаниях и представления отчетов по своим занятиям в Императорскую Академию наук. Лестный отзыв этого главного в нашем отечестве ученого сословия об их трудах был доведен до сведения Его Императорского Величества. Гг. Ковалевский и Попов определены адъюнктами в Казанский университет и в Казани учреждена кафедра монгольского языка, первая в Европе. Г[осподин] Ковалевский, кроме других сочинений, по сие время издал краткую Грамматику и Хрестоматию, г. Попов также напечатал Хрестоматию, первые и необходимые пособия для учащихся. Успех на новом поприще побудил тайшу забайкальских монголо-бурят прибегнуть к начальнику университета с просьбой о помещении нескольких мальчиков в Казанскую гимназию на казенное содержание для классического их образования. Отголосок степных чад обратил на себя внимание правительства. Четыре мальчика, под надзором надежного ламы, приняты в Казанскую гимназию. Здесь они, кроме сведений в других науках, приобретут основательные познания как в своем природном, так и в русском и тибетском языках. Таким образом Казанский университет, осыпаемый щедротами монарха, вошел в сношение с монгольскими племенами и, действуя на развитие умственных сил сего народа, стремится проложить путь к ученым

исследованиям истории, древностей, религии и литературы Средней Азии, открыть новые источники учености для любознательной Европы.

К изучению Тибетского языка, столь мало еще известного в Европе, положено также в Казанском университете основание. Один из отличнейших студентов занимается под руководством ламы началами языка. По окончании полного в университете курса, начальство предполагает испросить дозволение правительства на отправление этого студента на несколько лет в Пекин для усовершенствования с тем, чтобы, по возвращении его, могла быть открыта кафедра тибетского языка.

Казань. 1837 г.

Документ № 60. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4960. Л. 5

Профессора Ковалевского донесение о Ламе Никитуеве в Казань.
[Дата получения] 13 апреля 1839 года. № 30-й.

При сем представлена в подлиннике Ламы Никитуева просьба на русском и монгольском языке.

Господину Попечителю Казанского учебного округа.

Вследствие предписания Вашего Превосходительства 11 апреля за № 1647 об отправлении комнатного надзирателя 1-й Казанской гимназии ламы Галсана Никитуева в Астрахань, к калмыкам, для переписки набело тибетского словаря честь имею донести, что сокращение четырехмесячного срока, просимого Никитуевым, может зависеть единственно от предварительного его сношения с калмыцкими степями, так, чтобы по прибытии в Астрахань он нашел готовых уже писцов для себя; в противном случае его предприятие может с успехом совершиться в продолжение трех месяцев, потому что Никитуев должен употребить некоторое время на проезд в астраханские степи и обратно в Казань и, кроме того, на прибавление калмыцкого перевода к тибетским словам, им уже собранным и приготовленным к переписке набело.

Впрочем, составление тибетско-монголо-калмыцкого словаря, по моему мнению, принесет несомненную пользу и самому сочинителю, и студентам нашего университета, которые, изучая монгольский язык, желают познакомиться и с тибетским, столь богатым религиозными и историческими творениями. Я думаю, что издание подобного словаря будет полезно и для ориенталистов.

Документ № 61. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 161

Его превосходительству
Михаилу Николаевичу Мусину-Пушкину

Для удовлетворения просьбы парижских ориенталистов Жюльена и Бюрнуфа, с которыми я веду постоянную ученую переписку, равно и

для отправления в Пекин и важнейшим ламам, которые могут быть весьма полезными отъезжающему с духовной миссией г. Васильеву, кандидату нашего университета, не имея уже ни одного экземпляра изданных мною учебных книг, осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение и выдать мне монгольские Грамматику и Хрестоматию по 10 экземпляров для отсылки их в Пекин и Париж.

Казань. 27 ноября 1839 г. *Осип Ковалевский*.

Документ № 62. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 137

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Студент первого курса по разряду монгольской словесности Банзаров просит меня ходатайствовать пред Вашим превосходительством о дозволении ему вместо турецко-татарского языка заниматься санскритским языком. Принимая в уважение, что Банзаров исповедует буддийскую религию, коей коренные книги были составлены на санскритском языке, и что Банзаров по окончании университетского курса, возвратясь на родину свою, может содействовать между монголо-бурятского духовенства распространению знания санскрита. Покорнейше прошу Ваше превосходительство об оказании снисхождения и пламенному желанию сего молодого человека, подающего прекрасные надежды на отличные успехи в священном языке индусов.

Ординарный профессор *Осип Ковалевский*

Казань. 13 сентября 1842 г. № 47.

Документ № 63. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2702. Л. 1

В Совет университета

Представляя подлинный диплом от 27 апреля нынешнего года, присланный мне из Копенгагена на звание действительного члена Королевского Датского общества, прошу отметить об этом в моем послужном списке.

Казань. *Осип Ковалевский*.

22 июля 1844 г. № 37.

Документ № 64. ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 152

[Дата получения] 19 декабря 1847 г.

Господину Попечителю Казанского учебного округа

Вследствие ходатайства бывшего Попечителя Казанского учебного округа тайного советника Мусина-Пушкина я доводил до сведения го-

сударя императора об окончившем с успехом в прошлом году курс наук в Казанском университете кандидате Банзарове из бурят и испрашивал дозволения на вызов его в С.-Петербург для узнавания ближе его познаний и качеств.

Его Императорское Величество предположение сие высочайше утвердить соизволил.

Вследствие сего покорнейше прошу Ваше превосходительство командировать Банзарова в С.-Петербург по казенной надобности с выдачей ему, заимообразно, из хозяйственной суммы университета нужных денег на эту поездку.

Ординарный профессор *Осип Ковалевский*.

Декабрь 1847 г.

Документ № 65. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфак. Д. 1850. Л. 22–23

Заседание исторического факультета Казанского университета 4 декабря 1850 г. (в присутствии члена физико-математического факультета, г. декана, ординарного профессора Котельникова).

Об учреждении в университете кафедры педагогики.

…При суждении о сем вопросе большинство членов факультета, а именно гг. профессоры Фойгт, Фатер, Попов, Готвальд, Григорович, Березин и священник Владимирский, остановились на следующем заключении: «Преподавание педагогики, как сказано в копии с предписания г. министра Народного просвещения и как того требует польза сего учреждения, должно быть теоретическое и практическое. Для теоретического преподавания требуется ученый, который с основательными сведениями в разных отраслях знаний соединил бы в себе и короткое знакомство с литературой педагогики. Для практического приготовления студентов к учительскому званию признается полезным приучать их к преподаванию разных предметов, входящих в состав гимназического курса, и притом в самих классах гимназии. Но так как, в первом отношении, нет возможности найти профессора, который бы в равной степени обнимал все науки, входящие в круг гимназического преподавания, то, без сомнения, желательно приобрести такого, который бы обладал основательными познаниями в большей их части и преимущественно в языках древних и новых и науках исторических, который бы притом сам прошел чрез разные ступени гимназического и университетского преподавания и сам читал разные отрасли наук и разные языки от первых их начал до высших их частей.

Главным образом во втором отношении — так как поручение студентам приучаться к преподаванию в самой гимназии может повести по разным [поводам] к разным столкновениям с посторонним ведомством, то опять желательно, чтобы лицо, избираемое университетом, имело законное непосредственное влияние на учебную организацию гимназии.

При соображении таких условий внимание вышепоименованного большинства членов факультета обращается на г. ординарного профессора Ковалевского. Г[осподин] профессор Ковалевский, обучавшийся в Виленском университете у отличнейших профессоров, известных своим даром преподавания и под их руководством начавший свое педагогическое поприще, приобретший потом ученую степень преимущественно по древней филологии, с отличным успехом читавший в Казанском университете в разные времена латинский язык, новую историю и монгольскую словесность от чтения и письма до высших ее отраслей, наконец занимающий должность директора 2-й Казанской гимназии, по всем сим отношениям удовлетворяет самым взыскательным требованиям для занятия кафедры педагогики…»

Документ № 66. Рукописный отдел библиотеки СПбГУ. № 567. Папка № 1. Л. 22

Благодарность от учеников 2-й Казанской гимназии О. М. Ковалевскому

Достопочтенный наш начальник!

С сожалением узнали мы, что Ты, добрый наш начальник, оставляешь нас; мы видели, с каким отеческим попечением, с какою любовью заботился Ты о нашем воспитании, видели это и пришли от имени всех наших товарищей поблагодарить Тебя за все подъятые Тобою для нас труды. Грустно нам расставаться с Тобою, но что делать! — Так угодно Богу и Царю. Мы утешаемся мыслью, что если не все мы, то некоторые из нас со временем опять поступят под Твое покровительство и встретят в Тебе не начальника, а отца. Мы не в состоянии выразить пред Тобою чувства нашей благодарности, но будь уверен, что сердца наши навсегда останутся Тебе благодарными и признательными.

Господину директору 2-й Казанской гимназии Осипу Михайловичу Ковалевскому от глубоко признательных учеников.

Казань. 22 мая 1855 года.

Документ № 67. ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4012. Л. 34

В Совет Казанского университета

Совет Императорского Харьковского университета в уважение заслуг, оказанных восточной словесности и вообще успехов языкознания [постановил] единогласно: избрать Его превосходительство Господина ректора Казанского университета, действительного статского советника и кавалера Осипа Михайловича Ковалевского в почетные члены университета.

8 мая 1857 г.

3. О преподавании языков

«Отзыв» О. М. Ковалевского о В. П. Васильеве (АВ ИВР РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–3)

Воспитанник нашего университета г. Васильев [203], по окончании курса наук выпущенный кандидатом, с истечением годичного срока, назначенного Положением, Высочайше утвержденным, о производстве в ученые степени, просил дозволения у 1 отд[еления] фил[ологического] факультета подвергнуться испытанию для получения следующей высшей ученой степени. Согласно с Положением, как словесные, так и письменные ответы, данные им в течение нескольких заседаний, удостоверили членов отделения в точности и полноте требуемых познаний в предметах от ищущего степени магистра. Потому г. Васильеву разрешено было написать диссертацию об основаниях философии буддийской, которую, по надлежащем рассмотрении, отделение дозволило автору защищать.

Предмет трудный и мало еще обработанный требовал от г. Васильева некоторой начитанности в коренных сочинениях буддистов и, по своей новости, без сомнения, встретит посреди Вас, п. п. п. п. (почтенные профессора. — *Авт.*), многих оппонентов. Снисходительное Ваше внимание к содержанию предложенной диссертации послужит лучшим поощрением для г. Васильева к продолжению обработки начал буддийской философии, которая в течение последних 30 лет была предметом весьма любопытных изысканий Кольбрука [204], Абель-Ремюзы, Шмидта, Потье [205] и Отмара Франка [206] [—] мужей, отличившихся уже на сем поприще.

---

[203] Академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) прежде всего был буддологом. Его основной труд — «Буддизм, его догматы, история и литература» (1857–1869) вскоре после выхода в свет был переведен на немецкий язык. Как синологу ему принадлежат фундаментальные работы по истории китайской литературы, даосизму и конфуцианству, другим направлениям синологии. Его труды еще при жизни приобрели европейскую известность. Помимо санскрита, китайского и тибетского языков ученый владел также маньчжурским, монгольским и другими восточными языками, что расширяло источниковую базу его исследований.

[204] Генри Томас Колбрук (*англ.* Henry Thomas Colebrooke; 1765–1837) — английский востоковед. Много лет провел в Индии. Профессор санскрита и индуистского права в колледже Форт-Уильяма (учебный и научный центр востоковедения в Калькутте). Второй президент Королевского астрономического общества, директор Королевского азиатского общества.

[205] Жан-Пьер Гийом Потье (*фр.* Jean-Pierre Guillaume Pauthier; 1801–1873) — французский востоковед-синолог, лингвист и поэт.

[206] Отмар Франк (*нем.* Othmar Frank; 1770–1840) — немецкий филолог и востоковед-индолог, монах-бенедиктинец. Профессор философии в бамбергском университете, персидской и индийской словесности в вюрцбургском, затем в мюнхенском университетах. Автор книги «Свет с Востока» (1801) и концепции «парсизма» — предвестника арийской теории и немецкого национализма.

Магистр нашего университета г. Васильев, до своего выезда с Духовной миссией в китайскую столицу для усовершенствования себя в тибетском языке и литературе и для изучения китайского и маньджурского [207] языков, получил письменное наставление в руководство при занятиях своих и ученом исследовании жизни отдаленных народов Азии. По истечении десяти лет наш питомец возвратился к нам с драгоценными познаниями, которые свидетельствуют об его трудолюбии и дарованиях и, без сомнения, принесут пользу и известность возлелеявшему его заведению.

Отчет г. Васильева, находившийся у нас на рассмотрении, заключает в себе перечень трудных его забот об исполнении инструкций среди препятствий, какие весьма часто стесняли постоянное стремление нашего путешественника к приобретению познаний по всем частям азиатской учености. Главным предметом занятий его был язык тибетский. В этом отношении г. Васильев изучал письменный и разговорный язык в разных наречиях: 1) старался открыть самые простые естественные начала языка и положить их в основание своей тибетской грамматики, 2) собирать материалы для составления возможно полного лексикона. Последний труд навел нашего путешественника на счастливую мысль предварительно обработать специальный буддийский словарь, находящийся в Данджуре [208] и известный под названием Махавьютпатти [209] на санскритском и тибетском языках, а в найденной рукописи обогащенный китайским и монгольским переводами. Наш ориенталист принял на себя труд не только перевести этот сборник на отечественный язык, но и уяснить его присоединением толкования китайских и тибетских буддистов на все выражения, вошедшие в состав упомянутого словаря. Это громадное сочинение, если автор успеет окончить и издать оное по придуманному им плану, составит период в наших филологических, богословских и исторических изысканиях о буддизме [210]. Кроме того, 3) г. Васильев занимался составлением тибетской хрестоматии; перевел историю буддизма в Индии знаменитого тибетца Даранаты [211], заслужившую полный авторитет всех знатоков этого предмета

---

[207] Так в оригинале: здесь и далее через букву «д». Современная норма — маньчжурский.

[208] Данджур (также Тэнгьюр, Тенджур) — канонизированный свод комментариев к тибетскому канону «Ганджур». Содержит также поучения, философские сочинения по абхидхарме, сочинения разных авторов по языкознанию, стихосложению, медицине, архитектуре, переведенные с санскрита. В полном варианте насчитывает около 3,5 тыс. текстов в 254 томах. В Монголии получила распространение версия из 225 томов.

[209] Махавьютпатти (Mahavyutpatti) — тибетско-санскритский словарь буддийских терминов. Включает 9492 термина в 277 тематических разделах.

[210] Здесь и далее в оригинале — буддисм (через букву «с»).

[211] Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 3: *Дараната*. История буддизма в Индии / пер. с тиб. В. П. Васильева. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. XXII + 288 с.

и вмещающую в себе сжатый, систематизированный очерк судьбы веры Будды и главных ее сподвижников. Необходимо нужные объяснения Даранаты наш ориенталист почерпнул из важнейших тибетских и китайских книг, чисто исторических, легенд, биографий и пр., к ним присоединил перевод трех статей из Данджура о 18 буддийских школах шраванов [212], сделал извлечение из сочинения одного амдоского [213] хутукты о философских системах буддизма (сидд[х]анта [214]), равно и из биографий 84 волхвов.

4) Руководствуясь обширными книгами на тибетском языке, составил он историю буддизма в Тибете как продолжение истории буддизма в Индии и намерен приступить в свободное время к истории той же религии в Китае и Монголии, для которой основой послужат многочисленные собранные им книги на разных языках. 6) Наш ориенталист не упустил из виду географии Тибета и 7) литературы буддизма, из коих первую почерпнул из рукописи, оставшейся после кончины известного русским посетителям Пекина Минджул хутукты [215], и обогатил ее извлечениями из других не менее важных источников азиатского землеведения, а последнюю составил на основании одного китайского сочинения, заслужившего особенное внимание ученых по своей полноте и многозначности материалов, и продолжал по собственным своим заметкам.

Вот важнейшие плоды трудолюбия г. Васильева по части тибетского языка и литературы тибетцев, поставленных в инструкции, ему данной, на первом плане. Но наш ориенталист, не стесняясь рамками официального наставления, второстепенные даже предметы своих занятий в Китае обрабатывал наравне с первыми. Итак, изучая десять лет китайский язык в центре империи и практически, и теоретически, досуги свои посвящал переводам сочинений, для нас весьма любопытных, описывающих местности или народы, которые могут быть изведаны только при помощи китайцев. Мы ограничимся здесь одним указанием:

Дараната (Таранатха) (1575–1634) — тибетский историк, автор сочинения «История буддизма в Индии», которое представляет собой важный источник по истории распространения и развития буддизма и по истории Индии в целом.

[212] Шравана (или саван) — месяц индуистского календаря, посвященный богу Шиве. В едином национальном календаре Индии — пятый месяц года, начинающийся 23 июля и заканчивающийся 22 августа. В нем 31 день.

[213] Амдо — регион Тибета (ныне Тибетский автономный район КНР), где расположены буддийские монастыри, в том числе крупнейший монастырь школы гелуг тибетского буддизма — город-монастырь Лабранг, в котором проходят обучение тибетские и монгольские монахи.

[214] Сиддханта — санскритский термин, означающий «доктрина», «учение» или «традиция».

[215] Джамбал Минджул-хутухта (1789–1839) — тибетский историк. Автор «Описания Джамбудвипы», в которое он впервые в тибетской историографии включил ранее неизвестные тибетским ученым европейские географические сведения. Джамбудвипа в широком смысле — Земной шар, в узком — лишь знакомый древним индийцам Индостан; в нравственно-религиозном смысле — убежище, защищенное пристанище.

1) описание западных стран (Си-юй-дзи [216]), сочинение известного китайского странника Сюань-дзана [217], посетившего Индию в начале [218] VII века нашей хронологии, следов[ательно], гораздо прежде вторжения там мусульман, и доставившего возможность узнать теперь минувшую судьбу страны, драгоценной для буддиста и для любознательного европейца, 2) географические карты всех китайских династий, необыкновенной важности для каждого, кто только пожелает познакомиться с историей Китая и сопредельных ему областей, древнего Туркестана с Джунгарией [219], древней Монголии и Маньджурии, 3) сведения о киданях [220], джурджитах [221], монголах-татарах, Нингуте [222], почерпнутые из китайских источников [223].

---

[216] С и - ю й - д з и — имеются в виду «Да Тан си юй цзи» («Записки о западных странах[, составленные в правление] великой [династии] Тан», или «Путешествие в Западный край [во времена] великой династии Тан») китайского буддиста-паломника Сюань-цзана (*см. следующий комментарий*). Переведены на многие языки, включая русский. Не путать с позднейшим произведением «Си ю цзи» («Описание путешествия на Запад») или с произведением «Чанчунь чжэнжэнь сию цзи» («Описание путешествия на Запад истинного мужа Чанчуня»), представляющим собой путевой дневник путешествия даосского монаха Чанчуня с группой его учеников в 1221 г. из Китая в ставку Чингис-хана.

[217] С ю а н ь - ц з а н (602–664) — китайский буддийский монах, ученый, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан. Совершил 17-летнее путешествие в Индию (629–645), откуда привез 657 текстов на санскрите. При поддержке императора организовал большую школу переводов в г. Чанъань. Перевел на китайский язык 1330 сочинений. Пришел к выводу, что санскритские термины нужно не переводить, а транслитерировать, благодаря чему пополнил лексику китайского языка большим количеством неологизмов. Автор «Да Тан си юй цзи».

[218] Точнее было бы назвать путешествие Сюань-цзана в Индию в 629–645 гг. совершенным во второй четверти VII в.

[219] Д ж у н г а р и я — географическая и историческая область Центральной Азии, часть бывшего Восточного Туркестана (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

[220] К и д а н и (кидане, хитаи, китаты) — кочевые монгольские племена, в древности населявшие территорию современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии. С 907 по 1125 г. существовало киданьское государство Ляо.

[221] Д ж у р д ж и т ы (чжурчжэни, джурджени) — предки маньчжуров, покорили государство киданей. Населяли в X–XV вв. территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая, Северной Кореи и Приморского края. Язык чжурчжэней относится к тунгусо-маньчжурской группе. Крупнейшее государство чжурчжэней существовало с 1115 по 1234 г.

[222] Н и н г у т а — город в Маньчжурии, ныне на территории городского уезда Нинъань городского округа Муданьцзян провинции Хэйлунцзян в КНР. В Средние века Нингута была одним из самых южных городов в бассейне р. Амур, в 1650-х гг. — главной базой маньчжуров в их войнах с русскими землепроходцами, пытавшимися колонизовать бассейн Амура. Продолжала оставаться одним из важнейших городов Маньчжурии до начала XX в., когда КВЖД пересекла р. Хурху (Муданьцзян) в 20 км севернее (ниже по течению) Нингуты, и там возник г. Муданьцзян, вскоре затмивший старую Нингуту.

[223] Труд В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах» был опубликован в Санкт-Петербурге в 1857 г.

Г[осподин] Васильев не вел постоянно своего дневника, как это требовалось инструкцией, но причины этого, приводимые им в отчете, оправдывают его достаточно. Столько об ученой его деятельности.

Второе поручение, сделанное университетом г. Васильеву, состояло в приобретении книг печатных и рукописных на разных языках для нашей библиотеки. И это исполнено, сколько можно судить по составленному им каталогу, добросовестно и с пользой для университета, который в настоящее время может похвалиться, что собрание принадлежащих ему книг китайских, тибетских, монгольских и маньджурских смело причислится к богатейшим в Европе в отношении к их содержанию и редкости. Г[осподин] Васильев не упустил из виду ни одного рода азиатской учености, для которого не отыскал бы главных сочинений. По словам его, собрание китайских книг самое большое. Это зависит отчасти и от самого разнообразия литературы. Хотя он преимущественно устремлял свое внимание на исторические и географические, но не ускользали от него ни классические книги, ни поэты, ни повести и романы, не говоря уже об учебниках для языкознания. Тут г. Васильев смотрел не на одни собственные занятия, а на ряд поколений, для которых составляются библиотеки. Маньджурские книги, вместе с имеющимися уже в университете, обнимают собой почти все, что можно найти на этом языке. Собрание памятников тибетской письменности вмещает в себя весьма редкие сочинения, по большей части напечатанные вне Пекина, некоторые даже выписанные из Хласы [224], так что если правительство решится учредить кафедру тибетского языка, будущий представитель этой кафедры найдет в нашей библиотеке драгоценные материалы для своих ученых трудов на многие годы. Монгольское отделение книг, приобретенных г. Васильевым, менее значительно в сравнении с предыдущими, но оно пополняет университетскую библиотеку. Желать надобно, чтобы г. Васильев занялся со временем составлением систематического каталога китайским, тибетским, монгольским и маньджурским книгам всем, которыми теперь обладает наша библиотека. Издание такого каталога может короче познакомить туземных и заграничных ориенталистов с сокровищами нашего университета и расширить круг наших ученых сношений.

Коснувшись здесь важнейших только десятилетних занятий г. Васильева, которые он подробно описал в своем отчете, мы, по долгу совести, можем смело сказать, что он свое время и блистательные дарования употребил с истинной пользой для себя и с честью для университета, оправдал, чрез то отчасти превзошел даже наши ожидания и стяжал себе право на признательность начальства. Доводя о том до

[224] Х л а с а (Лхаса; *тиб.*, букв.: ‘место богов’) — историческая столица Тибета, ныне городской округ Тибетского автономного района КНР. То, что называют «городом Лхаса» (традиционная резиденция Далай-ламы), — ныне район Чэнгуань городского округа Лхаса.

сведения факультета, имеем честь покорнейше просить обратить внимание на понесенные труды г. Васильевым и представить его к особому вознаграждению.

4. Путевые дневники О. М. Ковалевского

Дневник, веденный во время путешествия с XI Миссией в Китай 9 окт. — 11 дек. 1830 г. (Ф. 1000. Оп. 2. № 612. Собрание отдельных поступлений Описание виденных мест и китайских обычаев. Автограф. 76 л.)

(1а [225]) 1830 г., октябрь

9-го [226]. В 9 час. утра Миссия отправилась в путь. Около 8 миль ехали мы по равнине Цзэмэин Гашун до большой поперечной высоты Ширгун, за которою в глинистом овраге по правую сторону от дороги нашей находится Красное озеро, Улан-нор. Влеве оставив гору Ургунну-ру, а вправе Цаган Цзан, поднимались мы на следующие высоты, пересекаемые долинами узкими, Улан Турум называемыми, где находятся еще озера, ныне покрывшиеся толстым льдом. В левой стороне от дороги приметны несколько хороших юрт — жилище одного молодого хубилгана [227], весьма уважаемого монголами. Он не ездит верхом: имеет особую для себя одноколку, для которой ламы желали купить у наших казаков хорошую, смирную и к упряжи привыкшую лошадь. Старший брат [228] с тремя красивыми, при нем находящимися девицами исполняет обязанности благоговейного слуги при сем перерожденце.

Значительное стадо овец и табуны лошадей пасутся в окрестных долинах. От последнего подъема Кутула, направо, тянется длинная цепь гор — Цаган Дала. Сегодня, подавшись (1б) вперед на 23 версты, остановились мы в урочище Дурбан Дэрэту, на долине, на коей находится глубокий колодец хорошей воды. Почва земли состоит из щебня. На дороге попадались сердолики, халцедоны, разноцветная яшма и куски белого мрамора. Трава здесь гораздо лучше прежней. От урочища Дэрэсун Усу лежит во многих местах полосами песчаниковая щетка.

---

[225] Здесь и далее так при публикации обозначены номера листов автографа.

[226] К моменту начала ведения дневника миссия уже почти двадцать дней как оставила Ургу и большим обозом, перед которым пастухи гнали стадо в 300 голов овец, продвигалась на юг к китайской границе. С этого дня миссии предстояло пройти 1 месяц и 9 дней до въезда в Русское подворье Духовной православной миссии в Пекине.

[227] Хубилган (*монг.*), хувилгаан — титул, даваемый духовному лицу в знак того, что он является воплощением божества; перерожденец, живое воплощение Будды, бодхисаттвы.

[228] Обычно монголы посвящали религии и отдавали в монастырь третьего сына; младший становился хозяином в юрте родителей после смерти отца, остальные, включая старшего, получали свою долю от родителей скотом и заводили собственное хозяйство.

На сем же переезде, у дороги, нашли мы череп монгольский. По сему случаю спрашивал я провожатых монголов о похоронах. Теперь, по словам их, умерших, обернув войлоками, оставляют на земле и делают оных жертвою собак и волков. Родственники же покойника, смотря по состоянию, приглашают лам для чтения молитв в продолжение некоторого времени [229]. Обыкновение зарывать трупы в землю более не существует в Монголии [230].

На сем переезде кочует тайджи Чжикчжид, бывший пристав Русского подворья в Урге [231]. Он привез утешительное для здешних жителей известие, что землетрясение, по словам боготворимого хутухтугегена, не принесет ни малейшего вреда ни людям, ни скоту. Одно слово ургинского первосвященника освобождает от ужаса поклонников Шигемуни. (*Вставка:* Трещина в горе к СЗ от нашего стана открылась на 3 аршина ширины и вершков на 15 в длину.)

10-го. Близ нашего стана на холме заметил я еще 6 древних могил, обложенных камнями в виде продолговатого четырехугольника. Прохожий монгол Шабинского ведомства рассказывал мне, что на берегах Селенги по сю сторону границы находится очень много таких же могил, принадлежащих (2а), по местным преданиям, киргизскому народу [232], у которого было обыкновение вместе с покойниками зарывать в

---

[229] Подобные чтения молитв устраивались, как правило, ежегодно.

[230] Очевидно, О. М. Ковалевский имел в виду гуннские, тюркские и киргизские погребения на территории Монголии, иной традиции, чем средневековые монгольские. Среди разнообразных погребальных обрядов, используемых монголами, можно выделить следующие: 1) мумии (шарилы) изготавливали путем длительного высушивания тела умершего в специальных подогреваемых камерах с дальнейшим золочением и выставлением в буддийском храме. Этот способ применялся в случае смерти высокого духовного лица; 2) покойника заворачивали в материю или войлок и относили на гору (у халхов) или помещали в специально приготовленный для этого сруб (у бурят), построенный также на горе или дереве. Так хоронили шаманов. Это место в дальнейшем становилось запретным для посещения простыми смертными; 3) покойника заворачивали в материю или войлок и вывозили в степь (у халхов) или в лес (у бурят). Через некоторое время приезжали смотреть: если глаза умершего уже выклевали птицы, то это являлось благоприятным знаком того, что умерший успешно переродился в другое, более высокое существо.

[231] У р г а (от *монг.* Өргөө ‘ставка’) — название столицы Монголии до 1924 г. Основана в 1639 г. С 1706 г. называлась также Их-хурэ (Великий монастырь), с 1911 г. — Нийслэл-хурэ (Столичный монастырь) по расположенному здесь одному из главных монастырей Монголии. Во второй половине XVIII в. здесь находились резиденция маньчжурского наместника и административный центр Внешней Монголии.

[232] На территории современной Монголии находились различные древние и раннесредневековые государства: в I в. до н. э. — I в. — государство гуннов; в IV–VI вв. — тюркские государства, называемые каганатами; в VII–VIII вв. — кыргызские; в IX–XII вв. — уйгурские. Об этих временах напоминают сотни могильников, так называемые хэрэгсуры (*монг.* хиргисийн ур). По внешнему виду они могут представлять собой курганы с округлой каменной насыпью или на квадратной платформе, с погребениями в дощатых гробах; плиточные могилы с вогнутыми стенками; каменные курганы с захоронениями на грунте или с кольцевой кладкой; квадратные или круглые оградки с сопровождающими их жертвенниками. См.: *Цэвэндорж Д.* Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 53.

землю и все оных имущество, в особенности же любимые ими вещи, как-то: верблюдов, лошадей, седла, посуду и пр. Из сего заключал он, что и здешние могилы были остатками киргизскими в странах Монголии [233].

Со станции, проехав небольшую долину, поднялись мы на значительную высоту Хамарэин Улан Обо, с которой открылся прелестнейший вид на синеющие вдали Аргалинские горы, на долины с торчащими на них холмами, на кряжи скалистых гор, будто лесом покрытые.

В скудной и единообразной степи, по которой Миссия медленно подвигается, нельзя не восхищаться произведениями дикой природы, игрою предметов, развлекающих зрение путешественника. С неизреченным удовольствием рассматривает он местоположение в чужой стране, напоминающее родину со всеми очаровательными ея прелестями. Прекраснейшее, теплое время усугубляло наши приятные мечтания о прошедшем, и мы нечувствительно приблизились к скалистой цепи гор, пресекающих дорогу. У подошвы одного (2б) влеве холма нашли мы весьма красивые куски голубого халцедона. С востока на запад тянется цепь гор, из известкового камня состоящих. С севера на юг между двумя высокими утесами, отстоящими один от другого не далее десяти саженей, положена дорога, осененная расторженными (так в тексте) огромными скалами. Сии пустынные естественные врата, через которые пробирались мы в собственную монгольскую степь, известную под именем Гоби, или Шамо, называются Ару Удэ — Северными.

Между тем как я с д[окто]р[ом] Бунге рассматривал камни у подошвы утесов, вдруг раздался пронзительный голос с вершины скалы, висящей над нашими головами: «Отправляйтесь вперед прямой дорогой, здесь священное место (маниин гацзар), не приближайтесь его [к нему]». И мы увидели ламу (*вставка*: в красном платье, в очках, с остроконечной высокой шапкой на главе. Имя его Лодон Цэдэн), который, как мы после узнали, думал, что мы намерены бросить в него камнями, испугавшись, хотел криком от сего устранить[ся]. Из слов его заметил я, что он около 4 лет уже обитает в здешних скалах, питается только подаяниями от соседственных жителей и занимается (3а) чтением молитв о спасении себя и сострадательных к нему людей. Поворотив налево, в овраг, между утесов заметили мы в скале длинную пещеру, жилище отшельника. Испуганный лама едущим за нами дорогою монголам с трепетом указывал лощину, в которой мы находились. Прибыв в наш стан, мы пешком вторично отправились в упомянутую лощину,

[233] Раскопки гуннских могильников российскими и монгольскими археологами П. К. Козловым, С. А. Теплоуховым, Г. И. Боровкой. Ц. Доржсурэном, А. Д. Симуковым, Х. Пэрлээ. Н. Сэр-Оджавом, В. В. Свининым, В. В. Волковым и Д. Баяром на территории Монголии (бассейн р. Селенги, горы Ноин-улы, Южно-Гобийского, Центрального, Хэнтэйского и Балганского аймаков) предоставили ученым богатый материал о захоронениях гуннского периода, намного более раннего, чем кыргызского: большое количество остатков всевозможных хозяйственных и жертвенных предметов, зерна, украшений, останков крупного и мелкого рогатого скота, лошадей.

откуда заметна была пещера. По острым обломкам камней мы взбирались на утес. Отшельника уже здесь не было, а в его логовище нашли мы только пшено в мешочке и чугунную чашу. Лама был в нашей юрте, читал молитвы, делал все движения, свойственные шигемуниан-скому закону, воздевал руки, вертел одну около другой, перебирал четки, кривлял самым странным образом губы и глаза. Потом, выпив две рюмки крепкого вина, рассказал, что он имеет от роду 49 лет, на 29-м году жизни удалился совершенно от людей (прежде жил в Тибете, а после, около 15 лет, — в Монголии). Один раз в день принимает пищу и, читая беспрестанно молитвы, предается высшим размышлениям. (3б) Потом показал нам череп человеческий, употребляемый им вместо обыкновенной чашки ламской. Когда ему [было] предложено взять с собой немножко сухарей, он, приняв оные, сейчас роздал присутствующим монголам. «Я один раз в день, — прибавил он, — обедаю и не должен ничего у себя для следующего дня оставлять».

Наконец, выпросив еще рюмку вина, выпил, простился с нами, пожелав нам благополучного пути. Отправился в юрту тусалакчия, где ему замечено [было] лишнее употребление вина и что бурхан от него удалится. «Правда, — сказал отшельник, — вино и табак мои любимые вещи. Вина выпивал я по пяти фляг и никогда не был пьяным. Мой бог никогда от меня не удалится». Сказал и ушел в свою пещеру.

Сегодня мы подвинулись на 18 верст. Станция называется Удэ. По наблюдениям барометрическим, от станции Чжиргаланту мы начали спускаться с высоты, на которой уже находились. Подъемы и спуски с гор по дороге весьма нечувствительны. Потому, кажется, Гоби есть в виде бассейна, чрезвычайно возвышенного, в котором нет рек значительных, и воду находим только в маленьких ручейках, колодцах, не очень глубоких и во время засухи иссыхающих. (4а) В 7 часов вечера мы посетили отшельника в его жилище. Взяв несколько человек из монголов, при мелькающем блеске фонаря шли мы по каменистым оврагам, ведущим к скале. Неимоверная тишина господствовала в нашем стане и окружающих его горах. Луна и звезды сияли на небе. Издали слышали мы звук колокольчика и бубенчика. В скале блестела звездочка. Это пещера, где отшельник при теплющейся лампадке читал молитвы, звонил в колокольчик и бил в бубенчик — принадлежности гелуна.

На наши приветственные слова отвечал безбоязненно вежливостью и, пригласив нас в пещеру, продолжал молебствие. Истинно отшельническое, самой природой образованное жилище! Войлок и тулуп — вот его постель и защита от холода; маленький чугунный котлик и череп человеческий — вся посуда; мешочек с пшеном и пузырек с маслом — для пищи; несколько медных статуй бурханов и портрет Далай-ламы — предметы обожания; круглый небольшой чемоданчик — хранилище двух рыз (намчжир и чжакче), колокольчика и бубенчика (дамара), присвоенных духовной степени гелуна, и шапки, какую носят (4б)

Далай-лама и хутухты. Лодон Цэдэн, попотчевав нас коровьим маслом, хранимым в пузырьке, по нашей просьбе вышел из своего убежища и сел у каменного уступа на покатости горы. Члены Миссии поместились несколько ниже, вокруг отшельника, а монголы и казаки, бывшие при нас, — на обломках скалы. Следуя азиатскому обыкновению, поднесено ему было: белая бумага и карандаш, несколько табаку курительного, восковая свеча, зеркальце и бритва. Долго наш отшельник не соглашался на принятие сих безделок, ссылаясь на монголов, хорошо знающих, что живет он в крайней бедности, ничего от них, кроме подаяния, не ожидает и не может ничем нас отдарить. Наконец, приняв подарки, прочел благодарственную молитву, по окончании которой сказал, что он, вероятно, сделался достойным такого приношения. «Десять человек едет теперь в Пекин, но двое студентов непременно возвратятся в отечество, ибо земля и вода тамошняя им не понравится (гацзар усу цзохиху укгэй)» [234]. Потом, рассматривая наши ладони, предсказал лекарю Кирилову жить 83 года, о. Аввакуму — 70 и пр. Из черт моей руки заключил, (5а) что я не имею ни скота, ни денег, т. е. беден (мал мункгу укгэй) [235]. (*Вставка:* Но останусь жить в Пекине 10 лет.) Конвойному офицеру Черепанову советовал утешаться душевно и не скучать более о семействе своем, ибо оно здравствует. Все члены Миссии через 10 лет благополучно возвратятся в Россию и еще с ним увидятся. После сего начал чертить на бумаге слова на тиб[етском], кит[айском], маньчжур[ском] и монг[ольском] языках. Надев свои рызы, читал молитвы при звуке колокольчика и бубенчика. Оригинальная картина! Степной жрец Шигемуния в полном своем облачении, среди двух свечей горящих, у огромной скалы, под голым небом, освещаемым луною, окруженный русскими путешественниками, в Гобийских вратах, произносит священные тибетские слова, воссылая теплые молитвы своим бурханам о ниспослании благополучного успеха и сохранении нас в предпринятом пути! Истинно редкое явление, достойное кисти искусного живописца! Г[осподин] Кирилов спросил отшельника, не согласится ли он отдать ему свою чашку из черепа на память? «Ни под каким предлогом не могу удовлетворить Ваше желание, — отвечал жрец. — Сия чашка дана мне в Тибете, (5б) с нею я всегда сыт и здоров. В продолжение ночи занимаюсь я богослужением, на рассвете засыпаю. Пища моя умеренна, я в недостатке, но кормлюсь песком, травою и собственными своими испражнениями». Вдруг, схватив горсть песка и травы (степной малины) и наполнив оными рот, проглотил. Потом испустил урину в чашку, всем нам показал и выпил и вылизал сосуд. «После сего что станешь делать с сим сосудом, лишив меня оного? Не сердись, лекарь!» — говорил отшельник. Еще долго читал молитвы и наконец

---

[234] Гацзар усу цзохиху укгэй (*монг.* газар ус зохихгүй) — неподходящая вода и земля.

[235] Мал мункгу укгэй (*монг.* мал мөнгөгүй) — нет ни денег, ни скота.

прибавил сии слова: «Возвратитесь в ваши юрты, уже пора мне удалиться в пещеру и там продолжать обыкновенное богослужение». Простившись с отшельником, прежними оврагами отправились в наш стан. В окне пещеры мелькал огонь, а пение жреца и звук его священных музыкальных инструментов долго раздавался между ближайшими утесами.

11-го поутру Лодон Цэдэн посетил нас. Вина не пил, потому что нынешний день намерен [был] провести на молитве. (6а) Любовался он черносливом, миндалем, предложенными на тарелке. «В ваших странах, — говорил он, — духовенству в постные дни запрещено употреблять чай с молоком и мясо и табак курить, но разрешено питаться сухими овощами». На вопрос наш: сколько подобных ему отшельников считается в Тибете? — «Не более четырех, — отвечал он, — и те вносятся в списки как особы, известные правительству. Я как тибетец живу между монголами, должен вести себя весьма осторожно: законы здесь строги. Неоднократно желал я отсель удалиться в Россию, но монголы сего не дозволяют. Надеюсь с вами еще увидеться в моей уединенной пещере. Прощайте...»

Вместе с г. приставом отправились мы к отшельнику, который, встретив нас на половине дороги, подарил приставу маленький медный позолоченный истукан Шигемуния с тем, чтобы никому из монголов не показывал его. В пещере прочел молитву, предсказывал г. приставу, что он непременно будет представлен бокдохану и пр. Наконец дозволил г. Легашеву списать с себя портрет и для того в полном (6б) облачении сидел неподвижно в отверстии пещеры, пока наш живописец не окончил своей работы. Г[осподин] пристав оставил отшельнику бутылку вина, тарелку фруктов, ножницы и ножик. Простившись с Лодон Цэдэном, отправились мы в подлежащий путь до урочища Эрги, отстоящего на 16½ верст от Удэ. Дорога лежит равниною в ЮВ, покрытою дресвой, но изобилующей травою. (*Вставка:* На следующей станции получили мы несколько песку от отшельника с тем, дабы, въезжая в город в ворота великой страны, рассыпать его на две стороны. Таинственную молитву совершил он над сим песком. Близ станции в долине — колодец с хорошей водою.)

Вдали синеет хребет Аргали, отделяющий Халхаские кочевья от Суннитских. В левой стороне видна гора Нарада, близ которой пасутся стада бокдохановых верблюдов. Пастухи при них цахары. Несметное число верблюдов, баранов и лошадей, принадлежащих китайскому императору, собирается в виде подати, весьма дорого стоящей пекинскому двору, с владельцев в Халхе и Суннитских кочевьях. В хошуне Мэргэн-вана 8 семейств [смотрят за] сими стадами под руководством одного старшины (даргуя). Это их служба, освобождающая от прочих повинностей казенных. В награду своих трудов каждый пастух получает ежегодно 12 ланов серебра жалованья. (7а) Старшина их — 24 лана, все пользуются шерстью от верблюдов и баранов, вверенных их попечению, на лошадях ездят. Около 10 000 семейств цахарских, по словам

одного пастуха, кочующего близ нашей станции, занимаются сим делом. В урочищах Дари и Ганга также пасутся многие табуны бокдоханские, где имеет свое пребывание и особый амбань, надзирающий за пастухами, получая в год жалованья 150 ланов серебра. За значительный приплод в стадах все чиновники и пастухи удостаиваются, по представлению Палаты внешних сношений, Высочайшего награждения — шелковыми материями, напротив — за урон и недосмотрение подвергаются наказанию вычетом из жалованья, возвращением натурою потерянного скота, а бедные бывают и плетьми сечены. Общий надзор за пастухами возлагается на гусай амбаня, имеющего пребывание в городе Калкане. Он ежегодно сам осматривает стада, поверяет количество оных. Из Монг[ольского] уложения известно, что по реке Далинхо пасущиеся казенные ханские табуны (7б) поверяются через три года и Палата внешних сношений получает донесения о приплоде и убыли в скоте, ходит с докладом к А. В. [236]. Если приплод будет составлять как 2 или 3 к 10, то начальнику цзасака делается прибавка к окладу, а его помощникам жалуется каждому по пяти голов из казенного скота. Напротив, если последует урон в скоте как 1 к 10, тогда цзасак лишается полугодичного жалованья, а помощники его отдают в казенный табун по пяти скотин. Когда же урон окажется значительным, как 2 к 10, то цзасак лишается годичного жалованья, а помощники отдают по 9 скотин, и пр.

Равным образом и в городе Улясутае пасутся казенные табуны лошадей и верблюдов, которые [о]свидетельствуют через каждые три года.

Если по истечении указанного времени от каждых 10 верблюжьих маток окажется в приплоде 6 верблюжонков, а от 10 кобылиц пять жеребят, то князья и тайджи, имеющие главное смотрение за табунами, получают двойную прибавку к жалованью, чиновники — по куску шелковой материи, а пастухи — по 2 куска китайки, по 2 кирпича чаю и по 5 картузов курительного табаку. Напротив, (8а) за урон [виновный] обязан отдать в казенный табун павшее число скота.

12-го. Дневка. Отправил я донесение г. попечителю за № 61. От Урги до сего места пришли мы в 21-й день, сделав 18 станций и 3 дневки. От Кяхты до Эрги считается 724,5 версты.

13-го. Как следующая станция Убур Удэ расположена гораздо далее против прежних, то Миссия в половине 9-го часа двинулась в путь в сопровождении чиновников еще халхаского ведомства, которые, по приказанию своего начальства, обязаны были наш обоз и табун сдать в целости суннитским чиновникам и от них получить в том расписку. Сначала, около 12 верст, шли мы ровною степью, местами только прерываемою песчаными полосами. Травы здесь особенно мало, и та была последствием дождей, шедших сего лета, чему доказательством служат

[236] Очевидно, эти буквы означают «августейшее высочество», под которым О. М. Ковалевский подразумевал богдо-хана.

ручьи, отличающиеся мелким песком, полосою расположенным между небольшими холмами.

Переехав небольшой замерзший ключ Чинчик, близ которого находились несколько юрт, обитаемых пастухами, имеющими смотрение за табуном (8б) богдохана, спустились мы на долину песчаную, а потом начали подниматься на хребет, за которым в лощине находится колодец Модо Шарден и вдали стадо овец. Дорога до самой станции лежит кремнистыми холмами. Наконец, поворотив с ней влеве, за горою, нашли мы и наши юрты в урочище Убур Удэ (Южные Ворота, соответствующие прежним Северным — Ару Удэ, отстоящим на 33 версты от Эрги). Почти на половине перехода встретили нас кебей с низшими чиновниками, въехавшими для приятия казенного обоза. Почти от Эрги вместе с нами ехал лама, знающий медицину и везший с собой лекарства, или, лучше сказать, материалы для своих больных. Он был в Урге и возвращался в свое кочевье, отселе на 2 дня дороги отстоящее. Из слов его заметили мы, что в Урге при кумирнях [237] печатается много книг, тибетских и монгольских, не токмо богословского содержания, но и медицинского и повествовательного. Венерические болезни, по общему мнению, перешли в Монголию из Китая и (9а) потому получили название китайской коросты — китат яра [238]. Излечиваются они вообще посредством демонов, а иногда и мазей. О прививании оспы [239] сказал он, что оспа получается из Тибета и в порошке дается для нюхания мужчинам — в правую ноздрю, а женщинам — в левую. После сего на больных является сыпь по всему телу, но без вреда. По прибытии нашем на станцию немедленно явился к г. приставу тус[алагчи] Лосорончжав с тайчжием Намчжилдорчжием с уведомлением, что он по своей обязанности сдал все на руки суннитским чиновникам и, следуя монгольскому обыкновению, поднес хадак на память знакомства, а прощаясь, потчевал табаком. Сие последнее употребляется в здешней стране не токмо при первом знакомстве и прощании, но и в случае таковом, когда виноватый просит извинения у обиженного. Следовательно, потчевание табаком служит знаком взаимного согласия и дружбы. Мы были свидетелями, как служитель (Норба) битхэши, обидел чиновника, приставленного к Русскому (9б) подворью от духовного ведомства. Обиженный, уходя с Подворья, объявил халгачию Соном Чжапу, что он намерен принести начальству жалобу на наглого Норбу. Битхэши, предвидя неприятные от сего последствия, старался помирить сво-

[237] К этому времени в Урге действовали четыре больших монастыря, которые имели собственные печатни, главная из них располагалась в монастыре Гандантэгчинлин.

[238] К и т а т я р а (*монг*. хятад яр) — китайская язва.

[239] Тибетское средство, использовалось, по причине его чрезвычайной дороговизны, крайне редко. Впервые массовые прививки против оспы начали проводить российские врачи в начале XX в. Они применяли вакцину. Их деятельность способствовала исчезновению в Монголии оспы, которая свирепствовала в предыдущие столетия и унесла жизни большого количества людей на пространных территориях этой страны.

его служителя с чиновником гегенова ведомства. И приказал Норбе: «Поклонись чиновнику и поднеси ему табаку!» (*Эти слова подчеркнуты*.) Этот пример доказывает прежде мною сказанное о потчевании табаком в Монголии и Китае. **(***Вставка:* При прощании говорят «Позвольте Вам поднести табаку» вместо «Прощайте» (тамахи (дамага) бариху [240]).**)**

К В от нашего стана, в глубоком овраге, находится колодец, но для нашего употребления привозили лед с ближайшего озера. 14-го поутру оказалось, что сунниты ночью украли у казаков шапку и шелковый кушак. Русские путешественники неоднократно уже замечали по опыту, что здешние жители отличаются в воровстве: к несчастью, и мы то же обязаны повторить.

Цзун-ван, управляющий суннитами, назначил тайчжия, 4-й степени кебея, для сопровождения Миссии по ведомству восточных (цзун [241]) суннитов, в котором 8 станций учреждены.

(10а) За первою высотою от станции открылся вид на необозримую степь, пересекаемую холмами, которыми лежит наша дорога. Но как вчера от половины станций мы постоянно поднимались в гору, так сегодня, пробираясь медленно через холмистую степь, спускались под гору. На сем утомительном для глаз и духа переезде заметили мы три озера, из коих два первые называются Уит, и два колодца, близ которых паслись небольшие стада овец и несколько лошадей.

У первого колодца, на прилегающем холмике, стоят три небольших камня с тибетскими надписями, содержащими в себе, по уверениям наших провожатых, молитвы. Нынешняя станция, называющаяся Гашун (*вставка:* сия станция находится на 1 версте над поверхностью моря), отстоит от Убур Удэ на 91 версту. Воду черпали из колодца. Травы весьма скудны.

Сунниты разделяются на восточных — цзун и западных — барун [242] суннитов и составляют два хошуна, в первом из них считается 20 эскадронов, во втором — 13. (10б) Итого: 33 эскадрона военных монголов. (*Вставка:* В хошуне Цзун-вана находятся 2 тусалакчи, из коих каждый управляет 10 эскадронами, 4 цзахиракчи, [каждый из которых] заведует 5 эскадронами, 2 мейрена — помощники при тусалакчи и 2 цзалана — помощники цзахиракчей.)

Верховным из них начальником их главного сейма есть Цзун-ван или Да-ван, кочующий при Шилин-гол. Сверх суннитов подчинены ему еще 8 хошунов (2 — хочит и 2 абагай, 2 абаханар, 2 — узумучин [узумчин]). Начальником каждого хошуна есть цзанчин, под ним каждыми пятью эскадронами заведует 1 цзалан. Эскадроном командует сумун-цзанги и имеет в своем распоряжении 2 кундуев, каждый из них надзирает за 75 человеками. Бошко же — 20 только. Даргун — 10.

---

[240] Тамахи бариху (*монг*. тамхи барих) — подносить табак.
[241] Цзун (*монг*. зүүн) — восточный.
[242] Барун (*монг*. баруун) — западный.

Кундуи и бошки не имеют никаких шариков. Смотря по надобности и степени дел, собирается сейм или совет под предводительством Цзунвана, состоящий из чиновников хошуна. Постоянное же, законом определенное, собрание бывает через каждые три года для переписи народа. Один только Цзун-ван получает жалованье 1200 ланов серебра и некоторое количество шелковых тканей. При нем должность секретаря исправляет кебей, который, равно как и прочие низшие чиновники, служит без возмездия.

(11а) Смотря по вышесказанному разделению суннитов на 33 эскадрона, считать у них надобно 4950 военных семейств.

15-го. В Ю от нашего стана, на вершине холма, сложен из камней огромный обо в виде квадрата, имеющий в вышину 1 сажень и по 2 сажени продольные, в каждом из 4 боков. Наверху его сделана каменная насыпь, на которой торчит длинный шест, выкрашенный, с позолоченною головкою.

Сверх сего, с каждой стороны водружено по 1 шесту выкрашенному.

На них и на веревке, окружающей все обо, овечья шерсть и разноцветные хадаки с тибетскими надписями. Место сие называется Цаган Обо (Белый Обо). Дорога наша лежит сперва небольшими возвышениями, с которых мы спускались на долины. На одной из них под именем Делдгер Цанзц видели мы 8 юрт раскинутых: в них помещаются кумирня и люди, имеющие за нею смотрение. В узаконенное время собираются здесь ламы на богослужение, и для сего сделана из камня и глины печь с трубами (11б) и 4 чугунными чашами, в коих приготовляется пища для духовенства.

Вокруг сей кухни лежат пучки полыни, употребляемой вместо дров. По кремнистым увалам и песчаным оврагам спустились мы к колодцу с хорошей водою в урочище Харатуин Сучжи, где в 1820 г. наша Миссия останавливалась. Отсель несколько верст мы еще проехали по Долоннорской дороге, поворотили направо в лощину, частью дресвою, частью песком покрытую, а после, за двумя холмами, нашли в урочище Болон Сучжи, или Онгоца, приготовленные для нас юрты близ солонечного озера, отстоящего на 3 версты от Гашуна. В суннитском хошуне юрты для нас были перевозимы с одной станции на другую, так что сегодня помещались в тех же юртах, в коих мы ночевали 13-го числа и найдем послезавтра, ибо на две смены заготовлены. Отнимали чиновники юрты у жителей, кочующих в окрестностях нашей дороги: имеющий две должен был одну отдать для помещения нашей Миссии. Определенное даже число баранов для (12а) провожающих нас чиновников надлежало гнать от самой границы суннитской, с одной станции на следующую. Сие происходит от ненаселенности проезжаемого нами места. Степь Гоби, лишенная травы и воды, осталась бы всегда пустою, необитаемой страной, юдолью сетования, если бы летние дожди не приодевали зеленью наготы необозримых ее равнин и вода глубоко скрывалась под поверхностью земною.

Но Гоби, изобилующая горькой солью и некоторыми свойственными ей растениями, прокармливает множество верблюдов, которые считаются лучшими во всей Монголии.

Лошади же суннитские не величиною, но крепостью славятся в Монголии. Бараны жирны.

Сунниты говорят скоро и не так чисто и понятно, как халхасы. Они переменили произношение некоторых букв, например, вместо «т» часто выговаривают «ч», тымэ [243] = чимэ, тэгээт [244] = чэгээт; вместо «тамахи» (‘табак’) говорят «дамага», вместо «хутага» [245] говорят «отого» и пр.

Сунниты избытки от своего скотоводства доставляют в Ургу, Долоннор, Калган, Хуху-хот, Куюха, откуда получают и вещи, в кочевом состоянии необходимые. (*Вставка:* Но они принуждены там сперва скот продавать и за серебро покупать вещи у китайцев.) Долоннор, на 3 или 4 дня езды отстоящий от Калгана, город довольно обширен, но менее сего, последнего (12б), заключает в себе 2 храма, посвященных имени богдо-хана, и много зданий глиняных или китайских мазанок. (*Вставка:* В 3 верстах за городом есть еще два храма монгольских, где имеет пребывание хутухту.) Во время торговое стечение народа бывает здесь чрезвычайное, особенно монголов, которые частью помещаются в самом городе, отчасти же в своих привезенных кибитках. Главноуправляющий туньчжи назначается императором и имеет при себе значительное число войска маньчжурского. Дорога от Долоннора до нашей границы, по общим отзывам, гораздо короче и выгоднее нашей нынешней, от Кяхты до Калгана: травы и воды — обильнее, а местами — и хороший лес находится. Монголы уверяют, что очень много обозов с китайскими товарами по ней проходит к русской границе. Со стороны монгольской при каждом маяке (обо) или карауле пограничном наряжается 90 человек рядовых, кундуй и цзанчин. Рядовые, обыкновенно избираемые из бедных семейств, от своих родов снабжаются каждый по 4 лошади и 12 баранов, из казны получают ежегодно жалованья по 12 ланов серебра, кундуи — по 24 лана, (13а) цзанчины — по 48 ланов. Каждыми 5 караулами заведует один цзалан. На половине расстояния между караулами находится свежий маяк, при котором постоянно живут по 10 рядовых, высылаемых по 5 от ближайших караулов. Ежедневно, осмотрев границу, они обязаны о состоянии оной доносить начальству, не оставляя без внимания ни малейшего следа, через черту встретившегося. С нашей же стороны на свежем маяке нет постоянно живущих казаков, но они, высланные от противоположных караулов, увидевшись при оном, размениваются печатями для доставления оных своим начальникам. На наших караулах, начиная от Амура, живут по 10 казаков, в числе коих 5 тунгусов.

---

[243] Т ы м э (*монг*. тэмээ) — верблюд.

[244] Т э г э э т (*монг*. тэгээд) — итак, таким образом, ну вот.

[245] Х у т а г а (*монг*. хутга) — нож.

16-го. До восхождения солнца мороз доходил до 5 [градусов] по Реомюру. (*Вставка:* И в 3-м часу пополудни было тепла 15 [градусов] [246].) День прекраснейший, теплый, единственный в нашем путешествии.

Проехав небольшой холм, спустились мы в лощину, широтой [шириной] почти на 3 версты, с озером по левой стороне, с которой мы опять поднялись на хребет гор, покрытый огромными массами гранита, подобный несколько вышеописанному Бусэйн Чоло. Далее открывается вид (13б) на запад, где очень приметны горы Баин и Дархан, к коим прилегает покатость горы, где мы находились. Остальная часть нашей дороги ровна, усеяна камнями, песком до самой станции Цзун Сучжи, отстоящей на 23 версты от предыдущего ночлега. Ближайшее озеро, близ колодца, находящегося в лощине, доставляло нам хорошую воду.

17-го. Тайчжи 4-й степени Гуландарь, письмоводитель суннитского Цзун-вана, в 10 верстах кочующий от нашего стана, из одного любопытства нарочно приехал посмотреть русских путешественников, дабы, как сознавался, явившись к своему начальнику, мог что-нибудь ему о нас сообщить. С приметною жадностью делал он вопросы о состоянии русских войск, произведениях и пр. Когда было удовлетворено его любопытство, он, с видом чистосердечия, сказал: «Прежде нас уверяли, что все русское гораздо ниже китайского, но мы в течение некоторого времени довольно узнали превосходство русского». Испытывая наши сведения о событиях в Китае, спрашивал нас: известно ли в России, что пять лет тому, как (14а) чжунгары, не получив прежнего жалованья от пекинского двора, взбунтовались против бодго-хана и что солонское войско белого знамени усмирило мятежников, что хан чжунгарский взят в плен, увезен в Пекин и там убит, что чжунгаров немного уже осталось в своей земле, и пр. При сем случае упомянул, что во время войны сперва выдвигается вперед противу врагов белое знамя, после — зеленое, далее: черное, а если и те будут побеждены, тогда к решительному сражению выступает желтое, храбрейшее. Г[осподин] пристав, отвечая на вопросы тайчжи, прибавил, что русские любят беседовать о своем отечестве и охотно сообщают все сведения иноземцам, напротив, монголы и маньчжуры стараются скрывать свое пред иностранцами. «Но чему удивляться, — сказал тайчжи, — мы гораздо откровеннее маньчжуров. Между тем, если спрашиваешь несведущего, он ничего не может сообщить, сведущие же своих рассказов опасаются, чтобы чего-либо лишнего не сказать». Потом еще спрашивал: «Русский император родился ли (14б) в России или в чужой земле и пришел царствовать в вашу столицу, ибо наши богдо-ханы прежде жили в го-

[246] По Реомюру. — Один градус температурной шкалы Реомюра равен 1/80 разности кипения воды и таяния льда при атмосферном давлении, т. е. 1 ºR = 5/4 ºC. Данная шкала предложена Рене Антуаном Реомюром (1683–1757) в 1730 г. В настоящее время вышла из употребления. –5 ºR= – 6 ºC; +15 ºR= +19 ºC.

роде маньчжурском Мукдене [247], но пренебрегли свое [своим] отечество [отечеством] и переселились в Пекин».

Сунниты весьма любопытствуют о состоянии России, но почти ничего не могут сообщить иноземному путешественнику о своем государстве. Места, через которые Миссия ездит в Пекин, не населены. Провожатые чиновники, по своей важности и лишней в обращении осторожности, большею частью на наши вопросы отвечают неудовлетворительно, отрывисто и иногда стараются чрезмерно увеличивать все предметы для показания перед нами силы и могущества Дайцинской империи. Простые же монголы, вызванные от отдаленных кочевий, не в состоянии даже сказать название какого-либо примечательного места. Между тем известно, что в землях, занимаемых кочевым народом, каждое малейшее место имеет издревле свое собственное название, но более знакомое ближайшим жителям. Исторические (15а) происшествия в преданиях изустных со временем подвергаются неимоверным изменениям, пока наконец [не] исчезнут совершенно. И потому путешественник в своих записках, полагаясь единственно на ответы окружавших его лиц, без сомнения, передает часто собранные им сведения весьма сбивчиво и ошибочно.

Дорога наша от Цзун Сучжи сперва лежит каменистыми увалами около 10 верст, идущими с востока на запад, до подошвы хребта Дархана, возвышающегося вдали, по правую сторону, и затрудняющими переход наших телег. Мне сие едущий с нами тайчжи назвал Дэл. Спустившись с утомительного каменного хребта, ехали мы по песчаной равнине, от коей по таким же увалам пробирались до урочища Батхай, в 22 верстах от ночлега. В лощинах, пересекающих холмы, насчитали мы до 8 озер, коих берега по большей части покрыты хучжиром. Вода в них осталась от дождей, шедших сим летом. В засухи, говорят, жители терпят здесь крайний недостаток в воде и потому откочевывают от сей дороги (15б) далеко в сторону, выгоднейшую для своего скотоводства. В колодце близ нашей станции вода желтоватая, с червями. Мы были принуждены брать воду для употребления в пищу из озера солончаного. Еще надобно заметить, что сегодняшний наш стан, хотя и расположен на песчаном бугре, но он лежит ниже вчерашнего. От Эрги очень приметно мы опять стали подниматься на высоту.

18-го. Дневали. Станционный тайчжи объяснял свою молитву: «Ом ма ни пад ме хум» по-монгольски следующими словами: «чжиргоган цзуйлун хамук амитан амур болтоггай» [248]. 1) Да будет спокойствие всем животным шести родов. 2) Светский монгол, получив тахил, переменяет имя и носит красный пояс.

---

[247] Мукден (Мукдэн) — маньчжурское название Шэньяна, города в Северо-Восточном Китае на р. Хуанхэ. Возник во II в. до н. э. «Вторая столица Китая» при династии Цин (1644–1911).

[248] Чжиргоган цзуйлун хамук амитан амур болтоггай (*монг*. Зургаан зүйл хамаг амьтан амар болтугай) — пусть будут спокойны все живые существа шести видов (традиционное пожелание благополучия у монголов).

19-го. Поутру мороз 13 [градусов] по Реомюру. От станции дорога лежит в направлении к Ю по каменистым увалам, потом к ЮВ около 20 верст равниною, с обеих сторон окруженною хребтами, из коих по левой руке имеется [равнина под] названием Курдэту, а под конец — Собок.

Далее открылась пространная равнина, несколько покатая к Ю. Почва земли песчаная, травы мало, местами только (16а) встречались озера и небольшие долины, хучжиром покрытые.

Наконец достигли мы станции Олон Хутуг (Много Колодцев), в 38 верстах от ночлега. Здесь два колодца и 4 озера с солонцеватою водою. На семи перевалах встречали мы довольно [много] юрт и около них незначительные стада овец и рогатого скота.

На упомянутой равнине, окруженной горами, по левой руке видели мы два шестка с привешенными лоскутками красного и желтого цвета, на которых напечатаны тибетские слова, вокруг разбросаны дощечки с молитвою «Ом ма ни пад ме хум» и буквами тарни, далее пепел от сожженного аргала и земля, исцарапанная хищными зверями.

Надобно было предполагать, что здесь совершилось погребение какого-либо монгола. В самом деле, в 30 шагах к западу лежал труп одного ламы, растерзанный хищными зверями: остатки его делились паствою [249] воронов. На голове трупа осталась часть кожи с волосами, конец одной ноги съеден, другой ноги вовсе не нашли мы. Ужасное для иностранца зрелище (16б). По словам одного ламы, богатых умерших со всеми обрядами сжигают монголы, читают молитвы, делают поминки и пр., бедных же, не оставивших ничего на покупку дерева, на приглашение и угощение духовенства, бросают в поле, иногда только завернув в войлок или ветхое платье.

В ½ версты на север от нашего стана построены на каменном фундаменте из кирпича кумирни по правилам тибетской архитектуры мастеровыми, из Долоннора выписанными, стóящими около лана серебра. Название оных по-монг[ольски:] Тэгус баясхоланту номлан бутгэкчи кит [250]. Обнесены каменною стеною, оштукатуренной, в виде четырехугольника. Главная кумирня еще не имеет полного внутреннего прибора. Напротив дверей, в углублении капища, близ северной стены, стоит стул с 3 подушками, на котором восседает хубилган — лама, основатель кумирни, во время молебствия. Перед ним две скамейки и войлоки на полу для лам, собравшихся на богослужение. За стулом хубилгана в стене дверь для выхода на двор, где на каменном пьедестале помещена курильница (пакбур). Далее [находится] еще капище, но (17а) не столь обширное, как первое, где на жертвеннике расставлены статуи бурха-

[249] Христианство называло верующих овцами, а духовенство — пастухами. Очевидно, в основу этого выражения был положен именно этот смысл. О. М. Ковалевский хотел сказать «добычей».

[250] Тэгус баясхоланту номлан бутгэкчи (*монг*. төгс баясгалант номлон бүтээгч хийд) — кумирня, содержащая учение совершенной радости.

нов, весьма искусно и красиво, частью в Долонноре, частью же в Пекине, литые Шигемуния, Майдария, Хоншим бодисатва, Аюшри и пр. С левой стороны у дверей кресло для хубилгана, желтого материала, обтянутое, перед ним, на столике, колокольчик, бубенчик, в углу помещены танг[утские] и монг[ольские] книги, у восточной стены на столике медная, позолоченная и со вкусом отделанная коштом нынешнего хубилгана субурга, а возле ея изображение деревянное Далай-ламы, обвернутое в рызу желтого цвета, употребляемую высшим шигемунианским духовенством во время богослужения, и небольшая статуя Шигемуния, с правой стороны у западной стены медное изображение Оточчи, окруженного 8 высшими и 54 низшими божествами, в углу на столике набожные книги. Перед главным жертвенником стоят большая курдэ и музыкальные инструменты.

Не распространяясь с исчислением подробностей убранства сей кумирни, вообще сказать можно, что она заслуживает внимания путешественника (17б) во всех отношениях как редкое здание по своей архитектуре и внутренним украшениям.

Хубилган лама по имени Лобсан, сын одного монг[ольского] воина (хуик кун), основатель сей кумирни, имеет от роду 25 лет, содержится подаянием от набожных. При нем на его коште живут здесь 4 ламы и дряхлая мать. С западной стороны, за оградою кумирни, стоит обширная юрта, окруженная 9 каменными домиками, в коих во время молебствия помещаются собравшиеся ламы и приготовляется пища. Престарелый лама, живущий при сей кумирне, рассказывал нам, что после кончины прежнего хубилгана отысканы 3 шестилетних мальчика, родившихся в день смерти хубилгана, из коих каждый назывался хубилганом, утверждая, что душа покойного в нем явилась. Спор сей и недоумение со стороны лам и родственников был решен пекинским гегеном Чжанжа-хутухтой, который указал истинного хубилгана в лице Лобсана. Перерожденец сей в присутствии старшего духовенства должен был рассказать все происшествия из жизни покойного (18а) хубилгана, узнать его платье, рызы, колокольчик, бубенчик и пр. и сим образом удостоверить всех, что в нем поселилась душа предшественника.

С того времени [он] отдан был под надзор старого ламы учителя и, несмотря на свою святость, учится у него тибетскому языку, догматам и обрядам Шигемуниева закона. Теперь он достиг уже степени гелуна. Здешние кумирни от 3 лет существуют. В последней хранится еще череп человеческий, оправленный в серебро, служащиий вместо чашки обыкновенной перерожденца.

2-го. Мороз 12 [градусов] по Реомюру поутру.

От Олон Хутука, вчерашнего нашего ночлега, продолжали мы путь по каменистым местам, с коих спустились к колодцу Оркиого. От него поворотили налево, к востоку, на низменную долину, усыпанную камешками, окруженную песчаными буграми, изрытыми сильным дождем, и покрытую гучжиром. Очень вероятно, что сия долина была дном

обширнейшего озера, изобилующего солончаками. Посреди огромный возвышается песчаный бугор в виде острова (18б).

На нем ныне раскинута юрта. Вдали на В гора Берке, к В же — Табун-ула, или Эмчи Табун Хоро. В сей долине наша дорога берет направление к ЮВ через холмы, пересекаемые лощинами до станции Сайн Усу, близ колодца с хорошей водою на 23⅘ версты от ночлега. На сегодняшнем переезде грунт земли частью песчаный, частью же дресвою или песком, с глиной перемешанным, покрыт. Корм подножный весьма скуден. На всем пространстве волнуется степной ковыль (дересу [251]) или разбросаны кусточки будургуны. По дороге попадалось много сердоликов желтого цвета. По сторонам рассеяны многие юрты, окруженные значительными стадами овец и рогатого скота, привыкшего питаться местными растениями, вредными, впрочем, для иноземных лошадей, особенно — зеленоватою травою, известною у монголов под названием «сули». Между тем странно было смотреть на множество тропинок, протоптанных скотом, в здешней стране находящимся. Озер много, и почти все изобилуют солончаками.

(19а) Близ нашего стана обширное, ныне иссохшее, озеро, покрытое соляными кристаллами. Сегодняшний наш стан почти на 350 саженей над поверхностью моря. А вершина Гунтуя на 700 саженей.

21-го поутру мороз 10½ [градуса] по Реомюру.

От Сайн Усу ехали мы по равнине около 4 верст до отрасли хребта, разделяющего Северную Гоби от Южной, Талайн Ирмык. С вершины его открывается обширная равнина, к Ю заключающаяся цепью гор Сэрэн, вдали синеющеюся. Далее дорога лежит упомянутою равниною Тамчи Тала до хребта Уха-нуру, через который наши лошади, изнуренные не столько отдаленностью места, сколько от недостатка подножного корму, с трудностью пробирались до урочища (*вставка:* на сем переезде в одноколках и повозках 11 лошадей выбились из сил) Улан Будургуна, в 30 в[ерстах] от Сайн Усу, находящегося среди гор, близ озера, с солонцеватою водою. Почва земли частью песчаная, частью же каменистая, дресвою усыпанная. Степь, почти совершенно обнаженная, покрыта местами дересу, или ковылем, или же золотарником (алтагана). На дороге, кроме кварцу, порфиру, приметны еще и (19б) сердолики желтого цвета.

Сегодня встретили мы одного суннита, везущего соль на верблюде в 6 мешках, около 12 пудов. По его словам, соль сию собрал на Эмч Табун Хоро и везет в Халган, надеясь через 5 дней достигнуть оного и продать свой товар по 2 чина пуд, т. е. около 1 [р.] 80 к.

От Сайн Усу вместе с нами ехал один монгол, ведя 3 лошадей. Он весьма жаловался на проезжих по казенному делу чиновников, которые отнимают у жителей лошадей и гонят до следующего кочевья. Часто случается, прибавил он, что чиновники, встретив едущего по своей надобности монгола, берут лошадей для проезда до кочевья. По сей при-

[251] Д э р э с у (*монг.* дэрс) — *бот.* чий болотный, ковыль.

чине и жители всячески стараются переселяться как можно далее от дороги, из опасения, дабы не лишиться скотины по наглости чиновников, которые обыкновенно обременяют их своими требованиями.

Малейшее при сем случае сопротивление вменяется в вину упрямому жителю и наносит ему много неприятностей. Близ границы восточных (20а) суннитов имеет пребывание Домо-геген. Числа сих степных первосвященников не мог определить нам монгол, отвечая только, что их много в Монголии. Духовенство здесь неимоверно распространяется. У монголов первый сын остается в звании отца, второй поступает в монахи, третий причисляется к светскому сословию, а четвертый поступает в сан духовный. Безженные ламы наносят вред нравственности и в роскоши проводят жизнь коштом скудных степных обитателей. Впрочем, по сознанию монголов, потеря невинности не считается пороком девицы. Короткие связи жены даже с посторонним человеком не заслуживают гнева мужа ея, который равным образом волен искать удовольствия в другом обществе. Многоженство в обыкновении у монголов. Каждая жена иметь должна особую свою юрту и особо заниматься домашним хозяйством. Но как в сем случае неизбежны ссоры и беспорядки, то монгол бедный только одною женою довольствуется. Бракосочетание бывает на 10-м году жизни. (20б) До свадьбы жених не знает лично своей невесты. Избранный сват подносит хадак отцу и матери невесты, предлагает жениха, делает от его имени условия. В назначенный день жених должен пригласить родственников и знакомых на пир. В то время сват, закутав невесту, увозит [ее] в юрту к жениху и там заплетает ей косу [252].

Приезжает жених в ту же юрту, где лама читает установленные для сего молитвы, и тем кончаются простые обряды монгольского бракосочетания. Много девиц состариваются в Монголии и не выходят замуж. Сие происходит или оттого, что природа им отказала в красоте, свойственной женскому полу, или — что много молодых монголов постригается в сан духовный, в котором бракосочетание по закону Шигемуни запрещено.

Любопытный мой спутник за каждым ответом спрашивал меня: так ли в России, а потом — о качестве земли, произведениях оной и пр. В заключение разговора прибавил он: «Наши вообще хвалят русских, превозносят их богатства (бобры, лисицы, соболи), с удивлением рассказывают, что русская земля (21а) изобилует лесом, хлебом, травою, водою, скотом и серебром». Потом начал спрашивать о бурятах, России подвластных, а заметив у меня седло, серебром обложенное, бурятской работы, с неизъяснимою радостью объяснял, что его единоплеменники, сохраняя свою веру, язык, законы, обыкновения, под по-

[252] Свадебные обряды монголов подробно изучены российскими и монгольскими этнографами. См. об этом: *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии, М., 2002; *Викторова Л. Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1981; *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. СПб., 1896. Т. 1; 1898. Т. 2.

кровом белого царя вполне наслаждаются счастьем… [253] «А мы живем в стране бесплодной», — [сказал он].

22-го. Переезд довольно затруднителен по хребтам и лощинам, покрытым песком. Со станции Ундур Ару, потом в лощине, оставив влеве Долоннорскую дорогу, поворотили мы направо, через хребет Цзанчирнуру, с которого пробирались по песчаным и ковылем заросшим оврагам до последнего хребта Серен. С вершины его открылся вид на степь с песчаными холмами, в коих некогда томились наши купеческие караваны и Миссии. У южной подошвы последнего хребта расположена почтовая станция, в 22 верстах от ночлега, в урочище Кул Худук (21б), где находится колодец весьма хорошей воды, какой мы уже давно не имели во время нашего странствия по Монголии. Овраги, по которым мы проходили, были изрыты сильным дождем, и остались здесь следы бывшей огромной дождевой реки. Станция Кул Худук находится уже в кочевьях барун-суннитов, и потому явились к нам новые чиновники, назначенные сопровождать Миссию до цахарской межи. Юрты наши были тесны, из войлоков изодранных и не могущих нас защитить пред силою западного ветра.

23-го. От Кул Худука ехали мы по степи около 3 верст до первой высоты, отрасли хребта Серена, за которой идет равнина, покатая к югу, с некоторыми возвышениями, до нашей станции Шара Будургуна между двумя песчаными холмами, отстоящей на 24 версты от ночлега. Почва земли песчаная, местами перемешанная с глиною. Переезд сей не труден, но утомителен для духа по своему единообразию. Высокий ковыль или пагубная сули прикрывает отчасти наготу степи. В долинах заметили мы до 8 озер, из коих некоторые довольно обширны (22а) и известны местным жителям под именами Арагшан, Цзамеин-нур. К дороге прилегают довольно глубокие рытвины, размытые в песке дождевыми потоками. По сторонам белеются обширные места, покрытые гучжиром. Редко встречаются юрты. На половине переезда по правой руке находятся три ветхие кибитки, жилище одного 10-летнего хубилгана, где и отстраивают капище коштом набожных монголов, приходящих на поклонение новому перерожденцу. Впрочем, переезд сей по пескам, как преддверием к песчаным хребтам, наполняющим все пространство между Шара Будургуною и Дурмой, убивает воображение путешественника, на своих лошадях пробирающегося медленно по страшной монгольской степи, коей название Гоби, равно как Африканской Сахары, наводит ужас и уныние.

Барун-суннитские чиновники рассказывали, что 2 года тому назад в продолжение 4 лет была ужасная засуха летом и выпадал глубокий снег в степи, так что скот от недостатка подножного корма совершенно обессилел и в хошуне Барун-суннитском, и в Дурбан Кэукэт (22б).

[253] Буряты вошли в состав России в 1677 г.

Из 100 верблюдов или лошадей оставались не более 10, из 1000 овец — не выше ста. Претерпевая такое бедствие, степные жители чрезвычайно оскудели в своем хозяйстве.

Правительство никаких не давало им пособий.

К счастию, в последние два года от частых дождей летом степь приобрелась зеленью, и травы было довольно для прокормления оставшихся после падежа стад.

Гоби от продолжительной засухи, лишенная травы и воды, угрожает совершенным истреблением местного скотоводства.

Жители здешние не платят никаких постоянных податей, но в узаконенное время года начальник их ван с 2 тусалакчиями отправляется в Пекин по делам службы, содержатся там коштом своих хошунов, и хошуны, смотря по состоянию, обязаны снабжать их всем нужным в дороге и столице.

Вышеупомянутая кумирня называется Ганчжур-сумэ или Чолотейн-сумэ. Хубилган по имени Данчжун Гэндун, сын цзун-суннитского тайчжия Бату, теперь находится в Тибете, в местечке Лабаран или Дашиин Чил, где занимается изучением тангутского языка и Шигемунианского закона. Кумирни (23а) же здешние существуют от 20 лет.

24-го. Дневали. После обеда ходил я к В от нашего стана осматривать кумирни, в 3 верстах находящиеся, за хребтом Мойхал, в котором глубокая, в 5 саженей, рытвина, вероятно, сильным ветром сделана. Вода также немало здесь действовала, как можно заметить из высоких берегов, изрытых дождевыми водостоками. Огромная масса песку, нанесенная ветром, прильнула к глинистому дну рытвины, по которому мы прошли за хребет.

Там, на долине, Хорога окруженной, белеются замерзшие озера и холмики из глины, будто нарочно насыпанные. Буря, некогда здесь свирепствовавшая, разнесла песок, наполнявший сие место, к ближайшим горам. На той же долине, в расстоянии на 1/2 версты, построены два монастыря из обожженного кирпича, окруженные такими же субурганами или юртами, в которых живут ламы. Оба монастыря обнесены оградою. Сперва отправился я в юго-восточный монастырь Хутул Баясхуланту. В ограде, по правой стороне от востока, увидал я юрту, где лама совершал вечернее молебствие. Правой рукою ударял он вдруг в тазы и бубен, левою по временам переворачивал (23б) листки молитвенника, но взоры его были более устремлены на нас. По окончании молебствия показал нам капища. В ограде сей находятся, кроме главного, еще два, лицом к первому обращенных. В одном из последних, напротив дверей, стоит огромный кумир Майдария [254], будущего правителя мира, за шелковою занавесью. У стен в 4 больших шкафах, на полках, размещены 222 тома «Данчжура» на тибетском языке. Сто́ят более 1000 ланов.

[254] К у м и р М а й д а р и я — здесь: статуя Майдари.

В хорошем переплете: сверх сего — монгольский «Юм» [255] в 12 томах (*вставка:* Тиб. обыкновенно в 16 т.) и прочие богослужебные книги, чтение коих может быть предметом многолетнего труда одного любопытного человека. В главной кумирне сделан алтарь, где кроме изображений бурханов помещены «Ганчжур» и другие книги, жертвенник с полным прибором. Перед дверьми алтаря, напротив входа, стоят три кресла, из коих среднее предназначено для хутукты-гегена, иногда приезжающего сюда на молебствие, рядом, по обеим сторонам его, — седалища 2 хубилганов. В углах кумирни множество хороших тюфячков, на которых сидят низшие ламы. Во время торжественного богослужения собирается многочисленное духовенство, до 400 человек. В последней кумирне три (24а) жилища разных бурханов, из меди представленные (*вставка:* кроме кумирен в ограде еще два здания: кладовая и кухня с огромными котлами, в коих приготовляется пища для лам, собиравшихся на молебствие). В 1/2 версты отсель на Север, на той же долине, — другое капище, красивое, архитектурною опрятностью и размещением внутренних принадлежностей превосходящее все прочие, до сего времени нами виденные в Монголии. В ограде весь двор вымощен обожженным кирпичом. Перед кумирнею, среди двора, на котором возвышается кумирня, по сторонам стоят две хорошие юрты. Сама кумирня построена за 10 лет искусными китайцами, которые свой вкус умели соединить с потребностями монгольского капища [256]. Чистота в отделке весьма редкая, особенно среди монголов и в скудной степи. Богатая утварь и дорогие кумиры (*вставка:* Туинхур, Майдари и Тэмдэн до 1000 ланов сереб[ром] стоят) украшают капище, а хорошее оных расположение и опрятность очаровывают зрителя.

Здесь изображения бурханов находятся в алтаре, за решеткой, обтянутой шелковою тканью. В решетчатой стенке с божествами открываются двери, в которые можно войти желающему посмотреть странных идолов, предметы, обожаемые поклонниками Шигемуния. При сей кумирне имеет жилище один лама, которого монголы величают Бурхан-ламою, а собственное его имя, из уважения (24б) к лицу, произнести не смели [257]. Я видел только две комнаты-приемные сего жреца, пристроенные к капищу и одинаковым образом убранные. Перед входом в оные сделан длинный, из отличной дабы, навес.

Внутри оных, за перегородкою, на некотором возвышении, стоит кресло, желтою канфою покрытое, на которое садится сам Бурхан-ла-

---

[255] Ю м — собрание трактатов о праджняпарамите, достижении «высшей мудрости». Мудрость вместе с методом, под которым обычно имеется в виду великое сострадание ко всем живым существам, составляют шесть парамит буддизма, т. е. шесть средств к спасению.

[256] М о н г о л ь с к о е к а п и щ е. — Об архитектуре религиозных строений см.: *Щепетильников Н. Н.* Архитектура Монголии. М., 1960.

[257] П р о и з н е с т и н е с м е л и. — О табу в монгольской культуре см.: *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

ма. Стены первой половины комнаты украшены металлическими зеркалами, лучшими китайскими картинами и несколькими изображениями божеств. Потолок по-китайски ярко расписан квадратами, пол покрыт коврами, в углах помещены ящички, в числе коих и русские изделия не последнее занимают место. С обеих сторон капища перпендикулярно пристроены особые здания Бурхан-ламы (*вставка:* Бурхан-лама есть родственник Дуран-вана, начальника Барун-суннитского хошуна). По мнению монголов, в нем обитается Цаган Манцзушри или Амида бурхан. Лама сей без помощи лекарств исцеляет больных. За оградою, в маленькой часовне, огромная курдэ, обшитая множеством экземпляров таинственной шигемунианской молитвы, которой чудесное действие прославлено в книгах богословских. Далее, у ограды, в особенном домике, стоит красивая одноколка ламы, китайцами же сделанная. Итак, в скудной глубокой Монголии, в темной и ужасной степи, нечаянно мы нашли престранный памятник китайского зодчества, достойный внимания (25а) путешествующих. Бедный монгол от усердия в своей вере жертвовал свое имение только для сего капища, но в постройке оного своею рукою вовсе не участвовал. Порабощенный китаец искусством превзошел своего победителя. Прежде монголы, а ныне маньчжуры, покорив Китай [258], сошлись в необходимости приноровиться к обычаям своих рабов и пользоваться плодами их просвещения и промышленности. То же почти происходило и у римлян, господствовавших [над] греками.

29-го поутру вместе с прочими членами Миссии посетил я опять вчера виденное капище. Бурхан-лама, который вчера инкогнито скрывался в числе любопытных монголов, нас окружавших, ныне сам показывал свою домашнюю кумирню и охотно отвечал на наши вопросы. За оградою, у юрт, стоял караван верблюдов, навьюченных товарами, везомыми в Долоннор. Проводник сего каравана, троекратно поворотив верблюдов вокруг себя, отправился в путь. Обряд сей обратил наше внимание [259]. Станционный цзанчин объяснил нам, что в юрте лама совершил молебствие о благополучном пути, а в заключение и верблюды должны были три раза обойти вокруг хозяина, произнесшего таинственное мани.

(25б) Станция Шара Будургуна находится в собственно барун-суннитских кочевьях, но для уравнения земских повинностей, по распоряжению начальства, барун-сунниты должны были содержать две предыдущие станции наши, несмотря на то, что они расположены на цзун-суннитской земле. По причинам трудного следующего переезда до Дурмы, отстоящей на 26½ версты от ночлега, наши одноколки от-

---

[258] ...п о к о р и в К и т а й. — Правление монгольской Юаньской династии — 1271–1368 гг., правление маньчжурской Цинской династии — 1644–1911 гг.

[259] О б р я д с е й о б р а т и л н а ш е в н и м а н и е. — Обряд относится к добуддийским. О древних верованиях монголов см.: *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987; *Герасимова К. М.* Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ, 1999.

правились со станции в 3½ часа пополуночи. На всем пространстве от Шара Будургуны до Дурмы возвышаются песчаные бугры, составляющие один хребет, тянущийся с востока на запад, разрезанные глубокими песчаными же оврагами. Наш обоз беспрестанно то поднимался на холмы, то спускался в глубокие лощины, рыхлым песком покрытые. Лошади выбились совершенно из сил, несмотря на то, что усталые были заменяемы немедленно свежими. Высланные 8 верблюдов монголами со станции несколько облегчили нагруженные одноколки. При всем том обоз наш собрался на станцию не прежде 8 часов вечера, после неимоверных трудов, перенесенных нашими людьми и монголами в продолжение 16½ часа. Этот переезд в 1807 г. стоил 5 дней труднейшего путешествия нашим миссионерам, отправленным из России на лошадях. С вершины одного (26а) холма все сие место представляется в виде волнующегося моря. Песчаные бугры подобно волнам морским наводят ужас на зрителя, а сам переезд утомляет путешественника. В лощинах белелись озера замерзшие, или гучжир покрывает дно иссякшей воды. Из песков торчит только золотарник, дересу, сули (род осоки), arbemina и conspernium pungens. Монг сульчир — колючее растение. Изнуренные лошади с жадностью глотают оные. В нескольких местах видели мы скирды набросанного сульчира. Здешние жители вырывают сие растение и, высушив на солнце, молотят его на гумне, потом, зажарив, толкут в ступке на порошок и употребляют на хлебы и с чаем кирпичным. Длинные и толстые корни золотарника могли бы заменять дрова в безлесной степи, но монголы более привыкли к аргалу, коим согревают свои скудные юрты. И приготовляют пищу.

Изобилие соли составляет здесь предмет торговли с китайцами, в Халгане, Долонноре и в других городах живущими.

Монголы удивляются, что кит[айское] прав[ительство], зная очень хорошо трудность перехода по степи, назначает для нас постоянно одну и ту же дорогу по Монголии. Варварская политика и приверженность к древним обыкновениям всегда ссылается на прежние примеры, не переменяет своего хода потому только, что так искони заведено. Это камень преткновения для успехов образованности в обширном и (26б) многолюднейшем народе. Всякая новость здесь потому только не принимается, что она нова и прежде не была известна. Важный, молчаливый и упрямый китаец, равно как и хитрый маньчжур, повелевающий, на один шаг не продвинется, не справившись с тем, что прежде существовало. Но не менее того монголы удивляются и русским, что они, имея у себя верблюдов и зная все невыгоды поездки по степи, еще решаются совершить путешествие в Пекин через Монголию на лошадях, со столь тяжелым обозом.

26-го. Дневали. Один тайчжи, во время посещения нас, с особенным вниманием рассматривал наши вещи. Увидев чубук с янтарным мундштуком, сейчас взял он несколько аргалу, потер рукавом янтарь, испытывая его силу притягивания. То же делал и со стеклом. Понятие электризации в Монголии!

Приехавшие в наш стан ховараки рассказывали нам, что вправе от дороги, в урочище Хорога, находятся каменные кумирни под названием Энхэ Амаголан, построенные китайцами и в китайском вкусе, красивые, где имеет пребывание 60-летний Хамбу-лама.

27-го. Со станции Дурмы поднялись мы прямо на песчаную высоту, Дурмейн Элесу называемую, с которой спустившись на лощину, опять поднялись на песчаный хребет Аца.

(27а) Весь сей переезд, равно как и предыдущий, состоит в песчаных буграх, рассекаемых оврагами. Но сегодня подъемы и спуски не были столь затруднительны, как перед Дурмою, и в долинах грунт глинистый, который от дождей, шедших летом ныне, застыл; нанесенный ветром песок на нем не очень глубок. Близ дороги встречалось немало солончаков. Проехав 22 1/4 версты, остановились мы в урочище Цахилдак. Это вторая и последняя станция в кочевьях Барун-суннитских. Провожатые монголы сказывали нам, что отселе на 7 дней езды в урочище Ордос по сие время хранятся юрты Чингис-хана [260] со всеми домашними его вещами. Ежегодно тайчжи, избранные из каждого монгольского рода, отправляются туда, совершают молебствия и в жертву приносят кобылицу духу великого своего основателя могущества Монголии, окропив оную аршаном, разделяют на части и увозят оные в свои кочевья. Ближайшие монголы стараются сохранить в целости жилище обожаемого Чингиса. Урочище сие получило название от слова «ордо», означающего ‘дворец’. Ордосцы считают Чингиса своим и свое название производят от слова «ордо».

(27б) 28-го поутру шел небольшой снег. От Цахилдака около 2½ версты пробирались мы через песчаный еще хребет Холойн Элэсу, коего три подъема были больно затруднительны для наших повозок по причине крутизны.

За хребтом открылась равнина Того, где почва глинистая и твердая.

Вправе видно каменное капище Тогойтуйн-сумэ, построенное в древности тусалакчием богдо-ноином (*вставка:* сын коего был первым хубилганом здесь), родственником (турул) Чингисовым. И посвящена имени богдо-хану, в честь которого ежегодно в 10-м месяце бывает здесь байрун хурал, радостное собрание лам для совершения молебствия.

Ныне имеет здесь пребывание 15-летний хубилган Дагба, сын тайчжия, который вскоре отправится в Тибет для изучения тангутского языка и обрядов шигемунианских. Близ капища на пригорке стоит пирамидальный субурган. За равниною пробирались мы по крутым увалам песчаного хребта Уечжинган Шил, простирающегося с В к З. Далее спустились мы на долину, покрытую высоким ковылем и имею-

[260] Юрта Чингис-хана. — См.: *Жамцарано Ц.* Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия II. № 2. СПб., 1913. С. 46; *Дылыков С. Д.* Эджен-хоро // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 228–234.

щую грунт глинистый. Здесь находилось много скота около глубокого колодца. Влево от дороги стоят 8 юрт, жилище богатого тайчжия. Из долины мы опять поднялись на гору. С левой стороны дороги, на холме, сделана насыпь земляная, (28а) на коей воздвигнут из кирпича оштукатуренный, весьма красивый и, может быть, единственный в Монголии обо под названием Цаган Обо. Отселе открывается прелестнейший вид на оставленные нами в стороне горы, на которые из-за тусклых облаков падали солнечные лучи. Против обо, на правой стороне, возвышается отдельный хребет, в виде огромного вала, а к западу синеется длинный кряж гор, Ного-ниру называемый, — граница Суннитских кочевий от Цахарских. На хребте встретили мы караван из 120 верблюдов, навьюченных солью, из Бумбату в Цзун-суннитские кочевья тянущийся, в Калган, для промена на пшено. Наконец, спускаясь через увалы, прибыли мы на урочище Гашбату, или Элесуту, на 24 версты отстоящее от ночлега. Недалеко от станции встретил нас цзанчин Энкэчжиргал цахарского ведомства. По его словам, мы теперь находимся в хошуне Кубошара, состоящем из 18½ эскадрона. Начальник сего хошуна ухэрид — по имени Михайирет. Хошун сей есть желтое знамя с каймою (*вставка:* и в крайней только необходимости посылается против неприятеля как самое храбрейшее. В следующем хошуне, Гулишара, считается 18 эскадронов.)

Цахары, как вообще заметить можно, оборотливы, расторопны, вежливы, а как потомки цахаров, помогавших маньчжурам при завладении Китаем в 1644 г., пользуются большою (28б) доверенностью у нынешних своих повелителей. (*Вставка:* Но при всем том они, как избалованные союзники, в обращении даже с маньчжурскими чиновниками упрямы и дерзки, преимуществами своими гордятся перед прочими монголами, а как первые изменники в презрении у халхасов и суннитов, цахары переселены в Цзун-суннитские кочевья, притеснены ненаказанно от местных коренных жителей, которые для избежания неприятности вынуждены были откочевать далее от прежних своих мест.) Часть их земель назначена под пастбища стад бокдохановых как изобильная травою и водою. По дороге нашей корм подножный приметно лучше становится против нами виденного в степи. Из числа 8 цахарских хошунов, следующих к востоку, расположены: Кубошара, Гульшара, Куботу Улан, Гульулан. В Кубошара считается 18 эскадронов, из коих первый, теригун сумун, имеет некоторые преимущества. В каждом эскадроне по 70 человек находится. Командует хошуном ухэрид-амбань, при котором находятся 5 тамагану-цзангинов, 2 цзарукчея, монгол и маньчжур. В каждом эскадроне по 1 цзанчину (с голубым (нефритовым) шариком на шапке) кундую, чжундбе и 6 бошко.

Ухэрид-амбань получает 150 ланов, тамагану-цзангин — 105 ланов, сомуну цзангин 100 ланов, хафна или кундуй и чжундба по 60 ланов, бошко — 24 лана, рядовой — 12 ланов. Но в каждом эскадроне отличные стрелки, числом до 35, получают двойное жалованье, т. е. по 24 ла-

на. Называются они байра. Ежегодно бывает там осмотр войскам цахарским, трехдневный, в Халгане, в присутствии гусай-амбаня, но ученье летом ежегодно производится при начальнике хошуна. У каждого рядового должен быть лук со стрелами и винтовка, особенно (29а) уважаются старинные русские ружья. В первый день смотра пешие стреляют за 100 луков до цели, где развешаны бывают бумажки с дырочками. Все искусство хорошего воина состоит в том, чтобы с лошади, на расстоянии 100 лук[ов], три раза стрелою поразить цель. Таким образом, цахары воспитываются как воины, союзники могущественных маньчжуров, обладателей древностей прославленного Китая. Каждый цахар с пятилетнего возраста, поступив в список военный, получает и жалованье, присвоенное рядовому. Цахары хвастают своим правлением, насмехаются над суннитами, где чиновники по своему произволу могут притеснять родовичей ненаказанно. Для удовлетворения земских повинностей хошунные начальники делают распоряжения как чадолюбивые отцы. Бедные монголы освобождаются от общественных тяжестей, но остальные, по числу своего скотоводства, стараются исполнить требование начальства. Эскадронные начальники ежегодно ездят в Пекин за жалованьем для себя и своих подчиненных.

Духовенство находится в непосредственном ведении Палаты внешних сношений, приписано к (29б) кумирням, обязано туда являться в указанное время, но может переселяться и в Ургу с ведома своего хошуна, который письменно о том относится к шанцзабе куреньскому, донося ему, какой именно лама и на какое время отпущен в Ургу, где он причисляется к прочему духовенству и пользуется всеми выгодами, присвоенными ему, т. е. питается и одевается на счет казны гегена. Лама же, остающийся в своем хошуне, должен жить при родителях, а в случае смерти их переходит к своему учителю (бакши).

29-го. На пространстве 32½ версты, т. е. между Элэсуту и Хара Тологой, мы постоянно пробирались по высоким увалам. Переезд не очень труден, потому что почва земли твердая, отчасти глинистая, а подъемы и спуски с хребтов довольно покаты. На обширных лощинах между хребтами растет в изобилии трава и нет недостатка в воде. По сказанию монголов, летом встречаются здесь огромные змеи, а в озерах лягушки. Виды затенены со всех сторон высокими холмами. Один только длинный хребет Онгон с обоном издали виднеется. После (30а) песчаной скудной и бестравной степи весьма приятно было видеть много хороших юрт, занимаемых пастухами богдоханскими. Многочисленные стада овец часто попадались на равнинах, довольно густою травою покрытых. Здесь также перебегали через холмы и стада цзеренов, т. е. диких коз. Монголы с винтовками подстерегают их и убитых доставляют в Пекин на пищу, получая за каждого цзерена от 2 до 4, а иногда и до 5 ланов серебра. Часть цахарских земель назначена под пастбища стад богдохановых. Пастухи, наряженные из каждого хошуна, обязаны сохранять в целости и хорошем теле вверенное им число ско-

та. Вся прибыль от стад есть собственность пастуха. Для каждых 6 пастухов есть особый начальник — да. Упомянутые пастухи разделяются по хошунам: один из них Дари Ганга, так названный от урочищ, где пасутся стада, находится в Цзун-суннитских кочевьях, где смотрению каждого да вверено 1200 баранов, от 450–500 лошадей и до 300 верблюдов. Над пастухами баранов находятся 50 да, над лошадиными пастухами 30 да (30б), а над верблюдами 20 да. (*Вставка:* Потому в Дари Ганга казенного скота должно быть 60 000 овец, около 15 000 лошадей и около 6000 верблюдов.) В хошуне Кубошары считается 40 да, т. е. смотрителей над казенными пастухами овец. Ежегодно гусай-амбань, пребывающий в Халгане как верховный военачальник цахаров, обязан, между прочим, лично осматривать казенные стада, а через каждые три года вместе с особым чиновником, отправляемым от Палаты внешних сношений, поверить настоящее число скота со списками. За прибыль в скоте назначена законом награда, а за убыль — наказание чиновникам и простым монголам, к нему приставленным.

В каждом отделении пастухов находится амбань, подчиненный халганскому гусай-амбаню.

(*Вставка:* Амбань получает в год жалованья 150 ланов, находящийся при нем битхэши — 60 ланов, каждый да — 24 лана, а простой работник — 12 ланов серебра. 230 да над лошадиными пастухами, у каждого 300 лошадей.) В кочевьях цахарских по распоряжению гусайн-амбаня для нашей Миссии на станциях давали по три юрты. Битхэши, нас сопровождающий, не смел от себя никаких давать приказаний цахарам, ссылающимся только на письменное распоряжение своего начальства. От Хара Тологой, поднявшись на холм, спустились мы после на длинную равнину Хабцага Гол, ограничивающуюся с В и З хребтами гор, из коих западный имеет название Шабарту, или Хорин Обо — Глинистый, или 20 обо — от числа обонов, сложенных на вершине его холмиков. Оба сии хребта соединяются (31а) в южном конце нашей долины с длинным, довольно высоким хребтом гор Куйтун Шебету Шил, тянущимся с В к З. Из сего хребта влеве возвышается гора Хонгор Обо, покрытая скалами, сосновым и ильмовым лесом, которого монголы, из особенного уважения, подкрепляемого верою, не смеют рубить, опасаясь какого-либо несчастья. На сей горе сложен северными цахарами обо, где ежегодно летом Кубошары хошун приносит жертву и совершает молебствие — сул бурхану — об изобилии.

Мой провожатый уверял, что, в случае неисполнения сих религиозных обрядов, бурхан отказывает в дожде здешней стране. Подобное жертвоприношение цахарскими Кубошара пастухами совершается на горе Онгон, вчера нами виденной. На долине Хабцагалог соединялась наша проселочная дорога, с большого купеческого Гунчжурского хребта сходящая, с дарханскою, которую мы оставили в Халхе, между станциями Шара Шороту и Олон Байшин. На Гунчжурской дороге попадались нам большие караваны купеческие, один, из 53 верблюдов со-

стоящий, вез байховый чай из Калгана в Кяхту, получая за провоз клади со ста чинов (3 пуда 25 фунтов) по 4 лана и 5 чинов. А как на каждого верблюда навьючивается (31б) от 300 до 400 чинов, то причитается на одного за доставку около 12 пудов тяжести в продолжение одного месяца через всю Монголию почти 140 руб. ассигнациями. Извоз товаров китайских принадлежит к обильным источникам доходов Монголии за распространением скотоводства, особенно верблюдов. Другой караван на 100 верблюдов вез грибы в ящиках из Урги до Калгана, получая с каждого ящика по 1 лану 3 чина. На верблюда навьючивают по два таких ящика. Это весьма дешево, но потому только, что верблюды сии недавно доставили товары в Ургу [и] должны были возвратиться без тяжести, хозяин охотно согласился взять грибы для доставления в Холган за небольшую цену и успеть там воспользоваться временем перевозки товаров оттуда в Кяхту. На сей же долине, изобилующей травою, пасутся многочисленные стада овец казенных, кочуют бокдоханские пастухи. В Халхе и у сунов мы нигде не видели такого числа юрт (до 20 и более) на одном месте, как у цахаров, и такого достатка, опрятности в кочевом хозяйстве. Ящики, хорошо отделанные, с имуществом вокруг стенок юрты, дорогие жертвенные приборы перед бурханами, много маржана и серебра в женских косичках, на голове, отличают цахара от (32а) жителя Монголии. Видный, важный и красивый цахар отвечает на вопросы скоро и резко: по соседству с маньчжурами перенял произношение особое некоторых слогов в языке, а как союзник их гордится своими преимуществами и силою и уважением пред прочими монголами. По духу — совершенный уже маньчжур. Недалеко от дороги стоит небольшое капище из кирпича, построенное в виде китайского домика, фасадом к востоку (как и кумирня Бурхан-ламы), в квадратной ограде из кирпича же. Передняя стена состоит из деревянной решетки, обтянутой бумагою. На покатостях гор попадались нам цзерены стадами. Свыше упомянутой долины дорога наша лежит лощиною между горами, где в 1820 г. Миссия ночевала, но ныне цахары провели нас на урочище Цзамеин Усу, отстоящее от Хара Тологоя на 55 верст, куда мы прибыли уже поздно, в 9 час. вечера.

Начиная с Дурмы, постоянно мы поднимаемся выше и выше. По наблюдениям барометра чувствуем, что Удэ, Эргэ, Шара Будургуна и Дурма — суть места, очень глубоко лежащие в Средней Азии — около 400 саженей над поверхностью моря. Д[октор] Бунге, делающий сии наблюдения, полагает, что Гоби есть углубленный бассейн, окруженный горами, но небольшими возвышениями разделенный на многие другие бассейны… ...Хребты гор, по большей (32б) части виденные нами, тянущиеся с В к З, — суть отпрыски главного хребта, отделяющего Среднюю Азию от Северной. Растения, здесь встречаемые, — graminea или halophyta. Итак, Средняя Азия не есть, как думают, возвышенная плоскость, но глубокий бассейн, в котором нет и не может быть больших речек и озер, ибо дно бассейна ровное и покрытое сет-

кой гор, затеняющих вид по сторонам. Почва земли, солончаками изобилующая, производит и растения солонцеватые и вмещает в себя воду солонцеватую и неглубоко сокрытую.

Вся Средняя Азия по своему возвышенному местоположению подвержена сильным и холодным ветрам, коим и горы не могут быть преполою.

На земле песчаной или крашеватой, лишенной рек, не может расти обильная трава. Невозможно здесь жителей привязать к одному постоянному месту, заключить в городах или деревнях. Для скотоводства, которое здесь составляет единственный источник продовольствия и богатства, он принужден вечно в степи скитаться, кочевать. Хлебопашество никогда здесь не укоренится.

(33а) 31-го. Дневали. Беспрестанно посещали нас молодые ховараки, спрашивая, нет ли у нас продажных соболей, лисиц и пр. По словам одного из них, назначенные в духовный сан молодые цахары сперва поступают в училище при кумирне Хангир Обо в урочище Цаган Токой, от Цзамеин Усу к западу верстах в 20, где прожив 7 лет, учась тибетскому языку, выходят без степеней оттуда и поступают в училище при кумирне Бадагар Чойлан-сумэ в урочище Ордос и после 10-летнего учения получают степень гыбшик [261]. Оттуда переходят в училище Гомбо-сумэ в Тибете, где после 2 или 3 лет получают степень рапчжамба. Наконец в Мунку Чжу в Тибете у далай-ламы после 20 лет получают степень сарамба [262]. Из сего видно, с какими трудностями сопряжено получение степени священства, и после — как странно видеть грубых и необразованных жрецов Шигемуния, числом удивительно распространившихся в Монголии. Между тем фанатизм духовенства почти неприметен. Вышеупомянутые степени гыбшик и рапчжун надобно считать степенями учености, а не священства. За степенью рапчжамба лама получает звание хамбу и выше.

(33б) Ноября 10-го поутру мороз 15½ [градуса] по Реомюру.

Дорога наша со станции более 10 верст идет между горами, потом мы перешли через древний земляной вал, с В к З тянущийся. Провожатые монголы не могли нам ничего сказать о времени и цели насыпи, доныне еще довольно высокой. За валом открылась обширная равнина, изобилующая травою, водою (в озерах и колодцах) и потому весьма выгодная для скотоводства. Часто попадались нам навстречу сотнями

---

[261] Г ы б щ и к (*монг.* гэвш) — буддийский монах, получивший полное философское образование; р а п ч ж а м б а (*монг.* равжимба) — монах, имеющий низшую степень буддийской философии; с а р а м б а (*монг.* сарамба) — монах, имеющий высшую ученую степень буддийской философии.

[262] О буддийском образовании см.: *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // Избр. труды: в 2 т. Новосибирск, 1991; *Барадин Б.* Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.). Улан-Удэ, 2002; *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу // Зап. ИРГО по отделу этнографии. СПб., 1887. Т. XVI.

верблюды, навьюченные чаем, для кяхтинской торговли назначенным. Один монгол возвращался из Халгана, куда доставил он 2000 лошадей из Кяхты. И там мы на Гунчжуской дороге видим уже движения народа, оборот торговли. По сторонам дороги белеются юрты, пасутся стада рогатого скота и верблюдов. Многие монголы приветствуют нас русским «здравствуй», а некоторые даже при встрече снимают шапки из подражания русским, виденным ими на нашей границе. Цахары обучаются маньчжурским и китайским языкам. Женщины их из подражания китаянкам перенимают головной убор и прическу (34а). В юртах их приметны опрятность, чистота и достаток. Для овец делаются ограды земляные и пр. Словом, следы некоторого образования и переимчивости здешних жителей совершенно противоположны закоснелости халхасцев, которые, впрочем, умеют еще сохранять в целости простоту своих нравов, чего вовсе нет у цахаров, ближайших соседей Китая, под игом маньчжурским. От вала продолжали мы путь до поперечной высоты, с коей опять спустились покатым косогором до озера Дуту-нор. Далее дорога лежит увалами, местами очень ровная и гладкая, ничем не уступающая европейскому шоссе. Наконец прибыли мы в долину Тулга, в 33½ версты от ночлега, недалеко от горы с высоким обо. Здесь, от хошуна Гули Шара, в котором находимся, не выставлено юрт для Миссии и не было провожатых чиновников. Битхэши нанял по 2 лана за каждую юрту на ночь — для Миссии 4 юрты. Для себя также 4 юрты, за что и заплатил 32 лана да за аргал 4 лана 8 чинов. Покупал аргал на счет виновного, а в Калгане к гусай-амбаню отправил о том донесение. По сей причине мы, против желания, должны были на сей станции провести и следующий день. Ни одно племя монгольское доселе не обнаружило перед нами такого корыстолюбия, как (34б) цахары. Многие из них, нарочно дожидаясь нас на дороге или приходя в наши юрты, подносили кусок сыра или сушеных сливок с условием, чтобы за это дать им сафьян, нож, бритву и пр. Все, что ни увидели они у нас, чрезвычайно им нравилось. «Такой вещи нет в нашей стране, дайте мне» — это обыкновенное и самое употребительнейшее выражение цахара, разговаривающего с русскими. Само собою разумеется, что мы, по свойственному [нам] европейскому образу мыслей, такое нахальство и неотвязчивость считали последствием корыстолюбия и бесстыдства, но цахар этих слов не понимает и, явно обнаруживая свое желание, полагает в том откровенность и простодушие.

Воровство также не есть порок, в мнении цахара, но искусство пользоваться неосторожностью ближнего. В монгольском языке слово «арга» означает и живость, и искусство, ум. То же находим и у греков героического века. Везде и всегда время переменяет образ мыслей человека и дает другое направление его умствованиям и самому поведению. Житель нынешней Азии не такими глазами смотрит на нас, какими европеец взирает на азиатцев.

2-го. Дневали. В хошуне Гули Шара считается 17 даргуев, или да, т. е. над пастухами бокдохановых (35а) верблюдов. Смотрению каждого даргуя вверяется по 200 верблюдов. Следовательно, в сем хошуне должно быть наказных верблюдов 3400, а пастухов 102. Даргуи носят медные шарики на шапках. Многочисленные бокдохановы стада сохраняются на случай войны, тогда верблюды — под артиллерию, лошади — под воинов, а овцы и быки — на пищу для армии доставляются. В 8 хошунах цахарских считают до 10 000 войска.

3-го. Переехав высоту, на коей по обеим сторонам дороги сложены, в некотором отдалении, два обона каменных, мы продолжали путь по берегу замерзшего озера. Далее открылась нам каменная равнина, заросшая высокою травою.

Отлогие подъемы вовсе не препятствовали дороге, проложенной на глинистом грунте. В некоторых только местах белелся снег, а взоры наши среди сего луга, украшенного частыми кочевьями цахаров, устремлялись более в рассеянные холмы, из коих один называется Ихэ Эрдэни, и на белеющийся хребет Синхан-дабахан, вдали в Ю, снегом покрытый. Наконец приблизились мы и к небольшму валу, поперек пересекающему дорогу. За ним влеве (35б) стоит четырехугольный земляной городок Цаган-балгасун, 720 шагов в длину, 7 шагов в ширину, жилище, как говорят, бурин-хана. Стены оного выведены из земли в 5 сажен вышины, ныне во многих местах уже развалились. (*Вставка:* Со всех 4 сторон в стенах были некогда ворота. На дворе, на большой насыпи, по-видимому, существовал дворец ханский. Теперь остаются только обломки кирпича, черепицы, огромные массы мрамора, на одних из них искусно высечен дракон — герб Китайской империи. В Хаара-балгасене, 40 газаров отсель, по преданиям, жил Лочжин-хан.) Внутри городка находятся еще насыпи земляные. Вокруг упомянутых стен идет вал, параллельно с ними, коего бока соединены перпендикулярными валами со стенами городка. В полуверсте от сей древней крепости остановился наш обоз. Здесь не нашли мы ни юрт, ни аргалу, ни чиновников, обыкновенно назначаемых от хошуна для сопровождения нашей Миссии. Битхеши и бошко наши принуждены были поместиться в юрте ближайшего жителя. В сем урочище оставляется часть русского обоза и табун казенных лошадей под надзором 10 казаков на зиму, сменяемых другими, из Пекина присылаемыми в марте месяце.

Сегодня подвинулись мы вперед на 29 верст. Это последняя станция в степях Монголии. Итак, мы из Цаган-балгасуна взираем уже на собственный Китай, предмет нашего любопытства, и вскоре увидим башни, выстроенные (36а) на рубеже, которыми хотели китайцы защитить себя некогда от набегов странного врага, соседа-монгола. Время, все переменяющее, и китайцев и монголов подвергло одной участи. Они стонут под игом пришельцев маньчжурских.

Днем дул холодный ветер, а вечером начал идти снег.

4-го занимались описью и раскладкою вещей, коих часть должна остаться в Цаган-балгасуне до времени возвращения прежней Миссии

из Пекина. Около полудня явились и чжунья, и бошко, чиновники Гули шара хошуна. Они оправдывались тем, что 4 дня тому назад получили предписание о сопровождении российской Миссии от хошунного начальника, немедленно отправились на станцию Тулга, но, не нашед нас там, приехали в Цаган-балгасун. На юго-западной стороне городка, в 50 саженях от дороги, в селе, отыскали мы могилу, прикрытую камнем с дороги, казака Якима Таракановского, умершего здесь 13 мая 1808 г. Об умершем отслужили панихиду.

(36б) 5-го в 9-м часу утра двинулись мы со станции в предлежащий путь, поворотив направо к большой дороге, откуда через 5 верст вправе виден большой, насыпанный из земли холм. Далее — еще земляной вал четырехугольный, за ним — кочевье монгольское, где находится, кроме обыкновенных юрт, и китайская мазанка из глины. Влеве — тоже кочевье с китайским домиком из кирпича, оштукатуренным, при нем и субурга из кирпича. Монголы, по смежности с китайскими поселянами, перенимают мало-помалу и хозяйственное устройство. Между цахаров на временное жительство переходят и китайцы. Не находя у себя достаточных средств пропитания, покупают здесь дешево шерсть овечью, валяют войлоки, и валяют отлично, частью для монголов, а более — для своих одноземцев, у коих в комнатах вошло в обыкновение покрывать каны и каменные полы войлоками. За речкою влеве земляной городок, известный под названием Хаара-балгасун. Приближаясь к Синхайскому хребту, вправе видели каменное капище, в китайском вкусе (37а) выстроенное, под именем Борчжин-хит, где и некоторые ламы имеют постоянное пребывание, как в монастыре. Вблизи сего капища находятся довольно красивые субурги каменные, напротив — театр, где во время празднества калганские актеры представляют разные фарсы. В ущелье упомянутых гор, поворотив налево, спустились в лощину, где увидели монгольский пикет. За ним, по вершинам гор, [виден] насыпанный из дикого камня вал, разделяющий монгольские земли от китайских собственно, так называемых.

Переехав сей вал, увидели мы совершенно другой мир. Природа сама явилась перед нами в диком состоянии. Земля, покорившаяся неимоверному трудолюбию жителей, послушная воле, производит нужнейшие растения. Китаец, владеющий небольшой частицей земли, употребляет все свои силы и средства к улучшению пашни. Пред нами открылись высочайшие горы, коих отдаленные вершины скрылись в облаках. Торчат там ужасные утесы. У подошвы оных пропасть, готовая поглотить неосторожного путешественника, на косогорах и местах, удобных к хлебопашеству, возделаны нивы. По дороге, усеянной камнями, беспрестанно попадались нам навстречу караваны верблюдов, с чаем отправляемых в Кяхту, или одноколки китайские, везомые от 3 до 8 лошадьми, с товарами, нужными для соседей и монголов. Пробираясь по страшным утесам, мы с ужасом взирали на висящий над нами каменный вал, в котором, в небольшом одна от другой расстоянии, построены высокие четырехугольные, из кирпича, башни, имеющие вы-

шины до 9 сажен. По сделанному на одной из них наблюдению д[октора] Бунге оказалось, что она так высока, как вершина Гунтуйского хребта, между рекой Куем и Ургою. С башни грозный вид на китайские горы, досягающие до облаков. Сильный ветер беспрепятственно свирепствует на сих чернеющих хребтах. По дороге, проложенной у левой подошвы хребта, покрытого валом, мы приметно начали спускаться до первой китайской деревни Нордян, где остановились ночевать в одном из постоялых домов, подвинувшись сегодня вперед на 37 верст после пустой и дикой Монголии. Как приятно смотреть на трудолюбивых китайских крестьян, оседлых в домах (38а), сделанных из глины. Толпы китайцев собирались во дворе посмотреть на русских, редких гостей в столь отдаленной стране, неприступной для прочих европейцев.

6-го. Предстоит еще трудная и опасная дорога до Халгана по крутым и тесным спускам. С китайского хребта, усеянного камнями, по месту покатому, с ужасом путешественник взирает на пропасти, стелющиеся у ног его. Каменные утесы необыкновенной высоты над головою его, струящиеся по хрящеватой дороге, которые то скрываются в земле, то опять в некотором расстоянии вырываются из-под камней. Кое-где посаженные деревья, особенно тополи, доставляют неизъяснимое удовольствие каждому странствующему через Монголию в Китай. Среди угрюмой дикости природы здешней невозможно с равнодушием взирать на многие деревни китайские, расположенные по косогорам, на домы, высеченные в скалах или к оным пристроенные, на хорошие пашни, разведенные не токмо на покатостях гор, но и на их вершинах. Невольным образом удивляешься смелости человека, который на каменистых (38б) скалах высек тропинки и лестницы, чтобы взойти на вершины крутой горы, там выделывает нивы или только смотрит на многочисленные стада овец, с трудом ищущих травы среди огромных глыб каменистых. Земледелец часто вынужденным нашелся [оказывался] огромные камни поднимать на уступы утеса и из них сложить [складывать] фундамент для своей хижины. От Нордяни до Халгана немало деревень, расположенных на косогорах, а в некоторых — и небольшие капища со статуями божеств, перед коими зажигаются благовонные свечи [263] и в сосудах стоят хлебные жертвы.

Движение крестьян из города и деревень беспрестанно свидетельствует о населенности местностей, а проходящие караваны с товарами — [о] занятии жителей. [Все это] явно доказывает трудолюбие каждого из них и [развитую] народную промышленность. После грубого, праздного, необразованного и неопрятного монгола как очаровывает вежливый, прилежный, опрятный китаец! Он не выражает сильных чувств своих при виде новости диким и пронзительным криком, но,

[263] К у р и т е л ь н ы е с в е ч и (*монг.* хүж) изготавливались главным образом из багульника, в отличие от китайских и индийских благовоний, которые имеют более сложный состав.

взглянув оком любопытства, проходит мимо, не толпится, как дикарь, но сохраняет всю важность, свойственную (39а) здешним жителям. И в молчании рассматривает каждый предмет. Лицо его выразительно, чисто. Платье не испещрено по прихоти и моде, вечно переменяющейся. Синяя даба употреблена на верхнюю одежду, до колен достигающую, в зимнее время простеганную. Нижнее платье также простеганное.

Легкие сапожки или башмаки не обременяют ног. Вяленая шапка, или, лучше сказать, колпак, с поднятыми вверх полями, покрывает открытую голову, а оставленные на макушке волосы заплетены в косу, висящую на спине. Одни только женщины, по вкусу китайскому, имеющие варварски с малолетства изуродованные ноги, едва передвигаются с одного места на другое, иногда при помощи палки, или опираясь на стену, или на двухколесной тележке, влекомой мулом или ослом, переезжают в близкий дом или деревню. Мужчины на гумне молотят деревянным цепом хлеб, или прядут, или унавоживают пашни: даже и мальчики по своим силам участвуют в занятиях родителей. Такими я видел в первый день китайских крестьян. Но как описать прелести природы дикой, на которые мы с удивлением взирали в продолжение дороги до Халгана. Сопровождающие нас горы, с торчащими скалами на каждом шагу, представляют новые живописные картины, достойные искусной кисти, могущей все с точностью изобразить и передать другим. Приближаясь к городу, мы еще более прельщались местоположением и хозяйственным устройством китайцев. Предместье было наполнено любопытными зрителями, без малейшего беспорядка. Караваны преспокойно проходили мимо нас. Купцы из своих лавок молча посматривали на русских путешественников. Толпы китайцев постоянно нас сопровождали, не производя никакого стеснения. Вдруг перед нами явились две огромные скалы, по которым извивается стена с башнями, соединенными высокою сложенною из кирпича стеною. У железных огромных ворот нас немного остановили, пока <...> не доложил гусей-амбаню о прибытии Миссии. Вскоре и мы (не слезая с лошадей, как то бывало с русскими в прежние времена) въехали в длинную поперечную улицу, довольно красивыми домиками окруженную. Для иностранца здесь совершенно новый вид, чрезвычайно разнообразный. Громады скал, кажется, раздвинулись от первых ворот на обе стороны для помещения (40а) между собой города пограничного, более у нас известного под собственным [названием] Чжанцзакэу. Остановились мы в одном из постоялых домов, где ворота по нашем приезде были немедленно заперты. Ночью, по распоряжению местного начальства, двое караульных помещены на кровле дома; куря трубки, [они] беспрестанно поколачивали в деревянную дощечку, чем давали знать о своем бодрствовании. Сегодня по нашей улице, при звуке музыки, китайцы, одетые в траурное (белое) платье, и поздно вечером, ходили по городу в честь умершего, при блеске разноцветных фонарей. По временам были пускаемы ракеты. Еще позже получили мы известие, что гусай-амбань желает видеть миссионеров с провожающими их чиновниками.

Халган почти на такой высоте от поверхности моря, как и Кяхта. Халган от Нордяни отстоит на 20½ версты, а от Кяхты на 1282 версты.

(41б) 4-го с самого утра жители халганские толпились у ворот нашего подворья. Но никто лишний к нам не был впущен. После обеда в 1-м часу в китайских крытых тележках, вместе с битхэшием и бошком, в сопровождении 4 наших казаков, отправились мы в ямун, где нас ожидали здешние вельможи, гусай-амбань и мэйрэн-дзанги, управляющие цахарами, Халганом и пограничными делами. Толпы любопытных зрителей раздвинулись на две стороны, и мы покойно ехали прежнею улицей до самого присутственного места, близ ворот в стене, через которые вчера нас в город впустили. Лишь только мы вылезли из повозок, у первых ворот ямуна, вдруг раздался пушечный выстрел. На дворе приветствовала нас музыка на хорах, напротив ворот. Поворотив направо через другие ворота, вошли мы на двор, в конце которого стоит высокий щит с изображением дракона, герба Дайцинского государства. Не доходя до щита, провели нас направо, возле каменной ограды, где у калитки встретил нас мэйрэн-дзанги, весьма приятного лица старец маньчжур, с розовым каменным шариком на шапке, в шелковом придворном платье, с квадратною нашивкой на груди, с янтарными четками на шее, досягающими до пояса, сопровождаемый чиновниками, служащими в (41а) здешнем ямуне. После взаимных приветствий начались прения: кто должен первым выйти через калитку на маленький двор, где находится собственный ямунь, где заседают амбани. Гусай-амбань отдавал первенство г. приставу как чиновнику важному и иностранцу, прибывшему из столь отдаленной столицы могущественного монарха России. Г[осподин] пристав, не желая уступить вежливости хозяина, почтенного старца и высокого придворного сановника, не соглашался на предложение амбаня и просил его идти вперед. Церемониальный спор сей кончился тем, что амбань и наш пристав вместе пошли. В самом деле оба вместе двинулись с места, но амбань искусно отстал, и г. пристав первый переступил порог. У крыльца ямуна дожидался мэйрэн-дзанги, он приветствовал очень вежливо (*вставка:* как военный, с павлиньим пером об одном очке… у шарика розового на шапке.) Здесь господин пристав должен был первый [войти] в ямун, где, по настоянию амбаней, занял первое место на кане за столиком, по стороны коего, с особенным знаком уважения, засели гусай-амбань и мэйрэн-дзанги, спустив по одной ноге с кана, противной в отношении к месту, занятому г. приставом. Разговор исполнен вежливости. Были вопросы о здоровье, дороге, знаках достоинства и столице нашего государя. Подали нам по чашке чаю. Потом: «Как далеко Англия от России?» Г[осподин] пристав в знак своего усердия просил дозволения поднести небольшие подарки амбаням. Но (41б) халганские правители долго не соглашались на принятие оных. Наконец приняли с изъявлением особенной благодарности. (*Вставка на полях*. Здесь грубая сделана с нашей стороны ошибка, впрочем неумышленная. Мы не знали, что находимся в амбане гусай-амбаня и что мэйрэн-дзанги как

гость занимает первое место. И потому сему последнему поднесены подарки прежде хозяина, и лучшие. Гусай-амбань это заметил бошкою, но не велел нам сказывать.) Гусаю и мэйрэну поднесли по 4½ аршина черного сукна, по паре пистолетов, сверх сего первому — табакерку с музыкою. Простившись с амбанями, в прежнем порядке возвращались мы за калитку прежнюю. Амбани, несмотря на все уверения пристава, провожали его за калитку, благодарили за посещение. «Мы это делаем, — прибавили они, — из уважения к Вашей империи». На последнем дворе опять загремела музыка. Отселе мы отправились на квартиру. Вскоре явился к нам китаец, привезший письмо из Пекина г. приставу от студента Леонтьевского, который поздравил с вступлением в пределы Чжунго и уведомлял, что 14 сентября Большая Бухария сделала нападение на Малую Бухарию за пленника Чжангара и требует чай, который отказан был (так в тексте) как неприятелю. Война началась. Солоны, числом 2000 человек, посланы против врагов: из городских воинов избрано храбрейших 200 человек.

8-го. После обеда амбани в хороших зеленых колясках приехали к воротам нашего дома, окруженные своими чиновниками, с тем чтобы заплатить вчерашний визит г. приставу. Под предлогом, чтобы не обязывать его своим посещением, они, не выходя из своих колясок, лично спросили пристава о здоровье и, поблагодарив за визит, отправились назад. Поутру с особыми чиновниками прислали ему взаимно подарки. После сего возможно ли сравнивать (42а) грубый и простой прием Миссии у ургинских правителей с вежливостью халганских амбаней, которой мы вовсе не ожидали? Впрочем, приметно и в Урге было желание нам угодить, но не знали, каким образом могли бы достигнуть своей цели. Сегодня с приставом ходил я осматривать южную часть города. Весь Халган почти состоит из купеческих лавок, где размещенные в порядке и по сортам товары предлагаются каждому прохожему. На улицах перед домами ремесленники неутомимо занимаются своим делом. Здесь находили мы рядом кузницы, столики с готовыми трубками китайскими, далее шкафики с табакерками, острыми башмаками, сено и пр. Во всех фузах соблюдается порядок и опрятность. Улицы вымощены каменными плитами. В концах улиц стоят красивые деревянные ворота, коих отделка и точность делает честь китайским мастеровым. Находя во многих местах русские изделия, мы любопытствовали об их ценах. Сукна и меха наши здесь вовсе не дороже продаются, как в России. В одной кумирне восхищались мы простотою во всех строениях. Через речку, разделяющую [Халган] на две части, сделан отличный каменный (42б) мост на арках, могущий идти в сравнение и с европейскими. Оттуда возвратились мы в квартиру.

9-го. Во время прогулки по городу нашел я одну лавку с печатными книгами на китайском и маньчжурском языках. Все книги в переплете и содержатся в хорошем порядке. И размещены в шкафах. Сколько можно было заметить, и по словам знакомых китайцев, продаются они здесь гораздо дороже, чем в Пекине. В другой лавке нахо-

дятся только тибетские книги. Монгольской ни одной не было. Много увезено с прочими товарами в Кяхту. Халканские купцы мало выписывают книг для монголов, преимущественно потому, что ламы сами часто ездят в Пекин и там приобретают нужное число для своих кумирен и собственного употребления. По сие время празднолюбивые монголы не думают о чтении книг и не знают пользы, от сего проистекающей. Просвещение не озарило своими лучами пустынных земель монгольских, а монгол, знающий свои письмена, уважается единоплеменниками как человек весьма ученый, с необыкновенными способностями, участник высшего образования, ибо бурхан нескоро и не каждому открывает грамоту. Духовенство даже едва по-тибетски умеет (43а) читать и о монгольском письме мало радеет. Монгол, с великим трудом научившись писать, причисляется к какой-либо канцелярии, где имеет случай узнать порядок дел и формы бумаг официальных, со временем получает он преимущество при избрании чиновником низшим. Таким образом, не думают здесь о развитии умственных сил при помощи систематического воспитания, но более обращают внимание на один механизм, держащий в оковах все способности, врожденные каждому человеку. Степной житель не находит ни побуждения, ни средств к дальнейшему образованию: униженный слуга маньчжуров изучается уловкам хитрым единственно для ограждения собственного спокойствия и улучшения состояния. Монголы чрезмерно честолюбивы, и победители их умели воспользоваться сею слабостью своих рабов. И ныне пресмыкающийся чиновник монгольский перед каждым маньчжуром за ничтожное жалованье и преимущества, ему дарованные повелителем, сделался тираном своих подчиненных. Это неминуемые последствия феодального правления.

Жилища китайские в Халгане устроены по правилам особой архитектуры, свойственной только здешней стране [264]. Все домы делаются из кирпича, оштукатуренные известью, смешанною с соломою, но в один (43б) этаж и во внутренности двора, окруженного каменною оградою. С улицы можно видеть только одни кровли. Однако же лавки купеческие всегда строятся при домах, и фасадом на улицу, так что, ходя по городу, встречаешь только фузы или ограду. Кровли довольно высокие, с углублением внутрь середины, а края их висят над стенами дома, несколько поднявшись кверху. Делаются они из черепицы, большей частью серой. Окна в комнатах во всю стену, если нет препятствий, обыкновенно обращены к югу, [они] есть не что иное, как деревянная решетка, заклеенная тонкою бумагою белою, пропускающею свет в жилище, а иногда [она сделана] только из слюды. Печей нет наших, а вместо оных строятся широкие каменные диваны [265], нагревае-

[264] Об архитектуре китайского жилища см.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии: сб. М., 1979.

[265] К а м е н н ы е д и в а н ы. — Имеются в виду каны. О них см. в вышеназванной книге.

мые внизу деревянным или каменным углем. Такие диваны служат вместо кроватей ночью, а днем — вместо наших соф и кресел, и потому на них ставят столики на низеньких ножках для помещения нужных вещей. Впрочем, у китайцев находятся и высокие столы и кресла, часто из черного кипариса и камфорного дерева [266], покрытые отличным лаком. Двери двойные, снаружи замком, а внутри деревянною защелкой запираются. На случай холода имеются глиняные или медные чаши, которые, (44а) наполненные углем, ставятся среди комнаты. Комнаты редко имеют с собою сообщение посредством дверей, как у нас делается: они по большей части отдельные; галерея перед оными возвышается на столбах, откуда вход в комнаты. Китайцы имеют особенную страсть испещрять стены, столбики, ворота и т. п. различными надписями, для чего избирают изречения древних философов и знаменитых мужей с тем, чтобы они, находясь всегда перед глазами, врезывались в память проходящих. Нередко встречаем в китайских жилищах вместо картин иероглифы, искусно начертанные на бумаге не токмо в хижинах, домах чиновников, но в капищах и присутственных местах. Надписи сего рода называются дуйдзы.

10-го. Осматривали мы северную часть города, или, лучше сказать, улицу главную, которою 6-го числа ехали. Она, по-видимому, не столько красива, как южная часть, и весьма неопрятна. Часть улицы вымощена каменною плитою, а часть хрящом [267] и глиною; для уровнения оной употребляется огромный круглый камень, поворачиваемый китайцами. Улицы поливают уриною, помоями и прочим, отчего несносное зловоние носится по городу. В северной части помещаются приусадебные места, (44б) жилища амбаней, их огороды обширные, казармы для здешнего гарнизона (около 12 тысяч), несколько кумирен, квартиры чиновников, наконец, купеческие дома с лавками. Странное разнообразие для иностранца! В лавках сидят портные за работою, далее фельдшеры, за ними аптека, где раздаются лекарства, из трав по большей части состоящие, без рецептов, жилище живописца, продажа старых башмаков, сена, говядины. Впрочем, улица наполнена людьми, мелкими продавцами. Народ беспрестанно движется с одного конца города в другой, пешком, верхом на лошадях, верблюдах, мулах, ослах, на тележках наемных и собственных. Между тем мальчики, приметив где-либо скотский помет, немедленно подхватывают оный вилами и сбрасывают в корзины: сухой аргал здесь, равно как и в Монголии, употребляется для обогревания комнат.

12-го. Вместе с г. приставом, лекарем и переводчиком ездил я к амбаням. У гусай-амбаня средние ворота были заперты, и нас ввели в небольшую комнату (караульню), где по прошествии четверти часа явился один чиновник, которому г. пристав поручил спросить амбаня о

[266] К а м ф о р н о е д е р е в о — вечнозеленое дерево семейства лавровых, родина — Юго-Восточная Азия.

[267] Х р я щ — крупный песок с мелкой галькой.

здоровье и доложить, что мы, окончив приготовления, намерены завтра выехать из Халгана и, поблагодарив амбаня за прием, проститься. Еще четверть часа дожидались, (45а) пока прежний чиновник к нам не возвратился. Он от имени амбаня спросил о здоровье пристава и объявил, что по множеству занятий не может нас принять. Оттуда отправились мы к мэйрэн-джанчину, где, не вылезая из повозок, послал г. пристав спросить сего амбаня о здоровье и донести о желании с ним проститься. Ответ был тот же, что и от первого амбаня. Так странное и неожиданное это происшествие возбудило наше негодование. Но бошко объяснил нам, что это мода общая в Китае между важными лицами, которые могут через посредников изъяснить свои чувства и [от]платить визит. Впрочем, сегодня, как в день рождения богдо-хана, амбани в ямунях своих приносят молитвы, установленные о здравии повелителя.

13-го. В 11 ч. утра оставили мы город. Проехав южную часть города, среди лавок купеческих, и мост каменный, о котором выше упомянуто, за городом в лощине, между двумя цепями гор, окружавших Халган, увидели мы огороды китайские, отлично возделанные, местами осененные ивами насаженными или освященные (так в тексте) кладбищами. На всем пространстве от Халгана до Сианхуань-фу земля отлично обработана, ни одного местечка проходным здесь не оставили трудолюбивые китайские поселяне. Путешественник из деревни с удовольствием посматривает на деревни. Почва земли большею частью здесь глинистая, а далее (45б) песчаная. Чернозем постоянно насыпается на нивы, и потребное количество навоза утучняет оные. От сего вся лощина сделалась равниною, разделенною на многие участки, разным поселянам принадлежащие, которые, в случае надобности, наводняются на некоторое время. Мальчики и старцы, беспрестанно с корзинками прохаживаясь по дороге, по которой почти беспрерывно движутся обозы, подхватывают навоз скотский. Деятельность сия вследствие необыкновенного народонаселения поражает путешественника на каждом шагу и почти не может быть достаточно описанною.

Китай, по своему многолюдству стесненный границами, должен считаться страною трудолюбия, единственного на земном шаре. Древние аллеи, насаженные, придают разнообразие нивам. В высоких межах сделаны отверстия для воды, нужной для орошения пашни. Горы каменистые порохом взорваны, и дорога проложена. Словом, мы ехали через места, наполненные жилищами, до губернского города Сианьхуань, обнесенного высокою стеною; за ней, проехав трое ворот, кажется, опять увидели деревни, ибо предместья, кроме домов, вмещают в себя и огород.

В самом же (46а) городе заметны сверх присутственных мест одни лавки, наполненные товарами, а улицы — людьми, беспрерывно трудящимися по своему ремеслу. Нет здесь праздношатающихся, а ремесленник на одну минуту только отрывает взоры свои от работы, чтобы посмотреть на русских, через 10 лет только виденных. И потому в многолюднейшем городе нельзя было приметить стеснения народа, столь

обыкновенного в других странах. Проехав весь город, остановились мы ночевать в предместье, подвинувшись вперед на 19 с половиной верст. Здешний город по-монгольски называется Баин-сумэ. От Халгана по дороге через каждые 5 гацзаров построены из кирпича четырехугольные башни, при них жилище солдат, составляющих пикет. На стене ограды нарисованы лошади, щиты, ружья, топоры, кнуты, шапки солдатские, стрелы, луки и пр., а под особым навесом — дракон, герб государства.

14-го. Как следующий ночлег в крепости Цзиминь отстоит на 80 ли, то мы ранее сегодня оставили город. От самых ворот городских по обеим сторонам нашей дороги расположены пашни, досягающие до 2 цепей гор, которые с юга от Халгана (46б) раздвинулись на значительное расстояние, а теперь более и более к дороге примыкают.

Высочайшие оных вершины теряются в густом тумане. Наш путь лежит по левому берегу реки Ян, быстро текущей по каменному грунту и постепенно увеличивающейся от соединения многих горных потоков. Переехав мост на ручье, впадающем в реку Ян, мы очарованы были видом земледелия китайского. Взгляните на равнину, отменно обработанную, на канавы, проведенные с трудом для напоения пашен водою, на возвышение или понижение участков земли, для удобства во время орошения пахотных земель, на аллеи, окруженные ветвистыми ивами, сопровождающие нашу дорогу или разделяющие участки, на дорогу, проложенную через скалистые горы, силою пороха расторгнутые (*Вставка:* Скала сия есть, так сказать, летопись многих истекших поколений. Дорога проложена между скалами. Сколько времени протекло, чтобы почва могла выровняться и сделаться полированною копытами скотскими, чтобы колеи вырезались под тележными колесами, чтобы между их в скале остались глубокие следы ног проходивших здесь животных под тяжестью? За речкою напротив Цзиминь редкий вправе вид на изрытые водою высокие горы, прикрытые снегом.), на деревни, в виде птичьих гнезд, устроенные на обломках скал, на трудолюбие и деятельность поселян, взгляните и удивляетесь [удивитесь] человеку, здесь оседлому. В Китае, кажется, природа, подчиненная руке человеческой, не смеет оной воспротивиться. По здешней дороге мул, верблюд и осел с удивительною осторожностью пробираются. Ужаснейшие скалы висят над (47а) главою путешественника и угрожают падением. Хладнокровный китаец, невзирая на все препоны, ежедневно распространяет свое владычество над природою, над крепостью Цзиминь (где мы остановились ночевать). В предместье, у западной стены из кирпича, окружающей в виде четырехугольника, возвышается каменная гора Цзиминь, на вершине коей построен монастырь. Кто не видел собственными глазами сей недоступной скалы, тот не поверит, чтобы человек взобрался на ее вершину и там искал убежища для принесения молитвы Всевышнему. Стены оные изрыты. По оным проложены тропинки, по коим люди выходят на высоту и при помощи ослов возят воду для употребления монахами. Предание о сем мона-

стыре [есть] у Тимковского: 1, 261–2. Сегодня мы проехали 29 верст. Заметить надобно, что, коль скоро мы оставили монгольские степи, [то] почувствовали необыкновенную перемену в климате. Теплота удивительная в ноябре месяце, так что путешественник забывает, что он в столь позднее время пробирается по Китаю. Здесь холод, по-видимому, потерял свою силу, а вид (47б) на пахотные поля, отлично возделанные, не напоминает, что давно минул летний зной и что сама природа должна бы освободиться от тяжелой руки человека. Удивительно еще и то, что при удивительном в Китае народонаселении встречается чрезвычайно мало нищих. Сии последние, стоя на коленях и преклоня чело к земле, трогательными восклицаниями умоляют проезжих бросить медный чех в корзину на пропитание. При всем том хорошем состоянии крестьян китайских как разительна в них утонченная хитрость. Горе неосторожному или нетерпеливому путешественнику. Он на каждом шагу подвергается испытанию и безнаказанному обману. Честь и справедливость здесь продажны, начиная с последнего крестьянина до первого министра. Ненасытное корыстолюбие изобрело для себя самые утонченные средства.

15-го. С самого утра свирепствовал северный ветер и сопровождал нас весь день, окружая тучами песку, так что нельзя было приметить вправе высокого хребта гор. Дорога наша лежит по лощине, начинающейся от ворот Халгана. С восточной стороны тянется прежний хребет увесистых, обнаженных гор. Китайцы (48а) здесь не менее прежде нами виденных занимаются земледелием. Глинистая почва, смешанная с мелким песком, булыжником, покрылась плодородною массой земли [и] сугубо вознаграждает труды поселянина. Во многих местах вырытые колодцы орошают пахотные нивы. Дорожат местные жители водою так, что проезжий безденежно не может напоить своего скота, не заплатив прежде владельцу по 1 или 2 чеха с каждой головы. Впрочем, мы это испытывали уже в Халгане. Миновав одно поселение, проехали город Баоань, обнесенный каменной стеной и имеющий в середине огромные ворота с четырьмя проездами. Средняя улица с Ю на С, по которой мы ехали, наполнена купеческими лавками. Далее проезжали мы крепость Дунбали и город Шачень, так [же] как и все китайские города, обнесенный каменной стеною, но во многих местах обвалившеюся. Каменистая дорога весьма трудна для верблюдов и людей до самого городка Тумэу, где Миссия в 1820 г. ночевала с 26 на 27 ноября. Оттуда дорога усеяна камнями или проходит тесными глинистыми ущельями, вырытыми китайцами. Вправе сквозь облако в пыли виднеется хребет, у подошвы коего протекает речка Ян, льдом ныне (48б) покрывшаяся.

Миновав еще одно большое селение, обнесенное глиняной стеною, наконец мы достигли городка Хуайлай, где и остановились ночевать в казенном доме, коего внутреннее устройство, разумеется, в китайском вкусе, чрезвычайно нам понравилось. Это первая так[ая] красивая и выгодная квартира от выезда из России. Все пространство на 56 с по-

ловиной верст чрезвычайно хорошо обработано китайцами, и, кажется, ничего уже не оставили они без употребления. Постепенно сравниваются холмы, удабриваются привозным черноземом и навозом и составляют одну долину плодородную. Каждый уголок поля заслуживает внимания иностранца, дабы он мог получить совершенное понятие о трудах и средствах, предпринимаемых крестьянином вопреки дикой природе. Ныне подобные занятия сделались почти врожденными у китайцев. Земледелие освящено древностью. Богдо-хан даже ежегодно собственными руками распахивает землю в присутствии первых вельмож, с узаконенными на сей случай обрядами.

16-го. За южными воротами города с трудностью спустились с каменного большого моста, весьма хорошо устроенного, но ныне по большей части развалившегося, ехали мы по гладкой (49а) дороге, а далее весьма каменистой до города Юйлинь. За ним приблизились мы к хребту гор, коим оканчивается с юга равнина, тянувшаяся от крепости Цзиминь. Здесь трудолюбивая рука китайца не могла преодолеть природы, произведшей ужаснейшее место, покрытое неприступными скалами, по коим извивается Великая стена Китайская, столь славная в истории. Чужеземец с ужасом взирает на сей памятник китайский, имевший оградить многолюднейшее государство от нападений свирепых всадников, детей степной Монголии. Трусливый земледелец, истощая все свои силы при произведении стены на горах, надеялся устрашить соседей и отвлечь наездников от грозных предприятий. Но враг неутомимый успел разрушить его труд, и китаец удостоверился со временем, что не сила руки, а дух народный есть самый лучший защитник отечества.

Множество пушек на сей стене не много пользы принесло. Китай покорился иностранцам. Но дух непоколебимого его национализма, овладев победителем, заставил его приноровиться к нравам и обычаям местным. В воротах, так сказать, ущелия построена крепость Чадао, обведенная каменной стеной.

Отсель следует самый трудный переезд. Жители крепости (49б) за наем осла до следующего города берут по 200 чехов, а за кресло, несомое 4 людьми, на двух палках, — по 1600 чехов. Природа оградила Китай сим хребтом гораздо лучше, чем искусство человека. Кто не был свидетелем сего переезда, тот не может иметь понятие о его трудности, и никакие описания не сделают такого впечатления на читателя, какое получает путешественник, пробирающийся в сердце Китая — Пекин.

Высота Гунтуя, пески Дурмы, единообразные степи монгольские приводят в уныние, но ущелие здешнее, окруженное ужаснейшими скалами, дорога, усыпанная огромными массами каменьев, от них оторванными, превосходит все, доселе нами виденное. На каждом шагу встречаешь новую опасность, новые виды и следы труда китайцев. Недоступные вершины гор, под тяжестью Великой стены, изумляют странника; разбросанные камни затрудняют путь, скалы изрыты потоками дождевыми. Каскад падающей воды из расщелин каменных на-

полняет душу сладостными и печальными мечтами. Висящие над головою утесы угрожают падением; мраморные и гранитные мосты ныне, по большей части, только развалинами своими изумляют; кумирня над пропастью, высеченная в скале, напоминает труд китайца, который и в сем ужаснейшем ущелье хотел оставить (50а) памятник своего благочестия. (*Вставка:* Между тем среди утесов течет быстрая речка, составленная из ручьев, бегущих из гор. Где только замечена малейшая возможность для постройки хижины или разведения пашни, там ничто не упущено из виду.) Крепость Цзюйюнь в 3 верстах от ночлега стоит в таком точно месте, как Чадао в северной части ущелья. Ночь нас застигла почти на половине дороги и не дозволила в подробности рассмотреть утесы и пр. Часть обоза нашего на другой уже день вышла из упомянутого ущелья.

17-го. От Цзюйюна еще на несколько верст, около 10, простирается дорога, каменьями усеянная до крепости Нанькэу и немного далее. За упомянутой крепостью открывается равнина, почти необозримая, горы, доселе нас сопровождавшие, раздвинулись к В и З. Высокими грядами, у подошвы коих являются плодовитые деревья и пашни сарачинского пшена, на песках, перемешанных с глиною, весьма много китайских селений, окруженных хорошими рощами, приносящими прохладу жителю, утомленному летним зноем. Итак, после ужасов непобедимой природы опять мы увидели владычество человека, умевшего употребить в свою пользу труднейшие даже места. Наконец, проехав огромный мраморный мост, на коем камни связаны железными шинами, остановились мы ночевать в городе Шахэ, подвинувшись сегодня вперед на 25 верст.

(50б) 18-го. Последний переезд до Пекина через деревни, мимо дач и кладбищ чиновников столичных, мимо садов и рощ, многолетними трудами насаженных, казался нам весьма дальним в ожидании города, обширнейшего и многолюднейшего в свете, составляющего цель нашего долговременного странствования. Все, что ни претерпели мы в дороге, изгладилось в памяти: упоенные радостью, забыли прошедшее горе при виде соотечественников в деревне Цинхе господ Войцеховского, Леонтьевского и Вознесенского, выехавших для встречи новой Миссии. По кратком отдохновении в одном из постоялых домов отправились мы в столицу. Шествие погребальной церемонии какого-то богатого китайца поразило нас своей новостью, впрочем, весьма обыкновенною в стране, где похороны разоряют жителей. Множество значков, красивые носилки и коляски, наполненные женщинами, толпы нищих наемных и одетых в траурное платье, звуки пронзительной музыки, словом — все привлекало наше внимание. На русском кладбище встретил нас начальник новой Миссии о. Вениамин. Отсель в приличном порядке отправились мы в сам город, обнесенный (51а) высокою стеною. Через ворота Андыньмынь вступили мы в Пекин по улице, наполненной множеством любопытных зрителей. Около 5 верст пробирались мы до Русского подворья, отменно устроенного, где нас встре-

тил о. арх[иерей] Петр с остальными членами прежней Миссии. В монастырской церкви принесли благодарственное молебствие Господу Богу, даровавшему нам силы в столь долговременном и трудном путешествии. О. Петр потом отлично угостил обеденным столом [обедом] всех членов обеих миссий, сопровождавших чиновников и казаков.

Итак, я уже в сердце Китая — Пекине.

Не зная местного языка, окруженный долго здесь жившими членами духовной Миссии, по необходимости я от них только мог получать сведения отрывками, без порядка. Китайцы с первого взгляда кажутся весьма образованными, вежливыми, услужливыми, чистой нравственности, человеколюбивыми. В самом деле история сего народа и все путешественники уверяют нас в высокой степени образованности Китая. Столько изобретений для блага человечества здесь сделано! Правление, по-видимому, руководствовалось и поныне основывается на чистой нравственности (51б) и правилах здравого разума. Точно так думают о Китае издали, посматривая на летописи, сочинения философские и прекраснейшие изречения боготворимых мудрецов. Между тем знающие язык, литературу, обычаи и нравы китайцев совершенно противное мнение о них нам сообщают. Китаец, любитель всех иностранных хороших произведений, гнушается иностранцами, считает их своими данниками и хитрейшими творениями. Он есть верный исполнитель своего владыки, не только поверхностно, но и там, где не может и надеяться получить никакой для себя существенной пользы.

Огромные суммы, отпускаемые правительством на постройки различные, по большей части остаются в руках чиновников. Горе невинному, подвергшемуся суду какому-либо в Китае. Ужаснейшие пытки и нищета его ожидают. Огромные колодки надевают на шею, руки и ноги подсудимого, подрезывают ему подошвы, раскаленным железом или горячею водою испытывают терпение несчастного, лишают его сна и пищи, придавливают палкою, всунутою под колена к цепям железным, брошенным на пол, растягивают руки и все тело. Нужно ли говорить о (52а) наказаниях публичных, законом определенных? Отсечение головы считается благодеянием для преступника. Изрезать тело на части в разных местах города принадлежит к числу бесчеловечных казней. В купечестве редко встречается честность; а обман есть обыкновенная оного цель. Развращение нравов до крайности распространено, несмотря на то, что законы о чистой нравственности [об]суждают[ся]. В судилищах совершается несправедливость, и богдо-хан, окруженный министрами, не знает о злоупотреблениях. Китай есть царство взяток, где низший старшему без всяких отговорок обязан платить тяжелую дань за свою целость и спокойствие.

По причине многоженства царская фамилия чрезвычайно увеличилась, так что принцы крови, постепенно понижаясь достоинством, многие почти сравнялись уже с чернью, и желтопоясные (так называемые от желтого пояса, ими носимого для отличия от прочих подданных), пользуясь еще милостями, узаконенными государем, нередко находят-

ся в числе преступников, заключаемых в тюрьмах. (*Вставка:* Почти утвердительно можно сказать, что почти ежедневно в газетах приметить можно производимые исследования о разных жесточайших и низких преступлениях принцев крови, коих число в самом Пекине до 20 и более тысяч простирается. Это последствия многоженства в Китае и недостатка в хорошем воспитании. Жестокие наказания не в состоянии уже исправить нравственность народа и удержать в надлежащем порядке, требуемом для блага человечества и государства.)

Получая значительные суммы на свадьбу и похороны, [они] посягают на жизнь своих жен, дабы незаслуженные щедроты (52б) своего повелителя во зло употребить. По силе закона муж имеет право убить пойманного прелюбодейца в своем гареме. Китаец, возненавидев по какой-то причине свою супругу, дает случай постороннему человеку проникнуть в свой гарем, а потом безнаказанно наносит свой смертный удар обоим виновным для того, чтобы освободиться от жены, получить денежное вознаграждение от казны и имя свое прославить в газетах.

Китаец, по кончине родственника, три года, а маньчжур 100 дней обязан носить траур и исполнять обряды, местными обыкновениями освященные. Отличнейший даже военачальник и последний солдат немедленно оставляют службу, и никто не может его от такого намерения удержать. Таким образом, в случае смерти какого-нибудь незначащего человека [государство на какое-то время] лишает[ся] чиновников, в родстве с оным находящихся.

При всем блеске богатств Китая Пекин преисполнен нищих, которые в рубищах отвратительных или полунагие, различными средствами, насилием даже, снискивают для себя милостыню. Часто нищий, пришед[ший] в лавку купеческую или к воротам дома, поколачивает в доску, царапает лицо, кричит или гвоздем пробивает руку, пока от хозяина не получит денег.

Под покровительством Китая находится королевство Корея, имеющее своего государя, которое ежегодно присылает дань к пекинскому двору, за что взаимно получает едва ли меньше, считая издержки на прием, посла и подарки. Сие государство разделено на 8 губерний (дао). 1) Цзинцзи — их столица. К ней принадлежит больших городов — 6, провинциальных — 10; 2) Цзянюань. В ней больших городов — 12, малых провинциальных — 14; 3) Хуанхай. Больших — 6, малых провинциальных — 13; 4) Цзуанло. В ней больших городов — 6, малых провинциальных — 27; 5) Чжанцин. Больших — 13, малых провинциальных — 7; 7) Цзянцзин, в ней больших — 8, малых провинциальных — 8; 8) Пинян, в ней больших — 20, малых провинциальных — 2. Земля малоплодоносна, гориста, лежит на берегу Восточного океана.

От Пекина 3500 китайских верст в длину от С к Ю, в ширину 2000. Нравы, письмена, ученость с китайскою одинаковы. Было несколько тысяч христиан, но в начале сего столетия, около 1802 г., все истреблены.

(*Вставка:* Корея управляется своими законами. Престол есть наследственный. Вера языческая, фоевская. Жители мягкосердечны. Слу-

жащие вместо жалованья получают удел земли или хлеб. В сем царстве нет частных земель, все казенные. Близ Желтого моря водят шелковичных червей, вырабатывают разные материи и полотна. Коленопреклонением не изъявляют почтения. Оба пола и возраста общаются свободно. Корея — Гаоли-го, или Джаосян.)

25-го. О. арх. Петр сообщил мне некоторые отрывки, касающиеся фоевской веры, помещенные в его «Российско-китайский словарь».

Фоя отчизна есть княжество Восточной Индии Тянчжу. (*Вставка:* Отец — владетельный князь Фан-ван, мать Фоя — княгиня, от коей родился [он] в царствование Джао-вана [268] 24-го лета 4-й луны 8-го числа, а умер от жесточайшей болезни [в правление] Джоуской династии [269]). Жена его называлась Ешу Толо, сын Лохэло. Он [Фо] был обыкновенный человек. По мнению его, милостыню творящие в перерождении получат чины князей, графов, генералов и пр., а кто хочет (53б) быть богатым, должен питать жрецов. По 10 лет уклонился в отшельничество и через 13 лет возвратился домой и назвался богом. Через несколько колен сам перерождался в Усыдзане (Тибете). Жрецы его, встретясь с учеными, не говорят ни слова о переселении, а при простых людях всемерно утверждают. Они говорят: «Когда хочешь знать о качестве предшествовавшего перерождения, то оно выражается через качество настоящей твоей участи, а качество настоящей жизни будет служить следствием будущей. Люди и вещи взаимоперерождаются, [поэтому]-то и требуется взаимное сожаление: метя пол, не повреди жизни муравья, да и самим гнидам и вшам жизни не отнимай, а вредящие низвергаются в место мщения убийств. В лесах и степях много барсов, бобров, тигров и волков, зверей, вредящих человекам, но ты их не изгоняй, а по осеням и веснам приноси им жертвы. Ежели один постригжется в монахи, то 9 колен вознесутся на небо». Ныне обоего пола вступают [в число поклонников этой религии] бесчисленное множество. На что ученый муж Чензы сказал, что ежели весь мир примет сию веру, то менее, нежели (54а) во 100 лет, и самые фоевские семена истребятся. Фо говорит: «Жестокосердные превратятся в тигров и барсов, горделивцы — в волков, сладострастные — в собак и свиней, корыстолюбцы переродятся в ослов, воры — в хищных волков». (То же говорил и Пифагор.) Фоевцы утверждают, что есть по смерти другая будущая жизнь, что есть рай и ад. [На что ученый муж Чензы сказал]: «Но мы, конфуцианцы, сему не верим». Фоевские последователи называются «фу» или «ту». Они убивать вообще животных почитают жестокостью, а отпущать — милосердием. Фоя молитва: «Мы молимся тебе, чтобы ты отвратил все несчастья и горести и умножил счастье и радости, и в чаянии сего все с благоговением почитаем и поклоняемся единственно, чтобы ты хранил небо, чтоб по молитве нашей ниспосылал благовре-

[268] ...царствование Джао-вана. — Имеется в виду девиз Чжао-вана.

[269] Джоуская династия — Чжоуская династия — XI–III вв. до н. э. Включает Раннюю Западную Чжоу, Позднюю Восточную Чжоу.

менные ветры и дожди и во всем изобильное плодоносие. Если же иначе, то храмам твоим не устоять». Жрецы Фоя называются фотан.

29-го. Составил каталог нужным книгам монгольским, назначенным для покупки. Вместе с г. Крымским отправился я в книжную лавку, ближайшую от Русского подворья. Следуя местному обыкновению, мы постучали в калитку. Сейчас явился хозяин дома, который пригласил нас в свой книжный магазин. Здесь посетитель не увидит книг, в порядке на полках расположенных, готовых для покупателя, но вместо оных в неопрятной, довольно обширной комнате увидит стены, закрытые шкафами, в коих хранятся деревянные доски, посредством которых печатаются книги. Кроме нескольких книжек тибетских не нашел почти ни одной монгольской напечатанной. Типограф здешний показал мне реестр сочинениям, печатаемым в его магазине. Это большая книга в деревянных досках, заключающая в себе наклеенные оглавления книг, оторванные от самих сочинений. Рассмотрев оные, я отметил желаемые для напечатания, а каталог, с дозволения хозяина, взял с собою для дополнения списка монгольским книгам, мною составленного во время путешествия между бурятами.

Искусство лекаря Миссии г. Войцеховского делает честь русским в средине китайской столицы и дает возможность распространить знакомство, весьма полезное во многих отношениях. На сих днях посетили нас 2 хутухт тибетских, коих китайцы обыкновенно величают фо, т. е. (55а) праведниками, богами, обитающими среди смертных. Цюань-чан, князь, который в знак благодарности воздвигнул скромный памятник 1829 г. 14 ноября с лестною надписью для г. Войцеховского, обедал вместе с нами.

Сегодня, по поручению г. пристава, ездил я с г. Войцеховским и г. Леонтьевым к одному хутухте Номун-хану благодарить его за посещение. Сей боготворимый геген имеет пребывание в тангутском монастыре Юнхэгун [270], который своею обширностью и великолепием зданий занимает первое место в числе пекинских монастырей. Около 3000 лам живут около сих кумирен, так что монастырь здешний может составить отдельный порядочный городок. Длинный вал перед кумирнями, обнесенный каменной стеной, насажен деревьями. На правой отсель стороне — вход в жилище здешних монахов, по правой — обитель гыгена. Сей последний принял нас с удивительной вежливостью. Ввели нас в средние врата. Хозяин занимал в своей комнате последнее место, а почетнейшие [места] для нас назначил. Угощение состояло в зеленом чае, поданном в китайских чашках, на серебряных глубоких блюдечках. Гыген говорил только на тангутском. Переводчиками служат ла-

[270] Юнхэгун — один из архитектурных комплексов Пекина, главный ламаистский монастырь Цинской династии. Построен в 1694 г. Сначала был резиденцией принца, впоследствии третьего императора Цинской династии, имя которого было Сянь-ди, девиз Юн-Чжэн. В 1744 г. получил данное название и превращен в монастырь. Сейчас является историко-культурным памятником. В архитектуре комплекса сочетаются монгольский, китайский, маньчжурский и тибетский художественные стили.

мы. После вежливых приветствий мы разговор наш склонили к святой книге (55б) Ганджур, который желали приобрести посредством здешних миссионеров. Гыген отвечал, что упомянутое сочинение невозможно частному лицу купить в Пекине, что сам только богдо-хан дарит оным вельможей, князей и высшее духовенство и что только с падением какого-либо знаменитого дома Ганджур может перейти в частные руки. Но для чего русские желают получить сию книгу? — спросил гыген.

Мы отвечали: «Для бурят — подданных России, но последователей Шикьямуния. Если бы Палата внешних сношений доложила богдохану о нашем желании и цели приобретения Ганджура, то, возможно, государь пожалует Ганджур оный не токмо на одном, но и [на] 4 языках (тангутском, монгольском, маньчжурском, китайском). Слыхали ли вы, что буряты, получив один экземпляр Ганджура от халхасцев, перевезли через границу с тем, чтобы его перепечатать и распространить между своими единоверцами?» Потом гыген объяснил нам важность сего сочинения и величину каждого его тома и пр. Наконец мы простились с сим первосвященником, который, несмотря на нашу убедительную просьбу [не беспокоиться], проводил нас на другой двор до последних ворот. По его приказанию ламы показали нам кумирни, о богатстве и великолепии коих, кажется, не нужно и упоминать.

(56а). Довольно сказать, что монастырь Юнхэгун переделан с двора, в котором государь Сянь-ди (Юн-Чжэн, 1723–1736) [271] жил, будучи великим князем. Особенное же внимание заслуживает колоссальная статуя будущего, по мнению шикьямунцев, мироправителя Майдари, сделанная из дерева наньму, высокая, на 7 китайских сажен — чань, превышающая даже градскую стену, у которой построен сей монастырь.

Внутри монастырской ограды есть дворец для приезда государева. Богдо-хан уже здесь ночевал и приносил жертву. Присутствующие ламы обещали нам после, при удобном случае, показать и внутренность дворца.

В числе окружавших нас находился один китаец римско-католического исповедания, который убедительно просил нас посетить его дом, не в дальнем расстоянии от Юнхэгуна. Гостеприимный хозяин ввел нас в свой дом, представил нам 3 своих сестер и с чувством благодарности произносил имя г. Войцеховского, который, как искусный врач, вылечил одну из них. Хозяин, знающий несколько по-монгольски, посадил меня в комнате, где находился католический алтарь с 4 свечами пред св[ятыми] иконами.

По словам его, в Пекине считается до 30 000 католиков и немало духовенства из природных китайцев, которые секретно в домах совершают богослужения на (56б) латинском языке. Иностранные же вероповедники частью померли, частью высланы за границу империи.

[271] Сянь-ди был объявлен императором в 1727 г.

В Шаньсинской губернии живет тайно один епископ, которого чуть не открыло правительство, и токмо высшие чиновники, опасаясь жесточайшего наказания за таковую терпимость в своем окружении, успели отвратить дальнейшее столь пагубное исследование.

В столице же, за болезнию, оставлен токмо один епископ, который решился до кончины своей пробыть в Китае и между тем по возможности распространять католицизм между китайцами и приготовить из них более веропроповедников для пользы христинства. (*Вставка:* В Сычуане корень христианства есть, и епископ тайно, но действует.) Мне самому случилось в короткое время видеть немало китайцев, довольно твердых в вере и хорошо знающих латинский язык. Оттуда отправился я в книжную лавку, где и приобрел несколько книг на монгольском и маньчжурском [языках].

Неизлишним считаю упомянуть здесь, что женский пол в Китае удален совершенно от общества мужчин, особенно посторонних. Ревнивый китаец изуродовал ноги женщин. Здесь сын даже без дозволения отца не смеет являться к своей матери. Прохожий, встретив на улице женщину, должен отвратить глаза в другую сторону. Недавно нам сказывали, что наследник престола чрезвычайно был болен и что по сей причине богдо-хан (57а) медлил с возвращением в столицу на зиму из своего загородного дворца. Наконец, оставив императрицу при больном сыне, сам 27-го числа приехал в Пекин. Родной его дядя 80-летний старец навестил наследника в загородном дворце. Дерзость таковая (ибо никто без именного дозволения [не мог] находиться в жилище императрицы) чрезвычайно рассердила богдо-хана. Старец, из уважения только к летам, получил высочайшее прощение, зато сын его лишился чинов и отрешен от должностей, на него возложенных. В христианских только домах женский пол пользуется некоторою свободою в обращении с мужчинами. Несмотря на всю важность китайцев, на все предосторожности со стороны правительства для удержания чистоты нравов, Китай есть страна разврата, особенно на юге, откуда привозят девиц и мальчиков в столицу.

Некоторое время посвятил я чтению книг, иезуитами составленных, для обращения китайцев и смежных им народов в христианскую веру; выписке о Тибете и Китае географических сведений.

Китайцы начинают учиться на восьмом году. Первая книга, которую дают в руки, есть «Сян-цзы-цзин» [272], содержащая в себе употребительнейшие иероглифы. Потом [дают] книгу «Цян-цзы-вэнь» [273], составленную из (57б) тысячи кратких изречений, которые должно выучить наизусть, прежде чем приступить к другим наукам.

---

[272] «С я н ь - ц з ы - ц з и н» — «Канон трех иероглифов», или «Троесловие», китайское сочинение.

[273] «Ц я н ь - ц з ы - в э н ь» — «Литература афоризмов», или «Тысячесловие», китайское сочинение.

Далее заставляют учиться сокращенному учению Конфуция и вместе с тем приучают писать буквы кистью, которую должно держать почти перпендикулярно к бумаге, чертить иероглифы сверху вниз от правой руки к левой. Чистый и красивый почерк весьма уважается в Китае, и хорошая рукопись всегда предпочитается печатной книге.

Потому сочинения составляют главный предмет занятий учебных.

Китай имеет и учебные заведения, даже и Университет, [правда,] именем только, не делом. (*Вставка:* Положено даже на каждую [группу] окладных учеников[, которая состоит] из 60 [человек], [брать] из монголов — 20 [человек], из китайцев — 20, а из прочих малых команд по нескольку человек.) По окладам все числятся в училищах, но в училищах совсем не учатся. В 1826 г. богдо-хан велел усугубить строгость.

Юношество обыкновенно образуется под руководством частных учителей, звание коих почтенно и выгодно.

Наставник в домах занимает первое место. И воспитанники его обязаны вечно почитать. Окончив первоначальное домашнее учение, китаец занимается науками, открывающими путь к степеням, посредством которых входит в круг ученых. Но эта ученость состоит в знании по возможности большего числа иероглифов и множества изречений.

Рассмотрев положение, по которому получаются ученые степени, можно бы заключить, что (58а) китайский доктор должен быть весьма хорошо образованным и имеющим обширные сведения по разным частям науки.

Но в самом деле он знает только читать и писать и несколько переводить с китайского на маньчжурский язык. При всей строгости закона нередко получаются звания ученые за деньги, нередко кандидат экзаменуемый вместо себя нанимает другого, сведущего, который за условленную сумму разрешает данные вопросы. Смертная казнь назначена за каждое по сему преступление или упущение. Должности раздаются соразмерно степени учености. Но как ученость, так и должности в Китае продажны. (*Вставка:* В ноябре 1826 г. обнародовано о вновь открывшейся продаже чинов обер-офицерских, с показанием цен на чин просто и на чин с должностью.) В прежние времена чин обер-офицерский стоил 100 ланов, а ныне утверждено взимать за каждый чин по 120 ланов, не рассматривая, в столице ли он покупается или по губерниям.

Впрочем, нельзя обвинять китайцев в недостатке прилежания и трудолюбия. Напротив, они лучшую часть жизни посвящают наукам, а невежество их более происходит от необыкновенной трудности языка. Каждая вещь имеет особое слово, и каждое слово изображается особым иероглифом: так что весь китайский язык, можно сказать, состоит из азбуки таинственной. Число [элементов ее], как утверждают, простирается до 80 000, но сверх сего одно слово может значить (59б) до 20 и более вещей, которые различаются разными наклонениями голоса.

Прибавьте к тому разность наречий и слога и легко догадаетесь, сколько труда стоит изучение сего языка, единственного в свете.

Для достижения степени доктора должно выдержать три испытания и доказать свои познания на самом деле. Подвергающийся испытанию запирается в особой комнате так, чтобы не мог иметь ни малейшего сношения с посторонними лицами.

Там он не имеет при себе другой бумаги или книги, кроме необходимой для сочинений. Пища и свечи доставляются из императорской казны. Двери запечатываются печатью. Огромное здание, для сего определенное, заключает до 6000 комнат. При всей строгости, требуемой законом, испытуемый ученик еще до прибытия в провинцию для экзамена нередко успевает подкупить чиновников, имеющих надзор за ходом испытания, которые доставят все средства, нужные в сем случае.

Декабрь

4-е. Посетили мы епископа католического Пиреса, имеющего пребывание при южном храме. Нельзя описать радость, с коею нас встретил сей почтенный старец. Последний уже из европейских миссионеров в Пекине, гонимый злосчастною судьбою среди коварных китайцев. Честь членам Русской миссии, которые не оставили своим посещением его, подкрепляли жизнь и дух христианского веропроповедника, окруженного завистливыми язычниками. Он родом из Португалии, ордена Доминиканского. Священник более 30 лет провел в Китае для распространения христианства в обширной и многолюдной империи. После гонений, претерпеваемых католиками в правление Цзацина, остались из значительного числа веропроповедников три только человека: Гао, Рибейра и Пирес.

Первый в нынешнее правление Даогуань, желая возвратиться в отечество под предлогом вспомоществования там престарелой своей матери, получил от китайского правительства разрешение на выезд. Рибейра скончался 2 окт. 1826 г. **(***Вставка:* Указ члена Астрономической Палаты Цзин-чен доносит, что член оной Палаты Лигун чжин Рибейра от приключившейся болезни умер, почему в изъявление нашей высочайшей милости жалуем на погребение 200 ланов. А поелику оной же Палаты член Писио юянь (т. е. епископ Пирес) также объявляет желание по слабости здоровья возвратиться вместе с прежде пожелавшим Гаошоу-цянем (Гасера), то и ему, епископу, возвратиться повелеваем. Почему всем начальствам по тракту до Кантона [274] предписываем принимать их и препровождать.**)**

1 окт. 1826 г. Богдо-хан повелел (59б) остающегося Пиуса и Гао Сера отправить за границу империи. Но Пирес, воспользовавшись сроком, назначенным для выезда, успел под предлогом болезни исходатайствовать для себя дозволение на пребывание до выздоровления в Пекине. Избегая всякого подозрения со стороны китайцев, он никого к себе не допускает и неутомимо, но тайно старается увещеваниями и поучениями подкреплять дух преследуемых своих единоверцев и ум-

[274] К а н т о н — старое название г. Гуанчжоу.

ножать число духовенства из природных китайцев. (*Вставка:* Гао Сера выбыл из Пекина 5 марта 1827.)

После его выезда или кончины огромный и великолепный храм католический, последний уже в столице, со всеми при нем находящимися зданиями, непременно будет разрушен, как то и сделалось с храмом французским и итальянским и другим — португальским.

Одна только перемена в правлении здешнем, или удаление президента астрономической коллегии (*вставка:* Цзин-чена), врага католиков, по словам епископа, может сохранить в целости церковь и католиков.

В продолжение нашего посещения в особенности епископ любопытствовал о последних победах России в Персии и Турции, о происшествиях политических (60а) в европейских государствах, обративши внимание на китайцев, часто повторял латинские слова: patientia, pindentia et pecunia [275] — терпение, расторопность и деньги, коими каждый иностранец должен запасаться, если хочет жить, и жить с пользою для своего отечества, в Китае. Душевно благодарю наших миссионеров, которые в самых теснейших обстоятельствах, по своей к нему дружбе, старались приносить пособие. Было время, когда окружающие его христиане-китайцы для собственной безопасности бегали от него, когда наступательно требовали и денежного вспоможения и делали ему различные неприятности, почти нестерпимые. Но провидение ниспослало покровителей и защитников в лице русских миссионеров.

Пред храмом правления Кансия воздвигнуты два памятника алебастровых на черепахах в беседках, с надписями на маньчжурском и китайском языках в честь католических миссионеров, сильно помогавших богдо-хану в исполнении его видов.

В храме был и орган, но сей запрещен: обветшал. Вместо него миссионеры ввели музыку, к чему употребили китайцев и их музыкальные инструменты. Прекращено.

(60б) Около трех лет нет уже священнодействия в главном здешнем храме. Епископ в домашней церкви ежедневно в 3 часа утра служит обедню. Священники из китайцев тайно посещают христиан городских и в провинции находящихся для совершения в их домах священнодействия. При сем употребляют они шапочки хошанские с крестами, с дозволения Папы.

Папа дозволил китайцам в шапках быть в храме, уничтожил скамьи, на коих обычно католические прихожане сидят во время службы церковной.

При сем же храме находилась прежде обсерватория, она теперь служит беседкою для прохлады на время летних жаров. С 2 башен прелестный вид на город. Недалеко от села конюшни для императорских слонов, употребляемых только однажды в год, во время жертвоприно-

[275] Patientia, pindentia et pecuniam (*лат.*) — терпение, благоразумие, деньги.

шения в храме Земли. На содержание оных назначается известное количество корму, но смотрители немало пользуются оным.

5-е. По приказанию г. пристава ездил я за город Хуан-сы (за воротами Аньдыньмынь) в 3 ли, в желтые кумирни (*вставка:* построены в половине XVII столетия), где имеет пребывание Минчжур, пекинский хутухта, которому я отвозил подарки. Вежливость сего первосвященника удивительна. Разговор занимательный и редкое любопытство, особенно по части географии. А когда дело дошло до веры, он ее, сравнивая со своею, между прочим сказал, что, по книгам, шигемунианцам через 100 лет ниспослан будет на землю сын божий, пришествия коего должны ожидать последователи буддизма.

Но, по сказаниям индийцев, десять считается сыновей божиих, а не один, как у христиан.

После обеда вместе с г. приставом и некоторыми членами Миссии посетили мы и другого хутухту при кумирнях Юнхэгун.

Из записок г. Сосницкого о китайских войсках. Включаю здесь некоторые. Китайские солдаты все женаты. Каждый из них во время походов имеет при себе слугу.

Обмундировка не казенная, а частная, и потому странная для европейца является пестрота. Вооружение также частное. Провианта для них отпускает правительство значительное количество: круп столько, что за прокормлением семейства половину продает. Ежемесячно получает 25 золотников серебра (3 лана). Прежде им раздавались земли, поместья и домы. Но мотовство удивительно распространилось между воинами. Полунагой солдат издерживает на похороны своего отца до 5000 руб., чем совершенно расточает имение, так что потомство в крайней бедности находится. Впрочем, это не редкость в Китае видеть внуков богача полунагими, шатающимися (61б) по улицам для соб[и]рания денег на дневное пропитание. Ибо Конфуций [276] сказал: «Изверг, кто не явил сокрушения до повреждения внутренностей и не истощил до половины имения». Под предлогом взаимного вспоможения маньчжуры составили между собой большие круги ложной дружбы. Вспоможение сие по-китайски называется «чуфынцзы». В упомянутых кругах, заключающих в себе богатых и бедных, чиновников и простых, мотов и людей умеренных, беспрестанно являются нужды и причины вспомоществования [вспомоществования]. Например, в случае чьей-либо кончины приглашаются по билетам все семейства, сему кругу или обществу принадлежащие, на несколько дней, а иногда и на несколько недель, для совершения траурных обрядов. На сей конец вызывают много жрецов, музыкантов, иногда открывается и театр. Все это делается будто из почтения к умершему. Все присутствующие приносят и свои части, стоящие от 10 ланов, но не менее 10 золотников серебра. Кончатся обряды погребальные, начинается в других домах свадьба,

[276] К о н ф у ц и й, или Кун Фу-цзы, — букв.: Учитель из рода Кун, мыслитель (VI–V вв. до н. э.).

где подобным же образом полное общество участвует и присутствует. (62а) Наступает истощение. В крайности платье и вещи все идут в ломбард, под заклад, за чрезвычайно малую цену, но за большие проценты. По истечении срока заклад делается собственностью хозяина ломбарда, который, разоряя целые семейства, неимоверно и скоро богатеет.

Для истории христианства в Пекине небесполезно будет взглянуть на Указ в правление Цянь-луна 50-го лета во 2-й луне (по-нашему, 1786 г.), данный Сенату.

Поелику европеец Бодириан с прочими, самовольно прошедши внутрь нашего государства, проповедовали учение, то их, в Хугуаньской губернии сыскавши, схватили и при допросе от них узнали, что в губерниях Чжилинской, Шандунской, Шаньсинской, Сычуаньской и других также находятся самовольно проповедующие ученые люди. Посему начальство губернское, обстоятельно сие исследовав, [их] одних за другими сюда препроводили и предавали суду, в коем определено было заключить их вечно в темницу. Но мы всемилостивейше находим, что такого рода преступники имеют намерение только распространять свое учение и что других за ними дел, нарушающих наши законы, не оказалось. Ежели бы они, прибыв сюда, ясно объявили местному начальству и под присмотром оного пришли в столицу, то бы и никакого (62б) преступления за ними вовсе и не было. Но как они не объявили о том местному начальству и, скрываясь, подобно лешим, самовольно обманывают и обольщают народ, то нельзя их оставить без наказания. Хотя они и заслужили достойное преступления наказание, но мы сочли сие их глупостью и всемилостивейше повелели только заключить в темницу, а теперь думаем, что сии преступники суть люди иностранных княжеств, не знающие законов нашей империи, то и весьма сожалеем даже по заключении их в темницу.

И посему Бодириана с прочими 12 человеками, в знак нашей высочайшей милости, повелеваем освободить. Ежели из них сыщутся желающие жить в столице Пекине, то таковых препроводить в их коллегии, пусть они здесь живут и исправляют какую-либо должность. Ежели же найдутся охотники возвратиться в Европу, то для препровождения их назначить отселе человека, под надзором коего и отправить в Кантон. Да знают они, что мы, из чрезмерной нашей любви и снисхождения к роду человеческому, оказали им сию нашу высочайшую милость, даже вопреки нашим законам.

(63а) Несколько слов о Японии. В китайских летописях сие государство называлось Вэй ну-го, т. е. Восточнейшие государства. Слово Япония есть слово историческое Жи Бень, ибо восточную литеру «жи» произносят [как] «и», а потому европейцы сперва назвали Ибения, после Япония. Земли сии окружены морем. В Японии пять столиц, семь главных правительств. Она разделяется на 115 областей — чжеу и на 537 округов, много удельных маленьких государств. В том числе упоминаются: 1. Сематай-го, где и император имеет пребывание; 2. Сымаго; 3. Цзибочжи-го; 4. Иньсе-го; 5. Цзюньчжи-го; 6. Мину-го; 7. Хао-

цзиду-го; 8. Буху-го; 9. Цзену-го; 10. Дуй-су-го; 11. Суну-го; 12. Хун-го; 13. Хуану-го; 14. Гуй-го; 15. Вейу-го; 16. Куйну-го; 17. Сема-го; 18. Гунчен-го; 19. Боли-го; 20. Чживей-го.

Японцы первый раз прислали посольство к китайскому двору в царствование последней Ханьской династии [277]. Наконец в царствование Суйского государя [278] Вэнь-ди японский государь по фамилии Амей прислал посольство к китайскому императору с листом, в коем титуловал себя «сыном неба», [который] западнейшему «сыну неба» здравия желает. Богдо-хан был весьма недоволен сим листом и сказал министру иностранных дел, чтобы вперед листов (63б) иностранных, не согласных с формою, ему не представлял. Чингисской монгольской династии [279] управлявший Китаем император Шицзу Хубилай требовал от японцев, чтобы признали они над собою власть его. Японцы не согласились. Хубилай посылает большой флот, который дошел до горы Пяти Драконов, где бурею был поглощен. Отправлен был и другой флот, но без успеха. Так что сношения двух держав были совершенно пресечены.

При Минской династии [280] в царствование Хун-у 4-го лета японский государь Ланьхуай присылает посла с данью, за которую богдо-хан отдарил шелковыми материями. Но вскоре японцы напали на китайские приморские места, ибо Ланьхуай не был доволен богдоханским листом, т. е. указом, богдо-хан по дальности пути не предпринял военных действий, а только повелел приморские места обнести стенами. Японцы несколько усмирились. Наконец в царствование минского государя Юнло, хотя японцы и привозили дань, но и не переставали опустошать приморские губернии, т. е. Цзяннянскую, Чжецзянскую, Фуцзянскую и Гудинскую. Вера в Японии фоевская. Язык — иероглифы и ученость китайская.

(64а) В древности вместо письма узлы вязали. Воров и разбойников нет. И посему мало судных мест. Однофамильцы браками не связываются. Во время траура воздерживаются от мяса и вина. Император признает Солнце старшим, а Луну младшим братом. Японцы сидят и лежат на земле. Через трение ладоней изъявляют удовольствие или радость. При сомнительных допросах виновных становят на мелкие камешки и стращают, обливая кипятком. Или заставляют взойти в посуду, наполненную змеями, с той уверенностью, что невинный не потерпит ни малейшего повреждения. В Японии имеется золото, серебро, янтарь, восточный хрусталь, ртуть, жемчуг, называемый байчжу, яшма, под именем цинь-юй, медь, железо, сурик, разные дорогие деревья, выделывают гладкие полотна и цветные шелковые материи, веера, лак

---

[277] ...последней Ханьской династии. — Возможно, имеется в виду Поздняя Восточная Хань (25–220).

[278] Имеется в виду империя Суй (581–618).

[279] Монгольская династия Юань (1271–1368).

[280] Династия Мин (1368–1643).

и пр. В Японии есть верховный жрец, который единственно занимается жертвоприношением. Титул его тянь-ван, т. е. небесный владыка.

При государе находится весьма важный чиновник, как бы помощник его, под именем чен-сян.

(64б) Во время Минской династии, при 14-м государе Шеньчжусян-ди Вань-ли, в 1619 г., первый караван из России или, по крайней мере, русские два человека были в Пекине, и Вань-ли сказал им: «С торгом приходите и торгуйте. Выходите и опять приходите».

Штаты для великих князей	ланы	мешки
Цин-вану в год жалованья	10 000	5000
Наследнику его	6000	3000
Цзун-вану	5000	2500
Наследнику его	3000	1500
Бэйлэ	2500	1200
Бэйсэ	1300	650
Гунну	500	250
Князьям цзангинам 1-й степ.	410	205
Князьям 2-й степ.	385	192
3-й степ.	360	180
4-й степ.	310	155
5-й степ.	285	142
6-й степ.	260	130
7-й степ.	210	105
8-й степ.	185	92
9-й степ.	160	80
10-й степ.	110	55
Великой княжне	400	200
Княжне 2-й степ.	300	150
(65а)		
3-й степ.	220	100
Дочери бэйлэ	190	95
Дочери бэйсэ	160	80
Дочери гуна	130	65

Способ делать сальные китайские свечи и обливать оные воском. Оные бывают вдвое толще и столько же короче наших, горят ясно и нисколько не оплывают. Доброта их зависит: 1 — от светильни, которая стоит всегда прямо, 2 — от обливки воском, который составляет преграду и не дозволяет обливаться салом по сторонам. Взять спелого тростника, растущего по сухим местам, высушить на солнце, очистить с него тонкую кожицу, находящуюся на поверхности, потом, выбрасывая коленцы, наделать из него трубочки без коленцев, длиной в 3 или 4 вершка, кои должны быть одинаковой толщины. Обернуть сии трубочки лучшею хлопчатою бумагой, оставляя один кончик открытым. Потом посредством скания [катания] рукою или дощечкою стараться прикрепить плотно хлопчатую бумагу к сей тростниковой трубочке,

причем нужно наблюдать и то, чтобы слой бумаги везде был равномерной толщины. Приготовив таким образом светильню, и сколько их окажется, столько же должно иметь заостренных с одного конца деревянных (65б) палочек или спичек, длиной в 1/2 аршина русского. На сии спички надеть все светильни, сперва положив оные в горячее сало до половины и оставить застыть. Между тем растопить довольное количество говяжьего или бараньего сала и, по вскипании, перелить в глубокий, нарочно для сего случая употребляемый, железный котел, поставив в умеренном воздухе, и мешать беспрестанно палкою или лопаткою дотоле, пока оное сало призастынет и сделается подобно жидкому мучному раствору или разваренному гороху. Тогда взять в каждую руку по нескольку спичек и, держа за оные, обмакивать светильнями в сало.

Обмакивание следует повторять до 70 или 120 раз, смотря по толщине светилен, причем нужно наблюдать, чтобы сало было в одинаковой температуре теплоты, иначе же свечи не будут гладки. Приметив же соразмерную толщину свечи, дать оным простынуть, потом обчистить ножом с верхнего конца свечи, обнажить светильник на столько, сколько требуется для зажигания, после чего свечи сии возымеют фигуру китайских. Получив таким образом желаемое количество сальных свечей, взять белого вина и бараньего сала по равной части, положить (66а) в особенный небольшой котлик и, когда оный состав вскипит раз, тогда, приняв с огня, мешать ковшиком до тех пор, пока довольно простынет, потом брать за спички, служащие рукоятками, как можно проворнее обмакивать в оный состав или обливать ковшиком над котлом. По окончании обливки дать свечам простынуть и еще повторить обмакивание. После сего, спустя полчаса времени, можно их снимать со спичек, завертывать в бумагу и полагать [складывать] для сохранения в прохладном месте. При делании сих свечей необходимо наблюдать, чтоб в комнате, в коей производится работа, был умеренный воздух, чтобы было не холодно и не слишком тепло, чтобы ветер не проникал в оную комнату, иначе восковая обливка на свечах тогда же будет трескаться.

8-го поутру ездил я с подарками от г. пристава к Номун-хану хутухте в Юнхэгун. Принял он весьма благосклонно и, в знак памяти, подарил мне три пучка тибетских свечей и кошелек канфовый для табакерки.

(66б) В полдень вели 7 слонов с жертвами, которые будет приносить богдо-хан в храме Неба (*вставка:* в виде осьмиугольной башни, вышиною в сажен 15, покрытый колпаком из чистого золота, имеющим фигуру шапки далайламской). Около сего времени, по обыкновению, казнят преступников во всем государстве. Государь по тому случаю приносит очистительные жертвы.

После обеда с г. приставом и несколькими членами Миссии в желтых кумирнях посетил я Минчжур-хутухту, который обнаруживает чрезвычайное любопытство ко всему европейскому. После обыкновен-

ного угощения сам нас сопровождал в кумирни великолепные. Здесь соединены три монастыря: Дуньхуансы, древнейший, Сихуан-сы, основанный в первой пол[овине] 18[-го] столетия (1723), и Циньцзинхуамиао, постр[оенный] в 1783 г. В последнем находится белый мраморный обелиск, воздвигнутый императором Цяньлунем. (*Вставка:* Слоновый двор Сянфан, построен в нач[але] 16[-го] столетия при Минской династии. Ныне находятся здесь 13 слонов, кои употребляются при торжественных государевых церемониях.) Воздвигнут в честь Баньчен Римпучия, умершего на сем месте. Разные изображения, представляющие обстоятельства жизни и деяния Шигемуния, высечены на обелиске. Отдельно поставлен камень с надписью на маньчжурском, китайском, монгольском и тибетском языках.

9-го. Извлечения из записок Николая Ивановича Вознесенского. Географическое описание Китая Дюгальда [281], о просвещении китайцев писал в Париже на (67а) латинском языке, где находится и перевод философии Конфуция, хронология и пр. Наружностью и обрядами китайцы занятны. Китайцы прехолодно между собою лобызаются и прегорячо друг против друга действуют. Искренности и тени здесь не находится.

Корейцы любят иностранцев и вещи иностранные, охотно дружатся. В прошедшем столетии один кореец случайно прочитал книгу «Истинное учение, данное римскими веропроповедниками» и возымел желание продолжать сие занятие, но, по недостатку сочинений, просил одного посланника при посольстве в Пекине приискать книг и самих авторов увидеть. Но сей последний, убедившись в истине христианства, крестился в столице и получил власть крестить других желающих. Возвратившись в Корею, крестит своего благодетеля, который направил его на путь истинный, вместе с братьями своими сделался ревностнейшим веропроповедником. Цзян-цин император спрашивал римских веропроповедников: «Спасется ли кто из китайцев до введения христианской веры в Китай?» Они отвечали: «Не омывшийся водою и духом не войдет в царствие небесное». За сей ответ многих миссионеров немедленно выслали из империи, и решено, кроме оставленных в Пекине знающих астрономию, впредь никого не принимать. Но и сии в 1827 г. уничтожены.

(67б) По уложению Доролон чжурхан в 92-й книге видно, что в одной Чжилинской губернии считается 19 622 кумирни; хошанов даосов, приписных монахов, хошанок монахинь 104 190 чел.

В полицейской пекинской команде более 30 000 чел. Мошенники и воры обязаны похищенные вещи доставлять в свою управу, которая часть им возвращает, оставляя прочее у себя.

---

[281] Географическое описание Китая Дюгальда... — имеется в виду «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайской» (1736) французского синолога Ж.-Б. Дюгальда (Дю Гальд, Дюальд; Du Halde, Jean-Baptiste; 1674–1743). Переведено и издано в России в 2 ч. в 1774 и 1777 гг.

Обокраденный может свои вещи получить, доказав, что оные ему принадлежат, и оплатив положенный выкуп.

Смертоубийства в городе редки, но воровства бесчисленны.

* * *

Маньчжурия простирается от В к З на 5100 с лишком китайских ли, от С к Ю на 3000. На В граничит с Восточным морем, на З — с Шаньхайскою заставою, на Ю — с морем, а на С — с Россиею и р. Амуром. Столица Шеньцзин от Пекина 1470 ли. Северная столица.

Синьяньские горы принадлежат к России, называются они Чаньбий, т. е. Длинная Белая гора, протяжение имеет на 1000 ли, а возвышение — на 200 ли. Ноныр-река на В впадает в Амур. Амур же берет начало в ЗС в 600 ли, соединяется с р. Хунтун и, слившись с р. Усури, впадает в Восточный океан.

(68а) Амурский главный генерал имеет пребывание в Солонском главном городе Цичагаре, при нем 2 генерал-майора, 8 бригадных командиров селинов, полковников — 1, капитанов — 36, поручиков — 8, подпоручиков — 36 и 1 офицер 6-го класса, секретарей — 1, почтмейстеров — 1, казначеев — 1.

В Фыниянской губернии пахотных крестьян 47 124 души, пахотной земли 18 452 цина с агонами. Оброку получается 29 102 лана и хлебом 40 073 мешка. Казенной пахотной земли считается 46 036 участков, обрабатываемых 786 крестьянами. От сего получается хлеба — 32 391 мешок. Соль добывается в 3 местах, из коих каждое доставляет по 12 000 чинов. Хлопчатая бумага сеется в 5 местах, из коих каждое доставляет по 700 чинов. В Цзиринула, в Нингута и Байздуна пахотная земля состоит в 69 местах, обрабатываемых 690 крестьянами, и доставляет 20 700 мешков. Земли, принадлежащей военным дивизиям, считается 23 667 000 участков (жи). Каждый таковой участок обрабатывается в 1 день крестьянином.

Из газеты 1826 г., 1 авг., видно, что более 1000 семейств перешли в Хорчинское княжество, где под покровительством владельца (68б) построили домы, развели пашни. Повелено строго исследовать и запретить.

В 1826 г. в газетах помещен доклад, из которого видно, что один крестьянин принес жалобу на неслыханное грабительство чиновников. В 4-е лето правления Даогуаня, по случаю разорения крестьян от бывшего наводнения, велено каждому выдавать ежедневно заимообразно около 1½ золотника серебром, но секретарь земского суда и казначей выдавали только по 70 чохов, что и половины пожалованного не составляет. Сверх сего, при даче сих денег вычиталось с каждого по 5 чохов, а писцы для себя — по 10 чохов. В 5-е лето правления та же милость сделана, и с крестьян удерживали по 30 чохов, а как вышеупомянутый крестьянин не уступал, то ему в даче денег отказано. Принес жалобу в областное правление, но и здесь отказано. Жаловался он гу-

бернатору, который дважды предписывал разобрать сие дело. Но удовлетворения не было. И крестьянин решился прибегнуть к высшему начальству. Богдо-хан велел поступить по законам.

1826 г., 1 октября. Указ Астрономической академии члена, европейца Гаошоу-цына, по его прошению, для изъявления его престарелой (69а) матери сыновнего долга увольнением вечно от должности в его отечество без возвращения в Китай. [*Далее написано:* «] и повелеваем в пути встречающихся уездов начальникам скорее его препровождать и чтобы он с людьми не имел никакого обращения до самого Гундуна. По прибытии в оный предписываем губернатору немедленно отправить его далее и по отбытии его дать нам известие».

* * *

В августе 1826 г. пекинский генерал-губернатор велел католическим миссионерам сделать опись имению своему и представить. К ним принадлежали многие домы и лавки. Жители, нанимающие оных, видя, что миссионеры в беззащитном положении [в течение] нескольких уже годов [лет], не стали платить квартирных денег и насильственно не выходят [из занимаемых помещений]. Миссионеры просили помощи у начальства, но начальство только строжайше подтвердило им подробно описать свое имение.

В апреле 1826 г. один христианский цирульник подрался с языческим цирульником, и первый откусил последнему палец, а он проломил голову христианину и в отмщение донес милиции, что его противник есть христианин. Христианский цирульник со своими учениками (69б) был схвачен, при допросе не отрекался от Христа, за что и присужден к вечной ссылке. Ученики же его под пытками сделались доносчиками на христиан.

* * *

10-го после обеда вместе с гг. Войцеховским, Кирилловым и Сычевским посетил я Хан-уе, племянника Минчжур-хутухты. Он родился около Кукунора, женат на маньчжурке, но живет частью при дяде, частью же при своем шурине. У последнего нас и принимал.

Любопытство посмотреть русских привлекло даже женщин на двор, через который мы проходили в гостиную. Вежливость, нередкая в Китае, но весьма редко соединяемая здесь с простосердечием, и образованность европейская — суть достоинства нашего хозяина. Все недостатки и пороки китайцев, равно как и превосходство жителей Европы, хорошо ему известны. По знакомству с г. Войцеховским приобрел он много полезных сведений, делающих честь учителю и ученику. Читает он по-русски, знает наше Священное Писание, географию и другие предметы, желает учиться живописи и пр. По его словам, дядя его, хутухта, ежедневно посвящает [время] чтению Нового Завета на мань-

чжурском языке [282], полученного от наших миссионеров, (70а) и чрезвычайно любопытствует обо всем, касающемся нашей веры, наших наук, нравов и обыкновений. Он же выразил, так сказать, желание узнать Европу. Ламы, стоя на коленях, читают Новый Завет своему первосвященнику. Хань-уе просил у нас платья европейского, в котором бы он мог явиться к своим родственникам. Вопросы его просты, откровенны и происходят от одного только желания узнать истину.

Между прочим, спрашивал нас, правда ли, что в России есть один город, магнитными стенами обведенный, а другой — из стекла? Об этом, говорит он, ничего не упоминается в наших книгах, но известно из рассказов простых монголов. А коль скоро услышал от нас, что в Европе находятся громовые отводы и о способе их делания, от радости воскликнул: «Почему о сем вы не докладываете нашему богдо-хану?!» Потом разговаривал о множестве сект, происшедших в Тибете и Индии, и успехах английских миссионеров в Индии. Там несколько столетий существовала огнедышащая гора. Брамины повторяли, что, по их книгам, (70б) вскоре явится на землю Спаситель мира, и предсказывали, что они, коль скоро погаснет огонь в горе, переменят веру свою на новую. Недавно вулкан погас, и английские веропроповедники воспользовались народной молвою, доказали, что Спаситель, ожидаемый ими, ныне уже давно просветил людей, и крестили неслыханное множество язычников. При сем случае, спросил я у Хань-уе, нет ли книг исторических о сих странах?

«Почти ничего нет, — отвечал хозяин, — кроме одной, на тибетском языке, которая краткое и весьма ложное дает понятие о нескольких государствах, и если отыщу ее, непременно доставлю». Угостив нас обеденным столом [обедом], просил меня вместе с ним выйти на двор, где издали женщины желали посмотреть русское платье. Смеялся долго над обыкновением китаянок, которые для мнимой красоты безобразят свои ноги вопреки самой природе, и пр. и пр.

* * *

11-го по приглашению Номун-хана-хутухты ездил я к нему вместе с г. Сычевским. После обыкновенных приветствий хутухту (71а) обнаружил свое чрезвычайное любопытство в отношении к европейским государствам, особенно к России. Пространство, смежность с другими народами, силы военные и вооружение были главными предметами разговора, но употребление штыков привело в крайнее удивление хутухту. Далее спрашивал он: «Посылаются ли взаимные подарки от нашего государя к пекинскому двору и почему не ездят посланники с [из] одной столицы в другую? И правда ли, что нынешний государь возоб-

[282] К 1830 г. английскими миссионерами Сталлибрассом и Сваном, жившими в Сибири, был сделан перевод Нового Завета на старомонгольский и набран маньчжурскими литерами. С этими миссионерами был знаком О. М. Ковалевский.

новил смертную казнь, и есть ли у нас обыкновение стоять на коленях?» Удовлетворив вопросы хутухту, разговор наш склонился к вере. Хутухту, между прочим, сказал, что ныне в Тибете и Монголии распространяется много сект у шигемунианцев, мнения коих еще не исследованы, но наружные разницы весьма приметны. Например, некоторые из лам женятся, другие волосы на голове в косу заплетают, третьи не бреются и не стригутся, иные скрываются в скалах и степях и употребляют при богослужении особенного рода шапки и пр. По словам хутухты, находится в Пекине первая летопись Монголии на монгольском языке и Тибетская — на тибетском языке, перевод с индийского. Проведя около 4 часов в беседе после обеда, мы сейчас отправились на Русское подворье. При прощании (71б) хутухту просил нас снабдить его какою-то русскою книгою. Таким образом, и Номун-хан, по-видимому, начинает быть соперником Минчжура в познании всего европейского, в особенности русского.

Толпы низших наполняют пекинские улицы, а для возбуждения жалости в проходящих жестоко себя увечат. Залепить глаза пластырем или выколоть оные, переломить руки или ногу, исцарапать лицо или другую часть тела, выпачкать наготу свою грязью, взъерошить волосы, кривляться — это самые обыкновенные в Китае средства, употребляемые низшими, бегающими по улицам и беспокоящими проезжих и жителей в домах. Держа в руках пучок зажженных тоненьких свечек, [он] падает на колена пред ними, а звонким криком вынуждает для себя [людей подавать им] милостыню. Неоднократно ложатся на улице перед телегою, и седок должен бросить ему несколько монет, если не желает подвергаться удивительным неприятностям. Есть даже примеры, что родители, недостатком угнетаемые, нарочно увечат своих детей и посылают нагих на улицы (72а) просить милостыню. Бродяги сегодня секут себя плетью, лбом бьются о камень или друг с другом сражаются, пока прохожий несколькими чохами не разнимет их. В купеческих лавках делают неимоверные неистовства, противные духу человечества, ранят себя молотками или ножами и не уступают, не получив желаемого: в противном случае криком своим [он] привлечет множество зрителей и в полиции принесет жалобу на купца, что он его изранил с намерением убить. Полиция же рада таким случаям, охотно принимается за купца, единственно для того, чтобы он, для избежания дальнейших исследований, заплатил требуемую для него сумму денег.

Герб государственный есть дракон — лун. Дракон сей в чешуйчатых <...> принимается за царя, имеет рога оленьи, уши вола, голову верблюда, глаза его круглы, в плечах подобен змею, покрыт рыбьей чешуей, лапы тигра, а когти ястреба, передом силен, а задом изменяет [слаб], знает время являться, скрываться, великим казаться и малым притворяться, показывать величие и смирение, может (72б) растягиваться, сжиматься. Виды изменений его неограниченны.

Фуцзянская деревня изобилует чаем, который считается наилучшим во всей империи.

Деревце чайное не больше 6 футов, густо и ветвисто, листья на нем узкие, остроконечные, темно-зеленые, длиной в дюйм, и зубчатые по краям, цветы походят на белый шиповник, ягоды — на ореховое ядро, но менее влажны.

Оно боится солнца, а посему садят его под шелковичными и бамбуковыми деревьями, а более — на отлогостях гор. Семена его сажают в ямках, глубиной в 8–9 вершков, по 60–70 семян в ямку, и тотчас покрывают землею. Зерна всходят и выпускают многие стебли, из коих вырастает особое деревце. Пока оно растет, должно навозить землю мочою или навозной жидкостью или же разведенным калом шелковичного червя, но умеренно, чтобы корень не попортить. Если же садить его на ровных местах или при берегах, то непременно нужно поделать близ чайных ямок каналы для стечения воды, ибо если сами корни будут влажны, то и чай пропадет. В первые два года весьма редко собирают чай, но в (73а) третий и последующий — сбор весьма изобилен. На 7-м году менее он листьев приносит, и оные становятся твердые и толсты[е], тогда срезывают деревце под самый корень, отчего пускает он на будущий год новые отрасли, на коих родится великое множество листьев. Первый сбор бывает наилучший в марте месяце, когда они малы, нежны и едва развернулись, и приносит так называемый здесь моуфын-ча, т. е. цветочный чай, щиплют те только листы, кои находятся на концах самых мелких ветвей. Второе время собирания есть апрель. Листья тогда бывают большие, изобильные, но добротою хуже первых. В мае же самый последний сбор. Из сего видеть можно, что разные сорты известные чаю родятся все на одном дереве и что разность их происходит от времени, когда листья собраны, и от способа, как высушены. Способ приготовления также различный: иные не нужно свертывать, а особливо молоденькие, другие свертывают пальцами, обмочив в рисовой воде, и сушат на железных листах и переворачивают рукою, пока они посредственно не окрепнут. Сняв (73б) с железного листа, кладут их на рогожи и машут опахалами, чтобы остыли. Иные мешают с душистыми цветами. Листья последнего сбора кладутся над паром горячей воды для снятия у них некоторого нездорового свойства. Когда пар их пробьет, кладут их на железные листы или сковороды и сушат. Последняя операция для всех сортов есть сушение оных перед жаром. Чай в Фуцзянской провинции называется «те» (the), а в прочих — везде «ча».

* * *

Правительство китайское, чрезвычайно подозрительное к европейцам, удаляется от всяких ближайших с ними сношений. Они говорят, что для них иностранная торговля вовсе не нужна и что Китай удовлетворяет все нужды внутренние, а иностранные товары служат предметом роскоши и средствами к развратy в народе. Китаец охотно закроет

свою торговлю перед иностранцами. Много произведений запрещено вывозить за границу: олово, медь, железо, соль, серу, свинец, золото, серебро, порох, селитру, материи, а на отпускаемые товары наложены претяжелые пошлины.

Сычуанская губерния изобилует ревенем, который в Китае считается наилучшим. Разделяют его на два сорта: один растет на высотах, (74а) другой — на ровных местах и в садах. Он несколько тяжеловат, внутри желт, снаружи мраморист, воде дает шафрановый цвет. Целое произрастание есть корень, кругловатый, ветвистый, из вершины коего выходят многие листочки, расстилающиеся по земле и расположенные вкруг одни над другими. Сии листы бывают велики, зелены и вырезаны наподобие сердца. Из средины их возвышается стебель, угловатый, дорожчатый, вышиною в 1 с половиною фута, производящий цветочки, похожие на вишенные, кои уступают место остроконечному треугольному зерну, поспевающему в августе.

Произрастание раскидывается [начинается] весною [в апреле], а цветет [растение] в июне. Вынимают его из земли зимою, прежде, нежели начнут показываться новые листья. Ревень привозится в Россию довольно крупными кусками, неровными, имеющими по 3 и по 4 дюйма, а в толщину по 3 и по 4 пальца. Китайцы оставляют себе первый, лучший сорт.

В сей губернии находится и липовое дерево сишу. Оно невысоко, не приносит ни цветов, ни плодов. Кора на нем сероватая, а листья похожи на дикий вишенный, (74б) [оно] растет само собою по горам. Но сажают его и в долинах. Жители надрезывают на нем корку и достают жидкость, которая есть тот прекрасный лак, которого делать не можем, ибо он есть произведение природы, а не искусства.

На дереве делают 3 или 4 нарезки на коре и ставят под них сосуды для собирания текущей гущи, которая сначала бывает чиста и жидка, но, когда постоит на воздухе, принимает красноватый цвет и малопомалу становится черна. Собрав некоторое количество, цедят ее через полотно, которое потом крутят, дабы выжать всю жидкость, а гуща употребляется во многие лекарства в аптеках.

Качество сей гущи столь зловредно, что переливающие ее обязаны употреблять разные предохранительные способы. Сия смола принимает в себя всякий цвет, с каким ее смешаешь, прочность в ней соответствует лоску, когда она хорошо наложится, ни от воздуха, ни от старости дерево не теряет красоты. И сей лак сам собой поднимает столь высоко цены на привозимые к нам из Китая ящики. Когда он высохнет, выдерживает кипяток и влажность в себя не принимает. Но дабы дать ему сие совершенство, требуется много времени и работы, не довольно (75а) покрыть им два или три раза, а покрывают от 8 до 10.

Нельзя отказать китайцам в части трудолюбия. Но труды его [китайца] были успешны особенно в земледелии потому именно, что он физически слаб и по неимению скота работает сам и еще более истощает свои силы. При всем своем трудолюбии он едва-едва себя пропи-

тывает и свое семейство, которое, по причине многоженства, чрезвычайно распространяется. Трудолюбие его вынуждается [вызывается] недостатком земли и [большим] народонаселением. Не имея скотоводства, он чрезвычайно дорожит навозом, необходимым для удабривания земли, особенно на местах гористых, скалами и камнями усеянных. Не держит он коров, не знает молока и масла, питается пряностями для поддержания изнуряющихся сил, пирожками, сарацинским пшеном. По недостатку скотоводства, он ест и мясо верблюжье, лошадиное, ослиное и прочих животных, у нас в пищу не употребляемое. Монгольские овцы, издали пригнанные и истощенные, теряют цену во вкусе. Топленое монгольское масло здесь дорого ценится, а вместо него свиное в общем употреблении. Сверх того, засухи и наводнение часто навещают Китай. Вспомоществование (75б) из запасных житниц, переходя через многих чиновников, почти исчезает перед глазами полумертвого крестьянина. Жесточайшие наказания не в состоянии уже исправить испорченные нравы здешних жителей. Тысячи народа умирают ненаказанно. Дружба и взаимная доверенность только в словарях, философских письмах и на языке собеседников, но не в душе их существуют.

В столице Китая, прославленного просвещением, родители хотя и редко, но умерщвляют детей своих для уменьшения семейства и облегчения средств пропитания. (*Вставка:* Фоева вера говорит: ранее умереть — есть ранее переродиться, и потому бедные, потопляя детей своих в воде, приговаривают: пусть скорее переродятся в богатые домы.)

Медицина еще в детстве, скованная предрассудками, не приносит желаемой пользы скорбящему человечеству. Сердце холодное не участвует в страдании ближнего. Между тем, начиная с повелителя до последнего подданного, раздаются везде слова о нравственности и добродетелях человеческих. Есть слова, но ушей нет.

Пекинский двор для сохранения спокойствия и повиновения между монголами старается высших чиновников монгольских родством привязать к своему престолу.

Одна из княжон маньчжурских для разогнания скуки посреди угрюмых степей (76а) иногда писала стихи, в коих изливала свои грустные чувства: «Сродники мои, — говорит она, — избрали мне мужа, принудили жить в земле отдаленной. В ней негодные кибитки — суть мои палаты, сырое мясо — вся моя пища. Ах, любезное отечество, я о тебе беспрестанно помышляю. Сердце мое страдает смертельною раною, для чего не создана я птицею, дабы могла перелететь».

В правление Канси 31-го года 2-й луны 2-го числа коллегии церемониалов и прочих присутственных мест председатель, пониженный одною степенью, Губадай всеподданнейше ходатайствовал: «Мы, амбани, в общем заседании рассуждали, и по справке оказалось, что европейцы, полюбив августейшего государя просвещение, из самых отдаленных стран морем сюда прибыли, и ныне находим, что они астрономию приводят в лучшее состояние, в военное же время все силы

употребляли для лития пушек, а при посылке в Россию со всею справедливостью исполняли.

Службы их и трудов весьма много, да и во всех губерниях поселившиеся европейцы вовсе ничего худого не произвели, и народу никакого злочестивого учения с обольщением (76б) не преподают. Сверх того, когда ламам, хошанам и даосам дана свобода и народу не воспрещается зажигать свечи в их кумирнях, то и европейцам, ничего противного законам не учинившим, сделать исключительное запрещение, кажется, будет несправедливо.

Мы всеподданнейше просим христианские храмы по-прежнему оставить и христианам дать свободу, без всякого запрещения.

И когда на сие получим высочайший указ, повелеть по всем губерниям о сем обнародовать. Но поелику сие не от нашего решения зависит, то, всеподданнейше представляя, просим Высочайшего указа». На сем докладе Канси надписал: «Быть по сему».

Дневник О. М. Ковалевского 1830–1831 гг.
Dziennik zatrudnien. [(*Дневник занятий*)]
(*ГА РТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а*)

(133) [283] 6-го (VI.10). Поутру пристав Российского в Пекине подворья Вэнь-сань приезжал проститься с нами. Вскоре явились и китайские провожатые фуин и фусингэ, совершенно уже готовые отправиться в путь. По словам их — на наемных лошадях, ибо Военное министерство еще не выдало им билета, а по словам одного чиновника из Палаты иностранных дел — на казенных лошадях. Трудно было нашим провожатым сознаться во лжи, столь нелепо сочиненной для удержания нас в столице и притеснения нашего подрядчика, с которого требовали по три чина со ста чинов тяжести, вывозимой Миссией в Отечество, ссылаясь на то, что за выдачу казенного билета низшие чиновники в Военном министерстве требуют денег. Между тем стекались многие знакомые лица членам прежней Миссии, учители, албазинцы, на Русское подворье посмотреть на выезжающих. После обеда в Сретенском храме принесено было моление подателю всех благ о сохранении нас на обратном пути. Около полудня Миссия, при стечении многочисленного народа, двинулась в места в приличном порядке по большим улицам через Восточные городские ворота Аньдинмынь в северной стороне столицы на русское кладбище, в 1 версте от оной отстоящее, где ожидали нас албазинцы с семействами своими, многие чиновники и толпы любопытных. Здесь провели мы около 2 часов под тенью 3 дерев, от коих и кладбище получило свое китайское название.

(134) Приятные воспоминания прошедшего, разлука со знакомыми и друзьями, взгляд на скромные каменные памятники у могил почив-

[283] Здесь и далее в скобках указаны страницы дневника.

ших здесь прежних членов Миссии, сливаясь в одной душе, взволновали чувства наши и трогали посторонних зрителей. Сколь ни желательно было продлить удовольствие в общей беседе, столь трудно было оставаться равнодушным при подобном прощании. Со слезами расстались мы с начальником новой Миссии о. Вениамином, помощником его о. Аввакумом и студентом Сычевским, равно и со знакомыми нашими. Прочие члены Миссии проводили нас до деревни Цинхе в 18 ли от столицы по ровной, но низменной дороге, которая в дождливое время делается чрезвычайно топкою и даже непроходимою. Тогда обозы из Пекина отправляются чрез Хайдянь. После долговременного и постоянного пребывания в столице, пыльной и вонючей или грязной, путешественник с несказанным удовольствием наслаждается видом прелестных ее окрестностей, где рассеяны кладбища китайцев, засаженные деревьями, домики земледельцев, возделанные нивы, где воздух с каждым шагом к северу делается чище, приятнее и здоровее, а возвращение в Отечество и мысль о свидании с родными и друзьями несравненно более усиливает понятие об ощущаемом удовольствии. Пекин отодвинулся от нас к точке воспоминаний прошедшего, никогда уже не возвращаемого [284], совершение коего составляет новый мир воспоминаний, всегда для сердца приятных и поучительных для ума.

(135) Прежние предположения и сомнения наши о сей стране по большей части разрешены, любопытство удовлетворено, а равнодушие и скука, одолевшая в последнее время, рассеиваются при взгляде на природу. Непостоянство вкуса и желаний человеческих всегда существовало. Стремление сил умственных и чувств наших, коль скоро достигает предполагаемой цели, неминуемо ослаблению подвергается и ищет нового для себя предмета, в познании коего надеется получить приятность и пользу. Чем более кто собрал подобных точек, тем воспоминания прежней его жизни принимают более разнообразия и приносят более удовольствия, а врожденная человеку деятельность не может останавливаться в своем течении.

Селение Цинхе немноголюдно, но, по близости своей к столице, представляет вид торгового городка, наполненного лавочками купеческими и постоялыми дворами, где проезжие находят изрядные квартиры и необходимые вещи. Соседние крестьяне доставляют сюда избытки от своих трудов и ищут нужного в сельском хозяйстве. В одном из соседних трактиров мы провели ночь. За 7 месяцев назад [до этого] здесь мы были обрадованы встречей с 3 членами старой Миссии, а ныне расстаемся с прежними нашими спутниками, коих дружественное знакомство останется навсегда в моей душе предметом сладких воспоминаний. 7-го поутру отправились в путь чрез Шахэсянь до Нанькэу, крепостцы, закрывающей вход с юга в ущелье горное Чуань кэу. Дорога изрядная, лежит по ровным местам, почти до Шахэ, перед которыми

[284] Действительно, это было единственное путешествие О. М. Ковалевского в Китай.

(136) начинается песчаная почва, по которой струится небольшая, очень мелкая речка. По обеим сторонам упомянутого городка находятся два больших каменных моста на арках, возвышающиеся на случай необыкновенной прибыли воды из горных потоков. Отдохнув несколько в здешней гостинице, [продвигались] сперва по песчаной, потом — по ровной, но каменьями, из ущелья водою нанесенными, покрытой дороге, проселочной до крепостцы Нанькэу, где назначен был для нас ночлег в постоялом дворе у ворот городских. Вечером, прогуливаясь по песчаным крупным, камнем усеянным берегам речки, струящейся у подошвы высокой горы, вышли на значительную оной вершину, с коей могли видеть не токмо внутренность опустевшей крепостцы, покрытую наносною землею и засеянную разного рода хлебом и зеленью, но и обширнейшую равнину между раздвинутыми цепями гор (*вставка:* на восток простирающуюся до моря, а на юг — до Желтой реки — Хуанхэ), на коей находится Пекин со всеми своими прелестными окрестностями, сокрывающимися уже для наших глаз. Над ними носится непроницаемый туман. Мы только при помощи воображения переселялись на место прежнего пребывания и искали любезнейших товарищей, с коими поутру сегодня надолго, а может быть и навсегда, разлучились.

Равнина Пекинская с трех сторон окружена горами высочайшими. Летом подвергается чрезвычайным жарам — до 30 градусов [285] и более, несносным для коренных жителей, тем паче — для иностранцев, с Севера прибывающих сюда. Ныне там жары усиливаются, и проливные дожди немного освежают томительный воздух, особенно в многолюдной неопрятной столице. Поутру и в (137) полдень атмосфера мало разницы представляет. Самая влага, от дождей происходящая, не токмо вредна для всех вещей домашних, даже и в ящиках сокрываемых, но и для человека своим чрезвычайным давлением во время жаров.

(*Вставка:* Во время нашего пребывания в Пекине жар доходил до 29 градусов [286]. Гогор и дзиляор, насекомые, своим нестерпимым криком, сидя на ветвях дерев, предвещают в Пекине и во всем Китае летние жары.) Ветер не поможет усыплению человека, растянутого на рогоже и почти не владеющего собою. Многие на улицах скоропостижно погибают. Повреждение от жаров сильнее всякой простуды. Почва равнины сей глинистая, в самом Пекине нельзя найти чистого песку, ибо он пропитан глиною, нечистотою всякого рода, селитрою. Пади только здесь возделываются, а редко [— и] пригорки. Пашни, выровненные, орошаются водою из ключей или колодцев, проводимою посредством рвов или каналов. Земледелец не может щадить труда, если желает получить пользу от своих занятий. Сеет он ячмень, пшеницу, гаолянь

[285] 30 ºR = 37,5 ºC.
[286] 29 ºR = 36 ºC.

(бобариское просо) [287], кунжут, горох, гречиху, репу, арбузы, дыни, тыквы, капусту, огурцы, чеснок, лук, редьку, морковь, кукурузу и пр. Скотоводство весьма скудно в Китае по недостатку земель. Монгол доставляет верблюдов, лошадей, овец и рогатый скот. Некоторые, видя гонимые огромные стада овец и пр. с севера по дороге, утверждали, что в Китае скотоводство весьма обширно, но это несправедливо.

8-го поутру, в 7-м часу, с о. иеромонахом Даниилом, из Нанькэу, пользуясь благоприятной погодой, отправился я пешком в горное ущелье, подле ручья, до Дзуй-юнь-гуань, оттуда — до крепостцы Шаньгуань, а потом — до городка Чадао или Бэйкэучень, замыкающего северное устье и лежащее в самой Великой стене. Переход сей можно считать самым труднейшим, особенно для тяжелых телег, по причине постоянного возвышения (138) места и огромных каменных масс, оторванных временем от скал, окружающих дорогу, на пространстве 40 с лишком ли. Мы беспрестанно пробирались между скал, чрез ручей, стремящийся с шумом по дороге нашей. (*Вставка:* До самой вершины перешейка Бадалин, на котором построена крепость Чадао, с воротами на юг и север.) Место сие, столь красиво описанное г. Тимковским и о. Иакинфом, показалось ныне для меня более величественным, нежели ужасным. При виде огромнейших скал, сланцевых и гранитных, представляющих страшное здесь разрушение, рассыпанные деревни, домики, кумиренки, каскады, природою устроенные, местами насаженные деревья ореховые, каштаны, виноградные лозы наводили то ужас и удивление, то приводили на память роскошь сельской жизни и прелести природы, обвораживающие чувства. Словом, сладкая меланхолия завладела душою странствующего путешественника. Где лишь только скала покрывается слоем земли, там крестьянин успел воспользоваться и, удобрив ниву заступом, превратил оную в плодородную почву; утомленный путешественник ищет прохлады в ручьях чистой воды, под тенью дерев или под крышею гостиницы. У ворот сельских домиков сидят малютки 5–6 лет за столиками, покрытыми абрикосами, персиками, огурцами, чесноком, редькою и пр. На дороге встречаются многие китайцы с клетками, с детенышами жаворонков, пойманных в Монголии для празднолюбивых маньчжуров, которые, шатаясь по улицам столицы, имеют привычку носить на руке или палочке птичку. (139) По вершинам хребта, в котором построен Чадао, и крутизнам скал извивается Великая внутренняя стена: она издали представляется еще целою, но местами уже от времени приходит в разрушение. Состоит из двух тесаного белого гранита стенок, между коими дресва со щебнем наполняет пустоту; наверху обнесена зубцами и вымощена кирпичными плитами. В некотором расстоянии возвышаются башни;

[287] Г а о л я н (борабинское просо) представляет собой травянистое растение с красными цветками. Широко распространенное в Китае, оно используется как зерно, а также для производства алкогольных напитков.

в одной из них помещено более 100 чугунных пушек, служивших некогда для защиты Северной столицы Китая от вторжения варваров степных. Среди мирной тишины лежат они без употребления, и затравки свинцом залиты. Отдохнув на постоялом дворе в Чадао, отправились мы в путь по отлогой дороге, мелким булыжником усеянной, на долину, где построена крепостца Юйлинь, в 25 ли от Чадао, объединенная по китайскому обыкновению стеною из кирпича, набитого глиною. В Юйлине ночевали. Огромные телеги с нашей тяжестью с удивительным трудом переходили вышеупомянутое ущелье, несмотря на то, что наш подрядчик облегчил оные значительно, употребив лошаков под большие ящики.

(140) 9-го. Через уездный город Хуайлайсяно поднялись мы до Тумэу по дороге ровной, но песчаной и каменистой. Оттуда отправились в Шачень, у ворот коего на возвышенном месте увидели сидящие толпы [толпы сидящих] женщин и мужчин, смотрящих на кривляние актеров и наслаждающихся нестройною и для европейского уха несносною музыкой. Улицы сего городка были наполнены как местными жителями, так и крестьянами, собравшимися для торговли. В Шачень ночевали. (*Вставка:* В Тумэу и Юйлинь на улицах и вне города встречали мы много зобастых людей — следствие, как говорят, здешней воды.)

10-го из Шачена чрез Дунбали и Баоань прибыли в Дзиминь и — городок, равно как и первые, обведенный кирпичной стеной и отстоящий от Шачена на 40 ли. Здесь мы имели роздых. После обеда пробирались у подошвы высочайшего холма каменного, на вершине которого находится кумирня, к удивлению всех путешественников. Дорога лежит по левому берегу реки Янхэ, частью песчаная, частью же просеченная в скале. Вид на горы, находящиеся на противоположном берегу реки, вершины коих скрываются в облаках, весьма живописный. Чрез Шаньсяфу прибыли мы в Сюяньхуафу, город первоклассный, главный в области того же имени, имеющий в окружности 24 ли, с семью воротами, обведенный кирпичною стеною по земляному валу, но во многих местах занесенному песком, так что без труда всходить можно на нее. Остановились мы на казенном подворье, у западной стены вне города. **(***Вставка:* По дороге от Пекина до Калгана поселилось очень много татар (хуй-хуй) [288], которые в Китае оставили свое платье, язык, обычаи: женщины их с детства сжимают ноги, наподобие китаянок, но вера мусульманская не потеряна, [относительно веры нет] ни малейшей перемены. Есть мечети и муллы и агиюран [289]. Татары вообще славятся своею приверженностью к вере предков своих, а по мнению китайцев, даже со временем будут опасные враги Китаю. Занимаются земледелием и торговлею.**)**

(141) 11-го. Переночевав в Сюаньхуафу, отправились мы в путь по дороге у западной стены города, потом поворотили на север мимо

[288] Х у й - х у й (*кит.*) — много татар.
[289] А г и ю р а н, гиюр — принятие мусульманского обета.

большой плотины, сделанной из больших кусков гранита, связанных железом для защиты от разлития реки Яньхэ, которая во время дождей наполняется горными потоками и угрожает городу. Плотина упомянутая засажена ивами и составляет прекраснейшее место для прогулки.

Вечером прибыли мы в Джаньдзякэу. Китайские провожатые желали здесь удержать Миссию на несколько дней, поставляя в причину то, что гусай, не получив еще предписание из Палаты иностранных дел, не мог сделать никаких распоряжений для нашего проезда по Монголии. Наш г. пристав не мог согласиться на таковое предложение фуина, тем более что остановка Миссии в Калгане требует лишних расходов на прокормление наемного скота и подрядчик не хотел на то употребить своих денег. Потому г. пристав решительно отвечал китайскому чиновнику, что тяжести непременно должны быть отправлены 12-го числа из крепости в Цаган-балгасу [290], а Миссия выедет отсюда 13-го. На другой день битхеши, возвратившись от гусая, известил нас, что наше требование справедливо и что бошко отправляется вместе с нашим обозом, а он сам остается здесь в ожидании предписания из ямуня.

(142) 12-го. Сотник Подшивалов прибыл в Калган из Цаган-балгасу. Он три раза был в Долонноре без малейшего затруднения со стороны монголов. Минджур-хутухту в проезд свой из столицы в Монголию, когда был близко [от] нашего лагеря в Цаган-балгасу, входя в приготовленную для него палатку, за толпою поклонников приметил наших двух сотников, немедленно призвал их к себе и, посадив, беседовал с ними весьма благосклонно, угостил столом [обедом] и удерживал на ночь, на что сотники не согласились. Хутухту пожелал видеть русскую дорожную повозку и, удовлетворив любопытство, к удивлению присутствовавших, сел в нее и проскакал [проехал] несколько верст. Хвалил удобство повозки и искусство в правлении лошадьми. Сотники предлагали ему в сей повозке отправиться в Бурэйн-сумэ. Минджур отказался по причине, что толпы поклонников его беспрестанно встречают и [он] часто должен из повозки выходить для благословения усердных монголов. Наконец для казачьей команды пожертвовал 2 баранов, разных закусок. Потом монголы приезжали к нам в лагерь с просьбою о покупке кож с упомянутых баранов и получении частицы от даров гегена. С благоговением завертывали полученную частицу и увозили с собой, дабы и домашние могли удостоиться видеть (143) и отведать даров гегена обожаемого. Происшествие сие доставило много уважения нашим казакам у монголов. Хутухту в Монголии обыкновенно путешествует в зеленых носилках, красивых, везомых 4 монголами верховыми. Коль скоро приближается он к приготовленной для него юрте, толпа монголов, за две и более версты встретив его, с благоговением снимают с лошадей носилки и на себе переносят до

[290] Ц а г а н - б а л г а с у — город на юге современной Монголии. В XI–XII вв. являлся главным городом Уйгурского каганата.

самой юрты. Число поклонников бывает чрезвычайно велико, и дары обожаемому первосвященнику неимоверны. Чернь, поклоняясь сим живым богам, обыкновенно пребывающим в столице, и уважаемым богдо-ханам, более и более привязывается к своему повелителю, в коего особе видит перерожденца Маньчжушри бурхана. Хутухты же, получая изрядное жалованье, пользуются еще и подарками монголов, коих легковерием приобретают почести и богатства.

Калган считается важным и по кяхтинской с нами торговле имеет около 60 лавок, наполненных русскими только товарами.

13-го числа мы оставили Калган, последнюю уже китайскую заставу. Ныне отправились мы к граничной черте чрез среднее восточное ущелье горное, где дорога неприметно поднимается между отлогими горами и не столь затруднительна для телег и вьючного скота, как прежняя. Посредине журчит ручей, по песчаной, камнями усеянной почве, которая (144) в дождливое время горными потоками совершенно покрывается и делается непроходимою. Ущелье сие есть еще продолжение деятельности китайского земледельца. Местами построены домики, заведены огороды и пашни по покатостям гор; на них зеленеет еще пшеница (которую на Пекинской равнине давно уже собрали), гаолянь, овес, картофель, европейцами завезенная [завезенный] и потому называемая [называемый] «Сияньбайшу», и пр. В 20 ли от Калгана, в деревне Толай-сумэ, сделали мы привал, а потом продолжали путь до последнего китайского почтового дома, где наш провожатый бошко угощал чаем. Отсель являются уже и монгольские кумирни. Часто встречались по дороге стада овец, гонимых в Китай из Монголии. На граничном рубеже земляной вал, покрытый кучами камней, а у самой нашей дороги складен огромный обо с привешенными многочисленными хадаками. Когда я всходил на обо посмотреть в последний раз на холмистую долину Китая и в память снять один хадак, тогда монгольский проводник, поклонившись с южной стороны каменному жертвеннику, на коем стоит каменное же корытце, наполненное пеплом от сожженных курительных свечей, сильно уговаривал меня оставить сие богам посвященное место. Из-под тени развевающихся хадаков, на возвышенном обоне, любовался я видом Китая и Монголии, в совершенной с [между] собою противоположности находящихся. Там — вершины гор (145) касаются облаков, здесь — необозримая равнина у ног путешественника расстилается, там — многолюдство и теснота подавляют силу воображения, здесь — пустота неимоверная не имеет пределов, там — движение промышленности и торговли поражает понятие, здесь — только местами мелькают стада овец, табуны лошадей, там — рад бы скрыться от толпы народа, здесь — напрасно ищешь человека, с которым можно бы поговорить. После смрадного и пыльного Пекина воздух чистый монгольский чрезвычайно приятен. В полночь мы прибыли в Цаган-балгасу (60 верст от Калгана) и обрадовали долго ожидавших нас казаков. Кроме прежнего нашего пути, известного между монголами под именем «сунджугтуй дзам», и нынешнего «дзасмэл

дзам», есть еще третий, далее к востоку, чрезвычайно каменистый и потому — чолотой дзам называемый [291].

По сию сторону рубежа еще изредка встречаются китайские домики, жители коих занимаются валянием войлока и огородами. Кто поверит, что мы в монгольской степи покупали еще огурцы! В первой монгольской юрте монгол, знающий китайский и маньчжурский языки, по врожденному степным жителям гостеприимству, потчевал нас молоком [292], которое, после 8 месяцев, показалось нам вкуснее всех искусных приправ нашего стола.

(146) 14-е и 15-е числа провели мы на месте в приготовлениях к новому путешествию и ожидании битхэшия Фуна, остававшегося в Калгане. Об основании Цаган-балгасу и Хара-балгасу [293] можно видеть в путевом дневнике о. Иакинфа. Прибывший же из Бурэйн-сумэ лама Баин Цаган рассказывал мне, что, по общему мнению окрестных жителей, два сих городка были жилищем двоих Чингисовых потомков, родных братьев Бурнэ и Лодзана, разрушенным впоследствии времени (так в тексте) китайским войском, когда и по какому случаю, неизвестно. Упомянутая кумирня Бурэйн-сумэ находится на восток в 25 ли от кочевых табунных казаков. К ней причислено около 300 лам. Баин Цаган, 40 лет, есть сын вдовы (66-летней) Норджим, имя коей с благодарностью вспоминается казаками, при нынешней и прошедшей перемене [в] Пекинской миссии находившимися. Сия вдова не токмо отдала юрту для помещения казаков, в зимнее время карауливших казенный табун, но и постоянно снабжала их молоком, сыром, дала даже и корову дойную без всякого для себя возмездия [воздаяния]. Пристав нынешней Миссии не оставил без приличного вознаграждения сей старухи и сына ее, ламу, за примерную их привязанность к русским, столь редкую в степи, где и за большие деньги не скоро успеешь что-либо нужное купить.

(147) От пограничного рубежа начинаются цахарских монголов кочевья, разделенные на 8 знамен, из коих то, в котором мы ныне находимся, состоит из 18 эскадронов. Гусай есть их начальник, а мейрендзанги — его помощник. Каждое знамя имеет свою печать, а дела все поступают к гусай-амбаню на разрешение. Знамена цахарские разделяются на две половины, из коих каждая упражняется в военном искусстве, и гусай-амбань обязан ревизовать каждогодно. Земли цахарские отданы под пастбища императорских верблюдов, лошадей и овец, над коими 5 начальников поставлено и при них чиновники с рядовыми солдатами и пастухами.

---

[291] С у н д ж у г т у й д з а м (*монг.* сунжид зам) — окружная дорога; дзасмел дзам (*монг.* засмал зам) — шоссе, дорога с покрытием; чолотой дзам (*монг.* чутуутай зам) — ‘каменистая дорога’.

[292] Монгольские коровы дают 3–4 литра молока в сутки, оно более высокой жирности, чем молоко коров, разводимых в России.

[293] Х а р а - б а л г а с у — в IV–VI вв. главный город тюркских каганатов.

16-го в 4 часа пополудни оставили мы зимнее стойбище и, проехав с правой стороны городка, достигли дороги калганской, по которой нам следовало возвращаться. Далее пересекает оную другая, из Хухухото в Долоннор, по которой набожные монголы путешествуют на Утай-гору [294], за Великой стеной находящуюся, где множество кумирен и прежнее местопребывание Маньчжушрия. Первая половина дороги нашей весьма ровная и гладкая. Далее начинаются отлогие косогоры, с первого из них, влеве, виднеется Ангули-нор, где сливаются речки небольшие, коих мы уже до самой Урги не увидим. Трава очень хорошая, ирису здесь очень много. Лошади его не едят. Для верблюдов же [он] (148) годен. (*Вставка*: также ковыль степной и золотарник.)

Встретили мы сегодня два огромных обоза; на одноколках везут овчины и толстые доски для гробов, шкафов и пр. из Кяхты. На станцию Тулга в 30 верстах от Цаган-балгасу прибыли мы уже в 11 часов ночи. Здесь подножный корм гораздо хуже по причине засухи, и, по словам монголов, то же [мы] найдем в южных кочевьях суннитов и у халхасцев.

17-го поутру, между прочим, приходили к нам два ховарака из Гули Цаган-хошуна (где 18 эскадронов), где при старом капище Амоголан-сумэ возвышается новое, для коего и собирают подаяние. По своей неотступной просьбе ничего получить не смогли. Сперва требовали что-нибудь пожаловать, потом — скота, денег, наконец — съестных припасов. Во всем им отказано. Если с иностранцами жрецы сии столь бесстыдно поступают, чего ж бедный монгол, верою связанный, от них ожидать должен?

Другой, напротив, светский монгол жаловался пред нами на удивительную перемену в нравах цахаров. Прежде, говорил он, мы в молодости не смели сидеть в присутствии старших, а ныне мало на них обращают внимания. Прежде бегали от китайцев, боясь обмана, а теперь многие успевают и их обманывать. Слова сии точно справедливы, и цахары, по смежности своей с Китаем, лишились древней простоты нравов. Правда, что они сделались образованнее прочих собратьев, но вместе (149) с новым образованием получили и новые пороки, неизвестные их предкам. Они и нынешним правительством присоединяются более к маньчжурам, нежели к монголам, и считаются сильною подпорою царствующей в Китае династии.

18-го поутру, в исходе 6-го часа, двинулись мы с места по гладкой хрящеватой равнине до Цаган Обо, хребта, коего падь (где два колодца) проехав, спустились мы в урочище Дзамэйн Усу, в 36 верстах отстоящее от Тулги. От засухи травы здесь поблекли, даже Дуту озеро высохло. Встретившись на дороге с одним батором [295], знал я, что здесь расположен хошун Кубошара, состоящий из 19 эскадронов, а в каждом

[294] У т а й - г о р а (Утайшань) — священная гора на севере Китая, на ней находится буддийский монастырь.

[295] Б а т о р (*монг*. баатар) — богатырь, воин.

из них находится по 70 человек рядовых, получающих по 12 ланов серебра в год жалованья. Каждый же батор за искусство свое, в старании на опыте доказанное, получает по 24 лана серебра в год. Около 3 часов пополудни оросил нас небольшой дождь. Ховараки беспрестанно набиваются со своими степными гостинцами, т. е. сыром и молоком, требуя за оные вознаграждения русскими произведениями. Крайнее бесстыдство обнаруживается в духовенстве монгольском и необыкновенное корыстолюбие, странное для путешественника! 19-го поутру прибыл Наван-лама из Долоннора с письмом от Минчжур-гегена, который просит убедительно г. пристава выслать из Кяхты для него русскую повозку. Вероятно, выгодными ему показались повозки, виденные им близ Цаган-балгасу.

(150) Поднявшись со станции в исходе 6-го часа, продолжали мы путь по той же равнине до хребта Куйтун, в котором долина, извивающаяся между холмами, нами проезженная, называется Хара Обо и изобилует подножным кормом. С нее спустились на длинную равнину, цепями холмов окруженную, Хабцагай, где по правую сторону протекает ручеек (*вставка:* влеве — ряд холмов Ширэ Усугэчи), юрты разбросаны, и скота довольно пасется хорошею травою. Далее, влеве, [—] монгольская кумиренка, из кирпича по китайскому образцу построенная и обнесенная стеною. За оградою, в небольшом расстоянии, находятся изрядные юрты, жилище шигемуниянских жрецов, кои, хотя и дали обет вести жизнь в нищете и питаться только подаянием благотворителей, но на самом деле не отказываются вовсе от житейских сует: занимаются скотоводством, торговлею и живут на лоне своих семейств [296]. Жадность и корыстолюбие сих жрецов всем известны. Испорченная нравственность лишила их уважения у непросвещенной черни, и духовенство степное в тени строжайших законов успевает обманом и насилием получать насущный хлеб. Празднолюбивые ховараки разъезжают по юртам[, чтобы] соблазнять невинных монголок.

(151) Равнина сия и в нынешнюю засуху изобилует травою. Дорога ровна, по твердой хрящеватой почве не уступает нашим дорогим шоссе. Приближаясь в конце сей равнины при Улан Даба, оставив вправе Аргалинскую дорогу, по которой наши миссии обыкновенно ездят в Пекин, мы поехали прямо к С по Гунджа дзам, Царевниной дороге, по которой миссии наши возвращаются в Россию. Спустившись с Улан Даба на равнину совершенно бестравную и усеянную только золотарником, наконец в исходе 1-го часа пополудни прибыли мы на станцию Тальбюрь, в 42 верстах от прежней, на покатости холма для нас приготовленную. Вскоре после нашего приезда поднялся сильный ветер и

[296] Справедливость данного наблюдения О. М. Ковалевского доказана многочисленными свидетельствами самих буддистов того времени, борцов за чистоту религии, одним из которых был Дандзийн Равджа (1803–1851). С началом XIX в. связано «обновленческое» движение в буддизме. См.: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887.

рассеял собравшиеся тучи. Небольшой дождь несколько оросил иссохшую равнину. Настало прекрасное время, пользуясь коим посетил я юрты, не в дальнем расстоянии находящиеся, влеве, с г. Войцеховским и Вознесенским. Хозяева приняли нас с удивительным радушием и откровенностью, угощали нас молоком и айраком. Вскоре за нами прибежал в наше стойбище маленький ховарак и с ним человек шесть его же возраста. Это был (племянник?) сын ламы, виденного нами в юрте. Угостили мы их сладкими хлебцами, дали по нескольку чохов. Ушли они, и через 1/2 часа опять к нам пришел сын ламы с приготовленным чаем и по детской откровенности сказал, что его родители прислали (152) просить у нас зеркальца для поставления пред бурханом. Это черта, свойственная степному жителю, — без околичностей рассказывать проезжему свои нужды и выпрашивать все, что бы ни понравилось!

20-го с полуночи шел небольшой дождь, прерываемый громом, тучи носились кругом. Оставив вчерашний стан, отправились мы по равнине далее к С, в лощину Шабартай, довольно тесную, где, однако ж, нередко встречаются юрты и цахары целыми семействами выходят на тракт полюбоваться русскими проезжими и повозками, что весьма редко им удается. По долине сей поднявшись на хребет, опять спустились на равнину Шинэ Усу, где при изобилии воды и травы в нынешнее время изрядны. Несколько юрт и табун сопровождали нас около 1/2 часа, допрашивая, не надобны ли нам лошади или верблюды за серебро или скот, и предлагали нам свои услуги. И опять мы поднялись на хребет, довольно крутой, Улан Даба, за которым открылась обширная равнина Чолон Онгоца, окруженная горами, коих вершины синели вдали. Дождик постоянно падал. Мы, поднявшись на хребет Хак, явились на равнине Гэр Чоло, так называемой от торчащих вправе огромных камней, посвященных Богу. Далее (153) за ними, направо, в долине, находилось много хороших юрт, занимаемых богдоханскими пастухами, и стада, смотрению оных вверенные, виднелись. От хребта Хак следует ряд холмов, пресекаемых долинами, чрез которые идет дорога до урочища Хашату, близ озера хорошей воды сего же имени, у подошвы хребта, разделяющего кочевья цахаров от Суннитских земель, и где полагается начало печальной Гоби, весьма ужасной для путешественника. Сегодня подвинулись мы вперед на 32 версты. Юрты для нас были выставлены же западными суннитами. Между нашим стойбищем и озером Хашату промчалась толпа монголов, хорошо одетых, на лучших конях, везущих невесту в дом жениха. Невеста сильно плакала, нагнувшись на седло; лицо ее закрыто было особым покрывалом. Старуха вела лошадь ее, возле ее двое лам молодых, за ними еще три молодые монголки и несколько мужчин. Это были посланные со стороны жениха за невестою [297]. Женский пол имеет свободу в обращении с

[297] О свадебных обычаях монголов см.: Культурно-бытовые традиции бурят и монголов: сб. Улан-Удэ, 1988; Обычаи и обряды монгольских народов: сб. Элиста, 1989.

мужчинами, но при свадьбе соблюдается еще древнее обыкновение, свойственное степным народам, — увозить невест.

21-го. Утро пасмурное, по сторонам, особенно на С, носятся дождевые тучи. В 6 часов, оставив стойбище, чрез косогоры ехали мы до значительного подъема, но отлогого, Дзабчирдаба, с вершины коего открылся вид на обширнейшую равнину, местами только покрытую холмами. Дорога наша сначала идет чрез Дзамэйн Шанда равнину, на кото(154)рой встречаются юрты кочевых суннитов, окруженные небольшими стадами овец и рогатого скота. Юрты здешние бедные, и скотоводство гораздо скуднее в сравнении со страной цахаров, которые по своей оборотливости, смежности с Китаем и преданности маньчжурскому дому, пользуясь многими выгодами, живут довольно богато и богаче прочих монгольских племен. Суннитские [степи], при дороге нашей, от последних дождей покрылись зеленью; но плачевная юдоль в Гоби и в самое благоприятное время не может равняться с другими землями монгольскими. Засуха всегда здесь гибельна для скотоводства, составляющего все имение вечно скитающихся народов. Ныне дорога, нами проезжаемая, после дождя покрылась ящерицами большими (*вставка:* ящерицы здешние короче, но толще пекинских и бегают удивительно споро) и жуками, по сторонам встречаются журавли. В 11 часов достигли мы станции Суджи (*вставка:* в 27 верстах от ночлега), недалеко от озера, почти уже иссохшего от жаров. Вскоре после нашего приезда подул сильный с С ветер, небо покрылось кругом тучами. Бедные монгольские семейства, у коих взяты были местным начальством для нас юрты, с детьми и утлым своим скарбом на равнине остались без покрова. Пошел проливной дождь с мелким градом, так что не токмо дождевые потоки полились чрез войлочную крышку, но и внутренности юрты покрылись водою. Мы, поджавши ноги на стульях и кровати или стоя на разостланном клеенчатом платье, спасались от бури. Чрез 1/2 часа небо опять прояснилось, и начался жар.

(155) Из окрестных жилищ ламы беспрестанно нас посещали с вопросами, нет ли продажных лисиц, соболей или одноколок. По словам их, дерево здесь дорого покупают; из Урги получают оное, и там дерево, коим можно навьючить одного только верблюда, стоит от 6 до 7 ланов; самая лучшая юрта до 40 ланов серебра, а крайне бедная — около 5, 6 ланов стоит здесь, на месте. За 150 отсель верст кочует дзюн-ван, управляющий суннитами, Болничир.

За 35 верст находится Хоргойн-сумэ, где имеет свое пребывание хутукта, Хамбу-Дорджи [298], ныне 50 лет, управляющий ламами западных суннитов. Он, в числе 60 богдохановых хутухт, занимает 7-е ме-

[298] Хамбу Дорджи — монгольский князь, известен в истории Монголии своей проверкой в 1830 г. правомочности сбора дани маньчжурскими чиновниками на территории Монголии, после чего многие чиновники были лишены такого права, так как собирали налоги по просроченным доверенностям.

сто: в положенное время ездит в столицу для богослужений и посещает своих прихожан.

Западные сунниты составляют один хошун, разделяющийся на 13 эскадронов.

Вечером, прогуливаясь около озера, лежащего близ наших юрт, на некотором возвышении нашел большой камень, на котором, по набожности монголов, высечена молитва «Ом мани…» на индийском, тибетском и монгольском языках, а внизу монгольский иругэл [299]. Отсель увидел я верблюдов, с нашею тяжестью по дороге идущих. Окружающие меня ламы немедленно заключили, что в сих ящиках заключается Ганджур, купленный в Пекине, для чтения нашим монахам по возвращении в Россию. По словам их, монголы покупают сию книгу частным образом за (156) 1 т[ысячу] ланов серебра; но если богдо-хан дарит кумирне или какому степному вельможе, то Ганджур обходится по крайней мере в 10 т[ысяч] ланов серебра; ибо чиновники Палаты иностранных дел, через которых книга сия переходит, не упускают случая получить для себя значительную сумму денег за ниспосланный с высоты престола подарок. Возражал я ламам, что монголы, находящиеся в Лифан-юань, вероятно, защищают своих единоплеменников от грабительства маньчжуров. «Теперь, — воскликнули они, — пекинских монголов нельзя различить от китайцев и маньчжуров природных и трудно решить, которые из них хуже!» Возвращаясь оттуда, видел я табун лошадей, числом около 400, пригнанный к озеру. При нем находились 5 монголов, а между ними — один чиновник с белым прозрачным на шапке шариком, и [он] держал укрюк. Это хозяин табуна. Подобные ему чиновники в Пекине окружаются толпою служителей, живут в хороших и выгодных домах, в неге и роскоши не знают меры; а наш монгол, как еллинский герой [300], в домашней жизни есть истинный хозяин!

В 9 часов вечера возобновился проливной дождь и пролился всю ночь.

(157) 22-го. Дневка. Около полдня дождь перестал. Мимо нашего стойбища промчалось стадо (около 500) дзэрэнов, диких коз, коими изобилует здешняя страна и доставляет некоторое занятие празднолюбивым монголам. Из винтовок и луков убивая сих зверей, [они] отчасти возят [их] и в Пекин для продажи. Ежедневно встречаемся мы с большими обозами китайцев, которые, выменяв на чай в Кяхте дерево, доставляют [его] в безлесное свое отечество. Для сего употребляются двуколки, ведомые быками.

---

[299] Иругэл (*монг.* ерөөл) — фольклорное произведение благопожелательного характера. Произносится монголами по многочисленным поводам. Имеет краткую и развернутую формы. См.: *Гаадамба Ш., Сампилдэндэв Х.* Монгол ардын аман зохиол. Улаанбаатар, 1988.

[300] Еллинский герой. — Имеется в виду элита древнегреческого общества (от Hellenes — самоназвание греков), которая, несмотря на высокое социальное положение, занималась хозяйственными работами, что нашло отражение в древнегреческой мифологии.

23-го. Небо было еще пасмурное, но обещало нам ведро, и мы в исходе 7-го часа пустились вперед дорогою по равнине, после дождей украшающейся молодою травою. В урочище Аманэй Усу стояло юрт немало, и местами довольно было скота.

За сим урочищем, по правую сторону дороги, находится озеро Худукту, в урочище того же имени, ныне обильное водою. На дресвянистой почве вдавшиеся места покрылись водою, а прочие глинистые, ныне довольно затруднительные для тяжелых телег. Вправе белеют песчаные бугры Дурминские, по которым в прошлом году с трудностью мы пробирались. Миновав Хобор озеро, наконец в 1-м часу достигли мы станции на возвышенной песчаной плоскости, Хобор, на 32 версты отстоящей от ночлега.

К СЗ от нашего стана, в 5 верстах, находится соляное озеро Кукунор, к которому ходили мы вскоре после приезда ради прогулки. По песчаным и глинистым буграм (*вставка:* изрезанным дождевыми потоками) спускались мы на берег (158) вышеупомянутого озера. На них находили мы в обилии селенит, разноцветные яшмы, куски белого мрамора. Под кустарниками в гнездах степные жаворонки (байлин) [301], коих много доставляется в Пекин, трясогузки, журавли. В одной впадине, в урочище Цан, нашли мы большой кустарник дерева люсун (tamarix) [302], редкость в степи и, по словам одного ламы, мимо нас проехавшего, почитаемая святою и потому неприкосновенная. Позднее время не дозволило нам дойти до самого соляного озера (*вставка:* где собирается самосадка), и мы возвратились с пучком прекрасных и редких растений. Сули здесь в большом находится количестве, и дересу расцвело.

24-го. Грубый туман покрывал весь горизонт, так что не в дальнем даже расстоянии ничего различать не можно было. С возвышенного места, на котором расположены были наши юрты, спустились мы на равнину, наполненную песчаными буграми, на коих только росла сули. По песчаной дороге после проливных дождей образовались местами лужи. От урочища Думда Хаджу встречаются юрты бедных обитателей Гоби. Далее, влеве, белелось большое озеро Улан-нор, а вправе расположился на покатом холме китайский обоз из Кяхты с овчинами. По песчаным увалам пробрались мы до значительной возвышенности, на вершине коей в урочище Дзамэйн Усу поворотили влево, на тропинку от Гунджадзам, для избежания глу(159)боких на оной песков. Миновав много юрт, разбросанных по холмам, сулеей только покрытым, наконец достигли мы станции Хадату, почти на 32 версты отстоящей от нашего ночлега. На нынешнем переезде дорога была вообще песчаная, местами только глиной пересыпана, а изредка и дресвяниста. Сильный дождь довольно пропитал здешнюю почву, и потому

[301] Б а й л и н (*монг*. байлинз) — жаворонок. Чаще употребляется как байлинз болжмор.

[302] Л ю с у н (*монг*. сухай) — тамариск.

мы благополучно совершили сей переезд. От Дзамэйн Усу, близ тропинки, нами проезжаемой, попадались огромные массы гранита, равно как и около нашего стана, близ колодца, в коем вода отличная, и стоит [колодец] несколько выше поверхности, окружающей долины, ибо он обнесен песком и обложен большими камнями. Сегодня мы очень приметно поднялись.

25-го. С утра дул ветер с юга и постепенно усиливался. День пасмурный. Прорывался небольшой дождь. От Хашату по отлогому косогору Хошу поднимались мы частью по песчаной, частью же — по дресвянистой дороге, подаваясь несколько вправо к Гунджа дзам, на которую мы и прибыли в урочище Аманэй Усу, недалеко от ряда песчаных холмов, называемых Цаган Обо. Недолго мы по оной ехали, ибо для избежания крутых песчаных подъемов поворотили мы вправо, на тропинку, идущую чрез места гористые, где сыпучие пески, но отлогие, изредка хрящом покрытые, а по большей части песчаные, и, проехав (160) 24½ версты от ночлега, прибыли на станцию Худжир Усу, называемую от близлежащего озера, или Барун Минган — от обо, на соседнем холме из камней складенного. Благоговейный монгол здешний не оставляет уже и холмов без обо. По словам моего провожатого, Барун-суннитский хошун разделяется на 12 эскадронов, из коих в каждом считается по 250 человек. Управляет оным Дзюн-ван, кочующий в урочище Хара Тологой, при нем 2 тусалагчи, 2 мэйрэна, 2 дзалана и 1 дзахиракчи. Печать хранится при Хоргайн-ула. Относится он по делам к да-вану, находящемуся в Дзун-суннитских кочевьях, а сей уже — [к] Пекинской палате иностранных дел. Получает жалованья 1000 ланов серебра в год. Прочие же сунниты ничего с казны не имеют, напротив, несут разные на себе обязанности, как-то: препровождение чиновников, отправляемых по делам службы или общественным, доставление им лошадей, верблюдов, баранов, сверх сего с семейства каждого побираются от 4–6 ланов серебра в год на общие нужды, что, по словам монголов, чрезвычайно обременительно, тем более что скотоводство, как единственное достояние степного жителя, по бесплодию земли мало доставляет средств приобретения серебра. И сегодня проезжаемое нами место, кроме сули и несколько дэрэсу, никакой травы не производит.

(161) 26-го. Воскресенье. С СЗ ветер был нам навстречу. Утро пасмурное. Со станции двинулись мы на обширную равнину, в полном смысле слова Тамчи Тала, где вправе, вдали, выдался один высокий холм с обо, Дзун Минган. Здесь (*вставка:* поворотили мы на небольшую дорогу Гунджа дзам, вчера оставленную, дорогу гладкую, твердую и широкую) вместо песков началась почва хрящеватая, вместо сули и дэрэсу, коими досель степь изобиловала, является ирис и золотарник. Перешед Табун Тологой (Пять Холмов), гору, поперек пересекающую нашу дорогу, опять спустились на равнину, где увидели мы много куропаток и журавлей, но ни следов кочевок монгольских, а только остатки от китайских обозов, в нынешнее время проходящих из

Кяхты в Калган. И опять мы поднялись на гору Сайн Тушету, в коей влеве видны были юрты около 10, где, по уверению монголов, сложены были товары, ламами выменянные в Калгане. Отсель начинается равнина Борольджи, в 45 верстах от ночлега, где и для нас приготовлены были юрты, по правую сторону дороги, напротив издающего серный запах соляного озера. Почва кремнистая, после дождей зазеленелась диким луком. **(***Вставка:* Дикий, или степной, лук называется здесь тана (taana) [303], едят его не токмо лошади, но и люди толкут, с солью и бараниною. Сверх сего здесь находится (sьlki) — шулхи (peganum) [304], шаральджи (siralji) [305] (asbesnisia), употребляемая при болезни горла, и достигает до 1 аршина в вышину. Есть еще (kilgana) [306].**)** Другой травы не было, и, по словам провожатых, не найдем [ее] и на следующих 3 станциях. С сей станции начинается уже хошун дзун-суннитов, разделяющийся ниже на 27 эскадронов, из коих каждый заключает в себе по 150 человек военных, получающих по 12 ланов серебра в год жалованья, но сие серебро остается почти всегда в канцелярии давана, управляющего сим хошуном. При нем (162) 2 тусалакчия, 2 мэйрэна, 2 дзалана и 2 дзахиракчия. Богатство же его приводит в удивление здешних монголов: в Калган весьма много доставляет[ся] ежегодно скота, [который] считается как бы подпорою торговли местной.

27-го. Понедельник. От Борольджи продолжали мы путь по ровной дресвяной дороге около 15 верст. По сторонам не видели ни одной юрты, ни одного живого человека. (*Вставка:* Степь покрыта вся растениями, вчера нами виденными. Влеве два озера [—] Шарбук и Дзангут, недалеко от дороги.) По причине засухи и бесплодию здешней степи все жители отсель откочевали далее со своими стадами. Впрочем, дорога наша несколько поднимается еще до самой поперечной высоты Дабату, Нарату или Дэнджийн Ширэ, с коей [спускается] по крутому глинистому скату в глубокую долину, наполненную кочками, на которых золотарник, будургуна, тамариск, а изредка и ковыль находится. Долина сия оканчивается ручейком Дзамэйн-булак, чрез который мы опять несколько поднялись на высоту глинистую, где в урочище Шилийн Худук в 23 верстах от ночлега были приготовлены для нас 5 юрт дзун-суннитами, равно как и на предыдущей станции. Травы, кроме вышеупомянутых [названий], здесь другой нет. Вода в колодце вонюча. К В, недалеко от нашего стана, есть озера (*вставка:* Цаган Худугэйн-нор и Куку-нор) с солоноватою водою. С вершины нашей высоты упомянутый берег Дабату представляется в виде стены, окружающей город, а кучи глины (*вставка:* [горы] Дурбульджин Дзуйха), с каменьями перемешанной, кажутся то домами, то беседками, то башнями, порознь стоящими. На них благоговейная рука соорудила обоны в честь

[303] Т а н а (*монг*. таана) — лук многокорешковый.
[304] Ш у л х и (*монг*. шулхий) — латук, салат латук.
[305] Ш а р а л ь д ж и (*монг*. шарилж) — полынь.
[306] K i l g a n a (*монг*. хялгана) — ковыль, полевица. Наиболее распространенный вид полыни в Монголии — шивээт хялгана (ковыль-волосатик).

якобы покровителей (163) места. По сказаниям здешних жителей, по сию сторону упомянутого обруба было некогда озеро, но когда оно иссякло, неизвестно. Приметно, что Дзамэйн-булак во время дождей бывает довольно глубок, ныне же едва-едва струится по песчаному ложу.

Любопытство монголов привлекает многих в наш стан. Одни только желают посмотреть русских, так редко проезжающих сии степи, другие — выкурить трубку табаку, отведать сухарей, обозреть повозки, которые у них считаются более лодками (онгоца) [307], нежели повозками, ибо на 4 колесах и крытые, третьи — поторговать лошадей, иные — получить лекарство для облегчения болезней, наконец, бывают и такие, коих влечет любопытство побеседовать о столь дальней стране, заслуживающей удивления. В числе таких посетителей видели мы двух старцев, один — тайджи IV степени, 68 лет, другой — 74 [лет]. Оба с окладистыми белыми бородами, что весьма редко случается в Монголии, где принято обыкновение в молодости выдергивать волосы. Последний из них, полюбовавшись русскими вещами, подносил о. Арх[иепископу] ремень с тем, чтобы от него получить хорошие очки. Это, впрочем, случалось уже неоднократно. Подарки подносятся здесь всегда с целью получить что-либо хорошее. Знакомство с иностранцем считается почти продажным. Впрочем, сказать надобно, что надменность в общении с иностранцами, начиная от столицы Китая до самой Кяхты, постепенно уменьшается. Халхасцы более всего к русским питают уважение, ибо они более прочих (164) своих единоплеменников имеют случай получать верные сведения о России и дружиться с русскими на границе обеих империй. Сверх сего, нельзя замолчать, что монголы во время проезда наших миссий усердно служат, скоро исполняют приказания начальства и готовы, в случае надобности, подать руку помощи. В Китае, собственно, сего не находим: любостяжание там подстрекает чиновников к деланию затруднений иностранцу, а надменность не знает границ. Довольно уже снисхождения с их стороны, если иностранца [китаец] не назовет диким, а только диковатым (шэн), не созревшим в образовании ума и сердца. [Китайцы] хвалят в глаза, пока приобретают хорошие вещи, а после кончатся знакомство и дружба, как продажные предметы.

Вечером подул СЗ ветер. Горизонт покрылся тучами. Дождь до полуночи продолжался при сильном громе.

28-го. Вторник. День ясный, жар сильный. По ровной хрящеватой равнине продолжали мы путь. Одно только встретилось бедное кочевье в урочище Харангуй, близ коего стоял китайский обоз с овчинами. Вправе виднелась гора Ушийн Чоло. Наконец и с сей равнины спустились мы в глубокую долину (*вставка:* отделенную висячим обрубом, подобным вчерашнему), которая имеет почву отчасти глинистую, отчасти же песчаную и которая также, показалось, будто бы некогда была дном обширного (165) озера, коего влеве и берег песчаный доныне су-

[307] О н г о ц а (*монг.* онгоц) — водопойная колода, лодка, судно, ванна, самолет.

ществует, вправе же, за песчаными буграми, виднеются озера. В числе сих последних находится одно, более двух верст имеющее в окружности, Эрэйн Дабусуту-нор, соленое озеро, доставляющее много соли окрестным жителям, немаловажный предмет здешней торговли с Канганом и Долоннором, особенно после проливных дождей. Миновав сие озеро, поднявшись несколько на высоту, поворотили направо от дороги, в урочище Холой, около 25 верст отстоящее от ночлега, где провожающие дзун-суннитские тайджи немедленно принесли для нас юрты, взятые у здешних жителей, по барану за каждую на одну ночь. Монголы здешние хвалят чрезвычайно нынешнее время, [то,] что после дождей поднялась и трава. Но мы кроме степного лука (кумэл) [308] (*вставка:* лук сей крупнее тана, употребляется и монголами в пищу) почти ничего не находили, и то весьма мало. Кроме коз в малом числе никакого скотоводства здесь не встречаем. Во время засухи… здесь юдоль бедности и пустоты. Оставшиеся еще жители живут только чаем, а мяса редко отведывают. Истощенные и оборванные монголы с семействами своими проводят плачевную жизнь, не надеясь никогда ничего лучшего видеть. Толпы их беспрестанно окружают нас, чтобы получить несколько сухарей или кусок баранины. Достойно замечания, что в суннитских кочевьях ламы берут жен и живут домами, но только без должностей. Сделали это с некоторого времени по своей воле, несмотря на строгости Шигемуниева учения (166) и Монгольского уложения [309], преследующего подобные поступки духовенства.

Последние лучи солнца погасали в водах Эрэна, когда лама, степной трубадур, по нашей просьбе вошел в нашу юрту со скрипкою (*вставка:* гудком) в руках. Произведение певца Гоби отличалось своею простотою. Четыре дощечки, по углам связанные, были обтянуты овчиною [310]. На ней на кобылке (дэбкэ) вместо 2 струн натянуты лошадиные волосы [311] (нилгасу) [312]; приводятся они в согласие при помощи

---

[308] К у м э л (*монг*. хумэл) — лук степной.

[309] М о н г о л ь с к о е у л о ж е н и е. — Самым первым юридическим памятником Монголии является Яса Чингис-хана, утвержденная на курултае в 1206 г. В 1627–1694 гг. был разработан кодекс маньчжурских законов для монголов «Цаджин бичиг»; в 1640 г. — принято «Великое уложение, или Монголо-ойратские законы». Существуют также составленный в 1709 г. сборник законов «Халха Джирум» и изданные в 1879 г. «Уложения Китайской палаты внешних сношений» и сборник «Улан хацарт».

[310] Дано описание монгольского народного двухструнного музыкального смычкового инструмента — х у р (*монг*. хуур), представляющего собой деревянный трапециевидный корпус (редко обтянутый кожей), колками которого служат две круглые обструганные палочки. Существует несколько разновидностей хуров, самый распространенный — морин хур, гриф которого заканчивается изображением головы коня, отчего он получил название «морин хуур», т. е. хур с головой коня. Сам инструмент имеет центральноазиатское происхождение.

[311] Волосы закреплялись на колках, которые одним концом вставлялись в гриф, а вторым концом крепились на кобылку. Под струны подставлялись два порожка (малый и большой).

[312] Н и л г а с у (*монг*. хялгас, нялхас) — волос.

двух палочек в головке скрипки (хурэйн тологой) [313]. Смычок есть не что иное, как простая палочка с привязанными по концам лошадиными волосами. Трубадур наш, перебирая пальцами струны, смычком весьма искусно выводил заунывные тоны, сопровождаемые собственным его голосом. Безмолвные и угрюмые степи Монголии произвели соответственное впечатление и на песни своих обитателей.

Вечером явились Намсарай-тайджи 2-й степени и Араши-дзанги для провожания Миссии до пределов Халхи, по кочевьям дзун-суннитов, которые, впрочем, собственно начинаются со следующей станции; но для уравнения повинностей дзун-суннитам велено было нас провожать, снабжать юртами и пр. еще в Барун-суннитских кочевьях.

(167) 29-е. Среда. От Холоя продолжали мы еще путь по ровной, гладкой, но хрящеватой равнине до первой высоты Тэк, пресекающей дорогу с вышеназванной. На ней местами воздвигнуты обоны. За сею высотою идет опять равнина, влеве коей, на холме Билуту Обо, [имеется] складень. На ней те же растения, что и прежде, кроме кустарников, сэрэн [314] монголами называемых, а местами и ковыль является. За равниною следует опять подъем, глинистый, равно как и долина, по коей мы продолжали путь до нового подъема. Таких подъемов насчитали мы около 10 с обонами в разных местах: они отлоги и пресекаются равнинами.

Чем далее мы подвигались, тем подъемы были выше; с вершин оных проеханное место со всеми своими возвышениями казалось равниной обширною, оканчивающеюся обрубами высокими, вчера и третьего дня нами замеченными. По вершинам холмов тянутся каменные полосы, острые, трудные для повозок и скота. На сем переезде природа весьма еще скудна; после дождей поднялся несколько лук только. Не видно ни юрт, ни [признаков] скотоводства. Жители, впрочем, не унывают: напротив, радуются, называя год сей изобильным. Наконец, переехав высоту Такильгат, с 2 обонами, мы спустились в падь, из коей, опять перешед одну высоту Босогонь, спустились к озеру Кутул, в 30 верстах от ночлега; близ него приготовлены были (168) чистые юрты и аргал сухой: вот и все наше желание исполнено! Посетители, в числе коих большая часть ховаракoв, были изрядно одеты и тем отличаются от встречаемых нами прежде монголов. По-видимому, дзун-сунниты богаче своих единоплеменников, барун-суннитов. Станция наша к СЗ озера Кутул [находится,] на покатости одной горы. После единообразных равнин нынешнее местоположение казалось нам очень живописным. Вокруг [видны] покатые горы, усеянные выветрившимся гранитом, за ними — небольшие овраги, ковылем поросшие; далее еще холмики с юртами, окруженными скотоводством, или озерки с изрядною водою. Близ Кутула есть и колодец хорошей воды.

---

[313] Хурэйн тоголой (*монг.* хуурын толгой) — голова хура.

[314] Сэрэн — возможно, от *монг.* зээрэн бур — качим даурский; зээрэн дэл — качим густоцветный; зээрэн шилбэ — ковыль.

30-го. Четверток. Чрез высоту Кутул спустились мы в узкую лощину, с которой дорога идет чрез каменные горы Цаган Тологой; за ними следует опять долина, с озером влеве, а далее: гора Дзамэйн Мэльдэнь. Таким образом продолжался наш путь чрез длинные каменные гряды, пересекаемые долинами, по почве, отчасти каменистой, отчасти же песчаной, до урочища Тугурик в 16¼ версты от ночлега, близ небольшого озера. Травы здесь очень мало, и [она] редка; переезд сего дня по горам, чрез которые надобно перебираться, не столько затруднителен, сколько по гранитным мелким обломкам, покрывающим вершины высот. Вправе, в 40 ли, находится капище Суджи-сумэ, построенное далай-хутухтой. Посетивший нас один гэцул, числящийся по сему капищу, рассказывал нам, (169) что строитель сей недавно сделался бурханом, или, попросту, умер. Ламы с нетерпением ожидают пришествия его, т. е. перерождения, воплощения. Всех здесь кумирен до 20, считают монголы. В одной из них находится золотыми буквами написанное богдоханово имя, как преимущество оной над прочими, и содержится [она] коштом императора же. Ламы, к ней принадлежащие, получают жалованье и занимаются только чтением священных книг, а не светскими делами. Впрочем, тот же лама рассказывал нам, что несколько раз [он сам] бывал в Кяхте для торговли и однажды вывез оттуда табакерку с музыкой и стенные часы, также с музыкой; и ныне спрашивал, нет ли у нас чего-либо подобного для поднесений гегену, живущему отсель к Востоку, у которого находятся уже другие кумиренные музыкальные инструменты и [который] желает иметь русскую табакерку с музыкою. По словам его же, гэцула, Суджи-сумэ имеет пожалованные государем книги Ганджур и Данджур; сверх сего [кумирня] приобрела довольное количество и монгольских книг, например историю Гэсэр-хана (не редкую!), Чингиса, Кансия и пр., печатные. По незнанию монгольских письмен никто не читает сих книг. В окрестностях упомянутой кумирни есть 4 хубилгана. По отдаленности места мы не могли сами быть в ней.

(170). 31-е. Пятница. И сегодня мы со станции отправились поутру; сперва ехали по равнине, а потом пробирались чрез две высоты. Впрочем, отлогие. Почва земли дресвяниста, местами и камениста. За двумя подъемами мы опять чрез лощину поднялись на высоту, обширную, со всех сторон отдельно от прочих стоящую, коей вершина составляет равнину, из коей вправе виднеются озера в долинах. Сия высота называется у монголов Царским престолом, Ханэй Ширэ, по некоторому сходству оной с сим последним. Спуск с нее [выходит] на равнину, худжиром покрытую и усеянную песчаными бугорками с ковылем, а между ними и озерки. Миновав влеве гору, мы несколько поворотили направо в урочище Хайласуту, где для нас приготовлены юрты, в 18 верстах от нашего ночлега. Травы здесь чрезвычайно мало, почва камениста. Спускаясь с Ханэй Ширэ, вправе увидев у горы развалины какого-то здания, отправился я посмотреть и нашел в четырехугольной из глины сделанной ограде, на каменном, кирпичом обложенном осно-

вании, выведенные кирпичные же стены с такими же внутри перегородками, от времени обвалившимися. По рассказам монголов, один богатый лама предпринял было воздвигнуть здесь капище, но до окончания дела умер, и здание осталось жертвою времени. С первого взгляда на сие строение легко заключить можно, что не монгольская рука здесь трудилась, а выписанные издали китайцы как искусные работники. Монголу нра(171)вится хорошее произведение искусства, но сам не дерзает предпринимать ничего подобного. Кроме лености, врожденной кочевому жителю степей, открывается в нем странное равнодушие ко всем предприятиям. Страждет безмолвно.

Станция наша получила свое название от слова монг[ольского] хайласу [315], означ[чающего] ильм. К З от нее в 2 в[ерстах] у подошвы гор и в ущельях находится около 30 ильмовых дерев, которые по своей редкости в монгольских степях считаются неприкосновенными. С особенным удовольствием взирал я на сей степной сад, осеняющий утомленного зноем странника. Трое монгольских малюток, нагих, с сахюсами [316] на шее, и верблюжонок с седлом, их забава и утешение, наслаждались шумом ильмовых листьев. Вблизи 4 монгольские юрты охраняются собаками. Двое старцев, коих я встретил после обыкновенных приветствий, с удивительным любопытством осмотрев мое платье и седло, восклицали: «Да здравствуют подданные обоих царей!» Оттуда помчался я по [по]катости горы чрез высокий дэрэсу**,** где выбежали зайцы, и прибыл в нашу юрту. Здесь томились окрестные жители, спрашивая: нет ли соболей или лисиц продажных. Торговля только одна, по их мнению, есть причина путешествий наших в Пекин, или [второй причиной может быть] поклонение богдо-хану, и потому нас часто спрашивают: что богдо нам пожаловал?!!

Вечером при западном ветре шел небольшой дождь.

(172) Август

1-е. Суббота. Поутру довольно прохладно, а в 2 часа пополудни жар доходил до 24 градусов [317]. Со станции сперва мы ехали по равнине, на которой мы ночевали, а потом, переправившись чрез две небольшие высоты, спустились на равнину, где наша дорога поворотилась мимо озера к СВ, возле хребта гор пересекающего оную в направлении от З к В. Перешед потом оный, еще переправлялись чрез два других длинных хребта, которые здесь известны под именем Гурбун Урту Нуру. За ними открылась равнина, оканчивающаяся на С хребтом Улан Хада, составляющим черту, граничную [с] халхаскими владени[ями]. Дорога наша идет по равнине, даже и в сем хребте каменном, который, раздвинувшись у дороги, представляет вид как бы ворот, ведущих из Дзун-суннитских кочевий в Халху. Вправе, в одном ущелье сего хребта, находятся еще 24 ильмовых дерева, здесь невысоко расту-

[315] Х а й л а с у (*монг*. хайлаас(ан)) — ильм, приземистый вяз.
[316] С а х ю с (*монг*. сахиус) — оберег, амулет.
[317] 24 ºR = 30 ºC.

щих, но всегда в местах сточных. При них из-под камня бьют два ключа чистой воды. **(***Вставка:* Там же растет золотарник, вышиною аршина на три; ephedra, потогонное средство; черная береза (хара хайласу) [318].**)** Влеве также виднеются ильмы в расселинах каменных гряд. От Улан Хада, возле дороги, по обеим сторонам, тянутся два каменных ряда гор, на пространстве около 4 верст, кои наконец пересекаются, а за ними открывается опять равнина, ковылем и небольшими кочками усеянная, где в урочище Гэдзыгэйн Гашунь, в 20 верстах от ночлега (по журналу г. Тимковского), (173) приготовлены были для нас юрты от хошуна Мэргэн-вана (13 эскадронов), чиновники коего нас и встретили. Почва земли хрящеватая, горы покрыты гранитом. Травы почти вовсе нет, а вода дождевая, мутная. По рассказам монголов, нынешнее лето пагубное для скотоводства, а жители по необходимости удалились отсель в лучшие долины. Здесь вместо аргала приготовлены для нас кустарники будургуны. На сем переезде встречали мы довольно часто юрты, из коих некоторые довольно зажиточны. Сегодня расстались мы с дзун-суннитскими чиновниками. Из Удэ приехал к нам старец монгол, который в прошлом году служил посредником в сношениях наших со странным отшельником. Лама сей живет ныне в другой уже пещере.

2-го. Воскресенье. С утра ветер был прохладный. Около 7 часов началась сильная жара. Дорога наша от станции сперва продолжалась по равнине, а потом по увалам, каменистая или глинистая была почва. Спустившись с них, опять поднимались на довольно высокий хребет Дзабук, с которого спуск довольно крутой. На вершине оного две юрты бедных жителей, а внизу, направо, прекрасный колодец, камнем обложенный, с очень хорошей водой. Утолив здесь жажду после прежних неприятных опытов в недостатке хорошей воды на станциях, отправились далее в путь по обширной равнине, оканчивающейся хребтом длин(174)ным, Удэ, за которым приготовлены были для нас юрты. С вершины Дзабука долго я любовался видом Гашунской долины, а за нею краснеющегося хребтом Улан Даба, впереди же возвышался хребет Удэ, в направлении от З до В, у подошвы коего зеленеют ильмовые деревья, а покатости местами покрыты красной глиной. Равнина, на которую мы спустились с Дзабука, обширна, усеяна грядами холмов, камнем покрытых. По правую сторону дороги возвышается каменная гора, Эрдэм Обо называемая здешними монголами, ибо [находится она] на каменном фундаменте[, на который] опираются другие огромные массы гранита, а наверху оных — огромный камень, имеющий издали вид обона, и потому место сие чрезвычайно уважается последователями Шигемуния. В упомянутом камне природою сделана большая пещера, некогда жилище одного 60-летнего монгольского отшельника. Ныне нашел я в ней ховарака, 30-летнего Шараба, который, хвастая

[318] Хара хайласу (*монг.* хар хайлаас) — черный вяз. Береза по-монг. — хус(ан).

быть учеником (шаби) [319] оного пустынника, посещает святое его прежнее обиталище, повторяя священные, на тибетском языке, молитвы в честь бурхана и духов-покровителей. С высоты обона [открываются] очаровательные виды на все стороны. Дух свободно возвышается в горнее сердце чистое[, которое] здесь без принуждения предается сладким мечтаниям! Воспитанник отшельника с любопытством спрашивал, есть ли у нас человек, умеющий по взгляду на место заключать о его свойствах? И с самодовольствием (175) продолжал похвалу сему природою устроенному обону посреди бестравных и безводных степей, окруженных длинными рядами гор. Здесь, говорил он, явилась всемогущая сила Божества! У подошвы горы, в недальнем расположении на равнине, находится хорошая юрта, где и сей ховарак со старухою-монахинею имеет свое местопребывание и, по-видимому, живет не слишком бедно: платье на них [было хоть и] небогато, но новое и довольно опрятное. Внутри юрты хранится весь скарб хорошего степного хозяина, а снаружи несколько седел верблюжьих и следы по здешнему месту немалого скотоводства. Монахиня с удивлением на нас посмотрела, когда узнала, что мы ламских чашек с собою не возим, а потом, попотчевав свежим молоком, простилась с нами со всеми выражениями степной вежливости. На равнине сей растет в изобилии артемизия, лук, вонючее растение умукэ [320], которого и скот не трогает; также начинают показываться листья степного ревеня (боджон) [321], которого корень имеет длины около 1/2 аршина и монголами употребляется в пищу. Миновав наконец равнину, по тесной лощине перешли мы хребет Удэ, за которым и наша станция Удэ, отстоящая от ночлега верст на 25.

Трава на предыдущей равнине несколько зеленелась после дождей и по причине низменного местоположения. Колодец у нашей станции содержит в себе солоноватую воду.

(176) Эскадронный дзанчин Ташиб, сопровождавший Миссию до сей станции, при прощании с нами, получив от г. пристава подарок, соответственный его прислуге, весьма жаловался на труды своей службы и на невнимание начальства к монголам. «Мы несем, — говорил он, — на себе бремя повинностей различных без малейшего вознаграждения. Цахары, по крайней мере, получают жалованье, а мы и сего лишены». По словам его, при мэргэн-ване находится 2 тусалакчия, 1 мэйрэн, 1 дзахиракчи, 2 дзалана; в сем хошуне считается 13 эскадронов, в каждом из них по 1 дзангину, 1 кундуй, 6 бошкои 150 рядовых солдат.

Другой монгол принес к нам около 2 чашек свежего молока, за что и получил зажигательное стекло. Приняв с благодарностью, начал о

---

[319] Ш а б и (*монг*. шавь) — ученик в монастыре.

[320] У м у к э (*монг*. өмхий) — вонючий. Өмхий өвс — гармала, или могильник, — многолетнее травянистое растение, өмхий ховол — бузина.

[321] Б о д ж о н — данное слово не найдено.

дружественных сношениях двух империй, о маньчжурах, которые презирают монголов, о русских, которые ласково и дружно обращаются с монголами, о преданности халхасцев России и пр., о торговле кяхтинской, покупке разных вещей, нужных у китайцев, наконец, выпросил несколько сахару. К тому-то и клонилось все длинное предисловие.

Вечером, прогуливаясь по горе Удэ, нашли мы змею на 1/2 аршина длины, пеструю; вырыли несколько корней ревеня для сравнения с сибирским. На цахарской земле видели мы и лягушек. Итак, правда ли, что, по журналу Тимковского, в Монголии нет ни прыгающих, ни ползающих?!

(177) Мимо нашего стана еще прошли два обоза китайских, около 70 одноколок с деревом, в Калган от Кяхты. Безлесный Китай немало выманивает у нас дерево, тем более что прежними законами запрещено вывозить оное из Маньчжурии и, по новым донесениям фудзюна, опять строжайше было подтверждено. В непродолжительное время мы видели уже около 2000 одноколок с деревом.

3-го. Понедельник. Во весь день дул северный ветер нам навстречу. Нынешний переезд состоял в значительных высотах и буграх, через которые мы продолжали путь с 6 до 11¾ часа, на расстоянии 30 верст до станции Сэнджи. Вначале поворотили мы налево на небольшую проселочную дорогу (нарин-дзам или сэнджийн-дзам), оставив вправе большую дорогу, называемую еще здешними цаган тугурикийн-дзам от урочища того же имени, или дарханскую. По сей последней обыкновенно китайские товары идут на одноколках из Урги в Калган, а по первой ездят верхом и проходят караваны, и она считается прямее. Мы, впрочем, сегодня встретили на ней около 20 китайских одноколок с деревом, а потом — табун лошадей, верблюдов, стада овец, купленных ургинскими купцами для доставления в Китай. С первой от станций высоты, сзади, открылся прекрасный вид на равнину, которая, освещенная лучами утреннего солнца, представлялась морем, на котором отличаются только камен(178)ные горы, как острова, лесом покрытые. Почва каменистая. (*Вставка:* На горах и дороге часто встречается белый кварц.) Травы худы, местами ревень (боджона) начинает расцветать. Верхняя 1/3 часть корня не употребляется в пищу монголами, а только нижняя. Поджаривают ее и готовят в воде, но никакого действа [это растение] не производит. Недалеко от нашей станции находится достойный примечания колодец, высеченный в мраморе и обложенный сверху деревом. Содержит он в себе чистую воду, которая здесь ключом бьет. Редкость в Монголии! Но монгол не знает, кто и когда это сделал, он начало его относит ко временам Чингисхановым (*вставка:* и, благоговея к сему святому месту, на груде сплошного мрамора, сложив обо, повесил там хадак, поставил там деревянный ящичек с глиняным изображением бурхана, жертвенными чашечками, кусочками железа, железными наконечниками стрел и пр., а на самой скале в разных местах в стене [установил] набожные тибетские бумбы, к коим и прохожий китаец прибавил свои иероглифы).

По рассказам здешнего дзанчина 6-й степени, с белым непрозрачным шариком на шапке, хошун мэргэн-вана состоит из 14 эскадронов. В нем (не 1, а) 2 мэйрэна, из коих каждый управляет 7 эскадронами. Мэргэн-вана кочевье отсель в 2 днях дороги находится; он ныне 14 лет. И потому управление знамени возложено на 1 тусалакчия. Подданных у него считается до 300 душ. Богатство, разумеется скотоводство, [у него имеется] большое. В здешнем хошуне есть 1 гэгэн и много хубилганов.

На половине сего переезда, на покатости одной камнем усеянной горы, увидели мы шест с хадаками, на коих тибетские молитвы напечатаны. Вблизи его брошены две ламские деревянные чашки, тулуп, далее шапка и сапоги — остатки какого-то покойника, преданные тлению. Тела не было уже. Оно или сожжено, или истреблено хищными зверями (*вставка:* от Удэ наша дорога имеет направление к З до станции Ходоту, которая опять поворотила круто к С).

(179) 4-е. Вторник. Дневали. Жар до 22 градусов доходил.

5-е. Среда. Оставив ночлег, продолжали мы путь, сперва по равнине, а потом через горы, которые становятся повыше прежних, но подъемы и спуски с оных [мы выбирали] по отлогим местам. После 2 первых значительных высот, на коих по сторонам торчат отдельные песчаные бугры, мелким камнем покрытые, спустились мы на обширную равнину, к коей влеве примыкает глинистый мыс Ургун, мимо которого, поворотив левее, по прежней долине ехали до возвышающегося пред нами хребта Баин Дзурик, за которым вдали заметили мы и наши юрты в урочище Улан Худук, Красный Колодец, так названном от цвета глины, покрывающей местами дорогу, и далее, по сторонам отчего и два встречаемые озера, впрочем, от дождя образовавшихся, приняли совершенно красный вид. Колодец у нашего стана содержит в себе вонючую воду. На сем переезде видели мы много камней кремнистой породы: халцедонов по большей части, сердоликов, агатов. Почва гористая, усыпанная камешками, но местами трава лучше прежней. У подошвы мыса Ургун, при самой дороге, находится колодец очень хорошей пресной воды, а несколько далее еще одно ильмовое дерево — украшение скучной степи. От сего же мыса к З, через день езды, в урочище Байсхулан, по рассказам провожатых монголов, воздвигнута каменная большая кумир(180)ня с 20 приделами, где имеет свое пребывание ноин-хутукту, ныне 29 лет. На молебствие собирается там до 500 лам. Но место сие [находится] во владениях мэргэн-вана, коего предок с предком упомянутого хутукты были в родстве, [они здесь и] построили кумирни. Ноин-хутукту, по мнению монголов, перерождается в своих наследниках, следовательно, и родство прежнее не может никогда прекратиться. Нынешний здешний первосвященник имеет около 3000 крепостных душ — богатое приношение усердных к вере монголов. Станция Сэнджи, где мы вчера дневали, содержится от его ведомства, на счет шабинцев. В Улан Худуке же [содержится на средства] от мэргэн-вана как наследственного владетеля сих земель.

Сегодня встретили мы 2 кя[хтинцев], один — тайчжи 2-й и [другой —] 3-й степеней, с несколькими монголами, из хошуна покойного Юньдунь Дорджи. Они уже 13-й день в дороге из Урги и надеются через 20 дней достигнуть Пекина: гонят более 200 прекрасных лошадей и на 16 верблюдах тяжесть везут в столицу к старшему сыну упомянутого вана, находящемуся в службе при дворе. Сегодня мы подвинулись на 29½ версты. Монголы постоянно уверяют нас, что впереди и трава, и вода гораздо лучше здешней. Это обыкновенная их вежливая правда, чтобы Миссия скорее отправлялась с места и освободила жителей от тягостной для них обязанности препровождать чиновников и иностранцев. Они часто нескоро открывают нам, где близ (181) станции можно найти лучшую воду.

6-е (VII.10). Четверток. Проехав 34½ версты от станции, остановились в урочище Куку Дэрэсу, иначе Сайн Усу называемом от колодца, содержащего в себе очень коричневую воду, возле нашего стана. Сегодня переход был горист менее вчерашнего. Путь проложен через высоты Улан Худугэин Кирэ и Удзур, между коими и за последним находятся обширные долины, но отлогие, скудные травою. Почва земли сначала дресвяная, потом превращается в песчаную, а под конец покрывается солончаками, на коих торчат песчаные кочки, поросшие золотарником и ковылем. Местами приметна сули, степной лук, артемизия и пр[очие] растения, свойственные монгольской степи. Скудная природа здешних мест не могла привлечь жителей: они удалились от дороги. На всем пространстве два бедных кочевья только заметны; нищета в них поселилась. Один монгол, 70-летний старец, посетивший нас, назвал себя в полном смысле нищим, ибо не имел ни одной лошади, а все богатство его состояло из 9 коз и 2 коров. От них получают пропитание 6 человек. В другой юрте с жадностью дети бросились на несколько русских сухарей. Не было здесь ни молока, ни сыра: один черный кирпичный чай служил вместо воды и пищи. Жители же почти наги. На половине сего переезда у дороги находится колодец хорошей воды. Станция сия содержится от хошуна мэргэн-вана, владетеля сих земель.

(182) 7-е (VII.11). Пятница. Проехав 36½ версты от ночлега, остановились мы в урочище Улан Тологой, иначе Боро Хошу. Продолжали путь по лощине, окруженной небольшими отлогими возвышениями. Однообразное местоположение несносно для духа, а солнечный зной увеличивал еще скуку от медленного путешествия. Сначала прилегающие к дороге места были покрыты большими кустами ковыля, где, по словам монголов, находится много зайцев, которые, впрочем, редко здесь употребляются в пищу. Некоторые впадины между гор от дождя наполнились водою и ныне служат пристанищем для уток. Часто мы видывали куликов (дзарак) [322]. Почва земли, вначале песчаная, далее превратилась в дресвянистую и хрящеватую, местами покрытую кам-

[322] Д з а р а к (*монг.* зараг) — кулик, бекас.

нями кремнистой породы. Травы кое-где казались лучшими, но большею частью желтелись посохшие прошлогодние. (*Вставка:* Почти на половине дороги видели мы колодец Хадайн Хошу, содержащий очень хорошую воду; на станцию же монголы ездили за три версты, привезли нам воду, но вонючую и мутную.) Нынешний переезд отличается от прежних значительным числом кочевий и скота. (*Вставка:* В числе растений на сем переезде находил я полынь в разных видах; степной лук постоянно растет в степи; местами и золотарник (алтан харгана), более 2 аршин вышиною.) Отъехав от ночлега около 10 верст, поворотил в юрту, занимаемую одной 80-летнею монахиней, вдовой тайчжи 3-й степени. При ней живет и сын ее 28 лет, гелун, женатый. По рассказам хозяев моих, каждая кумирня, стоящая в списках Палаты иностранных дел, имеет и определенное количество духовенства (дансатэй ламанэр) [323], коим, по законам веры и гражданским, строжайше запрещено бракосочетание. А как набожные монголы желают иметь непременно ламу в доме из числа сыновей, и те бывают заштатными, то они женятся, по мере познаний своих получают духовные степени, в означенное время собираются в кумирнях для богослужений; но живут в кочевьях на (183) лоне семейств своих и только ламским платьем различаются от светских, или, по их выражению, от черни (хара улус) [324]. Они, пользуясь всеми правами и выгодами степных хозяев, не участвуют уже при разделе кумиренных прикладов от благоговейных прихожан. Напротив, штатные ламы, не получая жалованья из казны, питаются только милостыней, которая, впрочем, немаловажна бывает для содержания сих жрецов-монахов. Светские же, так сказать, ламы носят даже и шарики — знак чиновника. Неоднократно случалось видеть сего рода духовных с белыми прозрачными шариками в числе провожатых наших станционных; а сегодня встретил я и с голубым шариком тайджия 4-й степени ламу. Такие удостаиваются в Монголии почетного названия «лама-ноин»; последнее слово дается только чиновникам. Сия станция находится уже во владениях дзяндзюнь-бэйлэ, хошун коего состоит из 8 эскадронов. Вечером в юрте наших провожатых монголов слушал я песни при звуках гудка. Занимательная картина. Около 10 человек собрались в юрте, возле огня, за чашею арики, под председательством дзанчина, который, к общему удовольствию, и сам пел, и других поощрял. От унывных чувств молодой девицы, оставленной знаменитым богатырем, предметом песен была похвала далай-ламы. В сем собрании увидели мы одного старца, который в молодости долго жил на нашей границе и затверженные русские слова, названия казаков, с удовольствием нам повторял. Потом мало-помалу и угрюмые мысли халкасцев рассеялись; они начали обнаруживать чувство приверженности (184) к русским, вспоминали древнее свое предание, что

[323] Дансатэй ламанэр (*монг.* данстай лам нар) — учтенные, т. е. зарегистрированные ламы.

[324] Хара улус (*монг.* хар улс) — простолюдины.

Чагадай, сын Чингисов, поселился в России и от него царское племя произошло. «Когда же потомок Чингисханов опять будет монголам[и] повелевать?» — спросил другой старец.

8-го. Суббота. В исходе 7-го часа Миссия двинулась в места возвышенные, по хрящеватому грунту, нередко испещренному разноцветными камешками. Потом спустились мы на глинистую долину, где у дороги находится колодец Бударуйн-булак, содержащий в себе очень хорошую воду. На сей долине остановился обоз китайский. Покатости гор покрывались стадами овец, купленными китайцем в Халхе около Курени для выставления за Великую стену. И опять мы поднялись на хребет Баин Будару, каменьями осыпанный, и дорога наша проходила между каменными высотами до обширной песчаной ложбины, Уйдзын называемой, что между камнями[, где] при колодце очень хорошей воды в 1821 году 29 июня дневала [Миссия], а ныне поили китайцы прекраснейших быков и верблюдов, купленных также у халхасцев. Нас провели далее через отлогие возвышения, по хрящеватой почве, до урочища Алтаган, где для нас были приготовлены юрты. Колодец, отселе в 1 версте, содержит в себе воду вонючую и мутную; и мы вынуждены были посылать за водою до Уйдзына. Монгол дорожит колодцем, а чтобы скорее от нас избавиться (185)[, чиновники] располагают станции как можно дальше, несмотря на невыгоды наши. Впрочем, мы сегодня подвинулись вперед на 25 верст. Травы местами были изрядные, но еще весьма редко: ковыль здесь еще занимает степь. Северный ветер дул нам навстречу, очень сухой, и будто пламенем мы дышали. На сем переходе видели мы довольно кочевий, и скотоводство обширное. Жители потчевали нас кобыльим айраком и верблюжьим молоком. По рассказам нашего провожатого дзанчина, в 8-й луне ежегодно бывает, по Высочайшему повелению, облава в указанном месте, а ныне [она должна состояться] недалеко от нашей границы. На сей конец собираются монголы изо всех хошунов, от 600 [до] 1000 человек, коим съестные припасы доставляют хошуны. Главное лицо здесь представляет амбанбэйсэ, находящийся ныне в Курени, при должности пограничного правителя, **(***вставка*: или дзяньдзюн, по должности — инспектор войск. В каждом халхаском аймаке по одному дзяньдзюну; и они подлежат маньчжурскому дзяньдзюну, живущему в Улясутае. Каждый монгол обязан иметь лук или ружье; последнее редкие имеют. После осмотра вооружения начинается облава: убитых зверей разделяют между собой присутствующие начальники хошунов, а часть через Пекинскую палату представляется государю. Солдаты получают в награду чай кирпичный, материи (дабу) или по 2 лана серебра из казны.**)**

(186) 9-го (VII.13). Воскресенье. Дорога наша от станции сперва идет по равнине, зеленеющейся ныне травою, а потом идет через хребет Хонгор, на котором находится обо, из белого кварца сложенный. Оттуда, через небольшие возвышения, — до хребта Буха, с которого спустились мы в овраг глинистый, где прежде было озеро, а за ним на холм поднялись, где приготовлены были для нас юрты, в урочище сего

же имени Буха, в 21 версте от ночлега. Почва земли вообще хрящеватая; подножный корм изрядный; но вода нехороша, и потому один колодец получил название Бухайн Му Усу. (*Вставка:* Колодец дурной воды, отрытый, по мнению монголов, случайно быком.) Кроме него отысканы еще два колодца в окрестностях нашего стана, где вода несколько лучше. На сем же переезде на дороге нашли мы в кожаном мешке, завернутом в тулуп, мертвого младенца. Провожатые монголы не хотели даже и смотреть в ту сторону и рассказывать, почему сие делается. Чернь ничего не знает, говорили они, ламы только знают. (*Вставка:* Под вечер северный ветер сильный; утих около полуночи.)

10-го. Понедельник. (*Вставка:* Поутру холодный пронзительный ветер.) Подавшись вперед верст на 20, остановились мы в урочище Могойту, Змеином, получившем сие название от множества змей в оврагах между каменистых гор, окружающих долину, на которой были поставлены для нас юрты. От Бухайн Му Усу сперва мы поднялись на хребет Улан Тологой, за которым вправо тянется лощина, где несколько юрт, а при них и колодец, Улан Худук называемый, откуда вчера для нас воду (мутную) привозили. Далее (187) дорога лежит по возвышениям, с коих мы спускались на долины и опять поднимались на высоты. По сторонам находятся многие отдельно стоящие бугры, простым камнем осыпанные, а местами белым кварцем или мрамором. Наконец, перебравшись через хребет Екэ Хонгор, по отлогостям оного спустились в тесную лощину Элигэн, ведущую на долину Могойту. Почва земли каменистая; но травы приметно уже лучше становятся. Два дня уже, как растения, единственно монгольской степи свойственные, начали реже являться; вместо оных выходят новые, обыкновенные уже до самого Байкала. В 2 местах видели мы дно иссякших озер, худжиром покрытое. В колодцах при станции нашей вода чиста, несколько вонючая только: она, впрочем, в каменистой здешней степи очень нравилась путешественникам. Единообразие степи более и более нас утомляет. После обширных равнин тесные лощины сжимают душу и воображение.

11-го. Вторник. Вчера вечером начал дуть холодный ЮВ ветер и продолжался во всю ночь и сегодня. Ночью и утром довольно прохладно. Двинулись с места в 7 часов, прибыли мы в полдень в урочище Хододу, проехав около 23 верст. Переезд сей состоит или из каменных высоких гранитных гор, или [из] междугорных долин, покрытых каменьями или хрящом. Проехав сперва каменный хребет Могойн-даба, спустились (188) мы в обширную глубокую долину с торчащими буграми, травы здесь изрядны, кочевья чаще встречались с немалым числом скота. Приятно было смотреть на большие семейства, по 4 и 5 юрт хороших занимающие; платье коих и стенное убранство жилищ ясно доказывали достаток хозяев и удобство места для скотоводства; еще приятнее видеть монголов и монголок, доживающих до 90 лет, при крепости сил телесных, окружаемых детьми и внуками. Чернобровые нежные прелестницы, заменяя престарелую бабку, охотно занимаются

хозяйством; трудолюбие их и уважение к старшим заслуживают внимания путешественника, который с неизъяснимым удовольствием в скучной и почти бесплодной степи находит патриархальных времен простоту. Дети здешней дикой природы незастенчивые; без робости приближаются к иностранцу и радушно принимают его под войлочную кровлю своего жилища. Угощали нас сушеными сливками, верблюжьим молоком и айраком из кобыльего молока. Мужчины здесь в крайности празднолюбивы, напротив, женский пол смотрит за скотом, приготовляет пищу, валяет войлоки, шьет платье и сапоги, делает седла и пр.; мужчина же выедет в степь взглянуть на скотоводство, посетить соседей. Трубка табаку, чашка чаю и кусок мяса — угощение. В другое время торговля или занятия по службе, легкие, впрочем, не (189) много труда им стоят. Никакой нет промышленности и никаких к тому побуждений. Если нужен китайцу хороший войлок, то [он] сам приезжает в степь к монголам и, сваляв его, возвращается за Великую стену. У наших бурят гораздо более известны кузнечное, столярное и прочие искусства, чем в Монголии. Они умеют уже построить хороший деревянный дом, сделать выгодный экипаж, ковать железо, делать ножи, огнива, украшать серебром и маржаном свои седла: некоторые охотно даже занимаются земледелием. В Монголии нелегко встретить можно что-либо, тому подобное.

За упомянутой выше долиной начинается опять каменный хребет, с коего [ведет] спуск на лощины, местами населенные, до самого Хододу, урочища, где мы остановились. (*Вставка:* Песчаная, камнями покрытая долина сия от З защищается высоким каменным поясом, Хододойн Чоло, на хребте коего возвышаются огромные красного гранита массы.) Из хребта вправе, вдали, на северо-востоке виднеются каменные верхи горы Очул-ула, возвышающейся среди плоской степи. Близ оной кочует дзяньдзюн-бэйлэ, владетель здешних земель, изобилующих изрядной травой, хорошим скотоводством, в особенности же крепкими и красивыми лошадьми.

Переезд сей довольно затруднителен по множеству камней и острым кабанам. Дорога наша сегодня поворотила очень приметно к северу. По приезде на станцию пошел дождь и продолжался до 5 часов. Потом сильный северный ветер развеял дождевые тучи и свирепствовал до полуночи. (190) От колодца Уйдзын (см. 8 августа) дорога наша превратилась почти в тропинку, по которой только табуны лошадей и верблюдов идут из Северной Халхи в Китай.

Недалеко от станции находятся два колодца, из коих один содержит в себе очень хорошую воду. На сей станции простились с нами два чиновника, провожавшие Миссию от 9-го августа. Две станции, которые содержатся [на средства] от хошуна Хардал-дзасака [имеют] (*вставка:* 2 эскадрона). Нынешняя же [станция содержится на средства] от хошуна Хардал-бэйсэ, [она имеет] (*вставка:* 4 эскадрона). Но земли [эти находятся] во владении хошуна дзяндзюн-бэйлэ; для уравнения только повинностей велено было им для Миссии ставить юрты и пр.

От межи владений мэргэн-вана начался цэцэнханов аймак, который по нашей дороге клином входит в аймак Тушэту-хана.

12-го (VII.16). Среда. Утром холодно, потом жар усилился. И сегодня, подавшись вперед на 23½ версты, остановились мы в урочище Хабхату. Вначале ехали по вчерашней лощине, хрящеватой, крупными камнями усеянной, а потом через холмы пробирались на высокий хребет, тянущийся с В на З, Нарату называемый. Спускаясь с него на обширную долину, кварцем мелким обсыпанную и местами изрядной травой изобилующую, Оросха называемую, на дороге нашли мы опять в кожаном мешке выброшенного мертвого ребенка. Монголы уверяли меня, что, по обыкновению, мертвых детей бросают на дороге, «тургэн боцахуйн тула» [325], т. е. чтобы он [ребенок] скорее возвратился, в новом теле опять явился. (191) Людей же в зрелом возрасте и старцев оставляют на местах, редко посещаемых людьми. На долине сей изредка являлись кочевья, и то крайне бедные: юрты изодранные, не выше 2 аршин, торчали в низменных местах. Влеве виднеются озера, содержащие дождевую воду. Вправе в полном величии Оцул-ула, иначе Бокдо-ула (через день верховой езды отсель), возвышается как гигант, покрыта огромными каменными массами, которую монголы почитают как освященную. У подошвы ее находятся два больших храма — Шарабдзан и Сойран-сумэ, из дерева построенные, возле коих в юртах помещаются многочисленные ламы. Далее к востоку синеются вершины огромной горы Сансар. С долины Оросха поднялись мы на обширную равнину, также усеянную кварцем и разноцветными, кремнистой породы, камнями; наконец, за небольшим холмом прибыли в урочище Хабхату, где находится колодец изрядной воды и озеро. Отсель, через три дня езды к З, проходит почтовая дорога, где учреждены и почтовые станции, при них живут солдаты, находятся казенные юрты под приезд чиновников из Урги и других мест в Пекин и оттуда в Монголию. К В же, через два дня дороги, есть Дарханская дорога, купеческая, тележная. Следующая станция содержится уже [на средства] от хошуна Ахай-гуна[, имеющего 3 эскадрона], который по высочайшему повелению заведует (192) полицией в Урге и вместе с шандзадбою занимается решением дел по ведомству гэгэна и потому имеет дом свой вне монастырской ограды.

Вечер был прекраснейший, и мы с приятностью прогуливались по вершинам гор, окружающих станцию, любовались окрестностями, в особенности же наслаждались видом Оцул-улы и Сансар-улы, позлащаемых последними лучами солнца. Вдруг на западе явилась черная туча, и сильный ветер начал свирепствовать. Весь горизонт покрылся дождевыми облаками; молния беспрестанно сверкала; громовые удары разражались над нами. Пошел проливной дождь; юрты наши едва ус-

[325] Тургэн боцахуйн тула (*монг*. түргэн буцахын тулд) — чтобы быстрее вернулся.

тояли перед силою северного ветра. Дождь скоро прекратился, но ветер во всю ночь не утихал.

13-го (VII.17). Четверток. Северный ветер дул нам навстречу, чрезвычайно пронзительный. В исходе 7-го часа, оставив ночлег, пустились мы в предлежащий путь, сперва по увалам небольшим, а потом по лощине, мимо колодца, где кочевье одного богатого дзалана эскадронного, из 4 хороших юрт состоящее, окруженное значительным числом скота, особенно же верблюдов. Наконец перевалившись через один отлогий хребет, прибыли в урочище Хашун, где от хошуна Ахай-гуна поставлены были для нас юрты. Близ нашей станции находится один колодец, обвалившийся уже, так что различная нечистота скотская вместе с дождевою водой слилась в колодец, и мы (193) только по необходимости должны были употреблять оную в чай и кушанье. В междугорных лощинах находили мы много озер, но в оных [вода,] смешавшись с глиною, уподоблялась густому кирпичному чаю, забеленному молоком. Почва земли постоянно хрящеватая, изобилует камнями кремнистой породы. Долины зеленеют степным луком. Сегодня мы подвинулись вперед на 20 верст.

В наш стан заходил один ордоский гэцул, который в 95 дней прибыл в Курень для поклонения гэгэну, поднес ему два конца дабы, а теперь возвращается на родину, неся на себе свою постель, платье, пищеварную чашу и пр., просил у нас чего-либо съестного. По словам его, монголы ордоские занимаются земледелием; сеют просо, пшеницу; в каменном Чингис-хана дворце ныне живет тайджи Тайбо и что в положенное время [монголы] приносят жертвы в честь сего известного в истории завоевателя. Ордоскую землю наш пилигрим называл Богдо Чингис эдзэнэй гадзар [326].

14-го (VII.18). Пятница. От станции дорога наша сначала идет по небольшим увалам до первого возвышения, за которым, в долине, у колодца, ныне находится кочевье в урочище Дзамэйн Улан Худук, где прежняя наша Миссия на обратном пути ночевала. За сею долиной следует подобное возвышение с каменным обо, в виде столба сложенным: спуск с нее [ведет] на лощину Тормус, а далее опять холм, с коего вправе еще синеются вершины Оцул-улы и Сансар(194)-улы. Переехав холм сей, спустились мы на долину Дабусуту, местами худжиром покрытую, изобилующую хорошей травой, богатыми кочевьями; вправе от нее тянется ряд холмов, а влево возвышается Дзала-ула. Наконец, переехав еще одну высоту, спустились на долину, из коей дорога идет в небольшую лощину, Дзамэйн Шанда называемую, где находится также кочевье. Здесь от хошуна Ахай-гуна были поставлены для Миссии юрты. Но как сегодня на малое слишком расстояние подвинулись вперед, то, отдохнув всего 1/2 часа в юрте китайских приставов, которые нас здесь чаем угощали, мы отправились в путь по небольшим и отлогим

[326] Богдо Чингис эдзэнэй гадзар (*монг.* Богд Чингис эзний газар) — земля святого Чингиса.

увалам до обширной долины, со всех сторон холмами окруженной, Олон Обо называемой; ибо действительно на западном кряже холмов сложено много обонов. Итак, проехав сегодня около 26 верст, остановились в юртах, приготовленных уже от хошуна Джонон-дзасака, содержащего в себе 3 эскадрона. У подошвы холмов с обо стоят две хорошие юрты; в окрестных долинах также видны кочевья. Вода здесь очень мутна в 2 колодцах, а в озере дождевая с глиной смешана. Почва земли, постоянно хрящом посыпанная, местами только камениста. Сердолики в немалом попадались количестве, но некрасивы. Травы приметно становятся лучше. По отлогостям холмов паслись стада овец и рогатого скота. Лошади невелики, но крепкие и жирные. (195) Вечером шел небольшой дождь.

15-го (VII.19). Суббота. Дневка. У подошвы хребта, покрытого многими обонами, из плитняка сложенными, ныне поселилось около 15 юрт монгольских, богатых скотоводством. Хорошая трава, явившаяся после обильных дождей, привлекла жителей в здешние долины. В числе сих жителей находится один серебряных дел мастер, ученик покойного художника, которого г. Тимковский в 1821 году здесь видел. Живет он довольно бедно, ибо монгол скорее купит для себя хорошее седло, огниво, нож или табакерку в Китае, чем прибегнет к своему земляку, по скудости работы не могшему сделать много успеха в своем искусстве.

16-го (VII.20). Воскресенье. Поутру тепла 6 градусов по Реомюру [327]. Сильный ветер от С. Мы, переехав один хребет, спустились в долину, где несколько было юрт. И опять, переехав хребет, по отлогости оного спускались до колодца Цапчир, влеве от нашей дороги. Оттуда подъем на высокую гору, с вершины коей можно было еще приметить на ЮЗ стороне оставшиеся, неоднократно нами упоминаемые горы Оцул и Сансар. За сею горою, на обширной равнине, виднеются многие юрты и немало пасущегося скота. Далее, в левой стороне у подошвы одного холма, при хорошо устроенном колодце Дзулгэту, с чистой водой, стоят юрты одного да-ламы и небольшая войлочная кумирня. На сей же равнине, вправе от дороги, на покатости холмов пасется табун гэгэновых лошадей, около 500 [голов]. Оттуда, поднявшись на некоторое возвышение у южной подошвы горы Бага-ула, остановились мы в урочище Улан Чикиту, проехав сегодня 16 верст. Вправе от Бага-ула стоит гора Баин Хара, на черте (196) цэцэн-хановых и тушету-хановых владений. Юрты для нас поставлены были здесь от хошуна Джонон-дзасака, но весьма ветхие, и потому китайские приставы должны были нам уступить две свои юрты. Вскоре после нашего прибытия на станцию северный ветер еще более начал свирепствовать, так что юрты едва могли устоять. Пошел дождь. Ужасна и осень в Великой монгольской степи! Вечером был маленький снежок. (*Вставка:* На сей станции превосходная вода из колодца.)

[327] 6 ºR = 7,5 ºC.

17-го (VII.21). Понедельник. Северный ветер дул во всю ночь и день. Поутру до 3 градусов доходил мороз. В половине 7-го часа мы двинулись вперед; мимо западной стороны горы Баин Хары вышли мы на равнину, а за нею — на увалы, довольно отлогие. Дорога хорошая, травы изрядны. Вправе, у подошвы горы, виднелось красное дно временного озера, называемого Улан-нор или Дугуй-нор, имеющего вид круга, который в дождливое время покрывается водой. Поднявшись на один высокий хребет, увидели мы впереди обширную равнину Боргио, изобильную подножным кормом и скотоводством. Изредка попадались юрты. По сей равнине ехали мы по увалам до урочища Умбэй, или Хая, так названного от близлежащего озера, откуда мы на сей станции получали вонючую воду. (*Вставка:* Из другого озера привозили соленую воду.) Сегодня мы подвинулись вперед верст на 30. Отсель к СВ возвышаются горы Баин Цокту, вершина коих покрыта красным гранитом, и Маниту. Обе увенчанные обонами. Почва земли дресвянистая, местами испещренная камнями кремнистой породы. Юрты для нас приготовлены от хошуна амбан-бейсе, находящегося ныне при должности (197) в Урге, но очень ветхие как у нас, так и у китайских приставов. Они имели здесь только две юрты, ибо третью занял станционный дзангин, больной; но молчали, опасаясь силы бэйсэя. Хошун состоит из 4 эскадронов полных и 1 неполного. На сем переезде, у дороги, мы также видели изорванные войлоки и часть овчины, в которую завернуто было тело мертвого младенца. Близ нашего стана под войлоком спасались от стужи две старухи с 1 ховарaком. Они, по своей бедности, прикочевали к дороге, надеясь от проезжих получать милостыню; между тем по наглости станционных смотрителей лишились юрты.

18-го (VII.22). Вторник. Ветер ночью стих. Мороз поутру до 1/2 градуса доходил. Заходил в наши юрты один тибетский гелун, который около года находится уже в дороге от столицы своего первосвященника ламы-римбочэ в Курень для поклонения тамошнему гэгэну. Тибет называл он Мунку Чжу [328], а Монголию Сугу. <…> По обыкновению здешних пилигримов питается подаянием от благотворителей; потому и к нам пришел просить хлебцев и крупы. Знает китайский язык и несколько по-монгольски. Объяснял нам, как[ое] великое уважение имеют тибетцы к ургинскому хутухте. Доказывал [это] тем, что многие из них предпринимают столь дальнее и многотрудное путешествие единственно для того, чтобы поклониться сему обожаемому лицу.

(198) Дорога наша продолжается сперва по равнине, на которой мы ночевали, а потом идет через небольшие увалы, между коими в лощинах приметно дно иссякших озер, покрытых ныне худжиром. Далее вышли мы в долину, между двух хребтов лежащую, из коих один, к В от дороги, тянется в направлении с Ю на С от высокой горы Баин Цокту, иначе Баин Ула называемой, а влеве от горы Маниту — хребет

[328] М у н к у д ж у (*монг*. мөнх зуу) — вечная драгоценность, вечный Будда. Название Лхасы и всего Тибета.

Баин Арик. На долине сей встречали мы много юрт и многочисленное скотоводство, особенно у колодца в урочище Хашату и далее: у подошвы упомянутых хребтов. Толпы любопытных лам, здесь кочующих, выезжали на хороших лошадях посмотреть русских. Почти все они были одеты в русском сукне, красного цвета. Спрашивали, нет ли у нас продажных вещей или лошадей променных. На сей же долине, в 3 местах у дороги, видели мы истлевающие останки младенцев, по обыкновению выброшенных. Долина с СЗ замыкается горою Хабцалом, от которой выходят небольшие холмики, образующие будто врата, откуда мы спустились на долину, окруженную со всех сторон горами, в урочище Билгихэ, у колодца, содержащего в себе превосходную воду. (*Вставка:* В ущелье Хабцала находится и другой колодец, также с превосходной водой. Близ нашего стана видны многие юрты.) Мы сегодня подались вперед на 24½ версты. Здесь для китайских приставов были приготовлены три юрты, для Миссии одна только. Одна еще была нанята у соседа караульного монгола, третью уступил битхэши, а 4-я, казенная, — наша. Собственно монголы для нас приготовили (199) юрты далеко отселе, впереди, в урочище Хадайн Худук, на счет ведомства ургинского гэгэна, но по чрезмерному расстоянию, дабы не изнурить лошадей, г. пристав остановился по северную сторону Хабцала, как то было и в 1821 году. Бэйсэя хошун, сберегая свои выгоды, сделал столь глупое распоряжение и столь трудное для Миссии, проезжающей на бессменных лошадях. Это, впрочем, не первое доказательство монгольской глупости и упрямства по маньчжурскому образцу. Здесь придерживаются прежних примеров, невзирая, хороши они или худы. Гордость китайца, соединяясь в монголе с его необразованностью, странна и несносна для путешественника, который привык смотреть более на действие здравого рассудка, нежели на прежние примеры, без сомнения, происшедшие от стечения особенных некогда обстоятельств. Tempora mutantur, et nos in illis [329].

Нынешний переход нетруден, по долинам или отлогим увалам. Почва хрящеватая. Травы хорошие. Местами встречаются ревень (vheum cospicum) и норы сурков (тарбаганов).

19-го (VII.23). Среда. Поутру пошел небольшой дождь и продолжался во весь день.

С Билгихэ спустились мы по Гунджуской дороге прямо к северу, сперва по прежней долине между двумя хребтами, с коей потом спустились несколько в ущелье тесное, у восточной стороны хребта Хорту; [и] прибыли наконец в урочище Хорту Хадайн Худук, так названное от (200) колодца, у небольшой скалы находящегося, с превосходной водой, у которого Миссия остановилась, проехав сегодня 17½ версты. Почва земли по-прежнему дресвяная, а в одном месте черноземом покрытая. Подножный корм с каждым шагом вперед становится лучше;

[329] Tempora mutantur, et nos in illis (*лат.*). — Времена меняются, и мы вместе с ними.

приятная надежда, что вскоре увидим обильнейшие знакомые долины. Юрты приготовлены были здесь от ведомства ургинского гэгэна, которое содержит и следующую станцию Налайху. Впереди виднеется гора Цасуту (Снежная). Вместо станционных дзангинов явился к нам халгачи.

20-го (VII.24). Четверток. По предварительному извещению со стороны провожатых наших о дальнем расстоянии нынешнего переезда, мы в 6 часов утра двинулись со станции. Миновав тесную лощину, в которой ночевали, вышли мы на пространную долину, Ара Худук, со всех сторон окруженную хребтами гор и имеющую к В колодец, куда и ряд холмов, примыкающий с правой стороны к дороге, подвигается, равно как и хребет Хорту[, который] с левой стороны поворотил к Западу, где опять соединяется с новым хребтом, замыкающим нашу долину Ара Худук. Травы здесь отменны: пырей (кях) и вострец занимают место гобийских растений: но монголы здесь кочуют только зимою, удаляясь из открытых мест в долины, защищаемые от порывистых ветров высокими горами. В густом (201) тумане синеют вершины гор, которые постепенно возвышаются после Великой монгольской степи, где низменные холмы наводят ужасную скуку на путешественника. От С долина наша замыкается рядом холмов, от З приближающихся к огромной горе Ушки, издали приметной. По западную оной сторону, мимо гор Шир и Эрдэни-ула, вошли мы опять в лощину тесную, из коей несколько правее виднеется хребет Кукэ Хадайн-даба, на вершине коего лежит снег. По сей лощине мы неприметно стали подниматься на высокий хребет, Голту-нуру называемый. На вершине оного благоговейные монголы сложили обо, на камнях коего вырезаны тибетские буквы. Отсель впереди открывается великолепный вид на холмистую долину, склонившуюся к берегам быстрой Тулы, на остроконечные знакомые нам горы, на торчащие вершины огромной яшмовой горы Уту-нуру, на изобилие травы и воды, на многочисленные табуны гэгэновых лошадей, покрывающих отлогости гор, предвещающих конец нашему странствию. Влево далее тянется Ширдыкту — хребет, напоминающий страшное замешательство Галдана, который в бегстве перед могуществом Кансия растерял даже свои войлоки. Уже видны и вершины величественной Хан-улы, заповедной лиственницей покрытой.

(202) Наконец, спустившись с сего хребта по отлогой лощине, прибыли мы в 2½ [часа] пополудни в урочище Налайху, проехав сегодня 47 верст. Вода здесь из ключа превосходная, окрестности живописные.

21-го (VII.25). В 6 часов утра поднялись мы на хребет Ширдыкту, довольно отлогий, с коего, спустившись на долину, прилегающую к известной священной горе Хан-уле, дорога поворотила к В и соединяется здесь с Дарханской, по которой мы вперед ехали в Пекин. Приближаясь к Урге, беспрестанно мы встречались с толпами поклонников, притекающих со всех стран Монголии в столицу боготворимого гэгэна. Юрты гораздо чаще попадались, и то — по 10 и более вместе. В них живут или пастухи, или мастеровые, занимающиеся деланием юрт, корзин и пр. для безлесной степи. В 11 часов мы переправились

через Толу вброд, на которую после долговременного и трудного путешествия с особенным удовольствием смотрели. [Когда мы ехали] мимо куреньского Маймайчена (Маймай-хото), встречали нас китайцы и любопытные монголы обоего пола. У главных ворот, когда мы проезжали, стояли несколько солдат с саблями. Били в тазы. Огороды зеленелись. Вершина великана Хан-улы также [зеленела. На ней растут] (*вставка:* лиственница, березы, кедры и пр. На ней находится еще Маньчжушрия храм, куда поклонники с благоговением пробираются по тропинке в лес за гору). Все прельщало нас: [это была] приятная встреча со знакомой природой! (*Вставка:* Стада буйволов паслись на Ургинской равнине: много палаток, разбитых для поклонников гэгэна.) В час пополудни, наконец, приблизились мы и к Русскому подворью, у ворот его (203) выставлено для нас около 30 монголов вооруженных; стекались ламы посмотреть русских. Немедленно явились приставы, тайджи, дзаланы и халгачи: принесены хлеб и соль от ведомства гэгэнова. Сегодня мы подвинулись на 36 верст. Из новостей сообщено нам, что Намнай Дорджи назначен по высочайшему повелению третьим членом в здешнем ямуне и со временем займет место бэйсэя. Нынче же он отправился на Бэйтэй-гору принести жертву духу покровителю, обитающему на сем хребте. (*Вставка:* Весной и осенью приносят здесь жертву при стечении народа, лам, чиновников монгольского и маньчжурского битхэшия из здешнего ямуна.) День был прекрасный, теплый. Вскоре явились из здешнего ямуна два бошка от имени правителей спросить о здоровье г. пристава. Битхэши-фуинь, возвратившись от амбаней, известил Миссию, что бэйсэ по причине болезни не может ее принять. Амбан-гун, по фамилии Хао, назначил 29-е число сей луны для принятия нас. Вечером прибыл знакомый Тар-тусалакчи. Халгачию же я поручил известить шандзадбу, что один из миссионеров имеет к нему письмо от Минджур-гэгэна.

22-го (VII.27). Суббота. Всерадостнейший день коронования нашего государя императора. Монгольские приставы, тусалакчи от имени амбаней известили, что Миссия отселе от Кяхты будет иметь те же выгоды (пособия), какие имела от Цаган-балгасу, что амбани согласны на свидание с шандзадбой, что можно ему вручить письмо гэгэна, поднести подарки и пр.!!! После обеда лошади были присланы для выезда в кумирни, где ныне на время находится шандзадба. По поручению г. пристава я имел предварительное объяснение с тусалакчами относительно церемониала при встрече с шандзадбой. Тусалакчи утверждали, что по примеру прежнему шандзадба примет Миссию, т. е. сидя на своем стуле с поджатыми ногами, на что я возражал; что после дружеского обращения с пекинским гэгэном, которому при нас шандзадба делал земные поклонения, наш г. пристав не согласится на такой прием у шандзадбы и что не иначе сможет с ним видеться, как разве шандзадба вне жилища своего встретит его. Возражение сие до крайности поразило тусалакчиев. Они сознались, что не смеют даже докладывать об этом шандзадбе, столь высокой особе, по воле богдо-хана управляю-

щему делами куреньского гэгэна и потому имеющему особую печать и шарик на шапке. Отправлялись мы верхом к кумирням, в 5 верстах отсель построенным у подошвы гор. Дорогою я еще раз напомнил тусалакчи и сказал халгачию, чтобы они известили шандзадбу, ибо, в противном случае, мой начальник не согласится на свидание с шандзадбою и только осмотрит кумирни. На половине пути с согласия г. пристава я с г. Войцеховским, тусалакчием и халгачием отправился вперед для узнания о намерении шандзадбы и [чтобы] вручить ему письмо от гэгэна. Халгачий скорее поскакал с докладом к шандзадбе. Когда мы приблизились к (205) кумирне, где на время имеет свое пребывание шандзадба, увидели толпу лам в парадном одеянии, поспешно идущих в небольшую кумиренку, вправо от главной лежащую. Мы предполагали, что там начнется молебствие. Между тем перед крыльцом все построились в два ряда, шандзадба в красном кафтане с красной перевязью, с тибетским шарфом на голове явился на крыльцо и со всей вежливостью нас встретил, ввел в кумирню, со вкусом отделанную и отличающуюся особенною чистотою, столь редкой в здешних кумирнях; посадил нас напротив себя на стульях, покрытых красивыми коврами. После взаимных приветствий и угощений кирпичным чаем с хлебцами мы вручили ему письмо от гегена. Потом шандзадба расспрашивал нас, каким образом Минчжур-геген познакомился с нашим г. приставом, где видел наши повозки и пр. Наконец [он спросил] о подзорной трубке и повозке, которые он [геген] письменно просил выслать из России, о днях оных и пр. Потом спрашивал у меня, г. пристав будет ли у него? Я отвечал, что он [пристав] едет к кумирням, но увидится ли с ним [шандзадба], не знаю; и потому мы возвратимся узнать от него. Халгачий не смел сам доложить шандзадбе о церемониале предложенном, а пересказал только приближенному его ламе. Сей последний, приползая на коленях, секретно докладывал шандзадбе: какой был ответ, я не смог слышать. Но шандзадба сказал мне: если угодно вашему начальнику меня посетить, я готов его здесь ожидать. Отправились мы назад и нашли (206) г. пристава в первой кумирне. Г[осподин] пристав решил ехать к шандзадбе. Наши провожатые советовали нам отсель возвратиться, извещая при сем, что шандзадба уехал уже в другую кумирню. Г[осподин] пристав отвечал, что он желает видеть только кумирню. Провожатые не могли ничего сказать, ехали с нами в следующую Даши Чинронгун кумирню. Шандзадба со своим причтом вышел встретить нас, и г. пристав посетил его в той же кумирне, что и мы его видели. Угощал чаем и хлебцами. Разговор вежливый. Оттуда мы пошли в большую кумирню и пр. Шандзадба проводил нас глазами из крыльца. Таким образом, он на сей раз сделался вежливее. Быть может, что он нарочно в загородной кумиренке нас принимал, дабы удалиться здесь от множества свидетелей, находящихся в самом Курене.

Кумирни сии наружностью своей и внутренним устройством могут удивлять степного зрителя, не имевшего случая видеть что-либо лучше, но после столичных и окрестных храмов здешние кажутся весьма

обыкновенными. У первой кумирни на горах камешками изображены надписи тибетские; обоны на вершинах: толпы поклонников отовсюду притекают поклониться святому месту.

(*Вставка:* Один из монголов, находившийся прежде в числе… увидев нас, чрезвычайно обрадовался, повторял некоторые затверженные им русские слова. Монголы, окружающие нас, с любопытством расспрашивали его о России. Он с важностью рассказывал, что наши буряты делали земные поклонения Ургинским… на дороге; что наши дамы совершенно похожи лицом и платьем [на] монголок, что русский царь, потомок Чингис-хана, живет в море, в стеклянных чертогах, где колонны из маржана, и пр.)

(207) 23-го (VII.28). Воскресенье. В полдень вся Миссия с г. приставом с чиновниками, в сопровождении казаков, монгольских и китайских чиновников, простых монголов, в порядке отправилась в присутственное здешнее место (ямунь), где уже находился Хао мэйрэндзанчин (*вставка:* бывший гуном в Шеньцзине, но за противозаконное там распоряжение лишен достоинства гуна и к должности был отправлен в Улясутай, оттуда переведен в Ургу) [—] помощник бейсея. Перед воротами по обыкновению стояли вооруженные монгольские солдаты. За главными воротами (средние затворены были) по обе стороны тротуара [стояли] чиновники. Вошла Миссия в небольшую комнату. Гун сидел по правую сторону столика на кане; поджавши ноги, не сделал ни малейшего движения приветствия. Разговаривал более с нашим битхешием, нежели с Миссией, не скоро пригласил сесть и то [сказал при этом] не «цин дзо», а «дзо ся» (‘садитесь’) [330]. Стулья были далеко поставлены у щита. Словом, стыдно и досадно смотреть на китайскую безрассудную здесь гордыню. Грубиянство несносное! Пробыв здесь около часа, мы тем же порядком возвратились в Русское подворье. Гун вскоре за нами прислал на 4 столиках разных сортов фрукты.

Потом ездил я в Маймачен; искал монгольских книг и ни одной не нашел. Здесь вещи, нужные монголам, продают [только] китайцы. Городок наполнен развращенными монголками. Китаец, виновник разврата, среди мирных и простых степей Монголии! Где же мудрые наставления древних философов? — В книгах они, а не в сердце!

(208) Вечером члены здешнего ямуня чрез тусалакчиев требовали, дабы г. пристав завтра до полудня ожидал бумаги, отсель отправляемые к г. при[ставу] губ[ернскому], и что, по прежним примерам (хочин джурумар) [331], [они] желают вручить оную нашему приставу. Г[осподин] Ладыж[енский] чрез меня присланным тусалакчиям объяснил, что [по] дальнему расстоянию следующей станции[, отстоящей от нынешней,] Миссия должна завтра рано выехать из Урги, что он сам сегодня же отправляется вместе [со всеми], а для принятия в ямуне бумаги оставит здесь одного своего чиновника. Сверх сего изъявил свое неудо-

[330] Цин дзо (*кит.*) — садись, дзо ся (*кит.*) — садитесь.
[331] Хочин джурумар (*монг.* хуучин журмаар) — по старому правилу.

вольствие от странного приема мейрен-дзанчином, не соответствующего дружественным сношениям двух великих империй и прежним даже примерам. По сей причине не намерен видеться с помощником бэйсэя. Приведены были доказательства из прежних примеров, из коих видно было, каким образом ургинские правители принимали прежде Миссию с провожавшими оную чиновниками. Тусалакчии, чрезвычайно испугавшись, начали объяснять свое старинное знакомство с русскими, взаимную доверенность и расположение дружественное, потом убедительнейше просили г. пристава переменить свое намерение и дожидаться завтра бумаги до полудня. Но, увидев непреклонность его, жалели, что бэйсэ по болезни не мог видеться с Миссиею и что при нем, вероятно, не вышла б ни малей(209)шая причина к неудовольствию, столь справедливому. Мэйрэн-дзанчин, говорили они, — маньчжур, а мы, монголы, не смеем ему и докладывать, потому всепокорнейше просим, для сохранения нас от какого-либо несчастья, объяснить сие дело правителям через битхэшина фуиня. По просьбе тусалакчиев г. пристав поручил г. Леонтьевскому переговорить о сем с фуинем. Монголы крайне обрадовались.

24-го (VII. 29). Понедельник. Тусалакчи еще раз возобновили вчерашнюю просьбу, т. е. дождаться изготовления бумаги. Г[осподин] пристав оставался до 8 часов утра, но обозу велел двинуться ранее в путь. Наконец Миссия, к истинному всех удовольствию, оставила Ургу. Дорога наша из Урги поворотила несколько вправо, сначала прямо на север, в горную долину, между двумя хребтами, где находятся вышеупомянутые кумирни; а потом от ручья Сэльби, журчащего на дороге, отличающегося холодной и чистой водой, поворотили на СЗ и подле ручья Арашанту начали подниматься на отлогий перешеек Гэнтэйского хребта, на вершине коего стоит обо. От выезда из Урги прелестные живописные виды пленяют путешественника. Зелень пейзажа вершины Хан-улы, равно как и лиственничные рощи, покрывающие хребты гор, или расстилающиеся у подошвы оных жилища монголов, окруженные многочисленным скотоводством, кумирни и прочие знаки набожности и благоговения к святой столице боготворимого гэгэна; толпы поклонников (210) и поклонниц, на верблюдах, лошадях или быках, и пешком даже, стекающихся в Курень, встреча с монголами, везущими на одноколках сено и дрова; обилие деревьев и [нрзб]ристой воды наполняют душу сладостным мечтанием о Родине и незабвенных оной прелестях. Вершина Гэнтэя также покрыта лесом и ягодными кустарниками. С жадностью мы бросились на бруснику. Спуск с горы довольно крут, но взгляд на холмистую впереди долину, изобилующую травою и лесом, неоцененный. Это взволнованное море! Отселе проистекают многие ручейки, на берегах оных кочуют многие монгольские семейства, но чрезвычайно бедные, полунагие, с паршами на голове. Ужас[но] взглянуть на оборванное их платье и изуродованное тело. Взрослые и малютки выбегали из подзакоптелых юрт на дорогу про-

сить милостыню. «Уцэн дуса, цай угэй, дотор хосун, юм угэй» [332], — кричали они. Ехавший со мною шигемунианский жрец, довольно тучный, в богатом суконном платье, с двумя мешками говядины, скоро начал удаляться, говоря, что здесь живут нищие, а с полным мешком трудно отселе уехать! Дорога шла постоянно по горной долине (*вставка:* местами довольно топкою по причине множества ручьев) до речки Куй, где в урочище Куй-Мандал приготовлены были для нас весьма хорошие юрты, внутри даже покрытые дабою и пр., с волоками, таганами, чего мы до сего не видали. Проехали мы 30½ версты. По Кую горы, раздвинувшись, (211) составляют прекраснейшую долину, изобилующую водой и травой и потому весьма населенную. Встретил я здесь сыновей бэйсэя, возвращающихся в Ургу из монастыря Амур Баясхуланту (*вставка:* находящегося при р. Орхон, у подошвы горы Бурин Хан-улы), где делали поклонение святому месту.

Тусалакчий с г. Разгильдяевым привезли письмо к г. губернатору, полученное в ямуне. Тар от имени бейсе спрашивал о здоровье г. пристава, [по]желал благополучно достигнуть пределов отечества, а в Иркутске спросить о здоровье г. губернатора. Бейсе по докладу тусалакчия весьма огорчился и извинял мэйрэн-дзанчина, что тот глух, потому и ничего не говорил, что еще недавно сюда прибыл и не знает, как обращаться с русскими чиновниками. Просил бейсе у г. пристава, дабы в Иркутске и столице говорить, что благополучно проехал Монголию: желал, чтобы при будущем свидании нынешнее неудовольствие превратилось в полную обоюдную радость, и пр. Нужно ли еще делать заключение, что при чрезмерной гордости здешние чиновники трусят; они готовы надыматься [надуваться] до первого случая, могущего открыть им всю их пустоту и ребячество. Бэйсэ чувствует величие России и только при нашей снисходительности показывает гордость, но при всем том он дрожит при каждом случае, когда мы требуем справедливости, ибо его звание, имение и жизнь в руке богдо-хана за малейшее неосторожное действие. Бэйсэ однажды писал в трибунал, что русские любят мелочами затруднять правителей ургинских и что он лекарств, присланных из России, не отправляет в Пекин, дабы показать русским, что он не намерен скоро исполнять их просьбы… (212) По рассказам нашего тусалакчи, нынешней осенью не будет облавы не по одной только причине, т. е. болезни бейсе, ибо Намнай Доржи и мэйрэн-дзанги могли бы занять его место, но еще по причине засухи во многих кочевьях и слабости лошадей.

25-го (VIII.1, осенний месяц 2-й). Вторник. В 7 часов утра оставили ночлег и через 7 часов достигли мы станции Хунцала, отстоящей на 32¼ версты. По распоряжению местного начальства для Миссии были приготовлены юрты в урочище Бургултэй при реке того же названия,

[332] У ц э н д у с а, ц а й у г э й, д о т о р х о с у н, ю м у г э й (*монг.* Ууц дуссан, цай гүй, дотор хоосон, юм гүй). — Заготовленное на зиму мясо кончилось, чая нет, голодны, ничего нет.

как то бывало и прежде, но как оба сии переезда небольшие, то, по желанию г. пристава, они сегодня были соединены. От ночлега сначала мы ехали берегом реки Куя, потом поворотили влево на хребет Наринский, за которым в лощине протекает речка Нарин. Здесь изобилие травы и кочевья нередки. На вершине хребта растет березняк. Впереди еще [имеется один] высокий[, который находится] за обо, хребет, с коего спуск весьма крутой и с рытвинами. Повозка г. пристава опрокинулась здесь на лошадей, но, благодаря Богу, казак остался в живых без вреда. [Миновали] еще хребет третий, гораздо ниже двух прежних, с коих впереди открылся прекраснейший вид на горы, которых вершины, одетые лесом, в разных направлениях казались соединенными с облаками. За сею горою, по прелестной лощине крутыми излучинами, протекает речка Бургултэй, орошающая ее. Трава здесь хорошая. Вся природа (213) в торжестве. Царство растительное прельщало разноцветными травами. Тучный скот стадами покрывал прилегающие долины и покатости гор, одетых лесом. Многие семейства кочуют здесь в достатке и довольствии. Я поскакал на противолежащий холм за речкою, где стояла хорошая юрта, окруженная стадами баранов. Навстречу вышел престарелый хозяин; после приветствий обыкновенных изъявил мне, что не смеет пригласить [меня] в дом, ибо за несколько часов скончалась его жена и юрта сделалась местом несчастия. Домашние даже его сидели вне юрты, со слезами ожидая прибытия лам, имеющих решить, когда, где и каким образом должно похоронить умершую. Она, завернутая в войлок, лежала по правую сторону огня. Вне ограды убита лошадь, которую, разрезывая на кусочки, вешали на нитках, растянутых на шестах. Это приготавливают на зиму. Оттуда отправился я по кочевьям, расположенным по нашей дороге близ журчащего в долине Бургултая. В нескольких юртах встретился с посланниками ургинского гэгэна. Они после вопроса о здоровье приветствовали меня: поклонился ли и когда гэгэну? Один из них, обвернув шею несколькими шелковинками, полученными от хутукты, чрезвычайно гордился своим счастьем. Богдо-гэгэн, говорил он, как светлая луна, ежедневно обтекая (214) наш горизонт, является в разных видах, то зрелых лет мужчиною, то старцем и опять младенцем. Он бессмертен, благословением своим очищая наши беззакония, награждает счастьем в будущем перерождении. Пилигрим сложил обе руки, поднял [их] ко лбу, многократно поклонился стране, обитаемой гэгэном, и опять принялся за чашку кирпичного чаю, перед ним стоящую. Поклонники сего рода беспрестанно встречались по дороге, светские и духовные, последние — обыкновенно с женщинами!

Почтовая дорога с горной лощины поворачивает на довольно высокий хребет, за которым находится и урочище Хунцал, место нашего ночлега. Здесь также много кочевий, вокруг тянутся горные хребты, покрытые лесом. Около полудня начал дуть северный ветер, веером шел небольшой дождь, холод усиливался.

26-го (VIII.2). Среда. Сегодня, проехав 28 верст, остановились мы в урочище Хоримту, на правом берегу речки Бора-гол. (*Вставка:* Речка Бора-гол, соединившись на сей долине с Баин-гол, течет прямо на С и впадает в Кара-гол, а сия последняя — в Орхон.) Переезд нынешний был довольно затруднителен по причине гор, через которые мы пробирались. 4 главных было подъема. Между горами тянутся равнины, тучными травами покрытые: потому здесь попадалось много кочевий. Высокие горы, ограждающие оные, в особенности же Ноин-ула с шестью своими каменными уступами, одеты березняком и елями: вершины их тонут в снежных облаках. Ветер северный дул навстречу; прорывался небольшой дождь; облака пыли на нас падали.

(215) Долина, где расположены были наши юрты, со всех сторон окружена горами, Бага Хоримту и Екэ Хоримту, иначе — Угумэр и Ноин-ула, покрытыми лесом; она принадлежит к числу живописных мест и изобильных травой. Вода в достаточном количестве. Травы прекраснейшие. Здесь кочует провожающий нас Тар-тусалакчи. Первые две станции от Урги находятся в хошуне Минь дзасака, а Хунцал и Хоримту — в хошуне Эрэнь Доргия (1 эскадрон); но юрты и провожатые присланы от разных хошунов, даже из аймака Цэцэн-ханова: Дзандзюн-бэйлэ, Бади-дзасака, Мэргэн-дзасака, Шабинского и других. (Восточная сторона Ноин-улы есть заповедная и служит в осеннее время местом облавы, которая не токмо считается забавою, но и воинским упражнением для монголов.) У западной подошвы оной, между Ноин-ула и Бага Хоримту, проистекает Баин-гол; крутыми излучинами стремительно течет в Бора-гол. Недалеко от сей горы монголы занимаются земледелием. (*Вставка:* На сей равнине приметны рвы, посредством коих наводнялись пашни.) По просьбе тусалакчия я с г. приставом ездил в его юрту, недалеко от нашего стана расположенную. Он здесь с семейством кочует потому только, что должность, на него возложенная, требует сего. Собственное же его кочевье в 600 ли отселе, при Дархан-уле. Там живут его 74-летний отец, мать, братья и два сына. Тусалакчи Тар, любимый ургинским амбанем, заведует почтовыми станциями от Урги до Кяхты, за что получает ежегодно 50 ланов серебра и 30 баранов. На каждой станции содержится по 36 лошадей и 12 верблюдов. Дзангины и кундуи также получают жалованье. (216) Тусалакчи здесь живет с женой, 3 сыновьями и 1 дочерью: старший сын его женат. Семейство все тусалакчия встретило нас и принимало весьма радушно. Чай кирпичный, кобылий айрак, молочное вино, сыр сушеный, сливки — это угощение в доме степного чиновника! Вежливые слова лились беспрестанно, при прощании хозяин поднес нам хадаки, кошельки и пр. **(***Вставка:* Дзангины и кундуи получают ежегодно по 18 ланов жалованья, а простые — по 9 ланов серебра. Тусалакчи из хошуна Дзяндзюн-бэйлэ (2 эскадрона и 3-й — неполный). Достойно замечания, что почти все здешние на почтовых станциях чиновники не из местных хошунов избраны, а из других, а более — из Гоби вызваны.**)**

27-го (VIII.3). Четверток. Проехав вброд реку Боро, мы через небольшой холм перевалились на обширную горную равнину Боро, простирающуюся до реки Хара-гол, где приготовлены для нас юрты от шабинцев, но [находятся они] в хошуне Цэрэн Дорджа (1 эскадрон). Переезд сей считали приятнейшею прогулкой в Монголии. (*Вставка:* Само местоположение долины Боро пленительно.) К В тянется еще величественная Ноин-ула, к З — другой хребет (*вставка:* Ундзу-ул. В нем [находится] одна гора — Оцо, с каменным обо) примыкает к нашей долине, впереди за рекой Хара возвышается Мангатай с прилежащими горами. Посредине течет река, орошающая плодоносную равнину. Здесь монгольские кочевья рассеяны; здесь земледелие процветает. Просо, ячмень, пшеница недавно собраны. (*Вставка:* За 1 кирпич чаю дают два котла проса.) Быки оную топчут, для отделения зерна. Семейства, занятые сею работой по всей равнине, не токмо могут пропитывать себя, но и значительную часть хлеба продать жителям Урги. У западного хребта находятся две маленькие частные деревянные кумиренки. Редкая деятельность кочевых семейств изумила нас! Пашни упомянутые находятся по правую сторону нашей дороги; влево же остаются следы прежних водопроводов, орошавших поле. Ныне здесь пасутся стада баранов. По словам монголов, во второй луне осенней косят и сено. (217) Сегодня подались мы вперед на 24½ версты. От Урги мы едем в Кяхту по почтовой дороге. На половине нынешнего переезда купеческая дорога отделяется от почтовой к западу и идет через хребты на устье реки Иро. Хара-гол отселе по каменному дну быстро течет к СЗ в Орхон, изобилует рыбой, как-то: тайменями, ленками и пр. При ней, в лощине, находится монастырь Амур Баясхуланту, около шести верст от нашего стана. Во время дождей река сия разливается широко, что доказывают высокие оной берега. Отселе на Баин-гол ведут две дороги, одна, через Мангатай, — ближе, не очень крута, но по множеству камней для телег невыгодна; другая, через Тулукэй, — далее и лучше.

28-го (VIII.4). Пятница. Поутру 3½ [градуса] мороза. Дорога через Мангатай от нашего стана идет прямо на север. Но мы, переправившись вброд через Хару-реку, поворотили к З, в лощину, далеко простирающуюся. Перешед ручей, вытекающий из горы Мангатай, мы ехали до Шара-хада, высокой горы, на вершине коей стоят огромные скалы в виде пирамид. Мимо оной поворотили вправо на горную долину, превосходными паствами покрытую. Здесь не видели мы ни юрт, ни скотоводства, потому что, по обыкновению местному, монголы в следующем месяце косят сено, после чего является новая трава под зимние кочевья, [на] которые [монголы] снова переходят зимой с берегов реки Хары. За сею лощиною поднимались мы на гору Тэскэту, спуск с оной весьма крутой извивается по тесной лощине, также изобилующей травою. Места сии напоминали нам Среднюю Россию. (218) В распадках гор виднеется густой березняк, а в нем находили мы очень много черемухи, сладкой и кислой смородины, костяники. Вершины же горные большей частью состоят из камня. За Тэскэту тянется опять лощина с

отличными травами; с ней начинается довольно трудный подъем на хребет Тумунэй, наверху коего складен большой обо. Спуск чрезвычайно длинный и крутой; на нем журчит превосходной воды ключ; покатости гор покрыты также березняком и ягодниками. Наконец, переправившись через Баин-гол, текущую по каменистому грунту, мы поворотили прямо к В по долине, усеянной кочевьями, и остановились на ночлег на берегу упомянутой реки, против дороги, ведущей через Мангатай. Сегодня мы проехали 29½ версты. Юрты для Миссии приготовлены от Шабинского ведомства, но хошун еще Цэрэн Доржия. Переезд сей по своему разнообразию и величественным видам можно причислить к прекраснейшим и истинно живописным, а в Монголии — и богатейшим травами; но по возвышенности гор — к труднейшим в нашем медленном странствии. Монголы жаловались нам на жестокость прошедшей зимы и множество снегу. Часть скота погибла от стужи, а остальная, не находя подножного корму, чрезвычайно изнурилась.

Урочище, в котором мы ночевали, называется еще Шанту Даба, от близлежащей горы, за которой находится большой лес, где по временам бывает облава. Ургинский правитель покойный, (219) Юньдунь Дорджи-ван, некогда здесь присутствуя на облаве, остался весьма довольным своими стрелками и богато их наградил. В память сего происшествия холму сему дал имя Шанту-даба, т. е. Холм Награды. Благоговейные монголы, к своему знаменитому вельможе [имеющие отношение], сохраняют сие название, равно как и в других местах, получивших также новое название от упомянутого вана, например — в Хоримту.

29-го (VIII.5). Суббота. Пополуночи начал прорываться небольшой дождь и продолжался во весь день. Поутру шел и снег. Поднявшись с места, переправились через одну высоту, за которой дорога идет по равнине Цайдам, изобилующей хорошими пастбищами. Дорога наша, почтовая, проложена по отлогим покатостям гор, до самой станции на левом берегу Шара-гол, в урочище Номту, в 17½ версты от ночлега. На вышеупомянутой равнине кочуют монголы только зимой, и мы до реки Шары не видели ни одной юрты. На берегах же реки часто встречаются жилища монгольские с многочисленным скотоводством. По песчаному грунту протекает Шара, с нашей стороны (левой) защищаемая высокими иловатыми берегами. Место здешнее принадлежит к хошуну Намджил Дорджия, коего кочевья продолжаются до самой нашей границы. После обеда шел довольно крупный град. В три часа пополудни мы обрадованы были неожиданным прибытием Убушия-кундуя, нарочно высланного от кяхтинского дзаргачия узнать о здоровье возвращающейся Миссии. (*Вставка:* Шара-гол, соединившись с Куйтун-голом, впадает в Орхон. Также Тола, Хара и другие соединяются с Орхоном.)

(220) Недалеко от станции находится небольшой монастырь с кумирней. Он внесен в список в Пекинской палате иностранных дел, но ламы здешние не получают жалованья и содержатся от хошуна или, лучше, — от благотворителей. Да-лама, настоятель монастыря, назна-

чается и утверждается в должности от куреньского гэгэна. В праздничные дни собираются ламы и ховараки, не токмо причисленные к здешнему хошуну, но и из других близлежащих кочевий. Монголы, по известной набожности своей, чрезвычайно усиливают число духовенства. Бубэй-дзангин на прошедшей станции, отец 13 детей, троих постриг в монашество, надеясь сим благим делом в будущей жизни удостоиться сугубой награды. Буддизм в Монголии сильно укоренился. Необразованный народ слепо убежден в истине оснований своей веры, которая, впрочем, одному только духовенству доставляет всевозможные выгоды. В наш проезд через Монголию очень часто встречали мы бедных и нищих простолюдинов (хара кун), но ламы все достаточны, а многие из них богаты. Кроме чтения св[ященных] книг в положенное время, не знают они трудности службы и не заботятся о пользе человечества. Скотоводство оных подаянием от простого народа постоянно увеличивается; в случае надобности служит средством приобретения чего-либо нужного. Степной житель в серебре не полагает своего богатства.

(221) 30-го (VIII.6). Воскресенье. Поутру мороз доходил до 2 [градусов] по Реомюру [333]. Тучи рассеиваются. Перешед вброд речку, отправились мы вниз по течению Шары долиною, покрытою превосходною травою, а местами и распаханною. Почти в 15 верстах от ночлега, против утеса Хабцагай Богочи, влево за рекой, у подошвы одной горы, покрытой сосновым лесом, увидев кумирни, я с некоторыми спутниками моими отправился туда через Шару. Главная кумирня (смотри вчерашнюю записку), под названием Дашилун, построенная из дерева, в ограде, обнесенной частоколом. В ней впереди, на жертвеннике, стоит небольшая статуя одного куреньского гегена, которого назвали здешние ховараки Дарма Ванчин, после чего сейчас и прибавили, что, по их обыкновению, нельзя произносить имя святителя из особенного к нему уважения. Прочие принадлежности буддийского храма весьма просты и свидетельствуют или бедность, или нерадение местных жрецов. За оградою, у самой горы, есть другая кумирня из кирпича, внутри коей ничего нет, кроме жертвенника с чашечками медными. У сих капищ находятся два деревянных домика и 3 юрты, жилище лам. Отселе по лощине идет дорога прежняя в Кяхту; почтовая же, новая, по холмам отлогим проложена вправе. Я поехал по старой. Местоположение пленяло нас. Левый берег Шара-гола покрыт густым (222) тальником, превосходными пастбищами. Монголы ныне, когда травы начинают подсыхать, косят себе сено. Часто встречается ревень. К дороге сей примыкающие горы одеты сосновым лесом. После томительного однообразия Великой степи наши глаза, отдыхая здесь, наслаждались прекраснейшими видами, достойными кисти живописца. С неизъяснимым удовольствием вспоминал я прелестные окрестности величественного Онона, быстро текущего в пределах России. Проехав около 7 верст по сей незабвенной лощине, мы должны были через тальник перейти Ша-

[333] 2 ºR = 3,3 ºC.

ру и поворотить через высокие хребты к СВ, где находится новая почтовая дорога. С вершин оных открылись во всех направлениях виды еще величественнее на горы, гордо возвышающиеся вдали, местами зеленеющие сосновым лесом. Наконец, спустившись на обширную долину, по которой извивается быстрый Куйтун-гол, перешли оный вброд и остановились на правом берегу сей реки, в 28½ версты от ночлега. Здесь встретил нас давно с русскими знакомый станционный дзангин Цэдэн, [который] со всеми знаками вежливости угощал кирпичным чаем, молочным вином, пенками, сыром и пр.

(223) 31-го (VIII.7). Понедельник. Вчера после обеда отправились наши одноколки и верблюды на следующую станцию на берегу реки Иро. Река сия с В на З по каменистому дну течет стремительно, ширины имеет местами до 50 сажен, а глубины от 1 до 2 сажен. Переправа через нее бывает затруднительна для повозок, особенно во время дождей. Потому здесь для Миссии монголы приготовляют лодки, состоящие из двух корыт, выдолбленных и связанных палками. Мы сегодня поутру поднялись со станции на гору Манхайту, потом — на Дарасуту, Цаган-даба; все сии хребты очень отлогие; последняя же высота, примыкающая к реке, крута и песчана. На северной ее покатости растет сосновый лес. К нашему счастью, одноколки наши переправились благополучно вброд; и мы немедленно поспешили за ними на противоположный берег Иро, покрытый густым тальником, где и остановились на ночлег (*вставка:* у подошвы горы Барчик-ула), в 25 в[ерстах] от Куйтуна. Местоположение весьма хорошее. Травы превосходны. Перед нами возвышается хребет Урукэту. Сегодня поутру мороз 6 градусов по Реомюру [334]. День был прекраснейший. В полдень жар сильный. Вечером прибыли к нам барон фон Шиллинг, директор кяхтинской таможни, и пр. Радость неизъяснимая!

(224) Сентябрь.

1-го (VIII.8). Вторник. Сегодня переезд также гористый, но высоты отлогие. Пастбища превосходные. Остановились ночевать на берегу речки Нарин Мохой, в урочище Ибицэк. С каким удовольствием мы взглянули сегодня на горы, тянущиеся по Чикою-реке. Весь переезд чрезвычайно живописный, равно как и наша межгорная равнина, где мы ночевали.

2-го (VIII.9). Среда. Дорога [идет] сперва через высоты небольшие, потом сосновый лес. За ним с холма [открывается] вид не токмо на отечественные горы, но и на Кяхту. Вправо возвышается гора Бургултэй. Остановились мы близ речки Буры. Здесь нас посещали любезнейшие соотечественники. Вечером зажжен костер в лагере. Казаки наши, забыв прежние труды, в виду уже знакомой земли радостными песнями наполнили окрестности. Толпы монголов окружали нас, мы со слезами радости ожидали минуты вступить в пределы России.

[334] 6 ºR = 7,5 ºC.

3-го (VIII.10). Четверток. Поутру пограничный начальник с отрядом казаков, с атаманами бурятских полков, знатнейшими ламами, чиновниками, кяхтинским купечеством, сверх сего около 30 вооруженных монголов со стороны дзаргачия прибыли в наш стан. Торжественная сия встреча весьма трогательна после долговременной разлуки с родной землей. Церемониальное шествие Миссии удивляло заграничных (225) монголов. Дзаргачи в Маймайчене принял нас с полным радушием и всеми знаками вежливости. Потчевал чаем и фруктами. Отселе отправились мы пешком через китайскую слободу до пограничной черты, где все духовенство в облачении со святыми иконами при необыкновенном стечении народа нас ожидало. Лекарь таможенный Александр Иванович Орлов в кратких словах красноречиво произнес приветствие прибывшим из-за границы соотечественникам и до слез всех растрогал. Нелицемерное чувство перелилось в сердца всех присутствующих. Все собрание в кяхтинской церкви принесло теплые благодарственные молитвы Подателю всех благ за ниспосланную помощь в столь трудном путешествии и сохранение всех в жизни и здравии. Пограничный начальник угостил обедом. Оттуда в порядке отправились мы в Троицкосавск. Итак, окончили мы долговременное наше странствование. Все прошедшее в продолжение года сделалось уже только предметом приятнейших воспоминаний, ознаменовавших жизнь нашу. Могу ли вполне теперь изложить то глубокое чувство благодарности, которым сердце мое пылает к правительству нашему, давшему столь много средств к со[вер]шению (226) сего путешествия? Да ниспошлет Бог благословение на главу Всероссийского венценосца, пекущегося неутомимо о благе своих верноподданных и славе Отечества! Под Его покровом мы наслаждаемся счастием!

«Дневник занятий за 1832 г.» О. М. Ковалевского

(Библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. Фонд О. Ковалевского. F11-3)

Для продолжения моих занятий монгольским языком переселился из Троицкосавска в Селенгинск к английскому миссионеру г. Юйллю, надеясь найти здесь более удобных средств и пособий по смежности с кочевьями бурят. 22 мая прибыл в Селенгинск.

Назв[ания] станций местных:

Литовская 18 в[ерст] от Кяхты до Селенгинска.

Переваловская 22. Приметен спуск с возвышенности Средней Азии

Поворотная 24.

Селенгинск 22.

Итого 86 верст.

Между Переваловской и Поворотной станциями переезд через хребет Хурай… за ним вправо из пади Чикой стремится к Селенге и соединяется с нею у Стрелки.

Сперва я начал читать Апостольские деяния в монгольском переводе, сличая с подлинником, для обогащения моего лексикона фразами; потом пересматривал мой перевод жития Мидра Дзоги [335], для отправления в Казань, по вызову г. профессора Суровцова [336].

Г[осподин] Юиль употребил [привлек] простого бурятского кузнеца для вырезки матриц на железе для литья тибетского шрифта [337]. Начало было сделано. Буквы выходят довольно чистые и правильные, но оные не очень равные при соединении. Каждая матрица стоит по 1 руб. здесь, между тем как в С.-Петербурге цена оной 13½ р. Если бурят успеет в своем занятии, я желал бы для типографии Казанск[ого] университета [338] вылить до 300 экземпляров каждой буквы. Они пригодятся для печатания словаря и могут быть употреблены для издания небольших буддийских сочинений. Буряты получают свои книги из Китая очень дорого и с немалыми затруднениями. Следовательно, наша типография, продавая за сходную цену духовные их книги, может иметь доход. Таким образом, университет начнет действовать на забайкальских жителей, которые уже почувствовали охоту к просвещению и вместе с тем недостаток средств к оному [339].

---

[335] Мидра Дзоги — буддийский святитель.

[336] Профессор Суровцов — профессор Императорского Казанского университета. Вероятно, профессор составил ряд вопросов О. М. Ковалевскому, на которые он и писал ответ. Профессорами Казанского университета составлялись для командированных в Забайкалье инструкции. Профессорами В. Я. Булыгиным и Ф. Эрдманом была составлена для Ковалевского и Попова инструкция, в которой подробно расписывалось, какая информация прежде всего интересна и что необходимо сделать во время экспедиции (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 26–37). Это была первая инструкция, составленная для путешествующих, затем будет еще несколько дополняющих, одна из них назначалась для путешествия за Байкалом среди бурят, другая определяла цели поездки О. М. Ковалевского в Пекин.

В связи с предполагаемым длительным путешествием О. М. Ковалевского и А. В. Попова по Забайкалью, Н. И. Лобачевский предписал Отделению словесных наук как можно быстрее составить и отправить им новую инструкцию. Новая инструкция, написанная профессором В. Я. Булыгиным, состояла из двух частей и требовала весьма глубокого, даже специального изучения географии, экономики и истории Сибири, Монголии, Китая и других стран Азии. См.: ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5059. Л. 40–42.

[337] Английские миссионеры приобрели в Санкт-Петербурге монгольскую типографию и с конца 1829 г. начали печатать «учебные монгольские книги» См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 182, 182 об.

[338] Типография Казанского университета — «Возобновленная азиатская типография» с 1828 г. (произошло объединение типографии университетской с типографией Первой Казанской гимназии) печатала «ученые сочинения». С распространением изучения восточных языков в университете и типография, по распоряжению начальства, обогащалась шрифтами: монгольскими, калмыцкими и тибетскими, отлитыми в санкт-петербургской академической словолитне. Ректор Н. И. Лобачевский проявлял большую заботу не только об оснащении типографии, но и о наборщиках. Например, в 1832 г., когда Ковалевский находился в Забайкалье, ректор просил его подобрать среди бурят грамотного в восточных языках человека, который бы делал набор монгольских и тибетских книг.

[339] О. М. Ковалевский заботился о просвещении бурят, отмечая у них способность к познаниям, кроме того, буряты — носители одного из монгольских языков — могут

Прочитав со вниманием перевод Деяний апостольских, изданный СПб [Санкт-Петербургским] Библейским обществом, и сравнив оный с славянским подлинником, скажу вообще, что он сделан по образцу богословских монгольских книг. В отношении к языку отчасти только, ибо оставлены многие слова без перевода, напр[имер] Евангелия, Апостол, Пророк и т. п., хотя и нетрудно оные изобразить чисто монгольскими словами или выражениями, понятными для монголов и наших бурят. Некоторые же слова, без надобности, иначе переведены, чем следовало. Бог назван дэгэду или дэгэду эдзэн, между тем как он имеет свое название у монголов просто бурхан. Есть также целые фразы, целиком взятые с [из] русского и потому несообразные с монгольскою конструкцией. В переводе нередко встречаются разногласия с подлинником: одно пропущено, другое обременено [нрзб]. Странно, что г. Шмит, руководствуя переводчиков, природных бурят хоринских [340], не обратил должного внимания на сии недостатки, которых легко было избегнуть. Но вместе с тем нельзя отказать и в достоинстве сего перевода. Сколько трудностей предстояло при таком предприятии! Не было Грамматики, не было словаря, не было и образцов! Чтение перевода бурятского облегчает изучение языка, доставляет много хороших слов и выражений для будущих переводчиков. Здесь сохранились некоторые слова, приобретаемые только из разговора с природными жителями и не находящиеся во всех известных нам пекинских словарях.

Июнь месяц

(*Вставка:* Земледелие в Селенгинских родах [341] увеличивается. В 1832 г. обработано 5756 десятин, 1300 с лишком более, чем в 1831 году.)

способствовать преподаванию монгольского языка в Казанском университете. Благодаря его содействию несколько бурятских мальчиков, среди которых был и Доржи Банзаров, в 1833 г. были приняты в Казанскую гимназию, затем Д. Банзаров стал студентом университета. Надзирателями (воспитателями) в гимназии работали Галсан Никитуев и Галсан Гомбоев, последний также учился в Казанском университете и внес значительный вклад в изучение монгольских летописей, за что получил признание в научных кругах.

[340] Хоринские буряты — 11 бурятских родов, проживающих по правобережью Селенги и ее притокам Хилок, Уда. В отличие от селенгинских, они представляют собой довольно монолитную родоплеменную общность.

[341] Селенгинские роды (Селенгинская 18 родов Степная дума). — Общественный строй бурят был сложным. Основной общественной единицей считался у бурят род, но это была уже не столько кровная, сколько административная единица. В 20–30-е гг. XIX в., по подсчетам О. М. Ковалевского, в Забайкалье было 38 бурятских родов, которые входили в состав четырех административно-территориальных округов (Баргузинского, Селенгинского, Хоринского и Кударинского), созданных в 1822 г. для удобства управления и взимания податей. Наиболее крупным из них был Селенгинский, на территории которого кочевало 18 родов и насчитывалось около 20 тыс. человек.

Во главе каждого округа находилась Степная дума, состоящая из заседателей, избираемых родами, и чиновников — тайшей (тайша — глава Степной думы), шуленгов

1-го. Вместе с г. Юилем отправились мы вдоль горного хребта Тогон, к одному ламе, в десяти верстах от дома английской миссии живущему. Путешествие в кочевьях наших бурят имеет много приятностей. Долина, покрытая ковром зелени, вершины гор, одетые лесом, стада рогатого скота, овец, лошадей; деревянные домики возле юрт и хозяйственные заведения; довольно обширные пашни; словом, природа и местные жители кочевые выше того, что я собственными глазами видел за границей. Наши буряты мало-помалу привыкают к оседлой жизни, к хлебопашеству. Пространство земель, ими занимаемых, и скотоводство как богатство кочевого народа еще понуждают их переселяться с одного места на другое. Со временем, когда Сибирь будет более населена, и образ кочевой жизни по необходимости исчезнет. Имеем уже примеры, что некоторые бурятские племена, стесненные недостатком земель, принялись за земледелие и преуспевают [превосходят] природных сибирских крестьян, известных по своей лености и беспечности.

Желаемого ламы мы не нашли. Он за несколько дней отправился в дальние кочевья. В юрте его нашли мы женщину с девицей, младшей сестрой. И двумя молодыми ховараками. Женщина сия взята в замужество на имя брата ламы, но со дня свадьбы разделяет ложе с ламою. Благовидная и расторопная хозяйка истощена и страждет венерическою болезнью, полученною от ламы. 6 детей, от них родившихся, умерли от той же болезни. Ужасный разврат лам, наводняющих Забайкальский край, числом до 15 т[ысяч], должен обратить на себя внимание отеческого нашего правительства! [342] Светские буряты, обремененные содержанием столь огромного количества празднолюбивого духовенства, не имеют спокойствия в семейном быту. Мало ли было примеров, что хозяин, по прибытии в его юрту ламы, оставлял дом и жену в распоряжение гостя? Бурятские девицы, под предлогом поклонения в кумирнях в определенное для богослужения время, собираются часто для насыщения своей похоти с ламами и получения от них маржена для головного убора; иногда оставались на несколько недель жить с ховараками. Истощение сил народа и гибель оного от заразительной болезни суть неминуемые последствия неправильного образа жизни.

Бдительное правительство легко может подать спасительные средства к благу здешнего края. Власть Хамбу Ламы должна быть ограни-

---

и зайсанов. Осип Михайлович писал: «С древнейших времен буряты между собою различаются по родам, ведущим свое начало и название от предков или родоначальников. Некоторые из сих родов, как малочисленные, русскими соединены в один под общим названием Сборного, Подгорного и других....» (*Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский… С. 48).

[342] О. М. Ковалевский привлекал внимание правительства Российской империи к вопросу об управлении ламами и об их численности, вопросу нравственного поведения и образования. Этого вопроса он касался во многих своих работах — как в опубликованных, так и в рукописных материалах.

В Забайкалье Ковалевский отмечал значительный рост числа лам. По его подсчетам, 1118 человек имели духовное звание (Казанский Вестник. 1830. Ч. 28, кн. 1. С. 84–85).

чена строгими мерами и излишнее количество духовенства уничтожить. Для получения духовных степеней назначить условия, например, совершенное знание тибетского и монгольского языков, и чиновники по сей части должны изучить русский язык. От них же требовать достаточных сведений в буддийском богословии, которого часть нравственная, основываясь на хороших правилах, может обуздывать страсти человеческие и вести к добродетели. Безженство лам также может быть отменено законом, против коего ни [нрзб], ни духовенство, для собственной пользы, не восстанут; напротив, кажется, охотно будут исполнять оный, и это легче привести в действие, чем собирать лам и обязать их жить в монастырях. Сверх сего не дозволять строить более капищ, коих нынешнее число очень достаточно, смотря по народонаселенности; производство же в степи, после экзаменов, подвергнуть усмотрению губернского начальства. Таким образом, число лам будет небольшое, но ученое и полезное и разврат прекратится.

Английский миссионер г. Сфан [343] был свидетелем в доме Да-ламы при кумирнях, недалеко от Кульской станции [344], как вечером в зимнее время собрались в большую комнату до 10 человек ночевать, и вскоре после погашения огня явились к ним 7 женщин из юрт. Да-лама вышел последним, выйдя из комнаты, прибавил: разве вы не знаете, что здесь находится господин?!!

Виденные мною два ховарака в доме ламы провели здесь по пяти лет, но еще не умеют читать по-тибетски, ибо в предложенной книге едва могли разобрать несколько слов. Это доказательство, как ламы мало заботятся о просвещении даже будущих своих наследников. Ученики у них не что иное, как служители, коих обязанность состоит в том: ходить за скотом, возить дрова, доить коров и т. п., а изучение правил веры есть дело последнее, приобретаемое многолетними трудами! Механическое чтение тибетских книг, стоящее не более одной или двух недель занятия, требует, по закостенелому мнению лам, от 6–10 лет. Правда, что здесь нет ни одного тибетского училища для приготовления и образования духовенства, но нетрудно оное завести на счет кумиренных имуществ и легко назначить хорошего учителя из среды лам.

2-го. У г. Юиля читал я книжку монгольскую, под заглавием Шаджину тога, заключающую в себе буддийскую хронологию, для соображения с прежнею моею.

3-го. После беседы с л[амою]. Удостоверился я в том, что они не имеют и не знают теории медицины, лечат же более по навыку и опытности, замечая биение пульса и наружные признаки болезни. Прочитав какой-либо лечебник, думают они, что уже в состоянии исцелять всякого рода недуги, употребляя лекарства тибетские и наши, получаемые

[343] С ф а н — Вильям Сван, английский миссионер в Забайкалье.

[344] К у л ь с к а я с т а н ц и я — ныне сельское поселение Кульский Ста́нок в Хоринском районе Бурятии.

в Кяхте, Селенгинске и других местах. Не вес, не количество и не качество лекарственных материалов считается средством к исцелению, а молитва и духовное благословение. Из сего источника проистекают шарлатанство и хитрость лам, единственных здесь медиков. Если лекарства не помогают страждущему, лама дает так называемое адиститту эм, благословенное лекарство, сложенное из семи разных сортов, в истинное действие коего наши буряты и заграничные монголы веруют без малейшего сомнения. [Acupunchira] здесь неизвестна: употребляется только при лечении скота. Против упорной лихорадки предлагают разные очистительные средства, и наконец, плетью бьют больных для возбуждения в них сил животных.

5-го. Приглашен я был посмотреть освещение Обо [345] на Тамчи тала [346], где кочуют прихожане Кулуннорских [347] дацанов. Прежде удалось мне видеть сей священный обряд у хоринцев; но желая еще возобновить сию величественную картину народного, ежегодно в определенное время повторяемого празднества и надеясь найти в кочевьях Селенгинских, близ жилища Хамбу Ламы, более полноты и блеска, предпринял путь к берегам Темника. Через горы спустился я на обширную долину, каменистую, известную по своим озерам, Гусиными [348] называемым, изобилующим рыбою, покрытым дикими птицами, долину Тамчи. Здесь часто встречаются кочевья наших мирных бурят, хорошие домики деревянные, построенные набожными прихожанами для своих жрецов, в замену юрт войлочных. Как объяснял мой спутник, законы веры воспрещали [иметь народу] празднолюбивое и отяготительное по своей многочисленности духовенство, которое проводило в блаженстве беззаботную жизнь за счет покорных поклонников. Движение в кочевьях и радостные лица бурят предвещали приближение давно ожидаемого праздника. Знакомые наездники, встреченные на дороге, соскакивали с лошадей и при красноречивом приветствии подносили хадаки. Сообразуясь с местною вежливостью, за поздравления платил я поздравлениями, за хадаки — хадаками. Миновав главные Гусиноозерские капища [349], прибыл я в дом главы шигимунианского за Байкалом духовенства.

Хамбу Лама, окруженный духовными чинами, встретил меня как давнего знакомца, с полным радушием и вежливостью. Посадив меня возле себя, осыпал велеречивыми поздравлениями. По монгольскому

---

[345] О б о — священная насыпь на дорогах с воткнутым посередине шестом, символизирующим мировой столб, жертвенное место.

[346] Т а м ч и т а л а — равнина.

[347] К у л у н н о р с к и е к а п и щ а — Гусиноозерский дацан. Расположен в местности Тамча на юго-западном берегу Гусиного озера (бурятское название — Хулуннур). В истории Гусиноозерский дацан сохранился под разными именами: Хулуннорский (Кулуннорский), Хамбинский, Тамчинский.

[348] Г у с и н о е о з е р о — озеро в 100 км на юг от Верхнеудинска (Улан-Удэ).

[349] Г у с и н о о з е р с к и е к а п и щ а, Гусиноозерские кумирни — Гусиноозерский дацан, центр буддизма бурят Восточной Сибири в XIX в.

обыкновению, поднес я сему верховному жрецу два хадака, белый и красный, длиною в 3 аршина, в знак уважения его сану, присовокупив приветствие, соответствующее его важности и ожидаемому празднеству. Духовенство воскликнуло болтогой (да будет!), и Хамбу с отличною признательностью принял мое приношение. Беседа наша, с лишком пять часов продолжавшаяся, клонилась к воспоминаниям моего путешествия в Пекин, [к] буддизму, в особенности же к Шигемунию и его учению. Между тем стекались поклонники, которые, сделав три земных поклона Хамбу Ламе и удостоившись благословения прикосновением св[ятой] книги к их голове, подносили хадаки. Хамбу чрезвычайно ласково обращается со своими единоверцами, но при всем том очень строг в наказании виновных. Бурят охотнее подвергается [подчиняется] гражданскому начальству, чем духовному: там легче получить облегчение в наказании, нежели здесь, где словесный приговор не может перемениться и должен быть немедленно исполнен.

Ночь провел я в домашнем капище Хамбу Ламы, где устроен жертвенник с полным прибором музыкальных инструментов, жертвенных чашечек, с изображениями бурханов. Неугасаемая лампада теплится пред истуканом Шигемуния.

В три часа утра началось движение в доме. Хамбу Лама в своей комнате совершал краткое утреннее молебствие при звуке барабанчика (дамару). Потом, вошед в мою спальню, сделал несколько земных поклонений пред жертвенником, после приветствия подарил мне желтый хадак в 4 аршина и пригласил в путь к главному бурхану, в 3 верстах на холме воздвигнутому. Двор уже был наполнен духовенством, большею частью в красных шелковых платьях, и прихожанами обоего пола, очень нарядно одетыми. Для Хамбы приготовлена колесница. Шествие открыли прихожане на верховых лошадях, из коих один держал священную хоругвь с изображением молитвы на тибетском языке. За колесницею Хамбы везли зонт; далее ламы и прихожане обоего пола верхом заключали церемониальную когорту. Картина редкая и оригинальная! Лучи восходящего солнца, ярко отражаясь от поверхности вод, рассеивали густой туман на покатости высоких гор, окружающих просторную равнину. Сжатые ряды лам, подобно кровавому облаку, медленно подвигались за своим повелителем. Женщины отличались богатством своих нарядов и статностью быстрых иноходцев под красивыми коврами и седлами, осыпанными маржаном в серебряной оправе[+].

(*Вставка:* [+] Степные наездницы вместо серег имеют большие серебряные кольца с длинными каменными подвесками.)

Четыре косы, черные как тушь, по две в ряд, струятся на румяных ланитах, отягощенные дорогим убором [из] розовых кораллов, а две подобные — вдоль по стану под плоскими перлами и разноцветными шелками. На плечах серебряные [нрзб]. Чело украшено богатою повязкой (татур), выказывающеюся из-под шапки, коей околыш покрыт бобровым или собольим мехом. Алая кисть шелковая украшает верхушку

оной. Серебряные зарукавья (богобчи) едва приметны из-под обшлага. Платье из черного бархата, цветной шелковой материи или парчовое. На некоторых были только легкие красные куртки сверх платья. Потупленный взор иногда обращают они на спутников с милой улыбкой простоты и откровенности. Нужно ли описывать искусство в верховой езде сих чад степных, почти им врожденное? [350]

Приблизились мы к холму, на вершине коего находится бурхан, род часовни деревянной четырехугольной. Духовенство, под представительством Хамбу, надев красные перевязи, заняли свои места в два ряда пред дверьми бурхана и при звуке духовной музыки совершили молебствие, освящение хлеба и творога. Хлеб был рассыпан на холме, а творог поставлен пред образом Бисман Тэгрия, покровителя скотоводства, а потом разделен между присутствующих лам. Прихожане, до сего времени наравне с ламами бывшие с открытыми головами, по приказанию Хамбы, надев шапки и сложа ладони, обратились лицом к югу, где воссияло солнце веры Будды. По окончании молитвы удостоились благословения первенствующего жреца. По обширности здешних кочевий устроено 4 бурхана на холмах в разных сторонах равнины, где в то же время совершалось молебствие. Оттуда все собрание двинулось к средине Тамчи-тала, в надлежащем порядке. Там назначено было место для продолжения празднества, которое вместе с религиозными обрядами соединяет в себе и гимнастические упражнения.

На сборном месте заблаговременно, по распоряжению дзасаков, разостланы были войлоки для духовенства и главнейших светских чиновников, также [было приготовлено] некоторое количество столиков. Прекрасное утреннее время благоприятствовало сему радостному празднеству. Народ в лучших нарядах на отличных конях со всех сторон стекался на назначенное место. Громкими восклицаниями приветствовали прибывшего Хамбу Ламу в сопровождении сонма духовенства. Настала удивительная тишина. Более 500 человек безмолвствовали. Пока Хамбу с прочими ламами занял приготовленное место под распростертым зонтом, на красном тюфяке. Пред ним в 30 шагах водружена хоругвь радости. Чернь, сделав по три земных поклона пред своим духовным жрецом, с благословением и сложенными руками приближалась к нему получить благословение. Для меня был приготовлен стул в [нрзб] близ Хамбы так, что я мог видеть все движение празднества.

Подали нам всем по чашке кирпичного чаю, потом коровьего молока. Духовенство по прочтении молитв выбрызнуло по несколько капель из чашек в виде жертвы божествам.

Скачка на лошадях была первым предметом забавы в сем собрании. 102 беговых коня отведены за 8 верст от сборного места. Между

[350] Восхищение бурятами, их навыками в стрельбе, в стремлении в получении информации, любование внешностью бурятских женщин не раз прослеживается в работах О. М. Ковалевского.

тем рядом возле хоругви и на противоположной стороне поместились избранные судьи из почетных бурят для наблюдения за бегом лошадей. От всех присутствовавших дзасаки собрали деньги на награду хозяевам лучших лошадей и победителям борцам, которая от 5 до 30 простиралась копеек. Чиновные ламы, имея пред собою список лошадей беговых, обязаны были замечать тех, которые удостаивались награды. По мановению Хамбы очищена от камней площадка между нашим полукружием и рядом судей, сидящих возле хоругви, тогда как старший дзайсан избирал борцов из среды бурят. Борцы нагие (закрыв только среднюю часть тела) под небрежно накинутым кафтаном, представ перед Хамбу и сделав троекратное поклонение, принимали благословение. Потом, окружив три раза хоругвь, вдруг из-под халатов своих выбегали на площадку и, схватив горсть песку, натирали оным руки и тело, и со всем искусством героев, прославленных в древней Греции, бросались на своих соперников. Молчание зрителей прерываемо было радостными восклицаниями в честь победителей, которых ожидало благословение Хамбы Ламы и денежная награда. Пристыженные же соперники их скрывались в толпе.

Угощение собрания состояло в кирпичном чае, молочном вине, сушеных сливках, черном хлебе и баранине. Предо мною как почетным гостем, по правилам степной вежливости, поставлена была на деревянном блюде баранья голова. Сохраняя народное обыкновение, вырезал я три кусочка, на лбу и под ушами, а остальную часть предложил главному эконому дзайсану, который с особенной благодарностью принял от меня сей знак уважения к его званию. Угощение все [нрзб] от светских бурят, по назначению чиновников, так что никто не может уклониться от общего положения. Одного богатого бурята остановил дзайсан пред духовенством с тем, чтобы его подвергнуть наказанию за недоставление к празднику беговой лошади и чайника с молочным вином. Хамбу Лама велел взыскать с виновного одного барана в пользу кумиренного имущества.

В 2 в[ерстах] от сборного места степные импровизаторы ожидали приближения бегунов. Среди облаков пыли и сильных ударов жгута промчались кони мимо священной хоругви. Быстрый взгляд бурята различал вдали шерсть передовых лошадей и [нрзб] восхищения слились с визгом полунагих *мамоток*-наездников. Тотчас лошади отданы в руки импровизаторов, и *мамотки* предстали пред Хамбу совершить земные поклоны и получить благословение. Вслед за сим импровизаторы явились с лошадьми в наше полукружие, [дабы] в стихах прославить имя хозяина и самой лошади. Одна лучшая лошадь, по приказанию Хамбы, воспета была под моим именем. Импровизатор после религиозных восклицаний сравнивал веру Будды с солнцем, озаряющим вселенную, знаменитых бандидов со звездами, меня с луною, а лошадь быстра как стрела, выпущенная из лука, как рыба в морских водах и красива как голубой [нрзб]. Потом розданы были награды, по рассмот-

рению дзасаков лам, между прочими и мне принесено 25 копеек, которые я тотчас разделил между главных особ. Полученный грош во время такого празднества считается бурятами залогом будущего богатства и счастья, и потому раздача денег сопровождается поздравлениями и принимающий обязан чем-либо отдарить.

Празднество кончилось пополудни к полному удовольствию всех присутствовавших.

Итак, легко приметить можно, что не одно только жертвоприношение Тэгрию, покровителю скотоводства, составляет предмет сего празднества, но гимнастические упражнения и поэзия с пением. Кто из нас не выполнял Олимпийские игры, подпоры древнего героического народного духа, когда из отдаленных стран стекались эллины после жертвоприношения Зевсу публично показать все плоды ума и воображения, приобретенных в предыдущее четырехлетие, и возобновить дружеские отношения, часто разрываемые гордостью и междоусобиями? Но у бурят не явился еще ни Геродот, ни Фукидид. Высокопарная муза Пиндара не нашла у них поклонников. Степные чада после радостных восклицаний, при заунывном напеве импровизаторов, предаются задумчивости, убийственной для воображения: душою переселяются под чужое небо, где воссияло солнце их веры. При всем том, обо памятник местного их благочестия, воздвигнутый усердными жителями в честь гениев покровителей, а празднество торжественное привлекает кочевых жителей разделить время приятно, подкрепляет чувство дружбы и единомыслия. Это едва ли не единственное явление жизни народной! Сабан [351] казанских татар есть бездушный скелет в сравнении с духом, оживляющим сердце бурят во время освящения обо.

Имея в руках Тибетско-английский словарь, изданный Мариманом в Серампуре, употребил я его при извлечении монгольских слов из Дакбарь Лоа для своего лексикона, равно как и из богословского словаря, на 3 языках напечатанного в Кяхте под руководством барона Шилинга.

В книге Эрдэни цокцал со 198-го л[иста] начинается объяснение 6 добродетелей (барамит), и прежде всех милостыни (углигэ), которая распространяется на бэе эд тавар и разделена на номун углигэ, эб тавар ун углигэ и аюл угэйн углигэ: каждого из них качества и сущность изложены в притчах. Номун углигэ троякая: номун докияни укну, номин утхаги укну и номун дэбтэри укну. От 205-го л[иста] о Шакшабат.

В книге Эрдэни цокцалаксан, упомянув сначала как Шигемуни для пользы существа, зная 84 000 грехов, преподал столько же поучений; вскоре после его кончины наганцуна, наставник и другие, являясь на Дзамбутиб, веру Будды распространяли. Но пред всеми прославился Джу Адиша по своей равности, мудрости и основоположности. Он по милосердию своему, возвышенному духу, рачительности о благе су-

[351] С а б а н казанских татар — Сабантуй — национальный праздник татар, демонстрирующий удаль, ловкость, смекалку. Его аналог у бурят — Сурхарбан.

ществ и добрым делам, будучи почти вторым бурханом, взглянул оком милости на северную страну, покрытую темью невежества, отправился в Тибет для распространения веры. У него было много учеников, но большую славу приобрели трое: Ку, Нгог и Бром, а из сих, последний преимущественно известен и имел своих много учеников, которые ему помогали распространять веру и просвещать народ.

Бодва есть один из 16 Батуда акчи, хубилганов шарваков, поныне пекущихся о благе существ. В том числе один обитает на вершине Сумэр горы, другой на Члэмджи бэету, третий на Укэр эдлэкчи, четвертый на малом тибе, прочие по другим местам.

Июль месяц

По рассказам моего хозяина, за несколько лет тому назад один хоринский лама по дружбе с г. Сфаном неоднократно посещал дом сего миссионера. Однажды открыл ему тайну своего духовенства, что оно, обращая внимание на распространение Св[ятого] Евангелия между инородцами, на действия миссионеров, предугадывая со временем падение буддизма, имело чрезвычайное собрание у каменных кумирен, на котором желало обдумать средства поддержания своей веры и обеспечения своих житейских выгод. «По нашим книгам, — говорил один, — Шигемуниева вера должна иметь конец и уступить другой. Время сей перемены приближается. Христианство беспрестанно между нами делает успехи и, вероятно, одолеет умы наших родовичей. Одно средство нам осталось, при светских людях никогда не рассуждать о христианстве и все вопросы отражать молчанием или притворным неведением». Сие мнение духовенства бурятского, открытое ламою английскому миссионеру, может быть выдумкой хитрою, в надежде снискать расположение г. Сфана, или явным доказательством боязни лам, с негодованием взирающих на неутомимые труды миссионеров. Хамбу лама, повидимому, более других чувствует слабость основных правил буддизма и все меры употребляет для распространения духовенства, защитников религии, не по сущности оной, а для собственной пользы. Приятнее для них жить коштом непросвещенной черни, чем с трудом добиваться куска хлеба. Для них легче собираться на молебствие раз или дважды в месяц при кумирнях, пировать на счет общества, а потом бродить по юртам и почти силою отнимать вещи. Хамбу отобрал многие экземпляры Св[ятого] писания на монгольском языке, данные бурятам английскими миссионерами и, может быть, сжег, дабы предохранить своих поклонников от христианского духа. При всем том многие буряты имеют уже некоторое понятие об учении И[исуса] Христа и часть вопрошают русских о некоторых мало для них понятных правилах. К сожалению, греко-российское духовенство не имеет в столь отдаленном краю хороших и просвещенных проводников, которые, с кротостью научая Св[ятому] учению, могли бы обращать иноверцев в христианство.

Много уже лет издается в Малакке журнал The indo-chinese Eleaner [352] обществом миссионеров, заключающий в себе очень любопытные известия о философии, мифологии, литературе и истории индокитайских народов и о действии миссионеров в разных странах Азии. Нашед несколько книжек оного у г. Юиля, сделал я небольшие выписки: в № за август месяц 1818 начинается так называемый разбор важнейших китайских ученых произведений. Имея у себя на кит[айском], манч[журском] и монг[ольском] языках книгу *Ming sin paou keen* [353] помещу здесь разбор оной, для образца:

Title. Ming sin paou keen i.e. a precious mirrov to reflect light on the heart, or the mirrov of the mind. The book is intended chiefly for children, hence the words p mung i. e. convenient, or easy for children, are frequently prefixed to the name [354].

---

[352] Eleaner — слово нам неизвестно.

[353] Ming sin paou keen. — Речь идет о «Драгоценном зерцале», «Зерцале монгольского слова», «Собрании богословских слов» или «старом Пекинском Манчжурско-монгольском лексиконе, в 21 тетради изданном», как называет это произведение О. М. Ковалевский.

[354] Ming sing paou keën («Драгоценное зерцало, отражающее свет на сердце» или «Зеркало разума»). — Книга предназначена главным образом для детей. Отсюда такие слова, как mung, т. е. ‘пригодный’ или ‘легкий для детей’, часто употреблялись как приставка к имени. Ниже в тексте Дневника представлены листы с текстом на английском языке (Л. 170–179 документа). Здесь краткий перевод этого текста: «Автор. В изданиях, которые я видел, нет предисловия или никакого имени, чтобы узнать составителя. Но ученый китаец, которого я спросил, сказал, что ему кажется, что это было составлено каким-то учителем для домашней школы, которые в Китае часто встречаются у богатых людей.

Дата. В первом издании нет. Издание, которое я описываю, было напечатано в 58 г. Keen-keng (1793). Другие издания — очень дефектные... сокращенные.

Характер работы. Содержит важные интересные китайские тексты о морали. Оно полностью состоит из цитат самых известных писателей — древних и современных. Там есть цитаты более семидесяти разных авторов: моралистов и философов, и писателей всех трех религиозных сект, которые жили в разные эпохи, охватывая период немногим меньше, чем четыре тысячи лет.

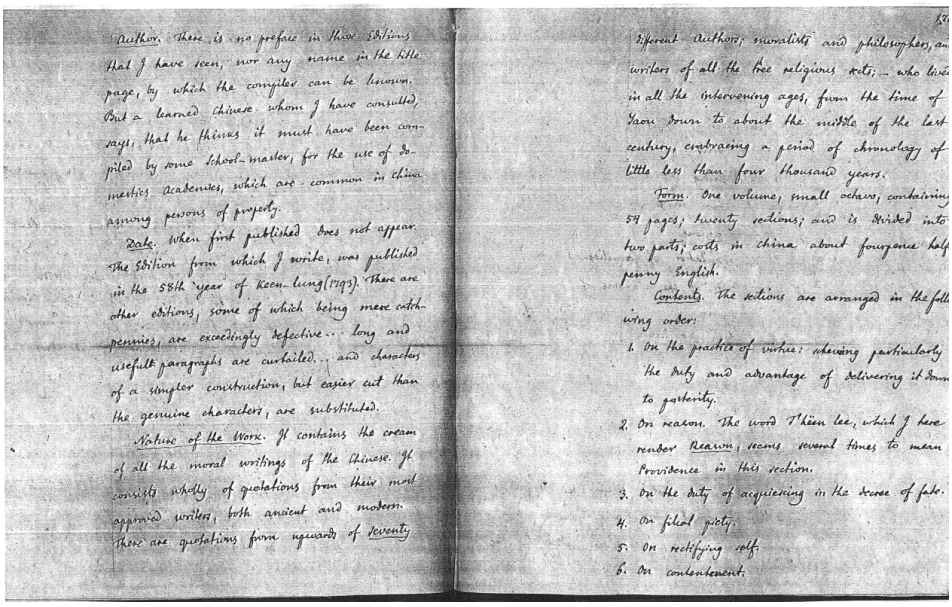
Форма. Один том, малые octavo, 54 страницы, двадцать частей, разделенные на две части, в Китае стоит около „4 pence 1/2 penny“ (английских).

Содержание. 1. О практике добродетели: главным образом касается обязанностей… 2. О разуме. Слово [Thëen lee?], которое я здесь перевожу „разум“, кажется, в этой секции несколько раз значит [opatrznosc]. 3. Об обязанности... судьбы. 4. О набожности. 5. <…> 6. Об удовлетворении. 7. <…> 8. Об удерживании эмоции. 9. О трудолюбии в учебе. 10. Об обучении детей. Здесь первая часть. 11. <...> 12. Вообще об образовании. 13. О власти. 14. О регулировании семьи. 15. <…> 16. Об исполнении вежливости/любезности... 17. О верности. 18. О разговоре/беседе. 19. О взаимоотношениях друзей. 20. Об обязанностях женщин.

Это заглавия нескольких частей; но читающий очень разочарованный, когда он открывает, видит, что там часто почти нет связи между названием и содержанием части.

Композиция и стиль. Это полностью дидактическая работа. Она содержит поэзию, прозу, анекдот, афоризм, историю.

Книга не написана так, чтобы быть примером хорошего стиля. А важна для постижения морали.



Как образец материалов и композиций я покажу по одному-два предложения из каждого раздела.

1. Собирай золото, чтобы завещать его потомкам, и нет гарантии, что они соответственно его используют. Собирай книги, чтобы их завещать потомкам, нет гарантии, что они смогут их прочитать. Поэтому лучше оставить сбор секретных достоинств/хороших качеств, как надежный план постоянной пользы для потомков. 2. Если человек становится известным из-за совершения плохих поступков и если люди не накажут его, небеса, безусловно, убьют его. 3. Жизнь и смерть определяются здесь... Богатство и слава приходят из небес. 4. Обязательный и послушный; мятежный и упрямый. 5. Тот, кто не ценит себя, будет униженный. Тот, кто не уважает себя, привлекает несчастья/страдания... 6. Довольство доставляет постоянную радость. Жадность — постоянное горе. Для довольного даже бедность — это радость. Для недовольного — даже богатство есть досада... 7. <...> 8. Человеческий темперамент как вода. Невозможно собрать снова пролитой воды. Если дать волю эмоциям, то невозможно снова их сдержать. 9. Живой человек, который не учится, — темный, как тот, который просыпается ночью. 10. Тот, кто воспитывает сына, но не обучает его — не любит его. Тот, кто обучает своего сына, но без строгости — тоже его не любит. 11. <...> 12. Тот, кто без образования в юности, будет без знаний в пожилом возрасте. 13. Хороший князь... 14. Молодые люди и служащие не должны [никогда] действовать сами по себе. Они должны всегда спрашивать старших из семьи. 15. Братья — как руки и стопы. Жена — как наша одежда. Когда одежда изношена, мы можем заменить ее новой. Когда отрезали руки и стопы — трудно их заменить. 16. ...Кто любит других, того другие будут всегда любить. Того, кто уважает других, другие будут всегда уважать. 17. <...> 18. <...> 19. Общение с хорошим человеком напоминает аромат цветка. Один человек сажает его, и все вдыхают аромат. Общение с плохим человеком — как восхождение на стену с ребенком на руках. Если он выскользнет, оба упадут и пострадают. 20. Есть четыре вещи у женщин, которые заслуживают похвалы: ее добродетель, ее внешний вид, ее слова, ее труд».

7. On keeping the heart.
8. On restraining the temper.
9. On diligence in learning.
10. On instructing children.
Here ends the first part.
11. On examining the heart.
12. On education in general.
13. On government.
14. On the regulation of families.
15. On the duties of the relations of life.
16. On the observance of those ceremonies of politeness, which are dictated by propriety.
17. On fidelity.
18. On conversation.
19. On the intercourse of friends.
20. On the duties of women.

These are the titles of the several sections; but the reader is greatly disappointed in finding that there is often scarcely any connexion between them and the sections themselves. Jotted they are mere motley stuck in at the beginning, as if the purpose of allowing the compiler to arrange under them whatever chanced to come first his way, whether connected with the subject

Composition and style. The work is wholly the didactic kind. It is a "compound of poetic prosaic compositions... of anecdote, aphorism, a history. The style is often figurative, and pa of all that variety, that may expected in a bo of mere quotations, made from so many diffe authors, of different periods of the world, and o different taste and talents. The Christian Mis nary, who studies the 'ding-an-sin-paou-kien,' find many suitable words and phrases, which may turn to good account, in communicat moral truth. But, as a whole, it is by no means adapted to be a model of style to h either for conversation or writing.

As a specimen of the materials and composition, I shall give a sentence or two out of every section.

1. Treasure up gold to hand down to posterity, and it is not certain that posterity will take due care of it. Collect books to hand down to posterity, and it is not certain that posterity will be able to read them. It is therefore better to lay up in darkness a store of secret virtues, as the sure plan of permanent advantage to posterity.

2. The man, who by committing bad actions, becomes fatherless, if men do not punish him, Heaven will certainly slay him.

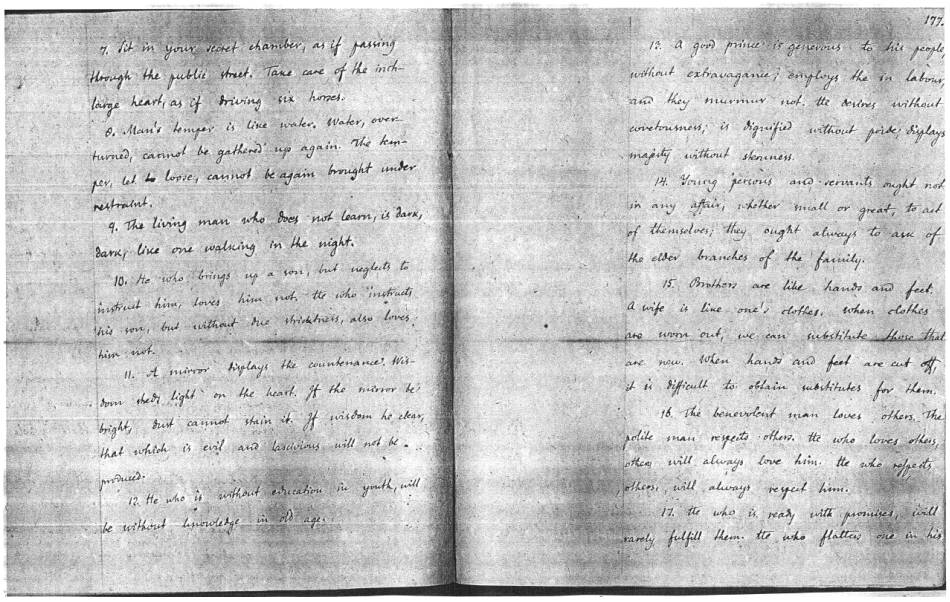
3. Death and life are here determined... riches and honor are from Heaven.

4. He who acts filially towards his parents, his own children will also act filially towards him. If he is himself unfilial, how can he expect his children to be filial? The dutiful and obe-

dient will have dutiful and obedient children, the rebellious and obstinate will have rebellious and obstinate children. If you do not believe, only look at the frogs from the eaves, how it successively falls, and without error.

5. He who does not value himself, will suffer disgrace. He who does not respect himself, invites misery. He who is not self-full, receives advantage. He who is not self-opinionated, will attain extensive learning.

6. Contentment furnishes constant joy. Much covetousness, constant grief. To the contented, even poverty is joy. To the discontented, even wealth is a vexation. The contented will always have a competence, and be their whole lives without disgrace. He who knows where to stop, and always stops there, will his whole life be without shame. Compared with those of your superiors, your circumstances may not be competent; compared with your inferiors, you possess superfluity.



7. Sit in your secret chamber, as if passing through the public street. Take care of the inch-large heart, as if driving six horses.

8. Man's temper is like water. Water, overturned, cannot be gathered up again. The temper, let loose, cannot be again brought under restraint.

9. The living man who does not learn, is dark, dark, like one walking in the night.

10. He who brings up a son, but neglects to instruct him, loves him not. He who instructs his son, but without due strictness, also loves him not.

11. A mirror displays the countenance. Wisdom sheds light on the heart. If the mirror be bright, dust cannot stain it. If wisdom be clear, that which is evil and lascivious will not be produced.

12. He who is without education in youth, will be without knowledge in old age.

177.

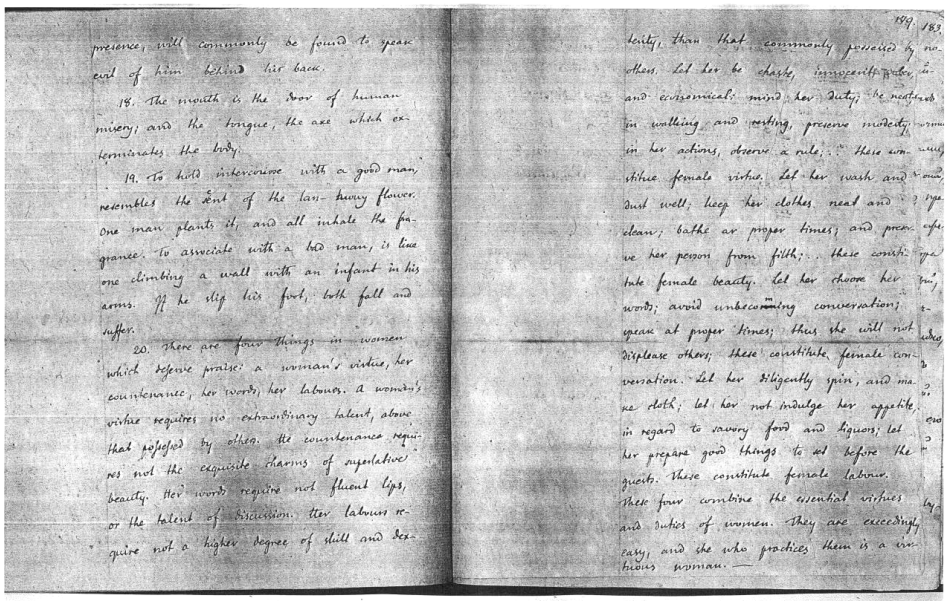
13. A good prince is generous to his people, without extravagance; employs the in labour, and they murmur not. He desires without covetousness; is dignified without pride; displays majesty without sternness.

14. Young persons and servants ought not in any affair, whether small or great, to act of themselves; they ought always to ask of the elder branches of the family.

15. Brothers are like hands and feet. A wife is like one's clothes. When clothes are worn out, we can substitute those that are new. When hands and feet are cut off, it is difficult to obtain substitutes for them.

16. The benevolent man loves others. The polite man respects others. He who loves others, others will always love him. He who respects others, will always respect him.

17. He who is ready with promises, will rarely fulfill them. He who flatters one in his



presence, will commonly be found to speak evil of him behind his back.

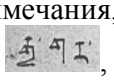
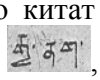
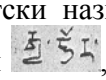
18. The mouth is the door of human misery; and the tongue, the axe which exterminates the body.

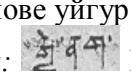
19. To hold intercourse with a good man, resembles the scent of the lan-huwy flower. One man plants it, and all inhale the fragrance. To associate with a bad man, is like one climbing a wall with an infant in his arms. If he slip his foot, both fall and suffer.

20. There are four things in women which deserve praise: a woman's virtue, her countenance, her words, her labours. A woman's virtue requires no extraordinary talent, above that possessed by others. He countenance requires not the exquisite charms of superlative beauty. Her words require not fluent lips, or the talent of discussion. Her labours require not a higher degree of skill and dex-

189. 183.

tenty, than that commonly possessed by others. Let her be chaste, innocent, poor, and economical; mind her duty; be neat in walking and resting, preserve modesty in her actions, observe a rule; these constitue female virtue. Let her wash and dust well; keep her clothes neat and clean; bathe ar proper times; and preserve her person from filth; these constitute female beauty. Let her choose her words; avoid unbecoming conversation; speak at proper times; thus she will not displease others; these constitute female conversation. Let her diligently spin, and make cloth; let her not indulge her appetite, in regard to savory food and liquors; let her prepare good things to set before the guests. These constitute female labour. These four combine the essential virtues and duties of women. They are exceedingly easy, and she who practices them is a virtuous woman. —

Достойно примечания, что слово китат по-тибетски называется , слово энэткэк  , хара китат  , сарайгол  , монгол , и потому в слове уйгур (ойхор) не скрывается ли тибетское хор ?

(*Вставка:*  Китай. Слово тибетско-английский словарь, изданный Мариманом, объясняет: a kind of pice which grows in Tar-

bary [355].) Шмит везде переводит оное [как] монгол. Весьма важное рассуждение, хотя и краткое, об уйгурах, о[тцом] Иакинфом помещено было в ответе на замечания Клапрота в Московском телеграфе [356].

Неоднократно имел я случай быть во время проведения слова Божия, между бурятами распространяемого миссионерами. Порядок здесь бывает следующий: после молитвы ко Всевышнему читают одну главу из Евангелия, переведенного в СПб. [Санкт-Петербурге], потом миссионер объясняет оную пространно всю или только один стих, смотря по надобности; в заключение бывает молитва, также на монгольском языке. Малоуспешность в сем стремлении миссионеров, по моему мнению, происходит 1) от необразованности слушателей, 2) от сопротивления лам, имеющих столь сильное влияние на чернь, 3) от употребления письменного языка в изустном толковании истин христианской веры, малопонятного для бурят и 4) от поверхностного знания правил буддизма. Длинные диссертации богословия, со всеми даже уловками риторики сочиненные, не могут иметь успеха среди кочевого народа. Детское его понятие не обнимает доказательств, не видит ни начала оных, ни цели, ни связи. Ему нужна беседа краткая, ясная, отрывистая, а не ораторские периоды. Бурят дремлет, слушая проповеди миссионерские. Ни красноречие проповедника, ни сила доказательств не трогают его сердца; тем более что сам язык проповедника не совсем ему понятен. Бурят живет у миссионера не для проповеди, а для куска хлеба. Итак, все усилие есть не что иное, как vox, vox, praetereaque nihil! [357] Не зная основательно местной веры, можно ли ослабить ее действие? Нимало, иезуиты в Китае поступали гораздо хитрее и успешнее. Катехизаторы, из природных китайцев назначенные, знали совершенно свою веру и христианскую: говорили кратко, но сильно в виде беседы, а не речи, искусно составленной. Китаец, имея случай слышать на улице отличных рассказчиков, вероятно, не пошел бы в католический храм, чтобы видеть кое-какого проповедника, но посещал искусных катехизаторов. Беседовал с ними о вере и, убежденный в истине оной, возвращался крещеным.

В Моск[овских] Ведом[остях] [358] на стр. 1789 [нрзб] помещено было следующее: «хотя китайцы с помощью земледелия и обширных

---

[355] A kind of pice which grows in Tarbary (англ.). — Имеется в виду сорт риса, который произрастает в Тарбари. Местонахождение местности Тарбари нами не выяснено.

[356] Московский телеграф — энциклопедический журнал «Московский телеграф» (издавался с 1825 по 1834 г., ред. Николай Полевой). Н. Полевой, приступая к изданию своего журнала, учитывал опыт европейской периодики, традиции отечественной печати и современные общественные потребности. Цель журнала — усиление деятельности просвещения, сближение средних сословий.

[357] Vox, vox, praetereaque nihil (*лат.*) — Голос, голос и ничего более!

[358] Московские ведомости — газета, принадлежавшая Московскому университету (формально до 1909 г.). Издавалась в 1756–1917 гг. в Москве. Была создана указом императрицы Елизаветы Петровны (1756) при Московском университете. «Московские ведомости» достаточно долго оставались единственной периодической газетой Москвы.

своих внутренних сношений могут почти обойтись без торговли с иностранцами, но при всем том, чувствуя важность оной, стараются поддерживать ее. Китайское правительство получает сим путем ежегодно 650 000 фун[тов] стерл[ингов], не считая сбора Кантонским казначейством, который, как говорят, есть самый прибыточный во всем государстве. Из сего видно, что местное начальство находит выход в поддержании сих сношений. Равномерно и жители Кантона, и его окрестностей, и весь многочисленный класс народа, занимающийся разведением и приготовлением чая, чувствуют благодеяния торговли. Доныне сношения с иностранцами (исключая Россию) ограничивались одним Кантоном. Но с некоторого времени начали производить всякой помехи со стороны правительства значительной контрабандной торговле, особенно опием, в лежащих к северо-западу гаванях. Чай, хотя разводится и по берегам, но привозится в Кантон большею частью сухим путем, потому что перевозка оного морем запрещена китайцам. Но, невзирая на сие запрещение, значительное количества чаю привозится морем в индийский архипелаг и даже в Кантон. Иностранным кораблям не дозволено заводить связи в Кантоне, пока не поручится за них один из купцов Гонга. Сии купцы образуют привилегированную компанию для отправления иностранной торговли. Правда, и другие лица могут торговать с иностранцами, но с большими ограничениями. Большая часть купцов соглашается в том, что нигде [нрзб] не производится скорее и легче, как в Кантоне. Ост-Индская компания [359] обыкновенно менее сбывает английских мануфактурных изделий, нежели закупает китайских произведений. В Северном Китае особенно покупаются интересные изделия. Важнейшие привозимые из Индии в Китай произведения суть опий и хлопчатая бумага. Из Китая компания теперь вывозит один только чай, а именно черные сорта оного; зеленые [сорта] более покупаются американцами. Русские исключены из Кантона, потому что пользуются привилегией сухопутной торговли. Сношения с Китаем французов, голландцев, шведов, датчан и австрийцев гораздо незначительнее. С американцами хорошо обходятся в Китае и отдают преимущество их торговле по причине значительного ввоза долларов. За то сия торговля с 1814 года и была только один раз прервана.

В одной Англии ежегодно потребляется до 4 миллионов фунтов шелка: количество, для произведения которого потребны целые мириады насекомых. 14 000 000 000 червей должны родиться и умереть ежегодно, чтобы снабдить сей уголок земли предметом роскоши!

Число лиц обоего пола ниже 18 лет, работающих в прядильнях города Данди, простирается до 1073. Из них большая часть моложе 14, значительное число ниже 12, некоторые моложе 9 лет и есть даже 5–

[359] Ост-Индская компания — английская (1600–1858 гг.) компания английских купцов в основном для торговли с Ост-Индией (Индия и некоторые другие страны Южной и Юго-Восточной Азии); постепенно превратилась в государственную организацию по управлению английскими владениями в Индии.

7-летние. Во многих прядильнях дети работают ежедневно 13 часов 20 минут, не включая обеда, для которого назначен час, а иногда только 50 минут, хотя многие из детей живут далеко от прядильни…

Рассматривая сию статью, возразить можно в том, что китайское правительство строго запрещает торговлю опием, что мы видим в *Indochinese leaner* за 1820 год в XIV №, от стр. 403, где помещено предписание кантонского правления, основанное на прежних указах, и, будучи в Пекине, выписал из 2 или 3 частей указы Богдохана, не дозволяющие торговать опием. Следовательно, правительство китайское печется о благе своих подданных и старается истребить всякое зло. Моск[овские] Ведом[ости] поместили еще старую песнь, что будто в Китае все жители, начиная от императора, до последнего подданного обязаны свою одеждой трудолюбию шелковичного червя! Воображение теряется при одной только мысли о несметном числе насекомых, которые каждый год в пользу человека выпрядают свои тонкие нити! Но китайцы, особенно низший класс, употребляют дабу на платье.

Вышеупомянутый английский журнал в 1818 году, говоря о тайных обществах, существующих в Китае, указывает их названия: 1) *The great ascending vociety?* 2) *The vociety of glory and splendor*, 3) *The union of the three great powers? viz. Heaven, Earth and Man*, 4) *the white jackets*, 5) *the red beards*, 6) *the short suords*, 7) *White water-lily/ At the rite of mitiatun into this society, which is performed at night, they make a paper effigy of the reigning Emperov, and require the noviliate to cut if to pieus* [360].

По словам г. Юйля, на северной стороне нынешнего города Селенгинска, где теперь имеет главное свое русло Селенга, был некогда базар под именем Кэргизского. Сие [нрзб] слово возбудило мое любопытство, тем более что берега Селенги покрыты древними могилами, принадлежащими в старину кэргизам. После моей беседы с городскими жителями открылось, 1) что Селенга-река переменила свое русло, которое прежде находилось у левого берега, местами укрепленного утесами, где ныне только протока, возле места, принадлежащего Английской Миссии; русло же реки перешло в прежнюю протоку на правую сторону, прежде не очень широкую, так на средине нынешней Селенги в старину была улица, и жители чрез мелкую протоку без малейшего затруднения переходили на большой остров. Подобные перемены в течении рек, особенно быстрых, не новость; 2) местное предание утверждает, что по южную сторону нынешнего города был некогда базар, под именем не Кэргизского, а Татарского, получивший свое наименование от татар, приезжавших сюда с товарами. На левом берегу Селенги по-

[360] Английские названия китайских тайных обществ: 1) Великое восходящее общество; 2) Великое общество блеска и славы; 3) Соединение трех великих сил: Неба, Земли и Человека; 4) Белые рубашки; 5) Красные бороды; 6) Короткие мечи; 7) Белая водяная лилия. Во время обряда инициации, (вводящей) в общество, который проводят ночью, они делают бумажное изображение царствующего императора, которое новичок должен разрезать на куски.

ныне встречается весьма много могил древних, разнствующих с собою по своей наружности, а именно одни из них покрыты кучею мелких камней, и, по мнению некоторых, принадлежат собственно кэргизам, некогда здесь жившим; другие же [выглядят] огромными стоящими камнями, в виде четырехугольника, и принадлежат бурятам, обладателям киргизских кочевий.

— Повторять ли, что в русских владениях до сего времени открываются еще буряты, о коих не знало еще правительство. Между тем это сущая истина. Итак, в кочевьях Селенгинских монголо-бурят по речке Удунгэ, вытекающей из болота и после через 50 верст вливающейся в Темник, находится с лишком 200 юрт бурятских, которые частно известны были Степной Думе [361] и платили подать, но перед правительством были скрыты. История их похода имеет свои воспоминания, хранимые в преданиях старцев, отцов семейства. По их словам, кочевали они прежде в 30 верстах от выхода Ангары из Байкала, ближе к Иркутску, и по причине засухи и недостатка подножного корму для скотоводства медленно подвигались вперед, так что наконец, открыв хорошие места на берегах Удунги, в 200 в[ерстах] от прежнего поселья, решились здесь остановиться навсегда. По всем соображениям преданий, прошло тому 107 лет. Тогда найдено здесь еще 14 юрт тунгусских [362], которые, увидев осторожность пришельцев, тайно ночью удалились без вести.

(*Вставка*: Слово хамнига, означающее тунгусов, упоминается бурятами в дурном смысле, как варвар, дикарь.) По соображении же времени и духа народа, почти безошибочно утверждать можно, что буряты иркутские от набегов сибирских казаков скрывались в степях, им самим неизвестных, и по дороге вытесняли тунгусов, остававшихся по разным местам, занимаемым ныне бурятами, или просто убивали их,

---

[361] Степная дума — историческая административно-хозяйственная единица в Российской империи в 1820–1900 гг. Возникла на основе «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) М. М. Сперанского. Функционировала как высший орган ограниченного самоуправления народов Российской империи, ведших кочевой или полукочевой образ жизни (у бурят, хакасов, якутов, эвенков) — т. е., согласно терминологии Устава, у «бродячих и кочевых инородцев». Вся администрация степных дум состояла, как правило, из представителей местного населения. Степная дума объединяла несколько административных родов, или же несколько родовых управ (иначе называемых инородческими управами), которые в свою очередь объединяли отдельные роды. Администрация думы состояла из главного родоначальника (тайши и т. п.), голов и избранных заседателей. Старосты, выборные заседатели и головы могли быть наследственными или выборными. Они утверждались в своих должностях губернатором, а главный родоначальник утверждался генерал-губернатором. Обязанности Степной думы состояли в учете численности населения, в распределении сборов, в учете общественных средств и имуществ, в распространении земледелия и промышленности среди инородцев, в защите интересов сородичей перед высшим начальством. Родовые управления и инородческие управы ведали местным благоустройством, а также распределением и сбором податей.

[362] Тунгусы — устаревшее название эвенков, коренного народа Восточной Сибири.

как могло случиться и на берегах Удунги, тем более что, по местному преданию, дружбы с ними не было и с обеих сторон усугублена была осторожность. Само собою разумеется, что перешедшие сюда буряты были шаманского закона [363], и нынешний уже Хамбу Лама, узнав об их местопребывании, лично обратил их в шигемунианскую веру, поставил даже из среды их наблюдателей, одного безграмотного бурята произвел в гэбкул, с тем только, чтобы он своих родовичей старался удерживать в правилах новой веры. Говорят, что первоначальные буряты принесли с собою много книг монгольских печатных. Точно ли так было, сомневаюсь, ибо буряты тогда придерживались шаманства, не могли чувствовать ни малейшей надобности в книгах, вероятно, касавшихся буддизма, и не могли даже знать монгольской грамоты, которая проникла в сию страну не ранее шигимунианской религии. Впрочем, упомянутые книги, по словам местных жителей, сгорели вместе со всем имуществом первого их родоначальника.

11-го Июля оставил я жилище достопочтенного г. Юиля, который со всею готовностью и усердием содействовал моим занятиям, снабжая меня словарями и другими книгами, необходимыми для изучения начал тибетского языка и продолжения монгольского. Шесть с лишком недель прожил я у него, как в собственном доме, как на лоне кровных. Г[осподин] Юиль провожал меня с лишком 15 верст по долине междугорной Туюн, беседуя о необходимости посвятить около 2 месяцев на разъезды в кочевьях бурят для практики в языке и собрания исторических сведений между жителями на берегах Удунга и Иро. На пути ничего достопримечательного не встретилось, кроме небольшого кладбища бурятского на одной долине, где развевались на шестиках хадаки с молитвой, начертанной по-тибетски над могилою, недалеко от нее лежал головной череп, а еще далее, за холмом, бренные останки одного бурята, хищными зверями вырытые из могилы и в самом отвратительном виде растерзанные. Буряты, завернув покойника в холст или дабу, смотря по совету Ламы, основанному на особенной книге (Алтан саба), оставляют его на поверхности земли в степи или зарывают, но неглубоко. Потому, проезжая степь нередко видеть можно человеческие кости на равнинах. Для высшего только духовенства или богатых светских делают гробы. Из слов одного бурята, встретившегося со мною в упо-

[363] Ш а м а н и з м — форма религии, или культ, центральной идеей которого является представление о сверхъестественном общении служителя культа — шамана — с духами. Шаманизму, который продолжал играть существенную роль среди бурят и монголов и после распространения среди них буддизма, О. М. Ковалевский уделял немало внимания. «Шаманская вера, одна из древнейших и наиболее распространенных на Востоке и Севере Азии, — писал он, — основывается на... поклонении и приношении жертв Онгонам, т. е. духам-хранителям, владеющим стихиями, и покровителям душ человеческих, которые, по мнению жрецов-шаманов, почитаются бессмертными». Горы, реки, долины, леса, озера — все имеет своих Онгонов, в честь которых сооружают каменные обо на высоких горах. См.: *Ковалевский О. М.* Поездка из Иркутска в Ургу // Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 5.

мянутой долине, приметил я, что в продолжение 49 дней в богатых домах приглашенные ламы читают молитвы за усопших. При выносе тела всегда приготовляется верховая лошадь с седлом, будто для покойника, и она переходит в руки главного из присутствующих лам; впрочем, можно ее выкупить по обоюдному согласию; платье же все, принадлежавшее покойнику, разделяется между лам, призванных для чтения св[ятых] книг. О сжигании тел у бурят нельзя иметь достоверных сведений: обыкновение сие индийское, по-видимому, под русским правлением вовсе истребилось или, по крайней мере, совершается в строгой тайне.

За хребтом спуск на равнину [нрзб] Тамчин, покрытую кочевьями, но ныне, по причине продолжительной засухи, лишенную травы до берегов Темника, который, пробегая пятью рукавами, орошает значительное пространство и способствует произрастанию травы. Потому и скотоводство в здешних кочевьях, по общим отзывам, истощено. Буряты, однако, проводят [нрзб] за своим [нрзб].

У Степной Думы встречен я был чиновниками оной, со всеми знаками дружбы. Главный тайша Юм-дэлэк-ламбо Цыренов письменно известил меня, что по моему желанию сделал уже предложение родоначальникам о приглашении хороших писцов и собрании книг для переписки. Помощник его Няндак Вампилов [364] также письменно изъявил всю свою готовность содействовать мне и доставил в рукописной тетрадке книгу Чихула кэрэглэкчи.

Отселе до Селенгинска полагают 45 в[ерст].

— 12-го июля ([1832] — это вставка над строчкой), узнав, что в кочевьях по Селенге в 10 в[ерстах] от Думы делаются приготовления к свадьбе, отправился я верхом вдоль Энкэ равнины, мимо деревни Билютуй. Разных родов буряты поселились здесь, близ своего присутственного места и по обилию леса, воды и травы. В монгольской Гоби некогда, беседуя с одним старцем, представлял я ему благословенные кочевья наших бурят. Житель безлесной, бестравной и безводной страны с особенным вниманием слушал мои рассказы о блаженстве Забайкальских степей и едва поверил, что бурят, сидя на одном месте, имеет и корм для скота, и воду, и лес для употребления. Для него показалось [невероятным], чтобы бесчиновный бурят мог жить в деревянном доме и пользоваться толикими [365] плодами благодатной природы. Там, должно быть, воскликнул он, страна богов, а не людей! Племянник мой за несколько лет видел в Кяхтинском Маймачене простых бурят в верветовых кафтанах, а ламу в канфенном [366] платье. Сколько труда мы переносим, пока приобретаем простую дабу на покрытие овчинной шубы! Не одно чистосердечное сознание сего монгола, но ежедневный опыт удостоверяет нас в той истине, что буряты в домашнем быту пре-

[364] Няндак Вампилов — помощник тайши Селенгинских родов.
[365] Толикий — столь многочисленный.
[366] Канфенное — имеется в виду *канфанное*, т. е. сшитое из канфы.

восходят заграничных своих единоверцев и возбуждают в них справедливую зависть. Само собою разумеется, что только богатые и как бы представители сего народа прельщают [привлекают] монголов, торгуя на Кяхте, своею оборонительностью и опрятною наружностью, бедные же скрываются в степи. Ряд здешних юрт не ослепляет богатством, но достоин внимания по деятельности своих жителей, которые, заимствовав от русских крестьян охоту к земледелию, приучили оных к скотоводству. Таким образом, деревня Билютуй и окрестные буряты несут себе взаимную пользу.

На дворе одной из юрт заметил я приготовленные войлоки для юрты, которая имеет быть отдана невесте. На разостланных простеганных войлоках сидели молодые женщины, занятые шитьем нового платья к свадьбе. Здесь, узнавая, что свадьба, для которой я собрался в здешние кочевья, по каким-то непредвиденным обстоятельствам отложена [на] несколько дней, посвятил я часть времени для беседы с бурятками, из любопытства собравшимися вокруг меня. Ожидаемый степной пир был предметом разговора старухи, хозяйка юрты предложила нам кирпичный чай и кислое молоко. Попотчевав большим сахаром присутствовавших, оживил беседу вопросами об обрядах свадебных. Некоторые сведения для памяти записываю. Через сватов родители жениха ищут невесту. Сначала только стараются узнать намерение родителей невесты и если увидят согласие их, то сватовья приезжают вторично, числом до 4 или 5 человек и, вошед в юрту, делают земные поклонения пред бурханами, кладут на жертвенник хадак, потом, объяснив цель своего приезда, заключают условия о количестве скота, даваемого женихом отцу невесты, время же свадьбы после назначается. Это можно назвать рукобитием, которое у бурят и монголов называется таким [нрзб], жертвоприношением. Сватовья, по обыкновению, привозят с собою вино молочное и вареную баранину для угощения. С сего времени невеста избегает встречи не только с женихом, но даже с его родственниками, и если бы случилось жениху неожиданно войти в юрту тестя, то он не должен смотреть на невесту, и она немедленно обязана удалиться. Спустя некоторое время, в условленный день, жених вместе со сватовьями и приглашенными родственниками отправляется к тестю, где также должны собраться родственники. Жених, вошед в юрту, после земных поклонов кладет хадак на жертвенник, потом приветствует всех присутствующих. Вносят вино и баранину привезенную. Жених потчует тестя и ближних родственников невесты, подавая каждому из них чашку с вином и хадак. Через час или полтора, когда все собрание несколько развеселится, тесть дарит зятю новое платье, смотря по состоянию, так что между бедными дают только сапоги или кушак новый. Жених, нарядившись, вместе со всеми собеседниками своими выходит пред юрту, садятся в кружок, и начинается пир.

Сватовья просят у тестя назначить время свадьбы, но без совета лам дело не может быть решено. Духовенство, руководствуясь астро-

логическими книгами, избирает счастливый день для отвезения невесты в дом жениха. День прибытия жениха со сватовьями носит название Сал . Накануне свадьбы в доме невесты вечером бывает девичник (надум) . Старцы и с ними жених пируют в юрте, невеста сюда не является, а ее подруги и молодые буряты на дворе, образуя круги, поют песни, что продолжается во всю ночь иногда. На другой день приезжают за невестой: подруги ея сидят в юрте, и поезжане силою выталкивают их на двор, наконец, схватив невесту и покрыв ее, сажают на лошадь, увозят. Мать с ближайшими родственниками провожает ее со всем приданым, в том числе и новою юртой. На половине дороги жених с одним родственником поспешает в дом с известием к родителям о приближении невесты. Отец его с другими старцами выезжает навстречу и спрашивает со всею важностью, что за люди и зачем едут? «Мы слышали, — отвечают поезжане, — что у вас мяса с гору, вина с море, и едем все это съесть и выпить; а вы кто?» На сей вопрос отвечает отец, что ищут каравана с домом и пр. Потом все вместе отправляются к стойбищу, там, поставив новую юрту, начинают пировать. Мать с невестою проводит трое суток, и при ней жених только днем бывает. По выезде тещи он вступает во все права супруга. Тесть же, когда приедет, обыкновенно спрашивает у него о причине прибытия. «Ищу, — отвечает тот, — белого быка». Потому и его посещение известно у бурят под словом буха бэдэрэну (‘искать быка’). Подают ему огромную чашу кислого молока и вина, что он должен немедленно выпить. Путь возобновляется. Тем кончил я беседу со старухою и, сделав ей небольшой подарок, возвратился домой.

— Посетил меня в полдень главный тайша Селенгинских родов и уведомил, что по моему письму сделаны уже распоряжения, представил мне младшего своего брата и одного бурята с Иро реки, с тем, чтобы употребить их при переписке книг. Потом прибыл и гэлун Норбо Баиров, ширету лама [367] Дзагасутайский [368] со своим учеником. С большим вниманием рассматривали они собрание монгольских книг, но главным предметом уважения их была рукопись Минджул Гэгэна [369], которую, выложив сперва на главу свою, благословил всех при-

---

[367] Ширету лама (*монг*. ширээт лам) — настоятель монастыря.

[368] Дзагасутайский — настоятель Загустайского дацана. Загустайский (Джагустайский, Тохойский) дацан основан бывшими прихожанами Ацайского дацана. Отделившись, они в 1784 г. возвели войлочный дуган на левом берегу р. Загустай. Строительство деревянного храма датируется 1789 г. См.: *Жамсуева Д. С.* Загустайский дацан // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. 2. С. 393.

[369] Минджул Гэгэн (*монг*. Минжуур Гэгээн) — имя пекинского хутухты, одного из высших сановников буддийского духовенства. Он был образованным и любознательным человеком. Дал О. М. Ковалевскому несколько уроков монгольского и тибетского языков и преподнес историю династии Чингис-хана. Составил для рос-

сутствующих духовных и светских бурят. Тайша крайне удивился, когда я, сняв один белый хадак, употребляемый вместо обертки, подарил ему. С особенным чувством благоговения произнес: теперь я сделался участником благословения самого Гэгэна. Все буряты были мною приличным образом угощены. После обхода прибывшим писцам даны мною книги и бумага для переписки.

— 13-го июля главный тайша, посетив меня поутру, пригласил в кочевья посмотреть некоторую часть свадебных обрядов. С удовольствием принял я приглашение, и мы верхом отправились вдоль протоки, мимо протоки Билютуй. В 6 верстах от Степной Думы, узнав, что в одной юрте один жених вместе со сватом будет дарить родственников своей невесты, мы на время зашли в оную. Небогатый хозяин [встретил] с удивительным радушием. За нами вскоре прибыл и жених с подарками. Сделав три земных поклона пред жертвенником, положил на оном кусочек кирпичного чаю в бумаге, налил в медную чашку вина и на полу поставил корытце с бараниной, в виде жертвы. Потом приветствовал всех порознь, находящихся в юрте, и начал потчевать, поднося каждому хадак вместе с чашкою молочного вина. От усердия хозяев и гостей лились благословения и желания счастья. Посидев здесь около получаса, мы удалились. В 3 верстах от сей юрты на открытом месте мы дождались прибытия другого жениха со своею свитою и подарками [нрзб] к будущему тестю. Я выше сказал, что такой обряд носит название сал. Между тем стекались буряты со всех сторон и обоего пола, так что в продолжение получаса собралось около 60 человек, в числе коих было 7 лам. Пред нами из одной юрты, принадлежащей отцу жениха, высыпалось около 20 человек, которые немедленно, сев на лошадей и имея пред собою одноколку с подарками, везомую одной лошадью, двинулись к нам в порядке. Все подобные обряды у бурят и монголов отличаются важностью. Платье одного покроя, но разнообразное по состоянию человека, нагольный тулуп возле бархатного халата имеет место, коль скоро лето, и звание бурята дает ему на то полное право. В почтительном расстоянии остановилась вся когорта и, привязав лошадей к столбику (находящемуся у каждой юрты), поспешили к нам с приветствиями. На открытом месте все собрание, образовав круг, было угощаемо спутниками жениха, так что каждому с чашкою вина предложен был хадак, потом вареная баранина. Наконец, по приказанию одного старшего бурята, молодежь, очистив одну лопатку и просверлив в ней дыру, привязали к траве, обратив головку к юрте. «Счастье наше да останется с нами навсегда!» — прибавил лама как бы объяснение сего обыкновения.

Засим все отправились верхом в юрту тестя и, окружив оную, оставили лошадей у столбика; духовенство вошло во внутренность юрты и заняло места, приготовленные по левую сторону от жертвенника, поза-

---

сийского ученого тибетскую азбуку, перевел с маньчжурского на тибетский язык сочинение нравственного содержания и переслал его в Кяхту.

ди их на кровати три чибаганцы; я с тайшею и другими родственниками жениха по правую сторону от жертвенника; остальные частью в юрте, частью же вне оной под навесом были угощаемы чаем, вином, бараниной, сушеными сливками. Входящие в юрту по степной вежливости, исполнив поклонения перед бурханами и получив благословение от Гэлуна, громко спрашивали всех о здоровье по очереди. Сват потом провозгласил, что жених прибыл с подарками к родителям своей невесты, просит у них дозволения вскоре получить невесту и новую юрту. Одно слово дзуб (‘хорошо’) служило ответом. Принесена жертва бурханам, состоящая из вина, чаю, баранины. Потом взаимное угощение с поднесением хадака. Далее старшая родственница невесты подарила жениху хадак и обещала выписать для него из Кяхты кушак (вместо платья, как бывает в богатых домах). По приглашению свата все собрание вышло из юрты, заняло свои места на войлоках в полукружье пред юртою. Здесь продолжалось угощение, пока кончилось вино и баранина, и распорядитель пиршества показал всем пустые котлы пред матерью и родственницами невесты, находившимися в конце нашего полукружья; жених поставил еще одну посуду с вином, сыр в корытцах, из изюбрева рога сделанных, несколько овчин на одеяло для будущей супруги и пр. Я с приятностью смотрел на все собрание, разделяющее общее удовольствие: полупьяные даже не выходили из границ благопристойности. Дружеская откровенность в словах, шутки и остроты степных жителей не могут быть непристойными для жителя европейского. В заключение пиршества два бурята с чашками вина, стоя пред мною, воспели общественную радость и мое посещение степи. Предложил я тост за здравие бурят и наградил хадаками певчих, это весьма понравилось моим собеседникам. Потом ламы просили у меня дозволения прочитать молитву, после коей я с главным тайшею и другими чиновниками возвратился домой.

— Вечером привезены из степи две рукописи: Чингисовы наставления [370] и Мандзушрия жизнеописание [371].

— Возвратившись в квартиру, нашел я уже дзахирокчия гэлуна Кулуннорских дацанов, который, узнав о моем прибытии в степь, приехал посетить. Лама сей пользуется большим уважением у бурят, по своей набожности и учености. Он в прошедшем году, построив шалаш у озера, провел три месяца в духовном созерцании, чтении книг и проч., принимая однажды в день пищу и сидя то на камне, то на дереве.

---

[370] Чингисовы наставления — наставления Чингис-хана, создателя первого монгольского государства в 1206 г. Имеется целый пласт монгольской литературы, включающий произведения дидактического характера, приписываемые Чингисхану. Наиболее полное из них — сборник поучений «Ключ разума» (*монг.* «Оюун түлхүүр»).

[371] Мандзушрия жизнеописание — «Жизнеописание от Манджушри», бодхисаттвы мудрости, покровителя знаний, хранителя рая на Востоке, проводника и учителя будд прошлого.

— 14 июля (четверг). Главный тайша, вытребовав из Кулуннорских дацанов первый том Ганджура на тибетском языке, прислал ко мне для переписки, вместе с извинением, что сегодня явится и писец Бату Цырэн Дылыков.

— 15-го июля главный тайша посетил меня и принес в дар университету хутукту Тарнисун Сундуй на 452 листах печатную.

Сего же числа начал я читать Екэ бодимурун дзэргэ (по-тиб[етски] Ламарин чинбо). В нем после воззвания следует краткое изложение содержания и разделение книги. Автор говорит, что он имел в виду раскрыть с точностью содержание учения и потому хотел изложить правила Екя Тэргэна* и Нагандзуны. Сочинения разделяет на четыре главные части: в 1-й) для показания во всей чистоте веры описывает достоинства учредителя оной, во 2-й) для возбуждения охоты к просвещению описывает качества Св[ятого] Писания, в 3-й) исполнение правил веры, в 4-й же руководство учеников к достижению просвещения.

(*Вставка:* *Не об нем ли упоминается в Улигэрун далай? В конце главы Шигемуни объясняет, что под сим именем был Сода-дани хан, отец его. Здесь название ламы, который жил гораздо позже. С 3-го листа начинается жизнеописание Джу Адишия, которое можно считать сокращением биографии в отдельной книжке, у меня находящейся.)

— 16-го июля. В числе посетителей был у меня один старец с берегов Селенги. По его рассказам, в старину 8 бурятских родов (найман эцыгэйн бурят), вышедши из Монголии, поселились на восточной стороне Байкала, откуда мало-помалу подвигались к Востоку и занимали места тунгусов. Другие же шесть родов, также из Монголии, поселились на западной стороне Байкала; и в последствии [по прошествии] времени часть оных перекочевала на берега Удунги-речки. Сие предание соединяется с тем, что выше на 190-й и след[ующих] страницах. Не должно ли пожалеть, что предания по местной небрежности подвергаются искажению и наконец совершенно исчезают? Какая потеря для истории! История переселений народов в Средней Азии как мало еще объяснена! И, вероятно, со временем будет загадкой неразрешимою. Кочевой народ не ведет записок и теряет предания о своих праотцах. Кэргизы и тунгусы оставили в своих прежних посельях одни только могилы. Бурятские пришельцы также не заботятся о своей летописи, так что когда получат просвещение и почувствуют нужду в оной, не будут иметь средств собрать собственные предания.

Буряты не любят иноплеменных соседей: малейшая новость в кочевьях приводит всех в движение. Боялись они открыть, что через речку Удунгэ находится дорога прямая и удобная, по ровным местам от Кяхты до Иркутска. Байкал остается в стороне; озеро столь опасное и затрудняющее все сношения здешнего края. По рассказам нынешних бурят, дорога сия проходит местами через леса и болота. Как бы то ни было, если удастся правительству нашему исполнить столь благое намерение, открыть сию дорогу, то Забайкальский край получит истин-

ное благодеяние. Казенные галиоты сделаются ненужными на Байкале, уничтожатся некоторые почтовые станции, дорога сократится, и опасность на самом озере и по кругоморскому тракту никому не грозит.

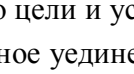
18-го июля помощник 2-го тайши Селенгинских родов, отыскав тибетско-монгольский словарь, известный под тибетским названием Самадок, по-монгольски же назыв[ается] Тубэдун Токияну шастира сайтур номлаксан эрдэнийн оки хагурцак дзокияксан кэмэкдэку, на 44 продолговатых листах, привез мне показать и просил бумаги хорошей для переписки оного. Бумага дана. Обещал еще доставить и Норву пренгва для переписки. Сверх сего написал для меня одну сказку из слов сказочника.

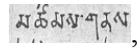
— По упомянутой на 213-й стр[анице] книги Екэ боди мур, на 6 л[истах], два суть рода правил веры (буддийской): один индийский, другой тибетский. Относительно первого сказано там же, что злоречивые терсы, троекратно побежденные, приняли, наконец, веру Будды, но при всем том, не умея еще строго различать новых от старых своих правил, распространили много недоумений и ложных понятий. По сей причине созвано было общее собрание для рассмотрения оных. Во время прения раздался львиный рев, от которого у всех развалились черепа. 250 духовных составили четыре отделения оснований веры. В царстве Магада прославились на сем поприще четыре товарища Будды. Из Тибета — Тоин Лама Аги Абага отправил в Индию двух переводчиков — Далай Ргя и Дзук Рун Шинги, а потом и сам ездил в провинцию Нгари возобновить веру, собрал Тарни и старался распространить религию в Нгари три года в девять лет, в среднем пять лет, проповедуя, вводил правила для сохранения себя от греховной нечистоты и поддержания веры в совершенной чистоте. После, когда вера распространилась в снежном царстве, три были Тэгус Цокту, Шива Дзун и Бадма Самбава. Бакши учредили правила веры (шашину хаоли), но не дошли еще до ученья о ничтожестве…

19-го посетили меня родоначальники Селенгинских бурят вместе с помощником 2-го тайши. При сем случае старался я обратить их любопытство на собрание исторических сведений о своих праотцах и представить им всю пользу, какой можно ожидать от подобного рода записок. Они, совершенно убедившись в истине моих слов, единодушно воскликнули: мы сей час пригласим всех родовичей к такому занятию и обещаем доставить столько, сколько наши старцы еще помнят. Отцы наши мало нам передали, а если теперь не соберем местных преданий, то, без сомнения, потомство наше гораздо менее получит нас. Я же со своей стороны дал слово издать в свет собранные ими сведения.

После обеда из кочевья вызвал я одну убусунцы для шитья гэлунского одеяния; между тем прибыли ко мне ламы, один из них, поднося хадак, просил туши, другой же желал почитать Бадма Гатан: оба они не

советовали сегодня кроить платье, ибо по календарю их, день сей несчастлив для такого дела. Убусунца не смела более коснуться материи шелковой, но, согласно с мнением лам, обещала завтра заняться шитьем. Это не новость, а самое обыкновенное происшествие между суеверным народом!

Дзакирокчи лама оставался у меня до позднего вечера. Знак, что он в прошедшем году шесть месяцев провел в уединении, любопытствовал я о цели и условиях такого духовного уединения. По его рассказам, подобное уединение называется Цам  , продолжительность оного зависит от расположения духа отшельника;

(*Вставка:* *У Маримана на 260 стр. находится слово  , a habitation, a hause, dwelling of any desciplion [372].) Цель: состоит в очищении грехов, посредством чтения Св[ятой] книги, размышления, покаяния, поста, удаления от людей и всякого мирского соблазна. Лама сей, построив небольшой домик близ озера с чердаком, сделал курду, оборачивающейся силою воды. Кругом небольшая ограда, из которой нельзя выходить. Нижний этаж занят кухней, где приготовлялась пища, т. е. чай кирпичный, хлеб и арца, которую по данному знаку колокольчиком кухарка доставляла, но не смея входить в чердак, где имел пребывание лама. Он два раза в день и дважды ночью читал Св[ятую] книгу; сон был непродолжителен. Никто из посторонних не может приходить туда для личного свидания, в крайней только надобности пишет записку, оставляя оную на обоне близ дома. Кто не исполнит Цам, не может приняться за диян, т. е. отшельничество в скале уединенной.

Дзакирокчи желал было продлить свое жительство у озера; но крайнее расслабление тела, болезнь, переменившееся заставило его отменить предположение. По общему мнению бурят и русских, знающих его, лама сей ведет примерную жизнь, посвящая все время чтению книг и божественному созерцанию. Собственные его слова удостоверили меня, сколь он гнушается поведением своей братии лам и, удалив из комнаты всех свидетелей, сделав три земных поклона, начал беседовать с приметною откровенностью: «Я вижу, — говорил он, — из вашего и своего Св[ятого] писания, что Бог есть один, к которому воссылаем теплые молитвы, но местность и время дали различный вид обрядам. Верю, что дурное поведение духовенства и черни, противное законам религии, заслужило уже явное наказание.

Засуха изнуряет людей и скота, болезни свирепствуют, для роскоши нет пределов. С пути истинного все ринулись в бездну пороков и злодеяний. Редкие радеют о благе всех существ, все прилепились к миру». Прослезился лама. Я ему показал житие Мидра Дзоги, где находится пророчество сего буддийского святителя о развратe человеков и понижении правил веры. Не могу описать внимания, с каким лама чи-

[372] Имеется в виду поселение, дом, жилище для постижения разных дисциплин.

тал сие пророчество. Останавливаясь почти на каждой точке, восклицал со слезами: «Точно теперь это время пришло!» В 10-м часу вечера дзакирокчи удалился в свое кочевье, усерднейше прося меня дозволить ему списать столь важную книгу.

20-го июля. Европа в нынешнее время страдала от холеры, придумывает различные средства спасения себя в медицинской книге, первоначально на индийском языке писанной и потом на тибетский и монгольский переведенной, находится описание повальной болезни, под именем Нья, свирепствовавшей в древние времена в Азии и похожей на холеру. «Если на земле ослабевает сила заслуг и добродетели, то в сии роковые времена появляются между оживленными тварями, а именно, во-первых, между обитателями по берегам больших рек, разные, дотоль неведомые язвы; болезни, которые не могут быть подведены ни под какой разряд, которые не допускают ни малейшего срока к излечению и обыкновенно становятся гибельными с первого прихода. В таковых-то случаях именуемая Нья болезнь похищает четвертую часть жителей Джамбудвипа; внезапно истребляя жизненную силу, она обращает теплоту в холод; но иногда сей последний снова переходит в теплоту. Разные жилы и артерии отделяют из себя воду, которая испражняется телом, а потому ни ощупыванием пульса, ни исследованием частей тела, ни вопросами нельзя узнать причины или гнездилища болезни. Хотя сей недуг по своему действию похож на все те язвы, которые распространяются прикосновением или заразою, но против сих последних есть по крайней мере средства; следующая же под именем Нья болезнь всегда мгновенно умерщвляет, если какой-нибудь неизвестный, более могущественный, противник не одолеет ея самой; так что даже лекарства и самые способы лечения, какого бы они рода не были, нередко становятся поспешниками болезни и тем скорее ввергают одержимого ею в челюсти смерти. По сей-то причине всеведущий и всевидящий милосердный владыка еще в то время, когда явился в лице царя Тасронг Дедзана (царств[овал] в Тиб[ете] 802–804), причислил средства против сей болезни к кругу тайных наук, т. е. волшебных чувств и заклинаний, каковые средства преподаются здесь в всей краткости, дабы всякий мог запечатлеть их в своей памяти.

Первая причина зла заключается в усилении на земле трех видов земного греха, вследствие чего восемь разрядов пагубных планетных влияний достигают своего владычества. Ибо люди в сие бедственное время погружаются в беззаконие, питают взаимную ненависть или зависть, убивают друг друга, предаются разврату, терзают себя взаимно, не почитают богов-хранителей или изрыгают на них хулу, нарушают свои обеты и преступают заповеди лам; то таковыми нечестивыми делами навлекают на себя гнев богов-хранителей, и они из защитников становятся карателями смертных. Здоровая атмосфера, коей двигают существа, обращается в тлетворное облако, из которого страшная болезнь Нья изливается в виде дождя. Она распространяется потом с таковою же быстротой, с какою загорается сухая губка. Самое зло пре-

вращается в насекомое с челюстью ящерицы и длинным хвостом, но без всяких членов, мчится на крыльях ветра в пределы мира и из воздушных стихий через потовые скважины проникает в тело, мгновенно наполняет его с головы до ног и отравляет источник жизненного сока. Но, впрочем, бывает невидимо взорам. Засим исчисляются разные видоизменения болезни, смотря по тому, проникает ли невидимый червь в голову, шею или в другую часть тела, с присовокуплением замечания, что как сами врачи столько же подвержены сей болезни, как и другие люди, то им полезно изучать предохранительные волшебные чары как для собственного своего употребления, так и для своих больных. На сей конец преподаются все сии волшебные чары вместе с потребными для оных приборами (между коими кабанья голова играет важную роль). Упуская все сие, я перехожу к признакам болезни.

Первые приметы наступающей болезни суть: кружение или глухой гул в голове, после некоторого следует весьма частый понос и рвота. Обыкновенно те части тела бывают более всего поражены, где болезнь возымела свое начало. Чтобы предохранить себя от болезни, должно избегать как бы некоего яда, всякой яствы, имеющей белый или красный цвет, а равно всякой кислой и сладкой пищи или питья; должно остерегаться неправильного образа жизни и спать на ложе из козьих шкур с возвышенным изголовьем. Также должно избегать обхождения с овдовелыми женами или такими, которые нарушили (брачный) обет свой, равно как и всякого подозрительного посещения. Вместо талисмана полезно носить при себе кабаний клык. Должно уклоняться от всякой ссоры, драки и от шумных, буйных собраний. Вот вкратце все, что можно сказать о повальной болезни Нья. Если Нья бросается в голову и мозг, то принимает вид горячки (нервной горячки), и тогда должна быть пользуема точно так, как сия последняя. Признаками сей перемены служат: стук в мускулах лица и в затылке, напряжение в жилах, мутность и кровавый цвет глаз, жар на поверхности тела и нередко колотье в груди с легким кашлем. В таком случае больной должен быть пользуем следующим образом.

Как большая часть приведенных в подлинник целебных средств мне неизвестна, то я опускаю здесь весь сей образ лечения, и потому только названия: кости дракона, ртуть, моча [в]осьмилетнего ребенка, ослиная моча, камфара и шафран. Также советуется кровопускание, если болезнь очень упорна, частое и продолжительное лежание на спине и прочее». См.: Москов[ские] ведом[ости]. 1832. № 47.

— 22-го июля. Один из ховараков, живущих по речке Иро, посетил меня и, между прочим, сообщил некоторые сведения о похоронах у бурят. После кончины светской или духовной особы выносят все вещи из юрты в другую, и люди там ни более не живут, ни огня не раскладывают. Место под юртою считается принадлежащем уже умершему, и по выносе тела юрту немедленно снимают буряты. Ламы назначают цвет халата, в который должен быть завернут покойник, ибо платье с него снимают, а лицо покрывается белым хадаком. Ламы при умершем за-

жигают свечки, читают св[ятые] книги по установлению. Джирухайчи лама назначает место и способ похорон по астрологическим своим книгам. Место же похорон, как говорят, откупается у лам, которые, взяв лошадь с седлом или деньги, чертят вокруг могилы линии, через которые, по их мнению, никакое животное не преступает: следовательно, труп остается покойным.

— 23 июля [господин] Юиль, возвращаясь с берегов Удунги, посетил меня при Селенг[инской] Думе. По его новым исследованиям оказалось, что прежде собранные сведения о переселении тамошних бурят совершено подтвердились. По местному преданию, при кэргизах не было там ни одного дерева. Во время же приближения бурят появились деревья и киргизы начали предсказывать, что непременно должен явиться новый народ и таким были буряты. Кэргизы добровольно удалились.

24-го. Несколько слов замечу о моих соседях в кочевье. [1)] Сын заседателя Степной Думы, пятилетний, оженен на 15-летней девушке и имеет уже сына 1½ год. У бурят это не новость. Духовенство, по законам веры, должно вести жизнь безженную, но держат при себе жен, на чужое имя взятых. Дядя живет с племянницей, невесткой и т. п. 2). Дочь одного шуленги просватана была за довольно богатого бурята. Другой чиновник, вдовец, узнав о том, желая ту же девицу взять за себя, употребил ламу, который по своим астрологическим замечаниям согласился принять на себя обязанность свата, отправился к родителям невесты, рассказал им, что дочь их может быть счастливою за вдовцом, по св[ятым] книгам. Родители немедленно изъявили свое согласие и дочь отдали за вдовца.

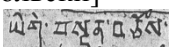
Около полудня проезжал через здешние кочевья молодой хубилган, под надзором старца гэлуна и нескольких спутников ховаракв, к Хамбу ламе на поклонение. Из любопытства ездил я в юрту помощника тайши, где остановился на время сей перерожденец. Не давая знать, что я нарочно туда отправился, побывал я прежде в соседних кочевьях, оттуда я был приглашен к помощнику тайши. Хубилган со всеми своими спутниками вышел навстречу. После обыкновенных приветствий вошел я в юрту, за мною хубилган с прочими. Перерожденец занимал место выше своего наставника гэлуна. Наружность его довольно приятная. Красное на нем одеяние из канфы. Потчевал меня табаком из китайской табакерки в хорошей серебряной оправе. Беседа наша продолжалась около часа о виденном мною в Монголии отшельнике [373] в скале и проч[ее].

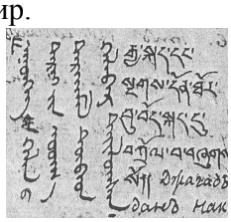
---

[373] О т ш е л ь н и к — лама-отшельник Лодон Цэдэн, сведения о нем, представленные в Дневнике за 1830 г. (см.: Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / подгот. к изд., предисл., коммент. и указ. О. Н. Полянской. Улан-Удэ, 2008), О. М. Ковалевский отправил в Казанский университет по возвращении из Китая. Очерк об отшельнике и некоторые разъяснения буддийской религии, представленные Ковалевским, были напечатаны в Казанском Вест-

Вечером отправил я письмо к майору Медведеву [374] с известием о возможности проложить новую дорогу от Удунги до кочевья Ноин ламы, в 5 в[ерстах] от Ацайаних кумирен [375] у озера, и оттуда до Селенгинска. Просил также Хамбу Ламу и главного тайшу предварительно послать надежных людей для осмотрения сих мест и уведомить о том г. Медведева, который по поручению правительства заботится об облегчении сношений здешнего края, посредством новой дороги, мимо Байкала.

26-го от Хамбу Ламы приехал ко мне Биликту Дзасак лама, известный в своем краю по стойкости характера и хорошим знанием тибетского языка. Провел он со мною и следующий день. Старался я беседовать с ним о тибетских словах, принятых в монгольском, и объяснить оныя для внесения в свой Лексикон. Хамбу через него прислал для переписки два тибетско-монгольских словаря* и один индийско-тибетский под заглавием: Накдун тарбо, по-монг[ольски]**

(*Вставка:* *т. е. Самадок и Еги данджа  т. е. бичикуйн шастир.

**  дун торбу ботгаду долба шуксу.)

— 29-го. По приказанию Хамбу Ламы явился ко мне гэцул для переписки номов. Имея в виду предписание г. Попечителя [376] о составлении каталога книг, заключающихся в Ганджуре, просил я главного тайшу и лам доставить мне один том тибетского Ганджура, в коем находится упомянутый каталог. С приездом дзасака Биликту узнал я, что между бурятами имеются разные издания сей священной книги, одно в 108, по обыкновению, томах, как, например, при Цонгольских капищах [377], другое в 101 томе, как в Кулуннорских дацанах. По словам дза-

---

нике еще до возвращения ученого из командировки. См.: *Ковалевский О. М.* Монгольский отшельник // Каз. Вестник. 1832. Ч. 34, кн. 4. С. 363–377.

[374] Майор Медведев — инженер-майор Корпуса инженеров путей сообщения Александр Акимович Медведев, который осуществлял реализацию проекта по улучшению транспортного сообщения в Сибири. В 1842–1846 гг. — вице-директор Департамента хозяйственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий, полковник.

[375] Ацайани кумирни — Ацайский дацан был основан в 1743 г. как небольшой войлочный дуган на восточной стороне Гусиного озера, позднее перенесен в устье р. Аца, затем на северо-восточную сторону озера, где и сгорел. В 1786 г. был заново отстроен на берегу р. Аца с северной стороны Гусиного озера. См.: Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М., 2008. С. 372–373.

[376] Попечитель — Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862), попечитель Казанского учебного округа в 1827–1845 гг.

[377] Цонгольские капища — Цонгольский, или Хилгантуйский, дацан. Первоначально дацан был юрточный на левом берегу р. Чикой. В 1733 г. был перене-

сака, ни малейшей в них нет разницы в содержании книг: различие же в числе томов произошло единственно оттого, что Юм [378], как часть Ганджура, издается в 16 и 12 томах. Стооднотомного Ганджура каталог прислан мне был от дзасака Биликту и сегодня передан для переписки приехавшему гэцулу, так, чтобы после можно между тибетскими строками поместить монгольский перевод, о котором я уже переговорил с дзасаком и обещал вознаградить труд переводчика.

— Сегодня [379] в 4 часа утра отправился я в кочевья за деревнею Билютуем, расположенной по Селенге, в надежде увидеть там некоторые свадебные обряды. Тишина везде царствовала. После девичника степные чада наслаждались утренним сном. Вокруг юрты невесты под навесами на овчинах и войлоках лежали без разбора духовные и светские, мужчины и женщины. Престарелая мать от усталости едва передвигала ноги, заботилась о приготовлении чаю для гостей и приданого для дочери. Среди густого тумана, мчавшегося по долине от высоких хребтов, мало-помалу с разных сторон начали появляться степные наездники и наездницы для составления свадебной когорты со стороны невесты. Печальные подруги, окружая невесту, прогуливались по долине. Заметив издали едущих двух молодых людей, упрошенных женихом для взятия невесты, девушки и родственницы сей последней немедленно удалились в юрту занять место на брачном ложе. Явились ховарак и другой светский, поверенные жениха, за ними вслед прибыли и ламы. Во время угощения чаем выносили приданое, состоящее в платье, овчинах и т. п. вещах, в ящиках и ставили на одноколку; потом, разобрав брачную кровать, поместили также с постелью на одноколке. Готовились верховые лошади для всего собрания. Невеста со своими подругами, крепко подпоясавшись, уселись близ жертвенника, держась так, чтобы поверенные жениха нескоро могли их разнять. Жалкое положение девиц, с потупленными глазами, обращало на себя внимание всех присутствующих. Отец невесты, сидя рядом с ламами по левую сторону от жертвенника, налил молока в деревянную посуду, положил несколько кусочков хлеба и сала, воткнул стрелу, обвернутую хадаком и комком сала наверху. Лама прочитал молитву, освятил воду, насыпал разных трав в порошке на угли в медной чашке. По приказанию его входить в юрту молодой человек, ровесник невесты, обязанный провожать оную, взяв из рук старухи кусочек сала, втиснувшись в круг девиц, помазал оным лицо невесты. Начался вой ужасный, но только в кругу девушек, которые более и более сжались. Едва лама первенствующий вымолвил слово «берите!», вошли в юрту поверенные жениха и всеми силами принялись разнимать подруг невесты. Плач был удво-

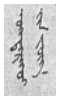
---

сен на правый берег р. Чикой в местность Хилгантуй, где в 1736 г. началось строительство нового дацана. В 1741 г. Дамба Даржа Заяев с ламами провел первые новогодние обряды (Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М., 2008. С. 364).

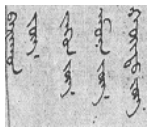
[378] Ю м — один из разделов Ганджура, собрание трактатов о достижении «высшей мудрости».

[379] 30 июля 1832 г.

ен, но не защитил девиц; сильные поверенные, схватив за руки и ноги девиц, вытаскивали за юрту и, наконец, самую невесту (при которой оставалась одна уже родственница), но с осторожностью, дабы она не коснулась земли. Посадив оную за юртой на лошадь, закрыли глаза платком; поддерживал ее ровесник, сидя на одном с нею седле; повод лошади отдан ближайшей родственнице невесты. Между тем лама, вынув молитвы тибетские, на пяти карточках написанные по-монгольски, первую из надписей сам прочитал, сидя в юрте, а остальные передал для чтения вне юрты, на четыре стороны, другому ламе.



Карточка 1



Карточка 2 [380]

После молитвы все собрание вышло из юрты, [было] вынесено кадило в медной чашечке и поставлено на дворе. Вокруг сего кадила троекратно возили невесту, а потом отправились в сторону, назначенную ламою; оттуда повернули на дорогу к жениху. Отец невесты с посудою молока и освященною стрелою также троекратно на лошади окружил свою дочь, дабы счастье семейственное, по мнению бурят, оставалось при доме. Невеста сильно рыдала, равно как и оставшиеся при юрте подруги ея. Все собрание медленно подвигалось к жилищу жениха, в 2½ версты отстоящему от стойбища невесты. Не доезжая 1/2 версты до юрты все остановились*.

(*Вставка:* *Везли и образ одного бурхана, который должен находиться в новой юрте.)

Невеста должна была одна уже сидеть на своем коне. Отец ея с назначенными 4 товарищами отправились вперед, равно как и поверенные жениха. Для встречи невесты с родственницами и другими провожатыми из юрты жениха высланы были несколько человек с чаем, вином и бараниною. Они спрашивали, что за люди? И получили ответ: «Мы слышали, что у вас мяса с гору, вина с море; намерены все это съесть и выпить». Подруги невесты спрашивают взаимно: «Что вы за люди?» И получили в ответ, что они дожидаются гостей с домом. После начинаются приветствия, и, закусив, все идут в юрту. По прибытии на двор стараются как можно скорее поставить новую привезенную

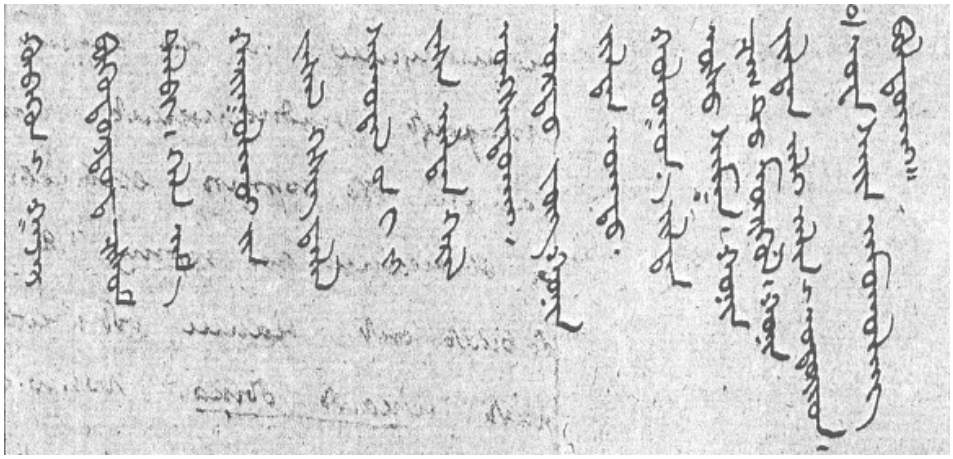
[380] В переводе с монгольского текст карточки 1: «Направление Вселенной»; текст карточки 2: «Западное направление. Восточное направление. Южное направление. Северное направление».

юрту, внести все приданое, поставить кровать и потом уже ввести невесту, посадить ее на ложе за занавесью. Упомянуть надобно, что, когда с телеги снимают постель, молодые люди подхватывают подушку невесты и не иначе возвращают, как за домбу вина. Между тем отец невесты со своими 4 товарищами отправился в юрту отца жениха. После длинных приветствий спрашивают у приезжего о причине его прибытия. «Я потерял, — отвечает он, — быка с золотыми рогами и серебряными копытами, теперь ищу его». «А мы его нашли», — отвечают домашние и подают приезжим по чашке айрака [*381]; таких по три чашки каждый приехавший со стороны невесты должен выпить.

(*Вставка:* [*]цаган идэ.)

Никакие просьбы не избавят его от исполнения сего древнего обыкновения. Опьянение неминуемо, а на случай рвоты один старец напомнил, что нельзя на землю в юрте выблевывать, а на полу и вынести за юрту. Я твердо знаю, прибавил он, наши обыкновения и 16 уже раз искал быка. Потом все вышли на двор и, засев в полукружье перед юртою, приступили к обеду, в конце коего с хадаком приблизились ко мне все буряты и пропели мне в похвалу песнь. Поблагодарив словесно и хадаками певчих, оставил я собрание: проходя мимо новой юрты, заметил, что ламы, там сидя, делали жертвы из теста и масла в виде пирамиды.

При подобных случаях ничего не делают без совета лам, которые по своим астрологическим книжкам назначают всему время. Вот копия записи ламы, полученной мною в виденных мною кочевьях:



Листок с монгольским, за занавесью, но уже с расплетенными косами. Здесь посидев несколько, отправились мы в юрту, занимаемую отцом жениха. Все собрание было на своих местах. Гэлун первенствующий читал молитвы, во время коих лили масло на огонь среди юр-

[381] А й р а к (*монг.* айраг) — кисломолочный продукт, кумыс.

ты, потом разбрасывали кусочками сало, и присутствующие с жадностью хватали оное с радостными восклицаниями. Между тем невеста под покрывалом стояла на коленях за женщинами близ дверей. Родители оной дарили родителей жениха и родственников его и почтеннейших гостей шубами, подушками, хадаками, лентами и пр. Мне досталась подушка на кресло. Подарки сии именуются эмускэл. Потом сват провозглашал имена тех, коим невеста должна была поклониться в знак всегдашней преданности и покорности. По обыкновению монголов и наших бурят, если кто после придет в юрту и будет из числа тех, коим невеста делала поклонение, то она обязывается встать на ноги, надеть шапку и сесть не прежде, как прихожий сядет на почетном месте. Поклонения сии носят название мургул. В следующий день родители невесты в присутствии гостей назначают число скота, даваемое в приданое новобрачным. Обряд сей называется сакимджи и есть ненарушимый. Слово здесь считают законом, и отказывающийся от исполнения оного подвергается строгому взысканию по степным правам. Далее родители жениха дают подарки родителям невесты за эмускэл. Это называется харамджи. Еще есть обряд разжигания огня в юрте новобрачных. С обеих сторон родственники, стоя вне юрты, высекают огонь и подают оный через стенку юрты, подняв войлок, служащий крышею.

Август месяц

1-го Няндак Вампилов с Боргойской степи [382] прислал каталог тибетским и монгольским книгам, печатанным при Атаганских капищах [383], с тем чтобы доставить бумагу белую для перепечатания оных. Теперь ожидать буду известия о количестве бумаги, нужной для сего.

— При чтении Енэ бодимур на 12 л[истах] заметил я следующие мысли:

Как бы долго ни учился Св[ятому] писанию, но не понимал его и не исполнял, то неминуемо подвергнешься греху. Божественное писание есть двоякое: 1) Эши, т. е. изустное учение бурхана и 2) Онолун мун чинар, сущность его познания, т. е. толкование святителей и угодников буддийских. Оба полезны. Кто хочет пуститься на лошади в беге до места, прежде осматривает место ристалища и, осмотрев, уже скачет во всю прыть. Пример сей уподоблен желающему вникнуть в дух писания. Советуют ему для совершенного познания веры читать объяснения на оную, сделанные сведущими. Если кто войдет в темный дом, как бы он не был красив и богат, глазами нельзя видеть. Таким обра-

[382] Боргойская степь — ныне в Джидинском районе Республики Бурятии.

[383] Атаганские капища — Атаган-Дырестуйский (Джидинский) дацан. Основан в 1749 г. Построен на средства рода атаганов на левом берегу Джиды. См.: Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М., 2008. С. 372.

зом, и разумные люди, не слушая поучений дурных и хороших, не могут оных различать. Имеющие глаза при помощи светильни могут увидеть красоту и великолепие; и, выслушивая поучения, могут различать худое от доброго. Выслушав поучения, в душе возбуждаешь чувство благоговения, ощущаешь удовольствие, получаешь твердость, потом познание самого предмета, при котором тема невежества исчезает. Познание сие есть светильник, разгоняющий невежество; и [он] не может быть похищен вором: оно есть меч, поражающий врага, наводящего ослепление; оно, как победоносное воинство, подавляет всякий вред и проч[ее].

14-й л[ист]. Слушать, научать и исполнять законы веры. Слушание заключает в себе: 1) размышление о пользе, от сего проистекающей, 2) уважение к законам веры и учащим и 3) само слушание. По 1-й. От слушания законов веры проистекает та польза, что слушатель узнает само писание, отвращается от греховных дел, пренебрегает не имеющими никаких заслуг и сам освобождается от [нрзб] (удостаивается нирваны). По 2-й уважает учение и учащихся, благоговеет к ним и не унижает ни мысленно, ни словами, ни же делом. Сидя на коротеньком тюфячке, возбуди в себе кротость, взирай радостным оком, благоговей пред [нрзб] слова, устреми внимание все к одной точке, как больной к словам врача. — Уважение к учащему с большими подробностями описано здесь. — Слушая и не исполняя писание, можно уподобиться больному, который, получая приготовленные лекарства, не употребляет оных и потому не может исцелить свою немощь. Страдания его продолжаются много лет, и хотя бы искушенный врач указывал лучшие средства к исцелению, он не приносит ни малейшего облегчения, и вред будет больному. — Слушая Св[ятое] писание, можно исправить себя, рассматривая свои достоинства и пороки будто в зеркале. На 19-м л[исте]сокращенно сказано: для пользы всех одушевленных существ сделаться бурханом. Для сего нужно учиться и знать его: следовательно, слушать Св[ятое] писание.

Научать Св[ятому] писанию или проповедовать заключает в себе четыре статьи: 1) размышление о пользе проповеди, 2) уважение к учителю и учению, 3) рассуждение об учении и 4) замечание, где проповедовать нужно и где не нужно. Относительно пользы: (усовершенствуется) наполнится благоговением, познанием, твердостью духа, мудростью, страсти уменьшатся, гнев, невежество, избежит влияния [нрзб] и всякой враждебной силы, никогда не лишится любимого своего; будет говорить хорошо, слышать свои желания; получать одобрение мудрых, — с 21-го л[иста] любопытные некоторые подробности об учении или проповеди слова божьего.

Подробности сии могут удостоверить [свидетельствовать] об уважении к самому буддийскому писанию и [о том,] сколько старались проповедники снискать полное для себя уважение, дабы тем сильнее действовать в пользу своей веры. Сидящим стоя не объясняй писания,

для лежащих сидя не объясняй писания; для сидящих на высокой подушке не проповедуй, сидя на низкой подушке; для идущих пред тобою не проповедуй; для наряжающихся, надевших шапку, повесивших на себя четки не проповедуй; для едущих на слоне, лошади, для сидящих в носилках, надевших сапоги не проповедуй; для держащих посох или зонт, меч или другое орудие, для одетых в латы не проповедуй.

2 августа приехал ко мне Цорджи дзасак Биликту взять для перевода на монгольский язык каталог книг Ганджура. Для сего получил от меня каталог книгам, вывезенным мною из Пекина, и книг, заключающихся в Сумбуме, недавно подаренном главным здешним тайшею для университета [384]. — Для переписки доставил мне от Хамбу Ламы тибетско-монгольский словарь под заглавием Накдун (Кэлэну дзула).

3-го. Главный тайша привез список 10 рукописям монгольским, находящимся между ламами здешними, с обещанием доставить оные для переписки.

8-го. Обещали доставить Сакилун ном на тиб[етском] и монг[ольском] в рукописи. Пять считается сакилов или посвящений: бачик, убуши, банди, гэцул, гэлунг. При получении каждого из них переменяется имя; новое называется сакилун нэрэ, а данное при рождении хара нурэ, которое уже более не употребляется. Получивший посвящение бачик обязан три дня пост соблюсти, а впрочем, может отправиться на охоту и умерщвлять животных. Последнее запрещено посвященному в убукши. Не имея степени бачик, дозволено принять посвящение в убуши, с тем, однако, что лама при посвящении обязан прочесть молитвы, постановленные для бачик и убуши. Равным образом, бывают случаи, и нередко, что, миновав посвящение в банди, дают степень гэцула, читают, однако, молитвы, установленные для бандия и гэцула. Низшие степени принимаются обыкновенно из благочестия и по совету лам от болезни или какого-либо приключения.

9-го. На степи Энкэ, в расстоянии одной версты, были похороны семилетней девицы в присутствии одного гэлуна, и 2 ховарахов и нескольких светских родственников. К моему прибытию труп, привезенный на телеге, зарыли в землю и положили на могиле пень дерева; вокруг оной и на 7 шестах развешаны голубые и красные хадаки с маны*.

---

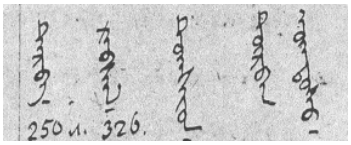
[384] Бурятские священнослужители дарили буддийские книги, помогали переписывать книги на восточных языках. Впоследствии О. М. Ковалевский сообщит обо всех дарениях Казанскому университету, и Совет университета объявит благодарность за подписью ректора Н. И. Лобачевского. Звания корреспондента Императорского Казанского университета были удостоены все, кто содействовал О. Ковалевскому и А. Попову в изучении монгольского языка и сборе восточных рукописей. Бурятским ламам Главному тайше 18 Селенгинских родов Юму Дылык Лонбоцэрэнову и дзакирокчию Кулуннорского дацана Долсам Дорджию Гемпилову Совет университета объявил благодарность (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 14–15; 99–100). Результаты научных командировок, организованных руководством Казанского университета на Восток, сделали университет в первой половине XIX в. ведущим центром востоковедения.

(*Вставка:* *также воткнуты в землю 4 дощечки с изображением на бумажках печатным…)

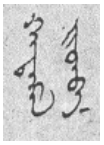
По окончании молитвы старший родственник поднес ламе хадак и ховаракам по грошу: прочитали молитвы и наконец, надкушав молока из чашки, все отправились в юрту продолжать молебствие.

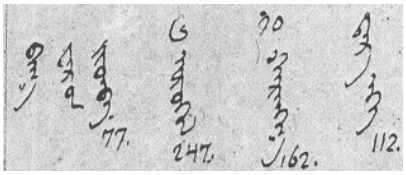
— Оттуда пригласили меня в другую юрту, где недавно совершалась свадьба, а ныне от родителей молодой приехали гости с вином и бараниною посмотреть новую хозяйку. Гости такого рода называются эргилтэ, а цель кунэт эргильджи удзэку, и сии слова повторяют при поднесении гостям вина, мяса, хадаков и проч[его]. 10-го Г[оспода] Юйль и Сталибрас [385] со своими семействами меня посетили.

11-го Няндаку Вампиловичу выдал я бумагу для напечатания следующих книг (здесь даны названия на монг. яз., под каждым стоят цифры):



200 217 (из одного листа по 3 выходит).


на 70 листах (по 4 из одного).



(по 8 из одного листа).

13-го был у меня проездом г. Медведев, по словам коего, гораздо лучше дорога оказалась по речке Удунга и поправка оной выгодною будет для казны. Он в июле месяце был в Чикойских капищах [386] во время окончательного празднества после чтения Ганджура. В последний день в храме стояла из теста сделанная пирамида, при ней закуски китайские и 4 куклы, изображающие духовных особ. Субургу [387] сию вынесли из храма, близ которого в ограде выжжен был костер, и помощник ширету ламы, сделав несколько странных к оному шагов, бро-

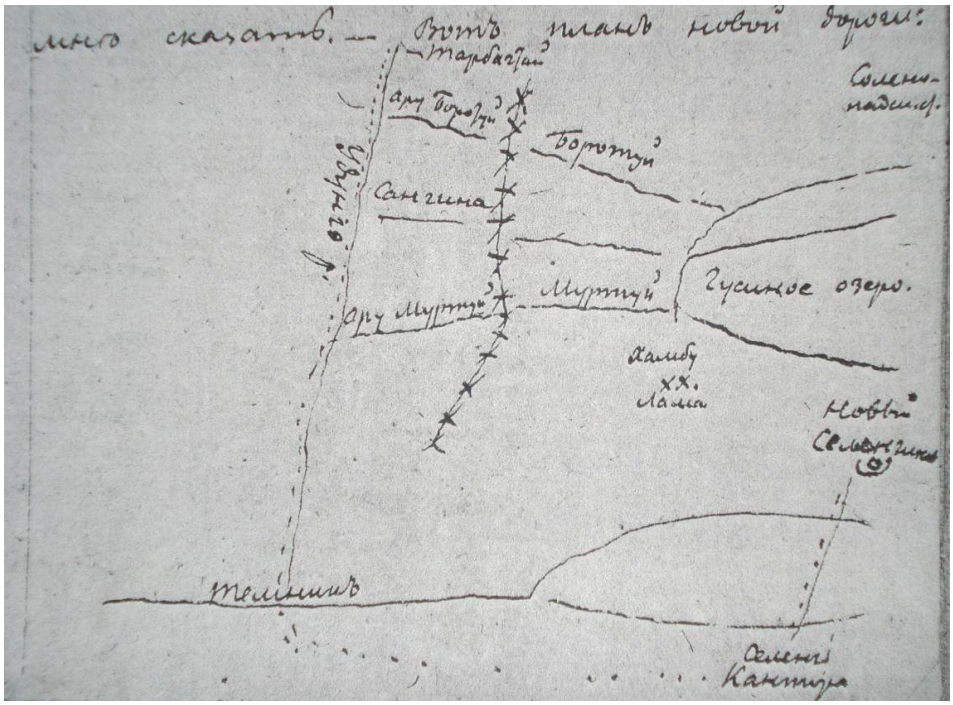
[385] С т а л и б р а с (Сталлибрасс) — английский миссионер.

[386] Ч и к о й с к и е к а п и щ а — дацаны, находящиеся недалеко от устья р. Чикой при впадении ее в р. Селенгу.

[387] С у б у р г а. — Имеется в виду субурган.

сил в огонь субургу. Потом было общее пиршество и скачка на лошадях. О подробностях и цели сего обряда ничего не мог мне сказать.

— Вот план новой дороги:



Вечером шанзаба лама Гусиноозерских дацанов привез ко мне двух ховараков для переписки книг.

— В 52 № Моск[овских] Ведом[остей] нашел я извлечения из путешествия Риенци, бывшего долгое время в разных частях Китая. По его исследованиям, сухопутные и морские силы Китая состоят вместе из 1.291.640 человек, между коими 300.108 чел[овек] регулярной и 400.000 нерегулярной пехоты; 227.000 чел[овек] регулярной и 273.000 нерегулярной конницы; 17.000 чел[овек] артиллерии, которая одновременно, однако же, находится в самом жалком положении; 30.000 чел[овек] служащих при обозе; 6.092 офицера регулярных и 5.207 нерегулярных войск и 32.440 чел[овек] морских солдат. Жалованье военных состоит в следующем: каждый пеший солдат получает в месяц 8 франк[ов] и сверх того 3 мерки сарачинского пшена, а конвой 16 франк[ов] и 6 мерок рису ежемесячно, исключая фуражу и других статей, доставляемых жителями. 18 китайских областей на военные издержки ежегодно платят 867.200 фунт[ов] стерл[ингов]. Но все это может быть исчислено в книгах и даже официальных известиях, но на самом деле сколько оказывается? В Китае, кажется, между подданными и правительством взаимная недоверчивость, и друг друга обманывают едва ли не во всех отношениях.

14-го. Александр Петрович Савинский [388] был у меня проездом. По его словам, новая дорога с Удунги поворачивает через хребет, где Муртуй-речка, мимо Гусиноозерских капищ для избежания лишних перевозов. Он же обещал мне доставить в копии карту Иркутской губернии.

17-го. Отправил я казака в Троицкосавск. Из Верхнеудинска присланы нанка, [нрзб] и прочие материалы для ламских костюмов.

18-го. Для исполнения предписания г. Попеч[ителя] № 1579 отнес я к английскому миссионеру г. Юйлю письмо:

> Небезызвестна Вам заботливость нашего правительства об облегчении и распространении знания восточных языков, равно как и средства, употребляемые им по части монгольской литературы. Ныне г. попечитель Каз[анского] учеб[ного] округа, желая завести тиб[етскую] и монг[ольскую] типографии при нашем унив[ерситете] поручил мне, между прочим, доставить сведение, можно ли здесь найти материалы для приготовления шрифта и чего будет стоить вылить оного? Зная, что Вы сами изволили делать опыт в приготовлении тибетского шрифта и монгольский выписывать из С[анкт]-П[етер]б[урга], осмеливаюсь Вас покорнейше просить почтить меня своим уведомлением: возможно ли будет здесь привести в исполнение желание г. попечителя, каким образом и примерно сколько будет стоить? По моему мнению, для тибетского шрифта довольно на первый раз иметь по 250 экземпляров каждой буквы. Дозволите ли нашему университету воспользоваться вашими тибетскими матрицами или посоветуете вырезать новые? С нетерпением буду ожидать Вашего ответа. Общая польза да будет всегда целью наших действий! [389]

---

[388] Александр Петрович Савинский — чиновник Восточно-Сибирского губернаторства.

[389] Далее (л. 265–270 Дневника) текст на польском языке. Это письмо О. М. Ковалевского к старшему брату Юлиану, которое является частью дневника. Ниже перевод содержания письма.

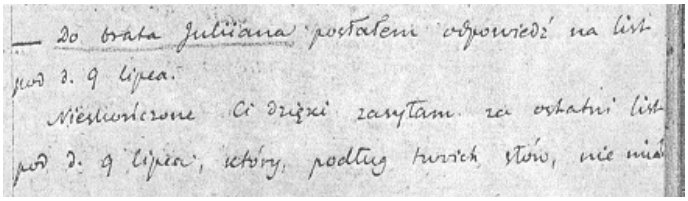
«Брату Юлиану послал ответ на письмо от 9 июня. Бесконечно тебе благодарен за последнее письмо, которое, согласно твоим словам, не должно принести мне ничего утешительного, обрадовало меня вестью о твоей жизни. Пространство земли лежит между нами огромное, однако для чувствительной души брата сводится оно легко к нулю. Ты еще не схватил в руки перо в столице северной, а я уже на пределах северо-восточной Азии в сердце почувствовал негу райскую. Мысль на крыльях молнии быстро летит к своей цели и в возвращении не знает никаких помех.

Правда, живу в степи, однако в основном не скучаю и мог бы назвать себя счастливым, если бы получил от тебя весточку, что свободен от забот и приключений, если бы ты среди шума городского воскликнул по-монгольски „амар мэндэ“, то есть что ты здоров и спокоен. Согласно нашему степному обычаю, одно без другого существовать не может. Приветствие и прощание наши состоят из „амар мендэ“, что является „альфой“ и „омегой“ в жизни кочевой.

Кто только заглянул в кочевья азиатских народов, тот заболевал их судьбой, сжаливался и восклицал: почему они не бросают своего положения? Наша жизнь полна удобств, которым можно позавидовать, это правда, в большинстве своем правда. Од-

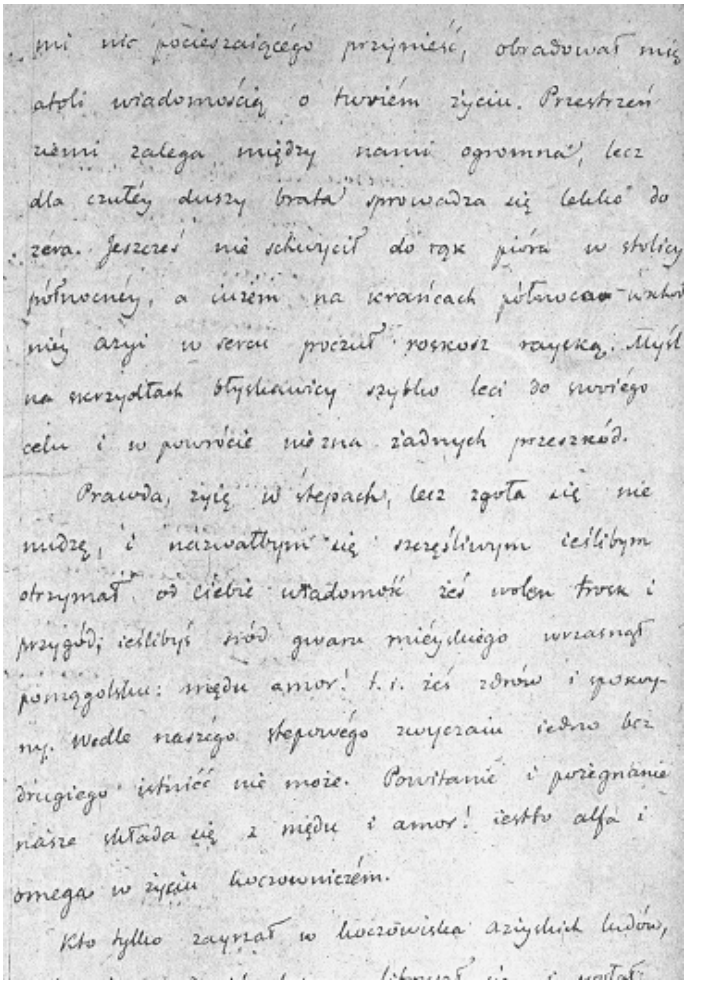
нако спросим себя открыто: разве и мы сами не кочуем в этой печали? Разве нашим желаниям, постоянно нами мятущимся, известен якорь? Отнюдь, из деревни несемся в город, из города убегаем в деревню, а из деревни куда? В город! В беде ищем счастья, а в счастье жаждем еще чего-то лучшего. Из пропасти врываемся на поднебесную недоступную скалу затем, чтобы после того в один миг узреть себя на дне глубин. Мы кочуем, мой дорогой пан Юлиан, кочуем беспрестанно. Благословен тот, кого позвали кочевать возле этой небесной дочери. Так и я кочую, но кочую среди бурят на берегах Селенги, в общем, не завидуя столичным жителям. Если желаешь со мной на пару часов высунуться из юрты и оглянуть взглядом соседей, соизволь сесть на рысака. Погляди, что за огромная тянется долина, со всех сторон хребтами высоких гор окруженная. На востоке быстрая Селенга, неся прозрачный свой бег, оживляет всю равнину. Хребты гор покрыты лесом. Веселые стада, богатство степей, играют перед взглядом полунагих пастухов. Знойное лето выжгло травы, однако не оголило равнину. Зеленые покровы освежают глаз и душу путешественника. Над обнаженными склонами гор господствует тень, спадающая с лесистых вершин. Огненные лучи солнца ищут прохлады в кристаллах ежевики. С природой в полной гармонии здешний житель. Бури зимы загоняют его в убежища гор, искушения лета манят на равнину. Тысячи семей сегодня кочуют по долине. Деревянные домики, вроде русских построенные, несут на себе признаки временного жилья. Стены и потолки только в них находишь: на потолке отверстия, через которые солнце заглядывает внутрь и дым вылетает из дому. Вместо покрытия и дорогого пола узреешь там голую землю, проглядывающую из-под войлока. Нет стульев, ни софы удобной, усаживаемся на собственных пятках. Однако зачем долго рассуждать, если можешь одним взглядом все видеть и быть может лучше, чем я, закопченный дымом юрты. Зайдем к первому соседу, я буду переводчиком.

Монгольские черные британы [бурят-монгольская собака-волкодав; местное название среди бурят „хотошо“, что означает „домашний, или дворовый, волк“, в Монголии — „банхар“, что означает „большой, лохматый“. — *Авт.*] бросятся на нас непременно. Это верные сторожа дома и стад. Беда ворам и волкам, а нас любопытных путешественников защитят люди. Смотри, как нагие дети катятся уже по земле, чтобы удержать британов, а хозяева выходят навстречу. Помни что тут „амар мендэ“ лозунгом знакомства и дружбы. Учтивость степная от нас требует, чтобы мы со стороны южной к юрте приближались. Вот и столбик, у которого оставим коней, дети нас выручают от последующей грязи: берут коней и плети. Знай же и о том, что тот, кто извне юрты приезжает и со стеком или плеткой входит в дом, признается диким, варваром с нечистой совестью, выходящим за нормы гостеприимства. Теперь приветствуем хозяев: „Амар мендэ“, и все нам отвечают „амар мендэ“. Просят войти в юрту, выпить чаю. Войдем налево, далее к алтарю. Слушай, о чем тебя спрашивают, и прими во внимание, как хозяева с уважением к нам присели, высунув левую ногу вперед, — стада твои здоровы ли? Что слышно нового? Это приветствие, постоянно звучащее между бурятами, однако, всегда повторяемое с чувством и вниманием. Отвечаем на него с равным чувством, а знакомым даем по рушнику с таинственной молитвой: „Оммани-бад-мэ-хум“. Тогда слов немного услышишь, однако в душе скрывается пожелание, чтобы все просьбы дошли счастливо до уха. Хозяева уже начинают готовить кирпичный чай. Не надо бояться этого напитка, это хлеб наш повседневный в степи, без которого жить не подобает. Китаец за наших соболей, бобров, лис, овчину и зерно привозит нам листья растения чайного, сегодня так любимого в мире. Бурят потчует и нас чаем, а я порадую его нагих детей сахаром. Отец воззвал: поклонитесь подарку господина! И дети подняли свои пальчики ко лбу, в знак немой благодарности. Оставим их в покое. Будьте здоровы и спокойны. Стада ваши пусть размножаются как песок, а счастье пусть взовьется выше гор (amen!) все восклицают, поднося ладони к небу. Двигаемся дальше…»



— Do brata Juliiana posłałem odpowiedź na list pod d. 9 lipca.

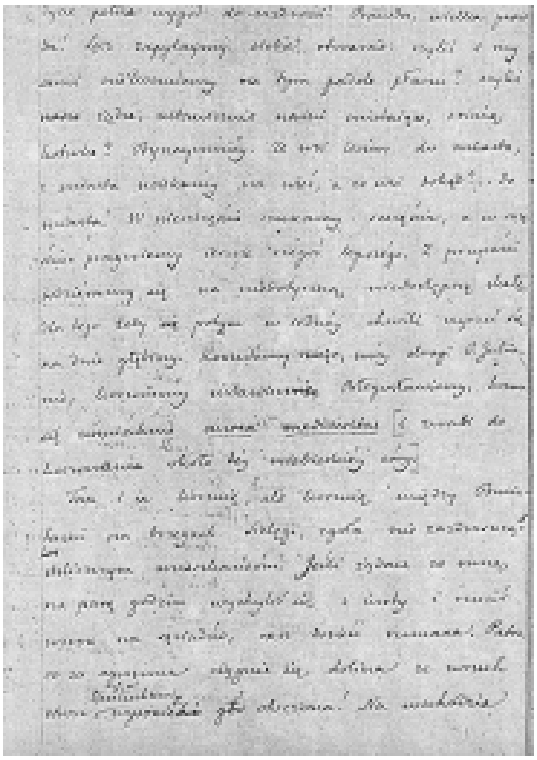
Nieskończone Ci dzięki zasyłam za ostatni list pod d. 9 lipca, który, podług twoich słów, nie miał

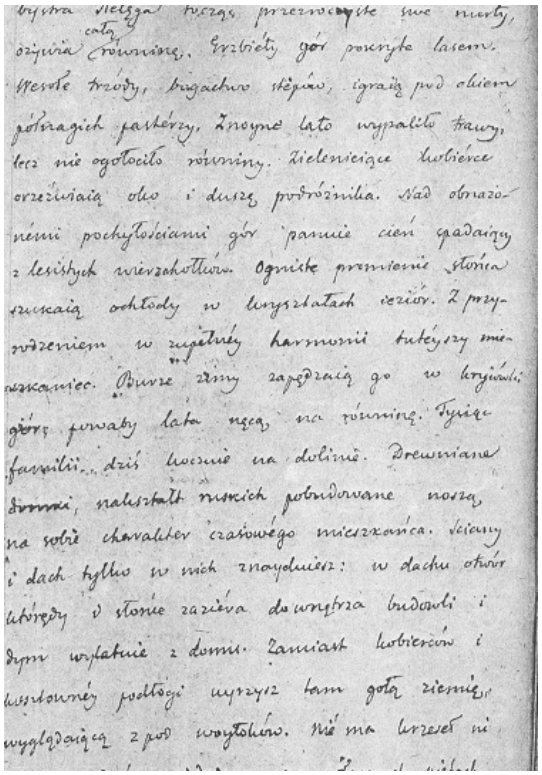


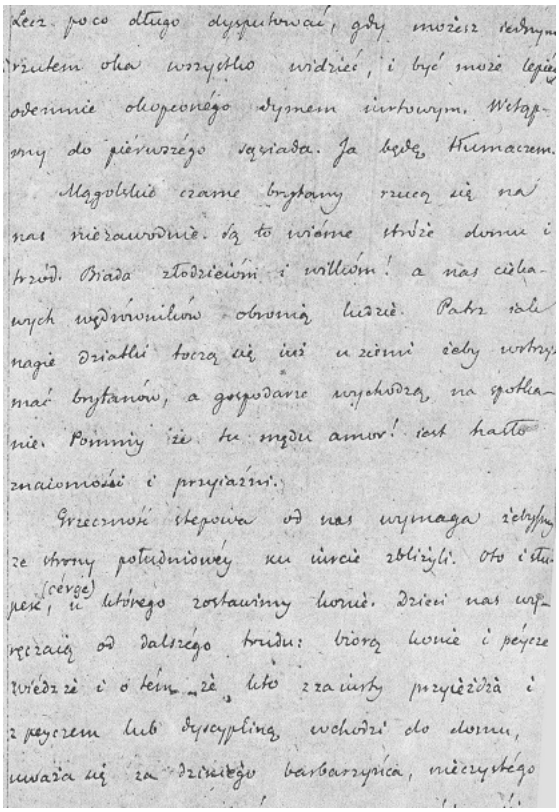
mi nic pocieszaiącego przynieść, obradował mię atoli wiadomością o twoiém życiu. Przestrzeń ziemi zalega między nami ogromna, lecz dla czułéy duszy brata sprowadza się lekko do zera. Jeszcześ nie schwycił do rąk pióra w stolicy północnéy, a iużem na krańcach północno-wschodniéy azyi w sercu poczuł roskosz rayską. Myśl na skrzydłach błyskawicy szybko leci do swoiego celu i w powrócie nie zna żadnych przeszkód.

Prawda, żyię w stepach, lecz zgoła się nie nudzę, i nazwałbym się szczęśliwym ieślibym otrzymał od ciebie wiadomość żeś wolen trosk i przygód; ieślibyś śród gwaru mieyskiego wrzasnął pomągolsku: mędu amor! t. i. żeś zdrów i spokoyny. Wedle naszego stepowego zwyczaiu iedno bez drugiego istnieć nie może. Powitanie i pożegnanie nasze składa się z mędu i amor! iestto alfa i omega w życiu koczowniczém.

Kto tylko zayrzał w koczowiska aziyskich ludów,



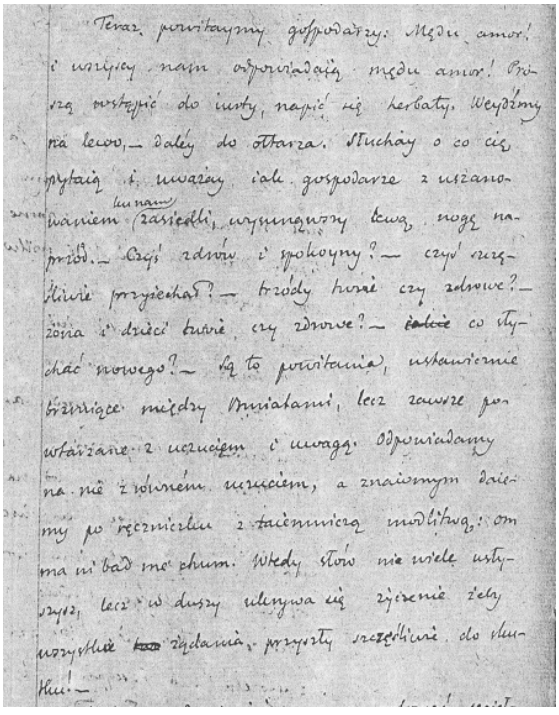




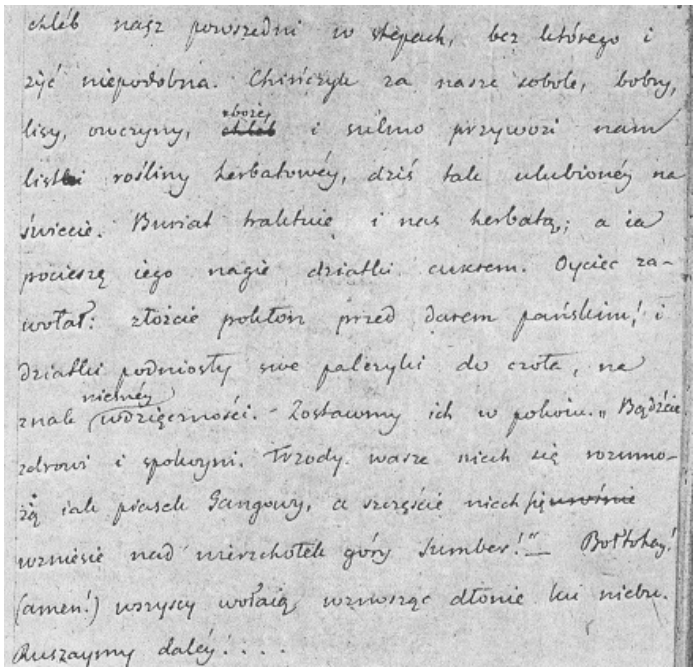
Lecz poco długo dysputować, gdy możesz iednym
rzutem oka wszystko widzieć, i być może lepiéy
odemnie okopconégo dymem iurtowym. Wstąp-
my do piérwszégo sąsiada. Ja będę tłumaczem.

Mągolskie czarne brytany rzucą się na
nas niezawodnie. Są to wiérne stróże domu i
trzód. Biada złodzieiom i wilkom! a nas cieka-
wych wędrowników obronią ludzie. Patrz iak
nagie dziatki toczą się iuż u ziemi żeby wstrzy-
mać brytanów, a gospodarze wychodzą na spotka-
nie. Pomniy że tu mędu amor! iest hasło
znaiomości i przyiaźni.

Grzeczność stepowa od nas wymaga żebyśmy
ze strony południowéy ku iurcie zbliżyli. Oto i słu-
pek, (cérge) u którego zostawimy konie. Dzieci nas wy-
ręczaią od dalszégo trudu: biorą konie i péycze
wiédz że i o tém, że kto z za iurty przyieżdża i
z peyczem lub dyscypliną wchodzi do domu,
uważa się za dzikiego barbarzyńca, nieczystégo



Teraz powitaymy gospodarzy: Mędu amor!
i wszyscy nam odpowiadaią mędu amor! Pro-
szą wstąpić do iurty, napić się herbaty. Weydźmy
na lewo, — daléy do ołtarza. Słuchay o co cię
pytaią i uważay iak gospodarze z uszano-
waniem ku nam zasiedli, wysunąwszy lewą nogę na-
przód. — Czyś zdrów i spokoyny? — czyś szczę-
śliwie przyiechał? — trzódy twoie czy zdrowe? —
żona i dzieci twoie czy zdrowe? — ~~iakie~~ co sły-
chać nowego? — Są to powitania, ustawicznie
brzmiące między Bmiatami, lecz zawsze po-
wtarzane z uczuciem i uwagą. Odpowiadamy
na nie z równém uczuciem, a znaiomym daie-
my po ręczniczku z taiemniczą modlitwą: om
ma ni bad me chum. Wtedy słów nie wiele usły-
szysz, lecz w duszy ukrywa się życzenie żeby
wszystkie ~~[illegible]~~ żądania przyszły szczęśliwie do sku-
tku! —



22-го (понед[ельник]). По приглашению главного тайши и нескольких лам сегодня ездил я в окрестные кочевья повидаться со знакомыми у хребта Харюха. Во-первых, посетил я дзакирокчия Джанджа, известного здесь строгостью своей жизни и отшельническими правилами. В жилище его не было. Потому, отправив одного шуленгу за Джанджою, пешком я направился к речке Хара усу, где построен небольшой храм с принадлежностями. Расстилается здесь между горами необширная долина, на которой многие бурятские семейства поселились с главным тайшею. Кроме наливных озер, речка Хара усу протекает к Темнику. Дзакирокчи лама, запрудив озеро, устроил, наподобие водяной мельницы, большую курду, оборачиваемую силою воды. Весь механизм оной сокрыт в деревянном двухэтажном здании, коего верхняя половина, кроме жертвенника скромного, осененного хадаками, заключает в себе курду, наполненную таинственною молитвою Ом мани в свертках бумаги, и книгами тибетскими и монгольскими. Внизу три гэлунских колокольчика звенят попеременно.

Приехал хозяин сего места и открыл другое двухэтажное здание, в котором он предается божественному созерцанию. Велел я подать чашку ключевой воды, оборачивающей курду, и произнес: «Мысли божественного созерцания да будут так чисты, как вода из ключа Хара усу!» Сие восклицание весьма понравилось ламе, и он тотчас, возведя длани свои, начал читать молитву о благоденствии всех одушевленных творений. Потом пригласил меня осмотреть отшельническое свое жилище. Внизу построена русская хлебная печь и кровать из простых досок, покрытая войлоком. По лестнице вход во второй этаж, молельню от-

шельника, в коей над жертвенником навес с привешенными хадаками, несколько живописных изображений бурханов, священные сосуды, на полках размещены духовные книги. «Здесь, — говорил лама, — прожил я однажды безвыходно три месяца до совершенного изнеможения тела!» «Где же твои образы? — спросил я, —писанные твоею искусной кистью?» «Нет их у меня; они в больших храмах, а я молюсь перед чужими. Пред своим изделием, — прибавил он, — не может быть сильное благоговение. Потому я со своими образами охотно расставался». Потом начал я спрашивать о надписях, размещенных на стенах жилища. «Это произведение моего уединенного житья. В нем изложил я приключения своей жизни и причины, побудившие удалиться на сей островок, дабы постом и молитвою загладить грехи своих предков и свои». Дал он мне некоторые из них посмотреть и по моей просьбе дозволил списать в память бытности моей. Рукописи сие показывают начитанность сочинителя, простое рассуждение, но из глубины сердца проистекающее. — Наконец, показывал мне собрание своих книг, по большей части им самим переписанных.

Островок сей обведен забором из тальника. Место уединенное и располагающее к задумчивости при шуме речки, оборачивающей курду, при медленном, с расстановкой, звуке ламских колокольчиков, в виду самой природы, горных хребтов, островов темниковых и в виду кочевых жителей! В уединении дзакирокчи искал уединения для собственного созерцания.

Оттуда отправился я в собственное кочевье дзакирокчи, где ожидал меня главный тайша и шанзаба лама с приглашением к себе. Сперва мы побывали у хозяина [нрзб] места. Беседа была продолжительна о Монголии. Угощение состояло в кирпичном чае, сушеных сливках, а потом хозяин, благодаря за посещение, поднес мне хадак, чашку молочного вина и, наконец, книгу рукописную Алтан гэрэл, которую, с его согласия, от его имени, представлю в дар университету.

Потом посетил дом шандзабы, который при прощании подарил мне Дорджи Деротба на тиб[етском] и монг[ольском] языках.

Потом в сопровождении лам и многих светских бурят отправился я к главному тайше, где был встречен всем его семейством со всеми знаками дружбы. Здесь я ужинал. При прощании поднесли мне хадак. Умчат — духовник тайши подарил 8 тиб[етских] книг, недавно здесь напечатанных, а Ринчин [—] младший брат главного тайши [—] тибетскую рукопись…

Все сии книги принял я с условием представить в дар университету от имени здешних бурят, что им очень понравилось. Вечером поздно уже возвратился я в квартиру.

Ночью поднялась сильнейшая буря, и холод постепенно увеличивался. 23-го августа окрестные горы были покрыты снегом.

25-го перекочевал я в урочище Талайн тологой близ новой Степной Думы.

27-го. Книга Улигэрун далай, известная всем, даже малограмотным последователям Будды, заключает в себе весьма любопытные известия о перерождениях и учении Будды. Слог ясный и привлекательный заманивает читателей. Потому книга сия находится в руках многих буддистов, духовных и светских, если не вполне, то, по крайней мере, по нескольку глав. Она входит в состав Ганджура и считается наравне с прочими произведениями самого Будды, т. е. собранием слов его, повествований о прежних деяниях, сделанным учениками и слушателями. Посему каждая глава начинается со слов: некогда я слышал следующее: Эйн кэмэн мину соносоксан ничэн цак тур.

— В 1-й пов[ести] Шигемуни, намереваясь переселиться в нирване, для укоренения веры своей побудил тэгриев ниспуститься на вселенную, дабы воспользоваться учением его.

(*Вставка:* Сия же повесть находится в Улигэрун [нрзб], но 2-я в порядке.)

«Одушевленные твари, — говорил он, — ослеплены грехами, прилеплены к мирским удовольствиям, покрыты темью невежества. С ними, сколько бы я ни жил, не доставлю никакой пользы. Потому желаю перейти в нирвану. Тэгрии, представляя ему, что пришло время обращения их в веру, умоляют его остаться во вселенной. Он прежде воплотился в царя Кана шина бали, имеющего многих вассалов, 84 т[ысячи] городов, много жен, дворцов, чиновников и подданных. Царь сей пожелал принять веру. Является брамин Лю Дуджа, представляет трудности, с коими прежде бороться надобно; советует в тело водрузить тысячу свечей и зажечь. Царь с радостью принимает предложение и обнародует свое намерение. Народ прибегает к царю с усердною просьбой, дабы для пользы местной своих подданных переменить свою мысль. Ни просьбы народа, ни просьбы вельмож и детей не могли поколебать твердой решительности царя, который, для собственного спасения своего народа, предпринял исполнить обещание, данное брамину.

Но подумав несколько, обратился к учителю и просил прежде просветить ум его верою, а потом подвергнуть тело страшному испытанию, ибо, говорил он, в случае смерти не буду знать веры. На сие отвечает брамин: все приобретенное имущество со временем истощится, всякая высота низринется, все любимое отделится, все родившееся умрет. После таких слов царь с радостью произносит клятву: для блаженства божественного все перенесу, дабы после просвещать одушевленные творения. Лишь кончил царь клятву свою — потряслось небо и земля и даже святые обиталища тэгриев. Тэгрии, спустившись во вселенную и узрев разрушенную всю плоть царя, пролили слезы. Наконец прибывает Хормоста, спрашивает у царя, не раскаивается ли он в своем поступке при толиких мучениях. Нимало, сказал царь, и мгновенно тело его исцелилось. Сей царь был то сам Будда в тогдашнее время».

Первая повесть в Улигэрун ном: «В древнее незапамятное время на сем Джамбутибе жил Балинг Карминг царь, исполненной любовью к своим подданным, коих миловал, как будто единого сына. Тогда-то,

возжелав он принять веру (Будды), объявил, что готов доставить требуемую награду тому, кто его просветит. У дворцовых ворот явился брамин, под именем Лю Дуджа, который, зная правила веры, мог оные объяснить каждому желающему. Царь весьма обрадовался, пригласил его во внутренность дворца и, воздав подобающие почести, просил у сего великого учителя просветить его верою. Брамин отвечает: „Как я сам учился оной очень долго среди различных мучений, то не могу иначе согласиться на открытие оной слушателям, как разве ты решишься водрузить в тело свое тысячу железных гвоздей“. Царь готов был через семь дней исполнить сие предложение. Между тем сановники, представ пред царя, произнесли следующие слова: „Мы все под стеною твоего милосердия наслаждались спокойствием и благоденствием. Воззри на нас и оставь свое предприятие. Возможно ли жертвовать жизнью ради одного человека и забыть всех своих подданных?“ На сие царь возразил: „В прежние безначальные и бесчисленные времена жертвовал я также собою, и если собрать плоть и кости мои, то они превышают огромнейшую (Сумбэр) гору, а кровь и пролитые слезы не вмещаются в пределах четырех морей. Но такое пожертвование собою не всегда было для веры. А теперь, если я водружу тысячу железных гвоздей в плоть мою, это единственно для получения совершенства и святости Будды, и тогда мечом мудрости отсеку все грехи одушевленных творений“. Присутствующие не могли ни слова сказать, и царь обратился к брамину с просьбою: просвети меня прежде, а потом я водружу в тело мое железные гвозди, ибо если умру среди таких мучений, то не услышу учения твоего. Брамин отвечал: „Все сотворенное не есть вечное; всякий родившийся подвержен страданиям; все суета сует, и я не я и не мой“. После сих слов царь велел водрузить в себя железные гвозди. Все окружавшие под тяжестью печали низринулись на пол. Небо и земля потряслись. Многие отроки тэгриев, ниспускаясь [нисходя] во вселенную, произвели цветочный дождь. Наконец и сам Хормуста, увидев мучения царя, спросил у него, для какой цели подвергается он столь сильным страданиям? „Единственно для того, — отвечал царь, — чтобы удостоиться святости Будды“. „Не раскаиваешься ли в своих поступках?“ — „Вовсе не раскаиваюсь. Не верю, чтобы это были сильные страдания, потому нимало не жалею своего предприятия; и если слова мои справедливы, то плоть моя да будет в прежнем состоянии!“ Лишь произнес сие, вдруг тело его приняло прежний вид. Тэгрии и все присутствовавшие восблагоговели и возрадовались».

В Улиг[эрун] далай 2-я повесть. Царь водружает в тело свое тысячу железных гвоздей. Сия повесть очень сходна с предыдущею, переведенною мною из Улигэрун ном.

3-я повесть. Хормуста принимает вид брамина, чтобы царевичу Бокда, сыну Эсрун Тэгрия объяснить Св[ятое] учение: велит ему вскочить в огненный колодец. (Перевести по-русски)

(*Вставка:* Сия повесть соответствует 4-й повести в Улигерун ном. Царь назван Брагама дива, царевич — Нягма.)

4-я повесть. Отпала (Удпала) арши желает просветиться верою. Брамин предлагает снять с него кожу для бумаги, кости употребить на перья (усук), кровь вместо чернил и писать Св[ятое] учение. В Улиг[ерун] ном 3-я повесть соответствует (перев[од]).

5-я пов[есть] Шибань хан славится богатством, могуществом и милосердием. Между тем царь тэгриев Хормуста, приближаясь к кончине, печалится *, что он не внимал учению Будды сего мира и не был в мире босуков и по той причине не знает, к кому обратиться со своим упованием.

Ибшисова Гарма хан унизывает Хормусту, что ныне на Джамбу-тибэ поступает по правилам бодисуков (так в тексте). **Шибсан хан.** Для испытания царь превращается в горлицу, а Хормуста в ястреба и летят во дворец Ибшисова Карма хана. Горлица просит спасения жизни у ца-ря пред жестокостью ястреба.

(*Вставка:* *пред Ибшисова Гарма ханом.)

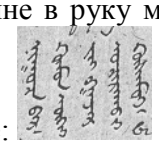
Царь для сохранения горлицы собственное тело резал в кусочки, дабы накормить жадного ястреба. (Повесть любопытная.)

6-я повесть. Будда находится в городе Ширавануп. Там у одной старухи были два сына-вора, которые были пойманы и отведены в суд. Мать умоляет Будду спасти жизнь преступников. Будда посылает Ананду к царю, просит прощения виновным и пр. Сия повесть [нрзб] помещена в конце Монгольской грамматики. Этой повестью оканчивается вторая глава сочинения.

В третьей главе повествуется о двоих браминах, из коих один желал во второй жизни воплотиться в царя, а другой в тэгрия. Первый из них сдержал свой обет и получил желаемое, а другой, не исполнив обязанности, был воплощен в дракона.

— 8-я повесть [—] один продает свое тело.

— 9-я — вопрошения морского тэгрия.

31-го. Посетил меня Дзакирокчи Лама Дулсам Дорджи и после обыкновенных приветствий всунул мне в руку маленькую карточку с надписью на старомонгольском языке:  [390], т. е. что он желает со мною говорить наедине. После чего, под видом прогулки, отправились мы в дом новый, Степной Думы, где он предложил мне записку вопросов о постройке монастырей и монастырской жизни по правилам греко-российской церкви и потом объяснил мне, что он давно желает завести что-либо подобное между бурятами, что для испытания себя подвергался различным трудам, постам, молитве, для истощения плоти своей ради спасения души своей и всех одушевленных тварей и т. п. и что по сим причинам навлек на себя негодование товарищей лам, которые, отказавшись от строгого исполнения правил своей веры, ищут жи-

[390] Текст карточки в переводе со старомонгольского: «Желаю тайно встретиться в безлюдном месте».

тейских выгод и почестей, присвоив себе различные почетные достоинства, обогащаются коштом непросвещенной веры, не радеют об образовании себя и народа и многие из них едва ли подписать свое имя могут. Крайний разврат и отступление от истинных правил религии побуждают его сделать опыт к улучшению собраний, посредством заведения монастыря и училища. Неоднократно прибегал он с письмами к Хамбу Ламе, представляя ему все дурные от сего последствия, но тщетно.

Сентябрь месяц

1-го. Написал я донесение г. Попечителю за № 199 о посещении дзакирокчия, приобретении некоторых книг и пр.

Вечером привез Няндак Вампилов книги, напечатанные при Аталанских капищах.

Дорджи Джомбо …….	77 л. по 8 с листа. 4 экз.	
----------	65 л. по 8 с листа. 4 экз.	
Тиб. Монг…….	70 л. / 2 экземпл[яра]. По 4 с листа.	
Тарба чинбо …….	250 л. / 2 экз. по 3 с листа.	
Рапсал……	326	----------
Докшит …….	200	----------
Дарбан ундусу……..	217	----------
6 пругэл…….	247	---------- по 8 с л.
10 Харанга……	162	----------
Дара Эко……..	112	---------- по 8 с л.
Цаган Шигурту……	50	----------

3-го. Упросил я Няндака Вампилова велеть переписать для университета Норву пренгы на 254 листах в подлиннике по 2 из одного, также напечатать Сартульский Рапсал на 326 л. По 3 из одного. 2 экз[емпляра] Банза Ракса в 2 экземплярах по 165 л. По 2 из одного. Да на Сам бум дано мною 6 частей бумаги.

5-го. Исполняя данное обещание дзакирокчию ламе, ездил я в Хараусунское урочище. Прибытие нескольких лам препятствовало хозяину приступить к беседе, для него любимой, о переобразовании [возможно: о преобразовании?] бурятского духовенства. Между тем занялся я чтением некоторых своих записей с труднейшими выражениями, которые ламою были удовлетворительно разрешены. После отъезда гостей дзакирокчи передал мне свою рукопись о переобразовании духовенства.

7-го. Поутру ездил я на Тамчи тала к Цорджию дзасаку Биликту ламе благодарить его за усердие, с коим он, по принятии Хамбу Ламы, содействует моим занятиям и вместе с тем просит его поспешить [с] переводом списка книг ганджуровых. Одна тетрадь из 4 листов им окончена и мною получена. По просьбе Цорджия, из библиотеки по-

койного сартульского [391] атамана прислан ко мне список книгам, заключающимся в Данджуре, для переписки на тиб[етском] языке. Для университета. Сверх сего, узнал я, что табангутский ширету лама имеет такой же список, но с названиями книг на санскр[итском] и тиб[етском] языках, с названиями сочинителей, переводчиков и означением томов и листов, где книги легко отыскать. Потому Цорджи дзасак советовал мне самому побывать у табангутов для скорейшего получения сего списка. Между разговором Цорджи хотел мне [меня] убедить в пользе, которую могут иметь буряты, если им правительство дозволит нескольких человек отправить в Ургу для узнания порядка молебствия и степени просвещения заграничных лам. Намекал он, как полезно будет нескольких бурят образовать в России, напр[имер] в Казани, и пр.

При выезде подарил мне хадак и Банза Ракса на тиб[етском] языке, которую я отдам унив[ерситету]. За 4 в[ерсты] до кочевья сего ученого ламы встретили меня сотники бурятских казаков с атаманами: они же меня проводили к Медэчию ламе, где имеет быть девичник. Главный тайша был моим спутником.

Собрание было многочисленным (более 250 человек обоего пола из близких кочевий). Невеста возвратилась от главного тайши и в дальней юрте среди своих подруг, имея на себе цуба (у монголов курмэ), род жилета с рукавами, чем она отличалась от прочих, и в безмолвии ожидала начала гульбища (надум хорим). Я с почетнейшим духовенством и чиновниками приглашен был в юрту Медэчия, который выдает замуж свою племянницу (? дочь). Начало смеркаться, когда прибыл жених с родственниками и знакомыми к ламе поднести хадак и другие подарки (в съестных припасах состоящие) и просить снабдить его юртою и выдать невесту. Началось угощение чаем, молочным вином и бараниною. В 8-м часу вечера около разожжены были костры дров. При одном из них готовили кушанье для всего собрания. Вокруг другого мужчины и женщины порознь, взявшись за руки, составляли цепь певчих; переваливаясь с ноги на ногу, пели заунывные песни, более похожие [на] погребальные, чем на свадебные, что продолжалось до 11 часов ночи, между тем как раскинута была новая юрта, в коей помещалось в ящиках приданое. Около полуночи уже началась процессия певчих вокруг новой юрты среди песен. Невеста и жених ея участвовали в общем веселии. В одной из юрт ховараки из муки и масла делали изображения различных богов, которые после положенной молитвы должны быть брошены в огонь. Ночью девицы и мужчины расстались с невестою, положили одного холостого мужчину и пр.

---

[391] С а р т у л ы (сортолы) — одна из монгольских этническмх групп, населявшая Западную Монголию и Бурятию, главным образом Джидинский район. Речь идет об атамане сартульского казачьего полка. Полки имели шестисотенный состав и получили свое название от образованных в 1764 г. родов, выставивших наибольшее количество желающих: сартулов (сортолов) (395 человек), атаганов (650 человек), цонголов (582 человека), ашебогатов (352 человека). См.: *Высотина Е. А.* Казачество Бурятии в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 2007. С. 72.

Поутру началось собрание в 6 часов. Приданое с юртою сложено на телеге, невеста силою вытащена из отцовой юрты и посажена на лошадь. Все двинулось в жилище жениха. Прочее происходило, как многое прежде было описано.

Поставлена юрта, введена невеста и посажена на кровати за занавесью. Ламы начали читать молитвы. Потом расплели косы невесте, послали от нее подарки, с просьбою дозволить гребня. До сего подают освященный [нрзб] невесте и жениху умыться. Невесте убирают волосы по обыкновению замужних, а когда жених умывается, то родственницы спрашивают у него: «Морини бариджу эмэллэджу уккубчи? — укну. — Удэни хахабчи? — хаху. — Унэсуни гаргахубчи? — гаргаху. — Урухуни татахубчи? Татаху. — Унэгэни ибилгэджи уккубчи? Укку. Тулэгэни хагальбджи уктубчи? — укку». Пр[очее].

Одев новобрачную в новое женское платье, ведут в юрту на поклонение огню, тестю, теще и пр. Читается пругэл. Присутствующие часто восклицают: болтогай. Далее следует раздача эмускэлов: огню лоскутки, к подпоркам юрты также лоскутья привязывают; родственникам подарки: платья, [нрзб], ковры, платки…

10-го Няндак Вампилов привез мне копию ключа ко всем св[ятым] книгам буддийским на монг[ольском] языке.

По случаю молебствия писец Даши отправился в свое кочевье и, получив 20 листов хорошей бумаги, обещал переписать для меня Санварун ном по-тибетски и по монгольски.

Вечером посетил я Няндака и принял от него в дар принесенную университету Алтан Гэрэл и Гэсэр-хана историю.

Сегодня окончил я третью букву «И» приводить в порядок.

13-го. Из табангутских капищ прибыл ко мне дзасак лама, который был употреблен бароном Шиллингом при составлении каталога Данджура, и, получив от меня 2½ [нрзб] бумаги, обещал на тибетском языке переписать для университета оный каталог сокращенно.

14-го. Цорджи дзасак Биликту взял у меня для переписки: Винай отделение из Хайби джу най, 2) Джурухай ном, в 3 книжках, 3) Чандана Джу: обещал на сих днях доставить Вторую тетрадь, переведенную из каталога Ганджура, и приглашал через 12 дней к Хамбу Ламе. У него находится Чихула кэрэглэкчи на тибетском языке, которую непременно списать надобно.

Сего числа отправил я в Совет донесение о пожертвованных бурятами книгах для университета [392].

---

[392] Имеется в виду благодарность бурятским родам за принесение в дар библиотеке Университета книг на восточных языках.

Проект похвального листа, составленный О. М. Ковалевским для лиц, которые дарили книги библиотеке Казанского университета.

_____ (Здесь вписывается звание и имя жертвователя).

По донесению кандидата Ковалевского о похвальном Вашем усердии к учебным заведениям и принесении Вами в дар библиотеке университета _____ (*здесь вписываются названия книг*) Императорский Казанский университет, основы-

17-го. Отправил я 5½ [нрзб] бумаги для напечатания Алтан гэрэл на тибетском языке при Гусиноозерских капищах.

19-го. Цонгольский [393] дзасак лама, будучи у меня, сообщил, между прочим, что на берегах Хилка в прошедшем августе месяце ламы открыли еще три юрты, преданные шаманству, которые прежде числились будаистами. После строгого исследования ламы собрали одежду и другие принадлежности шаманов и сожгли. Это пример, как хоринские шаманы противодействуют еще ламаизму между бурятами, и вместе с тем осторожности лам, которые не упускают ни малейшего случая для распространения своего учения. В Монголии, по-видимому, подобное преследование утихло, хотя по Селенге еще до сего времени встречаются шаманы, приверженцы древнего идолопоклонства. Об истреблении шаманства между бурятами дзасак лама обещал мне сообщить небольшие сведения и, по моему желанию, отнестись к цонгольскому ширету ламе о составлении краткой биографии первого Хамбы [394], который путешествовал в Тибет и сделал немалую прислугу буддаизму среди бурят. Память его мало-помалу исчезает по небрежности бурят.

Получив известия, что г. Ладыженский [395] будет проезжать Боргио степь [396], я, желая еще с ним увидеться и вместе с тем в Атаганских кочевьях приискать книг для переписки, около полуночи отправился в дом 2-го тайши. 22-го все утро провел с гостеприимным хозяином в приятной беседе, а около полудня дождались мы прибытия г. Ладыженского. Сей путешественник проехал по китайской границе до самого Албазина [397], которого остатки находятся в 240 в[ерстах] от нашей

ваясь на предложении Его Превосходительства Господина Попечителя Казанского учебного округа, по разрешению Господина Министра Народного Просвещения, изъявляет Вам торжественно сим актом свою признательность, в полной уверенности, что сие послужит Вам поощрением к углублению стараний и неослабленному содействию в пользу образованности Ваших единоверцев для достижения общего блага.

(Подпись ректора университета)

(Место печати университета)

(ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 610).

[393] Ц о н г о л ы — бурятские роды, кочующие на границе с Монголией, близ Кяхты. По утверждению О. М. Ковалевского и английских миссионеров, говорили на чистейшем монгольском языке (Б. Я. Владимирцов относил цонгольский диалект к южно-бурят-забайкальскому наречию).

[394] П е р в ы й б у р я т с к и й Х а м б о Л а м а — первый Пандито Хамбо-лама — Заяев Дамба Даржа (1711–1776). Обучался в Тибете, в 1741 г. вернулся в Бурятию, в 1757 г. стал настоятелем Цонгольского дацана, в 1764 г. указом Пограничной канцелярии утвержден в должности Пандито Хамбо-ламы забайкальских буддистов (1764–1776).

[395] М и х а и л В а с и л ь е в и ч Л а д ы ж е н с к и й — пристав XI Российской духовной миссии в Пекине, полковник Генерального штаба, впоследствии генерал-губернатор Западной Сибири (Тобольск).

[396] Б о р г и о с т е п ь — Боргойская степь, находится на юге Бурятии, в современном Джидинском районе.

[397] А л б а з и н — русская крепость на левом берегу Амура в 1651–1689 гг. Основана Е. П. Хабаровым. С 1684 г. — центр воеводства. По Нерчинскому договору упразднена.

границы, на берегу Амура. Воспоминание бытия сей крепости возбудило общее любопытство. Следы древнего вала, огородов, домов, даже укреплений китайских; колодец до сих пор в прежнем состоянии… даже пашни, и даже в земле зерна хлеба, до сих пор сохраняющиеся, могут казаться чудом.

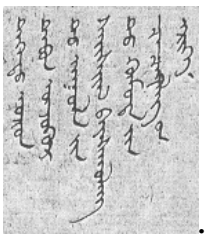
Бурятское училище в Кяхте [398] удостоилось Высочайшего утверждения.

23-го пятница. Вечером возвратился на Талайн тологой к своим занятиям. По последним известиям из Пекина, существует там голод неимоверный, так что родители продают своих детей на вес ванам и причем вельможам выдаваемый провиант удержан, вместо оного отпускается серебро, а пшено за умеренную цену продается народу; запасные магазины оказались почти пустыми, несмотря на количество, показываемое в законах и рапортах; канал пересох, явилась болезнь, едва ли не холера: в пяти губерниях возник бунт, и император с распущенными волосами пешком ходил в храм принести жертву.

На католического епископа [399] возникло гонение, и полиция хотела отнять у него все имения, а его выслать, но известный Хуй Бейлэ посредством своих чиновников удержал полицию от исполнения своего намерения, сказав, что все вещи епископа принадлежат ему.

24-го. Получил от г. Ирк[утского] губернатора вызов в Кяхту для составления положения Воинской школы бурятской.

25-го вечером ездил я к Хамбу Ламе в Кулуннорские капища, где имеет быть процессия в честь Майдария. Но необыкновенная вьюга со снегом воспрепятствовала сей церемонии религиозной, и все собрание лам возвратилось в свои кочевья. Ночь провел я в беседе с Хамбою и несколькими ламами, Цорджи Чойван Дорджи Джамцуев принес в дар две флейты, [нрзб] изображение Шигемуния, тиб[етскую] книгу под заглавием Манлай дочук дон сурду голва итишн ванджал шиджава сун и монг[ольскую]:



[398] Бурятское училище в Кяхте — Русско-монгольская войсковая школа в Троицкосавске. Открыта в сентябре 1833 г. по проекту О. М. Ковалевского.

[399] Католический епископ в Пекине — Пирес, которого О. М. Ковалевский посетил в 1830 г. О своей встрече с ним и в целом о положении католических священников и католицизма в Китае монголовед написал в своем дневнике за 1830 г. См.: Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833 гг.) / подгот. к изд., предисл., коммент. и указ. О. Н. Полянской. Улан-Удэ, 2008. С. 187, 188.

28-го. Вложено в ящик для отправки в Казань:

1. Екэ бодимур, 2 тома.
2. Милараеба.
3. Сумбуж (от Тайши).
4. Санджа джи … (от Ринчина) рук[опись].
5. Манлай дочук… (от плем[ен] Хамбы) — 2 экз.
6. Дончиму рабду джомба шиджаявидо шуксу (Бандза Ракса по-тиб[етски] 43+52+37+20+12 — [=]164 (2). 2 экземпляра.
7. Рапсал (Сартульслкий) 217 (3). 2 экземпляра.
8. Накдун (тиб[етско-]монг[ольская] рукопись).
9. Тарбо чинбо 68+68+62+6=204 (3). 2 экз[емпляра].
10. Рапсал Атаганский(ого) 350 (3). 2 экземпляра.
11. Докшит 2+41+32+5+24+31+13+19+15+9=191 (3). 2 экземпляра.
12. Дурбанъундусу 39+60+64+50=213 (3). 2 экз[емпляра].
13. Дончиму рабду джамба… (от Дзас[ака] Биликту).
14. Найман ном 19+9+6+20+5+38+12+14=123 (4). 4 экз[емпляра].
15. Алтан гэрэл (от дзакир[окчия]). Рукопись.
16. (Дара экэ). Тиб[етская]. 3 экз[емпляра]. Джибцун дулма чакцал нишу дзаджикъма шун. Около 50(8).
17. Арбан харанга. 3 экзем[пляра]. Около 70 (8).
18. Цаган шигурту. 2 экзем[пляра]. 50 (8).
19. Дорджи джомба. Тиб[етская]. 4 экз[емпляра]. (8).
20. Джиргуган иругэл. Тиб[етская]. 2 экз[емпляра]. (8).
21. Дара экэ с бурханом. 3 экз[емпляра]. 6.
22. Пакба ширабджи паралду чимба дорджи джотба (4 экз[емпляра]). (Тиб[етско-]монг[ольская]). 10 (4).
23. [нрзб] и другая подобная. [нрзб].
24. [нрзб].
25. [нрзб].
26. [нрзб].
27. Медное изображение Шигем[уния] (от имени Хамбы).
28. Дамара.
29. 2 тома Конфуция по-франц[узски].
30. Дорджи Джомба. Тиб[етско-]пек[инская].
31. Грамматика Шмита по монг[ольскому].
32. [нрзб].
33. Шидиту кур. Рук[опись].
34. Евангелия. Монг.
35. Дэгэду орон табун удзугурту… рук[опись] от имени Хамбы.
36. Хайби джу ней по-монг[ольски]. 3 главы рук[описи].
37. Гэсэр-хан (от Няндака).
38. Эрдэни цокцалаксан (от ширету Цонг[ольского]).
39. Дурбан унэн (от Вамбу Дуг[арова]). Рук[опись].
40. Арбан джиргуган. Мое.
41. [Вычеркнуто. На полях слева надпись:] «примерно книги сии стоят 860 руб[лей]».

42. Самадок. Тиб[етско-]монг[ольская] рукопись.
43. Номун тулькигур. Рукопись.
44. Гэгэн толи. Рукопись.
45. Чой джет. Рукопись.
46. [нрзб].
47. Еги данджа. Монг[ольско]-тиб[етская] рук[опись].
48. Накдун торбо. Тиб[етская] рук[опись].
49. Чихула кэрэглэкчи рук[опись] (от Няндака).
50. [нрзб].
51. Цан бум. 2 экз[емпляра] cf. № 4. 180 (3)
52. Члигэрун ном. Мой.
53. Найман мингату. Мой.

29-го сентября. Подгородного рода лама дзакирокчи Ноян Тоин Долсам Дорджи Гемпилов принес мне в дар университету Хутукту Бандза Ракса Судур.

Реестр тибетским книгам,
пожертвованным бурятами для библиотеки
Казанского университета

1. Бабай Хормашиева рода Ринчин Цэбен Лонбо Цыренов:
Сан-джя джи цан нгадун шибджа нгаджу дза сумба шуксу. 181 лист.
2. Кулуннорских капищ Шанзаба лама Ринчин Чойдор Дзамбалов:
Пакба шираб джи паралду чимба Дорджи джотба шиджяба шуксу. 69 листов.

Указатель собственных имен в дневниках

Амида будда — Амитабха, будда рая *24б*
Араши-дзанги — имя монгольского чиновника *166*
Арх. Петр, о. Петр, Павел Иванович Каменский — ученик VIII Духовной миссии, начальник XI Духовной миссии, член-корреспондент Российской академии наук *51а, 53а*
Ахай-гун — имя монгольского владетельного князя *191, 192, 194*
Аюшри — Аюши, будда долголетия *17а*
Баин Цаган — имя ламы *146*
Баньчен Римпучи — Панчен-римпоче, второй по значению после далай-ламы иерарх Тибета *66б*
Болничир — управляющий суннитами *155*
Бубэй — дзангин *220*
Бунге = Бунге Александр Андреевич — ботаник, участник XI Духовной миссии, профессор Казанского и Дерптского университетов *2б, 32а*
Бурнэ — потомок Чингис-хана *146*
Вань-ли — китайский император *64б*
Вознесенский Николай Иванович — участник X Духовной миссии *50б*
Войцеховский = Войцеховский Осип Павлович — врач, участник X Духовной миссии, зав. кафедрой китайской словесности Казанского университета *54б, 55а, 56а, 69б*
Вэнь-ди — японский правитель *63а*
Вэнь-сан — китайское имя российского пристава в Пекине *133*
Галдан — монгольский князь *201*

Гаошоу-цын — член Астрономической академии *68б*
Гасера = Гаоше Цянь = Гао = Гао Сера — католический священник *59а, 59б*
Губадай — председатель коллегии церемониалов *76а*
Гуландарь — письмоводитель *13б*
Гэсэр-хан — персонаж тибетского и монгольского эпосов *169*
Дюгальд = Дюгальд Жан-Баптист — французский историк-востоковед, монах Ордена иезуитов *66б*
Да-ван — китайский чиновник *160*
Дагба — хубилган *27б*
Дайцинская империя *14б*
Далай-лама — глава буддийской церкви в Тибете Средневековья *4а, 17а, 33а*
Даниил — иеромонах *137*
Данчжун гэндун — хубилган *22б*
Дарма Ванчин — монгольский чиновник *221*
Дзюн-ван — начальник Суннитского хошуна *155, 160*
Думан-ван — начальник Барун-суннитского хошуна *24б*
Иакинф — Иакинф Бичурин, Никита Яковлевич Бичурин, русский китаевед, глава Духовной миссии в Пекине *138*, *146*
Канси — китайский император *60а, 76а, 76б, 169, 201*
Кирилов = Кирилов Порфирий Евдокимович — лекарь XI Духовной миссии *4б*
Конфуций — древнекитайский мыслитель (около 551–479 до н. э.). Основатель конфуцианства *57б, 67а*
Крымский = Крымский Кондрат Григорьевич — студент, участник X Духовной миссии, преподаватель Кяхтинской школы переводчиков *54б*
Ланьхуай — японский император *63б*
Легашев = Легашов Антон Михайлович — художник, участник XI Духовной миссии *6а*
Леонтьевский Захар Федорович — участник X Духовной миссии, переводчик Азиатского департамента МИД *41б, 50б, 55а*
Лобсан — лама, хубилган *17б*
Лодзан — один из прямых потомков Чингис-хана *146*
Лодон Цэдэн — монах-отшельник *2б, 4б, 6б*
Лосорончжав — делопроизводитель *9а*
Лочжин хан — *35б*
Майдари — будда будущего *17а, 23б, 56а*
Манджушири, Маньчжушри — один из бодхисаттв, символ мудрости *143, 147*
Минчжур — пекинский хутухта 61а, 66а, 71б, 142, 149, 203
Михайирет — начальник хошуна *28а*
Наван-лама — монгольский лама *149*
Намджил Дорджи, Намчжилдорчж — монгольский князь *9а, 219*
Намнай Дорджи — монгольский князь *203*
Намсарай — монгольский тайджи 2-й степени, провожатый миссии *166*
Номун-хан — хутухта 55а, 66а, 70б, 71б
Норджим — мать ламы Баин Цагана *146*
Норба — писец *9а*
О. Аввакум = Честной Дмитрий Семенович — архимандрит, начальник XI Духовной миссии *4б*
О. Вениамин = Морачевич Вениамин — участник X Духовной миссии, архимандрит *50б*
Орлов Александр Иванович — лекарь *225*
Оточи — будда медицины *17а*
Пиус = Пирес = Писио юянь — католический епископ *59а, 59б*
Пифагор — греческий философ, математик *54а*
Подшивалов — сотник *142*
Рибейра — католический священник *59а*
Соном Чжап — смотритель ворот *9б*
Сосницкий = Сосницкий Алексей Иванович (Исаакович) — участник XI Духовной миссии *61б*
Сычевский = Сычевский Епифан Иванович — участник XI Духовной миссии, советник Троицко-Савского пограничного управления *69б, 70б*
Сянь-ди — китайский правитель (1723–1736), имевший девиз Юн-Чжэн *56а*
Тайбо — монгольский тайджи *193*
Тар-тусалакчи — монгольский чиновник *203, 215*
Ташиб — монгольский дзанчин *176*
Тимковский = Тимковский Е. — участник X Духовной миссии *47а*
Тушэту-хан — монгольский князь *196*
Убуши-кундуй — монгольский чиновник *219*
Фо — *53а*
Хамбу Дорджи — хутухта западных суннитов *155*

Хан-уе — племянник Минчжур-хутухты *69б, 70а, 70б*
Хао — имя амбан-гуня *203*
Хардал-бэйсэ — монгольский владетельный князь *190*
Хардал-дзасак — монгольский владетельный князь *190*
Хоншим бодисатва, Хоншим бодхисаттва, Арья Бало — Авалокитешвара, бодхисаттва милосердия *17а*
Хун-у — китайский император *63б*
Цаган Манцзушри — бодхисаттва, воплощение мудрости, покровитель знания *24б*
Цзин-чен — президент Астрономической коллегии *59б*
Цзун-ван — тайчжи *10б*
Цзян-цин — китайский император *67а*
Цин-ван — китайский великий князь *64б*
Цэдэн— дзанчин *222*
Цэрэн Дорджи — монгольский хошунный князь *216*
Цэцэн-хан — монгольский князь *196*
Цюань-чан — китайский князь *55а*
Цянь-лун — китайский император *62а*
Чагадай — сын Чингис-хана *184*
Чензы — китайский мудрец, последователь Конфуция *54а*
Чжангар — имя пленного воина *41б*
Чжанжа-хутухта — глава буддизма средневековой Монголии *17б*
Чжикчжид — тайчжи, имя князя *1б*
Чингис-хан — создатель первого монгольского государства в 1206 г. *27а*
Шараб — монгольский отшельник *174*
Шеньчжусян-ди — имя китайского императора *64б*
Шигемуни, Шигумуний, Шакьямуни — имя будды настоящего периода, мудреца из рода Шакьев *1б, 17а, 20б, 55б, 66б*
Шиллинг — барон Павел Львович фон Шиллинг (1785–1837) — исследователь Азии, изобретатель, коллекционер, востоковед *223*
Шицзу Хубилай, Хубилай — имя китайского императора династии Юань, внук Чингис-хана *63б*
Энкэчжиргал — чиновник чахарского ведомства *28а*
Эрэн Доржи — монгольский владетельный князь *218*
Юнло — китайский император *63б*
Юн-Чжэн — девиз годов правления императора Ши-цзуна (1723–1735)
Юньдунь Дорджи — ургинский правитель *180*

Глоссарий монгольских, китайских, японских слов и терминов

Абагай (*монг.* авгай) — пожилая женщина, хозяйка дома.
Айрак (*монг.* айраг) — кумыс.
Алтагана (*монг.* алтаргана) — золотарник (растение).
Амбань (*монг.* амбан) — представитель маньчжурского правительства в Монголии, вельможа, сановник, губернатор, министр, генерал.
Аргал (*монг.* аргал) — кизяк, сухой помет.
Аршан (*монг.* аршаан) — целебный минеральный источник.
Бай чжу (*японск.*) — жемчуг.
Байра (*монг.* байран) — неотлучный, постоянный, оседлый.
Байрун хурал (*монг.* баяр) — веселье, праздник; (*монг* хурал) — собрание, праздник.
Бакша, бакши (*монг.* багш) — учитель.
Барун (*монг.* баруун) — правый, западный.
Бейле, бэйлэ (*монг.* бээл) — вторая степень княжеского достоинства.
Бейсе, бэйсэ (*монг.*, бээс) — третья степень княжеского достоинства.
Битхэши (*монг.* бичээч) — писарь, секретарь.
Бодхисаттва (*санскр.*) — божество, достигшее высшей степени нравственного совершенства.
Богдо-хан — духовный сан главы буддийской церкви; так назывались китайские императоры; (*монг.* богд) — святой, святейший.
Богдо-геген, богдо гэгэн — титул ургинского хутухты (*монг.* гэгээн — светлый).
Бошко (*монг.* бошго) — низший чиновник, в войсках соответствует урядннку, унтер-офицеру.
Будургуна (*монг.* бударгана) — трава поташник, растущая в пустыне.
Булаг (*монг*. булаг) — родник, ключ.

Бурхан (*монг.* бурхан) — бог, божество, будда, изображение божества.

Бэйлэ, см.: бейле.

Бэйсэ, см.: бейсе.

Ван — китайский владетельный князь, первая степень княжеского достоинства, после которой следует торийн жун ван — т. е. князь второй степени.

Гавджу (*монг.* гавж) — третья ученая степень монаха по окончании полного девятилетнего курса обучения богословию в буддийском монастыре.

Гаолян (*кит.*) — название зерновой культуры.

Гацзар (*монг.* газар) — земля; расстояние, равное 30–40 км.

Геген, гэгэн, гыген (*монг.* гэгээн, букв.: ‘светлый’) — святой, святейший, один из высших титулов буддийского духовенства.

Гелун (*монг.* гэлэнг) — духовное звание, близкое к послушнику в монастыре; монах, принявший на себя все 253 монашеских обета.

Горхи (*монг.* горхи) — ручей, маленькая речка.

Гун (*монг.* гүн) — здесь: граф, 4-я степень княжеского достоинства.

Гусай-амбань (*кит.*) — глава администрации провинции, области, губернатор.

Гучжир (*монг.* хужир) — солончак.

Гыбшик, гэбшик (*монг.* гэвшиг) — настоятель буддийского монастыря.

Гэцул (*монг.*) — вторая монашеская степень в буддизме.

Да (*кит.*) — генерал.

Даба (*монг.* даавуу) — хлопчатобумажная ткань.

Далай-лама — верховный глава тибетской буддийской церкви, (*монг.* далай) — океан, всемирный, вселенский; (*монг.* лам), лама — перерождение Авалокитешвары.

Дамара (*монг.* дамар) — бубен, барабанчик, используемый в буддийских церемониалах, культовый предмет.

Дао (*кит.*) — губерния.

Даос — приверженец даосизма, учения Лао Цзы, философа VI в. до н. э.

Дарамба, дорамба (*монг.* дарамба) — высшая ученая степень, получаемая по окончании полного курса обучения цанниду, т. е. богословию, в буддийском монастыре.

Дарга, даргуй, даргун (*монг.* дарга) — начальник.

Джонон (*монг.* жонон) — высшая степень княжеского достоинства, главнокомандующий, наследный принц.

Дзайсан (*монг.* зайсан) — должностное звание чиновника, управитель отока, глава рода, а также название монастырской должности.

Дзангин, цзангин (*монг.* занги) — низшее должностное звание чиновника, управитель сомона, утрона, в войсках — командир эскадрона.

Дзалан, цзалан (*монг.* залан) — управляющий хошуном, командир полка.

Дзам (*монг.* зам) — дорога.

Дзанчин, джанчин (*монг.* жанжин) — военачальник, генерал, главнокомандующий, полководец.

Дзаргачи **(***монг.* заргач(ин)**)** — судебный исполнитель, судья.

Дзасак (*монг.* засаг) — владетельный князь, правитель хошуна в Монголии.

Дзахиракчи (*монг.* захирагч) — управляющий, распорядитель, один из пяти главных хошунных чиновников после туслагчи, командующий в войсках.

Дзэрэн (*монг.* зэрэн) — горная антилопа.

Дзяньдзюн (*кит.*) — чиновник, инспектор войск, военачальник = дзанчин.

Дуйдзы (*кит.*) — выполненные каллиграфическим почерком надписи, вывешиваемые в частных домах и присутственных местах.

Дэл (*монг.* дээл) — монгольская верхняя одежда в виде халата, шубы, тулупа.

Дэрэсу (*монг.* дэрс) — ковыль.

Жи (*кит.*) — участок земли.

Кан (*кит.*) — печь, используемая для приготовления пищи и обогрева жилья.

Канфа (*кит.*) — шелковая тонкая китайская ткань.

Кара кун (*монг.* хар хүн) — простолюдин.

Кебей, кэбэй (*монг.* гэвгүй) — блюститель порядка во время богослужения в монастыре, благочинный.

Китат яра (*монг.* хятад яр) — китайская язва, сифилис.

Кундуй, хундуй (*кит.*) — чиновник.

Курдэ, хурдэ **(***монг.* хүрд(эн)**)** — молитвенный цилиндр, часть культового реквизита.

Лама (*монг.* лам) — буддийский священнослужитель.

Лан (*кит.* лян) — мера веса, равная 37,3 г, а также китайская денежная единица в Юго-Восточной и Центральной Азии. Серебряные слитки (ямбы), вес которых измерялся в лянах, служили в Средневековье валютой.

Ли (*кит.*) — мера длины.

Лифанюань (*кит.*) — Палата внешних сношений в Пекине.

Лун, лу (*монг.* луу) — дракон, дух водной стихии.

Мани (*монг.* маань) — молитва.

Маржан (*сибирск.*) — коралл.

Мейрен, мэйрэн (*монг.* мээрэн) — воинское звание командира соединения, владетельный князь.

Мейрен-дзанги, мэйрэн цзанги (*монг.* мээрэн занги) — помощник командира знаменного корпуса.

Мой фын ча (*кит.*) — цветочный чай.

Мэргэн-ван (*кит.*) — владетельный князь.

Намчжир (*монг.* намжир) — накидка ламы в виде куска материи, перекинутой через левое плечо и пропущенной под правую руку.

Ноин-хутукту, см.: хутухта.

Нор (*монг.* нуур) — озеро.

Обо (*монг.* овоо) — священная насыпь на дорогах с воткнутым посередине шестом, символизирующим мировой столб, жертвенное место.

Ордо (*монг.* орд(он)) — дворец.

Оток (*монг.* отог) — административная единица в средневековой Монголии, род, клан.

Рабджун (*монг.* равжун) — 12-летний цикл.

Рапчжамба (*монг.* равжимба, равжамба, букв. с *тиб.*: весьма милосердный) — ученая степень в цаннидских, т. е. богословских, школах при буддийских монастырях.

Римпоче, римбоче (*тиб.*, букв.: ‘драгоценность’) — настоятель монастыря, часто прибавляется к именам высших иерархов буддийской церкви, реинкарнатов.

Сарамба (возможно, цограмба) — ученая степень буддийских монахов.

Синшу (*кит.*) — липовое дерево.

Солоны — монгольское племя на юге Монголии.

Сомон, сомун (*монг.* сум) — низовая территориально-административная единица Монголии, подразделение хошуна.

Субурга (*монг.* суврага, субурган) — надгробная пирамида, реликварий, символ трехчастного устройства Вселенной.

Сули (*монг.* сул) — свободный, незаселенный.

Сумэ (*монг.* сүм) — храм, кумирня, капище.

Сунниты — монгольское племя на юге Монголии.

Тайджи, тайчжи (*монг.* тайж) — дворянин, владетельный феодал. Во время Юаньской монгольской династии этот титул носили сыновья монгольских ханов.

Тарни (*монг.* тарни) — мистическое заклинание.

Тахил (*монг.* тахил) — жертвоприношение.

Теригун (*монг.* тэргүүн) — первый.

Турул (*монг.* төрөл) — родственники, род, рождение.

Тусалакчий, тусалакчи (*монг.* туслагч) — помощник управляющего хошуном.

Тымэ (*монг.* тэмээ) — верблюд.

Тянь-ван — верховный священнослужитель в Японии.

Узумчин — монгольское племя на юге Монголии.

Ула (*монг.* уул) — гора.

Уртон (*монг.* өртөө) — станция.

Фуза (*кит.*) — лавка.

Фуинь (*кит.*) — чиновник, градоначальник при маньчжурах.

Фусингэ (*кит.*) — чиновник при маньчжурах.

Хадак (*монг.* хадаг) — кусок материи с благожелательной символикой.

Халгачий (от *монг.* хаалгач) — привратник, стражник, сторож у ворот.

Халхасы, халхи — монгольское племя, основное население центра Монголии, называемого Халхой.

Хамбу, хамбо (*монг.* хамба) — настоятель крупного монастыря.

Хатан (*монг.* хатан) — ханша.

Ховарак (*монг.* хувараг, хувраг) — ученик ламы, послушник в буддийском монастыре, монах.

Хочит (*монг.* хошууд) — название одного из ойратских племен.

Хашаа (*монг.* хашаа(н)) — двор, загон, изгородь.
Хошун (*монг.* хошуу(н)) — административно-территориальная единица Средней Монголии.
Хубилган (*монг.* хувилгаан) — перерожденец, живое воплощение будды, Бодхисаттвы.
Худак (*монг.* худаг) — колодец.
Худжир (*монг.* хужир) — солончак.
Хуик хун (*монг.* хуяг хүн, букв.: ‘человек с колчаном’) — воин.
Хутухта, хутухту, хутукта, хутугта (*монг.* хутагт) — букв.: ‘исполненный святости’; высший сан буддийского духовенства, который давался перерождениям. На начальном этапе распространения буддизма в Монголии этот титул могли получать и светские феодалы.
Цахары, чахары — монгольское племя на юге Монголии.
Цзалан, см.: дзалан.
Цзангин, см.: дзангин.
Цзасак, см.: дзасак
Цзахиракчи, см.: дзахиракчи.
Цзерен, см.: дзэрэн.
Цзун, дзун (*монг.* зүү) — драгоценность.
Цецен (*монг.* цэцэн) — святой, мудрый.
Цин-ван, чин-ван — китайский великий князь первой княжеской степени.
Цин — китайская денежная единица.
Цинь-юй (*япон.*) — яшма.
Ча (*кит.*) — чай.
Чен-сян (*япон.*) — помощник верховного жреца.
Чех, чох — китайская медная монета.
Чжеу — область в Японии.
Чжундба = жун-ван — китайский князь второй степени.
Чин — мера веса: 100 чинов = 3 пуда 25 фунтов; монета, имевшая хождение в период правления Цинской династии (1644–1911).
Чох, см.: чех.
Чуфынцзы (*кит.* чуфэнцзы) — общая касса на расходы.
Шандзадба (*монг.* шанзав) — казначей, одна из высших должностей в монастыре.
Шигемунианцы — последователи будды Шакьямуни.
Шэн (*кит.*) — господин.
Ямун, ямунь (*монг.* яам(ан)) — министерство, управление, учреждение.

Указатель географических названий

Агу Удэ — урочище.
Алтаган — урочище.
Аманэй Усу — урочище.
Амбань Бэйсэ хошун — административная единица, хошун.
Амей — падь.
Амур — река.
Амур Баясхуланту — монастырь.
Ангули-нор — озеро.
Арагшан — озеро.
Ара Худук — долина.
Арашанту — ручей.
Аргали, Аргалинские горы — горный хребет.
Ару Удэ — горы, урочище.
Аца — горный хребет.
Бага-ула — гора.
Бага Хоримту — гора.
Бадагар Чойлан-сумэ — кумирня.
Бадалин — перешеек.
Бадир-дзасак — административная единица.
Баин — цепь гор.
Баин Арик — горный хребет.
Баин Будару — горный хребет.
Баин-гол — река.
Баин Дзурик — горный хребет.
Баин-сумэ — город.
Баин Хара — гора.
Баин Цокту = Баин Ула — гора.
Байздуна — провинция.
Байкал — озеро.
Байсхулан — урочище.
Баоань — город.
Барун Минган — станция.
Барун-суннитский хошун — административная единица, хошун.
Барчик-ула — гора.
Батхай — урочище.
Белый Обо, см.: Цаган Обо.
Берке — гора.
Билгихэ — урочище.
Билуту Обо — холм.
Бокдо-ула, Оцул-ула, Очул-ула, Оцо — гора.
Боли-го — японское княжество.

Болон Сучжи, Онгоца — урочище.
Большая Бухария — государство.
Боргио — равнина.
Боро — равнина.
Боро-гол, Бора-гол — речка.
Борольджи — равнина.
Борчжин-хит — кумирня.
Босогонь — высота.
Бударуйн-булак — колодец.
Бумбату — город.
Бура — речка.
Бурин Хан-ула — гора.
Бургултай — урочище, речка.
Бургултэй — гора.
Бусэйн Чоло — горный хребет.
Буха — горный хребет, урочище.
Бухайн Му Усу — колодец.
Буху-го — японское княжество.
Бэйкэучень, см.: Чадао.
Бэйтэй — гора.
Вейну-го — название Японии в китайских летописях.
Вейу-го — японское княжество.
Восточнейшее государство, см.: Япония.
Восточное море.
Восточный океан.
Вэйну-го, см.: Япония.
Ганг — урочище.
Ганчжур-сумэ — кумирня.
Гаоли-го, см.: Корея.
Гашбату, Элэсуту — урочище.
Гашун — станция.
Гоби, Шамо — степь.
Голту-нуру — горный хребет.
Гомбо-сумэ — монастырь.
Гуань-гэу — ущелье.
Гуй-го — японское княжество.
Гулишара, Гули шара, Гульшара — административная единица, хошун.
Гульулан — административная единица, хошун.
Гунджа дзам — дорога.
Гундун — город.
Гунтуй — гора.
Гунтуйский хребет.
Гунчен-го — японское княжество.
Гунчжурский хребет.
Гурбун Урту Нуру — два горных хребта.
Гэдзыгэйн Гашунь — урочище.
Гэнтэйский хребет — горный хребет.
Гэр Чоло — равнина.
Дабату — высота.
Дабусуту — долина.
Далинхо — река.
Дарасуту — гора.
Дари — урочище.
Дари Ганга — административная единица, хошун.
Дархан — гора.
Дархан-ула — гора.
Дашиин Чил — местность.
Дашилун — кумирня.
Даши Чинронгун — кумирня.
Делдгер Цанзц — долина.
Джаньдзякэу — город.
Джаосян, см.: Корея.
Дзабун — горный хребет.
Дзабчир даба — холм.
Дзала-ула — гора.
Дзамэйн-булак — ручей.
Дзамэйн Мэльдэнь — гора.
Дзамэйн Улан Худук — урочище.
Дзамэйн Усу — урочище.
Дзамэйн Шанда — лощина, равнина.
Дзангут — озеро.
Дзиминь-и — город.
Дзулгэту — колодец.
Дзун Минган — священная насыпь.
Длинная Белая Гора, см.: Синьяньские горы.
Долоннор — город.
Дугуй-нор, Улан-нор — озеро.
Дуйсу-го — японское княжество.
Думда Хаджу — урочище.
Дунбали — крепость.
Дуньхуансы — монастырь.
Дурбан Дэрэту — урочище.
Дурбан кэукэт — административная единица, хошун.
Дурбульджин Дзуйха — горы.
Дурма — станция.
Дурмейн Элесу — высота.
Дуту-нор, Дуту озеро — озеро.
Дэл — увал.
Дэнджийн Ширэ, см.: Нарату.
Дэрэсун Усу — урочище.
Екэ Хонгор — горный хребет.
Екэ Хоримту, Угумэр — гора.
Желтое море Ибения, см.: Япония.
Ибицэк — урочище.
Индия — государство.
Иньсе-го — японское княжество.
Иро — река.
Ихэ Эрдэни — холм.
Калган, Халган, Холган — город.
Кара-гол — река Китай — государство.
Корея, Гаоли-го, Джао-сян — государство.
Красное озеро, см.: Улан-нор.

Куботу Улан — административная единица, хошун.
Кубошара, Кубошары, Кубо-шара — административная единица, хошун.
Куй — река, ручей.
Куй-Мандал — урочище.
Куйну-го — японское княжество.
Куйт Гол, Куйтун-гол — река.
Куйтун — горный хребет.
Куйтун Шебету Шил — горный хребет.
Куку Дэрэсу — урочище.
Куку-нор — озеро.
Кукэ Хадайн-даба — горный хребет.
Кул Хутук, Кул Худук — урочище.
Курдэту — горный хребет.
Курень — монастырь.
Кутул — озеро; гора.
Куюха — город.
Кэнтэй — гора.
Кяхта — город.
Лабаран — местность, монастырь.
Маймай-хото, Маймайчен — город.
Малая Бухария — государство.
Мангатай, Мангадай — горный хребет.
Маниту — гора.
Манхайту = Мангатай — гора.
Маньчжурия — государство.
Мину-го — японское княжество.
Много Колодцев, см.: Олон Хутук.
Могойн-даба — горный хребет.
Могойту — урочище, долина.
Модо Шарден — колодец.
Мойхал — горный хребет.
Мукден — город.
Мунку Чжу — название Тибета.
Мэргэн-вана-хошун — административная единица, хошун.
Налайху — станция, урочище.
Нанькэу — крепость.
Нарада — гора.
Нарату, Дэнджийн ширэ — горный хребет, высота.
Нарин Мохой — река.
Нингута — провинция.
Ного-ниру — горный хребет.
Ноин-ула — гора.
Номту — урочище.
Ноныр — река.
Нордян — деревня.
Олон Байшин — станция.
Олон Обо — долина.
Олон Хутук, Много Колодцев — станция.
Онгон — горный хребет.
Онгоца, см.: Болон Сучжи.
Онон — река.
Ордос — урочище.
Оркиого — колодец.
Оросха — долина.
Орхон — река.
Оцул-ула, Очул-ула, Оцо, см.: Бокдо-ула.
Пекин — город.
Персия — государство.
Пинян — корейская провинция.
Пяти Драконов гора.
Сайн Тушету — гора.
Сайн Усу — станция.
Сансар-ула — гора.
Селенга — река.
Сема-го — японское княжество.
Сематай-го — японское княжество.
Серен, Сэрэн — горный хребет.
Сианхуань-фу, Сианьхуань, Синин-ху — город.
Синхан дабахан, Синхайский хребет — горный хребет.
Синьяньские горы, Синь-яньские горы, Чаньбий — Длинная Белая гора.
Сихуан-сы — монастырь.
Собок — горный хребет.
Сойран-сумэ — кумирня.
Суджа — станция.
Суджи-сумэ — капище.
Суннитские кочевья.
Суну-го — японское княжество.
Сыма-го — японское княжество.
Сычуан, Сычуанская губерния.
Сэльби — ручей.
Сэнджи — станция.
Сэрэн, Серен — горный хребет.
Сюаньхуафу — город.
Табун Тологой — холм.
Табун-ула, Эмчи Табун Хоро — гора.
Такильгат — высота.
Талайн Ирмык — степь.
Тальбюрь — станция.
Тамчи Тала — равнина.
Того — равнина.
Тогойтуйн-сумэ — капище.
Тола, Тула — река.
Толай-сумэ — равнина.
Тормус — лощина.
Троицкосавск — город.
Тугурик — урочище.
Тула, см.: Тола.
Тулга — станция, долина.
Тулукэй — гора.
Тумунэй — хребет.

Тумэу — город.
Турция — государство.
Тушету-хана аймак — административная единица.
Тэк — горная высота.
Тэскэту — гора.
Тянчжу — княжество в Восточной Индии.
Убур Удэ, Южные Ворота — станция, урочище.
Угумэр, см.: Екэ Хоримту.
Удзур — горная высота.
Удэ — станция, горный хребет.
Уечжинган Шил — песчаный хребет.
Уит — озеро.
Уйдзын — ложбина, колодец.
Улан Будургуна — станция.
Улан Даба — равнина, горный хребет.
Улан-нор, Красное озеро — озеро.
Улан Тологой — урочище, горный хребет.
Улан Турум — долины.
Улан Хада — горный хребет.
Улан Худугэин Кирэ — горная высота.
Улан Худук — урочище.
Улан Чикиту — урочище.
Улясутай — город.
Умбэй, Хая — урочище.
Ундзу-ул — горный хребет.
Ундур Ару — горный хребет, станция.
Ургa — город.
Ургун — мыс.
Ургун-нуру — гора.
Уту-нуру — гора.
Урукэту — гора.
Усури, Уссури — река.
Усыдзан, см.: Тибет.
Утай — гора.
Уха-нуру — горный хребет.
Ушийн Чоло — гора.
Ушки — гора.
Хара-балгасун, Хара-балгасен, Хара-балгасу — город.
Хабхату — урочище.
Хабцага Гол — равнина.
Хабцагай Богочи — утес.
Хабцагалог — долина.
Хабцал — гора.
Хадайн Хошу — колодец.
Хадайн Худук — урочище.
Хайласуту — урочище.
Хак — горный хребет.
Халган, см.: Калган.
Халха — местность.
Хамарэин Улан Обо — гора.
Хангир Обо — кумирня.
Хан-ула — гора.
Ханэй Ширэ — горная высота.
Хаоцзиду-го — японское княжество.
Хара-гол — река.
Хара Тологой — урочище.
Харангуй — урочище.
Хара Обо — долина.
Харатуин Сучжи — урочище.
Хардал-бэйсэ хошун — административная единица, хошун.
Хардал-дзасака хошун — административная единица, хошун.
Хашату — урочище, озеро, станция.
Хашун — урочище.
Хая, см.: Умбэй.
Хобор — станция, озеро.
Хододойн Чоло — горный хребет.
Хододу — урочище.
Холган, см.: Калган.
Холой — урочище.
Холойн Элесу — песчаный хребет.
Хонгор Обо — горный хребет, горная высота.
Хоргайн-ула — гора.
Хоргойн-сумэ — монастырь.
Хоримту — урочище.
Хорин Обо, см.: Шабарту.
Хорога — долина, урочище.
Хорту — горный хребет.
Хорту Хадайн Худук — урочище.
Хошу — косогор.
Хуайлай, Хуай Лай-сян, Хуайлайсяно — город.
Хуансы, Хунцал — станция, урочище, город.
Хуану-го — японское княжество.
Хуанхай — провинция.
Хуанхэ — река.
Хугуаньская губерния.
Худжир Усу — станция, озеро.
Худукту — озеро.
Хун-го — японское княжество.
Хунтун — река.
Хутул Баясхуланту — монастырь.
Хунцал — станция.
Цаган-балгасун, Цаган-болгасу, Цаган-балгасу — город.
Цаган-даба — гора.
Цаган Дала — цепь гор.
Цаган Обо, Белый Обо — капище, местность, холмы.
Цаган Токой — урочище.

Цаган Тологой — гора.
Цаган Тугурикийн-дзам — дорога.
Цаган Худугэйн-нор — озеро.
Цаган Цзан — гора.
Цайдам — равнина.
Цапчир — колодец.
Цасуту — гора.
Цахилдак — урочище.
Цзамеин-нур — озеро.
Цзамеин Усу — урочище.
Цзанчир-нуру — горный хребет.
Цзену-го — японское княжество.
Цзибочжи-го — японское княжество.
Цзинцзи — город.
Цзиринула — провинция.
Цзуанло — провинция.
Цзун-вана хошун — административная единица, хошун.
Цзун Сучжи — станция.
Цзымын, Цзиминь — крепость.
Цзэмэин Гашун — равнина.
Цзюйюнь, Цзюйюн — крепость.
Цзюньчжи-го — японское княжество.
Цзяннян — китайская провинция.
Цзянцзин — корейская провинция.
Цзянюань — корейская провинция.
Цинхе — деревня.
Циньцзинхуа-миао — монастырь.
Цичагар — город.
Цэцэнханов аймак — административная единица, аймак.
Чадао, Бэйкэучень — крепость.
Чань-бий, см.: Синьяньские горы.
Чжанцзакэу — город.
Чжанцин — корейская провинция.
Чжецзян — китайская провинция.
Чживей-го — японское княжество.
Чжилинская губерния.
Чжиргаланту — станция.
Чжунго, см.: Китай.
Чинчик — ключ.
Чиньбий, см.: Синьяньские горы.
Чолон Онгоца — равнина.
Чолотэй-дзам — дорога.
Чолотэйн-сумэ — капище.
Чуанькэу — крепость.
Чули Цаган — административная единица, хошун.
Шабартай — лощина.
Шабарту, Хорин Обо — горный хребет.
Шамо, см.: Гоби.
Шанту Даба — урочище.
Шаньгуань — крепость.
Шанхайская застава.
Шара Будургуна — станция.
Шарабдзан — кумирня.
Шара-гол — река.
Шара-хада — гора.
Шара Шороту — станция
Шарбук — озеро
Шахэ, Шахэсянь — город.
Шачень — город.
Шебету Шин — горный хребет.
Шеньцзин — город.
Шилийн Худук — урочище.
Шилин-гол — река.
Шинэ Усу — равнина.
Шир — гора.
Ширгун — высота.
Ширдыкту — горный хребет.
Ширэ Усугэчи — холмы.
Элесуту, см.: Гашбату.
Элигэн — лощина.
Эмчи Табун Хоро, Эмч Табун Хоро — гора.
Энхэ Амаголан — кумирня.
Эрга, Эргэ — урочище.
Эрдэм Обо — гора.
Эрдэни-ула — гора.
Эрэйн Дабусуту-нур — озеро.
Эрэн — река.
Эрэнь Доргия — административная единица, хошун.
Южные Ворота, см.: Убур Удэ.
Юйлинь — крепость.
Юнхогун, Юнхэгун — монастырь.
Ян, Яньхэ — река.
Япония, Восточнейшее государство, Вэйну-го, Ибения — государство.

SUMMARY

Osip (Joseph) Mikhailovich Kovalevsky (*Polish* Józef Szczepan Kowalewski (28 December, 1800 / 9 January, 1801 — 26 October / 7 November, 1878), a Russian scholar and educator of Polish descent, philologist and antiquity researcher, expert on Mongolian culture and Buddhism, one of the founding fathers of academic Mongolian studies in Russia and Poland. He studied the history, languages, literature and ethnography of Mongolian peoples, is the author of the first dictionaries and study guides for academic research of the Mongolian people and academic works on Buddhism. The first academic work "Information on the life and letters of Longin" was published in 1822.

O. M. Kovalevsky was a Candidate of Kazan University (1820 or 1821). He headed the first in Russia and Europe department of Mongolian in Kazan University (1833–1855). Full Professor (1835–1860) and Dean of the Historical-Philological Faculty (1837–1841, 1845, 1852–1855) of this University, of Warsaw Main School (1862–1869) and Warsaw University (1869–1878). Rector of Kazan University (1855–1860). Corresponding Member of the Petersburg Academy of Sciences for History and Philology of Asian Peoples (from 22.12.1837), Academician in Ordinary (in service, working at a department) — full member of the Academy (from 4.12.1847). Honorary Member of the Asiatic Society in Paris (1839), Full Member of the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University (1840), the Royal Danish Society of Northern Researchers of Antiquity (1844) and the Vilna Archaeographic Commission (1868).

Honorary member of Kazan University (1878). Recipient of the Demidov Prize of 1846 for the three-volumed "Mongolian-Russian-French Dictionary" (1844–1849). Privy Councillor (1872). Translated The Histories by Herodotus, Parallel Lives by Plutarch and The Metamorphoses by Ovid into Polish (1823). Founder of the academic Mongolian studies school. Among his students are such orientalists as D. Banzarov (c. 1822–1855), A. A. Bobrovnikov (1821 or 1822–1865; author of the "Grammar of Mongolian-Kalmyk", the book that was awarded the Demidov Prize), future academician V. P. Vasilyev (1818–1900), G. Gomboev (1818 or 1822–1863), N. I. Zommer (1824–1827) and others.

There are three basic stages in the biography of Kovalevsky — the Vilna stage (1817–1824), the Kazan stage (1824–1862) and the Warsaw stage (1862–1878).

The Vilna Stage (*1817–1824*). In 1817–1820 he studied at the faculty of literature and liberal (fine) arts of Vilna University, specializing in antique Greek and Latin philology. During his studies he became friends with Adam Mickiewicz. Upon his recommendation, in November of 1817 he entered a secret patriotic and educational student Society of philomaths (*Gr.* "lovers of knowledge"). On November 16, 1823 he was arrested on the charge of being a member of a secret society together with A. Mickiewicz. According to the resolution signed by Emperor

Alexander I on August 14th, 1824, he was sentenced to exile in Kazan under special surveillance and was registered as a staff member of Kazan University to study Asian languages. He left Vilna on October 24th and arrived in Kazan on December 25th, 1824.

The Kazan Stage (*1824–1862*). In 1825–1828 he was registered as a Candidate in the Pedagogical Institute of Kazan University. There he studied Tatar, Arabic and Persian. His first teachers of Asian languages at the University were I. I. Khalfin (1778–1829), F. (F. I.) Erdmann (1793–1862) and A. K. (M. M. A.) Kazem-Bek (1802–1870).

Due to the preparations to open the Department of Mongolian philology at the initiative of Rector N. I. Lobachevsky the University Council sent Kovalevsky and A. V. Popov (1808–1865), a future Mongolian and Kalmyk studies expert, to an academic field trip to the Transbaikal area (with the base in Irkutsk) for four years to study Mongolian and procure the necessary literature for academic work and teaching. On May 26, 1828, Kovalevsky set off to Siberia. The travel spanned five long years. During this time, he visited Mongolia, China, Buryatia. Coming back to Kazan in the March of 1833, he presented a report on the results of his travel — he studied the Mongolian language and literature, the history and culture of Mongolian peoples, including Buddhism; he transcribed and translated Mongolian texts, collected Mongolian and Buryatian folklore; he learned the basics of Mandarin Chinese, Tibetan, Sanskrit and Manchurian; he procured Mongolian, Chinese and Tibetan manuscripts and woodcuts for the University library (189 Mongolian and Tibetan treatises in 1433 books, 48 of them hand-written) and 1272 articles of Asian culture (a collection of Chinese, Manchurian, Mongolian and Lama costumes, utensils and art pieces); he prepared the "Mongolian Grammar", the big "Mongolian-Russian Dictionary", translated the epic poem called "The Epic of King Gesar". During his travel, the scholar met the Decembrists in exile.

In the same year it was decided to open a Department of Mongolian in Kazan University. O. M. Kovalevsky became the Head of the Department. Classes started in September of 1835.

In 1855 O. M. Kovalevsky became the Rector of Kazan University. In 1860 he was dismissed from this position due to student uprisings in Kazan University on personal directives from Emperor Alexander II and became a staff member of the Ministry of People's Education.

O. M. Kovalevsky's entire work during the Kazan stage was directed at studying little-researched problems of the history and culture of Mongolian peoples and attracting attention of the academic community to these problems. The fundamental works and study guides developed by him in the sphere of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies were renowned as some of the best scholarly work in the history of the Russian and global Oriental studies. After opening the Faculty of Oriental Languages in Saint Petersburg University in 1855, the Department was moved to the capital. Its first Head was A. V. Popov (currently it is the Department of Mongolian and Tibetan Studies of the Faculty of Asian and African Studies of Saint Petersburg State University.

The Warsaw Stage (*1862–1878*). IN 1862 he moved to Warsaw, taking all his library and archive with him, including the six-volume description of Buryatia, Mongolia and China, with the intention of publishing these materials. He took the position of the Dean of Historical-Philological Faculty of the Warsaw Main School (which replaced the University, discontinued in 1831).

In 1863, as a result of the Polish uprising, 11 out of 14 volumes of the expedition diary of 1829–1833 were tragically lost. The same happened to the materials on the history of Catholic missions in China, a significant part of the personal correspondence, lectures on the history of the Ancient East, translations of books on the history of Buddhism and Ghengis Khan from Mongolian. This became the reason for his refusal to do any more Oriental research. In the Main School he delivered lectures on the history of the Ancient East (including China, India and Persia) and Greece, and for upper-year students he taught early modern history.

In 1878 Warsaw University celebrated the 50th anniversary of O. M. Kovalevsky's academic work, considering his travel to Buryatia, Mongolia and China, when he was awarded a diploma of honorary membership in Kazan University, to be its beginning.

In Kazan Kovalevsky married a Russian woman named Anna, of Orthodox Christian faith. Their children considered themselves Orthodox Christians. The two elder sons became famous: Nikolai Osipovich (1840–1891), physiologist, Doctor of Medicine, Professor, Rector of Kazan University in 1880–1882, Pavel Osipovich (1843–1903), painter of battle scenes, academician of fine arts, Professor of the Arts Academy. Except the sons, Kovalevsky also had a daughter named Maria. Kovalevsky was a polyglot: except his native tongue, Polish, he also spoke Russian, Latin, Ancient Greek, English, French, German, Tatar, Arabic, Persian and Mongolian.

O. M. Kovalevsky died on October 26th (November 7th), 1878, in Warsaw University (Poland, a part of the Russian Empire at that moment), within a few minutes before the start of a lecture. His funeral took place on October 31st at the Powązki Cemetery in Warsaw. After one year, his son Pavel Osipovich visited the grave of his father and erected the currently existing monument with the following engravement: "Here lies Józef Kowalewski, privy councillor and former Dean and Professor of Imperial Warsaw University, famous orientalist, in loving memory".

In 1833 Kovalevsky's widow handed over all of her late husband's papers to the library of Vilna University. The unpublished handwritten legacy of the scholar is mostly kept in the library of Vilnius University (Lithuania), Saint Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archive, the archive of the Institute of Oriental Manuscripts (Saint Petersburg) and the State Archive of the Republic of Tatarstan (Kazan), as well as the archives of Moscow, Irkutsk and Warsaw. Most handwritten books brought by Kovalevsky from Buryatia, Mongolia and China are stored in the manuscript fund of the library of the Faculty of Asian and African Studies of Saint Petersburg State University. The largest unpublished work that has been preserved as a manuscript is "The History of Mongols". Kovalevsky's "Mongolian-Russian-French Dictionary", published by him in the mid-19th century, even in the 21st century remains the most complete collection of Mongolian words and expressions and is widely used by contemporary experts. Kovalevsky's main work on Buddhism is "Buddhist Cosmology" (1837).

Books, woodcuts and manuscripts of the peoples of Eastern Asia that were collected by O. M. Kovalevsky and A. V. Popov during their travels became an important source base for Oriental studies in Kazan and Saint Petersburg Universities. The "Catalogue of Sanskrit, Mongolian, Tibetan, Manchurian and Chinese Books and Manuscripts..." has left a mark in the history of the world's Oriental studies.

Список основных трудов О. М. Ковалевского

Ковалевский О. М. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся. Казань, 1834.

Ковалевский О. М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.

Ковалевский О. М. Монгольская хрестоматия: в 2 т. Казань, 1836–1837.

Ковалевский О. М. Буддийская космология. Казань, 1837.

Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь: в 3 т. Казань, 1844–1849.

Труды О. М. Ковалевского, опубликованные в «Казанском Вестнике», «Ученых записках Казанского университета» и отдельными изданиями в 1829–1842 годах

Ковалевский О. М. Поездка из Иркутска в Ургу // Каз. Вестник. 1929. Ч. 26, кн. 5. С. 4–34.

Ковалевский О. М. О Забайкальских бурятах // Каз. Вестник. 1829. Ч. 26, кн. 7. С. 230–245; 1830. Ч. 28, кн. 1. С. 66–88; кн. 2. С. 146–157; кн. 3. С. 283–301.

Ковалевский О. М. Монгольский отшельник // Каз. Вестник. 1832. Ч. 34, кн. 4. С. 363–377.

Ковалевский О. М. Содержание монгольской книги под заглавием «Море притч» // Учен. зап. Каз. ун-та. 1834. Кн. 1. С. 134–162; Кн. 2. С. 236–259.

Ковалевский О. М. О приобретениях восточных книг и рукописей для библиотеки Казанского университета // Учен. зап. Каз. ун-та. 1834. Кн. 2. С. 260–262.

Ковалевский О. М. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Императорского Казанского университета хранящимся // Учен. зап. Каз. ун-та. Казань, 1834. С. 263–299.

Ковалевский О. М. Буддийская космология // Учен. зап. Каз. ун-та. 1835. Кн. 2. С. 373–427; Кн. 4. С. 217–289; 1837. Кн. 1. С. 98–135.

Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Казанского университета. Казань, 1837. 15 с.

Ковалевский О. М. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842.

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург
АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
БГУ — Бурятский государственный университет, Улан-Удэ
ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятии, Улан-Удэ
ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан, Казань
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН, Москва
ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург
КФУ — Казанский федеральный университет, Казань
РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.
СПбГАСУ — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Список использованных интернет-источников

Валеев Р. Из книги «Ректоры Казанского университета» // Казанские истории: Культурно-просветительная газета. URL: http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsakh/zhzl-kazanskaya-seriya/755-152 (дата обращения: 30.03.2020)

Валеев Р. М. Профессор Ковалевский (Kowalewski) О. М. (Jozef) — монголовед и путешественник. URL: http://old.kpfu.ru/f16/bin_files/om_koval!4.rtf (дата обращения: 30.03.2020)

История казанского востоковедения // Официальный сайт Казанского университета. http://kpfu.ru/institutes/institut-vostokovedeniya-i-mezhdunarodnyh/uznat-bolshe-ob-institute/istoriya, http://kpfu.ru/shkola-vostokovedeniya_109024.html URL: (дата обращения: 30.03.2020)

Казанские истории. URL: http://history-kazan.ru/14431-pereves-slishkom-uzh-zametnyj (дата обращения: 30.03.2020)

Официальный сайт восточного факультета СПбГУ. URL: http://orient.spbu.ru/department/subdepartments/department-of-mongolian-and-tibetan-studies/ (дата обращения: 30.03.2020)

Полянская О. Н. Вклад профессора О. М. Ковалевского в изучение истории и культуры монголоязычных народов Центральной Азии, I-я половина XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001. URL: http://www.dissercat.com/content/vklad-professora-o-m-kovalevskogo-v-izuchenie-istorii-i-kultury-mongoloyazychnykh-narodov-ts (дата обращения: 30.03.2020)

Полянская О. Н. Роль российского государства в научном изучении Центрально-Азиатского региона в первой половине XIX века // Официальный сайт Института истории СО РАН). URL: http://history.nsc.ru/25_26_09_19.htm (дата обращения: 30.03.2020)

http://ru.cyclopaedia.net/wiki/Ковалевский,_Иосиф_Михайлович

Руниверс: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона; Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова; Большая советская энциклопедия. URL: http://www.runivers.ru/lib/authors/author142145/ (дата обращения: 30.03.2020)

Энциклопедический словарь. 2009. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/78955/КОВАЛЕВСКИЙ (дата обращения: 30.03.2020)

http://200ksu.ru/2013/08/ковалевский-иосиф-михайлович/

http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/7102/Ковалевский

http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/96387/Ковалевский

https://ru.wikipedia.org/wiki/Ковалевский,_Осип_Михайлович (Википедия)

Об авторах

Валеев Рамиль Миргасимович — доктор исторических наук, ФБГУ К(П)ФУ. Казань (valeev2006@inbox.ru).

Жуков Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, СПбГАСУ. Санкт-Петербург (gratis@inbox.ru).

Кульганек Ирина Владимировна — доктор филологических наук, ИВР РАН. Санкт-Петербург (kulgan@inbox.ru).

Мартынов Дмитрий Евгеньевич — доктор исторических наук, ФБГУ К(П)ФУ. Казань (dmitrymartynov80@mail.ru).

Полянская Оксана Николаевна — кандидат исторических наук, БГУ. Улан-Удэ (polgrab@mail.ru).

Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков,
И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская

БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКОВЕДА О. М. КОВАЛЕВСКОГО
(*по материалам архивов и рукописных фондов*)

Научное издание

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: http://www.pvost.org

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*
Дизайн обложки — *Р. В. Кашин*

Подписано в печать 27.05.2020. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 27,5 печ. л. + 2 печ. л. цв. вкл.
Тираж 500 экз. Заказ №

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, Днепропетровская ул., д. 8, офис 14
web-site: www.litobook.ru
e-mail: info@litobook.ru